

М.В. ВОРОБЬЕВ

ЧЖУРЧЖЭНИ
И ГОСУДАРСТВО
ЦЗИНЬ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. В. ВОРОБЬЕВ

ЧЖУРЧЖЭНИ
И ГОСУДАРСТВО
ЦЗИНЬ
(X в.—1234 г.)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1975

9(М) 1

В75

Ответственный редактор

С. А. ШКОЛЯР

В книге рассмотрены вопросы происхождения чжурчжэньского этноса, многие стороны политической истории, общественной организации, хозяйственной жизни до и после образования империи Цзинь, взаимоотношения чжурчжэней с другими народами империи и с окружающим миром.

В $\frac{10603-166}{013(02)-75}$ 98-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

Без преувеличения можно сказать, что чжурчжэни принадлежат к числу тех народов, чья известность далеко уступает их роли в истории. Довольно ясно их место в политической истории Дальнего Востока. Созданное ими государство Цзинь (по-чжурчжэньски Аньчун) 119 лет (1115—1234) существовало на обширных пространствах Приморья, Маньчжурии, Восточной Монголии, Северного и Центрального Китая, а события такого рода прочно запечатлеваются в истории, так как являются абсолютно конкретным фактором, нуждающимся лишь в фиксации... да еще, пожалуй, в сохранности этой фиксации. Впрочем, успехи чжурчжэней подверглись присвоению благодаря непревзойденному методу, столетиями разрабатываемому китайскими учеными. В русло китайской истории с неизменной последовательностью вводилось все, что происходило в китайской и околочитайской ойкумене, независимо от того, осуществлялось ли это в Китае, для Китая, против Китая или в связи с Китаем. Китайцы считали себя единственными распорядителями мира: для них — всего, для нас — дальневосточного. В итоге такой метод привел к потрясающим результатам. По временной аберации история сохранила все важное, значительное, громкое. Китайская история, богатая сама по себе, оказалась до отказа насыщенной великими деятелями и грандиозными открытиями. Киданьское государство Ляо (916—1125) и чжурчжэньское Цзинь завоевали значительную часть Китая, а монгольская династия Юань (1280—1367) — весь Китай, и эти государства и династии, и все ими сделанное официально включены китайскими историками в фонд истории Китая. Но здесь хоть не забыты иноземные корни этих династий: слишком громко заявили они о себе на китайской арене,

а так ли широко известно тобаское или сяньбийское происхождение династии Северная Вэй (386—534), тюркютская национальность создателей династии Тан (618—907) — «китайской из китайских»? И если такое могло произойти в области политической истории, где события и факты явственны, как и их принадлежность, то в мире культурной истории Китая едва ли не безвозвратно растворились бесчисленные вклады многих некитайских народов и государств.

Аналогичная судьба постигла и чжурчжэней. Даже строительство обширной империи, позабыть которое оказалось невозможно, сквозь призму китайских исторических трудов выглядит сильно обедненным: не то очередной сменой династии, мало что менявшей в развитии китайского (опять же!) общества, не то нашествием и повальным грабежом богатой и культурной страны — Китая.

Разумеется, мы далеки от мысли подобными аргументами намекать на необъективность, пристрастие или даже фальсификаторские тенденции китайских историков, древних и современных. Для любого китайского историка-патриота чжурчжэни были прежде всего завоевателями, захватчиками, и наивно было бы требовать от этих ученых, чтобы они поднялись «над схваткой» и одинаково равномерно и равнодушно уделяли свое внимание и разгрому, причиненному чжурчжэнями китайцам, и культурному совершенствованию завоевателей в ходе этих войн.

Но если подобная дилемма даже не вставала перед китайскими историками, что не мешало им изучать чжурчжэней, как таковых, то наше положение иное. История тунгусо-маньчжурских народов, деятельность которых неразрывно связана с нашими землями на Дальнем Востоке, является одной из интереснейших страниц, в значительной своей части еще не прочтенной.

Среди этих народов чжурчжэни занимают особое место. В результате ряда исторических причин развитие отдельных племен Приморья, Приамурья и Маньчжурии происходило неравномерно во времени и в пространстве. На отдельных этапах некоторые народности по уровню развития ничем не уступали признанным лидерам — китайцам или корейцам, в то же время другие племена — их современники сильно отставали от них; и так до смены этапа, когда положение менялось.

Еще в первых веках нашей эры здесь сложилось государственное образование Фуюй, но несколько веков разделяет дату его гибели и время появления нового государства — Бохай (712—926), ставшего примером для чжурчжэней. С выходом на арену чжурчжэней открылся качественно новый этап в истории тунгусо-маньчжурской народности.

В X—XIII вв. завершается большой этап развития этих племен, происходит консолидация всех близких по крови родовых и племенных групп в единую этническую общность, возникает государственность со всеми неизменными ее атрибутами и создается самобытного типа культура, достаточно прочная и живучая, чтобы в XIV—XVII вв., т. е. спустя столетия после политического краха в середине XIII в., дать жизнь новой родственной народности и государству и продолжать сохранять свое влияние после гибели и этой маньчжурской государственности и культуры в среде современных нам тунгусо-маньчжуров. Эта ключевая роль чжурчженей в трехтысячелетней истории южных тунгусо-маньчжуров, обитавших в Приамурье, Приморье и Маньчжурии с незапамятных времен и по сие время, когда они уже не являются главным населением этих мест, известна хуже всего. Точнее сказать, сам факт является бесспорным, но полная и подробная картина происходившего еще не написана.

Виною тому много обстоятельств, и в числе их весьма общие, такие, как занятость ученых в соседних областях исследования, более благодарных по материалу и ярких по очевидным результатам, как, например, изучение Собственно Китая. Об этом мы еще будем говорить, здесь же хочется отметить два более конкретных и специфичных обстоятельства. Прежде всего, все эти исторические и этнические процессы по характеру своему не имели видимости конкретных фактов, строго определенных в пространстве и во времени. Средневековая же история признавала в основном факты, а не процессы, т. е. была историей фактологической по сути и политической по характеру. Поэтому процессы такого рода известны нам постольку, поскольку они отразились в каких-то объективно существовавших формах или были отмечены историками как побочные, иллюстративные — в последнем случае не без тенденциозного отбора, так как сущность их шокировала официальных китайских историографов.

Империя Цзинь — многонациональное государство, в котором сами чжурчжэни составляли едва ли 10% всего населения. Но в своей монографии мы не могли уделить равное внимание всем народам этой империи, и прежде всего наиболее многочисленному — китайцам. Это не под силу одному исследователю, не входило в нашу задачу, да и не нужно по существу, так как проблема «китайцы под властью династии Цзинь» нашла отражение во многих работах по общей истории Китая и в еще большем множестве специальных монографий по истории хозяйства, культуры, искусства, науки Китая.

Основное наше внимание сконцентрировано на истории чжурчжэньского общества в период Цзинь. Увязка истории

этого общества с китайским осуществлена нами исходя из следующих соображений: невозможно изолированно рассматривать чжурчжэньское общество на этом этапе, так как такого герметичного общества просто не существовало. Но взаимопроникновение двух (а фактически более чем двух) обществ в разных областях было разным. Там, где такое проникновение (в одном каком-либо или в обоих направлениях) было принципиальным и основным, мы рассматривали проблему в рамках всего цзиньского общества, куда входили и китайцы.

При передаче географических названий, фамилий, имен, наименований должностей, реалий, терминов мы пользовались китайской транскрипцией, даже если известен соответствующий чжурчжэньский эквивалент. Такое предпочтение объясняется скудостью дошедшего до нас чжурчжэньского словаря. В случае принятия чжурчжэньской транскрипции — несомненно заманчивого для исследователя и справедливого в отношении народа, историю которого мы изучаем, — в работе неминуемо возник бы разнобой. Поэтому, оставляя китайскую транскрипцию, мы в скобках даем чжурчжэньскую параллель, если она известна. Некоторое отступление от этого правила пришлось допустить в отношении личных имен и фамилий, прежде всего императорских и царских. Так как их чжурчжэньская транскрипция или параллель уже широко проникли в нашу специальную литературу, мы употребляем их в тексте без оговорок. Необходимое разграничение в случае надобности приведено в указателях.

Требует известных оговорок и употребление географических названий. В Северном и Центральном Китае смена правления немало способствовала изменению географических названий. Кроме того, старая литература, даже официальная, не свободна от употребления названий предшествующих эпох или соседних государств (где такая литература создавалась) при разборе истории Цзинь. Если же такая литература создавалась при последующих династиях (а так чаще всего и было), то в ней широко использовались современные ей географические и территориально-административные понятия. Неофициальные авторы чувствовали себя совершенно свободно в выборе того или иного из многих накопившихся за века названий одного и того же пункта. Даже с помощью специальных справочников в наше время трудно, а иногда и рискованно для сохранности стиля источника цитаты выбрать одно какое-нибудь наименование. Например, в «Цзинь ши» («История Цзинь») часто попадаются такие названия местностей, как Шаньдун, Шаньси, Хэнань и т. п., хотя ни при Сун (960—1279), ни при Цзинь (ни даже при Юань — в момент составления «Цзинь ши») таких территориальных

единиц не существовало. Их употребление чем-то напоминает наши выражения: Орловщина, Поволжье, Кубань. Было бы неверно подменять такие обозначения конкретными цзиньскими или сунскими губерниями, далеко не совпадающими с общими обозначениями. Мы оставили такие обозначения без изменения, приведя приблизительную таблицу их соответствия (табл. 1)¹.

Т а б л и ц а 1

Сравнительная схема губерний в Северном и Центральном Китае

Сун (1120 г.)	Цзинь (вторая половина XII в.)	Обобщенно-традиционные названия
Хэбэйси Хэбэйдун	Чжунду Хэбэйси Хэбэйдун	Хэбэй
Хэдун	Сицзин Даминфу Хэдунбэй Хэдуннань	Шаньси
Цзиндунси Цзиндундун Цзинсибэй Цзинсинань	Шаньдунси Шаньдундун	Шаньдун
Юнсинцюань	Наньцзин	Хэнань
Циньфэн	Фуянь Цзинчжао Циньюань Фэнсян Линьтао	Шэньси
Чэндуфу Тунчуаньфу Личжоу Гуйчжоу Цзинхубэй Цзинси Цзиннань Цзиннаньдун (часть) Хуйнаньси (часть) Хуйнаньси (часть) Хуйнаньдун (часть)		Сычуань Хубэй Цзянси Аньхой Цзянсу

Далее, современный Пекин при Ляо и Цзинь фигурировал едва ли не под десятком названий: Яньцзин, Сицзин, Наньцзин (Южная столица) — при Ляо; Яньшань — в 1122 г. — при Сун; Дасин, Чжунду (Средняя столица) — при Цзинь, причем каждое последующее название в историографии не вытесняло предыдущие, а наслаивалось на них. В та-

¹ При проверке аутентичности географических названий и составлении упомянутой схемы использованы специальные пособия: [Бичурин, 1960; Wright, 1956].

ких случаях мы старались лишь не употреблять названий последующих эпох в качестве единственных и самостоятельных (Пекин). Но на территории Маньчжурии и Монголии в те времена было мало пунктов, сохранивших в литературе названия, поэтому и мы употребляем либо местные (Керулен), либо поздние китайские (Илань).

Употребление названий столичных городов и губерний (например, Южная столица, губерния Южной столицы — Наньцзин) отличается некоторыми особенностями. Поскольку такие названия, отражающие место города в административно-территориальной системе того или иного государства, существовали у всех трех государств: Ляо, Цзинь, Сун — и прилагались попеременно к разным городам и местностям, во всех случаях, когда речь идет о ляоских и сунских пунктах, это оговаривается. Обозначения цзиньских столиц и губерний могут не оговариваться. В тексте употребляется и оригинальное их звучание (Наньцзин) и перевод (Южная столица). В нужных случаях дается указание на собственное название города. В указателе они сведены в одно место.

Автор выражает благодарность К. В. Васильеву, Е. И. Кычанову, Л. Н. Меньшикову за консультации по китайским текстам и М. П. Волковой за помощь в подборе картографического материала.

* * *

История изучения чжурчжэней и государства Цзинь насчитывает уже много столетий и кроме источников имеет на своем счету немало трудов авторов всех национальностей, однако итоговые результаты не только не исчерпывающи — таковых в науке и не бывает, — но даже не могут считаться удовлетворительными.

Далее мы уделим внимание характеристике лишь основных источников, после чего отметим наиболее важные новейшие изыскания. Для удобства рассматриваемые источники можно разделить на три большие группы: 1) посвященные киданям и Ляо и затрагивающие раннюю стадию жизни чжурчжэней; 2) отражающие историю государства Цзинь; 3) общего характера.

К первой группе относятся два источника: «Цидань го чжи» («Записки о государстве киданей») и «Ляо ши» («История Ляо»).

«Цидань го чжи» составлены сунским ученым Е Лун-ли в 1179 г. в 27 цзюанях (главах). Этот труд имеет неофициальный характер, в нем содержится много сведений о быте, культуре киданей и некоторых других народов, в том числе и чжурчжэней (цз. 18, 26). Однако Е Лун-ли пользовался не

столько оригинальными источниками, сколько трудами других сунских писателей. К труду приложена карта киданьских владений — интересный образчик китайской картографии начала XIII в.

«Ляо ши» состоит из 115 цзюаней. Подобно «Цзинь ши» и «Сун ши», она составлялась особым комитетом под председательством То Кэ То, образованным по императорскому указу в 1343 г. На следующий год работа над этой историей была завершена, и в 1345 г. первое издание увидело свет. В основу «Ляо ши» были положены «достоверные записи» («шилу») ежедневных деяний ляоских императоров под редакцией Елюй Яня (1103 г.), незаконченный труд цзиньского автора Чэнь Да-жэня — «Ляо ши» (1207 г.) и «Цидань го чжи».

В «Ляо ши» содержится много ценных сведений по ранней истории чжурчжэней. Маньчжурская версия «Ляо ши» переведена Габеленцем [Gabelentz, 1877]. Большие и важные фрагменты китайского варианта «Ляо ши» перевел на английский язык Фэн Цзя-шэн [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949]. При Цин прибавились дополнения — «Ляо ши ши» («Подборка к „Ляо ши“») и «Ляо ши ши бу» («Дополнение к подборке к „Ляо ши“»).

Вторая группа источников более многочисленна. Она снабдила нас большим материалом по династии Цзинь и ценными данными по раннему периоду чжурчжэней. Много важных источников этой группы создано южносунскими учеными.

«Да Цзинь го чжи» («Записки о государстве Великая Цзинь») составлены Юйвэнь Мао-чжао (в 40 цзюанях). Это неофициальное сочинение, хотя и подверглось при монголах определенной редактуре, содержит много сведений, противоречащих официальной «Цзинь ши» («История Цзинь»), кроме того, более подробно, чем последняя, сообщает о жизни и культуре чжурчжэней. Цзюани группируются в четыре необозначенные части: летописи по типу императорских хроник, но с авторскими комментариями и отступлениями (цз. 1—26), биографии 13 государственных деятелей и 32 деятелей культуры (цз. 27—29), заметки о государствах Чу и Ци, вассальных Цзинь, и о государственной документации (цз. 30—32), разное (цз. 33—40). Последняя часть наиболее интересна для истории культуры чжурчжэней. Краткий перечень разделов цзюаней наглядно иллюстрирует это утверждение: астрономия, география, столицы, императорские мавзолеи и церемониал (цз. 33); флаги и значки, экипажи, одежда, перечень должностей с присваиваемыми им рангами (цз. 34); церемониал, положения о чиновниках и экзаменах (цз. 35); буддизм, даосизм, право, военные положения, облавы (цз. 36); дипломатические документы о сношениях

между Сун и Цзинь (цз. 37); гарнизоны в столицах и губернских городах (цз. 38); природа Маньчжурии, одежда и головные уборы, брак, пища, питье (цз. 39); маршрут Сюй Кан-цзуна, ездившего с посольством в Цзинь (цз. 40).

«Цзинь чжи» («Записки о Цзинь») сунского Юйвэнь Маочжао (в одном цзюане) представляют собой извлечение из «Да Цзинь го чжи», главным образом из цзюаней 36 и 39. «Цзинь чжи» содержат 16 разделов, посвященных происхождению и описанию прародин чжурчженей, их одежде, браку, пище и питью, буддизму, даосизму, праву, амнистиям, военным поселениям, облавам, военным учреждениям, знаменам, жилищам и цвету одежды. «Цзинь чжи» переведены на русский язык В. П. Васильевым [Васильев, 1859]. О связи «Цзинь чжи» с «Да Цзинь го чжи» говорится в особой статье Миками Цугио [Mikami, 1963].

«Да Цзинь дяофа лу» («Записки об успокоении [народа] и о наказаниях [мятежников] при Великой Цзинь») состоят из 4 цзюаней; время создания и авторство их точно неизвестны. По-видимому, сочинение было создано после 1167 г. чжурчженем. Этот источник содержит важный материал по сношениям Сун и Цзинь в первой половине XII в., но главным образом в 1122—1130 гг. В него вошли дипломатическая переписка, грамоты, патенты на чин, сопроводительные к подаркам с перечнем последних и т. п. [Тояма, 1936].

«Сунмо цзивэнь» [«Воспоминания о Сунмо (Сунгари)»] в двух цзюанях — это часть доклада о положении в государстве Цзинь, составленного Хун Хао, который ездил в Цзинь послом от сунского Китая, был там задержан и провел в чжурчженских землях вблизи Верхней столицы чжурчженей (Шанцзина) 15 лет (1129—1143). К сожалению, заметки, которые он вел в Цзинь, сгорели. И тем не менее работа очень ценна обилием интересных и редких наблюдений за жизнью чжурчженей на ранней стадии их государственности. О личности Хун Хао и о значении его труда рассказывает специальная статья Тояма Гундзи [см. Тоуата, 1964, стр. 629—654].

«Ланьпэй лу» («Заметки, сделанные на коне») написаны Фань Чэн-да (в одном цзюане), посетившим Цзинь в 1170 г. в составе сунского посольства. Записки содержат интересные наблюдения о положении в Цзинь.

«Ши Цзинь лу» («Записки о посольстве в Цзинь») в одном цзюане составлены сунским Чэн Чжо, ездившим в Цзинь в 1211 г. поздравлять императора с Новым годом.

«Фэнши синчэн лу» («Заметки о маршруте аккредитованного посла») принадлежат сунскому Сюй Кан-цзуну (в одном цзюане). Сюй Кан-цзун был причислен к посольству, которое в 1125 г. ездило в Цзинь, чтобы поздравить Тай-цзун-

на с воцарением. Посольство проделало большой путь от Кайфына до Верхней столицы чжурчженей. Это было первое китайское посольство, которое попало в Верхнюю столицу. Ценность заметок и определяется главным образом этим обстоятельством. В них много сообщений о положении в Цзинь в первой четверти XII в. Заметки переведены на французский язык Шаванном, этим переводом мы и пользовались [Chavannes, 1898].

«Бэйсин жилу» («Дневник путешествия на Север») составлен южносунским Лоу Яо (в двух цзюанях). Лоу Яо находился в составе китайского посольства, которое в 1169—1170 гг. ездило в Яньцзин (Пекин), и оставил интересные заметки.

«Бэйюань лу» («Записки о северной повозке») составлены южносунским Чжоу Шаном (в одном цзюане). Чжоу Шан сопровождал китайское посольство, которое в 1177 г. отправилось из Линьяня в Яньцзин для принесения поздравления по случаю дня рождения цзиньского императора. Отчет Чжоу Шана интересен непосредственными наблюдениями. Есть французский перевод Э. Шаванна [Pei Yuan Lou, 1904].

«Чжунсин юйу лу» («Записки о противостоянии оскорблениям и о поддержке падающей династии») составлены в двух цзюанях неизвестным автором, по-видимому, китайцем. В записках рассказывается о войне 1161—1164 гг., развязанной Хай-лин-ваном, о героической роли китайского полководца Юй Юнь-вэня, «поддерживавшего падающую династию», и о заключении мира.

«Бэйшоу цзяньвэнь лу» («Записки об увиденном и услышанном во время императорского исхода на Север») принадлежат Цао Сюню (в одном цзюане). В 1127 г. Цао Сюнь сопровождал сунского императора Хуй-цзуна в г. Угочэн — в цзиньский плен. На следующий год он вернулся на родину и составил этот отчет. В нем, как и в следующем аналогичном отчете, много мелких бытовых зарисовок.

«Бэйшоу синлу» («Путевые заметки об императорском исходе на Север») составлены сунским Цай Тяо (в одном цзюане). Последний, как и Цао Сюнь, ездил вместе с императором Хуй-цзуном в чжурчжэньские земли и составил об этом отчет.

«Саньчао бэймэн хуйбянь» («Собрание документов о дипломатических сношениях с Севером при трех императорах [Хуй-цзуне, Цинь-цзуне и Гао-цзуне династии Сун]») составлено Сюй Мэн-синем (псевдоним Шан Лао, 1124—1205). Это сочинение делится на три раздела, включающих 250 цзюаней. Первый — 26 цзюаней — сообщает о событиях 1117—1125 гг., второй — 74 цзюаня — целиком посвящен трагическому для Китая 1126 году и третий — 150 цзюаней — охватывает пе-

риод с 1127 по 1162 г. «Собрание» основано на подлинных документах государственных архивов и содержит ценный материал по культуре и истории чжурчжэней и государства Цзинь. Цзюань 3, целиком посвященный раннему чжурчжэньскому обществу, переведен на русский язык Е. И. Кычановым [Кычанов, 1966; см. также Ch'ên Lê-su, 1936].

«Цзинкан яолу» («Важнейшие заметки о годе правления под девизом Цзин-кан [1126]») в 16 цзюанях написаны неизвестным автором. В заметках подробно описывается чжурчжэньское наступление на Китай, осада и падение Кайфына в 1126 г.

«Синьсы циди лу» («Записки о горестном Цичжоу в год под циклическим знаком синьсы [1221]») Чжао Юй-гуня состоят из одного цзюаня. Автор описывает 25-дневную осаду Цичжоу в период китайско-чжурчжэньской войны, во время которой он находился в городе. Есть перевод Э. Хэйниша, которым мы пользовались [Haenisch, 1944].

«Гуйцянъ чжи» («Записки о возвращении в безвестность») Люй Ци — китайца на цзиньской службе — состоят из одного цзюаня. Записки написаны примерно в 1234 г. Они содержат живые воспоминания автора об осаде и взятии Кайфына монголами. Перевод на немецкий сделан Э. Хэйнишем [Haenisch, 1969].

«[Цзиньго] Нань цянъ лу» («Записки о переносе столицы [государства Цзинь] на юг») цзиньского Чжан Ши-яня состоят из одного цзюаня. Автор излагает события, связанные с мятежом Ай-вана в г. Угочэне и с перенесением столицы чжурчжэней в Кайфын после того, как Яньцзин был осажден монголами в 1214 г.

«Жунань иши» («Позабытые дела Жунаня») написаны юаньским Ван Э (в одном цзюане). Автор был вместе с цзиньским Ай-цзуном в Цайчжоу, осажденном в 1233—1234 гг. и взятом монголами.

«Цзинь ши» («История Цзинь») состоит из 135 цзюаней, составлена специальным ученым комитетом под председательством То Кэ То в 1344 г. Впервые вопрос о составлении истории Цзинь возник сразу же после падения цзиньской столицы Кайфына и захвата монголами государственных архивов Цзинь. Тогда составление истории Цзинь было поручено Юань Вэнь-хао (1190—1258) — крупному писателю, но все предприятие рухнуло. Вторично эта проблема возникла с созданием палаты государственной истории династии Юань в 1261 г. Но после разгрома Южной Сун в 1279 г. при юаньском дворе возобладала идея «легитимизма», отрицавшего законность династий Ляо и Цзинь и, следовательно, их право на официальные летописи. В третий раз, уже в начале XIV в., составитель «Сун ши» намеревался присоединить

к истории Сун истории Ляо и Цзинь, но был казнен в 1323 г. Была еще одна неудачная попытка — четвертая — в 1330—1333 гг. И только уже при последнем юаньском императоре Шунь-ди крупный исследователь и писатель Оуян Сюань организовал ученый комитет, разборку архивов и поиски источников. Эта пятая попытка оказалась успешной. В основу хроникально-исторической части «Цзинь ши» были положены «достоверные записи», составлявшиеся еще при жизни императоров, ныне утраченные [Фудзиэда, 1948; Chan Hok-lam, 1967; Otagi, 1951].

Сочинение делится на четыре части. Первая часть — это исторические хроники, строго выдерживающие принцип погодного изложения событий в пределах каждого царствования (цз. 1—19). Они дают основную событийную канву для политической истории династии Цзинь. Вторая часть охватывает различные стороны государственной, военной, правовой, административной, финансовой, экономической, научной, обрядовой и духовной жизни (цз. 20—58). Третья часть — генеалогическая таблица императорской фамилии и таблицы посольские (цз. 59—62). Четвертая — биографии императоров, их жен, детей и других членов императорской фамилии, государственных деятелей и полководцев, писателей и ученых (цз. 63—133). Два последних цзюаня (134 и 135) уделяют внимание Западному Ся (Си Ся) и Корё.

Даже с учетом официозности сочинения, которое иногда превращается в памфлет составителей по адресу династии, историю которой они писали, «Цзинь ши» остается ценнейшим источником по любому вопросу, связанному с чжурчжэньским государством, и единственным сводом такого рода. Первый цзюань этого труда переведен на русский язык А. Г. Малявкиным [Малявкин, 1942], кроме того, под редакцией Оногава Хидэми по всему сочинению составлен трехтомный индекс [КСГИСС].

После появления «Цзинь ши» она неоднократно привлекала внимание ряда китайских ученых, которые по-разному пытались преодолеть ее недостатки. Минский автор Ян Сюнь-цзи составил «Цзинь сяо ши» («Малую историю Цзинь») в 8 цзюанях, в которой были некоторые расхождения с юаньской версией. Еще дальше пошли маньчжуры, для которых античжурчжэньские тенденции составителей «Цзинь ши» были неприемлемы. В 1636—1640 гг. специальная комиссия из маньчжурских ученых на базе «достоверных записей» составила на маньчжурском языке свой вариант истории Цзинь под названием «Айсин гурун исудури» («История государства Цзинь»). В 1647 г. сочинение вышло в свет [см. Тюрюмина, 1969]. Этому труду повезло в Европе: у нас его перевел Г. М. Розов (перевод остался в рукописи и хранит-

ся в ЛО ИВАН СССР)², а во Франции — Ш. Харле [Hag-lez, 1887].

Однако большинство китайских ученых шло по линии традиционного осторожного вмешательства в ортодоксальную «Цзинь ши», ограничиваясь отдельными исправлениями и комментированием.

В 1781 г. по приказу правительства был создан особый комитет для комментирования и исправления собственных имен, географических и иных названий на некитайских языках, встречающихся в «Ляо ши», «Цзинь ши», «Юань ши». Результатом его работы было издание «Цзинь ши гоюй цзе» («Изъяснение [туземных] слов в истории государства Цзинь») в 12 цзюанях. При этом были использованы языки солонский, маньчжурский и монгольский. В соответствии с этими разысканиями все «туземные» слова были заново транскрибированы китайскими иероглифами и в таком виде включались в последующие издания трех упомянутых династийных историй.

Кроме того, «Цзинь ши» уже в новейшее время было подвергнуто серьезному сравнительно-текстологическому анализу [Fêng Chia-shêng, 1934]. Особые работы посвящены географическим разделам [Фэн Цзя-шэн, 1934], генеалогическим таблицам [Ch'en Shu, 1935].

«Хуаи июй» («Китайско-варварские словари») состоят из двух цзюаней, начали составляться в 1382 г. монголом Хо Юань-цзе, которому было велено перевести некоторые монгольские тексты. Чжурчжэньский словарь насчитывает свыше восьмисот слов. В словаре помещены чжурчжэньские знаки, их перевод и транскрипция китайскими иероглифами. Словарь неоднократно публиковали, комментировали и разрабатывали многие крупные ученые [см. Grube, 1896; Watanabe, 1935; Ямамото, 1951; Yamaji, 1956].

Третья, последняя группа источников наиболее пестрая.

«Корё са» («История Корё») написана на китайском языке корейским ученым Чон Ин Чи в 1445—1451 гг. Она состоит из 137 цзюаней. За образец взяты «Ши цзи» Сыма Цяня и китайские династийные летописи. Материал расположен по четырем разделам: хроники (46 цз.), описания (39 цз.), биографии (50 цз.), таблицы (2 цз.). К сожалению, к XV в. не все первоисточники сохранились, поэтому в историческом повествовании «Корё са» имеются пробелы, особенно досад-

---

² Многие цитаты из цзюаней 1—19 «Цзинь ши» приводятся нами в этом переводе с необходимыми исправлениями без указания на первоначального переводчика — Г. М. Розова. В тех случаях, когда маньчжурская версия «Цзинь ши», которой пользовался Розов, отличается от китайской, после указания цзюаня дана ссылка на рукопись Г. М. Розова.

ные потому, что охватывают годы, на которые приходится ранняя история чжурчженей.

«Сун ши» («История Сун») составлена комиссией во главе с То Кэ То при династии Юань. Этот источник, состоящий из 496 цзюаней, структурно не отличается от «Ляо ши» и «Цзинь ши».

«Вэньсянь тункао» («Исследование классических текстов») Ма Дуань-линя включает 348 цзюаней. В этом много-томном сочинении для нас представляют значительный интерес разделы о народах, окружающих Китай, в том числе и о чжурчженях. Эти разделы переведены на французский язык Гарвеем [Ма Тоуап-лип, 1876].

«Сюй вэньсянь тункао» («Продолженное исследование классических текстов») в 252 цзюанях составлено в 1773 г. как продолжение предыдущего источника.

«[Циньдин] Шэнцзин тунчи» («Общее описание провинции Шэнцзин, [высочайше утвержденное]») состоит из 130 цзюаней. Этот коллективный труд составлен в 1778—1779 гг. В нем описаны также провинции Гири и Хэйлунцзян. Особый интерес для нас представляют цзюани 105 (нравы и обычаи) и 106 (продукты природы), материал которых подается в историческом разрезе.

«Нингута цзиле» («Краткие записки о Нингуте») в одном цзюане. Составитель цинский У Чэнь-и, сын опального вельможи, сосланного в Маньчжурию. Проведя много лет в Маньчжурii, У Чэнь-и по возвращении в 1722 г. опубликовал интересные наблюдения, изобилующие географическими и этнографическими сведениями. Этот материал мы широко использовали в переводе с комментариями В. П. Васильева [Васильев, 1857].

«[Циньдин] Маньчжоу юаньлю као» («Исследование о происхождении маньчжуров, [высочайше утвержденное]») в 20 цзюанях — это свод сведений, рассеянных по многим историческим источникам и относящихся к народам Маньчжурii с древности и до XVII в. Перечисляются города, горы, реки, местные продукты, нравы и обычаи этих народов, постоянно проводится идея непрерывности генеалогического древа маньчжуров, возводимого к сушэням.

Мы описали наиболее характерные источники из числа использованных в процессе работы над монографией, интересные как с чисто источниковедческой стороны — своей редкостью, или, наоборот, каноничностью, так и по своим потенциальным возможностям, открывающим перспективу их дальнейшего изучения и использования при разработке тех или иных вопросов, касающихся династии Цзинь.

Историография новейшего чжурчженеведения насчитывает всего лишь несколько десятилетий своего существования.

Под новейшим чжурчжэневедением мы понимаем исследовательскую работу над уже охарактеризованными и вновь открытыми источниками в плане разработки общих и частных проблем методами современной науки. Не считая переводов и пересказов источников, лишь десяток таких работ (в основном европейских), написан до первой мировой войны, а среди них лишь немногие удовлетворяют современным требованиям [см. работы Ф. Ф. Буссе, П. Кафарова, И. Г. Плата, Т. де Лякупери, Э. Шаванна, В. Грубе, Ш. Харле]. С 20—30-х годов XX в. намечается некоторый подъем в изучении этой области истории Дальнего Востока, связанный с расширением научной деятельности в Китае и Японии (в каждой из этих стран этот подъем оказался сугубо специфичен по времени и по абсолютным результатам); именно учеными этих двух стран выполнена наибольшая по объему работа [Воробьев, 1972]³.

Общеисторические монографии не особенно многочисленны и, как правило, охватывают более обширный период, чем время правления династии Цзинь, но зато они выгодно отличаются концентрированным изложением предмета в целом. «Историей Сибири» (т. 1, 1968) и отчасти монографией А. П. Окладникова (1959) наша наука сразу же выдвинулась на почетное место в освещении общеисторических судеб ряда пограничных народов древности, и в том числе чжурчжэней. Многие китайские общие истории содержат раздел по династии Цзинь, но освещают этот период так, как мы уже отмечали выше [см., например: Очерки истории Китая, 1959]. Разбору военных действий между Китаем и чжурчжэнями посвящена специальная монография Шэнь Ци-вэя [1958]. Из японских монографий выделяются объемистая «Мансю си» («История Маньчжурии») Тоёда Ёдзо (1943), «История Китая под властью чужеземцев» [Иминдзоку..., 1943], написанные по первоисточникам и содержащие много фактического материала; сборники статей по средневековой Маньчжурии Икэути Хироси (1937, 1943). Сильная сторона японских сочинений (как общеисторических, так и более специальных) в охвате большого материала, слабая — в растянутости изложения, в начетничестве в ущерб исследовательской стороне, иногда в ложности исходных концепций.

Монографии японских ученых Тояма Гундзи и Миками Цугио должны быть выделены особо: они целиком связаны

---

³ Общетеоретические и политические аспекты современной зарубежной дальневосточной медиэвистики нашли оценку в ряде специальных статей [Березный, 1963; Вяткин и Тихвинский, 1963], а работы русских и советских ученых в области чжурчжэневедения — в статье Э. Шавкунова [1973].

с проблемами государства Цзинь [Тоуата, 1964; Mikami, 1970, 1972, 1973]. Они близки друг другу по направлению и по своей структуре, затрагивают самые различные стороны жизни чжурчжэней и их государства, преимущественно политическую, общественную, культурную. Они состоят из серии статей, ранее опубликованных в периодических изданиях (а монография Миками Цугио, вышедшая в 1972 г., основана на его же монографии, вышедшей в 1937 г.), но отдельные положения пересмотрены и дополнены. Работы написаны на богатом фактическом материале, снабжены подробными примечаниями, ссылками и указателями. Их значение для чжурчжэноведения невозможно переоценить.

Из работ, рассматривающих частные вопросы истории чжурчжэней и Цзинь, несомненно, следует выделить статьи Хуа Шаня и Чжу Да-цзюня о разложении родового строя и сложении государственности у чжурчжэней, книгу Нида Нобору по китайскому (и цзиньскому) праву, статью Янаи Ватару о военной системе Цзинь, серию статей Н. В. Ивочкиной о денежном обращении в цзиньском государстве. Важный материал по экономике Цзинь можно найти в монографии Чжан Цзя-цзюя, хотя оценка ее, предлагаемая автором с позиции развития экономики Китая, исключительно негативная. Статья Син Тхэ Хёна по аграрному вопросу и ряд статей Хино Кайдзабуро по торговле освещают другие стороны хозяйства Цзинь.

Разобранная нами литература в полном соответствии с ее тематической ориентацией отличается целенаправленным фактологическим характером. Это особенно приложимо к работам восточных авторов. В лучших их статьях, как правило упомянутых нами выше, мы находим добросовестное изучение источников и первичные выводы, непосредственно вытекающие из них. Однако, как мы увидим далее, фактологическое направление не является в чжурчжэноведении единственным. Последнее ставило перед собой и пыталось разрешить общие проблемы.

Многие крупные исследователи справедливо считали невозможным исследовать культуру и историю чжурчжэней в отрыве от окружающего этнического мира — в самом государстве Цзинь и за его границами. В некоторых интересных статьях разбирается общая политика чжурчжэней по отношению к киданям [Тоуата, 1964], к китайцам [Тоуата, 1944], к бохайцам [Тоуата, 1964], вообще к «инородцам» — с чжурчжэньской точки зрения [Торияма, 1917], положение коренного населения в захваченных чжурчжэнями землях [Юань Го-фань, 1965], проводится сопоставление национальной политики, проводимой чжурчжэнями и монголами [Пэн Чжэнь-го, 1934]. Как правило, этот щекотливый вопрос раз-

решается в научной литературе на научной основе дифференцированно для каждого случая (т. е. особо для каждой национальности и для каждой области соприкосновения) и без политической тенденциозности — последняя лишь иногда проскальзывает в некоторых японских работах военных лет в виде осторожно подаваемой идеи об относительно благотворном для Китая правлении некоторых иноземных династий.

Многие исследователи пытались, и безуспешно, распутать сложный клубок отношений чжурчженей с окружающими их странами: с Ляо [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949; Кумамото, 1898], с Корё [Chu Hsi-chu, 1934; Rogers, 1961, 1959], с Си Ся [Кычанов, 1973а], с Сун [Thiele, 1971].

Все работы, связанные тематически с главой III, как правило, полемичны по характеру, не отступают перед широкими выводами и обобщениями, оставаясь, однако, на твердой научной базе.

В заключение следует назвать ряд трудов, в основном монографических, по содержанию не укладывающихся в рамки узкоспециальной проблематики, но с той или другой точки зрения бесспорно важных для чжурчженеведения в целом. Это проблемные сочинения широкого профиля по этногенезу [Левин, 1958], по азиатскому обществу как особому типу [Татица, 1956, 1956а], по противостоянию китайского общества обществу «варварскому» [Haneda, 1957; Иминдзоку., 1943], по этнографии и культуре родственных чжурчжэням народов [Народы Восточной Азии, 1965; Shirokogoroff, 1924].

Карты, схемы и таблицы составлены по материалам автора.

ЧЖУРЧЖЭНИ
ДО III в. н. э.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ

Ортодоксальная и наиболее известная версия происхождения чжурчжэней изложена в «Цзинь ши»: «Предки цзиньцев произошли от рода (ши) мохэ. Мохэ прежде назывались уцзи. Уцзи — это древняя земля сушэнь. Во времена [династии] Юань Вэй у уцзи было семь племен (бу): сумо, боду, аньчэгу, фуне, хаоши, хэйшуй, байшань. При [династии] Суй [те же семь племен] назывались мохэ. В начале [династии] Тан существовали хэйшуй мохэ и сумо мохэ, остальные пять племен неизвестны. Сумо мохэ вначале подчинялись Гаоли (Когурё). [Носили] фамилию (ши) рода Да. Ли Цзи разбил Гаоли. Сумо мохэ сохранило гору Дунмаушань. Впоследствии создало Бохай. [Правители] назывались королями (ван), в течение более десяти поколений передавали [титул по наследству]. [Бохайцы] имели письменность, церемонии, музыку и систему государственных учреждений. Было 5 столиц, 15 областей (фу) и 62 округа (чжоу). Хэйшуй мохэ жили на землях сушэней. На востоке [эти земли хэйшуй мохэ] омывало море. На юге граничили с Гаоли. 150-тысячное их войско помогало Гаоли отражать [наступления] танского Тай-цзуна. [Оно] было разбито при Аньши. В годы правления под девизом Кай-юань (713—741 гг. — М. В.) явились к [китайскому] двору. [Поэтому] учредили область Хэйшуйфу. Главу племени сделали губернатором (дуду цыши). Назначили чжанши смотреть за ним. Губернатору дали фамилию Ли, имя Сянь-чэн, чин военного губернатора (цзиньлюе ши) хэйшуй. Впоследствии Бохай усилилось, хэйшуй подчинились ему и прекратили свои подношения ко двору. Во время пяти династий кидани завладели всеми землями Бохая, и хэйшуй мохэ подчинились киданям. Жившие на юге были приписаны к киданям и назывались мирными нюйчжи.

Проживавшие на севере не числились в киданьских списках и назывались немирными нюйчжи¹. В землях немирных нюйчжи находятся р. Хуньтунцзян и горы Чанбошань. Хуньтунцзян также называется Хэйлунцзян. Это и есть байшань и хэйшуй. Предок Цзинь назывался Ханьпу. Ему было более 60 лет, когда он вышел из Гаоли (Корё). Его старший брат почитал будду, остался в Гаоли, не пожелал последовать [за братом], говоря: „Наши дети и внуки от последующих поколений непременно встретятся и объединятся, но сейчас я не могу уйти“. Ханьпу вышел оттуда только со своим младшим братом Баохоли. Ши-цзу (Ханьпу) обосновался на р. Пугань, у племени (бу) ваньянь, а Баохоли поселился в Елане. Впоследствии Хушимэнь с [округом] Хэсугуань присоединился к Тай-цзу (Агуде), сказав, что его предки — трое братьев — разделились и разошлись. Сам именовал себя потомком Агуная. Шитумэнь и Дигунай были потомками Баохоли. Когда Тай-цзу разбил войско Ляо на границе, захватил Елюй Сеши, послал Лян Фу-ганя и Дала с призывом к бохайцам. Он сказал: „Нюйчжи и бохайцы в корне своем одна семья, так как в начале все входили в семь племен уцзи“» [ЦШ, цз. 1, стр. 15].

В «Цзинь чжи» китайского автора рассказывается следующее: «Народ Цзинь собственно называется чжуличжэнь... это слово искажено... в нюйчжэнь, у некоторых даже в лучжэнь; их называют еще нюйчжи, во избежание (знака чжэнь, встречающегося) в имени киданьского государя Син-цзуна. Это потомки народа сушэнь... и отдельное поколение бохайцев. Некоторые говорят, что в их землях жила (прежде) весьма презренная и малосильная фамилия Ина, происходившая от поколения Чэнь-хань. Когда при династии Тан, в правление Чжэнь-гуан (627—649), мохэсцы (с данью) пришли в Китай, то в первый раз стало известным имя нюйчжэньцев. Они из рода в род жили на востоке от реки Хуньтунцзян (Сунгари), у подошвы гор Чанбошань... Эти горы служат источником реки Ялу[цзян]; на юге к ним прилежат корейцы, на севере (племя) шивэй, на западе (поколения) Бохай и Тели, на востоке же граничат с морем. Ныне это та самая страна, которая в истории троестаршества называлась Баолоу (т. е. Илоу), при династии Юань Вэй (дом Тоба) —

---

¹ Точнее, цивилизованными, или просвещенными китайским влиянием (шунюйчжи), и нецивилизованными, непросвещенными этим влиянием, и поэтому дикими (шэнюйчжи). Это специфические термины китайской историографии, связанные со сложной идеологической концепцией о китайской этике как о единственном критерии просвещенности. Мы выбрали этим понятиям другую пару, более близкую нашему сознанию и вместе с тем включающую часть смысла, заключенного в китайской паре.

цзюй-цзи (т. е. вэцзи), а при Танской — землей мохэсцев Черной воды. Они разделялись (тогда) на 6 поколений (бу). Поколение, жившее на Черной воде (Хэйшуй), есть то же, что нынешние нючжэньцы... Жившие на юг от реки назывались покорными чжурчжэнями, потому что зависели от киданей; жившие на севере назывались непокорными, но и они подчинялись киданцам... Еще рассказывают, что кидане, воспользовавшись упадком танской династии, покорили себе всех варваров (фаней), в числе которых было 3 рода Гу (саньгу) и 6 поколений чжурчжэней. Опасаясь, что чжурчжэни будут их беспокоить, они заманили к себе несколько тысяч самых сильных семейств и поселили их на юге от Ляояна, внесли в списки (т. е. обложили податью); разделив их силы, они не позволяли им сноситься с соотечественниками. Они (т. е. эти переселенцы) называются хэсугуань; им отведены были земли на северо-восток от Сяньчжоу и вменено в обязанность доставлять ко двору прислугу. Нючжэньцы же, живущие около Суцзяна (Сунгари), все принадлежат к Бинмасы (палате, заведующей военными лошадьми); им не запрещено сноситься с родиной; они называются хойба... дилин (тели?). Те, которые жили в диком состоянии... назывались желтоголовыми... чжурчжэнями. Еще были жившие на север от р. Сумоцзян, в стране, простирающейся на 1000 с лишним миль, где народонаселение простиралось не более как до 100 000 семейств, но не имело главного... начальника; равным образом не было и имени народа (или страны)... Это один из 72 улусов. Они отклонились от киданей в северо-восточный угол и более ста лет находились в их подданстве... Некоторые говорят еще, что первый их старшина был синьлоец (из Кореи), по прозванию Ваньянь, что значит будто то же, что китайское слово ван (князь)...» [цит. по: Васильев, 1859, стр. 196—199].

В «Саньчао бэймэн хуйбянь» (цз. 3) происхождение чжурчжэней рисуется следующим образом: «Нючжэнь — (это) древнее владение сушэнь. Их коренное имя (самонаименование) чжуличжэнь ошибочно было передано с туземного языка как нюйчжэнь. По происхождению они являются потомками Чжу Мэн из Гаоли. Еще их считают соплеменниками чернореченских [хэйшуй] мохэ и особым поколением бохайцев. [Вместе] с саньхань и чэньхань все они действительно составляли мелкие владения восточных варваров. Они жили из поколения в поколение к востоку от р. Хуньтунцзян, в районе гор Чанбайшань, у истоков р. Ялу... (Территория этой области) простирается на восток от моря, на юге граничит с Гаоли, на западе с Бохаем и (владениями народа) тели, на севере близко подходит (к границам) шивэй. Это как раз те районы, которые в „Сань го чжи“ указаны как

(место расселения) илоу, при династии Юань Вэй как (место расселения) уцзи, при династии Суй (589—619) — племен Черной реки (хэйшуй), а при династии Тан (618—907) — чернореченских (хэйшуй) мохэ. У (чжурчжэней) имеется семьдесят два племени (бу)... Во время правления в Китае династии Суй (589—619), в 589—600 годах, прислали ко двору послов с данью... При династии Тан в годы правления Чжэнь-гуань (627—649) император Тай-цзун выступил в поход против Гаоли. Мохэ стали помогать (Гаоли)... В годы правления Кай-юань (713—741) их старшина прибыл ко двору с поклоном... затем была учреждена область Хэйшуйфу... В период правления пяти династий (907—959) (чжурчжэней) стали называть нюйчжэнь... Кидань Абаоцзи, пользуясь упадком Тан, создал на севере свое государство и объединил все тридцать шесть иноземных народов. Одним из этих народов были нюйчжэнь. Абаоцзи считал, что нюйчжэнь будут производить беспорядки. Поэтому он завлек и переселил в район к югу от Ляояна несколько тысяч наиболее знатных и сильных (чжурчжэньских) семейств... Переселенных в Ляоян чжурчжэней в приписных списках называли хэсугуань — это были чжурчжэни, известные под именем шу (покорных). Чжурчжэни, жившие к северо-востоку от Сяньчжоу, в горных ущельях вилоть до р. Сумо были приписаны к округу Сяньчжоу. Военное управление (бинмасы) позволило им поддерживать связь с их страной, и (поэтому) они не считались ни покорными, ни дикими (шэн) нюйчжэнь. К северу от р. Сумо и к северо-востоку от р. Нинцзян на территории протяженностью более чем в 1000 ли проживало более ста тысяч чжурчжэней... Этих-то чжурчжэней и называли дикими нюйчжэнь. Чжурчжэней, живших в крайне отдаленных областях поблизости от Восточного моря, называли нюйчжэнь Восточного моря. Было много чжурчжэней, у которых волосы на висках были желтыми, все они имели желтые глаза с зелеными зрачками. Поэтому таких чжурчжэней называли желтоголовыми (хуантоу) нюйчжэнь... Свою фамилию Ваньянь сопоставляют с китайской Ван... В первые годы правления династии Тан чжурчжэни называли фамилию династии (наименование рода, род — „син“) На. К концу правления Тан племена умножились. Всего было тридцать старшин, каждый старшина имел одну (свою) фамилию, и (таким образом) всего насчитывалось тридцать фамилий» (цит. по: Кычанов, 1966, стр. 271—272, 276).

Если свести воедино пространные высказывания трех источников, разных по времени, по национальной принадлежности авторов, по степени официальности, помня при этом о только что упомянутой «преемственности» китайских сочинений, то вырисовывается следующая картина. Все три источ-

ника утверждают, что чжурчжэни (мирные, немирные и нейтральные) — это соплеменники хэйшуй мохэ и боковое ответвление бохайцев. Связь с корейцами признают тоже все три источника, но по-разному. «Цзинь чжи» и «Саньчао бэймэн хуйбянь» признают связь чжурчжэней с чэньхань (одним из племен «трех хань» — первые века н. э.), «Цзинь ши» и «Саньчао бэймэн хуйбянь» — с Гаоли, т. е. Корё, а «Цзинь чжи» — еще и с Силла. Кроме того, «Цзинь ши» говорит о подчинении сумо мохэ и хэйшуй мохэ Гаоли. Далее, «Цзинь чжи» и «Саньчао бэймэн хуйбянь» считают чжурчжэней непосредственными потомками сушэней, а «Цзинь ши» таковыми называет хэйшуй мохэ. «Цзинь ши» вообще отводит хэйшуй мохэ основную роль в этнической истории Маньчжурии, особо акцентируя их политические отношения с Бохаем, Корё (918—1391), Ляо. «Цзинь чжи» вскользь дополняет список этнических компонентов чжурчжэньской народности этнонимами хуйба и тели. «Саньчао бэймэн хуйбянь» же перечисляет ряд групп самих чжурчжэней: политически-административных (мирные, хэсугуань, немирные, нейтральные), территориальных (чжурчжэни Восточного моря, чанбошаньские) и племенных («желтоголовые» и «30 родов»).

Перейдем теперь к рассмотрению проблемы по существу.

В целом традиционно китайская (или маньчжурско-цинская) генеалогическая цепь: сушэни — илоу — уцзи — мохэ — чжурчжэни — маньчжуры [МЧЮЛК, 7] — оказалась приемлемой и в основных своих звеньях мало оспаривается современной наукой. Единственное серьезное возражение современных этнологов сводится к следующему. В противовес традиционному восприятию указанных этнонимов как разновременных наименований одного и того же народа (вплоть до сближения этнонимов чжурчжэнь и сушэнь) эти этнологи справедливо считают перечисленные этнонимы совершенно самостоятельными и, как минимум, обозначающими отдельные новые народности.

Хотя в цитированном отрывке из «Цзинь ши» народность уцзи непосредственно следует за сушэнями, историческая традиция помещает между ними илоу, которым отводит время правления обеих Хань (II в. до н. э. — II в. н. э.). Вероятно, этим расхождением разных источников объясняется и несовпадение в трактовке этого этапа этнической истории Маньчжурии в трудах ученых недавнего прошлого. Так, Н. Я. Бичурин, признавая илоу наследником сушэньских земель, сомневался в родстве между ними [Бичурин, 1950, т. II, стр. 8], а В. Горский, напротив, считал имя илоу в числе других этнонимов просто иным наименованием сушэней [Горский, 1852, стр. 4].

Называя следующий этноним — уцзи, мы уже подходим к относительно близким предкам чжурчжэней. Народность уцзи (IV—VI вв.) состояла, как мы уже знаем, из семи племен. Особенно интересно название трех из них — хэйшуй, которое потом станет одним из племенных этнонимов мохэ; бошань, или чанбошань, применяемое киданями к территориальной общине чжурчжэней; сумо — впоследствии сумо мохэ. Хотя отрывок из «Цзинь ши» содержит фразу о том, что при династии Тан остались лишь два племени мохэ — сумо и хэйшуй, но при династии Суй (VI в.) — и это важно — все семь племен уцзи получили название мохэ. Впрочем, это последнее наименование как будто связывается с административным объединением уцзи в одну область Мохэ, осуществленным суйскими властями. Независимо от происхождения этого названия и его характера (обозначал ли он уцзи или новый народ) для нас сейчас важно подтверждение связи этого звена с предыдущим, доказываемое одинаковым перечнем входящих в них племен.

Все приведенные выше цитаты утверждают, что ближайшие предки чжурчжэней — это хэйшуй мохэ, т. е. те мохэские племена, которые обитали главным образом по берегам р. Хэйшуй. Такая точка зрения обосновывается в этих источниках данными исторической географии. Историческая карта Маньчжурии той эпохи в общих чертах правильно рисовалась учеными средневекового Китая. Поэтому не удивительно, что, когда кидани заговорили о чжурчжэнях, причем разделили их на мирных, немирных и нейтральных, а также привязали их к новому административному делению Маньчжурии, сразу же бросилось в глаза, что последние занимают ту же территорию, которую совсем недавно занимали мохэ, и в особенности их племя хэйшуй мохэ. Отсюда нетрудно было сделать вывод, что чжурчжэни — потомки мохэ, а по другой терминологии, отражающей средневековые представления о незыблемости этнических групп, — тот же народ, который раньше назывался мохэ, а еще раньше — уцзи, илоу, сунь.

Надо сказать, что определение чжурчжэней как потомков хэйшуй мохэ представляется нам в основном правильным, хотя, как мы еще увидим, не исчерпывающим. Разумеется, некоторые средневековые китайские историки и этнологи в этом вопросе исходили не только из умозрительных историко-географических выкладок, но и пользовались другими материалами — от архивов посольского приказа до визуальных наблюдений, хотя по традиции и не отмечали этого. Сейчас мы можем подкрепить эту концепцию новыми доказательствами.

С конца династии Тан чжурчжэни расселились по всей

Маньчжурии, хэйшуй мохэ жили как будто на равнинах Хам-хына. В первой половине X в. хэйшуй мохэ появились в Китае, но впоследствии китайские источники не упоминают о их приходе в Китай. И это связано не с политической, а с этнической историей. В «Ляо ши» мы встречаем много упоминаний о появлении при дворе Ляо чжурчжэней, но не хэйшуй мохэ. Лишь в «Корё са» есть параллельные сообщения о прибытии в Корё членов этих двух племен, но записи о хэйшуй мохэ более скудные, чем о чжурчжэнях, а с 1027 г. хэйшуй мохэ вообще не упоминаются. И хотя это время наивысшего влияния киданей, когда приток дани очень расширился, хэйшуй мохэ среди киданьских данников не встречаются — ни в «Сун хуй яо цзи гао», ни в «Ляо ши». Впрочем, хэйшуй мохэ, как тунгусы, могли фигурировать в этих посольствах под именем чжурчжэней, хэйшуйских или иных. Так оно и было в ряде случаев. Анализ соответствующих разделов «Корё са», в которых сообщается о прибытии посольств и называются имена прибывших, подтверждает это с несомненностью [см. Нипо, 1964, стр. 37]. Утоу, прибывший в Корё в 1020 г., зафиксирован как хэйшуй мохэ, но он же и Юаньпу в 1033 г. названы восточными чжурчжэнями. Причем оба раза посольства были довольно многочисленны: 60—80 человек. Еще более характерный случай произошел с Гаочжымэнем. Дважды он назван хэйшуй мохэсцем, прибывшим вместе с Эчжицином — в 1020 г. и с Сугоугаем — в 1021 г. с местными продуктами, и один раз, в 1035 г., — полководцем на службе восточных чжурчжэней. С тех пор он приезжал еще семь раз, последний — в 1051 г., когда совершил набег, и во всех этих случаях назван восточным чжурчжэнем. В случае с Гаочжымэнем напрашивается объяснение: он поступил на службу к чжурчжэням и за 15 лет службы стал уже настоящим чжурчжэнем. То же произошло с уже известным нам Сугоугаем; в 1021 г. он приезжал с Гаочжымэнем, и оба они были хэйшуй мохэсцами, а в 1031 г. он упомянут уже как полководец на службе у восточных чжурчжэней. Кстати сказать, в этот второй проезд он привез несколько необычные приношения: кроме девяти коней два боевых судна, боевое вооружение и 58 600 стрел из дерева гуй. Шайло в 1022 г. назван хэйшуй мохэсцем, а в 1028 и 1031 гг. — восточным чжурчжэнем. По-разному в «Корё са» назван и некий Агу: в 1025 г. вместе с другим военачальником из Хуйхэ (северная Корё) он получил в Корё ранг и почетную одежду. В 1027 г. он также назван хуйхэским военачальником, но уже добавлено — хэйшуй мохэ. С 1028 по 1051 г. он приезжал шесть раз, и звание военачальника хуйхэского за ним сохранено, а национальность ему приписана другая — восточный чжурчжэнь.

Таким образом, в 20-х годах XI в. наблюдается смешение двух этнонимов: хэйшуй мохэ и чжурчжэни (восточные), точнее — вытеснение первого этнонима вторым. Мы можем подозревать, что оно уже имело место в 1020 г., а после 1027 г. никого из пяти перечисленных лиц уже не называли хэйшуй мохэсцем. По-видимому, они уже влились в ряды чжурчжэней. На такой процесс намекает и следующая фраза: «Приезжали (в 1021 г. — М. В.) воеводы хэйшуй восточных чжурчжэней — Цювэй и Модогуй» [КС, цз. 4, стр. 64].

Итак, мы видим, что одни и те же лица, приезжавшие к корёскому и сунскому дворам, именуются то хэйшуй мохэ, то чжурчжэнями. Такое смешение встречается неоднократно и не повторяется в комбинациях с каким-либо другим элементом, что подтверждает близкое родство этих двух племен и, конечно, отражает самый процесс трансформации хэйшуй мохэ в чжурчжэней.

Хэйшуй мохэ входили в состав посольств, отправляющихся в Сун. Это были чжурчжэньские посольства, организованные «30 родами». О последних упоминается в «Корё са»: «Прибыли вожди 30 родов чжурчжэньских конников с северо-запада...», в примечании же разъясняется: «Хэйшуй из восточных варваров; их 30 родов и называются „30 родов“ (саньшибу)» [КС, цз. 9]. Итак, хэйшуй мохэ стали не просто частью чжурчжэней, а вошли в «30 родов» — костяк хэйшуй чжурчжэней [Ogawa, 1937].

Что же представляли собой эти «30 родов», вокруг которых как бы наращивались последующие этнические слои, образуя чжурчжэньскую народность? В основу их легла часть хэйшуй мохэ, проживающих в IX в. восточнее Илань, затем переселившихся к современной северо-восточной границе Кореи, где и сложились «30 родов». После падения Бохая они продвинулись к югу вплоть до современного Хамгёndo (Корея), восприняли земледелие от воцзюй и восточных фуюй. В ходе войн и обмена подарками с Корё в XI в. они заимствовали многие достижения культуры. Присоединив ряд племен, «30 родов» утратили прежние кровные связи, переселились на запад в долину р. Аньчуху (совр. р. Ашихэ — правый приток Сунгари). Они относились к категории немирных и в «Ляо ши» в какой-то мере отождествляются с чанбошаньскими чжурчжэнями. Каждый из «30 родов» имел собственную фамилию. Наибольшей известностью пользовалась фамилия Хэшиле. Именно «30 родов» оказались цементирующим элементом союза, активными торговцами, организаторами и дипломатами [Ogawa, 1938].

Но, разумеется, процесс народообразования не ограничился трансформацией одних хэйшуй мохэ в чжурчжэней. В состав чжурчжэней вошли не только соплеменники хэйшуй

мохэ — подданные государства Бохай. Чжурчжэни действительно выступили на историческую арену вначале под именем хэйшуй мохэ, но крайне благожелательное отношение династии Цзинь к бохайцам, т. е. к населению Бохая — сумо-мохэского государства, заставляет думать, что чжурчжэни не просто близкие родичи сумо мохэ (через хэйшуй мохэ), но включали в себя значительное количество бохайцев. Недаром цитированный отрывок из «Цзинь чжи» называет чжурчжэней «особым родом бохайцев». Но Бохай включал в себя ряд народов. Например, тели — другая заметная народность погибшего Бохая — тоже приняли участие в этногенезе чжурчжэней.

Тели — одно из мохэских племен — появились в центральной части Маньчжурии около IV в. н. э. Подчиняясь Бохаю и киданям, они поддерживали связи с Сун, Корё, Японией. Существовали танские и ляоские тели. Первые расселились к западу от Саньсина. Зона р. Аньчуху — район обитания чжурчжэней — тоже относится к региону тели. Верхняя столица — Ужэчэн после падения Бохая очутилась под властью одного из чжурчжэньских племен. В первой половине XI в., покинув свою старую родину, сюда пришли киданьские тели. После их переселения в район Ужэчэна влияние немирных чжурчжэней в этом месте стало менее бесспорным, но вскоре Агуда (жит. Тай-цзу) их всех объединил и бросил на киданей. И тели, переселившиеся в г. Ужэчэн, и тели, оставшихся непокоренными чжурчжэнями, иногда называют одинаково чжурчжэнями [Икэути, 1943, стр. 15—168].

Не только собственно тели, но и их ближайшие соседи — юэси, фуние, юйлоу, ужэ и, наконец, уго, составившие «пять стран», постепенно влились в состав чжурчжэней. Кроме хэйшуй мохэ и бохайских мохэ, т. е. сумо мохэ, в создании новой народности участвовали и корейские сородичи мохэ. Недаром в «Цзинь ши» содержится многозначительная фраза: «В начале Тан у мохэ было два племени — сумо и хэйшуй. Все принадлежали Корё... Люди Цзинь происходят из мохэ — подданных Корё» [ЦШ, цз. 135, стр. 829]. При рассмотрении происхождения так называемого царского рода ваньянь мы увидим, насколько сильны были корейские корни.

Создавая собственное государство, фамилия Ваньянь рассматривала это повествование о «царском» роде, как средство, цементирующее народное объединение и возвеличивающее род правителя. Поэтому-то род ваньянь, взяв за основу предания, повествующие о его собственном племени, попытался связать предка этого племени с Корё и даже с Когурё (I в. до н. э. — 668). В этом же предании говорится, что один из трех братьев жил в Хэсугуане (на полуострове Ляо-

дун), а другой — в области Елань. Тем самым подчеркивались родственные связи с племенами и между племенами, тесно связанными с домом ваньянь. И, наконец, развивалась идея о едином происхождении чжурчжэньского народа [Найто, 1936].

Когда чжурчжэни создали государство Цзинь, воспоминания о мирных и немирных племенах претерпели изменения и превратились в своеобразное предание о переселенцах, помещенное в «Цзинь ши» (цз. 1). Согласно этому преданию, Ханьпу (кит. Ши-цзу) с братом прибыл в Маньчжурию из Корё, а его старший брат Агунай остался в Корё. Если так было тогда, при Агунае, то при внуках и правнуках потомки обеих ветвей, безусловно, должны были объединиться, — таково неизбежно изложение всех исторических легенд и преданий подобного рода. Миротворцам-чжурчжэням представлялось невозможным, чтобы Агунай исчез. Ханьпу вместе с младшим братом Баохоли ушел в Маньчжурию, сам поселился в роде ваньянь на р. Пугань, а Баохоли — на р. Елань. Первая, по-видимому, протекала у северной границы с Кореей, а вторая — где-то в Приморье. Итак, братья разделились, но впоследствии Хушимэнь присоединил народ Хэсугуаня, а когда стал подданным Агуды, своими предками начал считать уже всех троих братьев, себя же он называл потомком Агуаня — старшего брата. Его предки также были отделены от братьев, — это говорит и сам Хушимэнь [ЦШ, цз. 66]. А раз так, то чжурчжэни Хэсугуаня хотя и являлись племенем, родственным непокорным чжурчжэням, но язык их, вероятно, уже отличался от чжурчжэньского. Как бы то ни было, в результате объединения с тели, которых он считал сородичами, исполнилось предсказанное преданием. Шитумэнь в биографии, помещенной в «Цзинь ши» (цз. 70), именуется четвертым потомком Баохоли, но там подчеркивается, что, хотя его род и основной род имеют одного предка, между ними долго не было общения. Во времена деда Угуня (кит. Цзин-цзу), когда составляли генеалогию, вторично записали его «странствующим».

Сказанное выше позволяет допустить, что легенда о родоначальнике «царского» рода ваньянь отражает какие-то действительные переселения в район обитания племени ваньянь свежих родов из Корё, этнически, вероятно, принадлежащих к корёской ветви мохэ. Любая же персонификация единоличного родоначальника, а тем более приписывание ему родства с легендарным Чумоном — основателем Когурё или принадлежности королевского звания (ван) продиктованы политическими соображениями, неизменно появляющимися у всех древних и средневековых династий.

В какие же хронологические рамки укладывается процесс

образования чжурчжэней как этнического целого? Сам характер этнических процессов, как таковых, исключает возможность установления каких-то точных дат его «начала» и «конца», хотя, конечно, позволяет нащупать приблизительные временные вехи, поскольку сам процесс развивается все же во времени. Но эту попытку легче и удобнее сделать, связав ее с вопросом происхождения этнонима чжурчжэни.

Ряд источников свидетельствует (а среди них и «Да Цзинь го чжи»), что первоначально этот народ именовался чжуличжэнь. Позднее кидани писали о люйчжэнь. Под их влиянием китайцы приняли написание нюйчжэнь, так как замена звука «л» на «н» в то время была обычной. В «Хуаи юй» фиксируется несколько иное чтение этого этнонима — чжусянь. В 1031 г. иероглиф, читающийся «чжэнь» в слове нюйчжэнь, вошел в личное имя киданьского императора Син-цзун — Цзун-чжэнь и стал запретным для прочих наименований. В этнониме нюйчжэнь он был заменен другим знаком, читающимся «чжи» (нюйчжи). В дальнейшем чжурчжэни и монголы приняли киданьскую транскрипцию (нюйчжи), а китайцы следовали написанию пяти династий — нюйчжэнь. Чжурчжэни также известны под названием чжушэнь, которое было в ходу в начале маньчжурского владычества. Один китайский источник XVI в. дает чтение чжуэрчэнь. В «Хуаи юй» этот этноним по-персидски передается как джурджи — от китайского чжоэрчжи, по-уйгурски джурджи — от китайского чжуэрчжи. Монгольские авторы писали о джурджитах, а Рашид ад-дин — о чжурчжи (Lacouperie, 1889; Han Ju-lin, 1942; Harlez, 1888]. Первое название чжуличжэнь в оригинальном чтении должно было звучать как чжурчжэнь.

В связи с этим полезно поинтересоваться, когда же появляется название нюйчжэнь, или нюйчжи, хотя при этом следует отметить, что источники отнюдь не отождествляли появление названия с образованием самого племени. Так, Хун Хао пишет: «В эпоху Тан не прекращали подношений ко двору. В эпоху пяти государств (907—959) впервые стали называться нюйчжэнями» [СМЦВ, цз. 1, стр. 1]. В цитированном в начале раздела отрывке из «Цзинь ши» отмечается, что кидани, завоевав хэйшуй мохэ, назвали их нюйчжэнями. Правда, такой подход к оценке соотношения «происхождение народа и происхождение его названия» объяснялся тем, что средневековые китайские историки смешивали два понятия: появление нового народа и появление нового названия народа — и фактически рассматривали этническую историю Маньчжурии как смену названий одного и того же народа.

«Саньчао бэймэн хуйбянь» отмечает, что «в период правления пяти династий (907—959) их стали называть нюй-

чжэнь», а также сообщает о том, как «Кидань Абаоцзи... объединил все 36 иноземных народов (ок. 916 г. — М. В.). Одним из этих народов были нюйчжэнь» [Кычанов, 1966, стр. 272]. Как нам кажется, источник допускает, что название чжурчжэней существовало и до начала X в.

«Цзинь чжи» прямо утверждает, что в годы правления под девизом Чжэнь-гуань (627—649) династии Тан мохэ стали впервые называться нюйчжэнями по приезде в Китай. Ма Дуань-линь считает первой датой их появления под этим именем годы под девизом правления Кай-хуан (581—600) династии Суй, а первое упоминание самого этнонима относит к годам под девизом правления Чжэнь-гуань [Ma Tuan-lin, 1876, стр. 428]. Некоторые косвенные свидетельства отодвигают дату появления этого названия к VI в. Так, 8-й ярус девятиярусной пагоды храма Хваннюса в Корее, построенной в 553—566 гг., посвящался распространению буддизма среди народа нюйди, возможно, однозначных нюйчжи [Ли Ё Сон, 1955, стр. 71]. Если это так, то уже тогда различались две самостоятельные народности — мохэ и чжурчжэни.

Несколько особняком стоит концепция, связывающая чжурчжэней не с хэйшуй мохэ, а с шивэй. Она построена на отождествлении этнического самоназвания чжурчжэней с этнонимом нюйгу в «Ляо ши» [ЛШ, цз. 28]. При этом отмечается, что в «Ляо ши» нюйгу сочетаются как с этнонимом шивэй, так и (это подчеркивается) с теми же географическими (северный), родовыми («четыре рода») и описательными («желтоголовые») показателями, что и чжурчжэни. Если такая расшифровка правильна, то чжурчжэни династии Цзинь произошли непосредственно не от чернореченских мохэ, а от таких племен, как шивэй. Этноним нюйчжи первоначально означал золото, и поэтому-то государство нюйчжи стало называться Золотым (Цзинь). Так племенной этноним превратился в название государства [Li Hsueh-chin, 1958].

Таким образом, самое начало этнического процесса, приведшего к образованию народности чжурчжэней, восходит к рубежу VI и VII вв., когда появляется этноним чжурчжэни, но лишь на первую половину XI в. приходится критический этап, нашедший свое отражение в двойном наименовании одних и тех же лиц, прибывших в Корё и в Сун, и в вытеснении названия хэйшуй мохэ этнонимом чжурчжэни. Этот вывод подтверждается многими косвенными свидетельствами из области культурных преобразований, имевших место в среде чжурчжэней в XI в.

Процесс консолидации чжурчжэньского народа был очень сложным и захватил ряд племен и народностей. В центре его находились хэйшуй мохэ. В нем участвовали другие мохэские племена (сумо, фуне, байшань), племена хуйба, тели,

юэси, юйлоу, ужэ, уго, вэймо и др. Население Корё, Бохая, Динъаня тоже принимало в нем участие. Роль и судьба различных племен и народностей в этом процессе были разные и зависели от их этнического и культурного веса. Названия большинства перечисленных племен в это время исчезают из летописей, но, возможно, не из этнической истории. Корейцы же пережили и цзиньское государство.

Процесс этногенеза развивался и дальше, как по линии включения иноплеменников, так и в направлении консолидации соплеменников. К началу XII в. чжурчжэни складываются как народность, но этнический процесс продолжается за счет поглощения всех племен, населявших Маньчжурию, что и было закончено к XIII в., когда в результате военного разгрома и крушения империи этническая история народа приобрела другое течение.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Политическая история чжурчжэней до образования государства Цзинь может быть воспроизведена лишь в самых общих чертах. Это в значительной степени определяется характером источников. Династийные истории государства Цзинь и других государств — «Ляо ши», «Корё са», «Сун ши» — содержат самые общие сведения о чжурчжэнях, и очень редко приводятся конкретные события, чаще всего из области внешних сношений. Раздел о предках в «Цзинь ши» (цз. 1) как будто изобилует конкретными фактами, но все они относятся к деятельности чжурчжэньских правителей из «царского» рода племени ваньянь. Общая картина исторической жизни племен отсутствует, сведения о других племенах и родах приводятся постольку, поскольку они вступали в какие-то отношения с родом ваньянь. Более того, изложение тенденциозно, составлено задним числом для возвеличения династии и местами фальсифицировано. Но тем не менее в этом разделе содержатся почти все сведения о десяти предках Агуды — основателя государства Цзинь — членах рода ваньянь. Здесь изложена не только история правящего дома Цзинь, но и содержится фрагментарный материал по истории чжурчжэней. И все же следует заметить, что в этом разделе много сведений, не заслуживающих доверия, и просто легенд [Икэути, 1943, стр. 325—460].

То, что сообщается в этой главе о первых пяти вождях от Ханьпу до Шилу (кит. Чжао-цзу), по-существу не может быть названо историческими фактами. Появляются сомнения, существовали ли на самом деле эти пять вождей? Между Ханьпу и Угунаем добавлено четыре явно легендарных персонажа. Родословная, очевидно, растянута по сравнению

с действительной, дабы возвысить род ваньянь за счет древности происхождения. У Ханьпу есть братья, и один из них вместе с Ханьпу переселился из Корё. Легенда о том, что другой брат поселился в Хэсугуане, создана, вероятно, впоследствии при Агуде (Тай-цзу), дабы подчеркнуть идею единоплеменности, облегчить присоединение чжурчжэней этого района. Начиная с Угуая мы впервые сталкиваемся с реальными персонажами, но и о них в главе о предках рассказывается немало фантастичного.

В сочинении Ма Дуань-линя (XIII в.) первоначальное местонахождение чжурчжэней определяется следующим образом: они жили к востоку от р. Хуньтунцзян, или Сунмо (Сунгари), у подножия Чанбошаньских гор, по течению р. Ялуцзян; их владения на юго-востоке доходили до Гаоли (Корё), на юге и юго-западе — до Бохая, на севере — до земель шивэй, на северо-востоке — до моря [Ма Тоуан-лин, 1876, стр. 427—428]. Эти координаты в целом общеизвестны и встречаются в разных источниках (мы лишь уточнили указания на страны света), но обычно они приурочиваются к более позднему времени — к концу X и к XI в. Ма Дуань-линь относит их к гораздо более раннему периоду. На это указывают и названия государств, с которыми граничат чжурчжэни: упомянуто Бохай, но не названо Ляо. Несомненно, Ма Дуань-линь мог иметь в своем распоряжении сведения о раннем расселении чжурчжэней, которыми мы не располагаем.

Тот же автор называет дату первого их появления в Китае — период правления под девизом Кай-хуан (581—600), но, по-видимому, имеет в виду мохэ, которых он отождествляет с чжурчжэнями. По его словам, в 627—649 гг. в Китае впервые слышали о чжурчжэнях, известных у киданей под именем люйчжэнь. Прибытие к танскому двору мохэского вождя в годы правления под девизом Кай-юань (713—741) имеет косвенное отношение к истории чжурчжэней. Этот вождь получил звание начальника области Боличжоу. Вскоре он превратился в генерал-губернатора всей области обитания мохэ, но зона обитания мохэ во многом совпадает с чжурчжэньской. VII—X века остаются темным пятном в истории чжурчжэней, что объясняется необычными обстоятельствами: соседям чжурчжэней тогда было не до них. И в этой безвестности, досадной для нас, но благотельной для самих чжурчжэней, последние и пребывали все эти столетия.

У чжурчжэней сложились тесные связи с Бохаем. В период существования государства Бохай чжурчжэни жили в бассейне Хуньтунцзян и часто их еще называли хэйшуй мохэ. Административно они подчинялись бохайским властям, но многие их роды находились вне сферы бохайской культуры.

не, тем самым они оказались отрезанными от своих северных сородичей. Их называли по-разному: зависимыми от Ляо, регистровыми, цивилизованными (покорными, или мирными — шунюйчжи). По некоторым данным, их было шесть племен. Первоначально они не платили дани, но обязаны были в случае войны помогать Ляо войском, а в мирное время снабжали ляоский двор прислужгой. Для наблюдения за выполнением этих условий к ним был назначен киданьский наместник (цзедуши). Район их обитания назывался Хэсугуань. Отдельные группы военнопленных чжурчжэней оказались заброшенными еще дальше от своей родины. Так, префектура Лунхуа управления Верхней столицы Ляо была образована из китайских и чжурчжэньских военнопленных [ЛШ, цз. 37]. В префектуре Лайсянь области Юнкан губернии Средней столицы Ляо жило пять чжурчжэньских родов, принадлежащих к орде Ши-цзуна (945—950).

К северо-востоку от современного Шэньяня (Мукдена) и к юго-востоку от Гирина по р. Хуйфа — притоку Сунгари — жили чжурчжэни племени хуйба. Эти чжурчжэни административно подчинялись ремонтерскому управлению Ляо в Сяньчжоу (совр. Кайюань). В старинных источниках они именуются нейтральными, что довольно метко характеризует их буферное положение между чжурчжэнями мирными и немирными. Они обладали одной важной привилегией — правом поддерживать связи с немирными сородичами, проживавшими вне империи Ляо.

К северу от них, на большей части бывшей провинции Гирин и в Приморье, жили немирные чжурчжэни. Но и они считались вассалами Ляо и приносили подарки. Сами кидани редко показывались в этих удаленных местах, а управляли этими чжурчжэнями через своих начальников округов (цыши), наместников (цзедуши), губернаторов (дугун), т. е. часто через тех же племенных вождей чжурчжэней, которым они жаловали эти титулы. Эти-то чжурчжэни и известны в летописи под именем нецивилизованных, т. е. не затронутых ляоским влиянием (непокорными или немирными — шэннюйчжи). К ним относились чжурчжэни Восточного моря. Кидани считали, что в эту группу входит 72 племени и свыше 100 тыс. человек.

К категории немирных чжурчжэней кроме обитателей долины р. Аньчуху принадлежали и многие другие группы чжурчжэней. Различные древние источники то включают их в эту категорию, то перечисляют отдельно. Ялуские чжурчжэни жили в низовье левобережной Ялу, уже из Диньаня — по среднему и верхнему течению р. Ялу и по р. Тунцзя, «30 родов» — в долине Хамхына, чжурчжэни хуйба — по р. Хуйфа, чанбошаньские — по хребту Чанбошань. «желто-

головые» — по Уссури, чжурчжэни Восточного моря — в Приморье и т. д.

Попытки локализации отдельных племен и родов чжурчжэней и ближайших родственных им народов — применительно к современным географическим наименованиям — далеки от идеала, но, несомненно, представляют определенный интерес [Ларичев, 1962]. К северу от оз. Бэйцинькай (Ханко) жили роды ута и хэшиле. Хэшиле были соседями пяти племен: уго, расположившихся в верховьях р. Сунгари и между Сунгари и Уссури, вачжунь и чжидэ, обитавших по среднему течению р. Суйфун, и угулунь и ханьго — по нижнему ее течению. Бассейн Уссури заселили удигай, ужэ, еланьские роды хэшиле и ваньянь. В низовье Уссури и по Амуру жили тели. На территории приморско-корейского Пятиречья (Ушуй) (между современными Хамхыном и Пукчхоном) расселились угулунь, уянь, пуча, хэшиле, вэньдихэнь, пусань.

В Центральной Маньчжурии северней хребта Цинлин жили улиньда, к северу от гор Хулунылин (Лалиньшань) — цзягу и чжуху, по р. Аньчуху — основной род ваньянь, между реками Мулуныхэ и Буямихэ — полуму, в бассейне р. Нонни — уцзи и диле.

Одновременно с киданьским походом, в первой четверти X в., корёсцы организуют экспедицию Ю Гымхила с целью расширения территории своего государства. Но экспедиция оказалась малоуспешной, и корёсцы предпочли наладить мирные отношения с чжурчжэнями [История Кореи, 1960, стр. 135—137]. Воспользовавшись миром, восточные чжурчжэни не замедлили разместиться на северокорейских землях. Они продвинулись вплоть до современного Вонсана, т. е. заняли всю нынешнюю провинцию Хамгёдо. Чжурчжэни, находившиеся в непосредственном контакте с корёскими властями, попали под корёское управление и были поделены на округа (чжоу). Чжурчжэни, жившие на северо-востоке полуострова, не считались настоящими налогоплательщиками и приносили лишь дань.

Разгромив Бохай, кидани в 926 г. создали на его землях вассальное государство Дундань (Восточное [ки]дань) для управления бохайцами и чжурчжэнями с центром в прежней бохайской столице Хухань, переименованной в Тяньфу. Государем был посажен сын Амбагяня, и государство обязали вносить в год 150 тыс. дуаней тканей и 1000 коней.

Уже в 929 г. кидани увели свои войска, не сумев закрепиться в завоеванной стране. После их ухода на землях Бохая образовалось два объединения: Поздний Бохай, основанный родом да в 929 г., и Динъань, созданный родом ле в 938 г. в долинах Ялу и Тунцзя. Подлинная власть в Позд-

нем Бохасе была в руках племени ужэ, во главе которого стоял род у. Сам У, будучи первым министром правителя Позднего Бохасе, покорил Динъань, объявил себя его владетелем и перенес столицу в старый Дунцин (Гирин). Племя ужэ попыталось вернуть город Фуъю (Хуанлун), захваченный киданями, и в 975—987 гг. увело всех жителей из его окрестностей в свои владения. Присоединив Динъань к Позднему Бохасе, племя ужэ стало стремиться заключить с Сун военный союз против киданей и наладило дорогу, идущую из Маньчжурии в Сун. Но и сами чжурчжэни тревожили границы Ляо. В 973 г. они вторглись в пограничные земли Ляо, убили киданьских чиновников и захватили в плен часть населения. В 976 г. они совершили набег на префектуру Гуйдэ [ЛШ, цз. 8].

Предвидя возникновение антиляоской коалиции, кидани приняли меры. В 982 г. Дундань было включено в губернию Восточной столицы Ляо, а, чтобы преградить местным племенам дорогу в Сун, кидани в 983 г. напали на земли в устье р. Ялу. Первая экспедиция киданей 983 г. намеревалась покорить ялуских чжурчжэней, живших по левому берегу нижнего Ялу. Для этого кидани должны были проникнуть в глубь царства Динъань и форсировать Ялу. Поход киданей закончился крупной победой над чжурчжэнями: «убили и захватили целые толпы», «опрокинули и погнали в плен», «захватили в плен и погнали» — таковы выражения ляоской хроники о событиях этого года. Две тысячи чжурчжэней, «разбитых и прогнанных», бежали в Корё.

Но так как в это время кидани еще не укрепили свою власть над чжурчжэньским населением Ляодуна, более отдаленные чжурчжэни, жившие по Ялу, чувствовали себя свободно. Вместе с тем наметилась консолидация чжурчжэньских племен под главенством ужэ.

Во время первой экспедиции кидани пытались завоевать и чжурчжэней Динъань, живших по среднему течению р. Ялу. Но последние скрывались в лесах и горах, недоступных для киданьской конницы, пользовались сильной поддержкой корёсцев. Поэтому союз чжурчжэньских племен на среднем Ялу остался непоколебленным.

Недостаток припасов и действия племени ужэ из царства Динъань, угонявших киданей в рабство, заставили армию Ляо уйти. После ухода киданьских войск Корё направила свои войска в устье Ялу и начала строить там укрепления, но корёские войска были вытеснены силами Динъань, как прежде киданьские.

Однако кидани не успокоились. Считая, что их основные политические цели не были достигнуты, они в 985—986 гг. совершили второй поход. Он был лучше подготовлен, чем

первый, и чжурчжэни не успели оказать сильного и единодушного сопротивления. Киданям удалось разгромить Диньань, овладеть средним течением Ялу и Тунцзя, захватить богатые трофеи и пленных. В 986 г., например, Елюй Сяньчжэнь и др. преподнесли двору свыше 100 тыс. пленников, более 200 тыс. коней и различные предметы, захваченные ими в ходе войны против чжурчжэней [ЛШ, цз. 11]. В 987 г. кидани предложили чжурчжэням «30 родов» принять их подданство, но чжурчжэни направили грамоту в Сун и заключили с сунами союз.

Таким образом, киданям не удалось полностью покорить чжурчжэней этого района. И Ляо снова в 988—989 гг. посылает силы в устье Ялу, но и тогда племя ужэ, опираясь на помощь Сун, отбило нападение. Третья киданьская экспедиция была направлена непосредственно против чжурчжэней Ялу и имела лишь частичный успех.

Слабая сторона киданьских походов в Восточную Маньчжурию заключалась в том, что регулярные войска Ляо наносили поражение чжурчжэням, сжигали их поселки, захватывали трофеи, а затем уходили из-за отсутствия опорных баз.

В 990 г. кидани направили в устье Ялу четвертую экспедицию. В 991 г. кидани здесь построили три крепости: Вэйкоу, Чжэньхуа, Лайюань. Примерно в это же время корёсцы возвели на южном берегу Ялу крепость Хвансон. Дорога в Сун для чжурчжэней была закрыта. Тогда они «попросили сунского императора напась на киданей. Сунский император не согласился с этой просьбой; после чего нюйчжэни подчинились киданям» [ЦДГЧ, цз. 7, стр. 57].

Поход 990 г. и строительство крепостей на Ялу в 991 г., несомненно, являлись началом резкого ухудшения политического положения чжурчжэней. Развитие экспансии киданей дальше на восток несло чжурчжэням новые беды, так как войска проходили через их земли и сама война частично велась в их владениях. По мирному договору между Корё и Ляо, которым закончилось первое киданьское нашествие в Корё в 993 г., корёсцы получили земли к востоку от Ялу, но обязались очистить эти свои владения от чжурчжэней для обеспечения сношения с Ляо. В последующие за этим годы корёский полководец Сохи покорил чжурчжэней, обитавших на землях нынешней Северной Пхёнан, и построил там несколько крепостей и укрепленных пунктов [История Кореи, 1960, стр. 158—159].

Теснимые с двух сторон, чжурчжэни начинают вести более осторожную политику с Ляо, и, когда в 995 г. Суны предложили чжурчжэням взятку за восстание против Ляо, чжурчжэни донесли об этом киданям [ЛШ, цз. 13].

На фоне этих походов, которые, в свою очередь, являлись частью большой политики, проводимой Ляо, Сун и Корё, разворачивалась политическая жизнь чжурчжэньских племен. В X в. они находились в буквальном смысле слова «между молотом и наковальней». Именно в этот период и определились основные контуры дифференциации чжурчжэньских племен по степени их зависимости от Ляо, по месту обитания — традиционному или вынужденному. Многие мятежные роды были переселены далеко от родины. В укрепленном пограничном городе Хэдуне в 1700 ли к северо-западу от Верхней столицы Ляо жили чжурчжэньские поселенцы [ЛШ, цз. 37]. Мятежники были поселены и в г. Чжэнь в 3 тыс. ли к северо-западу от Верхней столицы Ляо, на р. Орхон и в уездном городе Чжаосянь.

Отдельные чжурчжэньские племена были обложены данью, но, как регулярно она вносилась, нам неизвестно. Впрочем, и эти приезды с данью могли быть в какой-то мере вынужденными, так как в 993, 1010 и 1018 гг. кидани провели три похода в Корё, и маршрут киданьских войск проходил либо через чжурчжэньские земли (в 993 г.), либо в непосредственной близости от них (1010, 1018 гг.). Позиция чжурчжэней в этих войнах определялась их политическим положением. Мирные чжурчжэни в 1010, 1012, 1013 гг. воевали на стороне Ляо; в 1010 г. они даже призывали Ляо к войне, жалуясь на бесчинства корёских чиновников [Franke O., 1952, стр. 78]. Немирные чжурчжэни выступали на стороне Корё, особенно в 1010 г. [ЦДГЧ цз. 7].

Конец X — начало XI в. для многих чжурчжэньских племен оказались поворотным периодом в их развитии. С середины X в. на исторической арене появились «30 родов» чжурчжэней, живших на равнине современного Хамгына. Очень скоро они стали мощным союзом племен, если судить по их дипломатической активности. Из 20 известных поездок в Сун «30 родов» совершили 13. Наряду с некоторыми территориальными группами «30 родов» попали в летописи трех государств — Ляо, Корё, Сун. Безусловно, они были первыми кандидатами на роль создателей общеплеменного союза чжурчжэней. Но ляская блокада устья Ялу, киданьские походы против чжурчжэней и позднее против корёсцев, наметившаяся активность самих корёсцев на севере лишили их центрального положения, сохранив за ними, однако, значительное местное влияние [Hino, 1964].

Для хуйба — другого известного чжурчжэньского племени — усиление влияния киданей в Восточной Маньчжурии тоже не прошло даром. После падения Бохая на р. Хуйфа обосновались чжурчжэни, которых стали называть хуйба. Поздний Бохай был создан родом ужэ. Но в него вошли и

хуйба. Они оказались не только на путях, связывающих Ляоян с местными племенами, но и на пути киданьских войск. И когда Поздний Бохай дал отпор киданям, хуйба, жившие по р. Ляохэ, оказались в авангарде. В 976 г. они вторглись в Гуйдэчжоу и захватили Гуйчжоу. Хуйба издавна ездили торговать в Корё. Когда кидани при Шэн-цзуне дали отпор набегам ужэ, они прежде всего покорили хуйба. Но одновременно последние называли себя вассалами Корё, поддерживая таким образом отношения с обеими странами. После наступления Шэн-цзуна в 1028 г. более 300 семей рода хуйба бежали в Корё и стали ядром антикиданьской коалиции. Но все же основная часть хуйба подчинилась киданям и была приписана к ремонтерскому управлению — сначала северных чжурчжэней, потом — Сяньчжоу. Их вожди получили титулы, разрешение на въезд в Ляо и на свободную торговлю там. Это произошло примерно в 1032 г., когда были прекращены прямые контакты с Сун. В подчинении Ляо в это время находились и другие чжурчжэньские племена [Franke O., 1948, стр. 183]. В 1043 г. было создано специальное управление по надзору за хуйба, что закрепило эту систему [Hino, 1951].

Чжурчжэни вступили в конфликт с Корё из-за территории Хамгён, которую каждая сторона считала своей: корёсцы, основываясь на исторической традиции, а чжурчжэни, опираясь на значительную прослойку своего населения в этих местах. Стремясь закрепиться на спорной территории, в 1033—1044 гг. Корё производила строительство оборонительного вала, проходившего примерно по 40° с. ш. и соединяющего 14 крепостей. Протяженность вала 1000 ли, высота и толщина — 25 футов. Оборонительный вал сыграл определенную роль, так как чжурчжэни без поддержки киданей (а те после 1019 г. не предпринимали военных действий против Корё) уже не могли свободно совершать набеги на северные равнины Корё. Попытка прорваться через вал в 1047 г. оказалась неудачной. Корёсцы перешли в контрнаступление и опустошили чжурчжэньские поселения в прилегающих к валу районах. С 1019 г. почти в течение 100 лет не было крупных военных выступлений в Восточной Маньчжурии.

Если верить главе о предшествующих поколениях из «Цзинь ши», то правление шести первых «царей» из рода ваньянь, никак не датированное, как минимум должно было растянуться на три первых четверти XI в., так как в 1079 г. уже как будто царствовал седьмой правитель Хэлибо (кит. Ши-цзу). На первых страницах этой главы мы уже высказывали некоторые общие сомнения в исторической достоверности этих сведений. Попытаемся здесь критически рассмотреть

эти сведения и извлечь из них все, на наш взгляд, достоверное.

Ханьпу, которому «Цзинь ши» отводит роль родоначальника «царского» рода в племени ваньянь, по тому же источнику переселился из Корё — неизвестно когда, по какому поводу, из какого места и вместе с кем. Последнее обстоятельство выясняется лишь одним фактом — он переселился вместе с братом Баохоли. Сам он был принят в племя ваньянь на р. Пугань, название которой не поддается отождествлению ни с одним современным. Баохоли остался в Елане (в Приморье), что дало некоторым исследователям основание называть его род еланьскими ваньянь, основание, без сомнения, слабое. Третий брат — Агунай — остался в Корё.

Путаница начинается уже при попытках «Цзинь ши» установить родство между отдельными — и, по-видимому, реальными — фигурами вождей в начале XII в., с одной стороны, и Баохоли и Агунаем — с другой. Если Шитумэнь и Дигунай, правившие в Приморье, потенциально могли быть потомками Баохоли, то претензия Хушимэня из Хэсугуаня (Ляодун) на родство с Агунаем выглядит неосновательной, так как последний остался в Корё. Да и в целом вся попытка представить видных вождей XII в. потомками трех братьев-родоначальников, по-видимому, относится к категории политических трюков.

Ханьпу не сразу завоевал видное положение в племени ваньянь. По «Цзинь ши», это случилось, когда он прекратил ссору между двумя родами, представителем одного из которых был он сам: он женился на женщине из враждебного рода и ввел пеню за убийство вместо кровной мести. В историко-этнографическом отношении эти факты безупречны, о чем мы будем говорить дальше, но «введение» пени приписано Ханьпу безо всякого основания. Далее в летописи перечисляются его сын Улу (кит. Дэ-ди) и внук Бахай (кит. Ань-ди), о которых сообщается лишь факт последующего присвоения посмертного титула.

О Суйкэ (кит. Сянь-цзу) сведения более интересные, хотя не всегда достоверные. Ему приписывается постройка постоянных жилищ вместо землянок, прекращение сезонных кочевков, введение земледелия и двойное переселение — сначала на р. Хайгу, потом на р. Аньчуху. Как и в случае с Ханьпу, наши сомнения относятся не к сути самих событий и не к их взаимосвязанности, а ко временной и персональной соотнесенности. Даже если бы Суйкэ жил не в XI в., а раньше, все равно положение в племени ваньянь в летописи несколько архаизировано. Характеристика чжурчженьских жилищ до Суйкэ заимствована из «Тан шу» (цз. 219), где описаны жилища хэйшуй мохэ. Бассейн р. Аньчуху из-

давна был земледельческим, и вряд ли тут надо было «вводить хлебопашество». Другие источники прямо говорят, что при династии Ляо мирные чжурчжэни живут в домах и пахут «одинаково с бохайцами, и немирные тоже живут в домах и кормятся хлебопашеством» [ЦДГЧ, цз. 22, стр. 185].

Вся жизнь Шилу — сына Суйкэ — по «Цзинь ши» — посвящена введению «законов и распоряжений» сначала среди своих соплеменников, а потом и среди других племен. Необходимость такого мероприятия объяснялась тем, что у «немирных чжурчжэней отсутствовали письменность и правила и нельзя было управлять ими» [ЦШ, цз. 1, стр. 15]. Осуществление этих замыслов повсюду было встречено враждебно. Чудом спасшись от гнева сородичей, Шилу якобы все же добился успеха в своем племени. Однако другие племена твердо стояли за «древние обычаи», и Шилу пришлось силой проводить свою политику. Он как будто победоносно дошел до гор Цинлян и Байшань и заходил даже в земли Субинь и Елань. Резюмируя итоги его царствования, летопись признает существование «законов и распоряжений», но отмечает, что «еще отсутствовали письменность, административные учреждения, не знали летосчисления» [ЦШ, цз. 1, стр. 15].

О характере «законов и распоряжений» в «Цзинь ши» ничего не говорится. Ясно только, что они противоречили обычному праву, т. е. «древнему обычаю», и претендовали на единоличный источник их провозглашения. Но не совсем ясно, как можно что-то подобное распространять только силой оружия, без письменности, летосчисления, учреждений? Некоторые исследователи узнают в этих законах литературное заимствование знаменитых «восьми запретительных статей» Ци-цза — основателя древнего Чосон (кит. Чаосянь) в Маньчжурии и Северной Корее. Трудно увидеть здесь большее, нежели попытку вождя одного племени навязать свою волю другим.

Факты и события, касающиеся первых пяти «царей» из племени ваньянь (Ханьпу, Улу, Бахай, Суйкэ, Шилу), как мы видели, изложены очень лаконично, схематично и, что хуже всего, не всегда с достоверной точностью. Настоячивое выдвижение первых пяти вождей племени ваньянь на роль общечжурчжэньских лидеров не вяжется с игнорированием этих лиц и самого племени ваньянь в летописях соседних государств. Внушает подозрение и отсутствие дат их жизни или правления, хотя бы восстановленных задним числом в начале XII в., когда собирались материалы для родословной правящего дома.

Есть основания думать, что генеалогическая линия искусственно удлинена. «В Корё са» под 1115 г. в отрывке,

посвященном воцарении Агуды и краткой характеристике чжурчжэней, рассказывается следующая история. «Некогда корёский монах из Пинчжоу по имени Ким Хём бежал к чжурчжэням, поселился в поселке Ачжигу (Аньчуху. — М. В.). Его называют родоначальником Цзинь. Еще рассказывают: сын монаха из Пинчжоу по имени Кык Су вначале пришел в чжурчжэньский поселок Ачжигу, женился на чжурчжэньской женщине, у него родился сын, которого стали звать тайши Гуи. У тайши Гуи родился тайши Холо. У тайши Холо было много детей. Старшего звали Хэлибо, младшего — Ингэ. Ингэ был самым храбрым и завоевал народные сердца. После его смерти Уясу — старший сын Хэлибо — взшел на трон. После смерти Уясу воцарился его брат Агуда» [КС, цз. 14, стр. 201—202].

Начиная с Хэлибо корёская версия соответствует цзиньской. Холо из «Қорё са» — это, очевидно, Угунай, или, как его иногда именуют, Хулай [СМЦВ, цз. 1]. Тогда Гуи, по-видимому, Шилу. Таким образом, версия «Қорё са» игнорирует по крайней мере три имени: Улу, Бахай, Суйкэ, причем первые два лишь упомянуты в «Цзинь ши».

Время правления вождя ваньянь Угуная тоже точно не определено. Известно лишь, что он родился в 1020 г., а умер в 1074 г. Таким образом, его правление могло начаться около 1040 г. и кончилось в 1074 г. Он продолжал завоевания своего отца уже без всякой ссылки на распространение «законов и распоряжений». В сферу его влияния попали соседние племена и роды, жившие в окрестностях г. Ачэна и далее: пуча, пэймань, чжуху, бучжулу, налань, усачжа. Если влияние Шилу доходило до гор Байшань, то Угунай, по-видимому, продвинулся дальше. Под его власть попали также племена ехуй, тунмэнь, елань, тугулуень и даже союз пяти племен — уго; впрочем, некоторые из них (елань) считались уже покоренными его отцом.

Все чаще люди из племен ужэ и теле, жившие в пограничных киданьских владениях, переходили на земли Угуная. Ляо стало переселять эти племена в глубь своих владений, но и это их не останавливало. Тогда кидани снарядили экспедицию для поиска беглецов, но Угунай, опасаясь, что кидани вторгнутся в его владения, в 1041 г. сам вызвался отыскать и вернуть беглецов.

Особенно много хлопот Угунаю доставило племя улиньда с р. Хэлань. Это сильное племя преграждало Угунаю путь на восток — единственное направление, которое он мог избрать, расширяя зону своего влияния. Вождь этого племени Шисянь, используя выгодный для него рельеф местности, успешно противостоял силам Угуная. Тогда последний оклеветал Шисяня перед ляоским двором. Шисяня вызвали в Ляо

и задержали там, а на его место направили его сына, вероятно более лояльного по отношению к Угунаю.

Учтя печальный опыт Шисяня, примеру ранее покорившихся Угунаю родов, по летописи — добровольно, последовало племя пуча с р. Ваминь, роды племени ваньянь с р. Тайшэньтебао и с р. Шэньинь, племя вэньдихэнь с р. Тумэнь, племена с р. Хэлань. При этом обращает на себя внимание сравнительно позднее подчинение Угунаю некоторых родов ваньянь из его собственного племени.

В дальнейшем Угунай также использовал авторитет Ляо для решения своих внутренних дел, например, по отношению к уго. Как сообщает «Цзинь ши», Баимэнь — цзедуши племени пуне (одно из племен союза уго) — восстал против Ляо и закрыл «соколиную дорогу», по которой кидани получали соколов из Приморья. Не желая пропускать киданьскую карательную экспедицию через свои земли, Угунай предложил Ляо свои услуги по подавлению восстания, хитростью захватил и выдал Баимэня, с которым находился в дружеских отношениях, за что получил от Ляо звание тайши или цзедуши немирных чжурчжэней (см. стр. 68—69 настоящей работы). Некоторые детали этого события не вяжутся между собой. Начать с того, что племя пуне неизвестно среди племен уго, если не отождествлять его (с натяжкой) с пунули. Кроме того, это племя числится вассалом Ляо и в то же время как будто покорено Угунаем. Другие источники отмечают два восстания среди племен уго, приходящиеся на эти годы: в 1048 г. восстали пунули, в 1069 г. — поуали, и неизвестно, о каком восстании рассказывает «Цзинь ши» [Икэути, 1943, стр. 402]. По времени это, скорее, должно быть восстание 1048 г., так как, по «Цзинь ши», оно произошло в первой половине правления Угуная. Но тогда сомнительно пожалование Угунаю звания цзедуши. «Цзинь ши» сообщает, что цзедуши племени пуне был местный вождь. Однако, по «Ляо ши», в 1037 и 1048 гг. эту должность цзедуши занимали кидани, и нет никаких сведений о присвоении Угунаю звания цзедуши всех немирных чжурчжэней [см. Икэути, 1943, стр. 389]. Возможно, это позднейшая интерполяция, старающаяся подкрепить ляоским признанием организаторскую роль Угуная. Такой же интерполяцией выглядит отказ Угуная от киданьской печати — знака служения Ляо, облекавшего ее носителя особой властью. Летопись объясняет этот поступок нежеланием Угуная «попасть в зависимость к Ляо», тогда как сам Угунай якобы отговаривался от печати ссылкой на протесты сородичей. Все это, несомненно, позднейшая, XII века, версия, стремящаяся отстоять тезис о полной независимости от Ляо даже первых вождей ваньянь. Прежде всего, этот отказ бессмыслен практически: печать служила

подтверждением и знаком власти, связанной с определенным званием, в данном случае — со званием цзедуши. Нелепо было бы принять звание и отказаться от того, что это звание подтверждало. Исторически этот отказ тоже необоснован. Вожди чжурчжэньских племен всеми правдами и неправдами добивались титулов и печатей где только могли — в Корё, в Ляо, в Сун, именно потому, что эти титулы и печати были крупными козырями в их внутренней политике, а внешние отношения определялись реальным соотношением сил.

В целом политика Угуная была направлена на усиление власти его рода и на максимальное расширение этой власти, хотя бы и формальной, среди немирных чжурчжэней. Характерно, что летопись не отмечает фактов присоединения племен оружием — даже Шисянь был побежден интригами, зато сообщает о добровольном подчинении. Так, переписав людей, пришедших покориться с р. Хэлань, Угунай отпустил их домой. Не удивительно, что «люди верили ему и легко подчинялись» [ЦШ, цз. 1, стр. 15]. Чтобы удерживать эти в общем-то независимые племена в сфере своего влияния, Угунай использовал ляоский авторитет. Получалась неразрывная зависимость. Чем обширнее было влияние Угуная на родине, тем больше его ценили при ляоском дворе. Ему поручали карательные экспедиции, которые он проводил против непокорных, опираясь на ляоское войско, стоявшее на границе. Эти его действия, политически вынужденные, помогали ему удерживать под своим влиянием другие племена и еще больше повышали его вес в Ляо, что выражалось в наградах титулами, а это еще более укрепляло его внутреннее положение и т. д.

Однако такая зыбкая политика не могла длиться вечно, и она кончилась со смертью Угуная в 1074 г. Его сын Хэлибо (1074—1092) унаследовал звание цзедуши. Это послужило сигналом для его сородичей, вождей других родов и племен, чья покорность была иллюзорной. Первым выступил Бахэй — дядя Хэлибо, предъявив свои права на звание цзедуши. Он имел для этого основания, так как у чжурчжэней существовал обычай, по которому наследовал не сын, а брат. Бахэй поддерживали вожди Хуаньби, Саньда, Учунь, Вомоухань. Хэлибо стал спешно вооружать свой род, но под угрозой немедленного нападения вынужден был разоружиться и даже выдать оружие противнику. В течение нескольких лет происходило формирование двух лагерей. Наконец Учунь из группы Бахэя начал войну. Его поддерживали войска Хуаньби и Саньда. Брат Хэлибо — Полашу (кит. Су-цзун) — потерпел от них поражение, но Хэлибо удалось разгромить поселки Хуаньби и Саньда. Это еще более обострило вражду. На

сторону Бахэя, к тому времени уже покойного, перешло несколько племен. Но и Хэлибо нашел могущественную поддержку у одного из вождей приморских чжурчжэней — Хайгу. Кроме того, Хэлибо послал в Ляо Полашу за помощью. Перед решающим сражением на р. Подату Хэлибо обратился к другому своему брату, Ингэ (кит. Му-цзун), со знаменательными словами: «Если сегодняшнее дело выиграем, то это будет случайность, если проиграем, то я должен умереть. Ты, сидя на лошади, наблюдай, не вмешиваясь. Если в битве я погибну, ты не подбирай моих костей, не заботься о родственниках, скачи скорей к брату Полашу, срочно передай, пусть переходит в подданство Ляо, получит печать, просит армию, доложив про эту вражду» [ЦШ, цз. 1, стр. 16].

«Цзинь ши» выделяет в завещании Хэлибо своему брату Полашу наказ: стать вассалом Ляо, получить печать и армию только в случае разгрома войск самого Хэлибо, т. е., несомненно, лишний раз перечеркивая пресловутый отказ Угуна от этой печати в прошлом и, следовательно, независимость ваньянь. Но независимо от «проблемы печати» в речи Хэлибо акцентируется совсем иная мысль. Хэлибо хочет, чтобы в случае его поражения Полашу воспользовался своим пребыванием в Ляо и любыми средствами добился закрепления за ним и за его фамилией звания цзедуши, пока его не опередил победитель.

Междоусобица и началась из-за спора, кому быть цзедуши — Хэлибо или Бахэю? Характер подчиненности в этом наказе играет второстепенную роль. Звание цзедуши уже предполагало определенную зависимость от Ляо. Хэлибо и действовал в этой междоусобице от имени Ляо. Поэтому-то он и послал Полашу за войском к киданям, а в дальнейшем отсылал пленных вождей в Ляо, принял посредничество Ляо и киданьских наблюдателей.

В 1091 г. после победы Хэлибо под Подату Хуаньби и Саньда со своими племенами покорились. Вождей Бухуя из племени бушулу и Сагу из племени пуча, не желавших капитулировать, убили свои же соплеменники, выразив после этого покорность Хэлибо. Но оппозиция еще не была уничтожена. Бэйнай — вождь племени вакэ — вошел в союз с Учунем и Вомоуханем, начал войну, но был разбит Полашу и отправлен в Ляо. Другие вожди начали совершать набеги на табуны Хэлибо и его сторонников. После длительной и упорной борьбы, в ходе которой Хэлибо был ранен, они были разгромлены, отчасти благодаря отряду племени гулидянь, вынужденному войти в дружину Хэлибо. Захваченные вожди тоже были отправлены в Ляо. Наконец, последний противник — Вомоухань, вновь восставший уже после того, как кидане выступили посредниками, вынужден был бежать,

а его ставка была взята штурмом. При последующей экспедиции присутствовали киданьские посланцы.

Хэлибо, по-видимому, первый начал борьбу за реальное объединение чжурчжэньских племен под властью его рода из племени ваньянь, и летопись не без основания утверждает, что «ядро государства с этого времени увеличилось» [ЦШ, цз. 1, стр. 16].

После смерти Хэлибо должность вождя (по летописи — звание цзедуши) получил младший брат покойного Полашу, а не его сын Уясу, хотя последнему к моменту смерти отца исполнился 31 год. Полашу уже при жизни Хэлибо был его соправителем (госян) и ведал сношениями с Ляо. За трехлетнее правление (1092—1095) Полашу провел две экспедиции. В 1092 — против уже известного нам Мачаня. Поселки последнего были разгромлены, родичи пленены, сам он казнен, а голова его отослана в Ляо. В 1093 г. — против Бахэя и Боликая в Мулихай и против племени нимангу на р. Шуайшуй, все они были усмирены. Характерно, что Полашу впервые, если верить летописи, своей властью казнил побежденных вождей. Почин Полашу, очевидно, не вызвал возмущения в Ляо, так как его соратники получили ляоские титулы за победу. Вместе с тем подобные его действия свидетельствуют об укреплении власти рода ваньянь и ослаблении самостоятельности других вождей.

В 1095 г. на смену Полашу пришел его брат Ингэ (1095—1103) — пятый из шести братьев. Он наследовал звание цзедуши в 1096 г., но был утвержден в этой должности в Ляо лишь в 1102 г. Его племянник — Сагай, сын старшего из шести братьев — Хэчжэ, принял звание соправителя. Ингэ — первый из общеплеменных вождей немирных чжурчжэней, чье имя упоминается в летописях соседних государств, причем чаще в «Корё са», нежели в «Ляо ши». Всему этому есть основания. Правление Ингэ явно знаменует собой более или менее прочное формирование союза племен, приобретающего заметный постоянный вес на исторической арене Маньчжурии.

Как и его предшественники, Ингэ в период своего правления вел войны с соседними чжурчжэньскими племенами. Уже в 1095 г. Ингэ вступил в межродовую борьбу на р. Суйпин (Суйфун). Хайгэань — вождь племени вачжунь — напал на племена, жившие по р. Тумэнь, а затем и на земли рода хэшиле, возглавляемого Нагэньне. Возможно, он хотел по образцу рода ваньянь создать свой собственный союз племен, но род хэшиле был связан брачными узами с родом ваньянь, и Ингэ поддержал хэшиле. Нагэньне, ободренный поддержкой, не только потеснил Хайгэаня, но и стал вместо него вождем восточночжурчжэньских племен. Тогда отряды

Ингэ разбили Нагэньне и убили его самого, но положение от этого не стабилизировалось.

В 1096 г. Асу — новый вождь хэшиле — открыто выступил против Ингэ, задержав его отряды, преследовавшие одного из мятежных вождей. Асу сразу же обратился за помощью к Ляо и, судя по последующим событиям, получил поддержку. Это ободрило других вождей. На севере организуется новая группировка, в которую вошли Люкэ и Дигудэ — вожди племени угулунь, Чжиду — вождь племени ута и др. Производя оценку сил своих и противника, Люкэ насчитал в группах угулунь и тутань по 14 родов, в группе пуча — 7, а во всей коалиции 35, у группы же ваньянь — всего 12 родов (бу).

Причина образования коалиции неясна, но можно догадываться, что введение племенем ваньянь новых форм контроля — назначение вождей из центра, отмена родовых и племенных значков — сыграло тут определенную роль.

Ингэ и Сагай двумя отрядами подошли к крепости Асучэн. Асу бежал в Ляо, но крепость не сдавалась. Однако осады и бегства вождя оказалось достаточно, чтобы поколебать ряды участников коалиции: вождь племени вэньдихэнь с р. Тумэнь сразу же отмежевался от союза, Люкэ и Ута, потерпев поражение, тоже бежали в Ляо. Но Ингэ почувствовал необходимость проведения более гибкой политики: он отменил состоявшееся уже назначение вождей на востоке и сосредоточил все силы на осаде крепости Асучэн. Ляоский посол своей властью попытался распустить войска, осаждавшие крепость, но Ингэ уже овладел положением, и, как уверяет источник, после пятилетней осады крепость Асучэн пала. Ляо потребовало, чтобы Ингэ возместил родственникам утрату их близких, но Ингэ, в свою очередь, напомнил, что в таком случае «все племена не будут выполнять приказов и распоряжений», и в подкрепление своего заявления демонстративно закрыл «соколиную дорогу». Между тем «соколиная дорога» вела через земли ваньянь во владения угу, находившихся в вассальной зависимости от Ляо и регулярно вносивших киданям значительную дань (возможно, чтобы заручиться их поддержкой против других групп немирных чжурчжэней). Закрытие дороги вызвало немедленный эффект: Ляо отказалось от претензий по поводу взятия Асучэна, а Ингэ открыл дорогу.

В 1101 г. Ляо демонстративно одарило Ингэ не за подавление восстания племен, а за открытие «соколиной дороги». На следующий год Ингэ был утвержден киданями в звании цзедуши. Но Ингэ продолжал держаться с Ляо осторожно и в 1103 г. дважды выдавал им послов от пограничных с киданями племен, являвшихся к нему с предложением союза

против Ляо. Ингэ еще не считал себя готовым к открытому выступлению против киданей и по-прежнему оказывал им услуги в подавлении мятежей (Сяо Сели, или Хайли, в 1103 г.), завязал дипломатические отношения с Корё, а главное — продолжал политику присоединения к своему племенному союзу других племен: на юго-востоке он продвинулся до Илигу, Хэлани, Елани, Тугулуны, на северо-востоке — до Уго, Чжувэй, Сюда.

Корёская проблема возникла в конце правления Ингэ, когда усилилось переселение чжурчжэней в долину современного Хамхына. Это переселение диктовалось как хозяйственными (удобства хлебопашества), так и политическими соображениями (уход из-под власти племени ваньянь). Племена хэшиле, угулунь, пусань признали власть корёсцев, но последние проявили настороженный интерес к чжурчжэньским переселенцам в бассейн Ялу и Южное Приморье.

Уясу (кит. Кан-цзун) в течение своего десятилетнего правления (1103—1113) в основном занимался восточным вопросом. Племя хэланьдянь двинулось во владения Корё, которое, однако, не проявило большого желания принять его. В начале 1104 г. 1758 чжурчжэней переселились на корёские земли. И вскоре все Пятиречье оказалось заселенным чжурчжэнями.

В 1104 г. развернулись военные действия между корёсцами и чжурчжэнями из-за Чонпхёна (Динчжоу). Корёское войско во главе с Юн Гваном потерпело поражение, и Корё вынуждено было заключить мир, уступив чжурчжэням все земли к северу от этой крепости.

Но Корё готовилось к реваншу, и в 1107 г., воспользовавшись возобновившимися набегами чжурчжэней, 170-тысячная корёская армия при поддержке флота перешла в наступление. 400 чжурчжэньских вождей и старейшин, приглашенных корёсцами на переговоры, были уничтожены. Несмотря на отчаянное сопротивление, чжурчжэни были рассеяны. Впрочем, их силы не потерпели существенного ущерба. В поздравительном адресе, в настенной надписи в управлении Еджона, на стеле Юн Гвана — везде сообщается о захвате 135 селений, о гибели 5 тыс. чжурчжэней, о взятии в плен 6 тыс. чжурчжэней, о преподнесении ко двору 100 коней и 300 быков, это, конечно, не большие трофеи для 170-тысячной армии [Икэути, 1937, т. 2, стр. 342—423].

На завоеванных землях Юн Гван построил ряд крепостей, наиболее важные из них: Хамджу, Ёнджу, Унджу; Кильччу, Покджу, Иджу, ставшие областными центрами, и Тхонтхэджин, Пхёнунджин, Конхомджин — чисто военные укрепления. По мысли Юн Гвана, эта система из девяти крепостей должна была служить базой для корёской погра-

ничной стражи, оплотом местного корёского населения в борьбе с чжурчжэньскими набегами. Сам по себе план был вполне правильный, но, по-видимому, число крепостей и размер гарнизонов оказались явно недостаточными для обширной территории Пятиречья, частично заселенной и продолжавшей заселяться чжурчжэнями. Уже в 1109 г. чжурчжэни сумели прервать коммуникации между крепостями; блокировать их при помощи построенных ими палисадов и девяти чжурчжэньских крепостей, сооруженных напротив корёских. Чжурчжэни решили не сдаваться и удачно сочетали партизанскую тактику, нарушавшую сообщение между крепостями и порядок земледельческих работ, с действиями регулярной армии, начавшимися в 1109 г. В этой борьбе корёсцы уступили: по условиям мира, они отошли за пограничную стену, срыли девять своих крепостей, блокированных девятью же чжурчжэньскими, и вернули часть переселенцев. Недолгий период корёской активности на севере кончился, и чжурчжэни теперь могли не беспокоиться о своем тыле. В ходе этой войны, по-видимому, произошла дальнейшая политическая консолидация племен и союз перерос в «варварское» государство.

В 1113 г. к власти пришел Агуда (кит. Тай-цзу). Он явно ощущал себя политически более видной фигурой по сравнению с предшественниками и для подтверждения этого впервые к званию цзедуши добавил титул дубоцзиле (чж. дубокэ-ли) — верховный вождь. Он первый умышленно отказался соблюдать все формальности, выражающие уважение к Ляо: не сообщил в Ляо о трауре по покойному правителю, не просил об утверждении в звании цзедуши. Он снарядил посольство в Ляо — формально с требованием выдачи Асу — старого врага рода ваньянь, а фактически с разведывательными целями. Получив сведения о политическом кризисе в Ляо, Агуда стал собирать войска. Тем временем и Ляо послало на границу отряд численностью 800 человек. Подойдя к р. Ляохэ, Агуда соединился с 2,5-тысячным войском других племен и объявил войну Ляо, выдвинув все тот же предлог — отказ выдать его врага Асу. В своей речи он подчеркнул, что его род в течение нескольких поколений служил Ляо в качестве цзедуши, платил дань, подавлял мятежи, но сюзерен не выполнил своих обязательств.

Перед походом Агуда объявил: «Отличившиеся, если они рабы, станут свободными; если они простолюдины — чиновниками, если они уже имеют чин — получают повышение» [ЦШ, цз. 2, стр. 22]. Был засыпан пограничный ров, преграждавший путь войску Агуды.

Вскоре войско Агуды разбило киданей и захватило г. Нинцзян — важный административный и торговый центр

киданей на востоке. Одержав еще ряд побед в 1114 г., Агуда провозгласил в 1115 г. создание чжурчжэньского государства: «„Дом Ляо свое государство назвал Биньте (стальное. — М. В.), имея в виду его крепость. Хотя сталь и крепка, но наконец меняется, портится и становится ломкой, только золото (цзинь) никогда не меняется и не портится. Цвет металла (по таблице соответствий предметов и качеств пяти элементов, одним из которых является металл или золото. — М. В.) — белый и наш народ ваньянь белый цвет считает первым“. Итак, он назвал свое государство Великая Цзинь» [ЦШ, цз. 2, стр. 23].

Первый этап истории чжурчжэней закончился к 1115 г. созданием государства Цзинь, подготовленным всем ходом событий и личной деятельностью ряда чжурчжэньских вождей из рода ваньянь и завершенным Агудой. Причины выдвижения рода ваньянь в лидеры движения за объединение, как всегда в таких случаях в истории, чрезвычайно многообразны, противоречивы и кое в чем случайны. На рубеже XI в., казалось, все шансы стать гегемоном были у союза «30 родов» чжурчжэней, неплохие шансы еще раньше имело царство Диньянь. Но ни тот, ни другой не стали лидерами. Первоначально ваньянь выделялось только своим удобным географическим положением. Долина р. Аньчуху находилась достаточно далеко от Ляо, Корё и даже Уго, чтобы те могли непосредственно угрожать ее обитателям, и не слишком далеко, чтобы поддерживать с ними сношения. Особенно это относится к Нинцзянчжоу — крупному торгово-административному центру киданей, расположенному недалеко от этой реки. Через долину проходил важный «соколиный путь» из Ляо в Уго, по которому доставляли дань и соколов. Сама долина была пригодна для земледелия, здесь добывали золото и жемчуг, а леса были богаты пушным зверем.

Относительное спокойствие этих районов позволяло людям использовать хозяйственные и торговые преимущества, которые сами по себе вовсе не являлись исключительной привилегией ваньянь. Но именно они дали силу его вождям для покорения ближайших соседей.

Но, конечно, решающим политическим козырем для ваньянь была верная служба Ляо. За эту службу вожди ваньянь получили звания наместника (цзедуши), а это, в свою очередь, открывало широкие перспективы для их активизации на востоке. Со второй половины XI в. Ляо уже не мечтало о завоеваниях и готово было дать любые привилегии соседям, если те гарантировали хотя бы временный порядок на его границах. На рубеже XII в. политическое и военное влияние племени ваньянь было подкреплено дипломатическими отношениями с Корё. Но окончательно оно было стабилизо-

вано удачными кампаниями против тех же корёсцев и киданей, которые и сделали политически возможным провозглашение независимого государства.

Конечно, немалую роль здесь играл характер использования всех этих возможностей и проведения всей сложной военно-политической игры. Упорство и целеустремленность ряда последовательно сменяющихся вождей ваньянь тоже имели немалое значение.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ

Вчитываясь в старинные китаеязычные источники, мы сталкиваемся с трудностью, хорошо знакомой всем, кто вынужден по старым письменным материалам воссоздавать структуру общества, в данном случае чжурчжэньского, доцзиньского. Китаеязычные источники обычно не различают понятий рода, племени, территориального объединения у чжурчжэней, хотя нельзя сказать, что эти понятия вовсе им незнакомы. В «Ляо ши» во введении к описанию племен [ЛШ, цз. 32] прямо говорится, что буцзу (племя) называется бу, а шицзу (род) — цзу. Более того, утверждается, что у киданей и си (хи) существовали обе формы, а у других народов известны только одни племена, или бу (например, у шивзэй), либо одни роды, или цзу (например, у хэчжу). Но вместе с тем этим бу придается смысл территориальных объединений (Угобу, Угубу и др.); кидани их создавали, возможно, на базе подлинных племен, подобно, как утверждают, русским в XVII в., создававшим «волости» в Северной Сибири [Общественный строй..., 1970, стр. 334]. К этой же категории, очевидно, относятся семь родо-племенных образований чжурчжэней Хэсугуаня и пять — у мирных чжурчжэней [ЦШ, цз. 66].

Несмотря на то что «Ляо ши» и «Цзинь ши» составлены в одно время и одной и той же группой людей, последний источник прямо не определяет своего отношения к терминам «бу» и «цзу»². Более того, в тексте «Цзинь ши» весьма редко встречается термин «цзу» в сочетании с чжурчжэньскими коллективами. Примечательно, что уже составители «Цзинь ши» жаловались на трудность выделения у киданей и чжурчжэней рода (шицзу) по фамилиям [Ch'en Shu, 1935, стр. 331]. Однако существует неоспоримое свидетельство того, что в определенных случаях составители «Цзинь ши» различали у чжурчжэней эти две социальные категории.

² Источники вообще строго не придерживаются правил их употребления. Так, читаем: «Нюйчжи... особое племя (бу) бохайцев» [ЦЧ, стр. 1], «Нюйчжи... особый род (цзу) бохайцев» [СЧБМХБ, цз. 3, стр. 1а].

«Человек из племени (бу) ваньянь убил человека другого рода (цзу), поэтому два рода (цзу) между собой враждовали... [Ханьпу, помилив их], создал одно племя (бу)» [ЦШ, цз. 1, стр. 15].

Это место в «Цзинь ши» как будто не допускает иного толкования, но в этом же источнике неоднократно повторяется фраза: «[Каждый] из 12 племен (бу) ваньянь свое племя превратил в фамилию (ши)» [ЦШ, цз. 66, стр. 438]. Нет перечня этих 12 групп, образующих конфедерацию ваньянь, и среди сотен деятелей Цзинь почти не известны чжурчжэни, принадлежащие к племени ваньянь и носящие свою родовую или патронимическую фамилию (син, ши). Исключительный случай, когда, например, в одной биографии Лоуши назван человеком из бу ваньянь, вождем всех бу Семиречья, а в другой биографии Хайли назван сыном из цзу Лоуши [ЦШ, цз. 72]. Кроме этого случая, из 214 лиц, принадлежащих к ваньянь, лишь трех человек «Цзинь ши» связывает с родом (цзу): Шоугэ — с родом цунтань [ЦШ, цз. 122], Гобао — с родом Чжао-цзу, или Шилу [ЦШ, цз. 66], Соуэ — с родом Му-цзуна, или Ингэ [ЦШ, цз. 135]; причем в двух последних случаях — с «царским» родом.

Если мы обратимся к списку чжурчжэньских фамилий-эпонимов (ши), приложенному к «Цзинь ши», то обнаружим, что из 83 фамилий первой категории (а всего их было около сотни) примерно 25% связаны с родо-племенным организмом (бу), около 25% — нечжурчжэньские по происхождению, остальны неизвестны [Ch'en Shu, 1935]. Во всех без исключения случаях связь с родо-племенной организацией предстает в виде происхождения фамилии (ши) от названия этой организации — бу. В дальнейшем, уже в начале XII в., был подтвержден запрет на браки между членами одной фамилии («на однофамильных (син) не женятся»). Такой запрет связан с родом или с его пережитком. Как мы знаем, из названия племени не появляется фамилия, она вырастает из названия рода или — как в данном случае — из патронимии, поскольку во всех без исключения случаях родоначальником фамилии выступает реальное лицо, а не мифический предок-тотем.

А вместе с тем все эти фамилии возводятся к одноименным племенам (бу). В «Саньчао бэймэн хуйбянь» говорится: «К концу правления династии Тан племена (цзуло — собственно, орды, улусы. — М. В.) умножились. Всего было 30 старшин, каждый имел одну (свою) фамилию и [таким образом] всего насчитывалось 30 фамилий (син)» [Кычанов, 1966, стр. 276]. Здесь, по-видимому, источник подразумевает чжурчжэней «30 родов», о которых мы говорили много. Но вскоре число племен и родов вырастает — и заметно:

«У [чжурчжэней] имеется 72 племени (було). У них не было государя и каждым племенем (цзюйло) самостоятельно управлял его старейшина» [Кычанов, 1966, стр. 271]. Так, в «Сунмо цзивэнь» некий чжурчжэнь Уши назван одним из 72 ванов. Но все эти 72 племени безымянны. За одним-двумя исключениями источники не дают никаких других наименований, которые можно было бы считать наименованиями племен (чжурчжэни Восточного моря, «желтоголовые» чжурчжэни, чжурчжэни Хэсугуаня и т. п.). Такие наименования, как уго (и его составные), ужэ, хуйба, тели, угу, теле, тулугу, возможно, прямо не связаны с народностью чжурчжэней (три последних этнонима даже не попали в «Цзинь ши»).

Данные о численности членов этих родо-племенных групп, небезразличные при разрешении данного вопроса, столь же противоречивы или отражают разные стадии развития групп. По одним данным, мирные чжурчжэни, не находившиеся в подчинении Ляо, перекочевывают группами от 2—3 до 100 семей [ЦДГЧ, цз. 22], т. е. явно родами, по другим — у мирных чжурчжэней есть старшины, правящие тысячью или несколькими тысячами дворов [ЦЧ], что уже ближе к племенам.

Все это прямо противоречит известному утверждению Л. Моргана о том, что наблюдатель-этнограф ясно видит племя, а род непосредственно наблюдать не может. Но сама по себе эта ситуация неоднократно смущала исследователей, которые видели свою основную задачу в отыскании во всех случаях ясных признаков существования рода и племени (например, среди народов Севера Сибири). Между тем в условиях кочевого или полукочевого быта, малой плотности расселения, значительной пересеченности местности тенденция к объединению в племена явно тормозилась. Многие роды-патронимии оставались вне племенных объединений. Образовавшиеся племена могли быть лишены некоторых важных признаков и, контактируя с более развитыми народами, особенно при кратковременности самого своего существования, легко распадаться на более мелкие общины. Племенные объединения могли замещаться территориальными объединениями родов [Общественный строй..., 1970, стр. 346, 355, 368].

Сказанное не следует понимать как полное отрицание существования племен у чжурчжэней. Мы знаем, что над семью старшинами родо-племенных групп (бу) Хэсугуаня стоял верховный старшина Хушимэнь [ЦШ, цз. 66], очевидно племенной вождь. При Ингэ, в конце XI в., образовалось несколько конфедераций родов, причем каждую такую конфедерацию возглавил наиболее сильный род: ваньянь — 12 родов, тутань, угулунь — по 14 родов каждая, пуча — 7 родов, причем каждый род считался патронимической фамили-

ей — ши [ЦШ, цз. 66]. Несмотря на отсутствие собственного племенного названия, здесь мы имеем дело, очевидно, с племенами³.

Речь идет лишь об удивительной трудности, с какой различаются эти две социальные категории, — трудности, по-видимому, стоящей не только перед нами, но и перед китайскими авторами XIV в. Эти трудности, вероятно, отражали реальное положение — существование родо-племенной организации того типа, при котором, как говорилось выше, род уже отличался от классического образца, а племя не приобрело его⁴.

В исторических китайских сочинениях чжурчжэни описываются вначале на стадии патриархально-родовых отношений, базирующихся на сравнительно ранних формах хозяйства (охота, кочевое скотоводство), на кочевом или полукочевом образе жизни, на отсутствии частной собственности на скот, на землю, даже на некоторые формы охотничьей добычи, на большой патриархальной семье — патронимии.

Отцовский род (в форме патронимии), или большая семья, чжурчжэней характеризовался общностью происхождения, общим названием, общими правами, обязанностями и традициями, наличием дочерних родов. Утверждение, что каждый из родов (бу) является фамилией (ши), вроде бы свидетельствует в пользу родовой общины из людей, связанных узами крови, или же по крайней мере — в пользу общины домово́й, или семейной, если отождествлять фамилию с семьей. Однако тот же источник, пересказывая предание о женитьбе основателя «царского» рода племени ваньянь, упоминает, что жених получил невесту «с имуществом». Из этого как будто следует, что мы имеем дело с соседской, или территориальной, общиной, отдельные члены которой уже владели личным имуществом и вели свое хозяйство [Хуа Шань, Ван Гэн-тан, 1956, стр. 29].

Некоторые другие обстоятельства: принятие в род самого Ханьпу, вероятно, с его сородичами, а впоследствии, при Хэлибо, — «наем» семей кузнецов из рода цзягу, факты довольно активного передвижения самого племени ваньянь и других племен и родов, в результате чего образовывались главные и дочерние племена (ваньянь с Аньчуху и еланьские ваньянь и т. д.), причем совершенно неизбежно происходило

---

³ В свете всего сказанного выражения род, племя, предшествующие конкретным названиям в нашей книге, следует понимать не буквально. Установившаяся традиция обозначения одних (ваньянь, уго) и готовые переводы других затрудняли унификацию.

⁴ Аналогичное положение, видимо, наблюдалось и у потомков чжурчжэней: лишь о родах говорится при описании маньчжуров [Народы Восточной Азии, 1965, стр. 679—680], нанайцев [Лопатин, 1922, стр. 185—186].

смешение,— свидетельствуют о постепенном ослаблении кровнородственных связей, обязательных для классического родового строя. «Ши-цзу (Хэлибо.— М. В.) нанял у племени цзягу кузнецов и в деревне Убутунь приготовил 90 доспехов»; и ранее при Угунае: «Теле и ужэ по большей части не хотели переселяться [в Ляо], убегали и приходили подчиняться [ваньянь]» [ЦШ, цз. 1, стр. 15].

Такие общины были довольно многочисленны, компактны и жили поселками; последние часто упоминаются в «Цзинь ши». Помимо обычных поселков, где жила основная масса земледельцев-общинников, были городки или городища, где размещался вождь со своими родичами, приближенными к дружинам. Например, вождь племени угулунь Люкэ жил в городище Люкэчэн. Так как Люкэ враждовал с Ингэ, городище Люкэ было взято около 1099 г. Городище Асучэн — ставка Асу, другого противника племени ваньянь,— было взято в 1100 г. [ЦШ, цз. 1].

Такие городища указывают не только на уровень военного и административного развития племени, но и на некоторые его социальные черты, а именно на выделение в общине привилегированных, знатных семей как весомой общественной ячейки.

Во времена Хэлибо «по обычаю, когда сыновья немирных чжурчжэней вырастали, они сразу же селились отдельно» [ЦШ, цз. 1, стр. 16], т. е. создавали свою семью и свое хозяйство. Более того, почти все свое правление Хэлибо провелевал со своим сводным дядей — сыном Шилу от второй жены,— который принадлежал к тому же роду и к той же большой семье, что и Хэлибо. Практически вся организаторская деятельность в среде немирных чжурчжэней представлена в «Цзинь ши» связанной со все более суживающимися общественными ячейками: Ханьпу с соплеменниками и племя ваньянь в целом, т. е., условно говоря, два племени; затем одно племя ваньянь; при Суйкэ после переселения — одно главное племя без дочерних; при Шилу — уже род внутри племени ваньянь, так как род дяди и отца Шилу выступил против него; при Хэлибо — это союз семей девяти братьев, передающих власть друг другу, но их дядя (представитель того же рода и, по-видимому, той же фамилии) — Бахэй стал ярым врагом Хэлибо; только при Агуде царская семья вытесняет прочие. Разумеется, эту схему, выведенную на материале «царского» рода, нельзя безоговорочно переносить на рядовых сородичей.

Трансформация родовой системы чжурчжэней не ограничивалась развитием патриархальной семьи. В недрах родового общества в конце XI в. складываются оригинальные чжурчжэньские институты — мэнгань (чж. мингань) и моукэ

(чж. мукэ), лучше известные в формах, существовавших в середине XII в. Ранние их формы восстанавливаются с трудом. Вот как описывает «Цзинь ши» их структуру уже к моменту образования государства: «В начале Цзинь народ всех племен не нес повинностей. Сильные — все были воинами. В мирное время все трудились — пахали, ловили рыбу, охотились на зверя. При появлении опасности посылали приказ племенам и отправляли гонцов к их боцзиням, чтобы собирали войска. Пешие и конные — все готовились. Главу их племени (бу) называют боцзинь, в походе называют мэнъань и моукэ. В соответствии с числом воинов дают название: мэнъань — 1000 мужей, моукэ — 100 мужей. За моукэ следует пулиянь, за шицзу — алиси. Число солдат в племени не определено» [ЦШ, цз. 44, стр. 281].

Создание системы мэнъань и моукэ, о которых говорится в этом отрывке, относится к 1116 г., т. е. ко времени, непосредственно следующему за захватом Нинцзянчжоу. Но в другом месте «Цзинь ши» сообщается, что мэнъань уже существовали к моменту захвата этого города [ЦШ, цз. 80]. В биографии Дигуаня — предполагаемого потомка Баохули — рассказывается, что он в мирное время управлял соплеменниками в качестве боцзиня, т. е. племенного вождя, а раз так, то, учитывая строй этой и подобных ей фраз, можно предположительно дополнить ее замечанием о том, что в военное время он выступал в качестве начальника мэнъань или моукэ [ЦШ, цз. 81]. В таком случае эти институты могли существовать еще при Хэлибо.

Обратимся к этимологии этих терминов. Мэнъань — это видоизмененное чжурчжэньское мингань, или тысяча дворов. Моукэ в «Цзинь ши гоюй цзе» переводится как род, племя и сближается с чжурчжэньским словом мукэ, что означает вода. Указанный источник объясняет, что большинство чжурчжэньских родов жило по рекам и к собственному родовому или племенному этнониму обычно прибавляло название места, чаще всего реки.

Таким образом, моукэ — это военный отряд рода или мелкого племени. Размер моукэ зависел от величины рода (обычно 50—100 человек). Моукэ в известном смысле отождествлял собой род или часть рода, живших в одном месте, т. е. способных носить оружие (откуда и название). Но мэнъань — это уже сводный отряд нескольких родов или целого племени в 1000 дворов, каждый из которых выставлял бойца с вооружением.

Го Жэнь-минь считает, что мэнъань и моукэ — это чисто военная система, участвовавшая в создании государства Цзинь, сельские общины, облеченные функциями обороны [Го Жэнь-минь, 1957]. Чжу Да-цзюнь считает, что эта орга-

низация была ядром общественной и производственной жизни до образования Цзинь [Чжу Да-цзюнь, 1958].

Само появление мэнъянь и моукэ связано уже с нарушением родовых связей и с необходимостью их укрепления или замещения иными связями на территориальной, военной и политической основе. Появление таких организмов наблюдается у многих народов Дальнего Востока (у тангутов, тибетцев, монголов) и служит проявлением ранней государственности. Усиление их военной функции и создание «сотни» знаменует уже наступление стадии военной демократии. Эти ячейки в XI в. были новой ступенью развития общества. Они сложились как общественные ячейки с комплексом неразделенных функций: общественной, экономической, военной. Только позднее они выкристаллизовались как военные отряды, входящие в армию рода ваньянь внутри других племен. Военные дружины ваньянь образовались сравнительно рано, что содействовало росту мощи рода.

Ведя большую политику, род ваньянь уже не мог довольствоваться одной своей родовой дружиной, а союзные дружины, как показал опыт, не всегда оказывались в его распоряжении. Отдельные роды и племена обязаны были по первому требованию выставлять отряды. Для этого, вероятно, выбирались племена, расположенные вблизи земель ваньянь, но самое главное — их структура была приспособлена и приспособилась к постоянному полувоенному функционированию. Во-первых, выбирались или создавались компактные родовые коллективы, связанные не только общностью предка, но и общностью фактического совместного проживания, а во-вторых, эти коллективы обеспечивали себя всем необходимым и не забывали про военную тренировку. А так как воевать им приходилось почти постоянно, то и это накладывало отпечаток на их жизнь, возможно на местоположение поселков, численность дворов и т. п., т. е. они превращались в военизированные общины.

Не предвзято более подробного разбора соотношения между чжурчжэньским моукэ и маньчжурскими мокунями, напомним лишь следующее. Когда маньчжурские роды очень разрослись, а их члены рассеялись на обширной территории, основные функции рода утратились. Внутри рода выделилась мелкая ячейка мокунь, которая переняла все функции рода. Мокунь немислим без рода (хала) и поэтому не имеет собственного имени. Мокунь экзогамен сам по себе, но эндогамен по отношению к роду в целом. В компетенцию мокуня входили браки, важные межсемейные отношения, дела с другими мокунями, финансовое и экономическое управление, а при Цин — военные вопросы [Schirokogoroff, 1924, стр. 16, 17, 51].

Посмотрим теперь, из каких социальных групп состояли чжурчжэньские племена в X—XI вв. и каково было место этих групп в общественной жизни племен.

Разумеется, положение разных социальных групп в племенах не было одинаковым и зависело от уровня развития этих племен, но если принять этот уровень за примерно равный, то жизнь рядовых общинников — наиболее многочисленного и компактного до конца XI в. населения — сохраняла многие черты родового быта: коллективизм, равенство членов рода.

Больше всего черт коллективизма сохранялось в быту. Несмотря на семейное хозяйство и семейную собственность, считалось неприличным не разделить лакомый кусок с вождем или старшиной. Во время пира, где присутствовали Агуда с вождями, соблюдение этого обычая происходит уже не в народной, а в избранной среде. В менее знатных семьях на пир приходят все желающие, без особого приглашения. Сельские праздники — гульбища становятся традицией: «Древние обычаи чжурчжэней: пить и есть на совместных празднествах, стрелять с коня — это и есть развлечения» [ЦШ, цз. 80, стр. 513]. Несложные религиозные обряды совершаются всеми сородичами совместно.

В военной жизни коллективизм проявляется очень ярко и в таких формах, которые в мирной жизни уже не соблюдались, например в виде совещаний всех воинов. «Когда в стране случится важное дело, собираются в поле, садятся в круг, чертят по золе и так совещаются, начиная с низших. По окончании совета уничтожают начерченное. Поскольку не слышно человеческого голоса, все остается в тайне. Когда отряд выступает, [устраивают] большую сходку с угощением. Велят людям подавать предложения. Предводитель слушает и оценивает. Тех, [чьи советы] подходящи, и назначают на это дело. Когда отряд возвращается, устраивают большую сходку, спрашивают об отличившихся и награждают их золотом, сообразуясь с указаниями членов отряда. Если члены отряда найдут, что мало — добавляют еще» [ЛШШИ, цз. 18, стр. 363].

Мы видим, что в военное время собирался совет воинов для обсуждения боевых планов. Он завершался всеобщим празднеством. После окончания боя, по-видимому, в среде чжурчжэней происходил коллективный дележ добычи, причем все воины имели право выдвигать свои требования. Дележ трофеев тоже завершался празднеством. В походе все без различия чина и родства вместе питаются, кормят и чистят коней, дабы, как указывает источник, укрепить товарищество. В конце периода именно в военных отрядах строгая родовая взаимовыручка превратилась в жесткую дисциплину,

которая допускала умерщвление всех членов отряда, допустивших гибель командира.

Из сказанного видно, что еще в XI в. обязанность состоять в родовых дружинах в случае возникновения межродовых и т. п. столкновений была, в сущности, единственной реальной обязанностью сородичей по отношению к коллективу в целом.

Описанная нами семейная община в XI в. была в основе своей патриархальной. Многочисленные примеры, оттеняющие высокую роль женщины, отнюдь не свидетельствуют о переходном характере общества, развивающегося от матриархата к патриархату.

Период матриархата мог, конечно, существовать у тунгусо-маньчжурских племен, но где-то в отдаленном прошлом, за много столетий до появления чжурчжэньского этноса. Мы знаем, что вожди Хэлибо, Полашу, Ингэ были братьями и при наличии живых взрослых сыновей передавали власть по наследству от брата к брату, так же как позднее Уясу, Агуда и Уцимай.

Несмотря на первые признаки разложения, о которых речь пойдет ниже, чжурчжэньская община обладала завидной прочностью и жизненностью, обусловленными известным дуализмом. Дуализм земледельческой общины заключался в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих, в исключительном владении семьи домом и двором и является для нее «источником большой жизненной силы» [Маркс и Энгельс, т. 19, стр. 418].

Многие, главным образом экономические, процессы подрывали существование сельской общины как равноправного коллектива. Выделение профессионального ремесла и развитие обмена, с одной стороны, являлись признаками повышения производительности труда, а с другой — привели к возникновению избыточного продукта, принципиально могущего быть присвоенным. Но наибольшую возможность присваивать имели лица, занимающие руководящее положение в роде и племени. Эта руководящая вначале общественная верхушка уже по своему положению обладала определенными функциями, выделявшими и противопоставлявшими ее родовым общинникам. Развитие имущественного неравенства превращало эту потенцию в реальность. В среде общинников формировалась категория лиц, обладавших особыми правами. Это были богатые и знатные, военачальники и вожди, колдуны и шаманы.

Что касается колдунов и шаманов, то известно и о высоком их положении в социальной иерархии. Однако это их положение имело преимущественно идеологические корни и как будто не сопровождалось особыми материальными или

политическими преимуществами — во всяком случае, об этом у нас нет сведений.

Богатые и знатные появились в среде общинников рано. Елюй Амбагянь (Абаоцзи), боясь мятежа среди чжурчжэней, в начале X в. «завлек и переселил... несколько тысяч наиболее знатных и сильных семейств» [Кычанов, 1966, стр. 272], но здесь «знатными и сильными» названы не отдельные лица, а семьи. В начале XII в. в требовании ввести смертную казнь за воровство отразилась уже сложившаяся собственническая психология богатых.

Однако в то время богатство обычно сочеталось со знатностью, и социальное положение богатого зависело не столько от размеров его богатства, сколько от знатности, т. е. от положения в родовой иерархии. Это подтверждается своеобразным негативным доказательством — полным отсутствием сведений об отдельных богачах; зато есть сведения о богатстве и положении знати. В категорию знатных в это время входили старшины сел и поселков, старейшины, начальники мэнъянь и моукэ, военачальники, родовые, племенные и общеплеменные вожди, непосредственные исполнители повелений последних.

Имущественное неравенство на этом полюсе постепенно перерастало в классовое, в сословное. Хотя, как мы отмечали, еще нет прямых юридических норм, закрепляющих неравенство, но обычное право уже предусматривает его. «У чжурчжэней все родственники правящего дома называются ланцзюнь (принцы. — М. В.). И все люди, независимо от того, знатные они или не знатные, обязательно находятся под управлением ланцзюней. Ланцзюнь не исполняет церемониала, не несет повинностей и не может быть обращен в рабство» [Кычанов, 1966, стр. 276]. Иными словами, дом ваньянь превратился в привилегированный. Кроме того, выделились десять наиболее знатных родов, члены которых вступали в брачные связи только с представителями других девяти родов.

Когда производительность работника по своей стоимости превысила «рыночную» стоимость самого человека, создались предпосылки для классовой дифференциации и порабощения. Основным источником порабощения были пленные. В междоусобной распре между Хэлибо и Хуаньби последний подкреплял свое обращение к другим племенам посулами захватить ценности и имущество Хэлибо и угрозами взять в плен и увести тех, кто не последует за ним [ЦШ, цз. 67]. Когда чжурчжэни захватили Нинцзянчжоу, «жены и дети киданьские» были превращены в рабов.

Вторым источником было рабство за долги. «Цзинь ши» красочно повествует, как в 1110 г. народ бродяжил, сильных грабили, а те требовали смертной казни за грабежи. Но

Агуда заявил: «За имущество нельзя убивать людей» — и повелел брать тройной штраф за украденное [ЦШ, цз. 2, стр. 21]. Народ вынужден был продавать жен и детей в рабство и не мог выкупиться.

Третьим источником порабощения была отдача в рабство семей преступников — убийц и грабителей. «Убийц и грабителей наказывают смертью, разбивая им головы, а их семьи обращают в рабство» [Кычанов, 1966, стр. 276]. Перед решающей битвой Агуда обратился к войску с такими словами: «Те, кто побежит, умрут под палками, а их семьи не будут пощажены» [ЦШ, цз. 2, стр. 22].

Рабство — в более точном смысле этого слова — любая потеря личной свободы, так как мы не знаем ни юридического, ни экономического положения тех, кого мы в это время называем рабами, — служит верным свидетельством существования классовых отношений в чжурчжэньском обществе на рубеже XII в.

Несомненно, что уже в середине XI в. в среде чжурчжэней развивается имущественное неравенство, перерастающее в классовое. Наряду с сородичами, свободными общинниками — членами мэнъянь и моукэ, по-видимому не несшими регулярных повинностей, а отделявшихся эпизодическим взносом и периодической военной службой, появляются богатые и знатные, имеющие рабов и обладающие особой властью. Рабы, очевидно, не играли решающей роли в хозяйстве и не меняли типа общества, но какой характер носила та особая власть, которой были наделены родовые, племенные и общеплеменные вожди?

Наряду с имущественной и социальной дифференциацией внутри родов происходило сложное изменение удельного веса отдельных родов внутри племени и племен — в пределах союза племен. Хотя эти изменения уже значительно выходили за рамки социальных, они в истоке своем были тесно связаны с внутриродовыми процессами. Можно, конечно, представить, что где-то на заре образования родов чжурчжэньского сообщества существовал период относительно мирного и замкнутого проживания отдельных родов на своих участках (после очередного этнического катаклизма, приведшего к их появлению), но в целом столкновения между родами и племенами были обыденным явлением. В ходе схваток, вспыхивавших в результате социально-экономических перемен или же по менее значительным — на наш взгляд — поводам, одни роды и племена исчезали, а другие усиливались. К числу последних относится племя ваньянь, внутри которого укрепил свое влияние так называемый царский род.

Одной из особенностей родового строя является неравномерное развитие отдельных родов или даже племен, которое

начинается с экономической области, отражается в общественной сфере и выливается в военно-политическую гегемонию одного какого-нибудь племени. Так обстояло дело и у чжурчжэней.

Но когда эта гегемония переросла в государственную? На этот счет существуют разные предположения. Одни считают, что происхождение чжурчжэньского государства относится к середине XI в. Сторонники этой точки зрения основываются на цзюане 1 «Цзинь ши», где упоминаются государи, чиновники, различные титулы и прочие атрибуты государственности, восстанавливаемые задним числом. В том же источнике говорится: «Цзинь начала увеличиваться с Угуная, тогда впервые начало устанавливаться разделение во всех племенах на правителя и подданных» [ЦШ, цз. 68, стр. 445—446]. На этом основании некоторые считают Угуная (середина XI в.) первым общеплеменным вождем, а Ингэ (рубеж XII в.) первым государем [Хуа Шань, Ван Гэн-тан, 1956, стр. 31—32]. Другие идут еще дальше: «Согласно взглядам китайских летописцев, созданное чжурчжэнями государство существовало 118 лет — с момента выступления Агуды против киданей. Фактически же, если считать с возникновения объединения чжурчжэньских племен вокруг племени ваньянь, т. е. по крайней мере с Угуная, Хэлибо, почти в два раза больше — около 200 лет» [Окладников, 1959, стр. 259. Ср. Окладников, Деревянко, 1973, стр. 385].

Почему объединение племен Угунаем надо считать государством, не объясняется, и с таким утверждением трудно согласиться. Спору нет, элементы государственности прорастают еще в недрах племенного союза, но государство — комплекс этих элементов, и прежде всего публичной власти и территориального деления [ср. Маркс и Энгельс, т. 21, стр. 170]. Вот этого-то комплекса и не обнаруживается у чжурчжэней в середине XI в., даже если мы примем то, о чем рассказывают старинные источники, но при неперенной проверке этих рассказов самих по себе и их соответствия историческому фону.

А между тем эти хроникальные рассказы, хотя и содержат термины, присущие государству, воздерживаются (и это ускользнуло от исследователей) от фиксации сознательного политического действия — провозглашения государства, — точно ориентированного во времени. А ведь речь идет о таких временах и районах, когда и где само понятие государства было давно известно. Но ни сами чжурчжэньские «цари», ни их соседи до 1115 г. сознательно не называли чжурчжэньские земли государством, а себя императорами или королями, несмотря на обычную в практике правления тенденцию выдавать за совершившееся то, что еще только-только начи-

нает формироваться. Источники нигде не употребляют специальных терминов, принятых в то время на Дальнем Востоке для обозначения государства (таким не может считаться слово го, значащее и страна, и государство) или династии, для главы такого государства — с указанием его титула и ранга в дальневосточной государственной иерархии (слова, переводимые как государь, правитель, владетель, не являются такими формальными терминами). Наконец, отсутствует само название государства и прозвище жителей по наименованию государства. Предложенный нами анализ социальных отношений и других сторон общественной жизни чжурчжэней в X—XI вв., по нашему мнению, подтверждает правильность такой сдержанности.

Анализ жизни чжурчжэней подводит к выводу, что классическая стадия первобытнообщинного строя была пройдена чжурчжэнями к середине XI в. Следующие 40—50 лет приходятся на стадию «военной демократии» с ее классовообразованием, созданием союза племен и ростом власти вождей при сохранении элементов племенной демократии. В правление Ингэ — Уясу — Агуда у чжурчжэней складывалось так называемое варварское государство, которое у ряда народов является переходным звеном между первобытнообщинным строем и раннефеодальным государством [ср. Маркс и Энгельс, т. 21, стр. 164, 151—155].

Для «варварского государства» характерна борьба трех укладов: первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального, причем феодальный уклад все усиливается [ср. Юшков, 1947; Кычанов, 1968а].

В чжурчжэньском обществе на рубеже XII в. черты первобытнообщинного строя еще многочисленны, но нетипичны; они, скорее, носят пережиточный, традиционный характер. Хотя у чжурчжэней распространилось рабство, эксплуатация рабов носила патриархальный характер. Развитие рабства сдерживалось слабостью товарно-денежных отношений, сохранением сильных элементов военной демократии, прочностью общины.

Черты феодализма в это время выступали неотчетливо. Власть правителя распространялась уже на большинство племен союза, становилась наследственной, получила титулатурное обозначение — дубоцзиле. Вокруг правителя складывается категория гражданских (боцзиле) и военных (мэнь-ань, моукэ) служилых. Роль дружины возрастает, а значение племенной знати падает. Массовое бродяжничество, воровство и разбой в конце XI в., потеря личной свободы — на одном полюсе, и образование всемогущего «царского» рода, ланцзюней, категории лиц, подвергающихся ограблению «бродягами», требующих смертной казни за воровство,

и присвоение чужой личной свободы,—на другом, не укладываются уже ни в рамки разлагающегося первобытнообщинного строя (это не требует особого объяснения), ни в рамки строя рабовладельческого (ибо рабы использовались сплошь потребительски). Здесь скрыты нарождающиеся феодальные отношения.

Новое объединение включало в себя комплекс чжурчжэньских племен и родов, находившихся на разных ступенях социально-экономического развития. «Царский» род ваньянь и девять других родов, члены которых заключали браки преимущественно в пределах этих десяти родов, значительно обогнали, например, чернореченских своих сородичей. В объединение в отдельные периоды его существования входили даже части племен (например, часть племени хэшиле, другая же его часть переселилась в Корё). Подчиненность племенных вождей государю определялась авторитетом и мощью дружины последнего и ограничивалась данью и поставкой военных отрядов. Фактически правитель из рода ваньянь оставался военным вождем, его административные функции были сведены к минимуму, а о судебных ничего не известно. Вся его деятельность проходила в условиях военной демократии, особенно сильной на войне, с общими совещаниями солдат и офицеров. Пределы власти главы объединения ограничивались как знатью собственного рода (ланцзюнь), так и главами могущественных племен, боцзинями и военачальниками. В отсталых родах должно было сохраняться, хотя бы номинально, выборное начало, уже изжитое в роде ваньянь к середине XI в. и, возможно, подспудно проявившееся в выдвижении Агуды на королевский трон. В местном управлении господствующее положение безусловно заняла десятичная система военных организаций (мэнъянь и моукэ), возглавляемых племенными вождями — боцзинями, утверждаемыми в должности родом ваньянь. Военные силы «варварского государства» состояли из постоянных родовых дружин, а в случае кризиса — из ополченцев-соплеменников, пользовавшихся правом голоса при выработке плана кампании и дележе добычи. Вся эта система в финансовом отношении зависела от уплаты дани и поступления трофеев [ср. Маркс и Энгельс, т. 21, стр. 164; Ленин, т. 39, стр. 68—70].

Как это и свойственно «варварскому государству», сочетание трех укладов не только приводило к известной «размытости» границ и характеристик самих укладов, но и отличалось определенной непрочностью, переходностью, особенно в условиях благоприятной для этого исторической среды (см. стр. 148, 149, 365 настоящей работы).

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

ЗАРОЖДЕНИЕ АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ

В «Саньчао бэймэн хуйбянь» зафиксирована несомненно довольно ранняя форма управления племенами. «К северу от р. Сумо (Сунгари.—М. В.) и от р. Нинцзян (Нонни.—М. В.) на территории площадью более чем в 1000 ли проживало более ста тысяч чжурчжэней... Эти чжурчжэни сами выбирали наиболее сильных и храбрых старшинами. Мелкие старшины [имели под своим управлением] тысячу дворов, крупные — по несколько тысяч» [Кычанов, 1966, стр. 272].

Все родовые и племенные вожди чжурчжэней назывались боцзинь (чж. богин). Боцзинь — это независимый вождь, который в мирное время полновластно управлял своим родом или племенем, а в случае войны собирал родовую дружину и становился во главе ее, принимая дополнительные звания мэнъянь или моукэ — в зависимости от величины дружины. В «Цзинь ши» зафиксировано более 40 вождей, носивших звание боцзинь.

Впервые в «Цзинь ши» это название появляется под 1072 г., когда боцзинь племени моньянь, зависимого от уго, восстал против Ляо. Вместе с тем боцзинь племени ханьго в 1104 г. был явно шелоялен к Уясу. Поэтому звание это вожди носили, вероятно, независимо от их отношения к племени ваньянь. Вожди нескольких племен носили звание хулу — главноначальствующий. Звание боцзинь было упразднено Агудой после первых же побед над киданями, но не ранее как последнее напоминание о былой независимости родовых вождей, а звание хулу, принадлежавшее более могущественным вождям, было сохранено в виде названия чина в системе чинов боцзиле [Торияма, 1918].

Первоначально вожди у чжурчжэней выбирались, причем основанием для выбора были непосредственные личные качества кандидата, а право выбора бесспорно принадлежало самим сородичам. В рассказе о Ханьпу, как бы мы ни относились к этому преданию, отсутствуют какие-либо указания на насильственное покорение племени ваньянь пришельцами. Наоборот, Ханьпу смог стать членом этого племени лишь благодаря важной услуге, оказанной им племени. И если он впоследствии стал вождем племени, то лишь путем избрания.

Позднее в чжурчжэньском обществе все чаще сохранялась внутри коллективов преемственность власти, родовые или племенные вожди утверждались или выбирались на родовом или племенном собрании. Правда, в «Цзинь ши» отсутствуют прямые указания на существование таких выборных собраний. Это можно понимать по-разному. С одной

стороны, обычай избрания вождей стал в чжурчжэньском обществе забываться уже в XII в., задолго до составления «Цзинь ши» или любых источников, которыми пользовались его составители, и повсюду, где можно, все упоминания о нем изымались. Но, с другой стороны, сравнительно достоверные фрагменты источников, повествующих о прошлом чжурчжэней, относятся к тому времени, когда выборность вождей, по-видимому, уже уходила в прошлое.

Глава о предках в «Цзинь ши», как известно, сообщает лишь о наследовании должности вождя племени ваньянь, иногда даже по завещанию, но отнюдь не о выборах. Однако в биографии Шисяня есть любопытная фраза: «Шисянь — человек из племени улиньда с р. Хайлань. Чжао-цзу (Шилу.— М. В.) установлениями связал все племена. Шисянь и Лулян не захотели подчиниться. Чжао-цзу умер в деревне Билацзи. Его соплеменники с гробом с телом [Чжао-цзу] подошли к р. Хайлань. Шисянь вместе с Вахуво из племени ваньянь перерезали им дорогу, напали и отняли гроб с телом. Громко закричал: „Вы считали, что Чжао-цзу имеет способности, и почтили его. Я же захватил его“. Соратники Чжао-цзу обратились к тайваню Пума и к Мэнкэ бату из рода ваньянь в деревне Хэбао на перевале Маци... Те преследовали с войсками и отбили гроб. Люди выдвинули Цзин-цзу (Угуная.— М. В.) вождем всех племен» [ЦШ, цз. 67, стр. 439].

Итак, Шилу и Угунай, по-видимому, были выборными племенными вождями. Но то обстоятельство, что Угунай был сыном Шилу, заставляет подозревать формальный характер такого избрания. Существует предположение, что даже Ингэ, правивший на рубеже XII в., был избран вождем. «Их старейшиной был тайши Ингэ — отважный и воинственный. Хорошо управлял подопечными. Поэтому все племена выдвинули его» [ЧСЮУЛУ, цз. 1, стр. 1]. Такое же двойственное положение было в других племенах. В середине XI в. Угунай поссорился с уже упоминавшимся Шисянем и пожаловался на него в Ляо. Шисяня вызвали в Ляо, и «император Ляо оставил Шисяня на границе, а Почжунаня (сына Шисяня) отослал к племени» [ЦШ, цз. 1, стр. 18]. Хуаньби и Саньда — вожди, восставшие против Хэлибо, были сыновьями Яда — первого чжурчжэньского госяна (соправителя). Дунъянь — сын крупного вождя Нагэньне — после смерти отца занял его место. Шитумэнь — известный вождь при Ингэ и Агуде — возглавил племя после смерти своего отца — Шилихая и т. д.

При наследнике Угуная — Хэлибо — в бассейне Аньчуху вспыхнуло восстание. Возможно, оно было вызвано тем, что у этих племен еще существовала система выбора вождей,

а в племени ваньянь уже укоренилась наследственная система. Угунай был выдвинут в общеплеменные вожди всеми чжурчжэнями Аньчуху. Тогда у ваньянь, очевидно, еще не победило наследственное право. Попытка Хэлибо принять титул племенного вождя, минуя выборы, вызвала протесты. Права на эту должность предъявили его дядя Бахэй и Хуаньби. Хэлибо удалось утвердить принцип наследования власти вождя у ряда племен, подчинявшихся его отцу.

Приход к власти Хэлибо в «Цзинь ши» объясняется тем, что его отец Угунай завещал ему свой пост, так как считал своего старшего сына Хэчжэ «очень добродушным», а третьего сына Хэсуня «очень мягким». Хотя и здесь ничего не говорится о причине нарушения прав Бахэя, этот случай служит примером усиления завещательной тенденции. Впоследствии Полашу действительно унаследовал власть, минуя Хэсуня. Интересно, что в предсмертном завещании самого Хэлибо почти дословно повторяется одна из таких характеристик — уже нового кандидата в вожди.

Таким образом, наследственное право в форме завещания должности вождя одному из потенциальных наследников у чжурчжэньских племен во второй половине XI в. уже победило. Избрание вождей и утверждение их старейшинами и сородичами или не существовало больше, или превратилось в формальность. Однако, судя по тому же источнику, Агуда стал императором (но не вождем) после неоднократного выдвижения его полководцами. Это свидетельствует, что идея избрания была еще жива, по крайней мере в среде знати и военачальников.

Наряду с избранием и наследованием должностей вождя существовало и назначение. В биографии Асу рассказывается о том, как Хэлибо после победы над Усунем жаловался, что Угунай — отец Хэлибо — сделал Усуня вождем племени, а тот позабыл благоденствия, затаил на него, Хэлибо, гнев и восстал [ЦШ, цз. 67]. Около 1096 г. после подавления восстания в Хэляни Агуда по настоянию Ингэ воздержался от назначения там племенных вождей [ЦШ, цз. 1], которых, по-видимому, назначали еще до этого. О смене вождей по инициативе Ляо мы уже говорили. Возможно, такие назначения и смещения оформлялись как выборы и пере выборы.

В различных письменных источниках сохранилась китайская, киданьская, корёская, а также местная титулатура чжурчжэньских вождей. Анализ этой титулатуры может приблизить нас к пониманию характера власти вождей и строя чжурчжэньских племен до провозглашения государства Цзинь [см. Воробьев, 1973а, б].

Как только мохэсцы (чжурчжэни) появились в Танской империи, они получили китайские титулы и звания. Разумеет-

ся, пожалование этих званий было своеобразной политической заявкой на североманьчжурские земли, а сами звания явно не соответствовали реальному положению на месте самих вождей и китайских чиновников. Вскоре в этих местах влияние китайцев было заменено киданьским. Начиная с X в. кидани стали жаловать крупным чжурчжэньским вождям титул вана (царя) или да вана (великого царя) [Hino, 1961, стр. 151]. В Китае этот титул обычно давали крупным иноземным правителям, независимо от рода их власти. Четыре пожалования получили крупные вожди мирных чжурчжэней и одно — вождь немирных чжурчжэней [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949, стр. 101].

Титул тайши — некогда одно из высших почетных званий танского двора — был присвоен 70 чжурчжэньским вождям [Торияма, 1931]. Его точное значение в чжурчжэньской среде неизвестно, но самая его распространенность и биографии носителей свидетельствуют о том, что он не содержал привилегий, выходящих за пределы круга обязанностей крупных племенных вождей, хотя и мог позднее принадлежать общеплеменному вождю, например Ингэ.

Наиболее известный титул чжурчжэней — цзедуши. По происхождению он тоже китайский. Его давали в танское время генеральным инспекторам пограничных районов, в чью обязанность входило «умиротворение зарубежных варваров». Первоначально это было очень высокое звание, но династия Сун, пытаясь переложить дело «умиротворения варваров» на самих «варваров», начала жаловать это звание чужеземным вождям. В Ляо его давали либо особым киданьским чиновникам из пограничных областей, либо крупным чжурчжэньским вождям.

«Цзинь ши» определенным образом связывает два титула — тайши и цзедуши — в следующей фразе: «Люди Ляо называли цзедуши — тайши. Все от Цзин-цзу (Угуная) до Тай-цзу (Агуды) носили его» [ЦШ, цз. 1, стр. 16]. Другой источник дополняет: «Из поколения в поколение передают звание ляоского цзедуши» [ЦДГЧ, цз. 10, стр. 92]. Иногда ставят знак равенства между двумя этими титулами, считая, что цзедуши — это киданьское чтение тайши. Но это заблуждение, так как в «Ляо ши» и в «Цзинь ши» оба титула упомянуты как самостоятельные среди прочих [ЛШ, цз. 46]. Очевидно, между этими двумя титулами во фразе предполагается иная зависимость — части и целого, совмещения без отождествления и пр.

В цзюане 1 «Цзинь ши» очень много говорится об интригах, связанных с получением и наследованием титула цзедуши, причем ему придается значение «верховного правителя» немирных чжурчжэней, выше упоминавшееся же ляоское его

происхождение отнюдь не подчеркивается. Отголоски такой концепции ощущаются и во многих современных работах, и прежде всего в признании существования у немирных чжурчжэней общеплеменного вождя или даже государя начиная с Угуна [см.: Окладников, 1959, стр. 252, 257]. Полное доказательство ошибочности таких взглядов связано с критической переоценкой цзюаня 1 «Цзинь ши». Само по себе это звание не означало изменения характера власти его носителя, хотя его использование как-то могло способствовать наступлению таких изменений.

По «Цзинь ши», звание цзедуши впервые получил Угунай после подавления восстания Баймэня — цзедуши племени пуне из союза Уго, вассального Ляо, и с тех пор оно передавалось в роде ваньянь по наследству. Однако его сохранение за чжурчжэньскими вождями ставилось в зависимость от их лояльности, а принятие по наследству нуждалось в утверждении Ляо. Так, Ингэ был утвержден в этом звании в 1102 г., спустя несколько лет после фактического вступления в должность, а Агуда, не объявивший о принятии дел, получил выговор. Рассмотренные титулы отражают не столько характер власти чжурчжэньских вождей, сколько ее оценку в глазах соседних правителей.

Следующая группа титулов характеризует реальное положение их владельцев в чжурчжэньском обществе. Не удивительно, что и по происхождению титулы этой группы чаще всего местные, чжурчжэньские.

Боцзиле (чж. богиле) — это тоже наименование племенных деятелей, но в более позднее время, чем боцзинь. Само слово «боцзиле» по одной версии чжурчжэньское и значит «глава ведомства», оно однозначно по корню с маньчжурским «бокэ» [Иван, 1953]. По «Цзинь ши гоюй цзе» (цз. 6), это слово солонское, а по «Маньчжоу юанью као» (цз. 18), — маньчжурское, смысл его — «главный». Оно появилось, по-видимому, при Ингэ и употреблялось лишь для вождей племени ваньянь, признававших власть главного вождя этого племени и являвшихся его соратниками и помощниками. Отсюда и началось отождествление этих званий и должностей в аппарате управления, фактически еще не существовавших, например, при Угунае в середине XI в. По-видимому, этот термин родился тогда, когда настала необходимость обозначить специфические обязанности, возникшие с укреплением центральной племенной администрации.

Появление нового титула дубоцзиле, т. е. верховного вождя, очевидно, отражает фактическое объединение основных чжурчжэньских племен и относится ко времени Уясу (1103—1113). Впрочем, даже в период завершения объединения немирных чжурчжэней существовало звание госян

(соправитель), по-китайски — канцлер, сосуществовавшее с титулом верховного вождя. Звание госян давали лицам, выполнявшим очень важные обязанности, например устанавливавшим связи с киданьским двором. Угунай — глава племени ваньянь — его не имел, а Яда — вождь одного из родов этого же племени — имел. При Ингэ это звание получил Сагай — сын его старшего брата Хэчжэ, обойденный наследством [Икэути, 1943, стр. 461—524].

Таким образом, рассмотрение главнейших титулов чжурчжэньских вождей до провозглашения государства Цзинь, как иноземных, так и собственно чжурчжэньских, не свидетельствует о наличии должностной нагрузки, свойственной государственному аппарату, и, следовательно, не подтверждает мнения о существовании в доцзиньский период сложившегося аппарата управления государственного типа. Разумеется, в начале XII в. с рождением «варварского государства» чжурчжэньские титулы начали приобретать государственную окраску, и система боцзиле, созданная в 1113 г., явилась первым таким аппаратом управления, все четыре-пять должностей которого заимствовали названия старой племенной структуры (кроме боцзинь).

Никакой администрации у чжурчжэней в X—XI вв., разумеется, не было, несмотря на неоднократные, но подозрительно лаконичные указания «Цзинь ши».

Во всех случаях речь идет о самостоятельных племенах, не имеющих над собой никакой иной власти, кроме власти своего племенного вождя. «Хотя чжурчжэни заселяют большую территорию, они не подчиняются друг другу, совершают между собой убийства и каждый сражается долго и упорно» [Кычанов, 1966, стр. 272].

Все племена и роды управлялись своими вождями и старшинами. Общеплеменные вожди и претенденты на это звание могли разговаривать с прочими вождями лишь как военачальники и через военачальников, т. е. таких же вождей, либо главарей дружин, либо мэнъянь и моукэ. На рубеже XII в. появились какие-то особые дипломатические, военно-административные функции (сбор дани, утверждение в должности младших племенных вождей), которые стали исполнять боцзиле. Наконец, возникла и политическая должность, связанная с руководством общеплеменным союзом как чем-то целым и с подготовкой войны с Ляо, — дубоцзиле. «Чжурчжэни не имеют церемониала и законов, у них нет государства и сановников», — сообщает нам «Саньчао бэймэн хуйбянь» [Кычанов, 1966, стр. 274]. И хотя это сказано носителем идеологии развитой государственности, утверждение в целом остается справедливым вплоть до конца XI в.

В. И. Ленин писал по этому вопросу: «Когда появляется

такая особая группа людей, которая только тем и занята, чтобы управлять..., — тогда появляется государство» [Ленин, т. 39, стр. 69]. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» пишет: «В основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции» [Маркс и Энгельс, т. 20, стр. 184].

ПРАВО

Обычное право, господствовавшее у чжурчжэней до создания империи Цзинь, несомненно, представляется довольно архаичным. Эта ранняя, догосударственная стадия юридической мысли чжурчжэней отражает развитие права на этапе перехода от кровной родовой мести к фиксированным пеням и далее к созданию правовых институтов общественного характера.

Род, понесший ущерб вследствие убийства своего сочлена, предъявлял претензии роду-обидчику, требуя возмещения утраты. Такое действие сразу переводило проблему «убийства — отмщения» (и защиты от последнего) из сферы личных дел потерпевшего — виновного в разряд межродовых отношений. Род обидчика не отрекался от последнего, так же как род потерпевшего — от защиты его интересов. Кровная месть и защита от мести превращались в общее дело двух родов. Кроме этих двух сторон на определенной стадии развития обычая кровной мести появилась третья сторона — посредник. Это как-то связано с консолидацией племен и с выдвижением наиболее сильного племени на роль объединителя. Именно такая роль отводится Ханьпу — легендарному деятелю рода ваньянь. Прибыв на территорию враждующих родов, он примирил их, и «с этого времени установили следующий закон: при совершении кем-либо убийства, из дома убийцы отдавать в дом убитого одного человека, 20 лошадей, 10 дойных коров и 6 ляннов золота... Отсюда-то и произошла пеня в 30 коров, платимая в стране чжурчжэней при совершении кем-либо убийства» [ЦШ, цз. 1, стр. 15].

В составе пени за убийство упомянут «один человек» (неизвестно, свободный или раб), который переходил в род потерпевшего, и этим, несомненно, отдавалась дань обычаю кровной мести. Этот человек как бы восполнял своей персональной убыль в роде убитого. В дальнейшем за убитого просто платили 30 коров (или быков). Конечно, в действительности институт посредничества и пени создан не Ханьпу, он более древнего происхождения.

Корёский источник подтверждает, что у чжурчжэней в эпоху Ляо был обычай платить пению за убийство и членовредительство конями и коровами. Этот обычай уже существо-

вал в 1038 г., причем и тогда считался древним [КС, цз. 95, биография Хван Чу Яна].

Корёсцы, как и китайцы, придерживались территориальной подсудности. И когда однажды среди чжурчжэньских переселенцев, занесенных в корёские списки, произошло убийство, возник спор: по каким законам судить убийцу? Одни считали, что, несмотря на некорёское происхождение, убийца должен быть наказан по корёским законам, другие же утверждали, что, поскольку чжурчжэни-переселенцы «лишь обликом люди, но сердцем животные», не постигли «сути вещей», не искушены в обычаях и в просвещении, их надо судить по их собственным законам. Последнее мнение возобладало: убийца был приговорен к выплате пени.

Взимание пени практиковалось у многих народов Маньчжурии, например, по «Хоу Хань шу», у племени вэй: «Если два селения поссорятся между собою, то наказывают друг друга скотом, как-то: лошадьми и быками. Это называется наказывать за беду» [цит. по: Бичурин, 1950, т. II, стр. 31].

Следующим этапом явилось установление твердых размеров пени. В среде чжурчжэней, как нам уже известно, за убийство полагалась пеня в 30 коней и коров. Сложнее обстояло дело с воровством. В отрывке, цитируемом ниже, зафиксирована ранняя стадия чжурчжэньского права. «Убийц и грабителей наказывают смертью, разбивая им головы, а их семьи обращают в рабство. Если же близкие и родные желают выкупить преступника, то в качестве возмещения ущерба, нанесенного пострадавшему, дают коров, лошадей, имущество. Выкуп делится следующим образом — 60% поступает хозяину (пострадавшему), 40% чиновнику. Если преступление легкое, то виновного секут розгами или заставляют внести выкуп. Если преступление тяжелое, то преступнику отрезают уши и нос, чтобы заклеить его. Тюрьмы чжурчжэней — земляные ямы в несколько чжан глубиной. Преступника сажают прямо в эту яму... Законы строги. Убийц, обижающих людей, предают смерти. За остальные преступления, безразлично, легкие они или тяжелые, наказывают палками. Бьют по спине, а не по заду, так как боятся, что битье по заду повредит наказуемому и он не сможет ездить на лошади. Если преступление очень тяжелое, бьют мешками с песком» [Кычанов, 1966, стр. 276—277]. В отрывке отражен сложный состав пени за убийство, включающей в себя одновременно возмещение содеянного «натурой» (заместителем убитого), скотом и ценностями («имуществом»). Размер пени, взыскиваемой с вора, выражен в тексте неясно, но сопоставление с другими источниками позволяет заключить, что она вносилась в десятикратном размере — простое возмещение украденного не содержало бы в себе возмездия

[ДЦГЧ, цз. 36]. В отличие от наказания за убийство кара за кражу ограничивалась материальной пеней, взимаемой лично с вора. Старочжурчжэньские законы не избежали влияния киданьских. Так, например, избивание мешком с песком по спине было известно и в Ляо.

Размер пени за воровство не оставался неизменным, а обнаруживал тенденцию к понижению. Так, нам известно о существовании семикратной пени [СМЦВ, цз. 2] и, наконец, троекратной. О троекратной пени источник сообщает: «В 7-е лето (1110 г.—*М. В.*) после того как Кан-цзун (*Уясу.— М. В.*) унаследовал звание правителя, был неурожай... Народ терпел голод, бродяжничал и грабил. Хуаньду и др. хотели создать строгие законы и казнить грабителей. Но Тай-цзу (*Агуда.— М. В.*) сказал, что казнить людей за сокровища не следует, так как сокровища производятся людьми, и уменьшил кару за грабежи. Положено было за грабеж брать тройной штраф. Народ, в большинстве своем находившийся в бегах, продавал детей и жен и не мог уплатить [штрафы] за преступления. Штрафы были отменены на три года» [ЦШ, цз. 2, стр. 22].

Итак, при воровстве компенсировалась не просто стоимость похищенного, а многократная его стоимость, что не характерно для китайских законов. В правление Агуды, если при внесении пени не хватало средств, должник поступал в распоряжение займодавца в обеспечение уплаты штрафа.

Похожая картина, по «Хоу Хань шу», наблюдалась у фуюй. «Наказания их вообще строги. Семейство казненного берется в неволю. За покраденное взыскивается в 12 крат; за распутство и мужчина, и женщина предаются смерти» [цит. по: Бичурин, 1950, т. II, стр. 22].

Убийство членов рода считалось значительно более тяжелым преступлением, чем похищение имущества. Даже погорелец, убивший поджигателя, рассматривался как обыкновенный убийца. Так, при Хэлибо некто Бэйнай из рода вале убил человека, поджегшего его дом. И несмотря на то что убитый был поджигателем, убийца, спасаясь от полагающегося ему наказания, должен был бежать в другое племя. Когда Ингэ убил сына Асу и разграбил его имущество, киданьский император обязал Ингэ не только компенсировать расхищенное, но и внести пеню за убийство — несколько сот коней [Harlez, 1887, стр. 11, 17].

Понятие «государственные и должностные преступления» сложилось в начале XII в. По-видимому, к этому времени надо отнести фразу: «Окружных чиновников может наказывать только правитель округа, уездных — правитель уезда. Все начальники могут наказывать батогами всех подведомственных чиновников» [Кычанов, 1966, стр. 22]. До 1113 г.,

когда была создана система боцзиле, эта фраза не имеет смысла.

Дифференциация мер наказания в зависимости от сословной принадлежности потерпевшего и преступника еще не сложилась в систему из-за отсутствия развитых классовых отношений. Впрочем, в конце периода отдача в рабство семей преступников, наказание смертью за грабеж, нарушение прежних правовых норм становятся частым явлением.

Интересными особенностями обладало право наследования чжурчжэней. До образования государства Цзинь среди чжурчжэней существовал обычай, по которому брат наследовал после брата. Наиболее отчетливо этот обычай проявился в передаче власти племенных вождей из рода ваньянь. Вожди Хэлибо, Полашу, Ингэ были братьями (все они сыновья Угуая, который не имел братьев). Вождь Уясу и оба первых императора Цзинь (Агуда и Уцимай) тоже были братьями — сыновьями Хэлибо. Это правило чжурчжэней отмечено в истории киданей: «По наследству передают титул цзедуши от брата брату. Завершив круг, начинают сначала» [ЛШ, цз. 48, стр. 227—228]. Характерно, что сам Агуда, по «Да Цзинь го чжи», является старшим братом Ингэ, а по «Цзинь ши», — вторым сыном Хэлибо. Возможно, последний, более ортодоксальный источник стремится задним числом «узаконить» — с точки зрения китайских правил престолонаследия — приход к власти родоначальника династии.

Такая система наследования встречается у ряда народов и отражает архаичную стадию общественных отношений, когда патриархальное семейное право еще не слилось с понятием личной власти, принадлежащей по наследству семье, как, например, у народа шивэй (по данным «Синь Тан шу»). «Когда предводитель умрет, ему наследует сын или младший брат» [Кюнер, 1961, стр. 61]. В последнем случае наследование должности племенного вождя сыном после отца — причем сын мог к моменту наследования оказаться недостаточно возмужавшим и популярным — предполагало большую степень узурпации власти, чем наследование братом после брата, которые обычно бывали сподвижниками, людьми одного возрастного класса и имели больше шансов благополучно пройти процедуру «избрания», даже формальную.

Кроме этих вполне конкретных узаконений, хотя и относящихся в целом к обычному праву, в «Цзинь ши» есть несколько упоминаний о законах, как таковых. «В стране немирных чжурчжэней не было законов и невозможно было управлять ими. Шилу хотел поставить законы и наставить в них» [ЦШ, цз. 1, стр. 15]. После длительного сопротивления наставляемых сородичей ему, по словам летописи, это удалось: в этом случае речь идет не столько о законах, как

правовом понятии, сколько о новых принципах власти, включающих в себя и юридическую сторону. На этом мы останавливались в предыдущих разделах.

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Чжурчжэни славились своей воинственностью, которая у них выработалась благодаря суровой охотничьей жизни и соседству сильных и хорошо вооруженных врагов. На войну народ мог выставить и выставлял большое ополчение, но в обычное время, которое трудно назвать мирным, так как родовые междоусобицы никогда не прекращались, родовые дружины были невелики. Около 1074 г. Хэлибо приготовил 90 доспехов, эти приготовления, видимо, были по тому времени серьезными, раз его противник Бахэй потребовал и добился разоружения Хэлибо. Во время междоусобицы 117 воинов племени гулидянь, захваченные Хэлибо, решают исход кампании [ЦШ, цз. 1].

Лук, стрелы, копьё, панцирь — вот и все вооружение всадника, а пешими чжурчжэни в то время не сражались [ср. Тао Jing-shen, 1968, стр. 183]. Наконечники стрел и копий были обычно каменные, а панцири — кожаные. Железа в стране было мало, а добывать железное вооружение — трудно. «У чжурчжэней не было доспехов. По соседству в Ляо была вольница. Часто вторгалась в их пределы. Некий чжурчжэньский вождь повелел схватить ее. Получил 500 доспехов и шлемов...» [СМЦВ, цз. 1, стр. 6]. Любопытно, что захват пятисот доспехов упоминается и в другом источнике с характерным добавлением. Возможно, речь идет о той же самой партии оружия. «Чжурчжэни получили более 500 лат, и это усилило их» [ЦДГЧ, цз. 9, стр. 88]. Захват железных доспехов не раз отмечается в источниках. Победитель Хэлибо «во множестве приобрел в качестве трофеев лошадей, коров, военные доспехи, оружие и разного рода вещи» [ЦШ, цз. 1, стр. 16]. Более поздние источники, хорошо знающие состояние военного дела у воинственных соседей киданей, пишут, что «чжурчжэньские всадники в легких латах снабжены копьями, луками и стрелами. Чжурчжэньские воины-всадники, упражняются с луками и стрелами... Чжурчжэни создали боевой строй и кавалерию» [ЦДГЧ, цз. 10, стр. 93—94].

Военное дело совершенствуется у чжурчжэней быстро. К концу XI в. у них складывается оригинальная военно-социальная организация — объединение в сотни — моукэ и в тысячи — мэнъань. Общественное значение этих организаций мы уже рассмотрели (см. стр. 55—57 настоящей работы), поговорим теперь об их военной стороне.

В двух местах «Цзинь ши» утверждается, что в 1114 г.

эта система уже существовала. После взятия Нинцзянчжоу в 1114 г. «приказали по всем губерниям из 300 дворов составить моукэ, из 10 моукэ — мэнъянь» [ЦШ, цз. 2, стр. 22]. Но существуют косвенные свидетельства об их более раннем появлении. В биографиях братьев Хуань и Саньда упоминается о посылке Хэлибо семи моукэ его племени в помощь Полашу [ЦШ, цз. 67], в биографии Танко Дэвэня говорится, что и он сам, и его отец командовал моукэ, и последний был при Агуде во время войны с Ляо [ЦШ, цз. 120]. Дишидэ, как рассказывается в его биографии, тоже командовал моукэ своего отца под Нинцзянчжоу [ЦШ, цз. 81]. Таким образом, моукэ существовали в ряде племен еще до 1114 г. В биографии Ваньянь Цзун-сюна говорится, что под Нинцзянчжоу он командовал наследственным отрядом мэнъянь [ЦШ, цз. 73]. Из биографии Шитумэня мы узнаем об отрядах мирных чжурчжэней по 1000 и 5000 человек, т. е. тех же мэнъянь [ЦШ, цз. 70]. В «Саньчао бэймэн хуйбянь» (цз. 3) тоже названы воинские звания сотников и тысячников.

Создание в 1114 г. моукэ из 300 дворов и мэнъянь из 10 моукэ, в сущности, явилось реформой системы — увеличением численного состава этих подразделений в три раза и, как следствие, выводом их из-под непосредственной власти родовых вождей, так как последние не могли обеспечить комплектование отрядов столь высокой и строго определенной численности. Кроме того, создание Агудой новых мэнъянь и моукэ на территориях, находившихся под его личным контролем, повышало его авторитет.

Десятеричную организацию военных отрядов чжурчжэней подтверждают и другие источники. «Отряды в сто человек формируются из пятков. Пятки, десятки, сотни имеют своих командиров. В боевом строю командир пятка держит колоутушку, командир десятка — стяг, командир сотни — барабан, командир тысячи — знамя, литавры, барабан... Группа в пять — десять человек образовывала самостоятельный отряд» [Кычанов, 1966, стр. 277—278].

Вооружение, состав воинов, тактика теперь заметно усложняются. «Саньчао бэймэн хуйбянь» в цзюане 3 сообщает: «Чжурчжэньские войска и их тактика. В авангарде выставляют копьеносцев, которых называют „ин“ — „стойкими“». Солдаты и их лошади одеты в латы. Меч, лук и стрелы привязывают сзади и не стреляют до тех пор, пока до противника не останется пятидесяти шагов. Упругость луков чжурчжэней (сила, необходимая для натяжения лука) не превышает семи доу. Наконечники стрел достигают 6—7 вершков длины. По внешнему виду они похожи на бурав. При попадании такую стрелу невозможно вытащить (из тела). ...Все командиры сами несут знамя. Глядя на знамя,

солдаты видят, где находится их командир, и мчатся в том направлении... В первое время, когда (чжурчжэни) стали восставать против киданей, они поднимали в поход всю свою конницу. Каждый воин, кроме тех, которые держали знамена, имел маленькую пайцзу с надписью, привязываемую к лошади в качестве опознавательного знака. Группа в 50 человек составляла отряд. В авангард высылалось 20 человек — все в тяжелой броне и с копьями. За ними — 30 человек в легкой броне, с луками и стрелами. Встретившись с противником, чжурчжэни высылают 1—2 солдат на быстрых лошадях для разведки неприятельских позиций. Когда внезапно атакуют врага с флангов, фронта и тыла и, ворвавшись в его строй на глубину ста шагов, враз стреляют из луков, тогда пораженных стрелами очень много. Если одержат победу, то приводят в порядок свои отряды и не спешат преследовать противника. Если потерпят поражение, то не рассыпаются, а собираются снова. Разрозненные отряды сливаются воедино. Они опять то атакуют противника, то отходят назад, производя смятение в его рядах. Они дерутся так, как будто сами духи вступают в сражение, и в конце концов одерживают победу» [цит. по: Кычанов, 1966, стр. 277—278, с нашими уточнениями]. Изменившаяся военная организация потребовала лучшего вооружения. Луки стали делать более стандартными, равной силы — для лучшей координации действий всех бойцов, хотя по мощности уступающими китайским самострелам и арбалетам. Наконечники стрел видоизменили, появился меч. Панцири стали делиться на тяжелые (железные) и легкие (кожаные), их стали носить солдаты в зависимости от рода оружия: железные — копьеносцы, кожаные — лучники. Наконец, в армии появились знаки отличия: знамена, барабаны, литавры, пайцзы.

Но обеспечение железным вооружением остается важной заботой военачальников. Добывание любыми способами вооружения отмечается в корёской хронике. В 1101 г. корёский интендант незаконно продает чжурчжэням четыре набора железных лат; в 1108 г. чжурчжэни сумели захватить 50 боевых и 200 простых повозок, в 1109 г. уже корёсцы захватили у чжурчжэней железное вооружение (Chu Hsi-chu, 1934, стр. 106, 112, 113]. Под Нинцзянчжоу и Чухэдянем чжурчжэни захватили 3 тыс. коней в латах [ЦДГЧ, цз. 10].

Появление относительно стандартных по величине отрядов и вооружения позволило ввести первое деление солдат по родам оружия (копьеносцы-лучники), создать строй, наступательную и оборонительную тактику.

Тяжелая кавалерия чжурчжэней умело атаковала укрепленные лагеря с невысокими валами и другими оборонительными сооружениями, строившимися на равнине для размеще-

ния войск на отдых и экипировку, а это требовало слаженности действий всех всадников. Во время боя чжурчжэни часто поджигали траву; огонь и дым пугал вражескую конницу [Harlez, 1887, стр. 11, 25]. Чжурчжэни умели осаждать не только мелкие городки своих племенных вождей (Люкэчэн, Асучэн), но и крупные корёские крепости. Так, в 1109 г. они блокировали девять корёских крепостей. Соорудив против каждой девять своих укреплений, обнаружили способности к строительству крепостей [Chu Hsi-chu, 1934, стр. 113].

Если добавить к изложенной выше наступательной тактике тактику оборонительную, которая заключалась в строительстве крепостей, выжигании больших территорий, в партизанских нападениях, то перед нами вырисовывается картина «тунгусского казачества» — буйной конницы, налетающей как буря, довольно легко рассеиваемой в случае неудачи, но никогда не уничтожаемой полностью и готовой к новым налетам, если не к организованному преследованию.

В таких подразделениях царила суровая дисциплина. «Если командир пятка погибал в бою, оставшимся в живых четверым отрубали голову. Если командир десятка погибал в бою, командирам пятков отрубали головы. Если командир сотни погибал в бою, командирам десятков отрубали головы» [СЧБМХБ, цз. 3; ср.: Кычанов, 1966, стр. 227]. Но вместе с этим существовали и материальные поощрения за храбрость. Участвовавшим в пяти боях выдавали для семьи имущество. Отличившиеся, как мы увидим далее, получали право на лучшие трофеи.

Порядки, царящие в войске, еще пронизаны духом военной демократии. От полководца до рядового — все сами ведали конями. В «Цзинь чжи» говорится: «В Цзиньском царстве при всяком походе войскам дается угощение, как главнокомандующему (даюань шуай), десятитысячникам (ваньху), так и тысячникам (цянху) и сотникам (боху). Тут ни малейше не разбирается родство из опасения, чтобы отцы и дети или братья по частным привязанностям не прикрывали друг друга, или высшие не попускали жалоб низших. Когда в государстве случается важное дело, то выходят для совещания в поле, обводят углем место и садятся. Низшие первые подают голос, по окончании же совещания круг уничтожается, чтобы никто не слышал человеческого голоса. Перед самым выступлением в поход делается большое угощение, на котором всякий может представлять свои проекты, которые выслушивает сам государь, выбирающий, что ему покажется приличным, и назначающий к исключительному выполнению того, кто подал проект. По возвращении войска с победой снова делается угощение, на котором государь расспрашивает о заслугах и награждает соразмерно с ними,

делая повышение и похвалы при всех. Когда же награда покажется кому недостаточной, то делается прибавка» [цит. по: Васильев, 1859, стр. 212—213].

В этом отрывке представлена картина патриархальных отношений между командирами и солдатами даже при выработке плана сражений и разделе добычи. Эта картина, по-видимому, была характерна для чжурчжэньского воинства вплоть до того момента, когда, одержав первые победы над киданями, оно способствовало созданию государства и... своему собственному переустройству — в систему пятков, сотен с ее железной дисциплиной.

Насколько выросла армия чжурчжэней на рубеже XII в.? Об этом говорят следующие примеры. «Ингэ, собирая войско, приобрел более 1000 латников, между тем как сначала войско чжурчжэней не доходило до тысячи» [ЦШ, цз. 1, стр. 18]. Другой источник подтверждает эту цифру. «При императоре Тянь-цзо-ди (1101—1125) у чжурчжэней было до тысячи всадников» [ЦДГЧ, цз. 9, стр. 88], т. е. в первые годы XII в. общеплеменной вождь распоряжался всего лишь тысячей всадников. Подняв восстание против киданей, «Агуда собрал все чжурчжэньские племена и с 2 тыс. конных латников вторгся в Ляо» [ЦДГЧ, цз. 10, стр. 92]. «Цзинь ши» несколько увеличивает войско Агуды, указывая цифру 2500 всадников [ЦШ, цз. 2, стр. 22].

Дальнейшие военные действия Агуда вел с 3700 воинов. В результате выигранного боя «приобретено было много повозок, лошадей, военных доспехов и разного оружия, так что в течение целого дня раздавали в награду войску. В это время войско Агуды возросло до 10 тыс.» [ЦШ, цз. 2, стр. 22—23].

Все эти цифры говорят не столько о величине чжурчжэньского войска — об этом мы можем судить лишь по косвенным данным, — сколько о величине родовой или племенной дружины ваньянь. Она, вероятно, была невелика, но состояла из тяжеловооруженных латников на конях. Не случайно в большинстве приведенных в главе цитат не только особо отмечаются латники, но повсюду даже среди трофеев фигурируют латы как символ боевой мощи. О том, что во всех цитатах речь идет о родовых дружинах (кроме, может быть, последних цитат о войске Агуды), свидетельствует возрастание (а не уменьшение!) армии Агуды в ходе войны, очевидно, за счет присоединившихся родовых дружин непокоренных и освобождаемых покоренных чжурчжэней.

Ополчение всех племен, конечно, достигало внушительной цифры: иначе необъяснима стойкость чжурчжэней во время киданьских походов на восток в первой половине XI в., победа над несколькими десятками тысяч корёских войск в

1106 г., наконец, разгром основных сил Ляо. Наличие таких подразделений, как сотня, тысяча (моукэ и мэнъань), а их было много, тоже говорит о многочисленности чжурчжэньских войск. Важно еще и другое: вплоть до первых решительных побед над Ляо у чжурчжэней не было единой постоянной армии, находившейся в распоряжении одного человека.

Для сравнения полезно обратиться к численности войска у ближайших предков чжурчжэней — уцзи или мохэ. По «Бэй ши», «всего считается 7 угиских поколений (лимо имеет 7000 строевого войска, боду — 7000, байшаньбу — 3000 чел.). Чернореченское поколение далеко сильнее прочих» [цит. по: Бичурин, 1950, т. II, стр. 70]. А это значит, что все поколения мохэ, численно уступавшие чжурчжэням, выставляли не менее 35—40 тыс. бойцов.

Таким образом, до 1114—1115 г. чжурчжэньское войско состояло из родовых дружин под командой родовых вождей из общеплеменного ополчения, созываемого лишь в критические моменты.

ХОЗЯЙСТВО

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

Узловым вопросом, от разрешения которого зависит правильная оценка уровня развития экономики раннечжурчжэньского общества, несомненно, является проблема земледелия и связанной с ним оседлости. Данные источников выглядят на первый взгляд если не противоречивыми, то недостаточно полными и определенными. Не повторяя цитат, которые будут приведены немного ниже при воссоздании общей картины хозяйства, можно напомнить, что в них говорится и о кочевом образе жизни как об основном, и о привычке чжурчжэней к землепашеству. Разные авторы по-разному пытались объяснить это противоречие. Одни полагали, что на заре своей истории чжурчжэни были кочевниками, скотоводами и полuosедлыми охотниками и лишь под влиянием киданей перешли к оседлому землепашеству. Этот переход ими связывается с деятельностью Суйкэ, по преданию научившему своих сородичей сеять пять сортов хлеба [СЧБМХБ, цз. 18]. По их мнению, землепашество оставалось у чжурчжэней на низкой стадии развития до тех пор, пока они не заимствовали у киданей железные земледельческие орудия и воловье ярмо, предположительно при Угунае [Го Жэнь-минь, 1957, стр. 24].

Другие считают, что все дело в неравномерности развития хозяйства отдельных чжурчжэньских племен [Хуа Шань, Ван Гэн-тан, 1956, стр. 26—27]. Чжурчжэни занимали огромную территорию с неодинаковым ландшафтом и различными

почвами, территорию, которая была окружена народами и государствами, находящимися на разном уровне развития. Еще в эпоху Тан у сумо мохэ появилось земледелие, а некоторые роды их родичей хэйшуй мохэ «следуют за водой и травой, так и живут... Передвигаются не постоянно. Суйкэ переселился на р. Хайгу, стал пахать землю и сеять... с этого времени постоянно жили на р. Аньчуху» [ЦШ, цз. 1, стр. 15]. И, действительно, можно почувствовать в этом отрывке намек на какие-то реальные сдвиги в хозяйстве, на переход от кочевой или полукочевой жизни к оседлой и на возникновение земледелия.

Вначале чжурчжэни занимались лишь охотой и рыбной ловлей и только какая-то их часть — хлебопашеством. Хотя следует отметить, что ни один источник прямо не отражает этой последовательности. Так, в «Да Цзинь го чжи» сказано: «Любят пахать и сеять, искусны в рыбной ловле и охоте» [ДЦГЧ, цз. 39, стр. 179]. Другой источник — «Саньчао бэймэн хуйбянь» (цз. 3) — дает развернутую картину хозяйственной жизни чжурчжэней: «Их земли расположены к северо-востоку от киданей. В этих отдаленных районах много лесов и полей, земля годна под коноплю и хлеба, и чжурчжэни занимаются земледелием. Они не знают шелководства, выращивают отличных лошадей, добывают золото, крупный жемчуг, женьшень и также мед и воск. Чжурчжэни изготавливают тонкий холст, собирают кедровые орехи и белый аконит (воскобой). Для охоты используют соколов хайдунцин. Из животных там много коров, овец, оленей, диких собак, кабанов, белок, соболей. Из плодов и цветов имеются белые гортензии, арбузы. В море много крупной рыбы и раков (крабов)... Чжурчжэни отличные стрелки из лука и охотники, каждый может преследовать животного по следу, догнать и убить его. Они устраивают засады, делают из коры березы манки и, подражая крику оленей, подманивают их к засаде, после чего убивают из луков. Оленей съедают, сохраняя кожу и кости» [цит. по: Кычанов, 1966, стр. 272—273].

В последней цитате особенно подробно повествуется об охоте. И это не случайно: несомненно, что чжурчжэни — обитатели лесов — были искусными охотниками, а маньчжурские и приморские леса искони славились мясным и пушным зверем, дичью.

Дикие лошади, по «Сань го чжи», водились еще в угодьях сяньби, а дикие быки, ослы, свиньи в изобилии встречались во владениях чжурчжэней. Желтый баран, отличающийся сизо-желтой шерстью, происходил из Сифаня. Но наиболее привлекательными из крупных диких животных, несомненно, оказались для чжурчжэней олени всех видов. Чжурчжэни кроме шерсти ценили кишки оленей, желудок и язык; летом

и осенью солили и сушили оленину; из рогов вытапливали жир, а из костей — клей. Сухожилия еще при Цзинь приносила в дань область Фучжоу. Знаменитые панты — неокостеневшие рога — отрезались и у обыкновенного оленя, и у марала и шли на лекарство. У кабарги целебными считались кровь и мускус.

Пушная охота доставляла товарный продукт. Маньчжурия и Приморье богаты пушным зверем. Очень теплым и ценным считался мех лисиц — рыжих, черно-бурых, голубых, песчаных (белых), а также беличий — серый и черно-серый. Ласка не только давала мех, но мясо ее шло в пищу. Беляки — белые зайцы — в эпоху Бохая добывались в землях хэйшуй мохэ и в горах Чанбошаня [Синь Тан шу, цз. 219], а при Цзинь — в Ляоянфу и в губернии Шанцзин. В том же Ляоянфу при Цзинь водились горностаи, чьи шкуры защищали от «легкого холода». Но наиболее ценным всегда считался соболиный мех. Уже в землях илоу водились хорошие соболя, а восточные воцзюй вносили налоги соболиными шкурками [Хоу Хань шу, цз. 115]. Много соболей водилось в землях шивэй [Бэй ши, цз. 94], у хэйшуй мохэ [Синь Тан шу, цз. 219], а при Цзинь ими славилась Дадинфу. Бурые и черно-бурые сорта славились легкостью и теплом. «Цидань го чжи» подчеркивают, что «у чжурчжэней много соболей» и «...много белок» [ЦДГЧ, цз. 22, стр. 185, цз. 26, стр. 209].

Чжурчжэни охотились в одиночку, с собаками, устраивали облавы. При охоте они обнаруживали превосходные качества следопытов, сохранившиеся у их далеких потомков, использовали подманку. Такой прием применяли впоследствии найцы при охоте на изюбрей [Лопатин, 1922, стр. 137—138]. «Цидань го чжи» сообщают, что чжурчжэни «богаты хорошими собаками» [Тогги, 1948, стр. 193], но неясно какими: охотничьими или сторожевыми. Вероятно, все же охота с собаками была не чужда чжурчжэням.

Особое место в жизни чжурчжэней занимала облавная охота, ее значение, как мы увидим, выходило за рамки промысла.

«Цзинь чжи» подтверждают чжурчжэньское пристрастие к облавам: «Цзиньцы весьма любят облаву. Прежде (когда столица была в) Хуйнинфу, в каждое из четырех времен года производили облаву» [цит. по: Васильев, 1859, стр. 211]. Данная фраза относится к большому историческому периоду — до 1151 г. и включает ранний этап чжурчжэньского общества. Хозяйственное значение облавы, т. е. первоочередная заинтересованность в добыче, впоследствии оттесняемой спортивными, военно-тренировочными, увеселительно-традиционными соображениями, именно в это время было велико. Облавы всех видов перекочевали и к маньчжурам.

Особой отраслью охотничьего промысла чжурчжэней надо признать добычу ловчих птиц: кречетов, соколов, которые, в свою очередь, использовались на охоте. Особенно славились экземпляры с Ляохая. У чернореченских мохэ водились белые соколы [Синь Тан шу, цз. 219], и особая порода соколов — у чжурчжэней. Белые особи из района Нингуты считались очень ловчими. Знаменитая хайдунская разновидность пользовалась огромным спросом не только в эпоху Ляо, но и при Мин и Цин. Эти хайдунские соколы особенно удачно били лебедей.

На соболей охотились и с соколами. «Саньчао бэймэн хуйбянь» сообщает: «И еще есть особенно сильные соколы, именуемые хайдунцин, которые способны убивать этих лебедей (заглатывающих жемчужниц). Так вот люди при помощи этих соколов ловят лебедей и достают из зобов жемчуг. Соколов хайдунцин добывают в Пяти царствах (Уго). Территория Пяти царств на востоке соприкасается с Великим морем. С моря и привозят их и называют хайдунцин. Эти соколы небольшие, но очень сильные, с белыми когтями, по которым их можно отличить. Ежегодно чжурчжэни ходят за соколиную заставу; все мужчины пересекают ее. Чжурчжэни посылают за соколами отряды войск, численностью более тысячи всадников, в пределы Пяти царств, к соколиным гнездам на берегу Великого моря. Из-за этих соколов они воюют (с народами) Пяти царств и только после этого получают их» [цит. по: Кычанов, 1966, стр. 279]. Соболевание и ловля соколов как товарные промыслы сохранялись у чжурчжэней на протяжении долгих веков и во время их упадка перешли к маньчурам.

В реках Приморья и Маньчжурии в изобилии водился карп, лосось, китайский осетр, голец, карась — не удивительно, что рыболовство стало естественным занятием обитателей рек уже давно, сохранило свое значение при чжурчжэнях и сотни лет спустя. В государстве Бохай караси из некоторых рек считались благородной рыбой [Синь Тан шу, цз. 219]. Осетр во времена Цзинь назывался циньвангъяо, или рыба циньского вана, и поступал из губернии Верхней столицы в счет налогов. Из кожи стерляди, сома и других рыб этого рода, водившихся в Амуре и Сунгари, шили одежды. По «Саньчао бэймэн хуйбянь», в море водилось много крабов. Очень широко распространен был окунь, его сушили и заготавливали впрок. Акулье мясо всех сортов считалось деликатесом. Недостаток материала не позволяет судить о значимости рыболовства у отдельных племен чжурчжэней. У прямых потомков хэйшуй мохэ — обитателей Амура, у родов, живших по берегам рек Сунгари, Уссури, рыболовство, вероятно, играло большую роль в хозяйстве, как и у нанайцев (голь-

дов), живших позднее по этим же рекам [см. Лопатин, 1922, стр. 128].

В «Ляо ши» сообщается, как на р. Яцзахэ прорубают лед и ловят рыбу [ЛШ, цз. 3]. Подледный лов здесь практиковался и позже, при маньчжурах. Так ловили таинственную корову-рыбу: «За пределами Хайлина (Хуйнинфу) по соседству все рассказывали про корову-рыбу из реки Хуньтунцзян. Она велика, как корова. Еще говорят: можно по цене сравнить ее с коровой — отсюда древнее название. Чжи Тун-я говорит: „Корова-рыба — род северного тунца (?). Киданьский повелитель отправлялся на р. Лухэ ловить корову-рыбу. От того, поймают ли ее, зависело, будут ли ежегодные гадания”» [ЛШШИБ, цз. 5, стр. 130]. Киданьские императоры связывали с этой рыбой разные обряды. Сама рыба, по-видимому, относилась к отряду сирен, хотя отождествляется то с касаткой уссурийской, то с осетром, то с белухой, то со стеллеровой коровой и пр.

Охота и рыболовство не были единственными или преимущественными формами хозяйства у чжурчжэней. Такое впечатление иногда создается при чтении китайских источников, составители которых невольно особенно оттеняли те формы занятий чжурчжэней, которые отличали их от земледельческого хозяйства китайцев, у которых охота уже давно не имела никакого хозяйственного значения, рыболовство было строго локализовано, а скотоводство оставалось усадебным.

В действительности земледелие как форма хозяйства известно в Маньчжурии с конца неолита и существовало в ареале с тех пор непрерывно. Поэтому и вопрос «появления» земледелия у отдельных племен Маньчжурии следует рассматривать в свете существования этого вида хозяйства здесь издавна.

По «Синь Тан шу» (цз. 219), в Бохае сеяли водяной рис, называемый лучэнским. Он был двух сортов: красный и белый, но кроме этого существовал еще голубоватый ляоянский сорт. Суходольный рис, согласно данным почти всех китайских летописей, был известен в Маньчжурии с раннего средневековья — племенам фууй, илоу, чинхан, восточным воцзюй, потом — корёсцам. «И тун чжи» упоминают знаменитые сорта риса — сифаньский и корейский. Другая разновидность — клейкий рис — годна и в пищу, и для приготовления запасов — клецек, сушеной каши, рисовой водки. Просо — белое или отборное, желтое, голубое, красное наряду с клейкой его разновидностью с крупным желтым зерном — шло в пищу и для приготовления водки. Вместе с метелочным видом, хорошо растущим в Хэйлунцзяне, здесь были распространены и другие виды проса. К ним близко итальянское просо, т. е. сетария или чумиза, которое, по «Синь Тан шу»

(цз. 219), было у чернореченских мохэ (хэйшуй мохэ), бор — влаголюбивый злак. Гаолян, насколько можно судить, упомянут еще в «Чжоу ли» наряду с рисом и клейким просом. Иногда гаоляном старые источники называют сорго или шуское просо, которое сеяли здесь в большом количестве. Именно из него делали мучную болтушку, которой питались чжурчжэньские воины в походе. Клейкое и вениковое сорго, кукуруза тоже относятся к этой группе. Ячмень давал хороший урожай даже в засушливые годы. Гречиха хорошо росла в Северной Маньчжурии.

Земледелие и скотоводство приобрели особый вес в хозяйстве чжурчжэней, особенно к концу XI в. В это время они могли обеспечить создание пищевых запасов. Тот же источник рассказывает: «Чжурчжэни мирные и из пяти пограничных наместничеств — все пашут, разводят скот и строят дома... Немирные чжурчжэни из пяти пограничных наместничеств обрабатывают землю и обдирают рис, так же как в Бохае». Далее источник повествует о том, как в 1096 г. чжурчжэни, готовясь к войне с Ляо, «угоняли коров и лошадей, усердно накапливали продукты земледелия — просо, обучали боевых коней» [ЦДГЧ; цз. 22, стр. 185]. Очень примечательно внимание, которое чжурчжэни уделяли хлебу, готовясь к войне с Ляо. Зависимость населения от продуктов хлебопашества была настолько сильна, что, когда случался неурожай, народ, терпя голод, разбегался. В начале XII в. роль земледелия в жизни страны признавалась настолько важной, что при коронации Агуды в 1115 г. среди церемониальных предметов фигурировало девять плугов как залог своевременной пахоты и народного благосостояния [Яо Цун-у, 1959, стр. 39]. Все это свидетельствует о том, что значительная часть чжурчжэней в это время жила продуктами сельского хозяйства.

О сельскохозяйственном инвентаре этой эпохи мы имеем лишь смутные представления. В несколько более раннее время западные соседи чжурчжэней — шивэй, по «Цзю Тан шу», «заострив дерево, делают плуг, не прибавляя металлического лезвия; люди тянут плуг, чтобы вспахать поля, не зная, что можно использовать быков» [Кюннер, 1961, стр. 61], а уцзи (уги), по «Бэй ши», «землю пашут парой лошадей. Земля более произрастает просо и пшеницу» [цит. по: Бичурин, 1950, т. II, стр. 70].

Подобное положение было и у чжурчжэней. Они неоднократно покупали или захватывали железные земледельческие орудия в Корё, а в 1042 г. получили от корёсцев волов, приученных ходить в ярме. После разгрома киданей под крепостью Далугу в 1114 г. чжурчжэни «получили добычу — несколько тысяч земледельческих орудий» [ЦШ, цз. 2,

стр. 22]. О переселении отдельных групп хлебопашцев и захвате у киданей в качестве трофеев земледельческих орудий нам рассказывают те же летописи. Немало крестьян переселилось или попало другими путями из Китая в далекую Маньчжурию. В 1120 г. заложники из Восточной столицы завели дома и пашню и не возвратились на родину [ЦШ, цз. 2].

На развитие садоводства и огородничества у чжурчжэней средневековые авторы обращали мало внимания, и наши сведения о них скудны. Хун Хао, побывавший в Шанцзине, пишет, что в Лэншане, в 170 ли (100 км) от Нинцзянчжоу, земля твердая и холодная, растительность же богатая; персики и сливы растут в садах; в 8-м месяце саженцы сажают в землю; слива весной дает ростки из земли; обильно питают ее корни, чтобы не замерзла [СМЦВ, цз. 1]. Помимо этого выращивали арбузы и белые пионы, лук, чеснок и т. п.

Скудость сведений о садоводстве и огородничестве у чжурчжэней не должна нас вводить в заблуждение. Несомненно, суровый климат Северной Маньчжурии не благоприятствовал садоводству и ограничивал огородничество. Но дальше к югу положение менялось, и там Сюй Кан-цзун в 1125 г. обнаружил «сто фруктов, прекрасные деревья и кусты», — т. е., по терминологии того времени, все виды фруктов, известные в Северном Китае [Chavannes, 1898, стр. 402].

Важное место в хозяйстве чжурчжэней принадлежало скотоводству, особенно коневодству. В большом отрывке из «Саньчао бэймэн хуйбянь», приведенном нами в этом разделе (см. стр. 81), кони упомянуты в числе чжурчжэньских редкостей, а быки и овцы — в ряду с дикими зверями. Корёская летопись в пассаже, посвященном воцарению Агуды, сообщает: «Земля богата свиньями, баранами, быками, конями; среди коней много скакунов, некоторые из них могут в день пробежать тысячу ли» [КС, цз. 14, стр. 201]. Этот акцент на скотоводстве в китайском и корёском источнике, даже с учетом чисто земледельческой среды, в которой жили их составители, несомненно, отражает и действительное положение в хозяйстве народа.

Маньчжурия издавна славилась конями, и коневодство здесь имело прочные корни. Особенно интересен процесс развития коневодства у чжурчжэней. Чжурчжэни начали разводить коней очень рано. В середине X в. многие чжурчжэни уже переправлялись морем с полуострова Ляодун в Дэнчжоу (пров. Шаньдун), где торговали конями. Чжурчжэни скоро стали крупнейшими экспортёрами коней. Ма Дуань-линь прямо пишет: «Разводят много прекрасных лошадей, которые составляют важнейший предмет торговли с Китаем» [Ma Touan-lin, 1876, стр. 429]. В 986 г. киданьский военачальник

Елюй Сянь-чжэнь, разбив чжурчжэней, захватил свыше 200 тыс. лошадей [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949, стр. 127]. Ежегодно чжурчжэньские племена посылали киданям в дань от нескольких десятков тысяч до нескольких сот тысяч коней. Уже во время Ханьпу в качестве пени за убийство полагался штраф: «20 лошадей, 10 коров и 6 лянов золота» [ЦШ, цз. 1, стр. 15]. Позднее эта пеня была унифицирована и составляла 30 коней-быков. Это показывает, что кони и крупный рогатый скот получили всеобщее распространение и стали универсальным средством обмена.

Разведение крупного рогатого скота в Маньчжурии и в Приморье имеет столь же давние традиции, как и коневодство. Но и то и другое не было характерным занятием для всех без исключения народов ареала. Так, например, у сушеней и уцзи не было ни коров, ни овец, а фуюй разводили все виды домашних животных, названия которых вошли составной частью в наименования чиновничьих должностей [Бичурин, 1950, т. II, стр. 770, 22]. В вопросе о традиции разведения крупного рогатого скота в Маньчжурии надо учитывать уже упоминавшуюся замкнутость племен и их хозяйства, при которой некоторые виды культурных растений и домашних животных как бы выпадали из обихода отдельных народов, хотя были известны ареалу в целом.

О важной роли крупного рогатого скота в хозяйстве чжурчжэней мы можем говорить твердо на основании многочисленных косвенных данных. Так, во время вторжения киданей в 981 г. у чжурчжэней захватили людей, коней, быков, свиней без счета [ЛШ, цз. 17]. Выплата пени, по преданию введенной Ханьпу, издавна производилась быками, равно как и взнос калыма, свадебных подарков,— об этом имеются сведения в ряде источников. Это свидетельствует о широком разведении коров и быков.

Чжурчжэни разводили в основном тягловый скот. Однако упоминание молочных и мясных продуктов позволяет предположить, что чжурчжэни разводили мясных и молочных коров.

Подобных сведений о развитии овцеводства у чжурчжэней не сохранилось. Но его существование, хотя и не в таких размерах, как разведение коней и крупного рогатого скота, подтверждается не только сведениями из разных письменных источников, но и тем, что чжурчжэни выделяли различные сукна.

Немногим больше известно и о свиноводстве у чжурчжэней, хотя некоторые авторы считают свинью вторым по важности домашним животным чжурчжэней после коня [Хуа Шань, Ван Гэн-тан, 1956]. Свиньи были одомашнены в Маньчжурии очень давно. Чжурчжэни тоже разводили свиней —

в эпоху государства Цзинь область Хуйнинфу вносила налог свиньями.

Технические культуры Маньчжурии весьма многочисленны, но лишь немногие из них, по сообщениям источников, разводились искусственно. Так, в «Ляодун чжи» говорится о культивировании конопли и мелиссы китайской. «Шэнцзин тунчжи» к культурным растениям относит также лен и хлопчатник, разведением которого, согласно «Синь Тан шу» (цз. 219), занимались еще бохайцы. Доподлинно известно, что чжурчжэни разводили коноплю и перерабатывали полудикое и дикое прядильное сырье. Культурные шелковичные черви широко разводили в соседнем Корё с глубокой древности, но в самой Маньчжурии шелководство развивалось лишь кое-где на юге. Дикие шелковичные черви были распространены, по-видимому, гораздо шире, так как они более выносливые. Весной и осенью жители собирали коконы и из них изготавливали грубый шелк под названием цзяньчоу. Для изготовления грубых тканей употреблялись лианы пуэрарии.

Бортничество занимало видное место в хозяйственной деятельности чжурчжэней. «Цидань то чжи» отмечают, что «мед и воск — продукты чжурчжэньской земли», «немирные чжурчжэни приносили в дань желтый воск и мед» [ЦДГЧ, цз. 26, стр. 209, цз. 22, стр. 186].

Важное промысловое значение приобрело у чжурчжэней собирание лекарственных трав и растений, пользовавшихся большим спросом в дальневосточном мире, и съедобных дикорастущих плодов и ягод.

Что касается женьшеня, то это ценное растение еще до чжурчжэней, с глубокой древности, вывозили из Маньчжурии и продавали в Китай. В XI—XII вв. его связывали преимущественно с чжурчжэнями. Источник, посвященный киданям, вообще считает, что «женьшень — продукт чжурчжэней», и особо отмечает, что «мирные чжурчжэни приносят в дань женьшень» [ЦДГЧ, цз. 26, 22]. Уже бохайцы, принося женьшень в дар, знали его тогические свойства. Чжурчжэни, вероятно, унаследовали от бохайцев знание свойств женьшеня и употребляли его наряду с другими целебными дарами природы: кедровыми орешками, аконитом, прибор пахима, драконовым корнем.

Кедровые орешки — плод корейской сосны, иначе называемой морской сосной и корейской пятилиственницей. Сосна растет на территории бывшей провинции Гири и в Северной Корее. «Сосновые» орешки, согласно народному поверью, продлевают человеческую жизнь. Судя по описанию, подразумеваются известные кедровые орешки. Собираание кедровых орехов в этих краях традиционно. «Белый аконит, — как сообщает источник, посвященный киданям, — продукт чжур-

чжэньской земли», и мирные чжурчжэни и чжурчжэни пяти пограничных воеводств разводят и продают в Ляо белый аконит, или воскобой [ЦДГЧ, цз. 26, стр. 209, цз. 22, стр. 186]. Пахима — лекарственный гриб, растущий на корнях ели. Это лекарство чжурчжэни не только продавали киданям и китайцам, но и употребляли сами. В Китае его использовали при почечных болезнях и как косметическое средство [Торияма, 1934, стр. 751]. Собирали чжурчжэни и драконов корень.

Некоторые лекарственные снадобья добывались чжурчжэнями и в животном мире, как, например, вытяжки из семенных желез морских котиков, являющиеся сильным тоническим средством [Ma Touan-lin, 1876, стр. 435], лапы пантер, а также мускус, вырабатываемый железами самца кабарги.

Чжурчжэньские земли славились жемчугом и золотом, добыча которых не представляла особых трудностей и оставалась на стадии промысла.

Жемчуг, называемый в источниках северным, восточным, настоящим, — одна из диковинок чжурчжэньских земель. Напомним, что в «Хоу Хань шу» (цз. 115) про земли фуей, которые совпадали потом с чжурчжэньскими, говорится: «Сия страна производит красивый мрамор, соболей, крупный жемчуг, величиною с кислый жужуб» [цит. по: Бичурин, 1950, т. II, стр. 22]. Добыча жемчуга процветала и при чжурчжэнях. Им, в частности, были богаты реки во владениях рода ваньянь. По «Саньчао бэймэн хуйбянь», «земли их славились жемчугом. Северный жемчуг прекрасен. Большие зерна его похожи на крупный орех, а маленькие на плоды тунгового дерева. Добывают его в дельтах рек у моря, в Ляодуне. Каждый раз в восьмом месяце наблюдают за луной. Если ее свет похож на дневной, значит жемчуг созрел. Жемчужные раковины собирают в десятом месяце. А на севере в это время стоят сильные холода. Реки крепко замерзают, иногда толщина льда уже достигает одного чи (30 см). Пробивают лед, лезут в воду и ловят жемчужниц. Из-за этого люди болеют. Есть лебеди, которые питаются жемчужницами. Жемчуг остается у них в зобе. И еще есть особенно сильные соколы... которые способны убивать этих лебедей... Так вот люди при помощи этих соколов ловят лебедей и достают из их зобов жемчуг» [цит. по: Кычанов, 1966, стр. 278—279].

Самородное («живое», дикое) золото чжурчжэней — это необработанное золото, в том числе, вероятно, и золотой песок. По «Корё са», каждый раз как чжурчжэни приезжали в Корё, они привозили в дар золотые отруби, соболиные шкуры, прекрасных коней; золотые отруби — это, по-видимому, золотой песок. Он попадает в реках бывшей пров. Гирин, на

территории которой в прошлом жили немирные чжурчжэни. «Цидань го чжи» сообщают: «Мирные чжурчжэни приносили в дань золото... Сырое золото — продукт чжурчжэней» [ЦДГЧ, цз. 22, стр. 186, цз. 26, стр. 209]. Мы уже отмечали характерную связь между названием р. Аньчуху, наименованием новой династии Аньчун (Золотая) и чжурчжэньским словом золото (аньчун) (см. 30, 50 настоящей работы).

Чжурчжэни в интересующую нас эпоху не обладали единым хозяйственным укладом. Их племена были рассеяны по разным ландшафтным зонам. Мирные чжурчжэни жили на юге Маньчжурской равнины с деградированными черноземами в северной части и степными сероземами — в южной. Соответственно у них развивалось скотоводческо-земледельческое хозяйство. Немирные чжурчжэни обитали либо на Северо-Востоке Маньчжурии, где преобладали северные подзолистые почвы, либо в юго-восточной горной области, для которой характерны буроземы. Они занимались охотой, рыбной ловлей, а переход к земледелию затруднялся тем, что они не могли прямо заимствовать опыт китайских земледельцев из Южной Маньчжурии: чжурчжэньские земли требовали удобрений, более глубокой вспашки волами, иных культурных растений и иного севооборота.

Хозяйственный уклад у отдельных племен зависел от наличия удобных пашен, пастбищ, охотничьих или рыболовных угодий и т. п. Это объясняет кажущееся противоречие в высказываниях источников. Судя по «Да Цзинь го чжи», более отсталые племена, жившие по берегам рек и в лесах, занимались рыболовством и охотой и вели полукочевой образ жизни, другие, обитавшие близ удобных пастбищ, вели кочевое скотоводческое хозяйство, наконец, третьи, наиболее культурные обитатели южных равнин, занимались хлебопашеством и жили оседло. Последние, видимо, составляли большую часть населения. Это видно из того, что большинство племен чжурчжэней получило название по рекам и угодьям, а это значит, что они долгое время жили на одном месте.

Экономика чжурчжэней имела ярко выраженный многоплановый, сельскохозяйственный характер. Немногочисленные промыслы относятся к категории добывающих и даже в совокупности с настоящим ремеслом не в силах изменить общей тенденции. Хозяйство оставалось натуральным и самообеспечивающим. Все основные потребности местного населения в пище, одежде, обуви и прочем удовлетворялись за счет местных возможностей — импорт в этой сфере был невелик. Однако ряд продуктов, добываемых и производимых чжурчжэнями, имел товарный характер. Уже их неоднократное перечисление в иноземных сочинениях говорит о популярности этих продуктов за рубежом. Как мы видели, чжур-

чжениям в X—XI вв. были известны многие ценные и редкостные продукты: мускус, вытяжки из семенных желез морского котика, женьшень, кедровые орешки, белый аконит, драконов корень, гриб пахима, жемчуг, золото, медь и воск, соболиный, горностаевый, лисий, беличий мех, кречеты, хайдунские соколы. Многие из этих продуктов были в ходу и у предшественников чжурчжэней: женьшень и соболиный мех ценились еще сушенями, золото и медь вряд ли узнали здесь намного позже, медом и орехами лакомились мохэ и бохайцы. Другие редкости чжурчжэни либо оценили впервые, либо первые широко ознакомили с ними тогдашний культурный мир. После упадка их могущества только женьшень, соболя да соколы удержали свое место ценных товаров, известных на всем Дальнем Востоке. В самом производстве появились признаки превращения его в товарное. Естественно сложившаяся производственная специализация племен закреплялась в результате назначения этим племенам дани из соответствующих продуктов и, возможно, сознательно поддерживалась самими племенами, подметившими торговые преимущества такой специализации.

Говоря об основных видах хозяйства чжурчжэней, надо заметить, что все они в той или иной мере существовали и у предшественников чжурчжэней — сушеней, уцзи, мохэ, бохайцев, но многие народы, сменившие чжурчжэней в этих краях, не знали скотоводства и земледелия, в том числе даже наиболее близкие к чжурчжэням нанайцы.

Каждая семья вела уже свое собственное хозяйство. Набор орудий труда, применение воловьей вспашки и... сообщения о разорении и голоде отдельных семей в начале XII в. в случае неурожая с несомненностью доказывают, что (во всяком случае, в земледелии) индивидуальное хозяйство уже победило. В рыболовстве и охоте общие усилия требовались дольше, и в облавных охотах участвовали целые деревни и роды.

Промыслы и ремесла (скорняжное, деревообделочное, ткацкое) тоже очень долго оставались сельскими, недифференцированными. Лишь немногие отрасли ремесел (кузнечное, оружейное) рано стали профессиональными [Воробьев, 1966].

РЕМЕСЛО

В этот период ремесло у чжурчжэней, по-видимому, находилось в неразвитом состоянии, кое-где в старинных источниках попадаются прямые заявления об отсутствии ремесел, но при этом надо учитывать, что авторы всегда имеют в виду развитое ремесло или мастерские китайского типа. Такого ремесла у чжурчжэней в XI—начале XII в. еще не было.

В то же время письменный источник сообщает, что «Суйкэ научил народ жечь уголь и плавить железо, вырезать из дерева утварь, делать лодки и повозки, сеять пять родов хлеба, строить жилища» [СЧБМХБ, цз. 18, стр. 4а]. Несмотря на сомнительность существования самого Суйкэ, недостоверность сведений об этом периоде жизни чжурчжэней (X в.?), подражание литературным канонам (намек на деятельность Ци-цза, ср. стр. 41), — сущность сообщаемых в ней сведений не противоречит здравому смыслу: первые навыки в ремесле действительно приобретаются обществом в этих областях труда, правда, чаще всего еще в первобытности. В «Цзинь ши» говорится, что чжурчжэни не знали железа и получали вооружение от соседей, т. е. от киданей и корёсцев.

Состояние железоделательного ремесла у любого народа имеет определяющее значение для уровня производства не только потому, что железо — важнейший технический металл, но и потому, что сама добыча и плавка его требуют уже сравнительно высокого развития горнодобывающего и обрабатывающего дела — в противовес, скажем, золоту, добыча которого не требует особых навыков и поэтому отнесена нами в разряд промыслов.

Согласно «Ляо ши», кидани, как и шивэй, добывали медь, железо, золото и серебро. На землях племени хэчжу было много железа, и название самого племени означает — железо. Здесь были учреждены три плавильни. С захватом владений Бохая Ляо получило Гуаньчжоу, прежде известное под именем Теличжоу, — название также отражало богатство страны железом (Хино, 1942). В Бохэе положение благородных непосредственно связывалось с количеством имеющегося у них железа [Синь Тан шу, цз. 219]. В уезде Дунпин процветали железные копи, здесь поселили 300 дворов литейщиков и обложили их налогом железом [Инаба, 1934]. Все эти пункты находились на территории мирных чжурчжэней, живших в империи Ляо, а некоторые — во владениях их немирных соседей.

Существуют и прямые указания о заведении чжурчжэнями собственного железо-литейного и кузнечного дела. В биографии чжурчжэньского вождя Учуня рассказывается, как он — человек из рода вэньду с р. Абасы — превратил кузнечное дело в профессиональное занятие членов своего рода. И это был не единственный кузнечный род — таким же был род цзягу, которому принадлежала дер. Убутунь [ЦШ, цз. 67]. Когда Угунай — вождь племени ваньянь — не удовлетворился покупкой вооружения у соседей и нанял у рода цзягу кузнецов, которые выковали ему 90 доспехов, Учунь пригрозил Угунаю войной и заполучил эти доспехи себе, но с этого

времени род ваньянь сам стал обеспечивать себя железным вооружением [ЦШ, цз. 1].

И хотя в дальнейшем получение железного вооружения оставалось важнейшей задачей вождей, чжурчжэни уже располагали какими-то производственными резервами. Они, например, посылали в подарок Корё железные и кожаные панцири и шлемы, а также другие изделия из металла.

Кроме упоминавшихся месторождений золота и железа во владениях чжурчжэней находились действующие медные и серебряные рудники. В пору владычества Ляо в Туншань (Медная гора) добывали медную руду и плавил металл. В завоеванных областях (Юсу) основаны железные и серебряные копи. В эпоху Бохая в Телине действовали плавильни серебра; они продолжали работать и при киданях [Лю Синтан, 1934, стр. 70; ср. Ленъков, 1971].

Немалую помощь в овладении тайнами выплавки и обработки металла оказали чжурчжэням жорёсцы. Они, в частности, в 1102 г. послали к чжурчжэням мастеров серебряных дел.

Деревообделочное дело было достаточно развито: выделка прославленных чжурчжэньских луков и стрел требовала серьезных навыков. Не удивительно, что эти предметы вооружения были главными продуктами чжурчжэньского ремесла, пользовавшимися популярностью в соседних странах. Кроме того, из дерева вырезалась посуда, так как чжурчжэни в это время, похоже, мало выделявали керамику, как, впрочем, и маньчжуры много веков спустя.

Кожевенное дело тоже, видимо, было развито у чжурчжэней неплохо. Охотничья жизнь, обилие диких оленей в лесах и скота на пастбищах служили лучшей предпосылкой для этого. В источниках попадаются упоминания о кожаных панцирях чжурчжэней, приносимых в дар Корё.

Отсутствие сведений о текстильном производстве, пожалуй, естественно. В ряде случаев упоминаются «добрые» ткани и даже шелка, посылаемые чжурчжэнями в подарок. Но так как те же летописи сообщают об отсутствии шелкопрядов и тутовых деревьев, хотя и упоминают коноплю, то и эти шелка, вероятно, вытканы руками иноземных ткачей. Природные условия Маньчжурии не благоприятствуют шелководству. Имеются сообщения о шелке-чоу из Луньчжоу и о шелковой вате из Наньхайфу в Бохае, и, следовательно, шелкоткачество где-то в Бохае существовало, хотя, возможно, не на местном сырье. При киданях чжурчжэни, в том числе немирные, не знали шелководства и шелкоткацкого ремесла.

В разделе об одежде в «Да Цзинь го чжи» перечисляются и описываются такие общепотребляемые предметы

туалета, которые были невозможны без сравнительно развитого производства холстов и сукон и простейшего их окрашивания.

Тот же перечень одеяний содержит меховые шубы и ткани, а среди экспортируемых продуктов, подарков и дани почетное место занимают меха. Однако, для того чтобы шкуры пушных зверей годились на одежду, а тем более приобрели товарный вид, способный удовлетворить взыскательных китайцев, корёсцев и киданей, должно было существовать вполне налаженное скорняжное дело.

Наряду с этим можно отметить ростки специализированных ремесел, рассчитанных на узкий круг потребления. Уже «Да Цзинь го чжи» упоминают про золотую, серебряную, парадную керамическую утварь. Далеко не вся она была привозной.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что в догосударственный период у чжурчжэней существовало обычное домашнее недифференцированное ремесло, которое и обеспечивало все потребности рядового населения (и часть потребностей знати) в грубых тканях, меховых изделиях, кожаной обуви и панцирях, в луках и стрелах. Можно предполагать, что и в этих областях существовали ремесленники-профессионалы, обслуживающие знать и работавшие на внешний рынок. Железодельное ремесло возникло у чжурчжэней, очевидно, сразу как специализированное и профессиональное, вначале с использованием заезжих кузнецов. В XI в. их изделия попадают в перечне подарков, привозимых в Корё. В самом начале XII в. уже появляются ремесленники, изготавливающие предметы роскоши для родовой верхушки.

ТОРГОВЛЯ

О внутриродовом и межродовом обмене у племен чжурчжэньской группы сохранились лишь отрывочные сведения. Так, «Цидань го чжи» сообщают следующие сведения о межплеменной торговле: «Немирные чжурчжэни продают и покупают у чжурчжэней беспрепятственно» [ЦДГЧ, изд. 22, стр. 185]. А так как последний труд посвящен киданям, то смысл сказанного сводится к утверждению существования свободного обмена между независимыми, немирными родами и их сородичами, попавшими под киданьское господство.

Сохранились еще некоторые сведения о торговых сделках, которые могут быть отнесены к внутривнутриплеменным. Все они касаются покупки вооружения. При Угунае, в середине XI в., чжурчжэни племени ваньянь выменяли на большое число товаров железные шлемы и панцири, привезенные из соседней земли, возможно, от тели или из Корё [Harlez, 1887,

стр. 6]. Во второй половине XI в. Хэлибо купил или заказал 90 лат у чжурчжэньского племени цзягу [ЦШ, цз. 1].

Сообщения о внешней торговле чжурчжэней более многочисленны и разнообразны, хотя не всегда подробны и сопоставимы. Крупные и разнообразные торговые операции чжурчжэни осуществляли с Ляо. Первое место в перечне продаваемых в Ляо товаров, конечно, отводится коням — недаром они входят в списки товаров всех племен.

Хотя кидани обладали обширными пастбищами и славились хорошими коневодами, потери лошадей в войнах были огромны. Поэтому в течение всего периода киданьско-чжурчжэньской торговли кидани в большом количестве покупали чжурчжэньских коней, несмотря на то что большое число лошадей попадало в Ляо в счет дани от тех же чжурчжэней.

Киданьско-чжурчжэньская торговля осуществлялась во владениях чжурчжэней, куда наезжали киданские купцы, в исконных владениях Ляо, но чаще на территории Бохая, захваченной Ляо, и на пограничных рынках-таможнях. Не желая излишнего проникновения мятежных чжурчжэней в свои земли, кидани ограничили въезд в Ляо чжурчжэньских купцов. Однако именно торговля на территории Ляо сулила чжурчжэням наибольшие барыши, так как в этом случае они продавали товары не перекупщикам, а непосредственным потребителям, в том числе и казне. Поэтому вожди отдельных племен готовы были даже признать верховную власть киданей, чтобы получить право свободного въезда в Ляо и беспопыльной торговли в ее владениях. В 1018—1043 гг. именно этого добивались вожди чжурчжэньского племени хуйба, в конечном счете подчинившиеся киданям [Нипо, 1951].

Центром пограничной торговли киданей и чжурчжэней была застава Нинцзянчжоу, находившаяся на р. Лалинь на месте нынешнего Даюйму к юго-западу от Харбина. По «Ляо ши», Нинцзянчжоу учреждена в 1057—1065 гг. Это был военный округ, непосредственно ведавший надзором за немирными чжурчжэнями. Особенно важно, что Нинцзянчжоу «имела таможенный рынок. Чжурчжэни являлись и торговали северным жемчугом, женьшенем, золотом, кедровыми орешками, аконитом, медом и воском, льняными тканями. Население Нинцзянчжоу сбивало цены, хватало и било их. Называлось „бить чжурчжэней...”» [ЦДГЧ, цз. 10, стр. 93]. Восстание немирных чжурчжэней против киданьского владения, закончившееся крушением Ляо, началось в 1113 г. нападением на Нинцзянчжоу.

Торговая политика киданей обладала рядом черт, отрицательно сказывавшихся на развитии обмена между киданями и чжурчжэнями. Государство Ляо получало от чжурчжэней много ценных продуктов в виде дани. За товары, которые

кидани хотели получить сверх установленной дани, приходилось платить своими продуктами, не отличавшимися разнообразием. Это в основном скот, сырье или полуфабрикаты (кожи, шерсть, железо, серебро, золото, медь). Некоторые товары, имевшие значительный спрос за границей, запрещалось вывозить по политическим, военным или финансовым соображениям. Так, для обеспечения собственного поголовья скота в 939 г. запрещено было вывозить овец, в 997 г. — коней. Из военных соображений в 1071 г. не разрешалось вывозить железо [ЛШ, цз. 4, 13, 60]. Таким образом, чжурчжэни не имели в Ляо достаточно емкого рынка для сбыта своих товаров, не находили там многих нужных им предметов (оружия и изделий ремесла), не могли получить имеющиеся там и нужные им металлы. Все это наряду с дискриминацией в отношении чжурчжэньских купцов вынуждало чжурчжэней завязывать торговые связи с другими своими соседями, и прежде всего с Корё.

Первая фиксированная сделка относится к 948 г., когда восточные чжурчжэни пригнали в Корё табун из 700 коней. Король Чонджон лично осмотрел коней и, разделив их на три группы по качеству, назначил цену: за коня первого сорта — серебряный чайник для разогревания вина и кусок узорчатого шелка, за коня второго сорта — серебряный котелок и кусок узорчатого шелка, за коня третьего сорта — кусок узорчатого шелка [КС, цз. 2]. Это первый и единственный случай дифференцированной и точной оценки привозимых в Корё товаров, упомянутых в «Корё са».

В отличие от перечня товаров, вывозимых чжурчжэнями в Ляо, в списке продуктов, продаваемых в Корё, на первом месте стояли кони и меха, причем, думается, оба этих товара имели примерно одинаковый вес в чжурчжэньском экспорте. Чжурчжэни активно торговали конями со времен восшествия на престол короля Тхэджо (918—943) династии Корё, купившего 10 тыс. коней для усиления конницы, необходимой ему для объединения полуострова. Продавали чжурчжэни коней Корё и позднее, когда шли корёско-киданьские войны. Большим спросом пользовались в Корё и меха. В 1103 г. чжурчжэни послали в Корё 40 тыс. «желтых мехов» — по видимому, шкурки сибирских белок, летом приобретающих рыжий цвет [Chu Hsi-chu, 1934, стр. 113]. Вооружение и лодки составляли другую статью в чжурчжэньском экспорте. В 4-м месяце 1030 г. восточные чжурчжэни привезли в Корё 4 боевых судна и 111 600 стрел, в 5-м месяце — 9 коней, 3 боевых судна, 58 600 стрел и вооружение, в 12-м месяце — коней, железные латы и стрелы [КС, цз. 15].

Между Корё и западными соседями не существовало торговли на таможнях. Обычно киданьские и чжурчжэньские

купцы присоединялись к посольствам [Маругамэ, 1935]. По корейским материалам, только в XI в. с торговой целью Корё посетило 6252 чжурчжэня, не считая 1975 чжурчжэней, приехавших ко двору с разными, и в том числе торговыми, целями [Чосон са кэ, 1957, стр. 270]. Чжурчжэней привлекала торговля с корёсцами не только потому, что она совершалась на равноправной основе, но и потому, что им было удобно торговать на корёских землях и они могли получить в Корё нужные им товары. Правда, правительство Корё в 1089 г. воспретило чжурчжэням въезжать в страну без разрешения, полученного на границе от военных ремонтеров, и ограничило местопребывание допущенных чжурчжэней подворьем в столице и срок их пребывания до полмесяца. Еще раньше, в 1073 г., чжурчжэни добивались распространения на земли западных чжурчжэней корёского административного деления, дававшего право свободного передвижения по всей территории Корё [КС, цз. 9]. Наконец, Корё обладало развитым товарным производством предметов ремесла, роскоши и культуры.

Корёско-чжурчжэньские торговые связи характеризуются не столько размерами сделок, сколько постоянным и непрерывным их характером, по крайней мере в X—XI вв. Разумеется, и в этих отношениях были периоды подъемов и спадов, последние объясняются большей частью набегами самих чжурчжэней или превратностями киданьско-корёских войн. К концу XI в. частота чжурчжэньских поездок уменьшилась уже по другой причине — вследствие объединительной политики чжурчжэньского вождя Ингэ, воспрещавшего пограничным родам самовольные сношения с Корё.

Кроме Ляо и Корё существовал еще третий, потенциальный рынок — сунский Китай, который чжурчжэни открыли в первой половине X в. Если торговля с Ляо велась по суше, с Корё — по суше и по морю, то с Сун она велась только морем. Это уже как-то сужало торговые возможности. И не удивительно, что китайские источники сохранили нам сведения всего лишь о 27 посещениях, носивших, правда, официальный характер.

Согласно китайским источникам, наиболее ранние контакты чжурчжэней с китайцами в X в. восходят к 925 г. Отрезанные от Сун киданьскими владениями, чжурчжэни спустились по р. Ялу,плыли вдоль побережья на полуостров Ляодун, оттуда переплывали Бохайский залив и приставали в Дэнчжоу (Шаньдун) [Hino, 1966]. Чжурчжэньская торговля с китайцами в начале Сун в основном сводилась к продаже коней. С 960 по 991 г. из 17 наездов чжурчжэней в Сун по крайней мере 8 имели торговый характер, и всегда среди товаров были кони. В «Сюй цзычжи тунцзянь чанбянь»

(цз. 51) под 1002 г. содержится фраза: «В прежние дни чжурчжэни торговали конями. В год [продавали] не меньше десяти тысяч. Ныне они отделены киданями [цит. по: Нипо, 1941].

Среди товаров, продаваемых сунцам, почетное место всегда занимали собольи шкурки. В эпоху владычества киданей и мирные, и немирные чжурчжэни ткали полотно, и оно составляло важную статью вывоза к киданям. Любопытно, что взыскательные китайцы также покупали эти чуждые их вкусу ткани.

Китайцы вводили ограничения на экспорт некоторых товаров из их страны. В 1069 г. Суну запретили продавать чжурчжэням товары, которые можно использовать для изготовления оружия.

Чжурчжэне-китайские торговые связи были не безразличны Ляо и Корё. Торговые пути между чжурчжэнями и Сун постоянно находились под ударом, что отрицательно влияло на регулярность обмена и привело к полному его прекращению. Создание империи Ляо прервало торговые пути по суше, а начавшаяся в 983 г. киданьская кампания против чжурчжэней угрожала водному пути по р. Ялу. В 991 г. кидани построили три крепости в устье р. Ялу, на противоположном берегу которой корёсцы тотчас же воздвигли две своих. Выход по р. Ялу в Бохайский залив был закрыт [Нипо, 1961, стр. 153]. С тех пор чжурчжэни попадали в Шаньдун либо в составе и под охраной корёского посольства (в 1014, 1015, 1017, 1019 гг.), либо претерпев нападения киданей (в 1017, 1019 гг.), либо случайно после шторма на море (в 1009 г.), либо перейдя в киданское подданство (в 1031 г.). Поэтому между крайними датами (925 и 1031) надо выделить значительно более кратковременный период (959—1019), за который было совершено 25 сравнительно регулярных торгово-дипломатических поездок, причем семь последних (в 991—1012 гг.) уже не были полностью самостоятельны. Корё, со своей стороны, чинила всевозможные помехи чжурчжэньской торговле с Сун. «Уже с периода правления под девизом Цзянь-лун (960—962) мирные чжурчжэни из Сучжоу (совр. Цзиньчжоу на Ляодунском полуострове) плавали морем до Дэнчжоу продавать лошадей. Старая дорога еще сохранялась. В 5-й год под девизом правления Юань-фэн (1082 г.) император [Сун] издал указ: При прежнем царствовании чжурчжэни всегда приезжали в Дэнчжоу продавать лошадей, но потом, слышно, кони шли по дорогам и тропам, преграждаемым Гаоли (Корё), и долгие годы не доходили до места. Наш императорский двор поддерживает отношения с Гаоли. Надо обратиться к королю и потребовать: „Когда чжурчжэни пожелают торговать конями в Китае, разрешать

им проезжать и посланных чжурчжэней не останавливать» [СЧБМХБ, цз. 3, стр. 8а] ⁵. В результате около 1031 г. торговля чжурчжэней с Сун, по-видимому, прекратилась.

На табл. 2 и 3 представлен перечень товаров, экспортируемых и импортируемых чжурчжэнями и объединенных нами в несколько категорий. Сопоставление этих данных позволяет сделать небезынтересные выводы. В основном чжурчжэни вывозили продукты природы, охоты и сельского хозяйства. В первой категории, кроме золота и жемчуга, дикого меда и воска, знаменитых ловчих соколов, все остальное — лекарственное сырье. И в Сун, и в Ляо вывозили почти одинаковые виды продуктов природы, лишь в Корё из этой группы попадало одно только золото: всем остальным она была сама богата. Меха, составляющие вторую категорию, в равной мере продавались во все три страны (особенно беличьи и собольи шкурки), так же как кони из третьей категории. Особняком стоит единичная сделка с зерном, осуществленная с чжурчжэнями в Корё. Изделия ремесла представленные тканями и оружием, причем первые продавались во все три соседние государства, а последнее — только в Корё и в Сун. Очевидно, что ткацкое производство чжурчжэней в то время вряд ли могло производить многие виды тканей на экспорт в страны, славящиеся своими тканями (кроме, может быть, Ляо). Последнее обстоятельство позволяет разрешить проблему. В списке товаров, продаваемых чжурчжэнями в Ляо, упомянуты шелк и парча, которые в то время заведомо не ткались на Северо-Востоке Маньчжурии. Очевидно, чжурчжэни торговали тканями не местной выделки. Однако простые, грубые ткани ткались на месте в значительном количестве — недаром Ляо включало своим данникам в число ежегодных взносов и ткани.

Отдельные факты позволяют заключить, что чжурчжэни торговали и рабами. В 1022 г. они, по-видимому, продали рабов в Корё. Вероятно, рабами становились чжурчжэньские охотники, подманивающие оленей в сезонных охотах ляоского императора, как те, например, которых в 991 г. чжурчжэни подарили киданьскому императору.

Согласно табл. 3, чжурчжэни импортировали один род продуктов природы — металлы и один вид сельскохозяйственной продукции — скот (крупный рогатый — из Ляо и тягловый — из Корё). Не считая предметов непосредственного

---

⁵ В нашей статье «Хозяйство и быт чжурчжэней до образования династии Цзинь» (Воробьев, 1966) подлинный смысл цитаты передан неточно из-за многозначности варианта иероглифа «торговать», использованного в издании, имевшемся в нашем распоряжении. В связи с этим следует добавить, что чжурчжэни не только продавали в Китай коней, но и покупали их там для улучшения породы в своих табунах.

Товары, продаваемые чжурчжэнями в другие страны в X — начале XII в.

		Ляо	Корё	Сун
Изделия ремесла	Продукты природы	Золото Жемчуг Лекарства Женьшень Кедровые орехи Белый аконит Рыбий клей Воск Мед Соколы	Золото	Золото Жемчуг Лекарства Женьшень Кедровые орехи Белый аконит Рыбий клей Морская капуста Вытяжки из половых желез морского котика
	Продукты охоты	Меха » собольи » беличьи (черные и серые) Оленьи кожи	Меха собольи » беличьи » горностаев » барсов	Меха собольи » беличьи
	Продукты сельского хозяйства	Кони Быки Бараны Собаки	Кони Верблюды Зерно	Кони
	ткацкого	Ткани Полотна Шерсть Шелк Парча Нитки	Ткани	Ткани Полотна
	оружейного		Стрелы Луки Самострелы Панцири железные » кожаные Шлемы Оружие Значки Боевые суда Лодки	Стрелы Поющие стрелы
		Охотники-маньчики	Рабы (?)	Охотники - маньчики

Товары, покупаемые чжурчжэнями в других странах в X — начале XII в.

	Ляо	Корё	Сун
Продукты природы	Золото Серебро Железо Медь	Золото Серебро Железо Медь	
Продукты сельского хозяйства	Скот	Волю Вино Кушанья	Чай
Изделия ремесла	ткани и одежда	Ткани Шелк Полотно Сукно Цветной шелк Узорчатая тафта Одежда Пояса	Шелк
	утварь	Посуда Серебряная посуда	Керамика Фарфор Металл. изделия Изделия из лака
Предметы культуры	Пятикнижие Изображение будд	Календари Письменные принадлежности	Буддийский канон Монеты
		Рабы - ремесленники	

потребления — кушаний, вина, чая, следующей важнейшей статьёй импорта были разнообразные ткани, главным образом шелка. Одежда и различная утварь дополняли категорию импортируемой ремесленной продукции. Особое место занимают монеты — признак начинающегося сдвига от обмена натурального к денежному — и принадлежности буддийского культа, конфуцианские сочинения, календарь. И не рабами ли были серебряных дел мастера, которых чжурчжэни выпросили в Корё в 1102 г.?

По-видимому, не все наименования статей экспорта и импорта вошли в приведенные таблицы. Это позволяет сделать дополнительно некоторые выводы.

В X—XI вв. обмен чжурчжэней с соседними народами был развит довольно широко. От простой мены «вещь на вещь» чжурчжэни перешли к оптовому обмену, выражавшемуся в форме торговых сделок, обмена подарками с соседними государствами. В рамках общей тенденции: экспорта растительного сырья, продуктов охоты — мехов и продуктов скотоводства и импорта руды, изделий ремесел и принадлежностей культа и культуры — чжурчжэни перешли к более сложным формам сделок, при которых происходила купля-продажа товаров одной категории (золото), но разной сортности (скот, ткани). Вероятно, эти предметы играли роль эквивалента, но так же допустимо, что их — в особенности золото — вывозили одни племена и ввозили другие. Обмен еще не стал подлинно регулярным, но уже утратил многие элементы случайности.

Разумеется, соседние племена обменивались продуктами, имеющимися у них в избытке, но для далекой, «заморской» торговли многие племена оказывались неподготовленными: они находились слишком далеко от потенциальных рынков, часто на их пути проживали враждебные племена, они плохо знали условия конкретных рынков, а продажа одного-двух видов продуктов сулила мало дохода из-за больших накладных расходов. Все это обусловило выдвижение торговых племен, ведущих широкую посредническую торговлю, одни торговали предпочтительно с одной какой-нибудь страной, другие — с двумя. К числу торговых племен относились уже и «30 родов» чжурчжэней, или хэйшуй. Это накладывало определенный отпечаток на выбор торгового партнера. Так, в период возвышения уже последние не торговали с Ляо. Это объясняется их враждой с киданями, но корёские и китайские купцы в это время не ездили в Маньчжурию. Основные торговые пути в Корё, как уже говорилось, именовались восточным и западным. На первом пути действовали ужэ, на втором — «30 родов». Именно здесь, в Ханьчжоу, в 985 г. кидани захватили и 200 тыс. коней. Сами «30 родов» вряд ли могли развести столько коней. Очевидно, кони были пригнаны сюда и откармливались на равнине в ожидании вывоза. Причем «30 родов» скупали коней далеко за пределами собственной территории, отдаленные племена пригоняли сюда свои табуны.

Для понимания характера торговли чжурчжэней существенное значение имеет установление подлинных средств обмена. Источники несколько противоречивы в этом вопросе. Уже приводилась цитата: «Торгую, чжурчжэни приобретают

товары путем обмена [вещь на вещь] и не пользуются ни деньгами, ни шелком, ни материями» [Кычанов, 1966, стр. 276]. В ней обмен выглядит очень архаичным. В действительности есть сведения об использовании скота, тканей и золота при расчетах, о хождении монет, принятых к обращению в Ляо, т. е. киданьских и китайских [ЦШ, цз. 48]. Ма Дуань-линь рассказывает, что чжурчжэни, потерпевшие кораблекрушение у берегов Шаньдунского полуострова, получили в Дэнчжоу помощь в виде денег [Ма Тоуан-линь, 1876, стр. 437]. В 1017 г. китайцы пожаловали одной группе чжурчжэней 5 тыс. монет и снабдили деньгами на проезд другую группу [Нипо, 1964, табл.].

Впрочем, это противоречие кажущееся. В торговле — розничной, каждодневной, как правило, преобладал натуральный обмен. Даже некоторые внешнеторговые сделки, вроде, несомненно, коммерческой, проведенной в 948 г. в Корё, часто не выходили за рамки натурального обмена. Однако уже очень давно выделяются у чжурчжэней эквиваленты обмена — быки, ткани и золото [Хуа Шань, Ван Гэн-тан, 1956, стр. 29]. В перечне товаров на наших таблицах всюду упоминается золото. По-видимому, золото уже входило в обращение в качестве платежного средства. И не такова ли роль некоторых сортов тканей, тоже проходящих по всем графам обеих таблиц?

Итак, уже в начале X в. развитие хозяйства у чжурчжэньских племен достигло той степени, когда внешний обмен сделался необходимым. В X—XI в. в хозяйстве увеличивается доля товарного продукта главным образом в виде сырья, полуфабрикатов, продукции сельского хозяйства, которую можно было продать. Но сама внешняя торговля в те времена составляла неразрывное целое с политикой. Не случайно некоторые формы торговли («дань», «подарки») облекались в политическую оболочку. Но, с другой стороны, конкретная политика иногда определялась чисто торговыми соображениями, задачей сохранения торговых путей свободными. Одновременно с этим свободная торговля представлялась (и являлась) залогом политической независимости. Поэтому-то все сказанное выше о торговле относится лишь к немирным, непокоренным чжурчжэням, тогда как их мирные, покоренные сородичи почти не имели возможности вести внешнюю торговлю.

На протяжении двух с лишним столетий чжурчжэни вели торговлю с несколькими крупными партнерами, обладавшими каждый своими коммерческими требованиями и навыками. Для того чтобы успешно ориентироваться в этой сложной торгово-политической обстановке, требовалась довольно высокая степень торгового профессионализма, и это послужило

лишним толчком для выделения в союзе торговых племен («30 родов», ужэ), ведших посредническую торговлю.

Развитие внешней торговли чжурчжэней не только явилось следствием определенного развития их экономики, но само оказывало на нее революционизирующее влияние, способствуя формированию товарного производства⁶. Такие процессы, как известно, ведут за собой социальные сдвиги. Превращение потенциальных ценностей, находящихся в ведении племенных и родовых вождей, в средство получения золота, оружия, предметов роскоши, китайской и корёской культуры открыло перед родовой знатью новые горизонты. Свободная и регулярная торговля с соседями превратилась для чжурчжэньских племен в необходимость. Обеспечить же ее можно было лишь средствами политическими и военными, так как чжурчжэни находились между двумя противниками — Ляо и Корё. Следовательно, торговые интересы сыграли важную роль не только во внутреннем развитии чжурчжэньского общества, но и в борьбе за освобождение от киданьского господства и за создание собственного государства.

ФИНАНСЫ

Из чего слагались средства родов и племен чжурчжэней, шедшие на общие нужды, — вопрос неясен. Мы можем выдвинуть лишь следующие предположения. Бесспорно лишь то, что такие средства существовали. Так, когда в Ёлане наступил голод, вождь племени ваньянь Угунай послал голодающим лошадей и быков, а для этого он должен был распоряжаться какими-то резервами. Заботясь о вооружении родовой дружины, Хэлибо нанял у племени цзягу кузнецов и заказал им 90 доспехов — и в этом случае он израсходовал немалую сумму общественных ценностей. После взятия городка Вомоуханя Хэлибо «в зависимости от заслуг наградил все войско», опять же распоряжаясь какими-то средствами, возможно, трофеями [ЦШ, цз. 1, стр. 16]. Независимо от характера ценностей, т. е. принадлежали ли они вождям на правах собственности или же находились только в их преимущественном распоряжении, — все равно это были сравнительно крупные средства, расходуемые на общеродовые или общеплеменные нужды.

---

⁶ К. Маркс писал в «Капитале»: «Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы... Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары» [Маркс и Энгельс, т. 23, стр. 364].

Средства родов создавались за счет внутренних и внешних источников. О первых в «Саньчао бэймэн хуйбянь» говорится: «При взимании налога, в случае необходимости принять какие-то меры, объявляют о всех таких делах, делая зарубку на стреле... Сбор налогов у чжурчженей проводится не регулярно. Сколько требуется, столько и берут...» [цит. по: Кычанов, 1966, стр. 276—277]. Эти единственные прямые упоминания письменной традиции о налогах у чжурчженей в доциньское время говорят нам лишь о том, что эти налоги существовали, но носили нерегулярный характер, принимая форму дани, размер которой зависел от потребностей и влияния вождей.

Другим важным источником пополнения средств вождей была военная добыча. После победы Хэлибо на р. Подату в третьей четверти XI в. «брошенные телеги, доспехи, лошади, скот и военное снаряжение было захвачено им» [ЦШ, цз. 1, стр. 17]. При Хэлибо Лабэй и Мусань приходили грабить чжурчженей. Нагэньне «самоуправно начал грабить людей» суйфунских племен (конец XI в.).

Можно также предполагать, что часть дани, собираемой вождями для жиданей или корёсцев, оседала среди старшин и вождей.

Внешние источники пополнения племенной казны тоже играли немалую роль. Среди них особое место занимала торговля. Разумеется, в ту эпоху не существовало настоящей монополии на внешнюю торговлю, но вряд ли также она была уделом рядовых членов рода или рядовых торговцев. Более того, анализ перечня продаваемых и получаемых товаров, объем и условия сделок подтверждают, что в ряде случаев торговля осуществлялась непосредственно вождями или от их имени, и, следовательно, они пользовались ею, чтобы пополнить свою казну. В 948 г. восточные чжурчжэни пригнали в Корё табун коней в 700 голов, в 918—943 г. король Тхэджо купил у чжурчженей 10 тыс. коней; в 1030 г. чжурчжэни привезли в Корё в два приема 7 боевых судов, 170 тыс. стрел, т. е. совершили весьма крупные сделки.

В корёской летописи прямо говорится, что с торговыми целями приезжали вожди, старейшины, военачальники.

Наконец, чжурчжэньские вожди получали ценные подарки от соседних государей за разные услуги. Так, в 1017 г. китайцы подарили чжурчжэньским вождям, прибывшим в Дэнчжоу, в два приема 5 тыс. монет. В 1101 г. Ляо отправило послов, которые привезли подарки за умиротворение «соколиной дороги» [ЦШ, цз. 1]. Из всех этих источников и пополнялась казна родовых и племенных вождей.

О средствах сообщения чжурчжэней на заре их истории известно очень мало. В это время лишь немногие пускались в далекие поездки, но все же такие люди были, они совершали долгие и трудные путешествия в Ляо, в Корё, в Сун. Кроме того, не все основное население вело оседлый образ жизни, часть чжурчжэней совершала сезонные кочевки, во время которых «для перевозки грузов используют волов или же седлают их и ездят на них верхом. Если случится сильный дождь, прячутся от него под воловью шкуру» [Кычанов, 1966, стр. 274].

Путешествуя налегке, чжурчжэни предпочитали пользоваться лошадьми. «По горам и долинам, с крутых обрывов скачут, как будто летают. При переправах через реки не пользуются лодками, а переплывают реку вместе с лошадью» [цит. по: Кычанов, 1966, стр. 273]. Езда на лошади занимала такое важное место в жизни этого народа, что при наказании преступника «бьют по спине, а не по заду, так как боятся, что битье по заду повредит наказуемому и он не сможет ездить на лошади» [цит. по: Кычанов, 1966, стр. 277].

Неизвестно, приучали ли чжурчжэни коней к упряжке, т. е. запрягали ли их в телеги. Седло им было известно. Как зафиксировано в источнике, «во время похорон знатных лиц... хоронили... оседланных лошадей, принося их в жертву». И далее: «У них нет мастерских и ремесленников. В подавляющем большинстве случаев жилища, телеги и палатки они могут делать для себя сами» [цит. по: Кычанов, 1966, стр. 275, 276].

Речной и морской транспорт, по всей вероятности, существовал, хотя точные сведения о нем отсутствуют. Все чжурчжэни умели мастерить легкие лодки и челны, выдолбленные из целого ствола дерева, длиной 8 футов и с одним веслом.

Для дальних поездок делали баржи. Торговые путешествия по р. Ялу и затем через Западно-Корейский и Бохайский заливы с табунами коней, пиратские походы в Желтое и Японское моря требовали надежных судов.

В рассматриваемый период у чжурчжэней не было ничего похожего на разработанную систему государственных дорог с постоянными дворами, существовавшую в Сун. Тот же источник сообщает нам: «В их стране на проезжих дорогах нет постоянных дворов. Путешественники отдыхают в домах местных жителей. Вначале хозяин прогоняет пришельцев, а когда они не уходят, то принимает их и дает им есть и пить. Если же путники, когда их прогоняют, уходят, то в остальных домах их уже нигде не будут принимать» [цит. по: Кычанов, 1966, стр. 278]. Эта цитата свидетельствует о том, что

безотказное родо-племенное гостеприимство в таких придорожных селах сузилось до обязанности первого спрошенного дать приют, причем хозяин может и попытаться уклониться от этого долга.

Но если не существовало благоустроенных государственных дорог, то тем не менее были пути и маршруты, которыми предпочитали пользоваться киданьские чиновники, ехавшие к немирным чжурчжэням, послы и купцы последних, отправлявшиеся в Корё, в Ляо и в Сун. Одним из таких маршрутов был знаменитый «соколиный путь», ведущий из Ляо в Приморье через земли племен разной степени зависимости. Отправляясь в свои военно-охотничьи экспедиции за хайдунцинскими соколами, кидани покидали Ляо, выезжая из современного Хуанлуфу близ Нунъяня, двигались на восток, в Биньчжоу, переправлялись через Сунгари, снова продвигались на восток к Нингуте, отсюда по р. Халхэ спускались к Иланю, а уже отсюда попадали в Приморье [Тёсэн Мансю си, 1938, стр. 290]. Этот путь и назывался «соколиным» или «хайдунцинским». Но он проходил через владения немирных чжурчжэней и земли «пяти племен» (уго). Ввиду напряженных отношений между всеми этими народами сообщение по «соколиному пути» было небезопасным.

Существенное значение для чжурчжэней имел узел дорог, связывавших их владениями с Корё и с Сун [Hino, 1954]. Посольства «30 родов» выезжали с равнины Хамхына⁷ в северо-восточной Корё, направляясь в г. Дэнчжоу на Шаньдунском полуострове. Дэнчжоу был центральным портом для всех приезжавших в Сун из Маньчжурии, Корё и Японии. С 963 г. путь чжурчжэней шел из Хамгёна по р. Чанцзинь, в Цзянкай и Маньпу. Оттуда они направлялись в столицу царства Динъянь г. Ялуфу, спускались по р. Ялу до г. Хуаньчжоу. Выйдя из устья Ялу, они плыли вдоль побережья, огибали Ляодунский полуостров и только тогда пересекали Бохайский залив и приставали к острову Шамыньдао близ Дэнчжоу, жители которого несли особую корабельную повинность. Здесь чжурчжэни дожидались допуска в Дэнчжоу. После постройки киданями крепости на Ялу чжурчжэни из Хамхына направлялись в столицу Корё, где присоединялись к корёскому посольству, а оттуда с Ляодунского полуострова плыли в Шаньдун. Маршрут по Ялу для Бохая, Позднего Бохая, хэйшуй мохэ был прямым путем в Сун, и «30 родов» его унаследовали. Он проходил через чжурчжэньские земли или через земли их союзников: на Ляодуне жили чжурчжэни регистровые, управления Хэсугуань, в низовьях Ялу —

---

⁷ Здесь и далее до конца раздела часть географических названий современные.

ялуские, в среднем течении Ялу и на р. Тунцзя располагалась страна Динъань. Важный внутренний маршрут, проходивший уже в широтном направлении, но тоже через чжурчжэньские земли, начинался в Хуаньчжоу, проходил через бассейн р. Аньчуху, пересекал Лунцюаньфу — вотчину ужэ. Этим путем «30 родов» ездили в страну ужэ.

Через Хуаньчжоу проходили и другие пути. Один шел из бассейна р. Свцыхэ в сторону Шэньчжоу (совр. Шэньян) и Ляояна и являлся древней дорогой в западный Ляоси и к кочевникам. Другой соединял Маньпу с северо-западными пределами Корё, проходя вниз по течению р. Цинчуаньцзян. Вместе они составляли путь из Корё в Ляо. Третий путь вел через Линьцзян в глубь Маньчжурии — в области за Лунцюаньфу.

Корё с чжурчжэнями связывали две дороги. Чжурчжэни, прибывавшие по дороге Анджу — Пакчхон — Кусон — Аньй, назывались в Корё восточными или северо-восточными; а приезжавшие по дороге Анджу — Кваксан — Сончхон именовались западными или северо-западными.

Значение важнейших торговых, дипломатических и военных магистралей правильно оценивалось заинтересованными сторонами. Чжурчжэни изо всех сил старались сохранить путь из Маньчжурии в Сун, но безуспешно. Дороги, связывающие чжурчжэней с Ляо и с Корё, остались нетронутыми, а «соколинный путь» очутился полностью под чжурчжэньским контролем. Сохранение средств связи, несомненно, способствовало сплочению чжурчжэней и подъему их мощи и культуры.

ГОСУДАРСТВО ЦЗИНЬ (1115—1234)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Государство Цзинь, провозглашенное в 1115 г., первые 10 лет провело в пламени антиляоской войны. Императору Агуде, известному под именем Тай-цзу, несомненно, принадлежит важная заслуга в деле разгрома Ляо, последние этапы которого ему не довелось наблюдать.

Не достигнув успеха в дипломатическом «увещевании» Агуды, киданьский полководец с многотысячным войском подошел к границе Цзинь, намереваясь не просто разбить чжурчжэней, но и заселить беспокойные земли подвластными Ляо военными поселенцами. Однако киданьские войска потерпели поражение, а Агуда захватил в 1115 г. город Хуанлунфу. Еще более многочисленная ляоская армия — называется явно фантастическая цифра — 700 тысяч! [ЦШ, цз. 2, стр. 23] — под командованием императора Тянь-цзо-ди в том же году потерпела поражение, а в 1116 г. чжурчжэни захватили Восточную столицу киданей — Ляоян.

Последнее событие имело особое значение для будущего народов Маньчжурии. Ляоян был старой бохайской столицей. Поскольку везде ощущался кризис, испытываемый империей Ляо, бохаец Гао Юн-чан в начале 1116 г. поднял восстание в Ляояне, объявил себя государем и предложил Агуде начать совместные действия против киданей. Однако Агуда считал себя и свой народ единственными властителями в Маньчжурии. Он послал против Гао Юн-чана войска, и через четыре месяца вся территория прежнего Бохая попала под контроль чжурчжэней.

Осенью 1116 г. ляоский полководец Елюй Цюнь на вербовал в Ляодуне из бродяг и бедняков войско и бросил его против Цзинь, однако в конце следующего года чжурчжэни разбили его и гнали до Ляоси. Мирные чжурчжэни, жившие

в Ляодуне, были воссоединены со своими восставшими со-родичами.

Не надеясь уже силой оружия сломить власть Агуды и узнав о переговорах между Цзинь и Сун, ляоский император снова выступил с мирными предложениями, но сделал это столь неискусно и бестактно, что его предложения (в сущности, сводящиеся к капитуляции и подчинению Цзинь ляоскому господству) были отвергнуты, а дипломатические отношения между двумя государствами прерваны.

В последующие три года, которые были относительно мирными, Агуда провел ряд мероприятий по государственному строительству: создал административный аппарат, укрепил регулярную армию, пропагандировал идеи подчинения законам и указам, ввел национальную письменность (1119 г.), заключил с династией Сун несколько соглашений (в 1118, 1120, 1122 гг.), причем соглашение 1120 г. включало в себя новое существенное условие — участие Сунов на стороне чжурчжэней в случае войны с киданьской империей Ляо [Чэн Су-ло, 1950].

В 1119 г. военные действия возобновились. В 1120 г. чжурчжэни взяли Верхнюю столицу киданей (Линьхуан). Победы чжурчжэней облегчались полной деградацией правящей киданьской элиты и, в свою очередь, углубляли процесс ее разложения. Император Ляо Тянь-цзо-ди казнил своих приближенных, подозревая их в заговоре с его сыновьями. Его родич Елюй Юйду, спасая свою жизнь, бежал в 1121 г. к Агуде и повел чжурчжэньские войска прямо на Среднюю столицу Ляо (Дадинфу). Тогда Тянь-цзо-ди казнил одного из своих сыновей, которого считал виновником многих раздоров. Вскоре после этого его родич Елюй Цюнь в Яньцзине провозгласил себя императором под именем Тянь-си-хуана. Империя Ляо распалась на две части.

Тянь-цзо-ди сохранил земли на север от Шамо, юго-западные и северо-западные губернии, а Елюй Цюнь — южные губернии, в том числе бывшие китайские владения. Елюй Цюнь и сменившие его лица окончательно лишились власти: их генералы перебегали кто к Цзинь, а кто к Сун. В 1122 г. Западная столица Ляо — Датун была взята чжурчжэнями. Суны и на этот раз не принимали активного участия в войне. Многотысячная китайская армия действовала в 1122 г. под Яньцзином (Пекином) столь нерешительно — не то из-за бездарности руководства, не то все еще боясь открытыми военными действиями скомпрометировать Сун в глазах Ляо, — что потерпела поражение. Цзиньцы сочли такие вялые действия китайцев нарушением договора и согласились теперь возвратить Сун лишь шесть округов с Яньцзином, причем потребовали выплаты им 1 млн. свя-

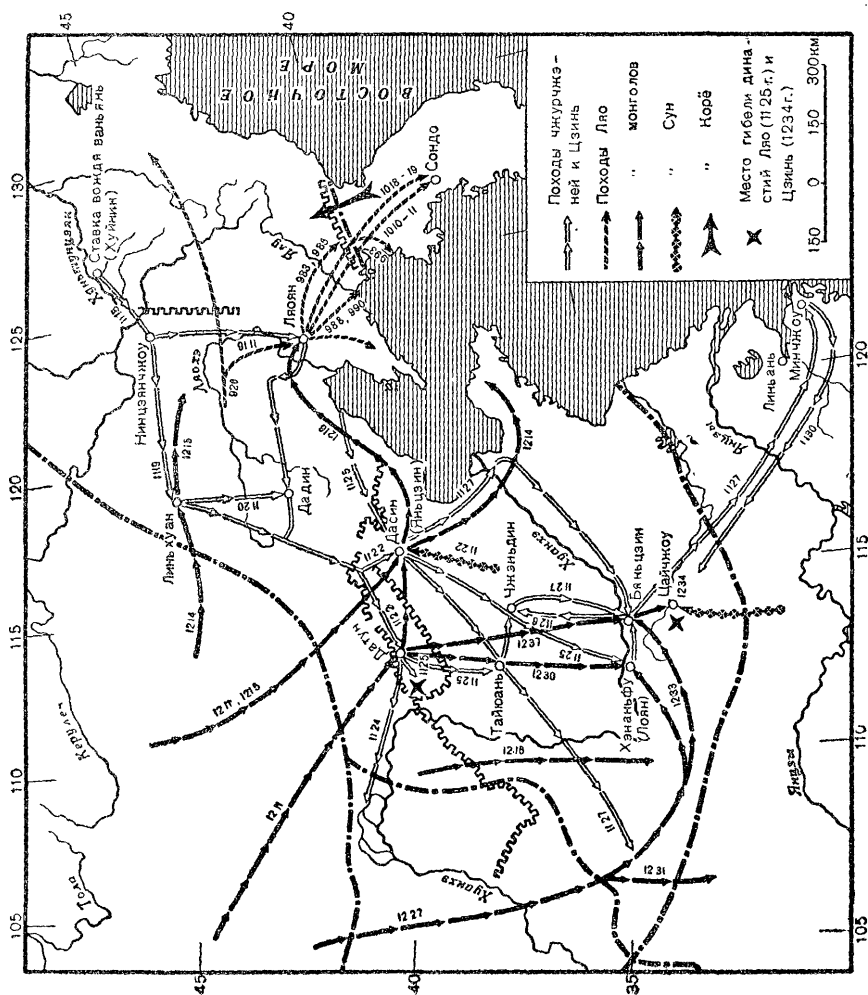
зок — суммы налогов, вносимой жителями Яньцзина, — так как и эту столицу по просьбе китайцев им пришлось взять самим (в том же, 1122 г.), чтобы уже затем передать Сун в 1123 г.

Тянь-цзо-ди, теснимый чжурчжэньскими войсками, еще в начале 1122 г. бежал и укрылся во владениях Си Ся — у своих последних союзников, между тем как его генералы провозглашали императорами то одного, то другого из его родственников. В 1124 г. тангуты были вынуждены признать сюзеренитет Цзинь, и Тянь-цзо-ди, потеряв последнее убежище, в 1125 г., после проигранной битвы, попал в плен к чжурчжэням. Империя Ляо перестала существовать. Один из членов императорского дома, Елюй Даши, с горсткой воинов бежал летом 1124 г. на запад и в бассейне рек Или и Сыр-Дарьи образовал государство Западное Ляо, или Си Ляо (1124/1130—1211).

Агуда умер через несколько месяцев после возвращения Яньцзина Сунам. Уничтожение империи Ляо завершил его младший брат Тай-цзун (чж. Уцимай, 1123—1135).

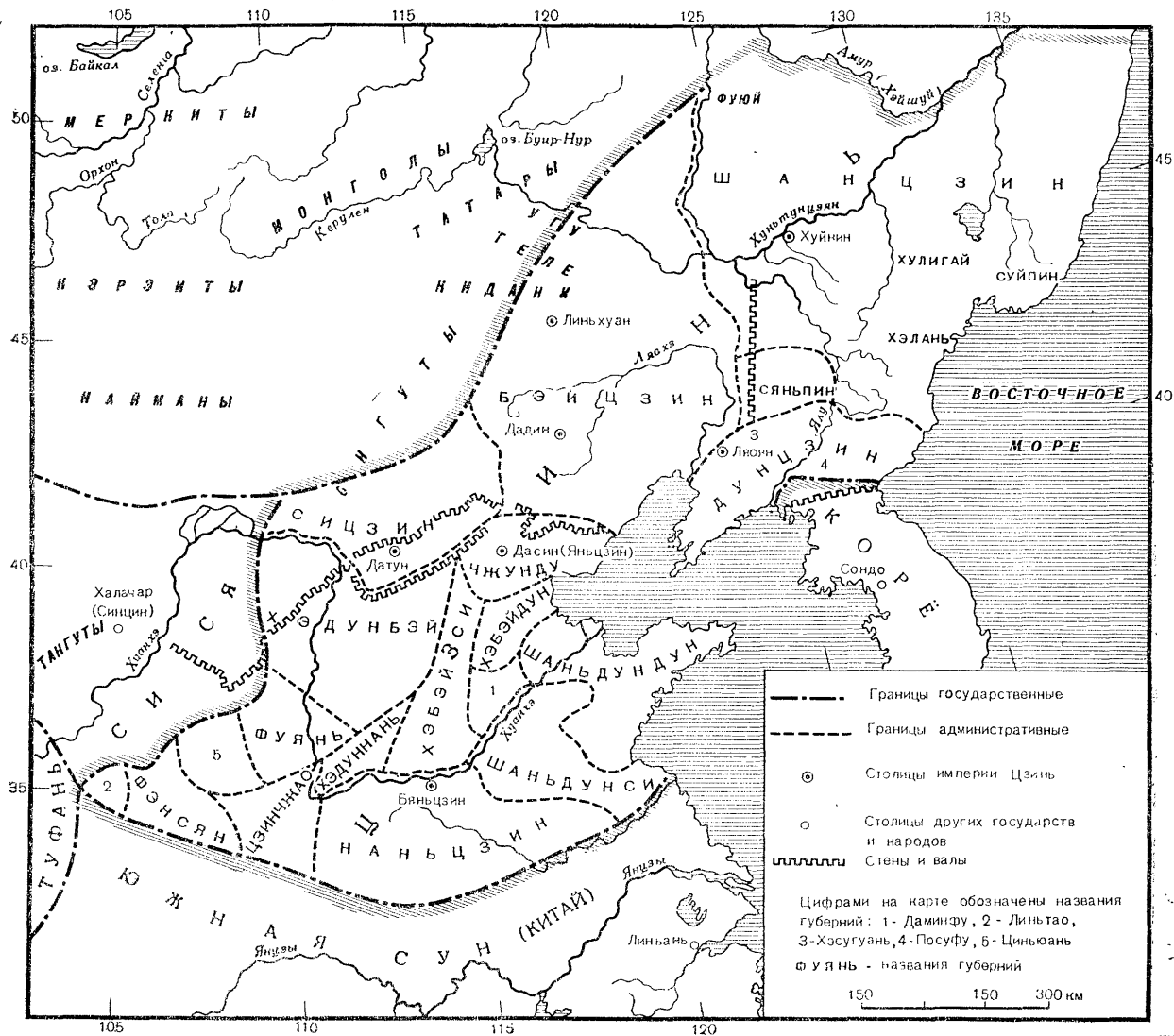
Тай-цзу и Тай-цзун избегали войны на два фронта, поэтому еще в 1119 г., во время ликвидации киданьских крепостей в Восточной Маньчжурии и северном Корё, реку Ялу признали границей между Цзинь и Корё. Обе стороны держались очень настороженно. Корё укрепило пограничную стену и отклонило цзиньское предложение заключить договор о «братстве», но в последующей чжурчжэне-киданьской войне сохраняло нейтралитет. Со своей стороны Тай-цзун избегал любых конфликтов с Корё, запретив чжурчжэням появляться вблизи новой границы. Ни Тай-цзу, ни Тай-цзун не могли позволить себе иметь в тылу врага, первый — во время войны с киданями, а второй — перед назревающим конфликтом с китайцами.

А конфликт надвигался неотвратимо. Ни та ни другая сторона не была довольна друг другом и своей долей в киданьском наследстве. Чжурчжэни выполнили условия нового договора: вернули Китаю Яньцзин и шесть округов — в сущности за выкуп, но прилегающие округа, которые китайцы считали своими, оставили за собой, кроме того, уходя из Яньцзина, они вывезли оттуда много богачей, а также ценности. Начальник округа Пинчжоу, китаец, признавший чжурчжэньскую власть, в 1123 г. освободил уведенных из Яньцзина китайцев. Его войска были разбиты чжурчжэнями, сам он бежал к Сунам, но по требованию чжурчжэней был там казнен. Этот случай довольно типичен для той поры. Сунское правительство вело интриги в цзиньских владениях, но воевать не хотело и не могло. И, что хуже всего, об этом догадывались чжурчжэни.

Карта-схема 2. Основные военные походы в период существования чжурчженей и Цзинь

Карта-схема 4. Империя Цзинь

В конце 1125 г. чжурчжэни перешли в наступление, почти не встречая сопротивления: многие города открывали им ворота и целые провинции сдавались без боя [Franke, 1948, стр. 208—209]. Чжаньмоха (Ваньянь Цзунхань) из Юньчжоу устремился к Тайюаню — главному городу провинции Шаньси — и долгое время осаждал его. Ханьлибу (Ваньянь Цзунван), сын Агуды, с 60-тысячной армией вышел из Пинчжоу, взял Яньцзин, начальник гарнизона которого Го Яо-ши (киданин на китайской службе) перешел на сторону чжурчжэней, затем двинулся к Лояну, взял его и окружил Бяньцзин (Кайфын). Еще в начале цзиньского наступления китайский император Хуй-цзун (1101—1125) отрекся от престола в пользу своего сына Цинь-цзуна (1126). Несмотря на ожесточенное сопротивление осажденных, общее положение в стране вынудило Цинь-цзуна просить у чжурчжэней перемирия на тяжелых условиях. Продолжающаяся концентрация сунских войск и недостаток провианта заставили Ханьлибу весной 1126 г. отойти на север, удовольствовавшись менее чем десятой долей контрибуции. Полагая, что и остальные пункты соглашения китайцы могут не выполнить, Чжаньмоха продолжал осаду Тайюаня. Летом того же года в Цзинь восстал киданин Елюй Юйду, подстрекаемый китайцами. Поэтому той же осенью военные действия оживились. Ханьлибу перешел Хуанхэ и захватил Чжэньдин, к нему навстречу пошел Чжаньмоха, взявший наконец Тайюань. Соединившись, армии обоих полководцев в конце 1126 г. штурмом взяли Бяньцзин.

Хуй-цзун и Цинь-цзун были схвачены и привезены в Шанцзин как простолюдины, здесь, в чжурчжэньском храме императорских предков, Тай-цзун пожаловал им княжеские титулы и отправил на жительство на север. Впоследствии южносунский двор, получив от сунского эмиссара Цао Сюня доклад о тяжелых условиях, в которых оказались два бывших императора [БШЦВЛ], тщетно пытался облегчить их участь, действуя через своих специальных послов и через Корё. В 1130 г. их перевели в г. Угочэн (Пятиградие), но в 1161 г., уже после кончины Цинь-цзуна и в начале войны с Южной Сун, пленников казнили. Так окончился беспрецедентный в истории Китая плен императоров [Сонода, 1937].

Чтобы окончательно ликвидировать династию Сун, под давлением чжурчжэней в Кайфыне императором был избран некий Чжан Бан-чан, провозгласивший династию Чу. В середине 1127 г., как только войска чжурчжэней ушли, династия Чу прекратила свое существование. Императором под именем Гао-цзуна (1127—1162) был провозглашен уцелевший член старой династии Сун, который перенес столицу сначала в Интянь (старая Южная столица), а потом в Ханчжоу

(Лицзянь). Сама династия с 1127 г. получила название Южной Сун (Нань Сун).

Чжурчжэни решили, что война окончена, и ушли на север. В действительности же все эти важные события оказались лишь преходящими эпизодами в продолжающейся борьбе. В это время население Хэбэя и Хэдуна, которое сунская династия передала чжурчжэням, восстало. Император Гао-цзун после некоторого колебания поддержал восставших [Cochini, 1968]. Недавняя победа оборачивалась для чжурчжэней угрозой, и, чтобы опередить врага, Чжаньмоха, оставшийся после смерти Ханьлибу фактическим хозяином Цзинь, зимой 1127 г. повернул армии на юг. Чжурчжэни наступали тремя армиями: центральная во главе с самим Чжаньмохой ворвалась в Хэнань, восточная под водительством Ордо и Учжу (Ваньян Цзунби — сыном Агуды) двинулась из Яньцзина в Шаньдун, западная, руководимая Лосо, Салиха и Хафу, вступила в Шэньси. Армия Чжаньмохи соединилась с отрядами Ордо и Учжу и двинулась на юг в погоню за Гао-цзуном. Последний по примеру некоторых прежних китайских императоров стремился на юге переждать неблагоприятное время. В конце 1129 г. чжурчжэни форсировали Янцзы, взяли Минчжоу — самый южный пункт в Китае, какой они когда-либо достигали, — и даже пытались преследовать беглеца по морю, но тщетно. Между тем отрыв от баз, нарастающее сопротивление населения и летняя жара заставили цзиньскую армию в 1130 г. повернуть назад. Западная армия успешно воевала в Шэньси, но остановилась у ворот Сычуаня — житницы Китая. Отряды Учжу, возвращаясь, сожгли китайские морские корабли, вошедшие в Янцзыцзян, переправились через эту реку, но вскоре встретились с армией знаменитого сунского полководца Юэ Фэя, которая нанесла им серьезный удар. Осенью 1131 г. отряды Учжу потерпели поражение в проходе Хэшаньюань (Шэньси). Регулярная сунская армия, добровольческие войска «восьми иероглифов», крестьянские отряды «красных повязок» оказывали чжурчжэням сильное сопротивление, но смогли лишь задержать темп наступления чжурчжэней [Хуа Шань, 1955].

В 1129 г. чжурчжэни заняли Хэбэй, Хэдун и Центральную равнину, в следующем, 1130 г. образовали здесь зависимое государство Ци во главе с Лю Юем — видным китайским чиновником. В 1131 г. к Ци присоединили провинцию Шэньси. Проводя такую политику, Чжаньмоха показал себя не только способным полководцем, но и талантливым государственным деятелем. Он неплохо знал китайские обычаи и традиции — не случайно во время своего последнего южного похода он сберег в неприкосновенности могилу Конфуция. Понимая, сколь трудно было бы непосредственно управлять

неусмирёнными провинциями, граничащими с южносунскими владениями, он создал государство с чисто китайской администрацией и порядками, но во всем зависимое от Цзинь; государство Ци служило чжурчжэням буфером и одновременно плацдармом для дальнейших действий против Южной Сун. В то же время все восстания и действия Южной Сун обращались прежде всего против этого государства, а это придавало всему происходящему видимость междоусобной войны. Ци — китайское по типу государство — переманивало в свои владения беглецов из Южной Сун, подрывало идейную базу восставших в цзиньских владениях и, наконец, вело военные действия с Южной Сун, за которые Цзинь прямо не отвечало.

Расчеты Чжаньмохи в общем оказались правильными, хотя создание Ци не смогло избавить чжурчжэней от войны с Южной Сун, напротив, неудачные операции Лю Юя требовали поддержки Цзинь, втягивали последнюю в войну. Суны провели ряд ответных операций, успеху которых способствовали внутривполитические неурядицы в Цзинь. Совместный поход Цзинь и Ци на юг, планировавшийся на осень 1132 г., был отложен на два года, так как чжурчжэни вынуждены были направить основные силы на подавление восстания Елюя Юйду и, кроме того, получили известие о создании Си Ляо другим членом фамилии Елюй — Даши.

Осенью 1134 г. войска Цзинь и Ци перешли Хуанхэ, но в начале 1135 г. умер Тай-цзун, и войска были возвращены. На престол стараниями Чжаньмохи возвели Хэла, внука Агуды, известного под именем Си-цзуна (1135—1149). Си-цзун был человеком образованным, начитанным, восхищавшимся китайской культурой, но не отличался талантами правителя. Чжаньмоха стал первым лицом в государстве, председателем Государственного совета, но вскоре оказался замешанным в заговоре и в 1137 г. покончил с собой. В эти годы Юэ Фэй освободил значительную часть Хэбэя и отдельные районы Хэнани. На западе, в Шэньси, китайцам удалось потеснить Учжу, отрезав ему путь в Сычуань. В 1136 г. Юэ Фэй вышел к Хуанхэ, отбил вылазки войск Ци и готовился к переправе на северный берег этой реки [Вань Шэн-нань, 1956].

Поскольку война разгоралась, а Лю Юй мешал своими беспорядочными действиями выполнению политических и стратегических планов Цзинь, царство Ци в 1137 г. было ликвидировано. К этому времени оно уже сыграло свою роль, к тому же в том же году умер покровитель Лю Юя — Чжаньмоха. Чжурчжэньские военачальники теперь могли действовать более независимо, что и принесло свои плоды. Но политическое значение ликвидации Ци превосходило во-

енное. Земли Ци как бесхозные становились предметом торга в готовящихся переговорах между Сун и Цзинь [Тоуата, 1964, стр. 18—35].

Си-цзун не собирался воевать на юге, а Гао-цзун понимал невозможность немедленного освобождения севера, несмотря на отдельные блестящие победы. Поэтому Цзинь в 1138 г. согласилась на переговоры, от которых долго отказывалась. В 1139 г. было достигнуто соглашение, но в это время открылась измена цзиньского военачальника Далая, подкупленного китайцами. Соглашение было сорвано, и чжурчжэньские войска вновь в 1140 г. вернулись на свои позиции.

Хотя в 1139—1140 гг. южносунские армии одержали ряд побед над наступающими цзиньскими войсками и в тылу у чжурчжэней было неспокойно, южносунское правительство твердо держало курс на заключение мира. Несмотря на блестящие победы Юэ Фэя и на крепнущую мощь южносунских армий, оно считало непрочными результаты этих побед, его страшила легкость, с какой чжурчжэни восстанавливали положение и занимали провинции; оно полагало, что военной мощи Южной Сун достаточно, чтобы удержать юг, но мало, чтобы отвоевать север, и что Южной Сун нужно время, чтобы окрепнуть.

В 1141 г. Цзинь заключила с Южной Сун мирный договор (ратифицированный в Цзинь в 1142 г.).

Договор 1142 г., или договор годов правления под девизом Шао-син (1131—1162), несомненно, явился вершиной военно-политического могущества чжурчжэней. Никогда еще ни один народ Восточной Азии в столь короткий срок не достигал таких успехов и не демонстрировал столь успешно свою мощь в соревновании с главным эталоном цивилизации и власти в этой части земного шара — с Китаем. И никогда больше чжурчжэням не суждено было превзойти этот взлет. Однако неверно было бы думать, что после 1142 г. Цзинь стала клониться к упадку. Сказать так — значило бы обеднить и исказить всю последующую историю чжурчжэней. Значение договора 1142 г. не в том, что он с блеском завершил 20-летний этап военной истории чжурчжэней, а в том, что он открывал перед ними длительный период мирного строительства и процветания, лишь изредка нарушаемый кратковременными и локальными войнами. В этом переломе выразилась специфика социального развития быстро поднимающихся народностей средневекового Дальнего Востока. Быстрота роста при узости экономической базы и скудости государственных и культурных традиций обеспечивалась в основном за счет экстенсивного, т. е. военного, развития. Но параллельно внутренние процессы создали базу для развития

интенсивного и, достаточно созрев, ориентировали по-новому всю жизнь народа.

Блестящие успехи Цзинь, закрепленные шаосинским договором, означали драматическое поражение сунского Китая, несмотря на то что в этой войне китайцы одержали немало славных побед [Шэнь Ци-вэй, 1958]. В почти окруженном Бяньцзине горожане подняли в 1126 г. восстание и потребовали обороны города. Враг был отогнан, но ненадолго... Его победа в Бяньцзине вызвала новый взрыв народного возмущения — в Шаньдуне, Хэбэе, Хэнани и Шаньси, но изолированные, хотя и ожесточенные, выступления не могли привести к резкому повороту событий. Регулярные армии в целом не были подготовлены к войне с не очень многочисленной, но быстрой и спаянной конницей чжурчжэней. Однако небольшой отряд Хань Ши-чжуна сумел в 1130 г. решительно преградить чжурчжэням путь за Янцзы. Южный Китай был спасен, но Северный оставался у чжурчжэней. Все земли к северу от р. Хуанхэ находились в руках чжурчжэней. Большая часть междуречья Хуанхэ — Янцзыцзян была выделена чжурчжэнями марионеточному государству Ци и на десяток лет стало ареной жарких схваток между Цзинь (Ци) и Южной Сун. Но и в тылу было неспокойно. В 1130—1135 гг. бушевало известное восстание на оз. Дунтин, вождь которого провозгласил себя императором Чу. Сунское правительство не раз в корне меняло свое отношение к восставшим [Haeger, 1969]. В 1134—1141 гг. талантливый китайский военачальник Юэ Фэй возглавил в Хубэе и Хэнани народное ополчение и одержал ряд крупных побед. Но его деятельность правительство признало самовольной и казнило его. Ополчение же распалось.

Глубокая оценка причин поражения сунской империи не входит в нашу задачу. Отложив на будущее некоторые специальные соображения (см. стр. 368—370), отметим здесь, что сунская империя переживала глубокий политический, хозяйственный и этнический кризис. Крестьяне и горожане, патристически настроенные феодалы, чиновники и военные из партии войны стремились преодолеть этот кризис — одни бессознательно, другие — обдуманно. Но им противостояла более могущественная партия мира. Она была спаяна уже самой пассивностью — их тактикой, хотя включала в себя очень разные группировки: не только прямых наемников чжурчжэней, приверженцев династии, крупных феодалов Южного Китая, но и людей, считавших кризис непреодолимым в данное время и возлагавших надежды на естественное затухание чжурчжэньской бури. Эта соглашательская тактика независимо от того, какими соображениями она была вызвана и в какой степени оправдалась реальным положением

Сун (мы уже указывали на невозможность углубленного анализа этой проблемы), объективно наносила крупный урон этническому и политическому самосознанию китайцев, их воле к сопротивлению, не говоря уж об ущербе экономическом и культурном. Взамен же после непрекращающихся пятнадцатилетних ожесточенных и опустошительных схваток Южная Сун тоже получала долгожданный мир, выгодами которого она в полной мере воспользовалась.

Важным обстоятельством, среди прочих склонившим чжурчжэней к заключению мира, оказалось обострение ситуации на северных границах империи. Здесь жили многочисленные и по своему нраву еще более воинственные, нежели чжурчжэни, племена мэнгу (монголы). Некогда чжурчжэни и мэнгу были союзниками в борьбе с киданями, но с падением Ляо между ними наметилось соперничество. Мэнгу постоянно вторгались в северные пределы Маньчжурии, и ни цепь укреплений на границе, ни посылка подарков не служили достаточной гарантией безопасности границы. Наконец, в 1136 г. Цзинь послала в эти края большую военную экспедицию, которая воевала долго и упорно, но в результате сопротивления мэнгу и недостатка припасов была вынуждена вернуться. На обратном пути в 1139 г. она была разбита. В этом же году к мэнгу со своими соратниками бежал сын казненного чжурчжэньского вельможи Далая, и это еще больше усилило позиции мэнгу. Чжурчжэни посылали на север 80-тысячную армию под командованием известного полководца Учжу. Однако добиться больших успехов он не смог, и через несколько лет — в 1147 г. был заключен мир. После этого вождь мэнгу провозгласил себя императором и даже взял собственный девиз годов правления, правда просуществовавший всего один год. Несмотря на заключение мира, столкновения продолжались еще несколько лет, но затем сведения о них прекращаются.

После заключения договора 1141 г. во внутренней политике Цзинь произошли важные перемены, назревавшие уже несколько лет. Еще в 1137 г. цзиньское правительство открыло в Бяньцзине передвижной (филиальный) Государственный совет, а в 1138 г. объединило его с Тайным советом; в 1140 г. были ликвидированы китайские и бохайские мэнъянь и моукэ. В 1142 г. открыты пограничные рынки. На Центральную равнину стали переселяться сотни тысяч чжурчжэней. Расселенные в гуще китайского населения и объединенные в мэнъянь и моукэ, они превратились в социальную базу правительства в новых владениях. Вся империя получила новое административное деление. Как и система управления, она построена по китайскому образцу: Си-цзун был поклонником всего китайского. В основу регулярной армии окончательно

положены отряды мэнъянь и моукэ, а вспомогательные части набирались из китайцев и киданей. Появились первый свод писанных законов (1145 г.), истории предшествующих государей. С 1145 г. вошли в обиход малые чжурчжэньские письма. В последние годы жизни Си-цзун отошел от государственных дел. После смерти в 1143 г. его наследника император запил, стал всех подозревать, всюду видел заговорщиков. В этой подозрительности его укреплял его двоюродный брат Дигунай, провоцировавший императора на эксцессы и казни. Среди приближенных императора зрело недовольство. Си-цзун же, подозревавший всех, меньше всего был способен разгадать истинного заговорщика — Дигунаю, который вместе с князьями Хуту, Агухо убил в 1149 г. своего брата и захватил трон.

Дигунай известен в истории под именем Хай-лин-вана (1149—1161), так как после гибели он за свои преступления был лишен титула и храмового имени. Зверское убийство Си-цзуна и узурпация трона вызвали настолько резкую реакцию, что даже вассальные Цзинь державы отозвали своих послов впредь до представления удовлетворительного объяснения происходящего. Но Хай-лин-вану уже нечего было терять. Сразу же после захвата власти он развернул безудержный террор против своих противников, т. е. против членов рода ваньянь и императорской фамилии, наиболее знатных и сильных чжурчжэньских родов, возмущенных случившимся. Уже в 1149 г. он казнил министров и сына Си-цзуна вместе с его приближенными, в 1150 г. уничтожил членов фамилии Чжаньмохи, Салихи, Уцимая — всего несколько сот человек, в 1154 г. убил первого министра — киданина Сяо Юя, затем свою мачеху и членов ляоской и сунской императорских фамилий. Зверские казни сопровождались конфискациями имущества и отдачей в рабство родственников казненных и в гарем — родственников.

Опасаясь мести, Хай-лин-ван в 1153 г. покинул Шанцзин, который он в 1157 г. велел перепахать, и перенес столицу в Яньцзин (Пекин). В обстановке террора он уже не чувствовал себя в безопасности в исконных владениях чжурчжэней, не мог доверять чжурчжэньской аристократии, поэтому отдавал предпочтение служилой бюрократии, в значительной своей части — китайской, и людям, лично от него зависимым. Он пересмотрел структуру правительственных органов, чтобы избавиться от неугодных чиновников: в 1150 г. верховное главнокомандование преобразовал в Тайный совет, упразднил передвижной Государственный совет, а в 1156 г. ликвидировал два из трех его департаментов. В 1156 г. он провел пересмотр званий и титулов. Всех принцев крови понизили на одну степень, многих вообще лишили званий —

некоторых посмертно. Отныне за основу был принят табель о рангах служилой бюрократии. В том же году был составлен кодекс цзиньских законов, способствовавший упорядочению юридических отношений. Хай-лин-ван провел важные финансовые мероприятия: в 1154 г. была открыта печатня и стали выпускать ассигнации, а с 1157 г. начали отливать собственные монеты. Чтобы подчеркнуть наследственный характер своих прав на престол, он перенес в Яньцзин останки всех чжурчжэньских царей и императоров, а дабы продемонстрировать свое могущество, с невиданной пышностью перестроил новые столицы — Яньцзин и Бяньцзин.

Вместе с тем в стране зрело волнение. Знать была недовольна террором, вынуждавшим ее бежать в соседние страны, а рядовые чжурчжэни — ростом налогов, огромными тратами на строительство, засильем китайцев в администрации, экономическими затруднениями. Чтобы сбить недовольство, Хай-лин-ван стал готовиться к войне с Южной Сун. В 1158 г. он переехал в Бяньцзин и превратил его в базу грядущего похода.

По всем губерниям стали заготавливать оружие и свозить его в Яньцзин и Бяньцзин. У населения отобрали почти всех лошадей и множество крупного рогатого скота — для заготовки провианта и тетивы для луков. Поля стало нечем, да и некому обрабатывать, так как по всеобщей мобилизации забрали самых работоспособных (20—50 лет), независимо от национальности и семейного положения. В Бяньцзине спешно строили флот. Полная дезорганизация хозяйства и жизни, вызванная мобилизацией, привела к волнениям еще до объявления войны. В 1159 г. крестьяне уезда Дунхай подняли восстание, 5 тыс. восставших было казнено. В 1160 г. несколько десятков тысяч крестьян в Дамине взяли за оружие. Появились мелкие группы восставших — до десятка человек, но столь многочисленные, что для их ликвидации не хватало войск. Восстали даже кидани, не желавшие идти воевать на юг и предпочитавшие бежать в Си Ляо.

Чтобы обеспечить секретность приготовлений, Хай-лин-ван в 1159 г. закрыл рынки на границе с Южной Сун. Но в конце того же года цзиньский посол доложил южносунскому двору о событиях, развернувшихся в Цзинь, за что по возвращении был казнен. Однако Хай-лин-ван решительно настаивал на походе. Предлог для него дали сами китайцы, захватив цзиньский г. Хайчжоу к северу от р. Хуайшуй (Хуайхэ). Хай-лин-ван, обвинив Южную Сун в сокрытии перебежчиков и «злонамеренном» укреплении границы, бросил в 1161 г. против нее 600-тысячную армию [Харагути, 1959], отправив флот на Маньчжурию. Несмотря на то что «офицеры и солдаты неохотно шли на войну, убегали с дороги и возвращались

домой» [ЦШ, цз. 5, стр. 46—47], армия переправилась через р. Хуайшуй и, хотя сунцы сожгли цзиньский флот, двинулась дальше к Янцзы. При попытке переправиться через Янцзы чжурчжэньские войска были разбиты при Цайши [Тао Jing-shen, 1971; Чэнь Мин-чжун, 1956]. В это время в армию пришло известие, что военачальник Фушэжу из Шаньдуна пошел на Ляоян и с приставшими к нему дезертирами провозгласил императором двоюродного брата Хай-лин-вана — Улу, получившего имя Ши-цзун (1161—1189). Это известие, по-видимому, окончательно деморализовало армию и имело для Хай-лин-вана жизненно важное значение. Поэтому не удивительно, что он дал приказ к отступлению. Но на обратном пути в Янчжоу войска восстали и убили его [ЧСЮУЛУ].

Оценки деятельности Хай-лин-вана — несомненно, умного и энергичного государственного деятеля — противоречивы. «Цзинь ши» и другие старые китайские источники рисуют его злобным тираном, нарушителем этических норм. В некоторых современных работах объективная оценка его деятельности смазывается рассуждениями о прогрессивности его мероприятий с точки зрения хода исторического развития [Окладников, 1959, стр. 229—235]¹. Действительно, такую тенденцию можно заметить, например, в его борьбе с родовой знатью, но его поступки определялись отнюдь не политической необходимостью (осознанной или «объективно прогрессивной»), а вытекали из узурпаторского характера его власти. Страна ни с кем не воевала, а родовая знать, конечно рассчитывавшая на руководящее положение в управлении, не помышляла о мятеже. Конфликт мог быть снят мирными средствами, но узурпатор стремился обезопасить себя.

Император Ши-цзун столкнулся с неотложной необходимостью внутренней и внешней разрядки и стабилизации положения в государстве. Они провозглашались императором уже введением нового девиза годов правления — Да-дин («великая стабильность»). Переехав в Яньцзин, Ши-цзун издал указ о лишении Хай-лин-вана императорского звания и о предании суду его приспешников, объявил амнистию осужденным и реабилитировал казненных при Хай-лин-ване, отменил на три года налоги. Он послал войска для подавления крестьянского восстания в Шаньдуне и в 1162 г. усмирил мятеж киданей, попытавшихся восстановить династию Ляо. Мятежные киданьские мэнъянь и моукэ были раскассированы между чжурчжэньскими.

Южная Сун, приободренная уходом армии Хай-лин-вана

---

¹ Впрочем, в более поздней своей работе А. П. Окладников снял упомянутое рассуждение [см. Окладников и Деревянко, 1973, стр. 374—375].

и введенная в заблуждение информацией беглых киданей о положении в Цзинь, весной 1163 г. вновь начала войну против чжурчжэней. Одержав несколько побед, Суны потерпели крупное поражение под Хуйяном. После этого обе стороны не стремились продолжать войну, и в 1164 г. был заключен мир. Восстанавливалось положение, существовавшее по договору 1142 г. В отношениях между обеими странами наступил 40-летний период мира. Ши-цзун наладил мирные отношения с Корё и с Си Ся.

Наиболее эффективной оказалась деятельность Ши-цзуна в экономической и культурной областях. Пожалуй, он первый из чжурчжэньских императоров охватил своими мероприятиями аграрную проблему в целом, с ее народным и государственным аспектами. При нем были разработаны и введены в жизнь новые надельная и податная системы. Ши-цзун разрешил свободную добычу металлов, что позволило ему наладить государственную денежную систему. Для укрепления государственных финансов он ввел новый налог на имущество, с целью полного выявления объекта фиска провел три всеобщих переписи дворов, земель и имущества — в 1164, 1175, 1186 гг. и одну чжурчжэньскую — в 1183 г. Открытые вновь в 1164 г. пограничные рынки послужили дополнительными источниками доходов.

Несмотря на то что Ши-цзун получил в Ляояне бохайско-китайское воспитание, он обосновал и осуществил обширную программу возрождения традиционной чжурчжэньской культуры. Расширяя знакомство с достижениями китайской культуры, он отстаивал сохранение национальных форм жизни чжурчжэней: языка и письменности, имен и фамилий, песен и танцев, одежды и обычаев. Вернув в 1170 г. Хуйнинфу звание Верхней столицы, он превратил ее в заповедное место чжурчжэньского образа жизни, чжурчжэньской старины. При нем были заложены основы образования (1188 г.) и получила развитие национальная литература. Он ограничивал деятельность буддийского и даоского духовенства.

Реформаторская деятельность Ши-цзуна коснулась и других сторон государственной жизни. При нем был обнародован новый кодекс законов (1182 г.). Он много внимания уделял подготовке и подбору национальных кадров чиновников. экзаменационной системе, служебному и материальному положению чиновничества, прекрасно понимая важнейшую роль, которую оно традиционно играло в китайском обществе. Несмотря на длительный мир, он заботился о боевой подготовке войска. Даже с учетом идеализации образа Ши-цзуна, в письменной традиции прозванного маленьким Яо и Шунем, надо признать, что он много сделал для процветания государства Цзинь.

После смерти Ши-цзуна власть перешла к его внуку Чжан-цзуну (чж. Мадагэ, 1189—1208). При нем продолжался подъем цзиньского государства, закончившийся лишь к концу царствования. В том же, 1189 г. для укрепления императорского контроля учреждена канцелярия прокуроров с обширными правами. В 1192 г. правительственные инспектора обследовали земельные наделы, а в 1197 г. проведена новая общая перепись имущества, четвертая по счету. В 1202 г. была завершена кодификация законов.

Чжан-цзун продолжал политику Ши-цзуна в области культуры. В 1195 г. был составлен официальный сборник церемоний, введены поощрительные меры для соискателей ученых степеней, пополнена библиотека.

В связи с обострившимся положением на северо-западных границах империи здесь начато оборонительное строительство. В 1195 г. было направлено войско для усмирения кочевников к западу от хребта Хинган. Экспедиция затянулась до начала следующего года, и лишь летом 1196 г. чжурчжэням удалось разбить цзубу на р. Керулен, но осенью того же года кочевые кидани продвинулись к Синьчжоу. Для защиты от кочевников в 1197—1199 гг. на северо-западной границе был насыпан вал. В конце концов вождь северных цзубу Сечу покорился чжурчжэням, военачальник Ваньянь Цзунхао добился заметных успехов в усмирении онгутов, хэдила, шанкэтун, проживавших к западу от Хингана [Тоуа-та, 1964, стр. 472—564].

В начале XII в. положение на юге империи ухудшилось. В 1204 г. сунцы совершали вылазки на пограничные земли Цзинь, вдохновляемые призывами первого министра Хань То-чжоу вернуть отторгнутые территории. Цзиньское правительство создало в Бяньцзине комитет по умиротворению Хэнани, поставив во главе его Пусань Гуя, и начало готовиться к обороне. В 1206 г. сунские войска перешли в наступление, но потерпели поражение. Китайский наместник в Сычуани У Си перешел на сторону Цзинь, и китайцы с большим трудом удержали эту провинцию. В 1207 г. главнокомандующий Ваньянь Цзунхао добился решительного перелома в военных действиях. Хань То-чжоу, как зачинщик войны, был смещен и казнен. В 1208 г. между Сун и Цзинь был заключен мир.

Заключенный с Сунами мир был последним крупным военным и политическим успехом чжурчжэней. Через два месяца после этого умер Чжан-цзун и на престол был возведен сын Ши-цзуна от наложницы. По иронии судьбы чжурчжэньское его имя неизвестно, в истории он встречается под китайским именем Юн-цзи, осуждавшимся его отцом, и под храмовым именем Вэй-шао-вана (1208—1213). Сколько-нибудь замет-

ное мирное гражданское строительство в империи прекратилось.

Еще в 1206 г. вождь одного из монгольских племен провозгласил себя ханом и на сейме получил имя Чингисхана. В 1210 г. он отказался вносить империи Цзинь полагающуюся дань. С этого момента начинается период почти непрерывных войн монголов с цзиньцами, завершившийся разгромом последних [Мелихов, 1970]. Поведение цзиньского правительства и успехи в войнах с тангутами окрылили Чингисхана. В 1211 г. Чингисхан и Чжэбэ открыто вторглись в Цзинь и вскоре захватили все города на северо-западе империи. В конце года в Маньчжурии восстал киданин Елюй Люкэ. Он захватил Ляодун и в 1212 г. перешел к Чингисхану. Чингисхан взял цзиньскую Западную столицу (Датун). Деморализованные цзиньские войска отступали, как совсем недавно перед ними отступали китайские войска [Martin, 1950, стр. 113—154].

При дворе тем временем зрел заговор. Начальник гарнизона Западной столицы Хэшиле Хушаху, бросивший город на произвол судьбы, организовал заговор. Вэй-шао-ван был убит, а на трон возведен Сюань-цзун (чж. Удабу, 1213—1223). Последующие 30 лет империя Цзинь вела непрерывные войны. В том же 1213 г. монголы окружили Яньцзин, завладели многими землями и в Хэбэе, Шаньси, Шаньдуне. Летом этого же года Чингисхан, получив в жены цзиньскую царевну и богатые подарки, снял осаду с Яньцзина. Воспользовавшись этим, Сюань-цзун перенес столицу на юг, в Бяньцзин. Чингисхан посчитал это нарушением соглашения и, используя сдавшиеся ему чжурчжэньские отряды, вновь окружил и в 1215 г. взял Яньцзин. Однако расчет Сюань-цзуна в какой-то мере оправдался. Дальнейшее продвижение монголов на юг вылилось в простую военную демонстрацию. Монголы не могли оставить непокоренными тыл — Ляодун и фланги — Си Ся и Шаньдун.

Монгольский генерал Мухули еще в 1214 г. завоевал Ляоси, а в 1217 г. был назначен ваном Северного Китая. Весной 1215 г. в Ляояне восстал цзиньский наместник Пусань Ваньну, провозгласивший образование собственного государства Великое Чжэнь (потом Восточное Ся). В конце 1214 г. губернатор Шаньдуня Лю Цюань поднял восстание против Цзинь в Шаньдуне, а в 1218 г. он перешел к Сунам [Martin, 1950, стр. 195—219].

В 1219 г. войска Чингисхана отправились в далекий западный поход, и монгольское давление с севера на не захваченные еще земли к югу от Хуанхэ несколько ослабло. Но мир для Цзинь все равно не наступил. Еще в 1214 г. Южная Сун, задолжав дань за два года, вовсе отказалась ее выплачивать,

Дополнительным толчком к этому послужило предложение Си Ся о совместных действиях против Цзинь. Цзинь надеялась кончить дело миром и даже осудила инициативу своего генерала Чжуху Гаоцзи, захватившего в 1217 г. ряд пунктов к югу от границы. Лишь в середине 1217 г. между обеими странами на пограничной р. Хуайшуй развернулись военные действия. Одновременно выступили в поход и тангуты, в 1220 г. заключившие соглашение с Сун. Отряды «красных курток», состоящие из китайских крестьян, действовали повсюду. В этой войне на два фронта чжурчжэни, потерявшие свои владения в Северном Китае, показали себя способными если не к активным наступательным действиям, то к стойкому сопротивлению. Первыми не выдержали китайцы. Когда в 1224 г. Цзинь предложила Южной Сун мир, та сразу же согласилась. Тангуты также заключили с Цзинь мир, сохранив вассальные отношения, однако несколько облегченные.

В конце войны Сюань-цзун умер, на престол вступил его сын Ниньясу, известный в истории как Ай-цзун (1223—1234), который и заключил оба вышеупомянутых мирных договора — первые и последние, которые ему удалось заключить.

Между тем еще в 1219 г. монгольский полководец Мухули завершил оккупацию Хэдуна, а в 1221 г. перенес военные действия в Шэньси. Отсутствие основных монгольских войск и смерть в 1223 г. талантливого генерала Мухули облегчили чжурчжэньское сопротивление. Известный Лю Цюань, перебежавший из одного лагеря в другой, в 1226 г. перешел к монголам, а в 1231 г. погиб под Янчжоу. Чжурчжэньский полководец Вушань разбил монгольское войско и засел в Западных горах (Сишань). Яньши вел успешные вылазки в Шандуне. В 1227 г. Чингисхан умер, завещав престол своему сыну Угэдэю, но последний был провозглашен ханом лишь в 1229 г., а до этого правил его брат Тулуй.

В 1230 г. монгольские войска под командованием Субудая ринулись в последнее наступление на Цзинь. Они двигались по двум направлениям: на Шаньси и на Шэньси. Через Шэньси монголы вторглись в Сычуань, но Суны отказались пропустить их через свою территорию для удара по Бяньцзину. Монголы, двигаясь на Кайфын вдоль сунской границы, разгромили в 1231 г. цзиньцев в боях под Юйшанем и Цзюньчжоу. В 1232 г. монголы окружили Бяньцзин и после ожесточенной осады взяли его, а вскоре захватили и Лоян (Хэнаньфу). Ай-цзун в 1233 г. бежал сначала в Гуйдэчжоу, а оттуда в Цайчжоу. Монголы наконец договорились о союзе с Сун, и армии обоих государств окружили Цайчжоу. Ай-цзун передал власть члену своего рода Ваньянь Чэнлиню (Мо-ди) и повесился, а Мо-ди был убит взбунтовавшимися солдатами в 1234 г. [ЖНИШ].

Крах империи Цзинь имел ощутимые последствия для всего Дальнего Востока. Для чжурчжэней он обернулся историческим регрессом, но, как писал В. И. Ленин, «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» [Ленин, т. 30, стр. 6].

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В государстве Цзинь мы, несомненно, сталкиваемся с двумя социальными пластами. Один из них — китайский — достался в наследство от империи Северная Сун, представлявшей собой монархическое феодальное общество, в котором государство и феодалы выступали как эксплуататоры зависимых крестьян, сдавая последним землю и получая с них натуральную ренту. Он продолжал свое существование, хотя и в несколько иной среде; специальная характеристика его, естественно, выходит за пределы нашей работы. Другой пласт — чжурчжэньский — обладал еще многими чертами первобытнообщинного строя на стадии перерастания его в раннегосударственный, о чем подробно уже говорилось выше. Взаимодействие двух этих пластов дало сложную и пеструю картину общественной жизни империи, в которой верх постепенно, но все более прочно забирали тенденции развития первого пласта. В Маньчжурии это происходило медленнее, но и наши сведения о ней крайне скудны, на Китайской равнине — быстрее.

На вершине общественной пирамиды в государстве Цзинь находились чжурчжэньский императорский дом и род, несколько наиболее сильных и влиятельных старинных чжурчжэньских родов и фамилий, китайская служилая и поместная знать, сотрудничавшая с цзиньским правительством.

Императорская фамилия являлась частью «царского» рода ваньянь. Благодаря многоженству, сложной системе брачных отношений и родства императорская фамилия возглавляла мощный и многочисленный клан, в который входило еще до 170 мелких домов. Уже к концу Цзинь, при Сюаньцзуне, все члены императорского клана (цзунши) получили одну общую фамилию Ван (король), что еще больше укрепило их положение.

Правящее сословие в первые десятилетия существования нового государства почти целиком состояло из членов рода ваньянь и крупной чжурчжэньской знати (табл. 4). Изучение личного состава наиболее важных правительственных учреждений Цзинь подтверждает эту тенденцию [Mikami, 1970, стр. 344—457].

Таблица 4

Доля участия различных социальных и национальных групп
в правительственных учреждениях по царствованиям, %

Состав	Члены императорского клана и рода ваньянь					Знатные чжурчжэни					Нечжурчжэни				
	Государственный совет	Министерства	Цензорат	Комиссариаты и воеводства	В среднем в данное царствование	Государственный совет	Министерства	Цензорат	Комиссариаты и воеводства	В среднем в данное царствование	Государственный совет	Министерства	Цензорат	Комиссариаты и воеводства	В среднем в данное царствование
Императоры															
Си-цзун . .	65	39	66		55	5	17	34		12	30	44	—		33
Хай-лин-ван	11	10	17		11	25	25	17		24	64	65	66		65
Ши-цзун . .	21	18	33		20	36	16	11		22	43	66	56		58
Чжан-цзун .	20	3	25		13	42	17	37		30	38	80	38		57
Вэй-шао-ван															
Сюань-цзун	17	11	41		16	46	33	18		37	37	56	41		46
В среднем по ведомствам . . .	24	15	33	30		33	22	30	58		43	63	37	12	

Влияние чжурчжэней из императорского клана и рода ваньянь (см. табл. 4) сильно ощущалось при Си-цзуне, уменьшилось при Хай-лин-ване, снова возросло при Ши-цзуне, хотя и не достигло прежнего уровня, а в дальнейшем стало падать. Их положение было наиболее прочным в Государственном совете, цензорате, комиссариатах и воеводствах.

Мощь императорского клана и рода ваньянь подкреплялась знатнейшими чжурчжэньскими родами, чьи представители занимали большинство мест.

Восемь знатнейших родов, представительницы которых часто становились женами членов императорского дома, занимали большинство важнейших постов в центральных правительственных, административных, судебно-полицейских, военных, местных административных и военных учреждениях (табл. 5). Численно они подавляли выходцев из других чжурчжэньских фамилий, которых было 90. Следовательно, они обладали большим общественным и политическим весом [Миками, 1964]. Но не всем этим фамилиям принадлежала равная доля власти и влияния.

Из табл. 5 видно, что наиболее важные и многочисленные посты захватили четыре фамилии: Тутань, Пусань, Танко и Хэшиле, — причем среди них особо выделяется род Тутань. За ними идут Пуча, Угулунь и, наконец, Улиньда и Пэймань, доля которых совсем невелика.

**Знатные чжурчжэньские фамилии
в правительственном аппарате**

Долж- ность Род	Стар- шие со- ветни- ки	Совет- ники	Мини- стры	На- чаль- ники цензо- рата	Предсе- датели и за- местители председа- телей тай- ных сове- тов	Верховные комиссары и главные инспектора	Губер- наторы столиц и губ- ерний	Итого
Тутань . .	5	3	2	1	5	3	18	37
Пусань . .	4	3	3	2	4	6	3	25
Танко . . .	2	1	4	1	1	1	7	17
Хэшиле . .	2	1	5	1	2	6	6	23
Пуча . . .	1	2	3			2	8	16
Угулунь . .	1		3	3	1	3	7	18
Улиньда . .	1	1	1	1		2	1	7
Пэймань . .			1	1			1	3

Занимая все важнейшие посты в государственном аппарате, члены императорского дома, аристократия — чжурчжэньская и китайская — присваивали земли, скот, рабов, налоги и т. п. Наличие в районе поместья члена императорской семьи угрожало всему району объявлением его земель казенными [ЦШ, цз. 90].

Присваивали казенные земли и вельможи. В 1179 г. Ши-цзуну донесли: «Всеми землями по северную сторону гор завладели сильные дома царевичей и царевен и, не обрабатывая их сами, отдают внаем крестьянам» [ЦШ, цз. 7, стр. 63]. Это уже феодальная земельная собственность и феодальная рента — оброк. Огромные казенные участки были захвачены вельможами: первый министр Нахэ Чжуанянь владел 800 цинами пахоты [Очерки..., 1959, стр. 345].

Через два года после введения в 1183 г. очередного аграрного уложения Ши-цзун сетовал на жадность сановников, требовавших закрепить за ними законом 40 воловьих упряжек с соответствующими земельными наделами (в древности сановники якобы довольствовались семью упряжками), а фактически захватывавших еще больше [ЦШ, цз. 47]. Но аристократия не ограничивалась захватом земель, она стремилась превратить население в своих крепостных или рабов или же присвоить их труд. Это приводило к тому, что государство лишалось части налогов. Поэтому правительство пыталось препятствовать такой практике. «Император Тай-цзун запретил законом [в 1125 г.] во внутренних и внешних областях империи чиновникам и особам из императорского дома привлекать простонародье для несения личных повинностей» [ЦШ, цз. 3, стр. 30].

Некоторые императоры, например Хай-лин-ван, пытались политическими и юридическими мерами ограничить чжурчжэньскую аристократию. Но другие и более последовательные мероприятия того же правительства имели противоположный характер. Передавая в управление вельможам военные поселения — общины и признавая за ними наследственное право на них, правительство тем самым давало простор захватническим устремлениям аристократии. «Правила наследования тысячи дворов (мэнъянь): в государстве Цзинь глубоко чтят эту привилегию. Не принадлежащие к царскому роду и к домам заслуженных сановников не жалуются [этим правом]. Семьи заслуженных чиновников ограничиваются [кругом] семей чжурчжэньских, киданьских, си. Наследующие чины и должности тоже не одинаковы по рангу. От генерала миньвэй до [ведаящего] тысячью или тремястами дворов» [ДЦГЧ, цз. 35, стр. 158].

Ниже на социальной пирамиде находились поместные феодалы и чиновничество. С точки зрения цзиньского земельного права первые должны были представлять исключение, так как большинство владений киданьских и китайских помещиков и чиновников было конфисковано, да и вообще закон признавал лишь один путь образования частновладельческих хозяйств — подъем целины. Но существовала еще система дарений, пожалований и просто захват пахоты и ренты с нее. Чиновникам по закону выдавались во владение наделы строго определенного размера, которые облагались налогами, но они самовольно прирезали себе новые участки, не платили с них налогов, а главное — отдавая землю в аренду, распоряжались ею как собственники. В ходе земельной ревизии 1181 г. выяснилось, например, что у некоего вельможи с родственниками из более чем 70 домов мэнъянь и моукэ оказалось более 3 тыс. цинов земли, что в богатых семьях на едока приходится до 30 цинов, а бедняки вовсе не имеют пахоты и ютятся в горах, что в ряде мест чиновники и знать присвоили казенные земли, заставляли других засеивать поля, а сами пользовались урожаем. Приказано было конфисковать излишки и передать их беднякам и безземельным. Наряду с этим ревизия отметила факты, когда чиновников освобождали от налогов на протяжении восьми лет, несмотря на строгий указ: «Если должностное лицо имеет поле и не платит налогов — это преступление» [ЦШ, цз. 47, стр. 302].

Китайские помещики тоже имели крупные поместья. Годовой доход Вана — помещика из уезда Юннзя составлял 10 тыс. даней зерна [Очерки..., 1959, стр. 347].

В результате конфискации части китайского земельного фонда и раздачи его арендаторам в виде мелких наделов процесс образования феодалов в первой половине правления

династии Цзинь претерпел существенные изменения [Суто, 1951]. В частности, приучилищные поля (сюетянь) эпохи Цзинь все больше мельчали, они едва обрабатывались многочисленными арендаторами. Поэтому помещики были больше заинтересованы в лично-зависимых людях.

Кроме земельных владений и ренты цзиньские феодалы получали в дар и присваивали крестьян и рабов. Уже известный нам Шитумэнь получил от Жуй-цзуна 500 рабов [ЦШ, цз. 70], а Тухэсу и Шицзы получили 1200 рабов [ЦШ, цз. 87]. Рабы не платили налогов, и это сказывалось на доходах правительства. Поэтому последнее издавало указы: «Запрещается сильным домам покупать бедный люд как рабов» [ЦШ, цз. 46, стр. 292].

Ниже находилась обширная и с виду монолитная группа военных поселенцев из числа победителей — рядовых чжурчжэней, объединенных в военизированные общины мэнъянь и моукэ и получавших от правительства казенные наделы на льготных условиях, тягловый скот и сельскохозяйственный инвентарь. Эти землевладельцы были, в сущности, единственной массовой опорой власти. Упомянутая категория — специфически чжурчжэньская во многих своих чертах — за время своего существования меняла свое содержание, поэтому выражение значения системы мэнъянь и моукэ средствами нашей терминологии столь же разнообразно: военизированные родовые коллективы, семейная община, территориальная община, военные поселенцы, чжурчжэньское дворянство и т. п. Корни этой системы уходят в глубину истории чжурчжэней, и об этом ее периоде мы говорили уже довольно подробно (см. стр. 55—57 настоящей работы).

До середины 30-х годов XII в. система мэнъянь и моукэ выступала в виде универсального средства организации освобожденного и завоеванного населения независимо от его национальной принадлежности. Особенно бурно распространилась она в ходе антикиданьской войны. В процессе войны отпавшие от Ляо народы объединялись в мэнъянь и моукэ. Помимо мэнъянь и моукэ немирных чжурчжэней появились аналогичные объединения из киданей, китайцев, бохайцев, си, шивэй, тели, поставлявшие чжурчжэням воинов.

Укрепление системы совпало по времени с переселением чжурчжэней в Северный Китай в период правления Си-цзуна. Оно сопровождалось упразднением системы боцзиле (1134 г.), в результате чего главы мэнъянь и моукэ оказались единственными представителями и организаторами чжурчжэней. В 1140 г. были упразднены китайские и бохайские мэнъянь и моукэ. Разумеется, последнее мероприятие имело не только административное значение. Си-цзун, добываясь большей концентрации власти и единства вооруженных сил, не хотел

допустить излишнего объединения китайцев, к тому же в организациях, имеющих тенденцию превращаться в привилегированные. Киданьские и сиские мэнъянь и моукэ, обладавшие влиянием, пока сохранялись, так как кидани считались заклятыми врагами китайцев.

В 1145 г. особым указом было оформлено разделение мэнъянь и моукэ на три разряда: верхний, средний и нижний, причем к верхнему были отнесены мэнъянь и моукэ из членов императорского клана [ЦШ, цз. 44].

При Хай-лин-ване усилилась государственная регламентация мэнъянь и моукэ. В 1150 г. было отменено деление их на три разряда в целях ликвидации привилегий императорских мэнъянь и моукэ. Все чаще стали жаловать звание глав мэнъянь и моукэ новой знати. Было проведено общее сокращение числа мэнъянь и моукэ. В 1156 г. императорские мэнъянь и моукэ из губернии Верхней столицы были переселены в Северный Китай.

При Ши-цзуне мэнъянь и моукэ продолжали находиться под государственной опекой. В 1162 г. был установлен порядок награждения и перемещения глав мэнъянь и моукэ, дабы устранить произвол, существовавший при Хай-лин-ване. На следующий год были распущены мэнъянь и моукэ киданей. Но позднее Ши-цзун был вынужден возродить некоторые киданьские мэнъянь и моукэ, не участвовавшие в восстании, для охраны северо-западных границ. Вместе с тем было уменьшено число чжурчжэньских мэнъянь и моукэ, созданных Хай-лин-ваном, и роздано очень много одноименных званий, главным образом в 1161, 1177—1181 гг. Наконец, Ши-цзун лицом к лицу столкнулся с обнищанием чжурчжэньских мэнъянь и моукэ и с необходимостью реформ. Одновременно с реформами мэнъянь и моукэ с 1179 г. начало осуществляться их переселение уже в пределах самого Китая с целью освоения новых районов и поисков хороших земель. Крупные переселения продолжались до 1183 г.

Войны с монголами и поражение в Северном Китае привели к резкому изменению в положении мэнъянь и моукэ в этих местах. В 1215 г. было осуществлено перемещение их из Хэбэя в Хэнань. Оно оказалось весьма тяжелым для мэнъянь и моукэ как по экономическим, так и по социальным последствиям.

Структура этих своеобразных социальных коллективов не оставалась неизменной на протяжении более чем столетия. В 1116 г. в моукэ входило 300 дворов, а десять моукэ объединялись в один мэнъянь. Однако в другом месте «Цзинь ши» сообщается о комплектовании в начале XII в. киданьских моукэ из 130, а китайских из 65 дворов [ЦШ, цз. 44]. В 1117—1122 гг., когда происходило интенсивное образова-

ние новых моукэ, подобный недобор, по-видимому, мог быть у чжурчжэней, а цифра 300, вероятно, служила своеобразной нормой. После переселения большого числа чжурчжэней в Северный Китай структура и численный состав моукэ подверглись дальнейшему упорядочению и численность их уже приближалась к 300 дворов. Детали этого упорядочения нам неизвестны, но в 1175 г. было постановлено, чтобы каждое моукэ состояло не более чем из 300 дворов (в этом «не более» чувствуется стремление упразднить очень мощные моукэ). Зато состав мэнъянь определен менее четко — от 7 до 10 моукэ. По-видимому, рост населения в первые 60 лет существования цзиньской империи привел к некоторому разбуханию моукэ. Интересно, что, по переписи 1183 г., каждое моукэ в среднем состояло из 327 дворов. Эта последняя цифра дает весьма правильное представление о размере моукэ в период расцвета Цзинь. Точные цифры состава моукэ в конце империи отсутствуют, но источник сообщает, что после 1215 г. отряд моукэ состоял из 25 бойцов, а мэнъянь — из четырех моукэ [ЦШ, цз. 144], что, конечно, отражает сокращение численности общинников, прежде всего за счет способных носить оружие.

Чжурчжэньский двор при Тай-цзуне в среднем состоял из четырех человек, но были дворы, в которых числилось всего два-три человека. В дальнейшем размер двора увеличивался, и в 1183 г. в среднем включал восемь человек. Однако последняя цифра, возможно, слегка завышена вследствие тенденции хозяев включать рабов в число свободных привилегированных крестьян, дабы получить на них наделы. В действительности эта средняя цифра варьировалась в пределах пяти-шести человек. Но иногда мы сталкиваемся с довольно большой семьей. В «Цзинь ши», например, встречаются упоминания о настоящих семейных коммунах — о семьях, насчитывающих свыше ста человек [ЦШ, цз. 47, 74].

Внутренняя структура мэнъянь и моукэ определялась социальными отношениями их сочленов. Чжурчжэни до образования Цзинь полностью не перешли к территориальной общине. Создание государства оказало сильное влияние на эти отношения. В небольших племенных коллективах, до этого живущих в условиях стабильных отношений, происходят резкие изменения, вызванные длительными войнами, политическими пертурбациями, переселениями, притоком пленных. Если раньше главы моукэ были военными вождями мелких племен, то теперь они приобретают значение политических и административных лидеров чжурчжэней, находящихся под централизующим покровительством государства. В этих условиях, естественно, изменилось социальное положение членов этих ячеек,

Огромную роль в этой социальной ломке сыграли великие переселения на захваченные земли. Первое такое переселение произошло в 1117 г., когда заселяли область Хуанлунфу [ЦШ, цз. 72]. Затем в 1121 г. свыше 10 тыс. чжурчжэньских дворов были переселены в Тайчжоу [ЦШ, цз. 71]. После завоевания Северного Китая, с 40-х годов XII в., началось массовое переселение в Китай, имевшее громадное значение для чжурчжэньского общества. В Северный Китай переселяли целые районы и общины. Это способствовало сохранению на новом месте привычного образа жизни переселенцев, но все же это не смогло предотвратить распада единого некогда рода, разрыва родственных связей. Из речи министра в 1180 г. мы узнаем, что раздел хозяйств и выделение членов семей из-за недостатка земли [ЦШ, цз. 46] влечет разорение и что необходимо пахать землю на началах взаимопомощи, по 40—50 дворов вместе. Упомянутые 40—50 дворов — это, по-видимому, традиционная община, связанная кровнородственными и общехозяйственными отношениями, которая в то время начала разрушаться. Но раньше она существовала. Ма Дуань-линь пишет, что в окрестностях Шанцзина (Хуйнинфу) на протяжении 3—5 ли размещались один-два родовых поселка с 30—50 дворами в каждом. В другом месте «Цзинь ши», относящемся к 60-м годам, раздельное проживание и ведение хозяйства отцами, детьми и братьями не просто подтверждается, а прямо выставляется в качестве причины обнищания [ЦШ, цз. 88, биография Хэшиле Ляньби]. Резче это разложение общины выражено в другом месте «Цзинь ши». Вельможа Угулунь Юаньчжун говорит: «Эти люди получили землю на семьи, хотя братья не живут вместе, потому и бедняков масса». На что другой вельможа, Няньгэ Водэла, отвечает: «В старину братья, даже если жили врозь, собирались вместе сеять, ныне же не так; следовало бы приказать прикрепить их» [ЦШ, цз. 44, стр. 282].

Таким образом, переселенцы в Северном Китае формировались как часть прежней общины, постепенно образовывали дочерние общины, получали землю по числу работников, обрабатывали ее вместе большой семьей, комплектовали военные отряды из представителей одной общины, т. е. моукэ в Китае, сохраняя многие прежние общественные формы, неуклонно шли к разложению своей теперь уже сельской или территориальной структуры. Ши-цзун в 1182 г. снова ввел три разряда моукэ в зависимости от их состоятельности. Одним из признаков такой состоятельности было число рабских дворов, имевшихся у моукэ. Последние не были монолитны уже потому, что состояли из так называемых основных (или коренных) и из рабских дворов, находящихся в разном социальном положении,

Итак, структура моукэ в эпоху Цзинь в результате развития чжурчжэней после создания государства и их переселения приобрела много нового. В первый период своего существования моукэ состояли в основном из одноплеменников. Во многих случаях поддерживалась связь с коренной общиной, между вождями и рядовыми сородичами. При Хай-линване и Ши-цзуне общинная организация по разным причинам постепенно ослабела, в среде членов общины усилилось имущественное и классовое неравенство. Богачи приобретали значительное количество рабов и земли, бедняки теряли наделы и имущество, становились бродягами. Реформаторская деятельность Ши-цзуна не могла прекратить разложение общины. Общество и порядок, покоящиеся на сельской общине — специфической черте чжурчжэньского общества, постепенно перерождались [Mikami, 1973, стр. 196—232].

В первые годы переселения шло успешно. Как сообщает источник, «после переселения на юг изнуренные и больные скоро [приняли] прежний вид» [ЦШ, цз. 106, стр. 668]. Сразу же был издан указ: «дворы мэнъань и моукэ наделять пахотой, волами и инвентарем» [ЦШ, цз. 46, стр. 298]. Но очень скоро обнаружилось, что хозяйства чжурчжэней сильно отстают от китайских, а главное, чувствуя себя победителями, чжурчжэни не занимаются активно сельским хозяйством. Включившись в хозяйственную деятельность, чжурчжэни невольно подпадали под действие экономических законов, по которым уже давно жило китайское общество с его товарным производством, развитыми торговыми и денежными отношениями, мало знакомыми победителям.

Не вполне понимая действительную сущность процессов, происходящих в хозяйствах мэнъань и моукэ, правительство стремилось локализовать эти процессы, увеличивая земельные наделы чжурчжэням и принуждая последних к экономии. В биографии Нахэ Цюньняня говорится: «Издан указ: каждому двору выделить еще по 10 цинов земли, кроме наделов, облагаемых налогом на волов. С этой земли брать налог, чтобы беднякам было чем засеивать» [ЦШ, 83, стр. 528]. Землю давали и на совершеннолетних рабов, находящихся во владении общин.

Большинство переселившихся в Китай чжурчжэней превратилось в помещиков, сдававших свои земли китайцам в аренду. Арендную плату они часто выбирали вперед за 2—3 года. В 1182 г. было объявлено, что уклоняющиеся от личной обработки земли будут наказываться. Членам мэнъань и моукэ полагалось за это 40 палок, прочим — 60. С юридической точки зрения чжурчжэни, отдавая земли в аренду китайцам, уже распоряжались наделами как собственностью. Пример этому подавало само цзиньское законодательство;

с 1180 г. разрешалось передавать ближайшим родственникам земли и имущество, полученные главами мэнъянь и моукэ за заслуги.

Чжурчжэни получали и даровую рабочую силу. При Хайлин-ване распределили между военными поселениями военнопленных [СЧБМХБ, цз. 230, стр. 36]. Цзиньцы использовали в хозяйстве рабский труд. При Ши-цзуне благосостояние дворов мэнъянь и моукэ определялось числом рабов, количеством пахоты и тяглового скота. Еще Ши-цзун сетовал на неравенство мэнъянь и моукэ. В одних было по 1—2 раба, а в других по 200—300 рабов. Ши-цзун отмечал, что мэнъянь и моукэ различны по богатству, растут неодинаково [ЦШ, цз. 46]. Это имело практическое значение для государства, отмеченное тем же императором: «Среди мэнъянь и моукэ часто новые сильные, а старые слабы, и служба неодинакова» [ЦШ, цз. 47, стр. 297].

Менялся не только социальный вес отдельных моукэ, дифференциация проникала в глубь каждого моукэ и из сферы чисто экономической распространялась на сферу социальную. Вельможи — главы богатых мэнъянь и моукэ с дочерними домами (до 70) владеют поместьями в 3 тыс. цинов, приписанными крепостными, рабами, не платят налогов, а рядовые члены этих объединений теряют лучшие участки, скот, рабов, изнемогают от рекрутских поборов. Будучи не в силах выплатить налоги государству, найти арендатора, эти рядовые члены окончательно нищают и бросают надель. В некоторых случаях положение было настолько критическим, что, например, в 1180 г. чжурчжэньские дворы в губернии Верхней столицы, стремясь избежать уплаты налога на имущество, сами продавали себя в рабство [ЦШ, цз. 47].

Потеря Северного Китая и новое переселение чжурчжэньских общин на юг, проходившее в 1215 г. совсем в иных условиях, чем в первую половину XII в., привели к окончательной социальной и экономической дезорганизации чжурчжэньского общества. В 1230 г. император Ай-цзун сказал: «Прошло 20 лет, как мы переселились на юг. Народ утратил поля и дома, распродал жен и детей, доставляя припасы для войска» [ЦШ, цз. 17, стр. 125].

Обнищание мэнъянь и моукэ объясняется четырьмя обстоятельствами: 1) активизацией процесса социального разложения вследствие растущего имущественного неравенства; 2) изменением образа жизни и расточительством, погоней за роскошью; 3) ухудшением качества распределяемых земель и изменением техники пахоты; 4) обезлюдением хозяйств в процессе войн.

Все это привело к тому, что в 1180—1183 гг. была проведена реформа мэнъянь и моукэ. Она заключалась в пере-

формировании самих организаций, ревизии и переписи их имущества, установлении пропорционального налогообложения, изъятии земельных излишков и незаконно захваченных земель и передаче их обедневшим общинам. Общая ревизия мэнъянь и моукэ была необходима из-за неравномерной численности общин, разной степени отдаленности от центра, сомнительности условий, при которых они были созданы, и т. п. Пореформенные главы мэнъянь и моукэ должны были удовлетворять следующим условиям: 1) обязательно селиться там, куда их назначают; 2) моукэ, имеющего 6-й ранг или ниже, полагалось переселить в другое место; 3) если трое или более близких родственников захотят их сопровождать, то это разрешается, но мэнъянь может сопровождать десять дворов, а моукэ — шесть; 4) родственники могут иметь надел казенной земли не более чем на 9 упряжек волов. Если у богатей и чиновников имеется по 10—40 упряжек, то лишние отбираются и ими снабжаются переселенцы. Эти постановления окончательно уничтожали общину как большую семью, превратив ее членом в государственных крестьян-переселенцев. Нарушался известный дуализм общины, обусловленный общей собственностью на землю и личной — на дом и двор [Маркс, Энгельс, т. 46, ч. I, стр. 481], а с ним исчезла та «жизненная сила», которая придавала такую прочность этой социальной форме.

Введение системы мэнъянь и моукэ на китайской почве было попыткой цзиньского правительства использовать некоторые специфические чжурчжэньские социальные формы для создания и сохранения привилегированной прослойки из победителей-чжурчжэней в новых условиях. Их привилегированное положение поддерживалось как экономически — распределением среди них обширных, особо облагаемых наделов, так и политически — вербовкой из их среды чиновников, офицеров и солдат и поручением им административного надзора над местным нечжурчжэньским населением. Предполагалось, что экономическая стабильность общин будет обеспечена казенными наделами, не подлежащими изъятию и продаже, и в масштабе всей прослойки — необлагаемыми налогами, так как налог с воловьей упряжки взимался лишь в размере, необходимом для вспомоществования разоряющимся и неурожайным хозяйствам. Экономическая стабильность, казалось, предполагала незыблемость социальную — монолитность мэнъянь и моукэ, диктуемую обычаями и регламентацией, их боеспособность в военных и дееспособность — в мирных условиях. Однако именно эта социальная группа, как никакая другая в государстве, оказалась подвержена процессу разложения, предупредить и приостановить который оказались бессильны все правительственные меры.

Именно мэнъянь и моукэ дольше всех оказались носителями племенного демократизма, влияние которого еще наблюдалось в начале Цзинь даже у чжурчжэньской знати. Тай-цзу, например, не позволял своим чиновникам совершать перед ним китайский обряд коленопреклонения, Тай-цзун не стеснялся купаться вместе с сородичами, еще доживали свой век советы племен и проводилось широкое обсуждение политики Цзинь по отношению к Южной Сун после ликвидации Ци в 1137 г. [Tao Jing-shen, 1970, стр. 123].

Многომиллионное китайское крестьянство в социальном отношении было поставлено ниже чжурчжэней, хотя юридически (см. стр. 188—191 настоящей работы) такое положение не только не поддерживалось, но отвергалось. Чтобы понять двусмысленность ситуации, необходимо вспомнить, что цзиньское правительство рассматривало китайское население как основных налогоплательщиков (так как чжурчжэни платили налоги небольшие) и, как таковых, их даже защищало, что особенно сказалось на его политике по отношению к порабощению.

Рядовое китайское, а также бохайское, киданьское и прочее население не было однородным в социальном отношении. Оно может быть разделено на две большие группы: свободных и несвободных. Это довольно условные группы с нечеткими границами, которые ни сами по себе, ни в каких-то своих отчетливо выделяющихся ячейках не связываются непосредственно с нашими понятиями «раб», «крепостной» и т. п.² В источниках содержится социально-податная характеристика населения империи, точнее, трудовой, земледельческой ее части: «Владеющие имуществом — это дворы, облагаемые налогом [на имущество] (кэиху); невладеющие имуществом — это дворы, не облагаемые налогом [на имущество] (букэиху); чжурчжэни — это коренные дворы (бэньху); китайцы и кидани — дворы смешанные (цзаху) или второстепенные. Рабы мэнъянь и моукэ, которые освобождены и превратились в простолюдинов (лянжэнь), записываются не в коренные общины (бэньбу), а в основные дворы (чжэнху). Свободные простолюдины, которые конфискованы в казну, записываются в конторе дворцовых реестров (гунцзинцзянь) и относятся к конторским дворам (цзяньху). Рабы, конфискованные в казну, приписываются к управлению по сбору пошлин (дафуцзянь) и являются казенными дворами (гуаньху)» [цит. по: СВСТК, цз. 12, стр. 2883]. «Цзинь ши» называет еще рабские дворы (нубэйху) и дворы, облагае-

---

² Еще Ф. Энгельс указывал на то, что «в средние века было такое множество степеней зависимости и крепостничества» [Маркс и Энгельс, т. 35, стр. 107].

мые двумя налогами (эршуйху), или храмовые [ЦШ, цз. 46, стр. 291].

Попытаемся уточнить социальную оценку этих дворов, кроме облагаемых двумя налогами — в пользу государства и буддийских храмов, — так как последние вскоре были приравнены к остальным. Однако прежде сделаем одну важную оговорку. Характер нашего труда не предполагает детального изучения различных социальных ячеек общества, да еще в плане известной дилеммы «раб — крепостной», поэтому при обозначении отдельных категорий населения мы будем употреблять термины «раб», «крепостной» и пр., придерживаясь лишь в общих чертах соответствующих им понятий.

Коренные дворы — это обобщенное обозначение привилегированных хозяйств чжурчжэней, входящих в военные поселения мэнъянь и моукэ. Смешанные дворы, т. е. состоящие из лиц разной национальности, или второстепенные (в другом значении иероглифа), — это обозначение для всех прочих нечжурчжэньских хозяйств. Основные дворы открывают ряд конкретных социальных категорий. Они комплектовались из земледельцев любой национальности, занесенных в генеральный (основной) податный реестр, благодаря чему свобода их передвижения ограничивалась. Они являлись главными налогоплательщиками и, по взглядам той эпохи, считались свободными, хотя и прикрепленными. Освобожденные рабы записывались в основные податные дворы. Следующая категория — конторские дворы. Их члены считались несвободными потому, что, не будучи привилегированными, не платили налоги; ими распоряжались казенные учреждения и использовали их на работах в рудниках, на строительстве дамб. Это были казенные полукрепостные-полурабы из преступников. Еще ниже их находились казенные дворы, т. е., в сущности, казенные рабы. И ниже всех стояли частные рабские дворы, хотя в источнике отмечается, что у этих рабов имелись собственные хозяйства.

О социальном положении чжурчжэней и, следовательно, чжурчжэньских дворов мы уже говорили. Какова же была участь основных (и смешанных) дворов, т. е. китайских крестьян? Несомненно, что крестьяне — собственники участков — должны были чувствовать себя более застрахованными от неблагоприятных поворотов судьбы. Это понимало и правительство, которое не было заинтересовано в сохранении такой независимости крестьянства. Поэтому оно всячески стремилось лишить крестьян их земельной собственности и превратить в зависимых от правительства государственных крестьян-арендаторов.

Правительство объявило многие частные ляоские и сунские земли казенными. В 1156 г. пустоши, пастбища, земли

беглых, земли буддийских организаций также были объявлены казенными. Таковыми же считались крестьянские земли, если крестьяне не могли доказать, что эти земли некогда являлись целиной, распаханной владельцем,—это по цзиньским законам делало их частновладельческими. А доказать это было чрезвычайно трудно: «Хотя и именуются народными землями — все бездоказательно» [ЦШ, цз. 47, стр. 297]. Конфискованные таким образом земли возвращались крестьянам в виде наделов, но пользование этими наделами превращалось уже в обязанность, и довольно обременительную.

Для обеспечения обработки наделов, внесения налогов и податей вводилось прикрепление к земле, нарушение которого строго каралось. В 1130 г. велено было хватать подданных Южной Сун и всех, не числящихся в списках данной местности, и приводить в присутственные места. В следующем году для некоторых категорий казеннообязанных введено было клеймение: над ухом вытатуировывали слово казенный (гуань). Прикрепление к земле являлось важным звеном процесса феодализации: «В средние века не освобождение народа от земли, а напротив, прикрепление его к земле было источником феодальной эксплуатации» [К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 21, стр. 349].

Многие китайцы были переселены на земли Маньчжурии — в Шанцзин, Шэньчжоу, Линьхуан,—где их заставляли обрабатывать поля. Другие были угнаны и превращены в крепостных (цюйдинов). Крепостные несли военную и пограничную повинность, пасли скот, прислуживали в присутственных местах [ЦШ, цз. 44]. В другом месте рассказывается, что в губерниях Хэлань, Суйпин, Хулигай, Фуюй каждому мэнъань и моукэ придали крепостных, число которых зависело от разряда моукэ.

Крепостными становились разными путями: в наказание после подавления восстаний, в результате перехода под покровительство феодала, передачи в ведение мэнъань или моукэ — прямого или косвенного. Когда в Хэбэе вспыхнуло восстание «красных курток», карательная экспедиция Хэшиле Хаошоу разбила восставших и превратила их в цюйдинов [ЦШ, цз. 109]. В «Цзинь ши» очень часто встречаются сообщения, что, спасаясь от голода или от недоимок, люди приставали к богатым домам, теряли свободу, и, хотя чаще всего употребляется термин «раб», трудно предположить отсутствие иного варианта. В другом месте говорится: «Если братья и родичи мэнъань и моукэ будут выделяться и делить землю и китайцев, каждому в новом месте сохранять 40—50 дворов» [ЦШ, цз. 46, стр. 293]. И хотя выражение «40—50 дворов» относится, вероятно, к чжурчжэньским хозяйствам, о которых говорит Ши-цзун, заботясь, чтобы поселки не мельчали, тут

же говорится о дележе китайцев, несомненно зависимых от мэнъань и моукэ. Наконец, был и такой источник закрепощения, о котором говорил Ши-цзун: «Распределите среди зависимых киданей подати и налоги коренных мэнъань и моукэ и заставьте нести их» [ЦШ, цз. 90, стр. 568].

В 1181 г. Ши-цзун говорил своему министру: «Народ мэнъань и моукэ в губернии Дамин, губерниях Шаньдуна и в прочих бесцельно бродяжит, не любит пахать и сеять... навязывает китайцам земли в аренду и берет с них подать» [ЦШ, цз. 47, стр. 297]. В последнем случае речь идет о принудительном арендаторстве, которое влекло за собой закрепощение. Правительство не одобряло такую практику, так как это вело к уменьшению податного населения. Но и государственная аренда сама по себе влекла запись арендатора в списки податного сословия со всеми проистекающими последствиями. «Если кто-нибудь останется [на земле] как арендатор, то и его фамилию включить в списки» [ЦШ, цз. 92, стр. 580].

Кроме арендаторов были еще безземельные крестьяне, которые батрачили на чужих полях. Еще при Хай-лин-ване «семья из цзиньцев северных войск... весной нанимала крестьян для посева, летом — для прополки, осенью — для уборки урожая» [СЧБМХБ, цз. 230, стр. 76].

Все трудовое население делилось цзиньскими властями по возрастным и иным категориям [ЦШ, цз. 46]. Дети обоего пола до двух лет именовались «желторотыми» (букв. «желтыми»), с трех лет и до пятнадцати — маленькими, шестнадцатилетние — подростками (букв. — средними). Все с 17 до 59 лет считались совершеннолетними, или работниками (в эту категорию не включались женщины, калеки и больные), а с 60 лет — стариками. Совершеннолетние обязаны были нести все повинности.

Чжурчжэни насаждали в Китае старую систему баоцзя, по которой 5 соседних дворов объединялись в пяток (линь), а 5 линий — в бао, связанные круговой порукой.

Ниже всех других категорий населения в цзиньском обществе находились рабы (ну, нубэй, нули). Рабы были известны и в сунском Китае, однако чжурчжэни, уступавшие китайцам по уровню общего социального развития, но сумевшие утвердиться в Китае, способствовали определенному повышению значения этой группы населения в хозяйственной и общественной жизни. Предпосылками к этому являлись существование патриархального рабства у чжурчжэней еще в XI в. и завоевательный характер их политики.

Многие истоки порабощения, известные еще в сунском Китае, продолжали существовать и в цзиньском государстве [Гуань Янь-сянь, 1937]. Так, при династии Цзинь, как мы

узнаем из биографии одной из императриц, в семье воспитателя детей императора кто-то совершил преступление и тогда вся семья была конфискована в дворцовое ведомство.

В неурожайные годы учащались случаи продажи в рабство. В результате засухи 1164 г. «народ был доведен до крайности, отцы и дети не в состоянии были помочь друг другу, многие продавали в рабство жен и детей» [ЦШ, цз. 6, стр. 52]. Во время военных действий многие военнопленные становились рабами. Вельможи обманом или силой порабощали свободных. Тай-цзу настаивал: «Сильные дома не должны покупать бедняков как рабов. С того, кто купит насильно, за одного человека брать 15; с того, кто купит обманом, за одного брать двоих. Сверх того [таким покупателям давать] по сто палок» [ЦШ, цз. 3, стр. 30]. О порабощении за неуплату долгов в 1138 г. Военный совет сообщал: «Те, кто задолжали государству или частному лицу, теряют сами свободу, и их домашние превращаются в рабов и так покрывают долг» [ДЦГЧ, цз. 10, стр. 11].

В чьем же владении находились рабы? Вопрос этот довольно сложный. Приписывание рабов к казне отчетливо выступает лишь в одном случае — при отдаче в рабство за преступления; тогда рабов записывали в книги дворцовой конторы. Казенными рабами были и некоторые военнопленные, но временно, до того, как их раздаривали военачальникам. О численности этой категории рабов у нас нет сведений.

Судя по табл. 6, на каждую семью или двор царского клана приходилось до 164 рабов, а на свободного в среднем 28 рабов. По цзиньским масштабам это крупное рабовладение (надо помнить, что сюда же относятся владения императора и его семьи, а также некоторых его ближайших сподвижников, чье имущество по правилам того времени не всегда четко разграничивалось с государственным).

Следующая крупная категория рабовладельцев — это мэнъань и моукэ. По той же переписи, числилось 202 мэнъань, 1878 моукэ. В среднем на моукэ приходилось 716 рабов, на двор — немногим более двух, а на четверых свободных — менее одного раба.

Поскольку мэнъань и моукэ снабжались наделами, рабочим скотом и инвентарем в пользование, по-видимому, и рабов они получали на тех же условиях. Эта государственно-арендаторская тенденция сочеталась с общинной, так как не всегда рабами распоряжался конкретный владелец или двор. Когда Ши-цзун предложил вельможам обсудить вопрос о пропорциональном налогообложении, многие возражали ему. Одни говорили о невозможности подсчитать число рабов, скота и размер пашен, находящихся у каждого члена моукэ, потому что многое из этого находилось в общем, общинном

Численность и имущественное положение некоторых групп населения Цзинь, по переписи 1183 г.*

	Императорский дом	Чжурчжэньские мэнъянь и моукэ	Военные поселенцы деле и тангу
Дворов	170	615 624	5 585
Человек	28 790	6 158 636	137 544
В том числе:			
свободных	982 (3,4%)	4 812 669 (78,2%)	119 462 (86,9%)
рабов	27 808 (96,6%)	1 345 967 (21,8%)	18 081 (13,1%)
Земли (в му)	368 375	169 038 000	4 602 417
Волов	912	1 154 313	15 198
На двор			
земли (в му)	2 166,9	275	824
волов	5,4	1,9	2,7
рабов	163,6	2,2	3,2

*[Balazs, 1964 (с уточнениями), ЦШ, цз. 47, стр. 302]. Последний источник в четырех случаях приводит несколько иные цифры: число волов у членов мэнъянь и моукэ — 284 771 упряжка (т. е. 854 313 голов), число поселенцев в улусах деле и тангу — 127 541 человека, число свободных у них же — 109 463 человека, количество земли — 1 602 417 му [ЦШ, цз. 46, стр. 293]. Версия, изложенная в цз. 47, видимо, более точная, особенно это касается первого расхождения (в цз. 47 эта цифра помещена в разделе о налоге на волов) и последнего расхождения, так как перед иероглифом «вань» — 10 000 в «Цзинь ши» (цз. 46) отсутствует необходимая цифра — 1, несмотря на курьезную ошибку в подсчете итога населения поселенцев в тангу и деле на одного человека.

владении. Другие считали проект осуществимым при условии, что каждый сам объявит о размере участка и числе упряжек тяглового скота; о рабах они умалчивали. Ши-цзун удивился, что моукэ не знают о состоянии хозяйства в своей общине, и произнес свою знаменитую фразу (см. стр. 135 настоящей работы), смысл которой сводится к тому, что если мэнъянь включает в себя восемь моукэ примерно одного разряда (из трех официально существующих), но в одном моукэ 200—300 рабов, а в другом — один-два раба, то хотя разряд повсюду один и тот же, «но какое тут равенство!» И дальше он советует вельможам «подвести итоги и упорядочить это». Здесь важны три обстоятельства: как и в случае с недвижимым имуществом, количество рабов соразмеряется с общиной в целом; максимальная цифра рабов, названная Ши-цзуном, ниже средней, высчитанной нами, более чем в два раза; считалось допустимым какое-то перераспределение рабов, подобно тому как перераспределялись наделы.

По всей вероятности, рабы, как и земельные наделы, формально находились в пользовании общины в целом, но прак-

тически, как и земля, они превращались в собственность отдельных лиц: ведь сам Ши-цзун в своей речи говорит, что у него еще до восшествия на престол было более 10 тыс. рабов.

Но не только обычные общины чжурчжэней владели рабами. В двух улусах — деле и тангу — двор имел чуть более трех рабов, а шесть свободных — одного раба (дворы же, отметим, здесь были очень многолюдные — в среднем по 23—24 человека; это, в сущности, большая семья).

Наряду с этим существовали индивидуальные рабовладельцы. Так, сын Шихэсу от второй жены унаследовал после отца его звание мэнъянь, имущество и 1200 рабов [ЦШ, цз. 113].

Официальное отношение правительства к рабству нельзя назвать иначе как отрицательным. Оно считалось с ним лишь как с фактом, реально существующим в жизни государства, и государственный закон, признавая особые права рабовладельцев, в то же время охранял рабов от крайних претензий хозяев, поддерживал идею порядка в общественных отношениях, пронизывающую все учение конфуцианцев о государственных и человеческих отношениях. В 1181 г., запрещая продажу в рабство, Ши-цзун охарактеризовал ее как «дурной обычай», имея в виду, очевидно, как этические, так и экономические аспекты. Соответственно правительство считало преступлением ложное признание свободных рабами. Так, сообщается, что в 1183 г. «правитель области Цичжоу без вины убил красильщика, ложно объявил 25 свободных рабами, в наказание был понижен в чине на четыре степени» [ЦШ, цз. 8, стр. 66].

Правительство одобрительно относилось и к вопросу освобождения рабов. Два первых пути освобождения рабов находились в руках государства. Для освобождения рабов государство либо должно было их выкупить, либо издать указ об освобождении. Первый такой указ был издан Тай-цзуном в 1130 г. Он касался порабощения знатно лиц, уклоняющихся от повинностей. В 1189 г. Чжан-цзун повелел освободить дворы, конфискованные в пользу учреждения, выкупить продавших себя с голода, освободить рабынь, имеющих детей [ЦШ, цз. 9].

Первый государственный выкуп относится к 1124 г., когда были выкуплены чжурчжэни-сородичи [ЦШ, цз. 3]. В 1130 г. были частично выкуплены военнопленные и потерпевшие от войны.

Сколько же стоил раб? Цена взрослого раба или рабыни в разных местах «Цзинь ши» указана разная. В 1144 г. в голодающих провинциях взрослый мужчина стоил 3 штуки тонкого шелка, женщина или ребенок — 2 штуки [ЦШ, цз. 46].

В другом случае государство выкупало юношу за 15 связок монет, девочек (старше 6 лет) и девушек за половинную цену [Гуань Янь-сянь, 1937, стр. 9].

Третья возможность освобождения — самовыкуп. В 1123 г. впервые было разрешено выкупиться пленным из Восточной столицы, т. е. из Ляояна [ЦШ, цз. 3]. К самовыкупу приравнивался выкуп родственниками, это имело место, в частности, в 1129 г. и касалось пострадавших от войны. Иногда местные власти давали ссуду для самовыкупа. В таких случаях придерживались определенных правил: выкупали прежде всего совершеннолетних мужчин, способных нести государственные повинности и заработать на выкуп других своих родичей. В 1116 г. двое в складчину выкупали одного работника [ЦШ, цз. 2].

Четвертая возможность освобождения рабов — это освобождение за особые заслуги, например за спасение хозяина, за добровольное возвращение к хозяину, за храбрость на войне. Вероятно, сюда следует отнести сообщение о том, что «Ила Фуфань отпустил своих рабов на свободу» [ЦШ, цз. 104, стр. 653].

Мы специально довольно подробно остановились на характеристике цзиньских рабов, которые, надо сказать (помня терминологическую специфику проблемы), весьма часто упоминаются в «Цзинь ши». Прежде всего, само количество рабов в хозяйстве чжурчжэней (2 раба на двор, 1 раб на четырех свободных) недостаточно для широкого их применения в хозяйстве. Скорее это напоминает патриархальное рабство, длительное переживание которого оправдано столь же долговременной прочностью чжурчжэньских родов и общин. О числе рабов в хозяйстве вельмож и знати есть лишь отрывочные данные, приведенные нами выше. Иное дело удельное хозяйство. Там на одного свободного приходилось до 28 рабов, а на двор около 164 рабов. Но там и земли было 368 375 му, и волов 912, т. е. на двор приходилось 2167 му земли и чуть меньше двух упряжек волов (5,4 вола). Но удельное хозяйство не было типичным товарным или даже чисто производственным.

Положение цзиньских рабов было сносным для этой социальной категории. Они могли образовывать собственные дворы, их запрещалось продавать. Ши-цзун сказал: «Недавно мы уже запретили продавать рабов» [ЦШ, цз. 47, стр. 297]. Разрешались даже смешанные браки между рабами и свободными, потомство от которого становилось свободным, а главное — правительство проводило неуклонную линию на освобождение при любой возможности рабов и на превращение их в податное сословие. «Рабов мэнъянь и моукэ освободить; приписать их не к коренным, а к основным дворам» [ЦШ, цз. 46, стр. 292].

Такая политика означала, что само правительство рассматривало рабов не как важный слой производителей, а как группу паразитическую, вредящую нормальному хозяйству. Анализ истоков порабощения косвенно подтверждает эту мысль, так как в большинстве случаев мы сталкиваемся с самопродажей после неурожая и других бедствий, а такая форма порабощения может преобладать лишь при мягких формах рабства. В 1164 г. Ши-цзун сказал министрам: «Северная столица, Ичжоу, Линьхуан и другие губернии постоянно терпели грабежи от киданьских мятежников... В Пинчжоу и Цзичжоу снова появилась саранча и, более того, случилась засуха! Народ доведен до крайности и не в силах пропитать себя. Отцы и дети не в состоянии помочь друг другу, во множестве продают себя в рабство. Я весьма скорблю об этом, разошлите немедленно особых чиновников, чтобы они выяснили точное число таковых рабов и выкупили их за счет дворцового казначейства» [ЦШ, цз. 6, стр. 52]. Крестьяне в результате такой самопродажи становились слугами, сторожами и, по-видимому, оброчными у помещиков, т. е. под термином «рабы» скрывается довольно пестрая по социальному составу группа зависимых людей.

Положение эксплуатируемых социальных групп в государстве было неустойчиво. В 1118 г. впервые сообщается о бедных моукэ (бохайских), которых государство снабжало казенным зерном, выделяло им участки для рыбной ловли и охоты. В 1121 г., стремясь привязать к себе население, Тай-цзу обратился к жителям Юньчжоу (Датун): «Я помилю безжалостный народ независимо от его преступления. Приведшему с собой в покорность других я дам наследственное достоинство; если же придет с покорностью раб прежде своего господина, сделаю его свободным» [ЦШ, цз. 2, стр. 25]. После вторжения чжурчженей на китайскую равнину в 1126—1127 гг. наступила деградация китайского общества, страшную картину которой рисует Хун Май. «Попавшие в плен к чжурчжэням в год правления под девизом Цзин-кан (1126 г.) и позже присвоены императором и его семьей, царедворцами и воинами, превращены в рабов и загружены работой. Каждому ежемесячно выдают 5 доу проса. Он сам молотит его, превращая в крупу; получает 1 доу 8 шэн (крупы) и использует как сухой провиант. Ежегодно каждому выдают 5 связок конопли, он сам прядет ее и шьет халат. Еще выдают одну связку монет. Мужчины, не умеющие пряхать и ткать, ходят голыми до конца года. Если такой пленный [сумеет] возбудить жалость, ему поручают смотреть за печкой. Пока поддерживает огонь, греется. Лишь ненадолго выходит наружу, наберет сучьев, возвращается и снова садится у огня. Кожа и мясо у него отваливаются, и через несколько дней он уми-

рает. Радуются только знающие ремесло, такие, как врачи, ткачи и пр. [Люди] обычно садятся на земле в кружок, растягиваются в заброшенном жилье или у очага. Если подвернется пирушка, выделяют умеющих играть на музыкальном инструменте, а те показывают свое искусство. Гости дают им опивки; и они по очереди возвращаются на свое место и, по-прежнему плотно прижимаясь друг к другу, садятся в кружок. И в жизни, и в смерти, как посмотришь, они ничтожны» [Линь Хуй-сянь, 1939, стр. 320].

С восстановлением мира, налаживанием хозяйства положение широких слоев трудового населения временно несколько улучшилось, однако с отчетливой и все усиливающейся тенденцией к ухудшению. Даже в пору наивысшего процветания цзиньского государства Ци Цзай говорил: «Оброки и повинности крайне тяжелы. Народ ропщет» [ЦШ, цз. 83, стр. 529]. Это вызывало бегство и мятежи. В 1164 г. ревизоры доносили: «Богатые, сильные, имеющие влияние, [защищены] грамотами и ловко выкручиваются; а бедные, слабые и одинокие, нуждающиеся в поддержке, угнетены и не [смеют] пожаловаться...» [ЦШ, цз. 107, стр. 669]. Правительство пыталось смягчить положение благотворительностью, но, конечно, тщетно [Торияма, 1916]. В правление Ши-цзуна зафиксировано свыше 10 бунтов китайцев [Хуа Шань, 1956].

В дальнейшем при Чжан-цзуне положение ухудшилось. В «Цзинь ши» отмечается, что множество разнообразных налогов невозможно перечислить. Вдобавок началась инфляция; лепешка стоила 10 тыс. связок ассигнациями. Крестьянам не хватало хлеба до нового урожая. В 1198 г. Чжан-цзун предписал указом в столицах, областях, окружных и уездных городах построить по одному дому призрения, с 10-го месяца текущего по 4-й месяц следующего года готовили в них пищу для бедняков [ЦШ, цз. 11].

Положение было столь напряженным, что императору в 1192 г. пришлось отказаться от обычной летней поездки. Вельможи говорили: «Зачем с тысячами экипажей и тьмой всадников проводить дни на траве и на росе ночи?.. Но теперь в весеннее время, посвященное собственно земледелию, мы посылаем местное начальство исправлять дороги для проезда... Кроме того, что в эти годы по всем губерниям были неурожай, местные жители, доставляя корм для казенных лошадей, неся труды по записи их в военную службу и занимаясь копанием рвов, совершенно истощили и силы, и имение. От этого бежавшие не возвращаются и цена на хлеб непомерно высока. Но когда государь отправится туда со всею свитою, тогда цена на съестные припасы еще больше возвысится, между тем как и теперь несколько тысяч человек ежедневно покупает для себя их [чашками и тарелками]. Преж-

де еще привозили хлеб для продажи из губерний Северной столицы, но теперь при дороговизне съестных припасов едва ли придут в надлежащее время. Тогда народ, томимый голодом, подобно как в прежние годы, побьет лошадей чиновников тайвэй, расхитит плоды и овощи чиновника тайфу и в негодовании и скорби, произнося оскорбительные слова, поднимет бунт» [ЦШ, цз. 9; Розов, л. 274—275].

Из-за обезлюдения пустовали поля. При Сюань-цзуне в Хэнани из 1970 тыс. цинов пахоты обрабатывалось лишь 960 тыс. цинов. С начала XIII в. в Шаньдуне не прекращались крестьянские восстания. Отряды «красных курток» и «черного знамени» врывались в города, уничтожая гарнизоны. Регулярные войска рассеивали, но не уничтожали отряды. В 1214 г. последние разбили экспедицию Пуча Аньчжоу, уничтожив 30 тыс. солдат. Однако норма эксплуатации в Цзинь в мирное время почти не отличалась от южносунской. Изучение демографической динамики свидетельствует об устойчивом приросте населения в государстве Цзинь (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Динамика населения в государствах Цзинь и Сун

Год	Цзинь		Сун	
	число дворов	население	число дворов	население
1127	6 405 144*	18 000 000*		
1187	6 789 449	44 705 086		
1190	6 939 000	45 447 900		
1193			12 302 873	27 845 085
1195	7 223 400	48 490 400		
1207	7 684 838	45 816 079		
	8 413 164	53 532 151		
1223			12 670 801	28 320 085
1234		4 754 975		

* Данные по территориям Ляо и Северная Сун, отошедшим к Цзинь.

Увеличение населения на территории, занятой Цзинь, в 2,5—3 раза за 80 лет (1127—1207) засвидетельствовано не вполне надежными цифрами. Но прирост населения в Цзинь составил в 1187—1195 гг. 8,5%, в 1195—1207 гг.—10,4%, а за 20 лет, с 1187 по 1207 гг.—19,7%. Таким образом, среднегодовой прирост составил 0,9%, что, по свидетельству некоторых авторов, было не ниже обычного, среднего прироста, определявшегося 0,87% в год [Ho Ping-ti, 1970, стр. 43]. Рост числа дворов в 1187—1207 гг. еще более заметен—13%. Для

сравнения можно напомнить, что за это 20-летие в Южной Сун прирост дворов составил 3%, а населения — 1,7%. Для сведения о дальнейших демографических событиях можно напомнить, что по переписи 1233 г., на территории Цзинь было учтено 730 тыс. дворов, а в 1235—1236 гг., уже после падения Цзинь, — еще 1100 тыс. дворов, т. е. всего 1830 тыс. дворов [Мункуев, 1970, стр. 23—24]. Средняя величина цзиньского двора составляла 6,4 человека, а южносунского — 2,1 человека. Большой рост населения и прочность дворов в Цзинь являются дополнительным свидетельством относительно стабильной жизни [Юань Чжэнь, 1957, стр. 27—28; Захаров, 1852].

Режим чжурчжэней, по-видимому, был тягостен не столько жестокой эксплуатацией, сколько национальными формами ее проявления.

Разумеется, для сущности происходящих социальных процессов неизмеримо большее значение имело обезземеливание крестьян, сначала принудительное — в форме присвоения государством частновладельческих земель, потом стихийное — в результате разорения мелких и расширения крупных хозяйств; первоначально это случилось с китайцами, а потом с чжурчжэнями. Это-то и привело цзиньцев к ослаблению наиболее широкой базы, на которой строилось государство. При всем том сам процесс происходил медленно, в немалой степени сдерживался правительством, поэтому и не привел к широкому народному движению, не раз в истории Китая сметавшему династию — ханскую, танскую, юаньскую. Он лишь обессилил Цзинь перед лицом монгольского нашествия.

О характере цзиньского общества в целом в литературе существуют противоречивые точки зрения. Одни китайские авторы, по-видимому целиком восприняв идею неизбежности прохождения общества через все формации, подчеркивают рабовладельческие элементы в цзиньском обществе и оценивают это государство как рабовладельческое [Люй Чжэнь-юй, 1951, стр. 54] или как рабовладельческое в первую половину и феодальное впоследствии, при Си-цзуне и Ши-цзуне [Хуа Шань, 1957, стр. 9]. Другие же китайские авторы высказываются более осторожно. Отмечая, что в Северном Китае чжурчжэни создали феодальное государство, они тем не менее полагают, что сами «чжурчжэни в этот период переживали процесс перехода от родового строя к феодальному, но рамки родового строя еще не были полностью сломлены... В обществе чжурчжэней были ярко выражены национальный гнет и рабовладельческий уклад» [Очерки..., 1959, стр. 347].

В последнем и наиболее пространном труде по истории Сибири, появившемся в нашей стране, определенно говорится о становлении феодального государства, хотя и отмечается сохранение сильных пережитков первобытнообщинного строя

и рабства в собственно чжурчжэньском обществе. Рабы наряду со свободными общинниками-чжурчжэнями и значительным слоем населения, находящегося в непосредственной зависимости от владельцев огромных участков и членов императорского дома, называются в этом труде одним из главных источников рабочей силы. Во второй половине XII в. шестую часть чжурчжэньских общин составляли рабы [История Сибири, 1968, т. I, стр. 335—336]. Другие же исследователи отмечают: «Образовавшаяся в начале XII в. чжурчжэньская империя Цзинь была военным раннефеодальным государством» [Итс, Смолин, 1961, стр. 143].

Корень различных оценок общества Цзинь — в сложности отождествления конкретной картины с понятием формации. «Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию? ...Разве понятия... становятся фикциями, оттого что они отнюдь не всегда совпадают с действительностью?» [Маркс и Энгельс, т. 39, стр. 356—357]. Развитие чжурчжэньского общества пошло по наиболее сложному, синтезному пути. После образования государства и выхода чжурчжэней на Китайскую равнину это общество уже не развивалось изолированно по своим законам (а правительство отнюдь не стремилось создать государство в государстве). Поэтому фактически при разборе этого вопроса невозможно, да и не нужно отвлекаться от среды, в которой трансформировалась цзиньская государственность.

Сунская империя — это централизованная бюрократическая монархия развитого феодализма — с поместным землевладением, с личной зависимостью крестьян, прикрепленных к земле, от феодалов, с развитыми товарно-денежными отношениями, торговой и городской жизнью [История..., 1964, стр. 51—72].

Цзиньская империя на первом своем этапе, примерно до середины XII в., представляла собой модель, характеристики которой не совпадали с указанными признаками сунской империи. Но в ходе собственного социального развития, в процессе войн, контактов с Ляо и с Сун, понуждаемая требованиями мощной сунской модели, цзиньская государственность быстро теряла свой «варварский» характер и превращалась в раннефеодальную.

Цзиньский государь на деле обладал большей властью, чем сунский, так как первый был еще и главнокомандующим. Но правление от этого принимало военный характер. Правительство ввело государственную собственность на землю и надельную систему, а существовавшую в Китае поместную систему несколько ограничило. Соответственно сельское население из поместного превратилось в казенно-обязанное. У самих чжурчжэней хозяйственной ячейкой осталась общи-

на с казенными наделами, домашним ремеслом, натуральным хозяйством. Товарно-денежные отношения, городское ремесло, торговля в этой модели занимали скромное место. Эта модель чжурчжэньского общества на Китайской равнине до некоторой степени распространялась и на китайцев и отдельными своими сторонами (надельным землепользованием, укреплением общины) импонировала определенным кругам населения. Но, поскольку модель находилась в противоречии с другой, сунской моделью — исторически более передовой и обладавшей большим потенциалом, — исход мог быть одним: раннецинская государственная модель стала быстро эволюционировать, заимствуя элементы сунской.

Одни элементы вводились правительством сознательно (внедрение гражданской бюрократии, раздача поместий чжурчжэньским аристократам), другие существовали в Китае в готовом виде (сложное городское хозяйство, денежная система), третьи явились результатом необратимых процессов (внедрение арендаторства в чжурчжэньские хозяйства). Эти процессы начались не одновременно и происходили с разной интенсивностью, но примерно с середины XII в. цзиньское государство стало превращаться в настоящую централизованную бюрократическую монархию развитого феодализма.

ГОСУДАРСТВО

АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ

Вероятно, основной особенностью цзиньской правительственной-административной системы можно считать дуалистический источник ее возникновения и путь развития. Формирование государственных институтов у чжурчжэней совпало с образованием многонациональной империи. Поэтому наряду с общей и естественной задачей народившегося государства — созданием «внутренней» системы управления — скоро возникла и в дальнейшем постоянно существовала потребность в специальных органах управления приобретенными землями и их населением.

Аппарат управления, созданный чжурчжэнями, прошел несколько этапов, каждый из которых характеризуется определенными новшествами, невидимыми нитями связанными с важнейшими политическими событиями.

На первом этапе антикиданьской войны (1115—1121), когда чжурчжэни освобождали земли с единокровным населением, в центральном правительстве господствовала система боцзиле (чж. богиле). Власть на местах покоилась на системе мэнъянь и моукэ, или военачальников, племенных и родовых вождей боцзинь (чж. богин). Боцзинь являются остат-

ками древней родовой организации чжурчжэней. После образования государства она была распространена на всех чжурчжэней. Эта должность соотносилась с мэнъянь и моукэ, но вожди контролировали определенные родовые организации, их звания не определялись численностью ячеек, как у моукэ. В конце правления Тай-цзу они еще существовали, вмешивались во внутренние дела родов, им непосредственно уже не подчиненных. В других случаях в отдаленных районах и во вновь присоединенных территориях еще нельзя было заменить старую систему боцзиней. Это объяснялось невозможностью эффективно подавить власть вождей. Поэтому чжурчжэни целиком перешли на систему мэнъянь и моукэ лишь в 1128 г.

Когда в 1117 г. были присоединены регистравые чжурчжэни Ляояна, у последних тоже была введена система мэнъянь и моукэ.

Захватив губернию Восточной столицы Ляо, чжурчжэни провели здесь административно-территориальный передел. Полнота власти в этих губерниях принадлежала губернаторам или генерал-губернаторам. Китайцы и бохайцы наряду с победителями чжурчжэнями влились в старую родовую организацию последних — мэнъянь и моукэ. Бохайцы, которые благожелательно относились к чжурчжэням, сразу же заняли видное положение в новом государственном аппарате, в поселениях китайцев расквартировали войска, создали такие военно-административные органы, как военные генерал-губернаторства (дутун сы) и военная администрация (цзюньши сы)³. Но в эту администрацию привлекалась и местная китайская знать [Иминдзоку..., 1943, стр. 80—81].

Впрочем, уже Тай-цзу стал нарушать принцип чисто чжурчжэньских форм управления. Так, он сохранил киданьское административно-территориальное деление. В 1118 г. было прекращено насаждение системы мэнъянь и моукэ среди китайцев, вызвавшее восстания. Китайцы, входившие в состав Ляо, не объединялись в киданьскую племенную систему, а управлялись привычными им китайскими методами. Чжурчжэням, еще не привычным к китайской администрации, пришлось использовать пленных ляоских чиновников и управлять китайцами по ляоской системе. В этом начало дуалистической системы управления в Цзинь [Тёсэн Мансю си, 1938, стр. 380—381].

В результате совместных военных усилий Цзинь и Сун в 1121—1125 гг. территория Восточной Монголии попала

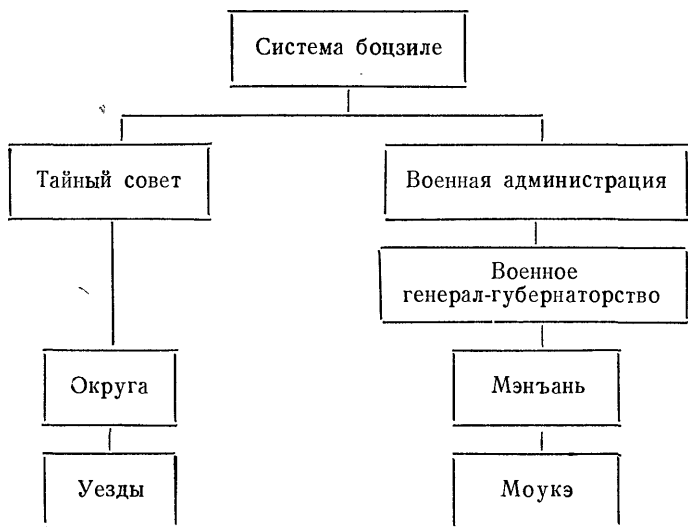
---

³ При переводе названий цзиньских учреждений и должностей автор исходил из смыслового значения терминов, используя в качестве вспомогательных руководств работы по сунским чинам и ведомствам (Chang Fu-jui, 1962; Kracke, 1957).

в руки чжурчжэней. Здесь проживали кидани, тангуты и другие народы. Быстрый рост числа подданных-китайцев усугублял необходимость создания сословно-племенных органов управления. Ориентируясь на ляоские формы управления, чжурчжэни в 1123 г. создали Тайный совет (шуми юань) для общего военного управления чжурчжэнями и китайцами. Но теперь на местах китайцами управляли по китайской системе, т. е. по административно-территориальному принципу. Губернии с чжурчжэньским губернатором во главе объединяли сосуществующие административно-территориальные учреждения китайского типа (округа и уезды) и чжурчжэньские общины мэнъань и моукэ. Во вновь приобретенных районах Монголии киданями управляли по чжурчжэньской системе, а китайцами — по китайской. Формально округа и уезды подчинялись Тайному совету, но фактически — гражданским и военным учреждениям губернии, т. е. существовало двойное подчинение (схема 1).

Схема 1

Административная система Цзинь в 20-е годы XII в.

На этом этапе такая система управления соответствовала политике чжурчжэней, целью которой было разгромить Ляо и сохранить мир с Сун [Миками, 1943].

Следующее пятилетие, 1125—1130 гг., знаменуется захватом Хэбэя и Хэдуна, усилением в дуалистическом управлении китайских форм. С 1126 г. центральный правительственный аппарат был разделен на две секции: гражданскую — Государственный совет (шаншу шэн) и военную — Тайный совет,

который в 1125 г. переехал в Яньцзин. В 1128 г. повсюду была введена система областей и уездов. Чжурчжэни отказались от киданьской системы и обратились к танской и сунской, что указывает на общий поворот в сторону китайской политической системы. В 1129 г. учреждены министерства Государственного совета, во многом напоминающие киданьские. Но сам Государственный совет оказался под началом Верховного военного совета (ду юаньши фу).

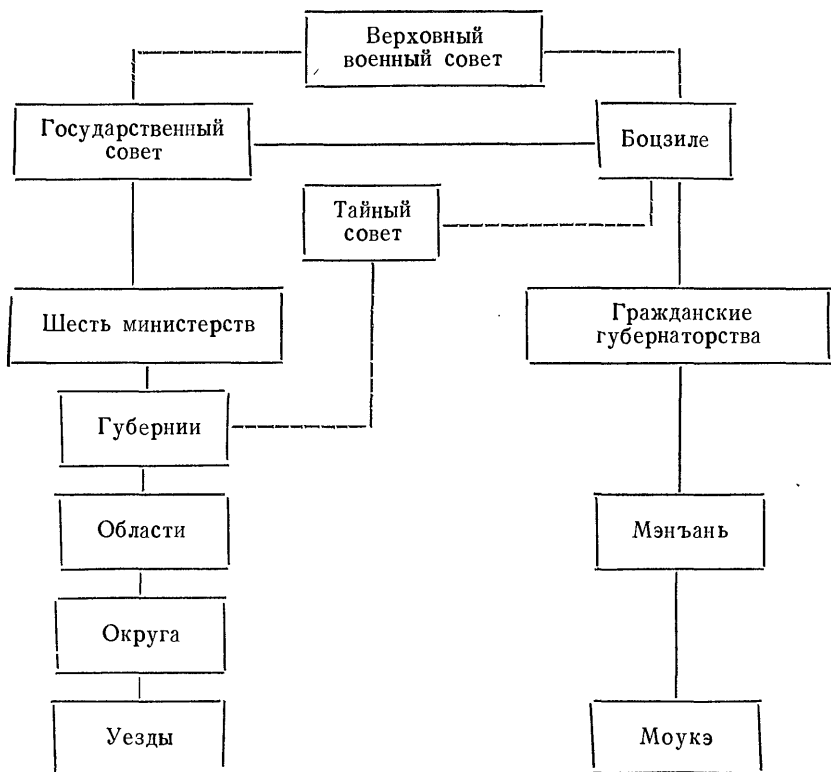
Деление на военные и гражданские управления в завоеванных районах постепенно упразднилось, вводились гражданские губернаторства (цзунгуань фу). Система мэнгань и моукэ была перенесена и на Китай, где значение боцзиней было окончательно утрачено. В это пятилетие двойная система управления приняла следующие очертания: одна группа учреждений ведала общегосударственными и китайскими делами, другая — делами чжурчжэней (схема 2).

Схема 2

Дуалистическая система управления в 1125 — 1130 гг.

Для китайцев

Для чжурчжэней

В 1125—1139 гг. Цзинь захватила Северный Китай, и количество китайского населения в государстве неизмеримо увеличилось, наметилось различие в управлении китайцами Северного Китая и старых территорий. Центральное правительство непосредственно ведало китайцами старых территорий. Лиц, сотрудничающих с чжурчжэнями, назначали на чиновничьи должности, и лояльные ляоские и сунские чиновники сохранили свои посты.

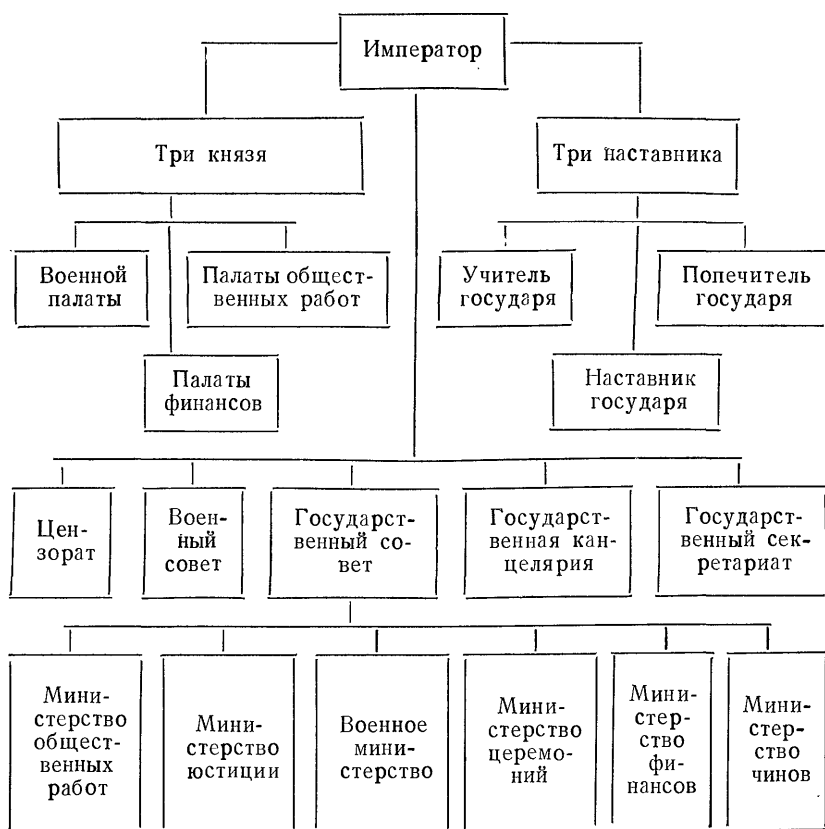
После присоединения Хэнани, Шаньси и Шаньдуна Цзинь в 1130 г. создала на этих землях марионеточное государство Ци. Оно должно было служить плацдармом для дальнейшего продвижения чжурчжэней на юг и предохранить от китайского удара вновь завоеванные земли. С этой целью здесь была восстановлена система округов и уездов, равно как и другие традиционно китайские формы управления. Это дало свои результаты, и уже через 10 лет надобность в дифференцированном подходе к китайцам отпала, так как положение в государстве до некоторой степени стабилизировалось. К этому времени в результате вражды между центральным правительством метрополии и учреждениями Северного Китая первое поглотило последних, в бюрократическом отношении управление в империи Цзинь, таким образом, было унифицировано. Но по миру 1142 г. китайское население империи еще увеличилось, и создалось нечто похожее на «государство китайцев с правящим чжурчжэньским слоем» [Ногами, 1931].

Начиная с 1133 г. в течение нескольких лет была завершена работа по созданию общегосударственной системы управления. В 1134 г. была ликвидирована чжурчжэньская система рангов боцзиле и введена новая, по типу китайской, а к 1138 г. ее оформление было завершено (схема 3) [Иминдзоку..., 1943, стр. 87—88].

Роль консультативных органов (три князя и три наставника) была невелика. Главным правительственным органом оставался Государственный совет. Он являлся и координационным органом для всех администраций, центральным органом правосудия и законодательства, консультативным органом по делам принцев. Государственный совет сильно разросся: в 1137 г. один его филиал был создан в Бяньцзине, а в 1138 г. вместо существовавшего Тайного совета в Яньцзине был создан другой филиал Государственного совета.

При Си-цзуне установлена строгая шкала наименований административных учреждений, расположенных в порядке подчиненности — от высшего к низшему: 1) шэн — совет, министерство, общее управление; 2) юань — коллегия, двор; 3) тай — приказ, канцелярия; 4) фу — управление, правление; 5) сы — департамент, ведомство; 6) сы (наиболее употребительное значение знака — «храм») — отделение, отдел;

Система центрального управления Цзинь в 1138 — 1140 гг.

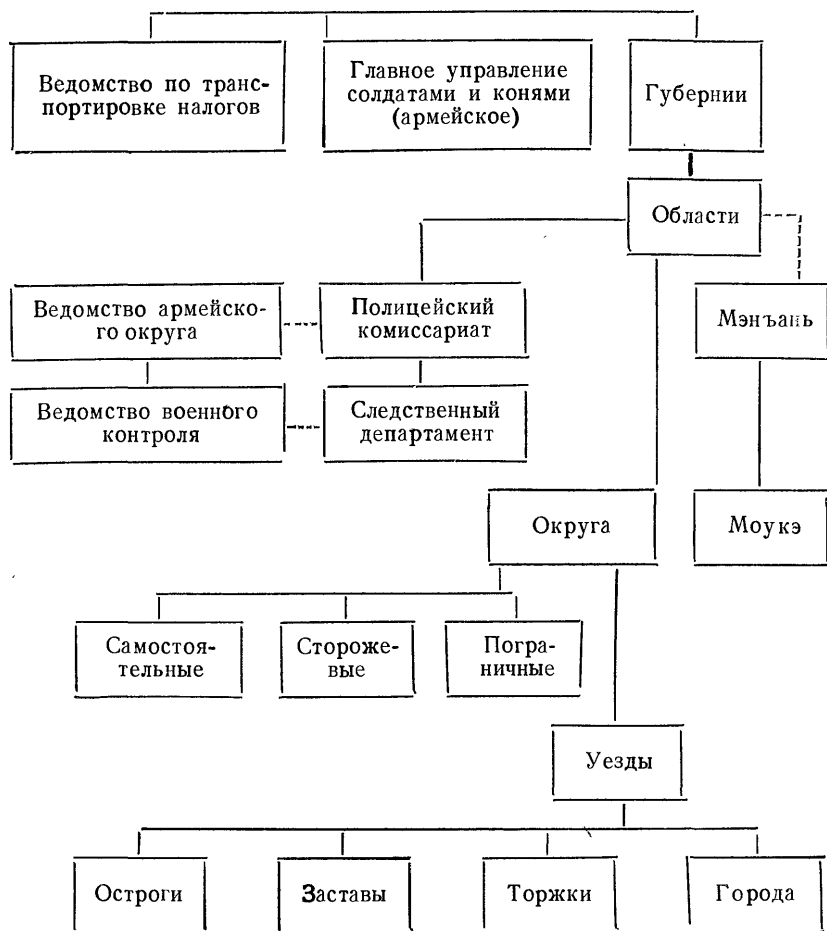
7) цзянь — экспедиция, бюро; 8) цзюй — контора, комиссия; 9) шу — палата, комитет; 10) со — стол [Тоёда, 1943, стр. 250—256].

Основной особенностью правительственной системы на этом этапе являлась нерасчлененность функций государственного управления. Органы местного управления сочетали в себе систему мэнъянь и моукэ и систему округов и уездов. Особенностью местной администрации Цзинь являлись соединение в одном лице военной, гражданской и полицейской власти в округах и областях, административной и ремонтерской функций, объединение в одном лице власти над округом и областью, тесная связь полицейских и военных обязанностей

в центрах округов и областей. Для поддержания порядка в деревне существовали пятидворки, связанные круговой порукой (см. схему 4).

Схема 4

Система местного управления Цзинь в 1138 — 1140 гг.

Реформа чиновничьих рангов при Си-цзуне в 1139 г. завершила оформление административной системы. Система управления китайцами при помощи особых органов, отличных от чжурчжэньских, рухнула, была введена административная система китайского образца, распространившаяся на все население империи. Чжурчжэньские *мэнъянь* и *моукэ*,

впрочем, продолжали существовать как местная система, находясь вне юрисдикции местных управлений округов и уездов, но подчиняясь центральному аппарату и его органам на местах. Сами же мэнъянь и моукэ получили наименование по округам и уездам. Эти две системы противостояли друг другу уже не в центре, а на местах. На местах мэнъянь и моукэ наделялись функциями, позволяющими им участвовать в управлении китайцами и влиять на деятельность местных учреждений.

При Хай-лин-ване государство Цзинь продолжало развиваться как монархическое. Основные реформы административного аппарата свелись к следующему. В 1150 г. упразднен один из филиалов Государственного совета, а в 1156 г. были ликвидированы Государственная канцелярия и Государственный секретариат, находившиеся в одном ранге с Государственным советом. Это укрепило власть монарха. В штате Государственного совета ликвидированы некоторые должности — все с той же целью концентрации власти в одних руках. Был упразднен Верховный военный совет, а функции его переданы Тайному совету, который, в свою очередь, подчинили Государственному совету на правах Военного совета. Были упразднены самостоятельные административные органы в Хэнани и Шэньси. Для усиления контроля над судебной деятельностью был организован Верховный суд (дали сы). Для подготовки кадров чиновников был открыт университет (го цзы цзянь).

Главная, или Средняя, столица (Чжунду) обосновалась в Дасинфу (Яньцзин), учреждена система пяти столиц, изменено разделение государства на губернии, созданы отдельные административные и полицейские органы для Средней столицы.

В результате реформы вся администрация династии попала под полный контроль Государственного совета. Реформа явилась важным событием в жизни государственных институтов Цзинь, так как система трех высших органов власти, существовавшая перед этим в течение сравнительно долгого периода, была заменена единым, централизованным органом — Государственным советом [Mikami, 1970, стр. 266—343].

Реформы в управлении явились результатом борьбы между сторонниками централизации, отказа от дуалистической системы управления (Си-цзун, Хай-лин-ван, Ваньянь Вобэнь, Ваньянь Сиинь, Ваньянь Цзунсянь) и поборниками децентрализации и дуализма (Ваньянь Няньхань, Ваньянь Чан, или Талань). Первых поддерживали китайские бюрократы, вторых — чжурчжэньские полководцы и знать.

При Ши-цзуне основной своей задачей правительство счи-

тало консолидацию правящей системы с китайской традицией и усиление чжурчжэньского контроля над китайцами. Для этого Государственный совет был превращен в более оперативный, мобильный и деловой орган, старшие и младшие чиновники которого принадлежали к разным национальностям. Цензорат перешел под непосредственное руководство императора; во главе его встал член императорской фамилии [Mikami, 1970, стр. 495—570].

В последующее двадцатилетие (1190—1210) произошли важные перемены в государственном аппарате Цзинь. В 1190—1191 гг. вся система приобрела тот вид, в котором она предстает перед нами в «Цзинь ши». Расширился и обновился весь аппарат. Положение цензората, достигнутое им при Ши-цзуне, пошатнулось. Императоры стали ориентироваться на армию. В 1189 г. во всех столицах и губерниях были созданы прокуратуры (тисин сы) и введены должности прокуроров, которые должны были осуществлять полицейский надзор, наблюдение за сельским хозяйством, контроль над военными соединениями мэнъянь и моукэ. Происходившее при этом уменьшение прерогатив управления солдатами и конями означало усиление политики разделения власти на местах.

Прокуратура стала третьим по важности органом в системе местного управления. Позднее, в 1199 г., она была переименована (аньча сы), а затем упразднена. В 1208 г. на базе министерства финансов было создано учреждение под названием три департамента (сань сы); оно сосредоточило в себе департаменты аграрный, железорудный, доходов. Это был координационный финансовый орган, чиновники которого считались рангом выше чинов министерства финансов. Во время войны в важных городах открывались филиалы (син) Государственного и Тайного советов.

В 1213 г. была организована коллегия мудрейших (чжао-сянь сы, цзисянь юань). Это был консультативный комитет из китайцев при императоре. На этом этапе основная особенность цзиньской бюрократической системы заключалась в монолитности государственного правления в центре, в разделении властей на местах, в усилении полицейского и прокурорского аппарата в центре и на местах.

Посмотрим теперь, как выглядела цзиньская система управления в целом [ЦШ, цз. 55—57]⁴.

---

⁴ Не все перечисленные ниже учреждения существовали одновременно, а некоторые существовавшие опущены нами как маловажные. Здесь же перечислены учреждения, деятельность которых раскрыта в других главах. При выборе термина для самого учреждения мы стремились соблюдать определенную унификацию, предложенную выше, если это не противоречило уже принятому переводу.

Как уже отмечалось, высшими консультативными органами являлись три князя (сань гун) и три наставника (сань ши). Первые возглавляли консультативные палаты: военную, финансовую, общественных работ — и давали морально-идеологическую оценку происходящего в соответствующей области с позиций учения о дао, инь-ян и пр. Вторые — учитель, наставник и попечитель государя — объясняли ему высшие нравственные и натурфилософские законы.

Коллегии мудрейших (цзисянь юань) вменялось в обязанность консультировать императора и Государственный совет по моральным вопросам, по проблеме соответствия правительственной практики исторической и конфуцианской традиции. Последней проблемой, считавшейся первостепенной для правителя, специально занималась и коллегия увещаний (цзянь юань). Она имела право давать политическую оценку всем действиям императора и правительства, обращаясь с докладами и петициями о совместимости их действий с указанными нормами, т. е. «увещевать».

Государственный совет (шаншу шэн) — это высший правительственный орган, направлявший всю государственную политику и руководивший косвенно как высшая инстанция — почти всеми административными (центральными и местными, китайскими и чжурчжэньскими), военно-административными органами страны и прямо — шестью министерствами. Высшие чины Государственного совета делились на две группы: старших советников (цзайсян) и советников (чжичжэн). По мере надобности (в случае войны или приобретения новых земель) создавались филиалы Государственного совета [Mikami, 1970, стр. 344—457].

Верховный военный совет (ду юаньши фу) играл роль высшего в стране руководящего военного органа. Он, как правило, создавался во время войны, и тогда к нему фактически переходила вся полнота власти в государстве. В 1141 г. ему подчинялись многие генерал-губернаторы, главноуправляющие. После заключения мира с Сун он был распущен, но в 1206 г. создан снова. Тайный совет (шуми юань) — тоже высший военный орган с теми же функциями, поэтому неоднократно они менялись названиями.

Чиновники Верховного суда (дали сы) следили за правильностью приговоров. При суде имелся тюремный департамент.

Функциями государственного контроля был обложен цензорский приказ, или просто Цензорат (юйши тай), — одно из могущественных учреждений империи. Чиновники Цензората обладали правом контролировать деятельность всех других учреждений и должностных лиц, правильность вынесенных судебных приговоров.

Непосредственными исполнительными органами Государственного совета являлись шесть министерств (бу): чинов, финансов, церемоний, военное, юстиции, общественных работ.

Министерство чинов ведало кадрами: назначением, перемещением, увольнением чиновников гражданских и военно-административных учреждений, их рангами и формой, грамотами на чин, вопросами жалованья и наград.

Министерство финансов занималось учетом податного населения (для чего вело главный реестр), всеми налогами, податями и повинностями, наделами, акцизом, рынками, хлебными амбарами, монетами и ассигнациями.

Министерство церемоний имело дело с обрядами, празднествами и жертвоприношениями, носившими государственный характер, вопросами обучения, печатями и грамотами, а также астрономией и медициной. В храме императорских жертвоприношений (тайчан сы) совершались моления и жертвоприношения духу основателя династии, духу земледелия, небу и т. п., которые причислялись к государственным. Министерству церемоний подчинялось благотворительное ведомство (хуйминь сы), снабжавшее население различными лекарствами.

Военное министерство следило за списками солдат и рекрутов, за боевыми конями, за почтовыми станциями и лошадьми, за вооружением и снаряжением, за крепостями. Комиссариат военной стражи (увэй цзюань ду чжихуйши сы) направлял деятельность по охране городов от нападения шаек разбойников и мятежников. При комиссариате существовал особый штаб (цянься сы). Служба четырех направлений (сыфан гуань) следила за почтовыми станциями и лошадьми.

Министерство юстиции наблюдало за соблюдением законов, за составлением кодексов, за объявлением амнистий, за ссыльными.

Министерство общественных работ разрабатывало правила строительства зданий, осуществляло само строительство сооружений, мостов, дорог, плотин, проводило все работы, связанные с военными поселениями, горными работами, лесозаготовками, устройством водохранилищ.

Государственному совету были подведомственны коллегия государственной истории, академия Ханьлинь, университет, императорская библиотека. Составление официальной истории Цзинь считалось делом большой важности и поручалось коллегии государственной истории (гоши юань). Коллегия работала в тесном контакте с академией Ханьлинь, которой было поручено руководить созданием и распространением чжурчжэньской письменности, переводом китайской литера-

туры на чжурчжэньский язык, с ней сотрудничала коллегия по распространению литературы (хунвэнь гуань), которая комментировала и переводила исторические и классические китайские сочинения.

Высшим государственным учебным учреждением считался университет, или, точнее, бюро государственных детей (го цзы цзянь).

Императорской библиотеке и архиву (ми шу цзянь) подчинялись обсерватория и служба календарей (схема 5).

Другая большая группа учреждений была тесно связана с двором. В Цзинь не существовало единого направляющего центра для такого рода учреждений — некоего подобия министерства двора. Некоторые из отнесенных в эту группу учреждений имели двойное подчинение, как, например, удельное управление, причем иногда оно не обозначено в источниках, а выводится из общей ситуации (экспедиция императорской сокровищницы). С другой стороны, некоторые учреждения предыдущей группы (дирекция императорской библиотеки и др.) были тесно связаны с двором. В целом же дворцовые цзиньские органы играли существенную роль в центральном правительстве.

Удельное управление (дацзун чжэнь фу) обладало широким кругом обязанностей по обеспечению благосостояния членов императорского рода и сохранению порядка среди них. В этой своей деятельности оно было связано с Государственным советом.

Коллегия императорских приемов и персоны императора (сюаньхуй юань) занималась приемами, празднествами, банкетами, происходившими при дворе, дворцовым церемониалом, императорским столом, т. е. делами, касающимися непосредственно персоны императора, — от его быта до аудиенций послам.

Экспедиция императорской сокровищницы (тайфу цзянь) хранила запасы золота и серебра, жемчуга и драгоценностей, монеты, ценные ткани и пр.; главное поисковое и заготовительное дворцовое ведомство (дянь цзянь ду дянь цзянь сы), бюро императорских мастерских, департамент дворцового караула осуществляли свою многостороннюю деятельность через свои отраслевые отделы (схема 6).

В основе местного управления находилось административное районирование империи. Оно не оставалось неизменным на всем протяжении существования Цзинь. Расширение границ государства до середины XII в. служило главным поводом для все нового и нового перекраивания карты страны.

Мы рассмотрим административное деление страны, зафиксированное в «Цзинь ши» [ЦШ, цз. 24], лишь в общих

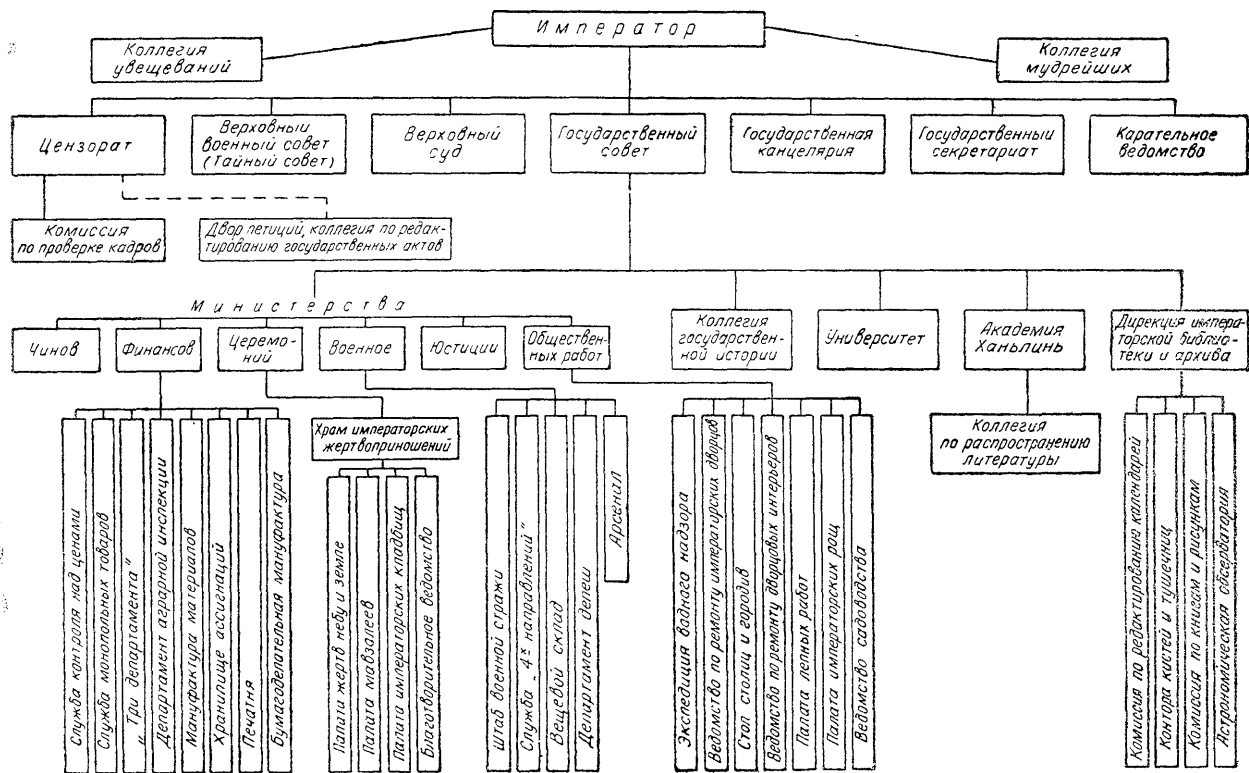
чертах, отмечая его трансформацию [Гу Се-ган, Ши Нянь-хай, 1936, стр. 234—239].

Теоретические принципы такого районирования у чжурчжэней имеют много общего с правилами, принятыми в других государствах на Дальнем Востоке. Натурфилософия требовала четкого деления государства применительно к четырем странам света. С наибольшей силой это сказалось на системе пяти чжурчжэньских столиц — четыре из них названы по странам света, а пятая была главной, или средней. Но географические условия и традиционное деление территории мешали столь же последовательно воплотить эту теорию при более детальном районировании, тем более что указанное деление приходилось увязывать с другими требованиями, соблюдавшимися киданями, чжурчжэнями, монголами: их северные столицы должны были находиться к северу от Великой китайской стены, а южные — к югу от нее [Lattimore, 1962, стр. 239]. Поэтому граница между восточным и южным секторами карты весьма четкая, а между западными и северными — нечеткая. В историко-географическом отношении выделяются три больших района, весьма отличные друг от друга: 1) собственно чжурчжэньские земли, или Цзиньюань, в Северной Маньчжурии; 2) киданьские владения в Восточной Монголии, Южной Маньчжурии и Северном Китае; 3) северо-сунские территории в Северном и Центральном Китае [Яо Цун-у, 1959, стр. 81—83].

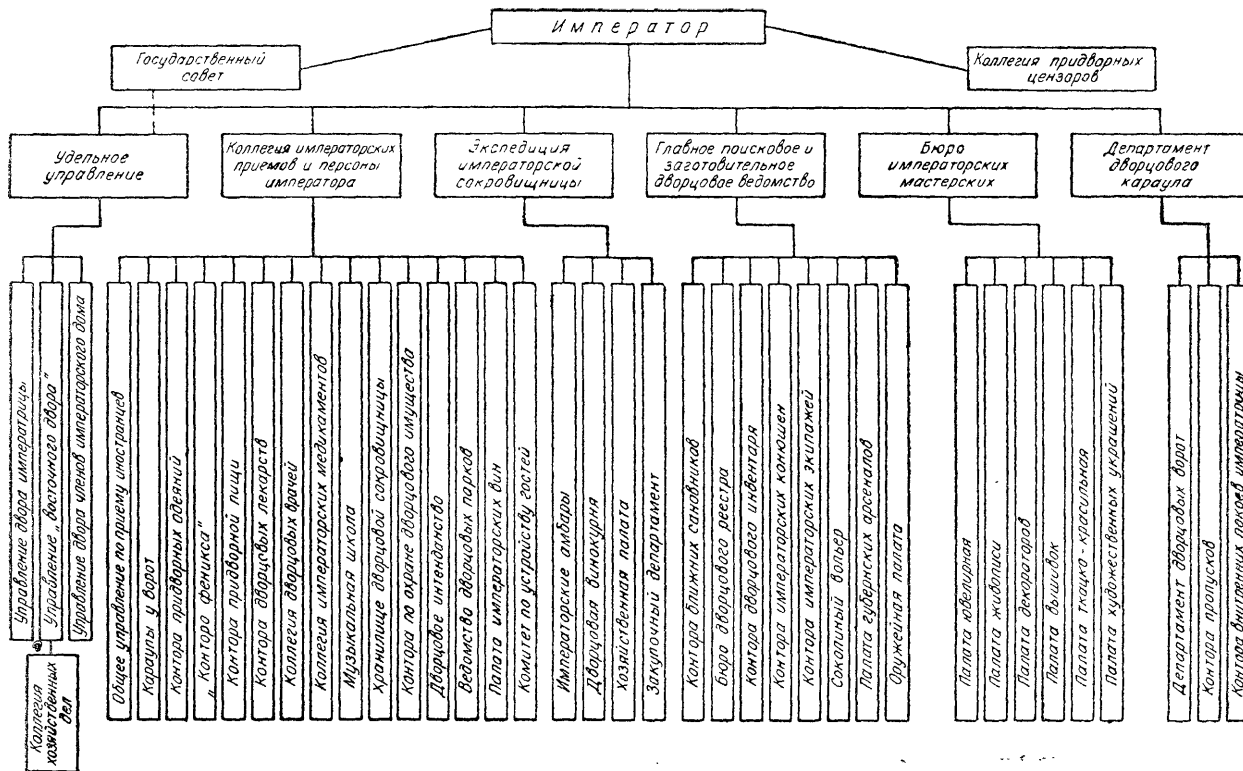
Поскольку районирование происходило постепенно, по мере расширения зональности, принципы, которыми оно руководствовалось, не оставались неизменными. Районирование, по существу, началось при вступлении в киданьские владения и производилось под влиянием ляоских образцов. Чжурчжэни начали с системы столиц, оставив более детальное членение на будущее. Они провозгласили Верхней столицей ставку Агуды (позднее Хуйнин), Восточной — Ляоян, Средней — Дадин, Западной — Датун, Южной — Яньцзин, но и здесь внесли свои идеи, отказавшись от специфически киданьских административных районов — орда, наместничество.

Вступление чжурчжэней во владения Сун подвело их к мысли использовать сунскую систему районирования с ее четкой подчиненностью мелких единиц более крупным. Но даже на этом этапе Цзинь сначала следовала киданьскому принципу районирования, учредила «области войска» (цзюнь), которые по шкале подчиненности шли сразу за округами (чжоу). Территории меньше уезда выступали под названием городов (чэн) и пограничных торговых местечек с гарнизонами — торжков (чжэнь). Но с 60-х годов XII в. «области войска» постепенно переименовывались в округа, а самостоятельные города и пограничные торговые местечки включались

Система центрального управления Цзинь (со второй половины XII в.)

Система придворных учреждений Цзинь

Число административных единиц при Цзинь

Административные единицы	Периоды	Начало Цзинь*	Вторая половина XII в.**	В том числе по разрядам		
				I	II	III
Столицы		5	6***	2	3	
Губернии		19	20			
В том числе нестоличные		14	14	7	4	3
Области		—	31			
Области заштатные		9	8	2	3	3
Округа пограничные		36	39	10	10	19
» сторожевые		22	21	7	7	7
» самостоятельные «Области войска»		73	75	14	25	36
Уезды		16	16	3	3	10
Города, заставы, остро- ги, проходы		632	683			
Торжки			122			
			488			

* Сост. по: [ЦШ, цз. 24; см. также Васильев, 1859, стр. 96].

** Сост. по: [ДЦГЧ, цз. 38].

*** Кратковременно фактически существовало 6 столиц.

в уезды. В результате чжурчжэньская административная система оказалась значительно проще сунской и ляоской: губернии управляли округами и областями, а округа — уездами и торжками. Столицы, губернии, области, заштатные округа, «области войска» по важности разделялись на три разряда.

Губернии Верхней и Восточной столиц включали исконно чжурчжэньские земли, поэтому они сохраняли старинное районирование Цзиньюань [Янай, 1913]. Так, к губерниям Верхней столицы относились губернии Фууюйлу, Хэланьлу, Суйпинлу, Хулигайлу, а к губерниям Восточной столицы — губернии Хэсугуаньлу, Посуфулу, получившие название по племенам, живущим здесь, и не входившие в 19 губерний [Щуда, 1918; Мацуи, 1913].

На схеме 7 представлена система местного управления. Основным ее стержнем являлись административно-территориальные ведомства (центральный вертикальный ряд). Следующие по важности — судебно-полицейские и военные учреждения составляют другие два вертикальных ряда, и, наконец, производственные и налоговые ведомства образуют еще

два вертикальных ряда. Все звенья этих четырех рядов ведомств привязаны к разрядам административно-территориального деления (горизонтальные ряды).

На вершине местного управления находилось наместничество Средней (главной) столицы — области Дасин. Наместники (люшоу) остальных столиц обладали меньшими полномочиями. В столицах и в губернских городах находились прокуратуры (тисин сы или аньча сы) с весьма широким кругом обязанностей. Губерниями (лу) или несколькими областями управляли гражданские губернаторства (цзунгуань фу), а отдельными областями — начальники областей (фуи). Наиболее важное значение имела губерния, обладавшая всей полнотой власти — гражданской, военной, полицейско-контрольной. Области имели мало значения и часто совпадали с губерниями. Очень важной административно-территориальной единицей считались округа (чжоу). Они делились на пограничные (цзючжэнь чжоу), начальники которых по старой традиции именовались цзедуши, сторожевые (фанъюй чжоу), учреждаемые в районах, охваченных восстаниями, и самостоятельные (цыши чжоу). Уезды (сянь) делились на 7 разрядов.

Уезды губернских, областных, окружных центров назывались «красными», все столичные — столичными, уезды с населением свыше 25 тыс. дворов — главнейшими или следующими за «красными», уезды с населением более 20 тыс. дворов — главными, свыше 10 тыс. — высшими, свыше 3 тыс. — средними, до 3 тыс. дворов — низшими. Города (чэн), пограничные гарнизоны с рынками, или торжки (чжэнь), заставы (чжай) и остроги (пу), имевшие самостоятельное значение и управление, завершали картину.

В губерниях Южной столицы (Наньцзинлу), Шаньдуне, Шэньси действовали верховные воеводства (тунцзюнь сы), обеспечивавшие постоянный военный контроль на китайской границе. Аналогичную роль на северо-западе, северо-востоке и юго-западе выполняли управления верховного комиссара (чжаотао сы).

На некоторые пограничные племена не распространялась цзиньская администрация. За улусами сохранялось наименование племени, главе которого давался титул цзедуши, сяньинь и др.

Важным звеном местной администрации были главы чжурчжэньских общин — мэнъань и моукэ [Mikami, 1972, стр. 208—252].

В правление Тай-цзу и Тай-цзуна главы мэнъань и моукэ действовали как военачальники и военные администраторы, но, начиная с Си-цзуна, они уже стали выполнять функции гражданской администрации. А впоследствии они стали ядром

местной чжурчжэньской администрации. Исполнение этих обязанностей было сопряжено с постоянным пребыванием глав мэнъянь и моукэ в местах назначения. Вступившие в должность главы этих ячеек должны были отправляться в места расположения своих общин, если они не имели иных поручений и обязанностей. Указ 1180 г. подтверждал это категорически, обращаясь к уже ревизованным главам общин. Он разрешал командируемым на новое место главам мэнъянь брать с собой до 10 дворов, а главам моукэ — 6 дворов, т. е. большинство ревизованных мэнъянь и моукэ управлялось группой общинников, не имеющих непосредственных родственных связей с управляемыми. Это, несомненно, влияние государственных институтов. В дальнейшем оно послужило и одной из причин упадка общин [Торияма, 1929].

Главы мэнъянь (им присваивали 4-й ранг) обязаны были следить за комплектованием воинских частей рекрутами, за пополнением и ремонтом вооружения, за военными тренировками, за сельскохозяйственными работами и разведением тутовых деревьев и выполнять функции, соответствующие обязанностям начальника сторожевого округа. Главы моукэ (носители 5-го ранга), в свою очередь, отвечали за состояние солдатских дворов, за военные тренировки, следили за запасными житницами. Кроме этих основных обязанностей они выполняли и другие, более мелкие обязанности.

Если главы мэнъянь находились в одном ранге с начальником округа, то главы моукэ стояли двумя степенями выше начальника столичного уезда, несмотря на то что в ведении начальника уезда находилось несколько тысяч дворов, но зато главы моукэ помимо административных функций должны были осуществлять еще и военно-административные.

Отношения между главами мэнъянь и моукэ не ограничивались простой соподчиненностью. Главы мэнъянь — это, в сущности, начальники военных подразделений, а главы моукэ — руководители чжурчжэньских дворов на военном поселении.

Должности глав общин, по мысли политических деятелей, были наследственными. Человек мог получить эту должность, мог потерять ее, но мог унаследовать ее и от отца, так как цзиньские и китайские правила разрешали при определенных условиях и с разрешения властей передавать некоторые должности сыновьям. Но и это право было признано законом лишь в 1177 г. Под этим же годом «Цзинь ши» сообщает: «Установлено, что отцы мэнъянь и моукэ несли особую службу, их дети по достижении 25 лет могли перенять [их обязанности]» [ЦШ, цз. 7, стр. 62], при этом упор делался на «особой службе».

В отличие от других чиновников все главы мэнъянь и

моукэ получали особые наделы, но зато их жалованье значительно уступало жалованью любого другого чиновника этого же ранга: лишь деньги и просо им выдавались в том же раз- мере, что и другим чиновникам их ранга.

Чтобы привести в действие весь этот сложный аппарат, требовались специально подготовленные люди — чиновники. Зачатки бюрократии появились у чжурчжэней еще до Агуды, но для государства этого было мало. В 1113 г. Агуда создал систему чинов — боцзиле, которые он жаловал членам своего дома. Эта система состояла из 10 рангов [ЦШ, цз. 55]. Однако перечень и порядок рангов изложен в источнике весьма сбивчиво. В. П. Васильев предложил следующий ряд должностей-титулов в их маньчжурском звучании (мы помещаем их в скобках): дубоцзиле (да бэйлэ), аньбань боцзиле (амбань бэйлэ), голунь хулу боцзиле (гурунь ухэри бэйлэ), голунь боцзиле (гурунь бэйлэ), иши боцзиле (йенши бэйлэ), хулу боцзиле (ухэри бэйлэ)⁵, илай боцзиле (илаци бэйлэ), амай боцзиле (аймань бэйлэ), ашэ боцзиле (асхань бэйлэ), у боцзиле (вэнь бэйлэ), де боцзиле (дэту бэйлэ) [Васильев, 1859, стр. 118—119].

Так как китайская транскрипция скрывает забытые значимые чжурчжэньские термины, выяснить значение и восстановить первоначальный порядок этих титулов трудно. Пользуясь известным или вероятным значением некоторых слов, входящих в звания, японские авторы предлагают следующий порядок титулов и раскрытие их значения [Тёсэн Мансю си, 1938, стр. 377—378]:

- 1) дубоцзиле — главный вождь;
- 2) аньбань боцзиле — большой вождь;
- 3) голунь хулу боцзиле — благородный предводитель и вождь;
- 4) голунь цзо боцзиле — левый благородный вождь;
- 5) голунь иши боцзиле — правый благородный вождь;
- 6) голунь амай боцзиле — 1-й благородный вождь;
- 7) голунь цзэ боцзиле — 2-й благородный вождь;
- 8) голунь илай боцзиле — 3-й благородный вождь;
- 9) голунь де боцзиле — 4-й благородный вождь;
- 10) ашэ боцзиле — младший вождь.

Очевидно, что первые три чина даны в убывающей последовательности старшинства, но соотношение остальных неясно. Если судить по положению членов правящего дома, назначенных на эти посты, то похоже, что убывающая последовательность выдержана до конца. Но эти десять титулов

⁵ Два предшествующих звания В. П. Васильев, вероятно, имел склонность объединить в одно, опуская слово «бэйлэ».

не существовали одновременно, они были созданы в разное время. Как бы то ни было, эти десять рангов были системой чинов центрального управления. Носители этих титулов составляли окружение императора, были членами его рода, участвовали в управлении.

Но по своей сущности носители званий боцзиле принадлежали не столько к служилому сословию, сколько к титулованной племенной знати и военачальникам, мало знакомым с административной деятельностью. Поэтому уже при завоевании Ляодуна чжурчжэни вынуждены были сохранять на прежних местах старых чиновников, признавших их власть. В 1130 г. «Тай-цзун пожаловал сунским и ляоским чиновникам грамоты на следующие (в порядке производства) чины их государств» [ЦШ, цз. 3, стр. 32].

Район Яньцзина со времен Ляо, а может быть и раньше, испытал чужеземное управление, и его служилое сословие имело опыт службы у победителей. Поэтому чжурчжэни широко использовали яньцев в центральных и периферийных органах.

Изменилась и исконно чжурчжэньская система: в 1132—1134 гг. была ликвидирована чжурчжэньская система боцзиле. В 1137 г. опубликован новый табель о рангах. Вводилось девять рангов от 1-го (старшего) до 9-го (младшего), причем каждый делился на два: полный действительный и неполный (при обозначении рангов слово неполный мы опускаем). Всем должностям соответствовали определенные ранги, которые распространялись на гражданских, военных и придворных чиновников.

Около 1140 г. на важные административные посты стали назначать чжурчжэней. Это объясняется тем, что чжурчжэни уже стали достаточно образованными и подготовленными, научились приемам китайского делопроизводства. Однако, когда в 1147 г. «[Ваньянь] Цзунсянь... представил императору, что начальников округов и уездов надлежит определять из природных чжурчжэней, император ответил: „Все подданные империи — мои дети и слуги... Отныне используйте людей всех народов нашей империи, учитывая только их способности“» [ЦШ, цз. 4, стр. 38].

Бурная деятельность Хай-лин-вана выразилась не столько в реформах собственно чиновничьей системы, сколько в изменениях сословно-социального состава самих чиновничьих кадров. С этой целью Хай-лин-ван провел ревизию грамот на чин и лишил ряд вельмож званий, а многих понизил в ранге. Сама реформа государственного аппарата преследовала изменение штатов.

Еще в момент образования государства губерния Верхней столицы (Шанцзин) — исконное местопребывание чжурчжэ-

ней — была разделена на несколько административных районов. Во главе их были поставлены «десятитысячники» (ваньху), объединявшие в своих руках военные и гражданские функции. Хай-лин-ван, опасаясь оппозиции старой знати в Шанцзине, упразднил в 1151 г. должность ваньху и поставил эти районы под контроль цзедуши, назначаемых из центра [Mikami, 1972, стр. 440—450].

В 1156 г. Хай-лин-ван провел реформу, затронувшую и табель о рангах. Она ставила задачей передать всю власть в руки Хай-лин-вана, лишив власти чжурчжэньских вельмож, господствовавших в старых учреждениях.

В новые учреждения были назначены верные чиновники взамен аристократов-чжурчжэней. В 1161 г. уже Ши-цзун провел ревизию чиновников, причем всех служащих разделили на 3 разряда, по которым и производились повышения и понижения [ЦШ, цз. 6].

С третьей четверти XII в. правительство уже не предпринимало крупных реформ чиновничьего аппарата, если не считать увольнения китайских и киданьских чиновников из некоторых учреждений, как, например, из Коллегии государственной истории, проведенного Чжан-цзуном в 1190 и 1199 гг.

Проблема национального состава цзиньского чиновничества — одна из узловых для понимания характера аппарата управления империи (табл. 9, 10) [Иминдзоку..., 1943, стр. 107—112].

В таблице 9 раскрываем графу «нечжурчжэни» таблицы 4.

Таблица 9

Доля участия нечжурчжэньских чиновников в главных правительственных и административных учреждениях, %

Народности Императоры	Учреждения											Итого по царствованию	
	Государственный совет			Министерства			Цензорат			Комиссариат и ведомства			
	Бохайцы	Кидани	Китайцы	Бохайцы	Кидани	Китайцы	Бохайцы	Кидани	Китайцы	Бохайцы	Кидани		Китайцы
Си-цзун . . .	5	10	15	5	—	39	—	—	—	Разбивка по царствованиям не известна			33
Хай-лин-ван . .	7	18	39	—	23	42	17	17	32				65
Ши-цзун . . .	3	6	34	13	8	45	11	11	34				58
Чжан-цзун . .	—	4	34	—	3	77	—	13	25				57
Вэй-шао-ван — Сюань-цзун	—	—	37	—	2	54	—	—	41				46
В среднем по ведомству . .	3	8	32	5	8	50	5	8	24	12			

Национальный состав чиновников и служащих министерств, %

Штат Националь- ная принад- лежность	Министерства											
	чинов		финансов		церемо- ний		военное		юстиции		общест- венных ра- бот	
	чиновники	служащие	чиновники	служащие	чиновники	служащие	чиновники	служащие	чиновники	служащие	чиновники	служащие
Чжурчжэньский императорский клан	13	—	3	—	6	—	38	—	15	—	12	—
Прочие чжурчжэ- ни	28	42	11	24	11	33	31	44	30	43	38	25
Бохайцы	4	—	8	—	8	—	—	—	3	—	—	—
Кидани	6	—	3	—	11	—	14	—	12	—	4	—
Китайцы	49	58	75	76	64	67	17	56	40	57	46	75
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Нечжурчжэньские чиновники в Государственном совете и в Цензурате занимали второстепенные должности. В министерствах, где требовались административные навыки, китайцы в среднем составляли 50%. Особенно много их было в министерстве финансов и церемоний и значительно меньше в военном министерстве.

Число мелких служащих в местных учреждениях зависело от разных причин. Лишь в гражданских губернаторствах губерний и наместничествах столиц число их было постоянным. Число чжурчжэней-служащих определялось штатом, а число служащих-китайцев колебалось в зависимости от числа дворов в губернии. В целом служащих-китайцев (653) было в 3 с лишним раза больше, чем чжурчжэней (200). Что касается служащих окружных, уездных, городских управлений, судебных, исполнительных, храмовых, конфуцианских учреждений, то, когда открывалась вакансия, приказывали начальникам областей и уездов выбирать и присылать человека. После 10 лет беспорочной службы им давали должности не выше начальника низшего уезда [ЦЧ].

Только чжурчжэни назначались на должности глав мэнъянь и моукэ (и лишь изредка допускались кидани), где они ведали военным делом, а также в удельное управление, которое ведало хозяйством и следило за отношениями в сре-

де членов царского рода, в главное поисковое и заготовительное дворцовое ведомство, осуществлявшее общее руководство гвардией, пограничной стражей, китайскими отрядами.

Численность чиновников Цзинь не могла оставаться неизменной (табл. 11).

Т а б л и ц а 11

Чиновничий аппарат Цзинь

Год	Национальная принадлежность	Чиновники*	Население**	Население на одного чиновника
1188	Без разбивки	19 700	44 705 080	2777
1193	Без разбивки	11 499	48 490 400	4217
	В том числе			
	чжурчжэни	4 705	6 158 636***	1309
	китайцы	6 794	42 331 764****	6225
1207	Без разбивки	47 000	45 816 079	975

* ЦШ, цз. 55.

** ЦШ, цз. 46.

*** Цифры 1183 г.

**** Ориентировочная цифра за вычетом чжурчжэней.

В таблице 11 отражен рост чиновничьего аппарата, нарушаемый лишь резким (более чем на 40%) уменьшением штатов за пятилетие (1188—1193), по-видимому, за счет вытеснения из них китайцев и особенно киданей при Чжан-цзуне. За 20 лет (с 1188 г.) общее число чиновников возросло почти в 2,5 раза, а за 15 лет (с 1193 г.) — более чем в 4 раза. Интересно, что в 1193 г. на одного чиновника-чжурчжэня приходилось почти в 5 раз меньшее число его неслужащих сородичей, чем на одного чиновника-китайца, тогда как в целом чиновники-чжурчжэни составляли 43% всех служащих.

Первоначально назначение чиновников основывалось на трех положениях: 1) на экзаменационно-конкурсной системе; 2) на законе о преемственности, по которому прежние чиновники Сун и Ляо, если они не выступали против Цзинь, автоматически становились чиновниками Цзинь, получая должность, соответствующую прежней; 3) на насильственном назначении на посты сунских чиновников, по тем или иным причинам приехавших в Цзинь. Позднее к этим положениям прибавилось право передачи должности сыну по наследству, по рекомендации.

Категория китайских магистров — кандидатов на должности (цзиньши) была главной силой всей китайской бюрократии. Продвижение очень зависело от наличия у чиновников этого звания.

Чжурчжэни проводили тонкое различие между китайцами, жившими к югу от Хуанхэ («южанами») и к северу («ханьцами»), последние в течение столетий имели дело с иноземными династиями. Ши-цзун говорил: «Южане грубы и прямодушны, ханьцы по натуре вероломны и, когда приходит время действовать, часто избегают трудностей. В иные времена южане не учились „стансам и одам“ (сяфу — предметам экзаменовки.— М. В.), поэтому было мало людей со степенью чжунди. Ныне среди шаньдунцев и хэнаньцев много людей со степенью чжунди. Вот-вот возьмут верх над ханьцами, как чиновники» [ЦШ, цз. 97, стр. 613].

Экзаменационная система по-разному влияла на назначение китайцев и чжурчжэней. Она вступила в действие в 1127 г. и вначале не касалась чжурчжэней. Раз в три года — в 1129, 1132, 1135 гг. — проводились отдельные (отборочные) экзамены: северный набор — среди кандидатов на бывших ляоских землях по ляоской программе, южный набор — среди кандидатов на бывших сунских землях по сунской системе [Mikami, 1973, стр. 268—312].

В 1135 г. экзамены были разделены на высшие и низшие. В 1138 г. учреждены трехстепенные экзамены: в округах, областях и в губерниях. Хай-лин-ван объединил северный и южный наборы, но упразднил экзамены по классикам, изучение которых угрожало его положению узурпатора. Кроме того, он ввел придворные экзамены. В 1188 г. были восстановлены упраздненные экзамены на высшую степень, а в 1189 г. — на низшую. В 1190—1196 гг. введены новые экзамены, а экзамены в округах отменены.

Первоначально назначение чжурчжэней на административные посты производилось по императорскому указу или по приказу высших сановников и военачальников. Такие посты раздавали, как правило, за заслуги перед государством самого кандидата или его фамилии. Хотя многие чжурчжэни сумели получить образование, широкие слои членов мэнъянь и моукэ не могли принимать участия в конкурсах, так как не имели достаточной подготовки. Только после того как в 1151 г. был открыт чжурчжэньский университет, в 1156 г. в Средней, Верхней, Северной и Западной столицах, в Сяньпине и Иду для чжурчжэней — учащихся школ были организованы экзамены. Наконец, в 1171 г. ввели степень чжурчжэньских магистров (цзиньши).

Мелкие служащие из числа чжурчжэней попадали в чи-

новники, минуя конкурсные экзамены. Это находилось в резком противоречии с китайской экзаменационной системой как единственным путем продвижения в чиновники.

Служащие-чиновники получали вознаграждение деньгами и натурой, не считая особых наделов, которые выдавались некоторым категориям чиновников в размере, зависящем от ранга и должности и строго зарегистрированным специальным положением [ЦШ, цз. 58]. Приводим для примера оклады типичных чиновников: высшего — 1-й ранг и низшего — 9-й ранг (табл. 12).

Поскольку чиновничество являлось почти единственным проводником всей государственной политики Цзинь в мирное и отчасти в военное время, оно занимало в жизни страны, как и традиционно в Китае, важнейшее место. Столь же традиционно чиновникам предъявлялись повышенные требования, отразившиеся в кодексах в виде более тяжелых наказаний, выпадающих на их долю, по сравнению с рядовым населением за сходные проступки. Даже император Хай-лин-ван — первый чиновник в государстве — в ответ на косвенный упрек в нерадении вынужден был дать пространное объяснение. Ссылаясь на «Шу цзин», в котором губителями государства назывались императоры, безмерно предающиеся сладострастию, пьянству, охоте, музыке и строительству, император с пафосом отмежевывается от этих пороков, говоря: «Даже когда я болен, я всегда решаю государственные дела, представленные мне... Осмелится ли мой министр по своему произволу дать кому-либо должность? Дерзнет ли мой чиновник получить взятку?» [ЦШ, цз. 5; Розов, л. 146].

О требованиях, предъявляемых к чиновникам, а также о реальной обстановке дают представление императорские обращения и указы. В 1150 г. император Хай-лин-ван издал манифест, состоявший из семи статей, в котором «убеждал чиновников быть внимательными к должностям и заботиться о земледелии, тщательно соразмерять награды и наказания, выявлять добрые качества людей низшего сословия и докладывать о них, оказывать милости бедным, бережно расходовать казенные средства и ценить способности мелких служащих» [ЦШ, цз. 5, стр. 41]. Увещевание, очевидно, оказалось малоуспешным, так как уже в следующем году император снова упрекал чиновников в том, что из-за беспечности и пренебрежения своими обязанностями в присутственных местах скопилось много неразобранных дел, что чиновники покрывают служебные преступления своих коллег, что они не хранят служебных тайн.

Ши-цзун вынужден был бороться со взяточничеством, увольняя и исключая из списков чиновников виновного, невзирая на звание. Сведениями о корыстолюбии, безделье, ха-

Жалование чиновникам, придворным, служащим

Вид довольствия	Обычные чиновники, в месяц		Придворные дамы, в год		Жены императора и его наложницы, в год		Служащие, в месяц	
	1-й ранг	9-й ранг	1-й ранг	9-й ранг	Импе- ратрица	Налож- ница	Макси- мум	Мини- мум
Деньги } Просо }	300 свя- зок или даней *	10 связок или даней *	8000 связок	250 связок	20 000 связок	5000 связок	17 связок или даней *	3 связки или даней *
Закваска**	50 даней	—	—	—	—	—	—	—
Рис	50 »	—	—	—	—	—	—	—
Пшеница	50 »	—	—	—	—	—	—	—
Редкий шелк	50 шт.***	—	—	—	—	—	—	—
Узорчатый шелк	50 » ***	—	—	—	200 шт.	50 шт.	—	—
Плотный шелк	400 » ***	2 шт.	500 шт.	26 шт.	1000 »	200 »	8 шт.	—
Подношения шелком	—	—	100 »	10 »	—	—	—	—
Вата	1000 лянов	10 лянов	5000 лянов	100 лянов	5000 лянов	2000 лянов	40 лянов	—

* Оклад чиновников в источнике представлен в натурально-денежном выражении, при этом каждый дань проса оценивался номинально в одну связку.

** Китайские универсальные дрожжи (цзю цзы): дрожжевая закваска для теста, солода, пива и вина.

*** 50 шт. редкого и 200 шт. плотного шелка на весеннюю одежду и 50 шт. узорчатого и 200 шт. плотного шелка на одежду осеннюю, т. е. выдачи шелком, видимо, годовые.

латности, низкопоклонстве чиновников пестрят страницы «Цзинь ши».

Цзиньская система управления прошла долгий и сложный путь развития от племенных чжурчжэньских боцзиле, совмещавших в себе функции учреждения и служащего, до сложного многоотраслевого центрального и местного аппарата управления, единого для всей империи, но учитывающего как национальный состав подопечных, так и политическую обстановку, и приводимого в движение мощным сословием чиновничества — чжурчжэньского, бохайского, сунского, киданьского.

Несмотря на то что на первый взгляд вся система выглядит смонтированной из иноземных элементов — китайских (сунских и танских) и киданьских, внимательное изучение обнаружило оригинальность государственного мышления в построении всего аппарата в целом и даже в самой монтировке чужеродных элементов. На административном поприще чжурчжэни одерживали не менее крупные победы, чем на поле брани. И хотя успехи в управлении не бросались в глаза, они, пожалуй, имели более важное и длительное влияние на судьбу страны. По мере роста их империи чжурчжэни быстро поняли значение форм, которые принимает управление и угнетение, для самих управляемых, особенно, если те принадлежат к иной народности, и, следовательно, в конечном итоге для эффективности и стабильности самого управления в государстве.

Испробовав прямое военное господство и власть военных общин как орудий для управления китайцами, чжурчжэни быстро перешли к привычным для китайцев формам. Однако они великолепно использовали эти формы в своих интересах. Прежние китайские чиновники новых административных районов продолжали управлять населением. Но над ними господствовал центральный аппарат — аппарат, в котором китайцы, правда, тоже занимали много, иногда большинство, постов, но это уже были чисто служилые бюрократы, зависящие от династии в целом и от возглавлявших министерства и ведомства чжурчжэней в частности. Специальные контрольные органы из чжурчжэней — цензорат, прокуратура и др. — обеспечивали порядок в этой системе. Управления солдатами и конями (бинма сы) с подчиненными им войсковыми частями во всех губерниях всегда были готовы пресечь открытое сопротивление отдельных чиновников и населения. В особо беспокойных местах создавались пограничные и сторожевые округа, верховные комиссариаты и воеводства, находившиеся на особом режиме.

Для подавления неорганизованного сопротивления существовали патрульные отряды и полицейские органы. Однако

главным звеном всей этой системы, несомненно, являлись чжурчжэньские общины мэнъянь и моукэ. Расселенные в гуще китайского населения, подчиненные непосредственно высшим местным властям — губернаторствам и управлению солдатами и конями, они служили той живой 10-процентной прослойкой, которая на месте — в деревнях и уездах — блокировала малейшее проявление недовольства.

Не удивительно, что такая хитроумная организация, частично предвосхищенная еще киданями, но в основном изобретенная чжурчжэнями, уже одной своей формальной структурой могла привлечь и использовать массу китайских служилых людей. Но этим не ограничивались ее достоинства. Чжурчжэни сумели вдохнуть в нее идею общегосударственной пользы. При всем своеобразии административного положения мэнъянь и моукэ вся система управления отнюдь не выглядела простым орудием угнетения китайцев в интересах чжурчжэней. Чжурчжэни успешно внушали мысль, что они не инородное тело в китайской среде, а часть общеимперского организма, в деятельности которого они активно и плодотворно участвуют, что их привилегии носят ограниченный характер, не нарушая общего принципа — равенства всех перед лицом государства. Эффективность системы управления Цзинь оценивается по основному результату — достижению порядка и стабильности в государстве. Как мы видели на материале предыдущей главы, антиправительственные выступления в мирное время носили единичный и локальный характер. Крупные волнения происходили лишь в период и в местах военных действий, но и они не были достаточно сильны, чтобы повлиять на исход войны или отразиться на стабильности власти. Неуклонное ослабление административного аппарата по мере наступления монголов очевидно, но это никак не меняет нашего мнения о его прочности, так как по своей гражданской природе он беззащитен перед военным давлением.

ПРАВО

После провозглашения империи Цзинь среди чжурчжэней продолжали бытовать нормы обычного права. Почти все отношения между согражданами, кроме преступлений против жизни и собственности (а в ряде случаев и они), отдавались в ведение обычного права. Вот почему государственное право в Цзинь часто сводилось к праву уголовному [Воробьев, 1967].

Гражданские (даже земельные) отношения не получили в праве детальной разработки. Это не значит, разумеется,

что подобные отношения никак не регламентировались государством, просто уровень этой регламентации не поднимался до понятия кодекса, оставался на стадии отдельных указов и постановлений, объявляемых по мере надобности от имени императора или заинтересованных ведомств.

Переход к государственному праву был связан с ломкой прежнего правосознания, для которого понятия самосуда, кровной мести и пени были совершенно естественны, и с формированием воззрения на преступление и на наказание как на явления общественные и государственные. В Цзинь, как и в сунском Китае, обычное право допускало наказание, осуществляемое частным лицом: выражением этого была личная месть.

В государстве Цзинь право на месть не было закреплено законом, но существовало де-факто. Так, источники рассказывают о переселении убийц в другие места из-за боязни мести. Стремление избежать мщения породило и поддерживало обычай выкупа. Однако в законах Цзинь он уже представлен в виде права откупиться от наказания за непредумышленное убийство или членовредительство. Но этот выкуп поступал в семью потерпевшего. Другая разновидность самосуда — это право родителей, мужа, хозяина наказывать детей, жену, раба.

После провозглашения государства сразу же появилась потребность в создании новых, фиксированных законов и в их упорядочении. Уже в 1117 г. вышел указ, где говорилось: «Надлежит учредить комиссию для составления законов и сочинения указов, выбрав для этого людей ученых. Поэтому чиновники на местах, после отыскания людей сведущих и способных, должны отправлять таковых в столицу» [ЦШ, цз. 2, стр. 24]. Но выработка кодекса затянулась, и лишь в 1145 г. вышли «Новые положения периода правления под девизом Хуан-тун», состоявшие более чем из тысячи статей [ЦШ, цз. 12]. Эти положения включали некоторые законы Суй, Тан, Ляо, Сун и относились к категории кодексов китайского типа. Но как в кодексе периода правления под девизом Хуан-тун (1141—1148), так и позднее, в кодексах периода правления под девизом Чжэн-лун (1156—1160) и Да-дин (1161—1189), еще мало элементов китайского правопорядка.

В 1179 г. киданьскому вельможе приказано было пересмотреть кодекс, и в 1182 г. вышел исправленный вариант, включающий 1190 статей. Согласно новому кодексу за кражу на сумму свыше 40 связок монет полагалась смертная казнь. В кодексе упоминались и материальные кары: штрафы и конфискация имущества. Идея пеней — специфика чжурчжэньского права — еще оказывала влияние на кодекс годов Да-дин.

Создание кодексов периодов правления под девизами Мин-чан (1190—1195) и Тай-хэ (1201—1208) приходится уже на время подъема юридической мысли в государстве Цзинь, а также роста влияния китайской культуры. Подготовительные мероприятия для создания кодекса периода правления под девизом Тай-хэ, несомненно являющегося вершиной юридической мысли чжурчжэньской империи, развернулись с 1190 г. В 1192 г. был составлен новый кодекс, но в 1194 г. он подвергся дальнейшему редактированию. В 1194 г. этот труд под названием «Законы годов правления под девизом Мин-чан с комментарием» был представлен императору, но не опубликован, а подвергся новому пересмотру. В результате в 1201—1202 гг. появился кодекс, именуемый в «Цзинь ши» «подлинно танским». Кодекс состоял из 30 глав (цзюаней) и 563 статей и, действительно, во многом напоминал «Тан люй шуи». Статьи сгруппированы в 12 разделов: 1. Основные законы. 2. Дворцовое уложение. 3. Должностные установления. 4. Дворы и браки. 5. Императорские конюшни и казна. 6. Узурпация. 7. Разбой и воровство. 8. Драка и клевета. 9. Мошенничество. 10. Разные законы. 11. Розыск и поимка беглецов. 12. Предварительное заключение и приговор.

Этот кодекс стал итоговым для эпохи Цзинь и в дальнейшем не подвергался пересмотру. В него вносились лишь небольшие дополнения. До нашего времени кодекс сохранился в виде фрагментов, рассеянных в разных местах «Цзинь ши». Об этом не следует забывать, рассматривая основы цзиньского права на материале этого кодекса (1201—1202 гг.).

Основным принципом кодекса 1201—1202 гг. было утверждение идеи законности наказания. В ряде постановлений мы встречаем фразы, развивающие эту мысль: «Когда чье-либо преступление обнаружишь, открой тяжесть и выясни легкость» [Niida, 1959, стр. 486].

При установлении состава преступления кодекс и суд определяли факт совершения преступления, характер подсудности обвиняемого, разряд преступления: обычные, особо важные («десять смертных грехов») и т. д. Цзиньское законодательство вслед за китайским уделяло много внимания особо важным преступлениям. В Китае издавна преступления против основных правил государственной жизни и общественной морали назывались «десятью смертными грехами», за которые полагались тяжелые наказания и при которых исключалась возможность императорского помилования, смягчения наказания, учета личных или служебных заслуг, тяжелого материального положения. «Десять смертных грехов» по цзиньскому и танскому кодексам включали: 1) измену, 2) бунт (разрушение императорских храмов, мавзолеев, двор-

цов), 3) заговор, 4) убийство старших или родителей, 5) убийство трех невиновных, 6) оскорбление величества (кража вещей и печати государя, приготовление плохого кушания или лекарства), 7) несоблюдение правил сыновнего пиетета (оскорбление родителей бранью, отказ в содержании, ложное объявление об их смерти, нарушение траура), 8) раздор, покушение на убийство или продажу в рабство старших родителей, оклеветание мужа женой, 9) умерщвление своего начальника или учителя, 10) кровосмешение [Niida, 1959, стр. 499]. В этих случаях установление факта покушения или умысла приравнивались к совершению этих деяний. Когда в 1220 г. врачи прописали внуку императора лекарство, от которого пациент умер, они были приговорены к смертной казни, замененной впоследствии палками. Их проступок рассматривался, вероятно, не как простое убийство по неосторожности или непредумышленное, а как совершение шестого из «десяти смертных грехов» [ЦШ, цз. 16]. Приговоры за эти преступления приводились в исполнение в любое время года (кроме наказаний за покушение на убийство или убийство кого-либо из старших родственников), тогда как обычно по религиозным соображениям смертная казнь не производилась с начала весны (4—5-й дни 2-й луны) и по день осеннего равноденствия (10-й день 9-й луны). Кроме этих преступлений к тяжелым относились все преступления против дедов и родителей или против господина. Рабу за убийство господина отрубали голову, виновного в изнасиловании замужней женщины удушали и т. п.

Согласно цзиньскому законодательству наказывали и за другие преступления против личности. Так, еще в 1125 г. Тай-цзун обнародовал указ следующего содержания: «Сильные дома не должны покупать бедняков как рабов. С того, кто купит насильно, за одного человека брать 15; с того, кто купит обманом, за одного — брать двоих. Сверх того [таким покупателям давать] по 100 палок» [ЦШ, цз. 3, стр. 30]. Отсутствие упоминания о наказании для продавца свидетельствует о том, что в указе речь идет не о торговле рабами, как таковой, а о порабощении свободных — за долги и пр., т. е. о кабальном рабстве, в котором в качестве «продавца» выступали сами «бедняки». В указе косвенно признается их право на самопродажу и назначается кара лишь за порабощение «без согласия».

Цзиньское право учитывало условия и мотивы совершения преступления, и в некоторых случаях очень детально. Так, перечислено несколько вариантов убийства: с заранее обдуманными намерениями, умышленное с целью ограбления, непреднамеренное, случайное, во время драки, в ходе поединка. Сюда не включены случаи убийства лиц опреде-

лённой категории: посла, мужа женой, господина рабом и т. д.

При разборе дел, связанных с воровством, учитывались характер и стоимость похищенного. Кража официальных документов и печатей, оружия, буддийской и ритуальной утвари и изображений, дворцового имущества (классические китайские «шесть краж») стоимостью в связку монет каралась тремя годами каторги. Кража такого имущества стоимостью в 10 связок монет или грабеж с членовредительством карались удушением, а грабеж с убийством — обезглавливанием.

За простое воровство согласно существующей шкале наказывали в зависимости от стоимости похищенного. Если стоимость похищенного составляла одну связку, давали 60 палок, две связки — 70 палок, 3—10 связок — год каторги, 11—20 связок — два года каторги, 21—100 связок — пять лет каторги [Niida, 1959, стр. 512]. За некоторые виды воровства наказывали по традиции очень строго. Еще в третьей четверти XII в. за конокрадство в табуне полагалась смертная казнь, а донесшему — награда в 300 монет [ЦШ, цз. 6].

При определении меры наказания суд учитывал стадию, на которой раскрыто преступление: замысел, приготовление, создание шайки, покушение, совершение преступления. Столь же детально определялась степень участия обвиняемого в совершенном преступлении — был ли он организатором, подстрекателем, исполнителем, наконец, выявлялось наличие или отсутствие умысла.

В коллективных преступлениях законодатель выделял главаря, исполнителя и простых соучастников, последние наказывались степенью ниже, хотя в отдельных случаях предусматривалось равное наказание всех участников, например за убийство мужа, посла. При совершении убийства исполнителю (и главарю, если он непосредственно участвовал в убийстве) отрубали голову, рядовых соучастников приговаривали к удушению, члены шайки, замешанные в деле, но не убивавшие сами, получали по 5 лет каторги.

Цзиньское право обычно уголовную ответственность распространяло лишь на непосредственного виновника, но при совершении особо тяжких государственных преступлений предусматривало коллективную ответственность по китайскому образцу. К таким преступлениям относились мятежи. В этом случае родители, дети, жена, братья, дядя и племянники рассматривались как невольные соучастники.

В кодексе перечисленыотягающие и смягчающие вину обстоятельства. К первым относились: организация шайки, рецидив, совершение нескольких преступлений одновременно. Ко вторым — юный или преклонный возраст, тяжелая болезнь или увечье виновного, явка его с повинной.

Организация шайки считалась отягчающим вину обстоятельством прежде всего для главаря и по-разному, в зависимости от характера преступления, отражалась на размере наказания. Рецидив рассматривался как более тяжелый проступок. Совершение нескольких преступлений одновременно (двух и более) влекло за собой не суммирование наказаний, а поглощение более легких наказаний более тяжелым.

Хотя теоретически право определять наказания закреплялось за судом или по крайней мере за государственными учреждениями (некоторые из них имели право сами назначать наказания), практически в порядке осуществления обычного права целые категории населения пользовались ограниченными правами на наказание: хозяева — в отношении рабов, родители — в применении к детям, мужья — в отношении жен. Закон даже освящал это право, определяя его границы. Но об этом, равно как и о пережитках мести, специфическом значении выкупа, мы говорили выше.

Наказания, назначенные по суду, делились на обычные и особые. Все это понятия древнего китайского уголовного права. Обычные наказания назначались рядовому населению, повинному в преступлениях, особые — только некоторым категориям виновных.

Обычные наказания были пяти родов: батоги пяти степеней — от 10 до 50, палки пяти степеней — от 60 до 100; каторга семи степеней — от одного года до пяти лет; ссылка трех степеней — за 2—3 тыс. ли (1—1,5 тыс. км), смертная казнь двух родов — удушение и обезглавливание. Четвертование, зафиксированное в кодексах Ляо и Юань, отсутствует в кодексе Цзинь, хотя фактически иногда применялось (например, при Хай-лин-ване). Хотя перечень наказаний почти не изменился с начала XII в., когда чжурчжэни еще не создали своей империи, но теперь наказания были приведены в систему. Палки и батоги назначались в строго установленном количестве как самостоятельное наказание за мелкие проступки (бродяжничество, избиение младших родственников старшими и т. п.) и в качестве дополнительной кары (от 60 до 200 палок) при присуждении каторжных работ. Сперва каторга была пяти степеней — на пять лет (и 200 палок), на четыре года (и 180 палок), на три года (и 160 палок), на два года (и 140 палок), на один год (и 120 палок), но впоследствии по кодексу 1201—1202 гг. пятистепенная система каторжных работ была изменена на семистепенную (пять лет, четыре года, три, два с половиной, два, полтора года, один год). Кроме того, в Цзинь, как и в Ляо, существовала бессрочная каторга и клеймение. Опасных каторжников заковывали в две пары кандалов — ручные и ножные, менее опасных — только в ножные. По отбытии срока каторги и

ссылки сохранялось поражение в правах. Ссылка могла распространяться на самого виновного (например, в изнасиловании незамужней женщины или в служебных проступках), но чаще применялась к семьям опасных или государственных преступников.

Тюремное заключение как мера наказания отсутствовало. Описанные в источниках темницы (ямы) служили для предварительного заключения, которое, по-видимому, могло быть длительным. Так, летопись сообщает, что в 1166 г. «в Дасин опустела городская темница. Император в награду за это повелел градоначальнику отпустить 300 связок монет на угощение всех служащих [ЦШ, цз. 6, стр. 53]. Из этого текста можно сделать вывод, что такие темницы чаще были переполнены.

Важную роль играли материальные кары. В отличие от танского кодекса ставка выкупа медью при Цзинь была удвоена (от 2 до 240 цзиней против прежних 1—120 цзиней). По-видимому, это произошло не без влияния собственной чжурчжэньской системы пеней, но, возможно, дело идет о приведении этой ставки в соответствие с изменившимися ценами. В отличие от старой системы пеней по кодексу эта пеня отнюдь не всегда вручалась потерпевшему. Часто случалось, что правительственные органы проявляли к пене повышенный интерес, рассматривая ее как источник дохода. Тогда по всей стране рассылались распоряжения о замене наказаний «налогами» (по-видимому, для малоимущих, которые не могли уплатить обычную пеню). В одном случае под такую замену подпало свыше тысячи человек [ЦШ, цз. 105]. Такой же цели служили конфискации. Порядок назначения и размер их известны плохо. В 1118 г., когда знать Восточной столицы пыталась отложиться, Тай-цзу конфисковал половину имущества виновных.

Особые наказания выносились чиновникам, буддийским и даоским священникам. Как и при Тан, чиновники, совершившие один из «десяти смертных грехов», замешанные в мятеже, виновные в воровстве, разврате, взяточничестве, совершенных в служебных помещениях или с использованием служебного положения, независимо от наказания по суду исключались из списков чиновников и заносились в списки простонародья, даже если получали прощение. На взяточников по указу 1162 г. не распространялась и амнистия [ЦШ, цз. 6]. Если чиновники совершали неслужебные преступления, то чиновников 5-го ранга и выше отправляли на каторгу на два года, а чиновников 9-го ранга и выше — на год. Если они совершали серьезное антиобщественное преступление, чиновники 5-го ранга и выше приговаривались к каторге на три года, а 9-го ранга и выше — на два года. Если про-

ступок был легким, а чиновник богатым, ему разрешалось откупиться от наказания. Бедному чиновнику, нарушившему закон, тоже разрешалось заменять наказание пеней — именно по причине его бедности (и необходимости кормить семью).

Тут мы подходим к важной особенности цзиньского правосознания — к праву на смягчение наказания и на помилование. Именно в этом вопросе наиболее ярко проявились моральные и социальные взгляды той эпохи. Правом на смягчение и снятие наказаний пользовались: 1) старики, дети, инвалиды, тяжелобольные, 2) чиновники и члены их семей, 3) лица, относящиеся к одной из восьми категорий, дающих право на помилование («ба-и»), 4) явившиеся с повинной.

Кодексы освобождали от наказаний лиц старше 90 лет и моложе 7 лет (кроме преступлений, по которым предусматривалась ответственность за невольное соучастие). Лица старше 70 и моложе 15 лет, больные, приговоренные к ссылке, имели право внести выкуп. Убийцы старше 80 и моложе 10 лет, больные неизлечимыми болезнями имели право просить императора о снисхождении, а виновные в воровстве и членовредительстве — вносить выкуп [Niida, 1959, стр. 440].

В целом цзиньские кодексы усвоили китайскую идею о том, что чиновник должен быть образцом для рядового населения и отвечать за свои проступки строже, чем простолюдин. Эта идея воплотилась в соответствующих законоположениях. Однако, не говоря уже о судебной практике, кодекс признавал широкие права на смягчение наказания для чиновника.

Третья категория очень своеобразна. В Цзинь применялась танская система «ба-и», т. е. восьми категорий лиц, имеющих право на смягчение наказания. К ним относились: 1) родственники императора или императрицы, 2) лично близкие к государю люди, 3) лица добродетельного и примерного поведения, 4) имеющие особые военные и гражданские таланты, 5) лица, за которыми числятся блистательные заслуги и геройские дела, 6) сановники 3-й степени и выше, 7) усердные и трудолюбивые чиновники, 8) лица, принадлежащие к потомкам предшествующей династии или к близким родственникам императора или императрицы. Если лица, принадлежащие к одной из восьми перечисленных категорий, совершали преступления, не относящиеся к числу «десяти смертных грехов», они имели право на «представление» о принадлежности к «ба-и» и на смягчение наказания на одну степень, начиная со ссылки. Близкие родичи тех, кто относился к категории «ба-и», чиновники и их родственники пользовались тем же правом, которое именовалось правом «на прошение», т. е. правом просить о снижении наказания,

о внесении пени взамен наказания. Частным случаем системы «ба-и» являлась выдача своеобразных индульгенций, или «железных грамот», освобождающих их владельцев от наказаний за легкие преступления и от смертной казни за тяжелое преступление. В «Цзинь ши» перечисляются 14 случаев пожалований таких грамот [см. КСГИСС, 1962, стр. 1610]. Так, в 1125 г. Лэуши захватил в плен государя Ляо. «Император пожаловал за это Лэуши грамоту, в которой было сказано, что за преступления, караемые смертью, Лэуши бить только палками, другие же преступления ему прощаются» [ЦШ, цз. 3; Розов, л. 81].

По цзиньским и танским законам преступник, если он являлся с повинной до обнаружения преступления, в ряде случаев получал прощение, так как явка с повинной считалась признаком раскаяния и исправления. Даже если преступник заявлял о своей вине не лично, а через посредника или разрешал кому-либо открыть его убежище, он приравнивался к явившемуся с повинной. Это правило не распространялось на рабов, прелюбодействующих со свободными женщинами, а также на людей, вступивших в брак в период траура по дедам, родителям, мужьям.

Если первая и последняя категории пользовались правом на помилование по соображениям нравственным, в какой-то мере применимым ко всем, то вторая и третья (наиболее четко оформленные и важные) составлены по сословному признаку. Они включали в себя членов императорского рода, высших придворных и военных сановников, а также служилое чиновничество, т. е. высшую чжурчжэньскую знать и сотрудничающих с ней китайских бюрократов.

Кроме того, существовал институт полной или частичной амнистии, объявляемой по случаю восшествия на престол очередного императора (в 1136 и 1160 гг.), в честь рождения императорского сына (в 1141 г.), по поводу болезни императора (1187 г.) и т. д.

Судебная власть на местах не была отделена от административной: «Чиновники областей и префектур, каждый обсуждает и решает, и так делается» [ЦЧ, стр. 10]. Это значит, что отдельные ведомства имели право сами определить наказание, если преступление не очень серьезное. В «Цзинь ши» сообщается: по древним правилам те мэньтань и моукэ, которые частным образом парили соль и гнали водку, передавались заинтересованным учреждениям как преступники [ЦШ, цз. 49].

Весьма чутко относились чжурчжэни к языку судопроизводства. С похвалой отзываясь в 1185 г. о чиновнике, Шичзун сказал: «При судопроизводстве между чжурчжэнями ведет допросы на чжурчжэньском языке» [ЦШ, цз. 8,

стр. 68]. В уголовной и кассационной палатах было по четыре чиновника из киданей и чжурчжэней, а в других учреждениях — по два законоведа (чжурчжэнь и китаец). Таким образом, в судебной сфере стремились выдержать принцип национального представительства.

Характер расследований и судебных процессов не отражен в источниках. О них можно судить лишь по интересному делу, изложенному в «Цзинь ши». В 1161 г. «сотник императорской охраны Асыбо вошел во дворец, не находясь на дежурстве, ночью пробрался в дворцовое казначейство, умертвил смотрителя казначейства Го Лян-чэна, похитил слитки золота и серебра, а также жемчуг разных сортов. Дворцовая полиция схватила по подозрению 8 человек, при допросе била их палками. Трое из них лишились жизни, остальные пятеро признались в похищении вещей, но от них нельзя было получить украденное. По приказу императора было наряжено новое следствие, подлинный виновник был открыт и казнен. „При допросах с пристрастием,— говорил после этого император,— чего нельзя вынудить?“... Он повелел выдать семьям умерших от побоев по 200 связок мелкой монеты, а тем, кто остался в живых,— по 50 связок каждому» [ЦШ, цз. 6; Розов, л. 168]. Вероятно, подобной судебной практикой был вызван указ 1195 г.: «Чжан-цзун указом повелел Государственному совету дела об осужденных на смертную казнь, хотя бы после апелляции на них и последовало решение, подвергать пересмотру из опасения клеветы и сомнений» [ЦШ, цз. 10, стр. 81].

Цзиньское право во многом следовало положениям китайской юридической мысли. Как и в других областях государственного строительства, это было вызвано наличием готовых форм, соответствующих в основных чертах новым условиям, проводилось с большей оглядкой и критически (а не было слепым подражанием), причем не на уровне сунских государственных достижений, принципиально не приемлемых для чжурчжэней, а на базе танских, образцовый характер которых чжурчжэньские деятели любили подчеркивать.

В цзиньском праве можно выделить следующие основные положения китайской юридической мысли [Niida, 1959, стр. 455—457]. Цзиньские кодексы аналогично танским разрешали проблему ограниченной и коллективной ответственности. Базируясь на идее возмездия, они стремились строго соразмерять реальный вред с величиной наказания — особенно это видно при оценке вины в случае, если преступление не состоялось или, наоборот, привело к очень тяжелым последствиям. Уважение к основам государственной и общественной морали — в конфуцианской их интерпретации — стало заметной чертой цзиньских законов. Цзиньский кодекс 1201—

1202 гг. относит преступление против них к категории «десяти смертных грехов». Вся система дополнительных наказаний, поражений в правах, исключения из списков, касающихся провинившихся чиновников, тесно связана с китайской юридической традицией. Уменьшение наказаний и освобождение от них тоже покоится на китайской системе прощений о помиловании и об изменении суммы выкупа.

Несмотря на то что цзиньские законодатели усвоили многие положения китайского (танского) права, цзиньский кодекс отнюдь не является копией танского. Так, в цзиньском кодексе времен Тай-хэ на 60 статей больше, внесена градация степеней каторжных работ, удвоен размер пеней, кроме того, имеются расхождения в текстах статей. Раздел о домашних слугах исчез из цзиньского кодекса, изменен порядок расположения некоторых статей и категорий «ба-и», введены новые статьи (о наказании за неявку с повинной по поводу вступления в брак в период траура, о снятии с должности чиновников, затеявших тяжбу с подопечными, о наказании за рубку дров в заповедниках, об освобождении от наказания мужа, убившего неверную жену), счет украденного стал исчисляться в деньгах, а не в штуках шелка, усилены наказания чиновникам за принуждение к сожительству подопечных лиц женского пола (год каторги вместо 100 палок), соучастникам в убийстве (каторга на пять лет вместо ссылки на 3 тыс. ли), за продажу жены (которая в этом случае приравнена к детям и родителям), рабам за оскорбление господина (удушение вместо ссылки), за изнасилование замужней (удушение вместо двух с половиной лет каторги) и незамужней женщины (ссылка на 3 тыс. ли вместо двух лет каторги), за неоказание помощи соседу (год каторги вместо 100 палок), ослаблены наказания за бродяжничество целой семьей (два года каторги вместо трех лет) и одиночное (90 палок вместо года каторги), за неуплату налогов, за продажу траурных одежд родственникам, за причинение родителями побоев непослушным детям, если эти побои повлекли за собой смерть (каторга на год вместо полутора лет) или если при этом применялся нож (каторга на 1,5 года вместо двух лет), расширен верхне-нижний предел наказаний.

Цзиньские кодексы распространялись на всех жителей пестрой империи, поэтому принцип национальной подсудности, столь любезный сердцу победителей-чжурчженей, в чистом виде проявился в нескольких случаях, несмотря на то что в законы и кодексы Цзинь включали фразы о том, что преступления, происшедшие в среде одного какого-либо народа, наказываются по законам этого народа. Однако декларация национальной подсудности сразу же вступала в проти-

воречие с танской идеей о подсудности территориальной и с намерением цзиньских законодателей сделать свои кодексы универсальными, годными и обязательными для всего населения империи. Несмотря на сильную оппозицию чжурчжэньской аристократии, понимавшей национальную подсудность как узаконенное освобождение от любой ответственности по суду, верховная власть создала единое для всех законодательство. При этом она руководствовалась невозможностью объявить огромное нечжурчжэньское население (и сотрудничавших с Цзинь китайских чиновников) неполноправным, а всех чжурчжэней — привилегированными, так как это нарушило бы все традиции государственного управления, укоренившиеся в Китае. Осуществление этого намерения правительством формально было довольно простым делом — статьи танского кодекса, широко заимствованные юристами, базировались на принципе территориальной подсудности. А так как существовало реальное различие в правосознании китайцев и чжурчжэней, для смягчения этого разрыва в быту было допущено действие обычного права (китайского и чжурчжэньского) и даже в цзиньский кодекс 1201—1202 гг. введены статьи, трактующие некоторые вопросы земельного и семейного права с позиций национальной подсудности.

Согласно конфуцианским заветам, китайская семья строилась на основе строгой патриархальности. На этом же принципе покоилась вся китайская земельная и фискальная система. Поэтому выделение из семьи и хозяйства детей и внуков при жизни родителей и дедов запрещалось. За нарушение этого закона виновный получал три года каторги (или два года, если он выделился с согласия родителей). Внутри семьи допускался раздел имущества. У чжурчжэней отсутствовала такая традиция, поэтому цзиньский кодекс разрешал им выделение из хозяйства, запрещая это же китайцам.

По тем же моральным канонам в китайских семьях в случае смерти мужа жена была обязана соблюдать строгий пятилетний траур. Родственник, женившийся на такой женщине с ребенком, получал 100 палок, а связь с ней в период траура расценивалась как прелюбодеяние. У чжурчжэней, напротив, существовал обычай жениться на вдовах умерших братьев. Поэтому цзиньский кодекс разрешал левират чжурчжэням, запрещая его китайцам и бохайцам.

Хотя кодекс Цзинь универсален, за исключением только что разобранных двух пунктов, это не означало полного фактического равенства всех жителей государства перед лицом закона. Лишь формально определенному преступлению соответствовало определенное наказание. Фактически же тяжесть наказания зависела от личности преступника и потерпевшего: знатный — незнатный, господин — раб, свободный — раб, чи-

новник — простолюдин, муж — жена, родители — дети. Убийство представителей высшей знати могло быть приравнено к «десяти смертным грехам», тогда как убийство простолюдина иногда каралось всего лишь тремя годами каторги. За убийство господина обезглавливали рабов, замешанных в деле. Господин же получал за убийство раба 100 палок, а мог быть и освобожден от наказания. Раба за оскорбление господина приговаривали к удушению, но смерть раба от побоев господина не каралась. За прелюбодеяние с госпожой раба удушали, господин же нес более легкую ответственность, и то за сожительство с чужой рабыней. За избивание чиновника виновного приговаривали к трем годам каторги, а за избивание простолюдина — всего к 40 батогам. Вместе с тем тяжба или сожительство чиновника с кем-либо из подопечных объявлялись преступлениями. Одно лишь доказанное намерение убить мужа грозило жене отсечением головы; муж, однако, мог безнаказанно убить неверную жену или по «веской» причине забить ее до смерти. За избивание старших родственников виновные получали минимум три года каторги, если только поступок не относили к «десяти смертным грехам». Родители же могли безнаказанно избивать и ранить непослушных детей. Дети не имели права подавать в суд на родителей.

Однако классовый характер кодекса проявлялся не только и не столько в этих оговорках сословно-семейного характера, закрепленных законом, сколько в системе применения помилования, смягчения наказаний, замены их штрафом, распространявшейся на лиц, принадлежащих к «ба-и» и к приравненным к ним категориям. Как уже объяснялось выше, эти привилегии распространялись в основном на правящую верхушку и чиновничество, которое пополнялось за счет высшего и среднего слоев чжурчжэней и части китайской бюрократии. Последнее придавало цзиньскому праву — оригинальному и сложному явлению в государственной жизни Цзинь — оттенок национального неравенства.

В целом цзиньское право обладает рядом черт, роднящих его с правом китайским, отличающих его (вместе с китайским правом) от права европейского или мусульманского той же эпохи и вместе с тем присущих только чжурчжэньской правовой мысли. Налицо определенное смещение и размытость границ сферы действия цзиньских и китайских законов. Цзиньское право не окончательно оформилось, как европейское, но совершенно лишено религиозной, канонической окраски, столь характерной для мусульманского законодательства. Из-за слабой дифференциации сфер общественной жизни цзиньское право иногда вторгалось в область общественных отношений, обычно праву не подведомствен-

ную, но одновременно с этим сфера цзиньского государственного права ограничена, с одной стороны, конфуцианскими этическими нормами, а с другой — обычным правом. По сравнению с положением в самом Китае первые в Цзинь играли меньшую, а второе — большую роль.

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Война, армия, военная администрация играли в жизни чжурчжэней немаловажную роль. Многие высказывания в «Цзинь ши» отражают эту мысль: «Цзинь армией начала и армией кончила» [ЦШ, цз. 94, стр. 596], «Цзинь использовала воинов, чтобы добыть государство, не отличаясь [в этом] от Ляо» [ЦШ, цз. 125, стр. 779]. О значении военного дела в Цзинь говорит и такая фраза: «Цзинь войском добыла государство. Издан указ: Создавая „Цзинь ши“, намеренно рассматриваем в разделе о цзиньском войске следы ее возвышения и падения, приобретений и утрат. В особенности, останавливаемся на положениях о военной системе, о разведении коней, о содержании войск. Переписали это из старых источников и передали по порядку в этой главе» [ЦШ, цз. 44, стр. 281]. Разумеется, это не значит, что Цзинь представляла собой милитаристское государство, но верно и то, что в освобождении от гнета Ляо, в создании сначала государства, а потом империи, в определенные моменты — в управлении этой империей, наконец, в крахе Цзинь армия сыграла первенствующую роль, что около 50 из 900 известных чжурчжэньских слов связано с военной лексикой. Причем, и это весьма важно, на военную лексику приходится около 20% всех глаголов [Yamaji, 1956]. Всего этого оказалось более чем достаточно для того, чтобы конфуцианские ученые, презрительно относившиеся ко всему военному, рассматривали Цзинь как милитаристское государство. Конечно, это не так, хотя сращивание военной и административной власти характерно для государства чжурчжэней [см. Янай, 1916].

Цзиньская армия, как и вся империя, была многонациональной. Доля и условия вклада различных народов Цзинь в создание военного могущества империи не всегда известны достаточно полно. В период войны против киданей чжурчжэньская армия напоминала «вооруженный народ» и включала столько национальных ополчений, сколько племен и народностей было в коалиции, причем численность таких ополчений приблизительно соответствовала мощи племенных группировок. Как следствие этого и сложилась политика создания военных поселений, или общин мэнъянь и моукэ, в Маньчжурии из старых союзников и новых подданных —

освобожденных бохайцев, китайцев и завоеванных киданей. В войне с Китаем в 1126 г. участвовали целые киданьские части и китайские подразделения, общая численность которых значительно превосходила чжурчжэньские.

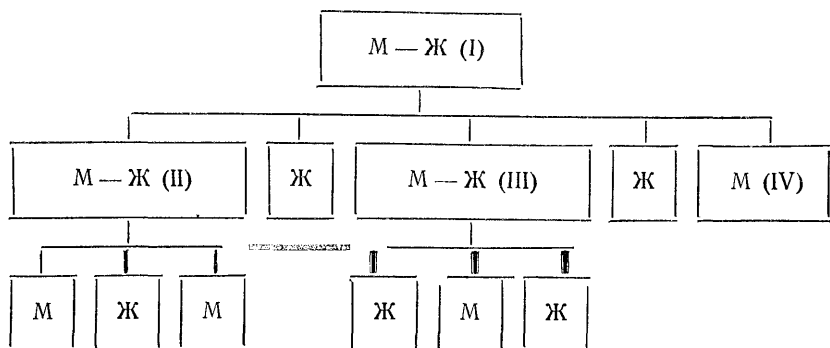
После завоевания Северного Китая и с переходом на систему призыва и регулярной армии чжурчжэньские части превратились в важнейшие, но не единственные. В стране не существовало всеобщей воинской повинности для всех социальных и национальных слоев населения; таковая существовала лишь для чжурчжэней, но ни один народ, в том числе и китайцы, не был отстранен от ратного дела. В этом проявилась общая тенденция цзиньского правительства рассматривать все население империи как более или менее единое и полноправное, во всяком случае по закону.

В 1178 г. правительство стало активно использовать пограничные нечжурчжэньские племена для охраны границ. В северо-восточном верховном комиссариате из племен деле и тангу было сформировано пять ополчений (чжа), кроме того, сформированы ополчения из племен чжули, улугу, ширюй, мэнгу, цилу, будибу. В юго-западном и северо-западном верховных комиссариатах сформировано девять ополчений из племен сумодянь, еладу, гудянь, тангу, сяма, мудянь, мэнгу, мао, худунь [Чэнь Шу, 1950]. Кроме того, существовали еще бохайская армия из восьми мэнъянь, сиская армия из девяти мэнъянь, китайская армия.

Наиболее важную роль играла собственно чжурчжэньская армия, к характеристике которой мы переходим. Во время войны с Ляо и позднее, в 1126 г., с Сун регулярные части мэнъянь и моукэ уже составляли основу военной мощи чжурчжэней. Солдат мэнъянь и моукэ в мирное время призывали на действительную службу в кадровые части, расселяли по гарнизонам, округам и уездам, посылали на границу. Судя по сведениям от 1163 г., призыв протекал следующим образом. Как правило, отец (или старший брат) призывался бойцом (латником), а сын (или младший брат) становился его оруженосцем. Если в семье было всего двое военнообязанных, то одного оставляли для сельских работ, а в качестве оруженосца рекрут имел право взять крепостного или раба. Но, если семья своих рабов не имела, такому рекруту выделяли раба из богатой семьи (см. схему 8).

На схеме I — глава большой семьи, II, III, IV — его мужские потомки в порядке старшинства — военнообязанные, двое из них (II и III) имеют свои семьи. При очередном наборе главу большой семьи — I брали бойцом, II — оруженосцем, III и IV не призывались в армию, несмотря на их родство с I, т. е. из четырех военнообязанных в этом случае брали двоих. Личные их семьи во внимание не принимались, учитывалось

Порядок призыва в чжурчжэньской семье

лишь их положение в большой семье и обеспеченность последней работниками. В среднем из шести дворов брали одного бойца и одного оруженосца [Mikami, 1972, стр. 321—325].

Военная служба для чжурчжэней считалась их естественной обязанностью. Поэтому возрастные рамки призывников служили лишь предельными ориентирами при наборе. Хайлин-ван, готовясь к войне, в указе о мобилизации в 1159 г. определил возраст мобилизуемых в 20—50 лет [ЦШ, цз. 5]. В мирное время, в 1163 г., Ши-цзун расширил эти рамки, уравнив возраст военнослужащих с категорией совершеннолетних (тягловых) чжурчжэней — 17—59 лет (дин) [ЦШ, цз. 44], что на деле совсем не означало увеличение числа призываемых. Но взятые в армию служили до предельного срока, определенного для категории тягловых. Так, в 1180 г. солдатам пограничных частей, достигшим 55 лет, в порядке исключения разрешалось выставляться заместителями своих сыновей.

В 1168—1169 гг. из-за обнищания мэнъянь и мокуэ ощущалось затруднение в наборе рекрутов. Из биографии Вэй Цзы-пина мы узнаем, что из-за высокого подоходного налога общины терпят урон, сородичи не могут, а богачи не хотят заниматься военной тренировкой [ЦШ, цз. 89]. Вэй Цзы-пин предлагает свой план, который заключается в следующем: поскольку молодежь из зажиточных семей не годится для военной службы по «глупости и трусости», а прочие дворы мэнъянь и моукэ разоряются и не дают нужного числа рекрутов, регулярные призывы надо прекратить, а взамен этого установить налоги и повинности с учетом состояния мэнъянь и моукэ и попытаться нанять на военную службу людей смелых, умеющих ездить верхом и стрелять из лука. Около 1170 г. Ши-цзун принял предложение Вэй Цзы-пина и приказал:

«Всех совершеннолетних записывать в воинские списки, ежемесячно снабжать их деньгами и рисом, разместить на границе губернии Шаньдун» [ЦШ, цз. 88, стр. 557]. В случае объявления мобилизации в военных поселениях забирали всех способных носить оружие, оставались лишь старики и подростки, которые и должны были обрабатывать землю.

Правила призыва на военную службу китайцев неизвестны. Судя по всему, в мирное время на китайцев в Цзинь набор фактически не распространялся, чего нельзя сказать про вербовку наемников в конце Цзинь. В военное время и в периоды подготовки к войне мобилизация частично распространялась и на китайцев. Мы узнаем, что «в 1160 г. государь собирал войска, дабы идти войной на юг. Он повелел министру финансов Лян Цю и военному министру Су Дэ-вэню прежде всего переписать людей трех народностей — чжурчженей, киданей и си. И, не ограничиваясь контингентом призывников (дин), всех переписали и мобилизовали — всего 240 тыс. человек. Из крепких создали строевые части, из слабых — нестроевые (алици). Одному строевому подразделению придавалось одно нестроевое — по 120 тыс. (в каждом). Еще были войска китайцев с равнины и бохайцев. Всего охватили 17 губерний. В губернии Средней столицы изготовляли оружие. Губерния Хэнань обеспечивала Бяньцзин. Население этих губерний избежало регистрации. Прочих 15 губерний. В каждой губернии 10 тыс. человек. А всего 270 тыс. Подражая танской системе, разделили на 27 корпусов (цзюнь). Была установлена численность корпусов. Из 100 дворов формировали моукэ, из 1000 мэнъянь, из 10 тыс. — дивизию (ваньху). В такой дивизии также были строевые и вспомогательные. Корпусам точно приказано: „Иноземцы и китайцы [служат] на равных основаниях: не использовать, разделяя по национальностям“» [ДЦГЧ, цз. 14, стр. 152].

Недаром источник утверждал: «Военная система Цзинь очень порочная. Каждый раз, как бывали походы и пограничные войны, спускали указ мобилизовать войска — повсюду возникали беспорядки. Из мужчин-призывников в народных семьях, если все были крепкими и здоровыми, брали всех поголовно, плач двигался по деревням и селам, ропот переполнял дороги» [ЦШ, цз. 44, стр. 283]. Это право на участие в военных мероприятиях Цзинь не всегда встречало одобрение. В 1161 г. кидани подняли восстание, когда их стали призывать на военную службу для войны с Южной Сун. Впрочем, и сами чжурчжэни не очень одобряли эту войну, солдаты и офицеры неохотно шли воевать, с дороги убегали и возвращались по домам [ЦШ, цз. 5]. В 1172 г. китайские войска из пограничных северо-восточных районов были переведены в глубь страны.

Итак, при объявлении мобилизации допускалось отклонение от правил призыва, точнее — контингент мобилизованных определялся в каждом отдельном случае. Расширялись возрастные рамки мобилизуемых — за пределы возраста призывников, или тягловых (дин). Общий контингент мобилизованных составил около 1—1,5% всего населения Цзинь.

На заре государства численность цзиньской армии не превышала нескольких десятков тысяч человек. В походе на Кайфын в 1126 г., по одному источнику, участвовало около 60 тыс. человек, в том числе лишь половина чжурчжэней [ЦКЯЛ]; по другому источнику — не более 100 тыс. человек, в том числе тоже половина чжурчжэней [СЧБМХБ, цз. 99]. При Си-цзуне и Хай-лин-ване армия увеличилась. Армия, выступившая на юг в 1161 г., по одним цзиньским источникам, насчитывала 270 тыс. человек, по другим — 600 тыс., а по третьим — 1 млн. человек (в последних двух вариантах — вместе с обслуживающим персоналом). Если исходить из известной нам численности двух из 32 цзиньских корпусов, то можно предположить, что во всей армии было до 320 тыс. строевых и еще примерно столько же нестроевых, так как каждому бойцу полагался оруженосец, т. е. всего около 600 тыс. человек [Харагути, 1959].

К 1161 г. во всей цзиньской армии числились следующие части и группы войск [СЧБМХБ, цз. 230; Mikami, 1972, стр. 311—312]:

I. Регулярные чжурчжэньские части

1. Гарнизон Средней столицы 100 тыс. дворов, или	20 700 человек
2. Три мэнъянь в Южной столице . . .	2 700 »
3. Один мэнъянь в Сучжоу	900 »
4. Один мэнъянь в Чэньчжоу и Сюйчжоу	900 »

Итого . . . 25 200 »

II. Резервные войска

5. Резервная, или «народная», армия в провинции Шаньдун 200 000 дворов, т. е. по аналогии с пунктом 1 . . .	40 000 человек
6. Мобилизованные в разных губерниях Китая несколько сот тысяч человек .	300—400 000 »
7. Киданьские, китайские, бохайские части	700 000 »

Итого . . . 1 040 000—1 140 000 человек

Всего около 1—1,2 млн. человек

В 1174—1189 гг. числилось 240 тыс. воинов в частях мэнъянь и моукэ. В правительственных войсках Цзинь в 1165 г. насчитывалось 173 тыс. воинов, из них 116 200 находились в гарнизонах. В 70—80-х годах войска состояли из набранных чжурчжэней [Mikami, 1972, стр. 312]. Однако известно, что в то время было 202 мэнъянь, поэтому даже если бы из каждого вербовали тысячу солдат, и то не могли бы набрать больше 202 тыс. чжурчжэней. Возможно, сюда надо добавить и не чисто чжурчжэньские части.

В дальнейшем цзиньская армия еще больше увеличилась. В 1211 г. цзиньские войска на р. Хуйхэпху насчитывали 400 тыс. конников, но ко всем этим цифрам, связанным с периодом войн с монголами, надо относиться с понятной осторожностью. Судя по источникам, около 1216 г. «между всеми военачальниками распределено не менее миллиона солдат» [ЦШ, цз. 47, стр. 300]. Следовательно, в начале XIII в. армия военного времени достигала миллиона.

В мирное время структура вооруженных сил Цзинь была относительно проста. Существовали пограничные части, гарнизоны в городах и регулярные войска в Верховных воеводствах и комиссариатах, комплектовавшиеся на основании закона о призыве на действительную военную службу членов мэнъянь и моукэ. Но, хотя набор производился раз в два года, не следует думать, что существовал двухгодичный срок действительной военной службы. Такой набор всего лишь восполнял убыль и увеличивающуюся потребность в бойцах. Служба же для призванных чжурчжэней практически превращалась в кадровую, многолетнюю, иногда пожизненную. Условия военного дела эпохи требовали существования в мирное время небольшой, но опытной армии, а это могло быть достигнуто лишь при постоянном полувоенном состоянии контингента потенциальных военнослужащих, т. е. военных поселений мэнъянь и моукэ, и при длительном сроке службы и обучения призванных на действительную службу чжурчжэней. Но при этом терялась непосредственная связь между поселениями мэнъянь и моукэ и их отрядами.

На действительной службе начальниками отрядов мэнъянь и моукэ не обязательно оказывались главы военных поселений. Во многих случаях в кадровой военной службе от командира требовались боевые качества, которыми не всегда обладали полугражданские главы мэнъянь и моукэ. В свою очередь, кадровые офицеры в мирное время не могли найти себе настоящего применения, возглавляя общины. Если в случае войны правительство докомплектовывало отряды мэнъянь и моукэ, то после ее окончания оно оказывалось в затруднительном положении, не знало, что с ними делать. Тогда правительство создавало специальные, сугубо военные, мэнъянь

и моукэ на время войны или в пограничных войсках, выходя таким образом из затруднения. Отряды мэнъянь и моукэ, составлявшие запасные и линейные части, иногда — пехотные и кавалерийские, принадлежали к этой категории. Анализ случаев употребления термина «запасные части» (синцзюнь) подтверждает, что они создавались в военное время. Поскольку командиры этих отрядов моукэ ранее этим званием не обладали, возможно, что и эта их должность не была постоянной, а носила временный характер, как и сами запасные части. Они появились с первого года существования государства. Начиная с Си-цзуна они редко упоминаются в «Цзинь ши», зато с этого времени чаще встречаются мэнъянь и моукэ линейных частей или частей прикрытия (яцзюнь), бывшие ранее редкостью. Эти войска безусловно существовали с 1129 по 1216 г. Это были тоже действующие, боевые части. Судя по списку наград 1163 г., среди награжденных числятся офицеры отрядов мэнъянь и моукэ линейных частей, которые по рангу значительно ниже глав этих мэнъянь и моукэ или же этого ранга не имеют вовсе. Кроме того, они делятся на чжурчжэней и нечжурчжэней. Так как в то время кидани и си считались мятежниками, к нечжурчжэням могли относиться только бохайцы и китайцы. Этим-то части и отличались от других, чисто чжурчжэньских. Начиная с Си-цзуна эти части стали формировать не только во время войны. Попадаются упоминания об исключении со службы в них старых и переутомившихся бойцов. Это уже не может относиться ко временным отрядам. По-видимому, эти соединения стали постоянными при Си-цзуне, после того как война показала недостаточность одних мэнъянь и моукэ в запасных частях военного времени. Значение термина текстологически проясняется через биномы «держат под прикрытием, под наблюдением».

Для укрепления границ правительство формировало отряды вечных военных поселений (юн тун цзюнь) из давно служивших солдат. В отличие от военных поселенцев в мэнъянь и моукэ они считались находящимися на действительной военной службе — очень важной и очень тяжелой. За это они получали сравнительно высокое жалованье и землю. Среди мэнъянь и моукэ регулярных войск существовала специализация по родам оружия (пехота и кавалерия). Пехотинцы получали 1—2 лошади, кавалеристы — 5—6 и соответствующий фураж. Пехота, формировавшаяся из пехотных мэнъянь и моукэ, имела много бохайских и китайских подразделений. Конница составляла костяк цзиньской армии, тяжелая конница называлась конно-панцирной.

Численность военных отрядов мэнъянь и моукэ отличалась от количества членов одноименных общин. В момент обра-

зования государства она не была твердо установлена. Отряды мэнъань и моукэ в принципе должны были насчитывать соответственно тысячу и сто человек. Но были и заметные отклонения от этого правила. Эти отклонения не всегда объясняются истощением резервов военнообязанных.

Упомянутая «тысяча» (мэнъань) состояла из 7—10 моукэ. На первый взгляд кажется, что моукэ могли при таких условиях набирать по 100—150 бойцов, но, по-видимому, сами отряды мэнъань были тысячными лишь по названию. И, действительно, во время войны с Сун численность отрядов мэнъань составляла 700 человек [ЦШ, цз. 86]. В 1174—1189 гг. цзиньское подразделение, по сунским источникам, состояло из 50 кавалеристов. Каждому кавалеристу придавался оруженосец. Таким образом, отряд состоял примерно из 100 человек — вероятно, это и есть моукэ. При Чжан-цзуне в моукэ фактически насчитывалось всего 25 человек, а в мэнъань — 4 моукэ. В 1215 г. в отряде моукэ числилось 30 бойцов, а в отряде мэнъань — 5 моукэ.

Военное руководство мелкими подразделениями Цзинь принадлежало командирам мэнъань и моукэ, но в военное время кроме командиров мэнъань и моукэ регулярных войск назначались командиры мэнъань и моукэ запасных и линейных частей. Командиры запасных частей обладали большей властью, чем офицеры линейных соединений. Разновидностью этих офицерских должностей были временно исполняющие обязанности командиров мэнъань и моукэ.

Помощники командира моукэ назывались пулиянь или пунянь. Эта должность появилась в 1117—1122 гг. У командира моукэ было два таких помощника, каждый из них ведал 50 солдатами. Рядовые в моукэ делились на бойцов (чжэн-цзюнь), или латников (цзяцзюнь), и оруженосцев (алиси), но последние иногда именуются «одетыми в латы алиси» [ЦШ, цз. 89], и, следовательно, в критические моменты их тоже брали в строй. Кроме того, в отряде имелись постоянные нестроевые должности: знаменосец, барабанщик, трубач, повар.

Очень скоро после создания государства власти стали обращать особое внимание и на материальное обеспечение войск. Так, уже в 1121 г. Тай-цзу приказал главнокомандующему: «Если сейчас нельзя идти на северную сторону гор, разбейте лагерь, откармливайте скот, дождитесь осени и тогда выступите вперед» [ЦШ, цз. 2, стр. 25].

Так как основной, наиболее надежной частью армии были чжурчжэньские части, а последние представляли собой по преимуществу конницу, важнейшей заботой управлений солдатами и конями считались ремонтерские обязанности. Первоначально пользовались старыми табунами (своими и ки-

даньскими), а в 1149—1152 гг. на севере и северо-западе уже было создано пять государственных табунов с официальным штатом табунщиков, чиновников и т. п. Кроме конских табунов имелись стада верблюдов, быков и овец. Вскоре число государственных табунов было увеличено до девяти. Во время знаменитого восстания киданей в 1160—1162 гг. большинство табунов погибло, уцелело лишь немногим более 1000 коней, 280 быков, 860 овец, 90 верблюдов. К 1180 г. Ши-цзун создал семь новых табунов. Он же ввел в практику передачу чжурчжэням на откорм казенного войскового скота. К 1188 г. войскового скота числилось: коней — 470 тыс., быков — 130 тыс., баранов — 870 тыс., верблюдов — 4 тыс. В 1194 г. во время очередной ревизии-переписи имущества в губерниях Средней и Западной столиц, Хэбэйси и Хэбэйдун — проводили регистрацию и замену армейских коней, отданных на откорм. С 1217 г. по закону о пополнении конского поголовья в армии объявлялась скупка у населения коней.

Каково было материальное положение призванных на военную службу, точно неизвестно. Первоначально они могли рассчитывать лишь на долю в добыче, на минимальное снабжение и питание. В 1140 г. особым указом устанавливалось жалование военным Ляодуна плотным шелком, в зависимости от чина. В 1143 г. правительство доставило в Кайфын 10 тыс. штук плотного шелка, из которого сшили столько же единиц одежды для армии. Еще в 1160 г. солдаты действующей армии зачастую сами добывали пищу на крестьянских полях. Позднее это стало обычным явлением.

Размер довольствия призванным и мобилизованным в армию точно не фиксировался: «Когда случалась война, то выдавали (военным поселенцам.—М. В.) жалование и крупу, денег давали... не более тысячи монет, а крупы не более десяти доу» [ЦЧ, стр. 16].

В 1146 г. во время монгольской экспедиции в Цзинь «...существовало три вида армейского довольствия: гарнизонное, полевое, боевое... По гарнизонному довольствию каждый военный поселенец получал годовое снабжение с надела; тот, у кого не было надела, получал в месяц проса 7 доу или риса 4 доу 5 шэн и не зерна больше... [Так как] полевое довольствие назначалось в ожидании врага, то независимо от расстояния каждый получал в месяц риса 4 доу и 5 шэн. Такие солдаты несли тяжелый панцирь, и это сказывалось на [судьбе] довольствия: солдаты либо перепродавали его по дешевке, либо оставляли [обозных] мулов и коней, либо бросали его на дороге, заботясь о скорости марша. [Солдаты] из-за голода не могли двигаться, друг за другом бежали к противнику или в чистое поле, разбредались в разные стороны, и их нужно было собирать... Боевое довольствие выда-

валось перед лицом врага. Поваров не было, несли рис и сами его готовили. Когда кончали трапезу, тогда и выступали, или выступали, еще не приготовив еды. [В тех случаях, когда] долго находились на марше, или возвращались по окончании боя, или имелись тяжелораненные и изнуренные — одни могли приготовить [себе] пищу, другие — нет» [ДЦГЧ, цз. 12, стр. 133—134].

Жалованье разным категориям наемников, зафиксированное в «Цзинь ши», относится к самому рубежу XIII в. (табл. 13—16) [ЦШ, цз. 44; Mikami, 1972, стр. 325—334].

Таблица 13

Месячное жалованье* командирам мэнъянь общевойсковых и линейных частей

Категория войск	Деньгами, тыс. монст	Рисом, л	Плотным шелком, шт.	Ватой, г	Землей, га	Фуражом, на число лошадей
Войска верховных воеводств	8	528	8	—	—	6
Карательные части в окраинных лагерях	6	186	—	—	—	5
Войска народа си . .	—	—	—	—	—	1
Войска вечных посе- лений на северной границе	8	528	8	—	30,5	6
Китайские войска 1-й очереди	3	414	8	—	—	4
Войска вечных посе- лений в губернии Верхней столицы .	15**		10	740	—	3

* В источнике денежное довольствие исчисляется связками (1000 монет), рисовое — в данях и доу, ватой — в лянх, земельное — в цинах. Для удобства мы перевели эти меры в ныне существующие.

** В оригинале сказано, что эти войска получали «денег и риса» 15 связок.

Из таблицы 13 видно, что командиры войска верховных воеводств и вечных поселений на северной границе получали одинаковое жалованье, но последние как поселенцы снабжались землей. По жалованью командиры отрядов мэнъянь из вечных поселений Шанцзина резко отличались от всех прочих командиров. Но командиры моукэ этих же подразделений по довольствию не выделялись среди их коллег из верховных воеводств и таких же поселений на северных границах. Командиры мэнъянь из губернии Верхней столицы получали еще вату, которую другим не давали, и всего трех коней против шести в тех же воеводствах и на северных границах. Жалованье командирам китайских отрядов самое низкое, но, как ни странно, им полагалось по два-четыре коня.

Месячное жалование* командирам моукэ общевоисковых и линейных частей и их помощникам (пулиси)

Категория войск	Деньгами, тыс. монст	Рисом, л	Плот- ным шел- ком, шт.	Землей, га	Фуражом, на число лошадей
Войска верховных воеводств	6; 4**	287; 176	6; 5	—	5; 4
Карательные части в окраин- ных лагерях	4; 2	124; 62	—	—	3; 2
Войска народа си	1,5; 1	155; 279	1; 1	—	3; 2
Войска вечных поселений на северной границе	6; 4	287; 176	6; 5	24; 18	5; 4
Китайские войска 1-й очереди	2,5; 0	103; 0	6; 0	—	2; 0
Войска вечных поселений в губернии Верхней столицы	6; 0	287; 0	6; 0	—	2; 0

* См. прим. первое к табл. 13.

** Здесь и далее первая цифра — жалование командира моукэ, вторая — жалование помощника.

Если сопоставить жалование главы мэнъянь (48 связок-даней в год) с жалованием командиров отрядов мэнъянь в губернии Верхней столицы (15 связок-даней в месяц, т. е. в год — 180 связок-даней), то сразу же бросается в глаза большой разрыв между ними. Это и понятно: первые исполняли особые наследственные обязанности, а вторые командовали наемными войсками на границе. Поэтому-то у всех командиров отрядов мэнъянь жалование в 2—4 раза выше, чем у глав общин мэнъянь.

Аналогичная зависимость существовала между жалованием командиров и глав моукэ. Командиры моукэ верховных воеводств и вечных поселений на северной границе и в губернии Верхней столицы все одинаково получали самое большое жалование. Командиры мэнъянь и моукэ китайских войск получали самое маленькое довольствие. Жалование командира моукэ было в 2—5 раз больше, чем главы моукэ.

Помощники командиров моукэ войск верховных воеводств и поселений губернии Верхней столицы получали почти одинаковое жалование, если не считать земли, и вдвое большее, чем в других войсках. Это могло зависеть как от национальной принадлежности командиров-чжурчженей, так и от рода службы — на границе, поскольку пограничные войска и жители из окраинных лагерей получали половинное жалование, как и си; возможно, что они комплектовались не из чжурчженей или просто не стояли на северных границах.

В отличие от командиров солдаты разных частей получали более или менее одинаковое жалование, уровень которого,

Месячное жалованье * строевым солдатам и их оруженосцам

Категория войск	Деньгами, тыс. монет	Рисом, л	Плот- ным шел- ком, шт.	Ватой, з	Зем- лей, га	Фура- жом, на число лоша- дей
Войска верховных вое- водств	2; 1,5**	154; 72	4; 3	555; 370	—	2; 0
Карательные части окра- инных лагерей	1,5; 1	41; 41	—	—	—	1; 1
Войска народа си . . .	—	—	—	—	—	—
Войска вечных поселе- ний, на северной границе	2; 1,5	150; 72	4; 3	555; 370	12; 6	2; 0
Китайские войска . . .	2; 0	98; 0	4; 0	—	—	—
Войска вечных поселе- ний в губернии Вер- хней столицы	2,5; 2	124; 124	4; 4	555; 370	—	1; 0

* См. прим. первое к табл. 13.

** Здесь и далее первая цифра обозначает жалованье строевого солдата, вторая — оруженосца.

вероятно, определялся допустимо низшим пределом потребления (см. табл. 15). Но в рамках этой нивелировки солдаты войск верховных воеводств, вечных поселений получали жалованья больше китайских бойцов и солдат-карателей. Солдаты на северных границах получали еще и землю.

Жалованье оруженосцев известно не для всех частей. Жалованье оруженосцев вечных поселений губернии Верхней столицы выше, чем в других частях, и удивительно, что оно выше, чем на северной границе, а у оруженосцев верховных воеводств и северных границ оно примерно равное.

Подытоживая все вышесказанное о жалованье войскам, можно отметить, что самое высокое оно у чжурчжэней, за ними идут си и кидани и, наконец, китайцы. Чжурчжэни же получали примерно равное жалованье, служа в верховных воеводствах и в поселениях на северной границе. Эта ставка, по-видимому, являлась типичной для чжурчжэней. Жалованье у военнотружеников поселений губернии Верхней столицы несколько ниже, чем в двух других частях, если не считать оруженосцев.

При Ай-цзуне в 1233 г. ставки изменились. Все войска были разбиты на три разряда: 1-й разряд получал в месяц 8 доу, 2-й — 7 доу, 3-й — 6 доу риса (т. е. 82, 72, 62 л).

Жалованье в частях верховных воеводств колебалось в зависимости от должности (табл. 16).

**Жалование различным категориям военнослужащих
в частях верховных воеводств**

Должность	Деньгами, тыс. монет	Рисом, л	Плотным шелком, шт.	Ватой, г	Фуражом, на число лошадей
Командир мэнъань . .	8	538	8	—	6
Командир моукэ	6	289	6	—	5
Помощник командира моукэ	4	176	5	—	4
Стреловой солдат	2	155	4	555	2
Оруженосец	1,5	72	3	370	—

У командного и солдатского состава денежное жалование понижалось в зависимости от должности на 2 тыс. монет, т. е. на 25% от более высокого должностного оклада, но переход от офицерского жалования к солдатскому более резок. Несмотря на ту же разницу в 2 тыс. монет, он достигает 50%. По рисовым выдачам командир мэнъань вырвался далеко вперед, и разница в положении бойца и оруженосца более заметна.

Кроме регулярного жалования существовали наградные добавки, размер которых зависел от должности награждаемого [Mikami, 1972, стр. 332].

На примере № 4 (табл. 17) прекрасно видна градация денежных наградных, из которой исключены рядовые. В примерах № 4 и № 5 командиры отрядов мэнъань получали вдвое или почти вдвое больше командиров отрядов моукэ, у нижестоящих чинов эта разница не столь велика. Разница в награде между помощником командира отряда моукэ и бойцом выглядит резче, чем в жалованье.

На основании анализа жалования и наградных ясно, что в цзиньской армии обеспечение офицеров, включая помощников командиров моукэ, было значительно лучше, чем у солдат. Помощник командира отряда моукэ занимал промежуточное положение.

В 1165 г. Ши-цзун установил особую систему наград для мэнъань и моукэ, служащих на границе в регулярных частях, основанную на выслуге лет (табл. 18) [ЦШ, цз. 52]. Выслуга лет давала право на ношение особого головного убора и на ряд преимуществ и льгот после ухода с должности. Первоначально выслуга касалась лишь войск верховных воеводств, но в 1169 г. была распространена на некоторые другие части [Mikami, 1972, стр. 335].

Зависимость между воинскими званиями и наградными *

Звание	Случаи выплаты наградных					
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6
Командир мэнгань	50 ляннов серебра	50 ляннов се- ребра, 5 шт. двойного пе- строго шел- ка, 10 шт. плотного шелка	В два раза больше ко- мандира моукэ	300 связок	500 связок	8 шэнов риса
Временно исполняющий обязанности ко- мандира мэнгань	—	—	—	200 "	—	—
Командир моукэ	10 шт. плотного шелка	—	В два раза больше бойца	200 "	300 "	4 шэна риса
Временно исполняющий обязанности ко- мандира моукэ	—	—	—	150 "	200 "	—
Помощник командира моукэ	—	—	—	100 "	—	2 "
Временно исполняющий обязанности по- мощника моукэ	—	—	—	75 "	—	—
Стрелковой боец	5 шт. плот- ного шелка, 6 связок монет	30 связок монет	2 шт. плот- ного шелка, 2 лянна се- ребра	—	—	1 "
Оруженосец	Неопреде- ленное коли- чество	10 "	1 шт. плот- ного шелка	—	—	1 "

* Источники: № 1 — ЦШ, цз. 69; № 2 — ЦШ, цз. 87; № 3 — ЦШ, цз. 87; № 4 — ЦШ, цз. 87; № 5 — ЦШ, цз. 13; № 6 — ЦШ, цз. 58. Серебро — в ляннах (1 лян = 37 г), монеты — в связках (1 св. = 1000 шт.), рис в шэнах (1 шэн = 1 л).

Награждение и производство офицеров в зависимости от выслуги лет

Должность	Срок службы	Войска верховных воеводств Хэнани и Шэньси	Соединения юйхоу-цзюнь и шуньдэ-цзюнь *
Командир мэн'гань	Более 40 лет	7-й ранг **	8-й ранг
„ мэн'гань	Более 30 „	8-й „	9-й „
„ мэн'гань	Более 20 „	9-й „	Головной убор чжэнбань
Командир моукэ	Более 40 „	8-й „	9-й ранг
„ моукэ	Более 30 „	9-й „	Головной убор чжэнбань
„ моукэ	Более 20 „	Головной убор чжэнбань	Головной убор из шелка с серебром
Командир мэн'гань и моукэ	Более 10 „	Головной убор из шелка с серебром	—

* Юйхоуцзюнь — караульные гвардейские соединения, шуньдэцзюнь — особые части «следующие добродетели».

** Все ранги «неполные».

Между двумя категориями частей разница на одну степень, которая обусловлена либо важностью гарнизонной службы, либо временем их создания, обнародования положения. Эта разница в правовом положении считалась малообоснованной, и в 1177 г. она оказалась откорректированной: при отставке командиры мэн'гань получали особые звания. Многие офицеры кадровых частей не имели рангов, поскольку предусматривалось, что командир отряда мэн'гань только после 20-летней службы получал первый чин — 9-й неполный ранг, тогда как главе мэн'гань присваивался 4-й ранг.

Большое внимание уделялось военному обучению и тренировке чжурчжэньских воинов. Тренировкой были охвачены не только состоящие на действительной службе, но и запасные, военные поселяне — члены мэн'гань и моукэ. Помимо военизированных игр, вроде конского поло, соревнований по стрельбе с коня, сезонных облавных охот, превращавшихся в настоящие маневры, проводилось и чисто военное обучение. Императоры придавали военному учению большое значение, о чем свидетельствуют их неоднократные указы. В 1169 г. во время приема послов из Южной Сун, Корё, Си Ся при дворе устроили стрельбу в цель. Сунский посол попал в цель 50 раз, а цзиньские лейб-гвардейцы до 7 раз, и то не все. В данном случае Ши-цзун ограничился словесным внушением, но

в 1184 г. он заметил, что китайские войска постоянно упражняются в стрельбе из луков, а «наши войска по нерадению не упражняются в стрельбе из луков, заботятся только о покое», и повелел, «чтобы войска во всякое время были заняты учением» [ЦШ, цз. 8, стр. 67].

Отборные части чжурчжэньского войска — гвардия — комплектовались из хэчжа⁶ мэнъянь и моукэ. Хэчжа мэнъянь и моукэ — это общины и части, подчинявшиеся непосредственно императорской фамилии. Поэтому их старшие командиры занимали особенно высокое положение. Эти мэнъянь в военное время составляли ядро цзиньских войск и были наиболее боевыми частями, в мирное же время они образовывали костяк гвардии. Гвардия начала формироваться еще при Тай-цзуне. При Хай-лин-ване она была набрана из особых четырех хэчжа мэнъянь. При Ши-цзуне численность гвардии достигла 4 тыс. человек, и она продолжала комплектоваться из хэчжа мэнъянь или моукэ. При Чжан-цзуне, поскольку характер мэнъянь и моукэ изменился, гвардию стали нанимать и вербовать из всех мэнъянь и моукэ.

Личное оружие чжурчжэньских воинов не было ни очень разнообразным, ни особенно оригинальным. Лук со стрелами, копье, меч — вот краткий перечень в порядке убывающей важности предметов наступательного вооружения рядового чжурчжэньского воина. К этому иногда добавлялся панцирь из металлических пластин, который уже относился к вооружению защитному.

Но кроме личного оружия чжурчжэньские войска были снабжены сложными и могучими средствами борьбы. Среди них первое место занимали орудия огненного боя — огненные стрелы и огневые снаряды. Огненные стрелы, как показывает само название, представляли собой род зажигательных стрел, на древке которых монтировалась трубка, начиненная порохом. Зажженный порох придавал стреле движение по типу ракеты. Однако это были не настоящие ракеты, так как стрелы выбрасывались из лука. Огневой снаряд, или «огневой кувшин», представлял собой шарообразный глиняный сосуд, заряженный порохом и забрасываемый катапультой. Он имел особое дистанционное устройство, изобретенное чжурчжэнями, позволявшее вычислить расстояние полета и взорвать снаряд на цели. Эти «кувшины», точнее бомбы, забрасывались катапультами на сотни метров. Они взрывались с сильным грохотом, за что и получили название «исторгающие гром». Взорвавшийся снаряд распространял пламя на 50 и более метров и прожигал латы. Уже в 1126 г. чжурчжэни,

---

⁶ Сиратори Куракити объясняет слово «хэчжа» через тунгуское и манчжурское «Kaġci», что значит «ближний» [Mikami, 1972, стр. 342].

штурмуя Кайфын, использовали огненные стрелы и глиняные огневые горшки, хотя и не всегда с должной сноровкой. В 1130 г. огненные стрелы, пускаемые с цзиньских лодок, нанесли китайцам серьезный урон.

В 1221 г. у чжурчжэней уже были огневые взрывчатые снаряды. В бою при Цичжоу их применяли во множестве. Бомбы обладали большой пробивной силой, легко разрушая стены домов [Школяр, 1973]. По подсчетам, было выпущено до 7 тыс. стрел с огненным зельем из самострелов и около 10 тыс. таких же стрел — из луков [Лю Сянь-чжоу, 1962, стр. 73].

Кроме огненного боя в цзиньской армии в 1126 г. уже использовали катапульты, метавшие огромные камни, высокие осадные лестницы, подкопы, особые осадные башни с катапультами, метавшими камни и стрелы, и т. п. [ЦКЯЛ, цз. 1, 3].

Значительных успехов чжурчжэни добились в крепостном строительстве. Здесь мы остановимся на фортификационных особенностях рядовых городищ и пограничных сооружений династии Цзинь [Воробьев, 1968].

Чжурчжэньские городища на территории СССР и КНР очень многочисленны. Важный комплекс находится в районе г. Уссурийска в Славянском районе [Федоров, 1916]. Здесь на равнине, на территории современного города, располагалось так называемое Двоеградие — два городища прямоугольного типа (ныне исчезнувшие), а в нескольких километрах от них на трех сопках и сейчас высится огромная Краснояровская крепость. Краснояровская крепость занимает три сопки и напоминает треугольник. Одна сторона этого треугольника очень крутая и омывается рекой Суйфун, две другие более пологи. Крепость окружена многокилометровым валом неодинаковой высоты (от 1 до 4,5 м), а в некоторых местах двумя-тремя рядами валов. Перед валами заметны остатки двойного рва. В стенах к настоящему времени прорезано несколько ворот, четверо из них, по-видимому, древние. Древние ворота устроены в глубине распадков, защищены фланками стен, небольшими редутами внутри крепости, наружными валиками (плохо сохранившимися) и, возможно, надвратными башнями, но сейчас нет и следа настенных и надвратных башен. Один из углов крепости отгорожен валом: здесь был внутренний город. На территории крепости много водоемов, укрепленных площадок с грудками ядер, террас, специально насыпанных по склонам, площадок — остатков сооружений. Краснояровская крепость — важнейший памятник периода Цзинь — служит своеобразным эталоном при исследовании других средневековых городищ Приморья.

Чжурчжэни строили городища двух типов: более или менее правильной формы — прямоугольные или квадратные —

на равнинах и свободной формы — на возвышенностях и в горах. Постройка прямоугольных городищ требовала хороших знаний фортификации, значительного строительного навыка и принятия определенной военной доктрины. Но многое из этого имело китайское происхождение, вначале было чуждо военной тактике чжурчжэней и попало к ним окольным путем — через киданей, чьи городища чжурчжэни захватили и освоили. В строительстве горных укреплений чжурчжэни проявили недюжинные фортификационные способности. Они создали и наиболее полно разработали систему смешанных горно-равнинных укреплений, которые мы лишь по традиции продолжаем именовать горными. Переняв идею корёских горных замков, господствующих над горными проходами, но защищаемых больше выгодными условиями местности, чем фортификационными сооружениями, чжурчжэни стали строить укрепления на сопках, откуда хорошо можно было контролировать равнины, усиливая эти укрепления долговременными фортификационными приспособлениями. Кроме того, чжурчжэни мастерски использовали сопки, господствующие над равниной, реки, их притоки и протоки, болота, позволяющие усилить оборону крепости, избежать возведения высоких валов, обеспечить защитников питьевой водой (Известковая сопка). На пересеченной местности они умело варьировали и комбинировали все средства современной им фортификации, конечно отступая от стандартов, столь свойственных чисто равнинным военным лагерям китайского типа. Например, в огромной Красноярской крепости крутые склоны извилистой сопки позволили обойтись без башен и местами без вала, а расположение ворот в глубине распадков под защитой флангов стен делало ненужными высокие барбаканы перед воротами. Зато в крепости появился внутренний город — цитадель, водоемы, площадки и террасы под строения, барбеты для катапульта, кордегардии, поперечные валы.

Фортификационная система стала весьма сложной. Основой ее остался вал, но изнутри к нему часто примыкали насыпь-барбет или валтанг для подъема на стену и установки катапульта. Если валы шли рядами, то внутренний вал был выше наружного. С наружной стороны стены вырывали ров (или два), чтобы он был соединен с ближайшим источником воды. Если было два рва, то они обычно разделялись насыпью. В зависимости от условий разные части одного и того же городища могли быть укреплены разным числом рвов и валов.

Важную роль в обороне городища играли башни. Башни располагались по углам, у ворот и по фронту с наружной стороны стен на расстоянии 30—80 м друг от друга (убойная

дальность полета стрелы около 40 м). Они имели вид выпуклостей на верхней внешней поверхности стен и не доходили до низа стен. Эти башни обеспечивали прострел мертвого пространства вдоль куртин. В сущности, это не настоящие башни, а рондели. Фронтальные башни одинаковых размеров, размещенные на равном расстоянии друг от друга, появляются в этих местах лишь при чжурчжэнях. Размещение башен по углам, у ворот, по фронту (всех стен или только некоторых) или повсюду, равно как и дистанция между ними, довольно свободное. В отдельных случаях угловые башни прикрывались полукруглым бруствером.

Последней важной чертой чжурчжэньских городищ является оформление ворот. Ворота прорезывались обычно в центре стен (прямоугольных городищ) и с внешней стороны, как правило, защищались невысокими валиками округлой «Г»- или «П»-образной формы (разновидность западноевропейского барбакана или русского захаб). Но число и местоположение ворот, наличие и форма валиков в ряде случаев отклоняются от нормы. Есть прямоугольные городища с одними или двумя воротами, иногда ворота расположены не в центре. В одном городище встречались защитные валики — брустверы разной формы.

Кроме типично горных укреплений, где для стен брали природный камень (Известковая сопка), сооружали также глинобитные валы из сырцовых кирпичей, обычно с земляной подсыпкой. После закладки фундамента забивали сваи на месте предполагаемой стены, сколачивали деревянный каркас. Глину, замешенную с щебнем, засыпали в каркас и утрамбовывали, затем забивали крепежные гвозди, сыпали слой чистой земли, переставляли каркас выше и все начинали сначала. Грунт из рва тоже использовали для сооружения насыпи. Снаружи стены иногда облицовывались сырцовыми кирпичами. Реже клали стены из сырцового кирпича. Иногда кирпичи служили как бы ядром, вокруг которого насыпали глину. Встречается и черепичная кровля над валом.

Таковы основные фортификационные особенности чжурчжэньских городищ.

На северо-западных границах чжурчжэни создали целую оборонительную систему для защиты от набегов обитателей степей — монголов, сложные многокилометровые сооружения из глины вперемежку с камнями, состоящие из рядов валов (стен) и рвов, пограничных постов или фортов и крепостей [Хасэгава, 1933; Цуда, 1918]. Линия укреплений тянулась на 1500—1700 км, примерно от места впадения р. Ганьхэ в р. Нунцзян (Мергенъ) на севере до пункта севернее современного г. Фэнчжэня (бывшая пров. Суйюань). Идея возведения оборонительных сооружений на севере начала осуществляться

чжурчжэнями довольно рано. Не позднее 1138 г. в Тайчжоу началась насыпка пограничного вала протяженностью в 1500 (!) км. В 1165 г. в пределах Тайчжоу и Линьхуана велено было построить 70 постов для 23-тысячной конницы.

При Чжан-цзуне в 1196—1200 гг. вся оборонительная система подверглась реконструкции в связи с напряженным положением на этой границе. Все эти валы и связанные с ними укрепления находились в ведении верховных комиссариатов, созданных для охраны границ [Wan Kuo-wei, 1927, Shimada, 1954].

Строительство пограничных стен, валов, рвов — не нововведение чжурчжэней. В III в. до н. э. уже была сооружена Великая китайская стена. И с тех пор полтора тысячелетия она ремонтировалась и расширялась. Корёсцы неоднократно перегораживали валом узкую часть своего полуострова, особенно активно — в XI—XII вв. Кидани выкопали ров на границе с немирными чжурчжэнями, который последние засыпали в начале войны с Ляо. Но из народов Маньчжурии чжурчжэни — первые и единственные осуществившие столь сложное строительство. Это свидетельствует не только о высоком военном строительном искусстве основателей династии Цзинь, но и о развитии у них военно-политической доктрины, находившейся вполне на уровне века.

С военной точки зрения такие сооружения желательны или необходимы в том случае, когда оседлый земледельческий народ вынужден оборонять свои слабо заселенные границы против кочевников или полукочевников, опасных для них своей тактикой молниеносных конных набегов. Если набег развивался нормально, он неизменно кончался успехом, так как редкое население было не в силах оказывать эффективное сопротивление или снабжать припасами изолированные гарнизоны, а малочисленные регулярные войска всегда опаздывали с отражением нападения. Стены же задерживали прорыв крупных отрядов до подхода войск и препятствовали просачиванию мелких отрядов. В политическом отношении роль стены сводилась к пресечению утечки пограничного (часто «инородческого») населения (в период Цзинь — киданей, онгутов и др.).

Оборонительные крепостные сооружения, построенные, реконструированные или просто использованные Цзинь, по-разному выполнили свою задачу. Огромная пограничная стена на северо-западе в значительной мере обезопасила страну от монгольских набегов; выполнила она и свои полицейские функции. Главные силы Чингисхана она, вероятно, не могла удержать, но, по-видимому, и для них представляла определенное препятствие глубоко эшелонированная система укреплений, так как Чингисхан предпочел обойти ее с юга.

Осада крепостей и укрепленных городов Цзинь доставила монголам значительно больше хлопот, чем полевые кампании. Если уж победа Ваньянь Чэнхошаня в 1228 г. — якобы всего с 400 кавалеристами — над 8-тысячным отрядом монголов «пробудила мужество в чжурчжэньских войсках, ибо со времени нашествия монгольского в продолжении двадцати лет еще в первый раз одержали победу» [Бичурин, 1829, стр. 143], то упорство осажденных цзиньцев доставляло им победы достаточно часто, причем некоторые из них оказывали решающее влияние на ход кампании, как, например, успешная оборона Яньцзина в 1214 г., вынудившая монголов уйти восвояси, или первая осада Бяньцзина.

Успешная оборона Яньцзина и ряда других городов породила в Цзинь особую тактику. Военное министерство предложило в 1230 г. перейти к чисто оборонительной войне — разместить войска в крепостях вокруг столицы, запастись хлебом, оставить поля пустыми, жителей взять в города или повелеть им защищаться в горных крепостях, избегая сражений в открытом поле [ЦШ, цз. 17]. Возможно, такая тактика и имела бы шансы на успех, если бы она сочеталась с партизанскими действиями, но цзиньская власть во многом оставалась чуждой китайцам. Исход монгольско-цзиньской войны подтвердил старое правило: войны не выигрываются в крепостях.

Нижеследующие отрывки иллюстрируют технику осады больших городов в XIII в., при которой чжурчжэни участвовали уже как осаждаемые.

При осаде монголами Лояна в 1231 г. «когда недоставало оружия, то употребляли деньги вместо железков к стрелам; каждую монгольскую стрелу разрезали на четверо и стреляли... Еще построили отбойные машины, из которых несколько человек могли метать большие камни далее ста шагов и при каждом разе попадали в цель» [Бичурин, 1829, стр. 181].

Другой источник дополняет картину осады Кайфына в 1232 г.: «В столице строили баллисты во дворе. Ядра были сделаны совершенно круглые, весом около фунта (китайского)... Баллисты были строены из бамбука, и на каждом углу стены городской поставлено их было до ста. Стреляли из верхних и нижних попеременно, и ни днем, ни ночью не переставали... Отбойные машины на стене городской были построены из огромного строевого леса, взятого из старых дворцов... Вначале Баксань (чжурчжэньский полководец. — М. В.) приказал за городскими воротами построить земляные пристенки; кривые и узкие, чтобы два или три человека могли проходить и стеречь, дабы монголы не могли отбить или осадить ворота... 1000 человек отважнейших солдат... должны были из прокопанного под городской стеной отверстия, переплыв через ров, зажечь подставки под баллистами... В сие время

нюжженцы имели огненные баллисты, которые поражали, подобно грому небесному. Для сего брали чугунные горшки, наполняли порохом и зажигали огнем. Сии горшки сожигали на пространстве 120 футов в окружности и огненными искрами пробивали железную броню... Еще, кроме сего, употребляли летающие огненные копья, которые быв пускаемые через зажигание пороха, сожигали за 10 от себя шагов. Монголы сих только двух вещей боялись...» [цит. по: Бичурин, 1829, стр. 184—189].

Вооруженные силы династии Цзинь с самого начала создавались как общегосударственные. Служба в этих войсках была преимущественным, но не исключительным правом чжурчжэней. Постоянная армия Цзинь (флот не играл сколько-нибудь значительной роли) состояла из кадровых полевых частей и отрядов «вечных поселений», укомплектованных на основании закона о призыве. В случае войны мобилизовывались все чжурчжэни, способные носить оружие, и часть нечжурчжэньского контингента.

Основу низших армейских подразделений составляли рекруты из чжурчжэньских общин или военных поселений. Эти мэнъянь и моукэ неизменно сохраняли свое название в военном, административном и социально-экономическом мире. Их неустойчивость в последнем аспекте вынудила правительство перейти от призыва к вербовке, но в сфере тех же общин. Чжурчжэни очень рано в централизованном порядке сумели оснастить и вооружить свою армию по последнему слову техники той эпохи, что сыграло немалую роль в победах чжурчжэней над Ляо и Сун. Чжурчжэньская тактика оправдала себя во многих боях. Лишь общее ослабление государства и монолитности цзиньских войск при значительном перевесе сил противника и восстаниях китайского населения привело цзиньскую армию к разгрому, а государство — к гибели.

ЭКОНОМИКА

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

После создания государства и в особенности империи чжурчжэни столкнулись с задачей организации хозяйства (собственного и в новых районах), которое бы не только удовлетворяло насущные потребности населения в продуктах питания, но и могло финансировать государственное строительство.

Несомненно, по-своему это оказалось более сложной задачей, чем освобождение от Ляо и разгром Сун. Во всяком случае, чжурчжэни не были готовы к быстрому ее разрешению. До вступления чжурчжэней в Китай земледелие, а глав-

ное, весь комплекс социально-правовых отношений, с ним связанных, не играли в их жизни такой исключительной роли, как у китайцев. К уже сказанному (см. стр. 90—91 настоящей работы) здесь надо лишь добавить, что в первое десятилетие своей государственной жизни проблема земельных отношений как во внешнегосударственном, политическом отношении, так и во внутригосударственном, хозяйственном представлялась чжурчжэням важной, но не первоочередной задачей по сравнению с проблемами военными, административными, иногда даже уступающей последним по значимости. Стоит только вспомнить легкость, с какой чжурчжэни расстались с богатыми земледельческими округами застенного Китая, отвоеванными ими у Ляо и уступленными в пользу Сун за обещание выплаты налогов наличными, цену которых они уже понимали.

О таких настроениях свидетельствует политика Агуды по отношению к соседним племенам: одних он оставлял спокойно жить на прежнем месте, где им было удобно, других переселял, причем пришельцам выделял плодородные земли, присоединяя их к местным племенам. Когда в 1119 г. заложники из Восточной столицы (Ляоян) «завели дома и пашню», правительство спокойно признало этот факт полезным для государства и не вернуло их на родину [ЦШ, цз. 2], но вскоре появляются первые специальные указы, поощрявшие землепашцев. Для облегчения возвращения беженцев в свои хозяйства их снабжали пищей и семенами. В начале 1124 г. Тай-цзун снабдил Ваньянь Цзунхяня конями — 700 голов, семенами — 1 тыс. даней, зерном — 7 тыс. даней для выдачи новым подданным. В конце года перевезли 50 тыс. даней зерна в Гуаньнин, дабы снабдить пограничные войска в округе Жуньчжоу в Южной столице. Весной 1125 г. оказали помощь новым подданным: си и киданям [ЦШ, цз. 3] и т. д.

При Тай-цзуне власть государства Цзинь распространилась на Северный Китай. Китайская равнина сильно пострадала от войн. Население Хэцзяня после сотен битв, трижды опустошавших луга и поля, рассеялось; там, где жило семь поколений, не осталось никого [СЧБМХБ, цз. 19]. На севере, между Люцзячжуанем и Сяньчжоу, в 1126 г. китайское посольство не встретило на своем пути «ни обработанных земель, ни урожая» [Shavannes, 1898, стр. 408]. Прямым следствием этого был голод, бродяжничество, разбой и мятежи среди китайцев. Все это требовало создания земельного законодательства, которое и было выработано около 1130 г.

Однако выработка земельного законодательства происходила одновременно с формированием у завоевателей новых экономических воззрений, центральное место в которых сразу же заняло земледелие. Первоначально теоретическая сторона

еле проступает сквозь практические наставления. Так, еще в 1123 г. в указе говорилось: «Земледельцы начинают заниматься своими работами. Надлежит разослать гонцов и строго внушить военным чиновникам, чтобы они остерегались препятствовать земледельческим работам, своевольно позволять воинам чинить грабежи и насилие в народе» [ЦШ, цз. 2, стр. 26]. Вскоре «аграрная» тематика получила теоретическое обоснование. Императоры подчеркивали свое личное внимание к земледелию. Хай-лин-ван демонстрировал вельможам подаренную ему императрицей картину с изображением полевых работ. Картину специально нарисовали, чтобы «наследник, родившись в чертогах, не мог не знать о тех трудностях, которые терпит народ при возделывании полей» [ЦШ, цз. 5, стр. 42].

Решающее значение земледелия для самого существования государства с особой силой оттенил Ши-цзун: «Государи прежних династий хотя были богаты и славны, но по большей части не разумели трудов и забот земледелия, а потому теряли государство. Пренебрегая наставлениями учителей, они не понимали страданий народа» [ЦШ, цз. 6; Розов, л. 243]. В последней фразе отчетливо отражен социальный аспект аграрной проблемы. Ши-цзун сетовал, что всего лишь один неурожай приводит к голоду, чего якобы не было в древности. «В древности,— отвечал Хэшиле Ляньби,— земли было много, а народа — мало. Ценя более всего умеренность, народ заботился о земледелии, поэтому, собирая в избытке хлеб, не страдал от голода. В настоящее время земли мало, а народа — много. Притом, оставив главное, он ухватился за постороннее. От этого оказалось мало производителей и много потребителей. По этой причине при неурожае одного лишь года народ уже терпит лишения» [ЦШ, цз. 7; Розов, л. 210].

Сквозь туманную оболочку рассуждений Хэшиле Ляньби с их обязательным для того времени восхвалением китайской древности, «умеренности», с их схоластическими намеками на несоответствие между «главным» и «посторонним» проскальзывают трезвые мысли об относительном уменьшении посевных площадей — в расчете на душу населения, о росте «потребителей» (неземледельческое население) и о падении урожайности. Ответ Ши-цзуна на это высказывание Хэшиле Ляньби летопись не сохранила, но предпринятые им меры свидетельствуют о его согласии с доводами вельможи: запрещены все собрания, в том числе ритуальные и обрядовые, в период полевых работ с 2-го по 8-й лунные месяцы.

Спустя несколько лет, в 1189 г., Ши-цзун спрашивал министров: «Какими средствами побудить народ оставить постороннее (торговлю и пр.) и стараться о главном (хлебопашестве), чтобы таким образом распространить и умножить сбере-

жения (хлебов)?» Он повелел им собрать чиновников на совещание. В ходе совещания министр финансов Дэн Янь и другие представили следующее мнение: «Чрезмерная расточительность ныне в обычае, надо ограничить ее законом. Да будет повелено по различию состояний определить форму одежды, перечень вещей, употребляемых в домашнем быту, и планы домов, сократить чрезмерные празднования при совершении свадеб и похорон и воспретить пустые траты на взаимные угощения. Когда в расходах будет соблюдается умеренность, тогда количество собираемого хлеба само собой увеличится» [ЦШ, цз. 9; Розов, л. 265—266]. В этом заявлении, характерном для феодального мышления, все беды и недостатки экономики объясняются расточительными тратами, причем не государственными, а частными. Интересно, что заключение совещания не отвечает прямо на поставленный перед ним вопрос о средствах по развитию хлебопашества, очевидно предполагая, что борьба с роскошью сохранит средства, рабочее время и руки для полезных хозяйственных занятий.

Наконец, при Сюань-цзуне в 1217 г. правительство при заключении договора ясно выразило свой интерес к земле как к основе земледелия и скотоводства, столь незначительный 100 лет назад. «Посредством заключения мира с царством Сун надлежит утвердить за собой Хэшо (Хэнань.— М. В.) и доставить продовольствие войску и скоту. В этом состоят главные расчеты настоящего времени» [ЦШ, цз. 15, стр. 110].

Как мы видим, создание империи с земледельческим населением побудило чжурчжэньских государственных деятелей заняться аграрными вопросами, традиционными для Китая. Земля стала признаваться величайшим богатством государства, главным средством пополнения казны и основой существования населения. В результате правительство решительно подтвердило верховную опеку над землей, натуральными поступлениями и складами зерна. К. Маркс писал: «Как в большинстве основных *азиатских* форм, *объединяющее единое начало*, стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как *высший собственник или единственный собственник*» [Маркс и Энгельс, т. 46, ч. I, стр. 463].

В период создания государства Военный совет национализировал земли лясских и сунских чиновников и вельмож — казенные и частные. В 1156 г. пустоши, пастбища, участки бродяг и земли религиозных организаций, сильных при лясском дворе, вошли в число казенных земель. Цзинь склонна была рассматривать как казенные и земли крестьян, которые обрабатывали их в течение нескольких столетий на правах частной собственности, если крестьяне не могли документально подтвердить свое право на них. Если разбирательство кончалось в пользу владельца, земля объявлялась частной собствен-

ностью и облагалась налогом, в противном случае — конфисковалась. «Хотя и именуются народными землями, но все это бездоказательно, отобрали как казенную... Хотя некогда и прошли проверку и включены в число налогооблагаемых (как частные), но бездоказательно» [ЦШ, цз. 47, стр. 297] — такие фразы часто встречаются в летописи. Эти ревизии и требование доказательств на право владения землей сводились к выяснению, не получил ли владелец эту землю некогда как пустошь, так как если не считать пожалований, то по цзиньским законам только поднятая целина считалась собственностью владельца [Син Тхэ Хён, 1958, стр. 49—50].

Действуя таким образом, правительство преследовало две основные цели: расширить фонд казенных земель, дающих высокую ренту — подать, и обеспечить миллионы чжурчжэньских переселенцев наделами. Первоначально земель бежавших и погибших китайских феодалов вполне хватало новоселам. Но после массового переселения чжурчжэней в 40-х годах в Китай пришлось конфисковать монастырские и тому подобные поля в Шаньдуне и Хэбэе. Но и их хватило ненадолго, и с 1165 г. раз в 10 лет стали проводиться генеральные ревизии для изымания «неправильно» используемых земель. Начиная с 1182 г. власти стали расторгать с китайцами арендные договоры на казенные наделы [Тоё тьюсэй си, 1939, стр. 404—407].

Два обстоятельства имели большое политическое значение в земельной системе Цзинь: ограничение частной собственности на землю и господство мелких крестьянских хозяйств на государственных наделах. Это отразилось и на терминологии. Так называемые народные земли (минь-ди) в эпоху Цзинь состояли из признанных частнособственнических земель и из казенной пустоши, полученной во владение. Все прочие земли относились к категории казенных (гуань-ди) и отдавались крестьянам в аренду. В 1177 г. о них сказано категорично: «Казенные земли — не народные, народ только сеет на них» [ЦШ, цз. 47, стр. 297].

Наиболее ранние земельные законы, отраженные в «Цзинь ши», касаются наделения казенными участками. Первоначально право на получение казенных наделов признавалось за чжурчжэнями — военными поселенцами и за китайцами-бедняками. Совершеннолетним в обширных округах выдавали по 100 му, в небольших — по 10 му; несовершеннолетним (15—16 лет) выдавали половину. При этом пустошь считалась казенной землей, а крестьяне на ней — арендаторами. Итак, с самого начала точных норм, касающихся размеров наделов, не существовало. Позднее типовой нормой надела на одного тяглого, или совершеннолетнего, китайца считалось 50 му, но она зависела от количества свободных земель.

Наделение земель чжурчжэней ясно не во всех подробностях [см. Wan Kwoh-ting, 1932; Тао Си-шэн, 1935; Син Тхэ Хён, 1958, стр. 53—56; Mikami, 1972, стр. 271—174]. Судя по приведенному уже рассуждению, чжурчжэни из мэнъянь и моукэ одно время получали в аренду казенную землю наравне с бедняками-китайцами и в тех же размерах, т. е. независимо от величины хозяйства. Вместе с тем в «Цзинь ши» утверждается: «Их система: каждая упряжка состоит из трех тягловых волов. Ограничивая число людей двадцатью пятью, выдают земли 4 цина 4 му с лишним. В год вносят проса в общем не более одного даня. Чиновники и простолюдины получают землю не более чем на 40 упряжек» [ЦШ, цз. 47, стр. 302]. Если сказанное можно отнести по времени до 1125 г., то получается, что еще при Тай-цзуне на исконных землях в Маньчжурии эта система уже существовала. Если это так, то на Китайской равнине она могла быть введена лишь после 1138 г.—года ликвидации государства Ци.

Неясно, входят ли в число 25 только совершеннолетние и на каждого ли из них давали 4 цина 4 му (как думает Син Тхэ Хён), или дело обстояло иначе. Как представляется нам, на 25 чжурчжэней давали одну упряжку волов и в надел 4 цина 4 му. Специфически чжурчжэньское отношение к аграрной проблеме заключается в том, что основное внимание уделяется не размеру пашни, а числу упряжек. При наделении признавались лишь свободные дворы. Такой двор в то время состоял из 5—6 свободных, следовательно, 25 человек набиралось из 4—5 дворов. Эта большая семья получала 4 цина 4 му, совместно обрабатывала поле и пользовалась плодами урожая. Предел владения для большой семьи был ограничен пашней, приходящейся на 40 упряжек (160 цингов). В этом случае коллектив должен был насчитывать тысячу человек. Система считала большую семью из 25 человек хозяйственным объединением (на 8—10 ее тягловых в среднем и приходилось по 50 му) и стремилась предотвратить ее разбухание в погоне за увеличением запашки и тяглового скота.

Похоже, что в завершённом виде эта система — плод аграрной реформы 1180—1183 гг., целью которой являлось экономическое укрепление мэнъянь и моукэ. Не случайно именно ревизия 1183 г. позволяет выявить следующую зависимость между населением, с одной стороны, и упряжками с наделами — с другой. На упряжку, действительно, приходится около 4 цингов, но даже с рабами на упряжку от силы набирается 16 человек, а свободных — всего 12. Это значит, что земля нарезалась не только по положению, на определенное число работников или даже населения, и что были большие имения.

Не совсем ясно, существовало ли до 1183 г. ограничение в 25 человек. Хотя в приведенной выше цитате [ЦШ, цз. 47,

стр. 302] речь шла о всем населении, в другом месте говорится: в 1182 г. «подсчитали число тягловых, упряжек волов в мэнъань и моукэ, снабдили землей по фактическому числу» [ЦШ, цз. 47, стр. 298]. Правда, здесь речь идет о земельной реформе 1180—1183 гг., но при таком подходе к наделению землей суть дела, возможно, и не менялась, так как число совершеннолетних (тягловых) в хозяйствах моукэ сокращалось в результате военных наборов (см. стр. 193—194 настоящей работы). Даже в последнее десятилетие Цзинь правительство признало своей обязанностью содержание членов семей чжурчжэньских воинов. Другие источники тоже говорят об учете при наделении всего населения дворов моукэ [ДЦГЧ, 36].

Проблема косвенно получит некоторое разъяснение, если мы напомним о праве чжурчжэньских коллективов, во главе с чиновниками и сановниками, на 40 упряжек и соответствующее количество земли и об ограничении земельного владения одного двора десятью цинами.

Чжурчжэньские земельные владения увеличивались и другими путями. При Хай-лин-ване между военными поселениями распределяли пленных: «на каждого человека выделяли казенной земли 2 цина и участок пустоши» [СЧБМХБ, цз. 230, стр. 36]. А поскольку в число совершеннолетних в мэнъань и моукэ в 1183 г. было включено более 1 млн. совершеннолетних рабов, то, очевидно, землю давали и на них. Позднее разрешалось увеличивать запашку за счет поднятой целины.

Судьба такого наделения не отличалась оригинальностью. Мелкие дворы стали разоряться и терять наделы, а чиновники и знать — их присваивать, увеличивая свои и без того большие владения. Чтобы сохранить свою базу — чжурчжэньские военизированные общины, правительство подготовило реформу.

При проведении реформы мэнъань и моукэ, претерпевших к тому времени сильную сословную дифференциацию, возникли споры по принципиальному вопросу — о способе установления разрядов новых мэнъань и моукэ. Среди высших сановников, защищавших интересы богачей, преобладало мнение о ненужности коренной ревизии дворов, земли, волов и рабов. Они предлагали ограничиться декларациями о фактическом состоянии хозяйств и определить их состоятельность по прежним разрядам. Сановники боялись увеличения обложения по новым разрядам. Средние бюрократы защищали противоположную точку зрения, отстаивали ее и провели ревизию и реформу в 1180—1183 гг. [Mikami, 1972, стр. 168—175].

В ходе этой ревизии выяснилось, что многие знатные чжурчжэньские семьи захватили громадные участки земли, некоторые из них достигали 3 тыс. цинов, а на человека приходи-

лось по 30 цинов. В 1181 г. Ши-цзун упрекал членов императорского рода за то, что они, переселившись в Хэцзянь, получили новые земли и сохранили за собой старые в губернии Шанцзин. По указу 1181 г. надлежит «все незаконно захваченные казенные земли, превышающие 10 цинов, отобрать в казну и равномерно распределить среди бедняков» [ЦШ, цз. 47, стр. 297].

Наряду с проверкой земельных площадей подготавливалось новое положение о наделении землей мэнъянь и моукэ. В 1183 г. Ши-цзун заявил: «Сановники в старину довольствовались семью упряжками, теперь разрешили 40, я сделал это вначале по совету сановников... потом ограничил число людей 25-ю, а волов — одной упряжкой» [ЦШ, цз. 47, стр. 302]. Цель этого нововведения, по Син Тхэ Хёну, заключалась в том, чтобы лишить знать возможности иметь землю на 40 упряжек, так как при одной упряжке они просто не могли ее обработать. Деля эту землю на 25 человек при одной упряжке, Ши-цзун пытался воспрепятствовать захватам земли одной большой семьей. Фактически здесь нужно видеть уступку этим сильным семьям чжурчжэньских аристократов, уступку, прикрытую требованием сохранения тысячного коллектива.

Казенные наделы запрещалось продавать. Предостерегая против нарушения правил об обязательной высадке тутовых деревьев, Государственный совет добавляет: за продажу земли — наказание [ЦШ, цз. 11]. Разумеется, речь идет о казенных наделах, которые чжурчжэням под страхом строгого наказания запрещалось продавать, так как казенные наделы мэнъянь и моукэ считались основой существования и снабжения провиантом. Но чжурчжэням разрешалось покупать у китайцев частную землю и, надо полагать, продавать ее.

Частная аренда и субаренда допускалась правительством в исключительных случаях, например, если семья — обладательница казенного надела — не имела сил его обработать. Фактически же, как увидим, они широко практиковались, так как не требовали официального оформления.

Положение о частных землях известно менее подробно. К этой категории относились целина, обрабатываемая много лет подряд, имения крупных китайских феодалов и чиновников, чьи права были признаны цзиньской династией, жалованные земли чжурчжэньской знати; к ним же примыкали в некоторых случаях пустошь и целина, взятые в аренду на соответствующих условиях.

Размер рядовых непривилегированных частнособственнических имений, вероятно, по положению не должен был превышать 10 цинов. Неважно, шла ли речь о китайцах или о чжурчжэнях: любой излишек против установленного наделного лимита автоматически превращался в казенную землю.

Однако это ограничение не распространялось на обработанную пустошь [Син Тхэ Хён, 1958, стр. 51—52]. В принципе владельцам частных земель возбрана была дополнительная аренда казенных участков.

По существовавшим правилам собственную землю китайцам не запрещалось продавать при условии, что к моменту продажи кем-либо (покупателем или продавцом) будут внесены недоимки. Однако целину, частную и казенную, полученную в Хэнани и имеющую право на освобождение от налогов в течение восьми или трех лет, продавать запрещалось.

Признание государством верховной власти над пашнями и лугами повлекло за собой ответственность его за ирригационное хозяйство, постройку и починку плотин, осушение болотистых и затопляемых земель, внедрение рациональной системы посевов, борьбу с последствиями неурожаев, засух, наводнений, помощь неимущим и беднякам. Это была тяжелая, но неотложная задача, так как после завоевания Северного Китая и последующего наступления на юг в 60-х годах XII в. в результате разразившихся стихийных бедствий вышли из строя ирригационные сооружения, что приводило к неурожаю и голоду. Для решения названных задач в центре существовали департамент аграрных инспекторов, «три департамента» (один из которых ведал сельским хозяйством), бюро водного хозяйства и др., а на местах ими занимались все чиновники окружных и уездных управлений под надзором прокуратуры. Заставляя местные власти заботиться об орошении, центральные учреждения ссылались на традиции, укоренившиеся в Китае при Хань.

Эта задача стала особенно актуальной с конца XII в. Не приходится удивляться тому, что и сведения в «Цзинь ши» о ирригационных мероприятиях датируются этим же периодом. В 1194 г. приказано губернским прокурорам выяснить, какие реки можно использовать для орошения полей. В 1195 г. за расширение путем орошения запашки у моукэ на 30 цингов назначена была награда серебром или шелком — 20 лянов-кусков, налоги же обещано брать как с сухих полей. В 1216 г. местные чиновники сообщали: «Когда воды запруженного озера нахлынули, сухое поле превратилось в заливное — под водяной рис, когда воды отхлынули — стали сеять ячмень. Урожай собрали вдвое против того, который уродился на сухих полях. Вербовали людей арендовать эти земли. Государство брало треть [налогов]. В год можно получить 100 тыс. даней» [ЦШ, цз. 50, стр. 321]. На юге страны орошение получило широкое распространение в хозяйстве, и министр докладывал: «Теперь в уездах и префектурах Хэнани много мест, где испокон веку существуют поливные поля» [ЦШ, цз. 50, стр. 321].

Важным событием в народнохозяйственной жизни страны,

получившим политический резонанс, оказалось изменение направления части русла Хуанхэ [Тоуата, 1964, стр. 565—593; Тояма, 1940]. Новое, юго-восточное направление реки оформилось к 1194 г. Огромная площадь была затоплена. Район бедствия был обширен: от Хэбэя на севере до Цзянсу и Аньхоя на юге. После спада воды возникли споры между чжурчжэнями и китайцами из-за земли. В 1225 г. в ходе войны с монголами Хуанхэ внезапно повернула русло на север, а восточный и южный притоки вышли из берегов. Чжурчжэни стали испытывать недостаток продовольствия, а правительство стремилось им помочь за счет китайцев, что вызвало новое недовольство.

Цзиньская агротехника была довольно эффективной. Цзиньцы разрабатывали орошаемые поля, строили каналы, рыли колодцы, сооружали плотины. В государстве поддерживалась стройная оросительная система: «Система полей: ирригационные каналы делят поля на участки; скачка и передвижение, естественно, прекращаются» [ЦШ, цз. 46, стр. 291]. Последняя оговорка имела существенное значение вследствие развития чжурчжэнями пастбищного коневодства и облавных охот, требовавших больших ровных пространств. В 1221 г. созданы орошаемые участки более чем в 50 тыс. пунктах. Урожайность орошаемых полей в Хэнани возросла в несколько раз по сравнению с положением при Сун [Oshino, 1954, стр. 107].

С целью повышения урожайности правительство внедряло своего рода «квадратно-гнездовой посев» (цюй чжун)—разновидность рядового сева и паровую систему деления полей на участки (цюй тянь). При «квадратно-гнездовом посеве» производилась высадка рисовой рассады в специальные гнезда в центре квадратов, отстоящих друг от друга на одинаковом расстоянии. Система деления полей на квадраты очень древняя. Каждое поле в 1 му делилось взаимно пересекающимися бороздами таким образом, что получалось около трех тысяч квадратов (примерно $0,5 \times 0,5$ м). В текущем сезоне обрабатывался лишь один ряд, а в этом ряду—лишь несмежные участки, следующий ряд и смежные участки находились под паром. В итоге лишь четверть борозд-участков засеивалась при одном заходе. Рассаду сажали в борозды. Земля, выброшенная из борозд на участки, смешивалась с прошлогодними листьями, и перегной попадал в канавы. По легенде, урожай с каждого участка мог составлять 1 доу риса, а со всего поля в 1 му—66 даней. Но уже очень рано китайские агрономы писали о нескольких данях фактического урожая с 1 му. Поле, использованное таким образом, как они считали, давало максимальный урожай с минимальной площади в течение данного времени.

В 1194 г. было разработано уложение о «квадратно-гнездовом посеве». Из каждых 100 му крестьянских заливных полей 30 му должно было засаживаться рисовой рассадой. Для сухих полей специальные чиновники устанавливали норму высадки рассады в каждом случае особо. Закон был введен в действие с 1196 г. Если на земле был один тягловый работник (16—59 лет), он высаживал рассаду на одном му, если работников было больше, то на 5 му. В следующем году ревизия, однако, установила, что владельцы 100 цинов высаживают рассаду всего на 1—5 му.

В последние десятилетия существования Цзинь усиленно дебатировался вопрос о внедрении полей, разделенных на квадраты. Когда в 1192 г. Чжан-цзуну доложили в проекте соответствующего уложения, он заметил: «Сановники [эти поля] очень хвалят, но боюсь, земледельцы не поймут этого уложения...» [ЦШ, цз. 50, стр. 321]. В 1204 г. вновь встал вопрос о разделении полей на квадраты, и снова он встретил возражения, указывали на экстраординарный характер его традиционного применения (обычно при бедствиях), на нежелательность спешки, которая «еще не обязательно дает выгоду», на необходимость дать крестьянам возможность на примере «квадратно-гнездовых посевов» убедиться в эффективности полей, разделенных на квадраты, в противном случае административные меры не могут ввести закон в жизнь. Из сказанного видно, что оба уложения были увязаны между собой аграрными деятелями, но вводились постепенно. И если уложение о «квадратно-гнездовом посеве» вошло в обиход, то уложение о полях, разбитых на квадраты, похоже, не вышло из стадии проекта.

В «Цзинь ши» часто упоминается о разных стихийных бедствиях: ливнях, наводнениях, жаре, засухе, саранче. Так, в 1220 г., после очередной засухи, последовало распоряжение правительства: «Так как в Бочжоу орошаемые поля пересохли, посеянные семена уже не впитывают влагу,—сеять сухой рис и снова обрабатывать их» [ЦШ, цз. 47, стр. 300].

Если бедствие все же наступало, правительство принимало меры, проверенные практикой: временно освобождало от земельных податей или налогов — полностью или частично, выдавало семена, на льготных условиях продавало зерно, выдавало его из казенных амбаров. В частности, в 1143 г. велено было «жителей Шаньси, Пучжоу, Сячжоу, Жучжоу и Цайчжоу, которые разбежались в результате голода и продали себя в рабство, выкупить за счет казны и возратить на прежние места» [ЦШ, цз. 4, стр. 37]. В приведенном ниже отрывке помощь голодающим переплетается с финансовой операцией. В 1192 г. «местное начальство донесло, что жители Хэчжоу пострадали от неурожая и из-за недостатка хлеба не предста-

вили в казну подати. Император простил им подать и повелел министру финансов преждевременно произвести зимнюю выдачу хлеба всем чиновникам с тем, чтобы они продали его народу. Осенью, — говорил император, — на приобретенные деньги от продажи хлеба чиновники, без сомнения, смогут купить его с избытком. Таким образом, это будет выгодно как для чиновников, так и для народа» [ЦШ, цз. 9, стр. 77].

Вся суть этой комбинации заключена в ценах — предполагаемых и фактических, по которым чиновники будут продавать свой паек голодающим. В соответствии с официальными воззрениями той эпохи, правительство рассчитывало, что чиновники продадут свой паек по казенным ценам, более высоким, чем осенние, — отсюда и разница. Таким образом, оно накормит народ чиновничьими пайками и даст возможность чиновникам за труд немного заработать. Но фактически, можно не сомневаться, продажные цены чиновничьих пайков были выше казенных.

Особое место в сельском хозяйстве Цзинь занимало возделывание технических культур — тутовых деревьев и чая. Заботясь о развитии шелководства в стране, Государственный совет издал специальный указ, побуждавший китайцев и чжурчжэней, живущих в селах, совместно выращивать тутовые деревья и разводить шелковичных червей [ЦШ, цз. 47]. Смысл оговорки «совместно» довольно емкий. Чжурчжэни далеко уступали китайцам в подобных занятиях, поэтому правительство таким приказом хотело достичь две цели — заставить китайцев под наблюдением чжурчжэней заниматься шелководством и помочь чжурчжэням перенять это занятие у китайцев. Такая политика дала определенные результаты: источник сообщает, что на полях 16 моукэ в Синчжоу успешно выращивают шелковичных червей [ЦШ, цз. 23]. Но есть и противоположные сообщения. В двух столичных областях чжурчжэни мэнъянь, нуждаясь в новых полях, вместо того чтобы возделывать целину, вырубали тутовые и финиковые рощи, продали деревья на топливо, а землю пустили под пашню [ЦШ, цз. 47].

Правительство неоднократно напоминало о необходимости беречь высаженные деревья и обязательно придерживаться установленного лимита высадки. В 1190 г. Государственный совет доложил, что «дворы мэнъянь и моукэ не стараются сажать тутовые и плодовые деревья. Велено из каждых 10 му три засаживать деревьями» [ЦШ, цз. 47, стр. 298]. В 1199 г. принята политика поощрения выращивания чая частными и государственными предприятиями. Кроме государственных чайных плантаций посадками занималось и население: жителям Хэнани велено было на пробу сажать чайные кусты [ЦШ, цз. 49].

Основные земледельческие культуры Северного Китая — просо и гаолян — сохранили свое ведущее положение и при Цзинь. Чжурчжэни, переселявшиеся в Китай, перенимали наиболее распространенные здесь культуры и даже старались привить их на своей далекой родине. В Маньчжурии и прилегающих к ней районах в цзиньское время, по археологическим находкам и письменным источникам, выращивали чумизу, ячмень, мелкий ячмень, пшеничку, клейкое просо, водяной и суходольный рис, представленный несколькими сортами — лученским и ляоянским, голубоватые зерна которого отличались приятным вкусом и ароматом. Из технических культур упоминаются конопля и хлопчатник, из садовых — персики, сливы, груши, пионы, из огородных — арбузы, лук, чеснок [ШЦТЧ, цз. 106].

В Северном Китае и Маньчжурии, как и прежде, превалировало просо, за ним шел ячмень и, наконец, рис. Анализ состава податей и налогов с земли, пайков чиновникам и солдатам подтверждает эту последовательность. Только в жалованье высших чиновников входили пшеница и рис. И то и другое культивировалось в цзиньских владениях, особенно успешно — на юге, где применялся метод высадки рисовой рассады.

Земледелие находилось на высоком уровне. Господствовало — во всяком случае среди чжурчжэней — плужное земледелие. Поддерживалась ирригационная система, поощрялся «квадратно-гнездовой» способ высадки рассады, заливные поля. Орудия земледелия все были железные и рациональной формы.

Интересным новшеством в северокитайском хозяйстве оказалось пастбищное скотоводство, которое чжурчжэни перенесли сюда из Маньчжурии. Этот хозяйственный уклад сразу же вошел в болезненное противоречие с местным земледелием, с его полями и пашнями, пересеченными вдоль и поперек каналами и межами. Сгоряча чжурчжэни действовали круто: «В начале Цзинь по примеру Ляо вернулись к обычаю пасти [скот] табунами» [ЦШ, цз. 44, стр. 284], но вскоре запросы земледелия властно потребовали разрешения конфликта между хлебопашеством и скотоводством в пользу первого. Некогда, проезжая по Шаньси, император заметил, что «большие пространства были заняты полями и не было места для пастбищ. И повелел, чтобы хлеб сеяли в 5 ли от города. Теперь (в 1171 г.) слышу, что все крестьяне переселились в другие места... Итак, пусть прикажут разводить посевы на прежних местах» [ЦШ, цз. 6, стр. 56]. До конца Цзинь происходило соперничество между пашнями и пастбищами. В 1192 г. в губернии Наньцзин пастбища занимали площадь в 63 250 цинов, в губернии Шэньси — 35 680 цинов. И тем не менее в 1216 г.

«снова послали чиновников отобрать в Хэнани пастбища для жеребцов» [ЦШ, цз. 47, стр. 300].

Скотоводство, в особенности коневодство, находилось под государственным надзором. Но известные нам мероприятия правительства в области регулирования коневодства, столь любезного сердцу чжурчжэней, относятся в основном к обеспечению армии конями и уже рассмотрены нами (см. стр. 198—199). При Ши-цзуне вновь было создано семь пастбищ и внедрена система передачи населению молодняка на вырост. В результате этих мер к 1188 г. страна имела 470 тыс. коней, 130 тыс. быков, 87 тыс. овец, 4 тыс. верблюдов [ЦШ, цз. 44].

Правительство ограничивало забой крупного рогатого скота, боясь затруднений при пахоте из-за недостатка волов. В 1168 г. Ши-цзун сказал: «Законом воспрещается забивать волов. Почему не воспрещается забивать лошадей? Лошади необходимы для войска, так же как волы необходимы для возделывания земли. Он повелел прекратить забой коней» [ЦШ, цз. 6, стр. 54]. Однако забой коней продолжался, и через 30 лет, в 1197 г., было объявлено: «Виновные в частном винокурении, возгонке дрожжей, забое быков и коров — это все родовитые и знатные семьи...», которым, несмотря на их знатность, угрожали наказанием [ЦШ, цз. 49, стр. 316].

Чжурчжэни, как видим, мясному и молочному животноводству предпочитали разведение тяглового скота. Несмотря на почти полное отсутствие цифр, суммирующих поголовье скота, можно догадываться, что чжурчжэни добились немалых успехов в этих областях хозяйства. Конница — наиболее многочисленный вид цзиньских войск — была обеспечена конями до самого краха Цзинь, тогда как Северная Сун с трудом набирала коней для сравнительно небольших частей кавалерии.

По генеральной ревизии 1183 г. у чжурчжэней числилась 384 771 воловь упряжка, не считая тяглового скота в императорском клане — 5066 упряжек. Пахота на волах при чжурчжэнях стала в Китае столь обычной, что при оценке собранных зерновых налогов в 1190 г. источник объясняет их скромные размеры прежде всего недостатком тяглового скота.

Надо полагать, что чжурчжэни занимались и свиноводством (хотя в письменных источниках о свиноводстве нет почти никаких сведений), поскольку уже издавна на чжурчжэньских стоянках находили кости свиней.

Сведения о сельских промыслах в финансово-экономическом аспекте ничтожны, хотя такие промыслы, как ткацкое, гончарное, кузнечное и прочие, должны были существовать в каждом селе, даже в каждом хозяйстве. Но они не попадали под фискальное обложение. Чуть больше сведений дает акциз. Специальные соглядатаи посылались казной для того, чтобы

взять на учет частное винокурение, солеварение, добычу уксуса и объявить их «запретными промыслами» [ЦШ, из. 57].

Рассмотрев разные отрасли сельского хозяйства Цзинь, преимущественно в экономическом аспекте и в сравнительно стабильном состоянии, мы, естественно, подходим к социальному анализу экономических отношений, или, точнее говоря, к аграрной проблеме, так как сельское хозяйство играло первостепенную роль в государстве.

Земельная система Цзинь — одно из заметных проявлений охранительной политики правительства по отношению к чжурчжэням. Чжурчжэни получали большие казенные наделы, среди китайцев же казенную землю получали лишь бедняки. Наделы были разные: большая семья чжурчжэней на вола получала 404 му, а китаец на семью — от 10 до 100 му. Но, кроме того, чжурчжэни получали волов и инвентарь. Чжурчжэни платили легкий налог на волов, а китайцы тяжелую подать. Причем и этот низкий налог с чжурчжэней шел в их же пользу — для поддержания терпящих бедствие крестьян. Чжурчжэни получали в виде наделов исключительно хорошие земли, которые изымались у китайцев. Чжурчжэням было воспрещено продавать свои участки, но они могли покупать китайские частные земли.

Земельную систему государство связывало с социальной политикой. Проводилась политика ограничения владения казенной землей и равного наделения бедноты. Размер надела китайского крестьянина в среднем ограничивался 50 му, причем лишние казенные земли, захваченные знатью и богачами, старались отобрать и раздать беднякам. В этом был и финансовый смысл — земля должна была приносить доход в виде подати.

В случае наводнения или засухи крестьян освобождали от уплаты налогов — целиком или частично, независимо от их состоятельности. Но если у богача размер поврежденной земли в одном месте оказывался небольшим и он освобождался от налогов, то у него было много другой земли. Бедняк же, напротив, хотя имел мало земли, но освобождался от налогов только в том случае, если она (фактически вся) была испорчена на 70%. Таким образом, цзиньскую политику освобождения от налогов при стихийных бедствиях нельзя трактовать как социальную защиту бедняков.

Чжурчжэньские власти реставрировали и расширяли ирригационную систему. Был создан специальный институт аграрных инспекторов, в задачу которых входил надзор за правильной вспашкой, севом и уборкой урожая, контроль за использованием полей и пашен, выявление земельных пустошей и целины, периодическая перепись земель. Чжурчжэни «вернули» из Маньчжурии на китайскую землю многие злаки и чрез-

вычайно расширили применение волов как тягловой силы при пахоте. Запашка в Цзинь выросла, урожайность несколько повысилась. Многие китайские путешественники отмечают цветущие поля в Цзинь. И тем не менее в целом сельское хозяйство чжурчжэней испытывало все углубляющийся кризис.

Причины кризиса земельной системы Цзинь лежат в самой этой системе. Провозгласив специальный закон о наделении земель чжурчжэней, правительство одновременно с раздачей обширных казенных земель полуосвобождало чжурчжэней от налогов. Сама по себе эта акция в конкретных цзиньских условиях не означала фактического создания привилегированного слоя служилых землевладельцев. Чжурчжэни в Китае оказались пришельцами. На родине чжурчжэни занимались хлебопашеством, но земли Хэбэя или Хэнани им были неизвестны. Здесь они не имели традиций в этой отрасли хозяйства, тяглового скота и орудий. Сунский источник резко и полемично пишет о них: «Это люди из числа тех, которых не научили пахать. То предоставляли земли, но они не принимали, то наделяли ими, но они не пахали. Указ о наделении земель хотя и неоднократно встречали в летописях, но все это выглядит как пустословие, нет сведений об осуществлении. Хлебное жалованье и снабжение солдат по-прежнему невозможно было сократить, напротив, еще добавляли земледельческие орудия, волов, семена» [СВСТК, цз. 4, стр. 2813].

Разумеется, чжурчжэни не могли быть столь беспомощны, но в этом отрывке отчетливо проступает мысль, что они не превратились в слой процветающих, крепких земледельцев. Поэтому так называемые земельные и налоговые привилегии чжурчжэней на практике оборачивались условиями, минимально необходимыми для обеспечения их существования, разумеется (и этого нельзя забывать!) как пришельцев и завоевателей в чужой стране. Суть ситуации понимали и в то время, например, в 1177 г. отмечалось: «Чжурчжэни переселились на 3—4 тыс. ли от своей родины и получили тощие земли. Если не отрезать хороших земель и не снабдить (их) ими, еще долго останутся бедными» [ЦШ, цз. 47, стр. 297]. Льготы, облегченное налогообложение, неустойчивость образа жизни и недостаточность земледельческих навыков способствовали экономическому и социальному расслоению в среде мэнъянь и моукэ. Деревенская чжурчжэньская верхушка быстро превращалась в помещиков, а это вело к росту в их среде паразитических тенденций, к отказу от самостоятельной обработки земель или от управления имением, к передаче хозяйства в руки арендаторов. Рядовые чжурчжэни нищали и даже теряли свободу [Го Жэнь-минь, 1957].

В 1181 г. Ши-цзун сказал своему министру: «Народ дворов мэнъянь и моукэ в губернии Дамин, в Шаньдуне и в про-

чих местах бродяжничают, не любит пахать и сеять, не заставляя домашних заниматься земледелием, предлагает китайцам брать земли в аренду и берет с них подать. Богачи одеваются в шелк и в парчу, пьют, едят и гуляют. Бедняки ссорятся между собой. Надеяться на то, что двор обеспечит [каждого] человека, трудно. Еще недавно запретили продавать в рабство. Чтобы выяснить [их] хорошие и дурные привычки, надо послать инспекторов. Пусть они подсчитают подлинное число хозяйств, проверят количество земли, приходящееся на едока, решительно велют самим обрабатывать землю. И только тем, у кого не хватает сил, разрешается брать арендатора. Запретить в период земледельческих работ пьянки» [ЦШ, цз. 47, стр. 297]. В 1181 г. специальный ревизор доносил: «Слышал про то, что люди мэнъянь и моукэ только пьянствуют, да постоянно стараются получить с податных земельную подать за 2—3 года вперед, что они сеют, но не пропалывают, позволяют [пашням] зарастать сорняками...» [ЦШ, цз. 47, стр. 298].

Правительство видело непосредственное зло — частное арендаторство — и строго настаивало на личной обработке наделов, казалось бы обеспечивавших содержание семье. В 1182 г. за отказ от личной обработки полей назначались палки, в 1192, 1204 гг. это требование вновь было подтверждено. Однако правительство отказывалось понимать, что само арендаторство возникло в сложных условиях [Хуа Шань, 1957].

В 1216 г., когда чиновники изыскивали пустующие земли в Хэнани, президент Государственного совета доложил: «Сейчас у нас в военных дворах, имеющих право на жалованье, 448 тыс. с лишним человек, на человека приходится немногим более 6 му» [ЦШ, цз. 47, стр. 300]. Но так как этот надел и рацион были недостаточны для прокормления, некоторые советовали разрешить, по желанию, аренду или подъем целины (пастбища). На это сказали: «Пастбища малочисленны, долго пустовали, трудны для пахоты, военные дворы опять бедны сельскохозяйственным инвентарем и нечем снабдить их; кроме жалованья, им нечего есть» [ЦШ, цз. 47, стр. 300]. И раньше, в более благоприятных условиях, чжурчжэни испытывали трудности. А когда на семью из шести человек пришлось 36 му, тогда как по старой норме даже китайцам на такую семью при двух рабочих полагалось 100 му, чжурчжэньские хозяйства и вовсе потеряли хозяйственное значение, тем более что и таких наделов не хватало, а в семьях не осталось работников.

Так, в 1221 г. говорились: «В трех столичных губерниях — Южной, Восточной и Западной — стариков и детей в семьях военных поселенцев 400 тыс. человек. В год тратим на

них 1,4 млн. даней, все они сидят и проедают народные подати...» [ЦШ, цз. 47, стр. 300].

В результате того, что чжурчжэни, отдавая свои земли в аренду китайцам, получали сами с них подати, эти земли уже становились как бы собственностью чжурчжэней. Ревизия 1182 г. установила, что многие семьи захватили излишние земли — до 800 цинов. Такая практика лишала государство доходов, которые оно могло бы получить с китайцев, если бы они арендовали не чжурчжэньские наделы, а государственную землю.

Прельщаясь легкими доходами, чжурчжэньские вельможи создавали крупные земельные владения. Так, в 1181 г. у одного вельможи вместе с родственниками насчитывалось более 70 домов, а земли было свыше 3 тыс. цинов.

Конечная неудача цзиньской аграрной политики по отношению к чжурчжэням (как и всей системы государственного арендаторства) была обусловлена самой попыткой в условиях феодализма решить экономические проблемы политическими средствами. Все правительственные распоряжения были действительны лишь до момента наделения землей. Созданные таким образом хозяйства, большие и малые, уже развивались по своим экономическим законам, которые рано или поздно взрывали правительственные узаконения. Но при всех этих сложностях, обычных для феодального общества, чжурчжэньское хозяйство вполне могло существовать еще какое-то время, если бы его база не была искусственно сужена. Потеря Северного Китая, новое переселение при столь неблагоприятных условиях в перенаселенную Хэнань оказались роковыми для хозяйства чжурчжэней.

Второй причиной кризиса системы явилась политика изъятия земель у китайцев для наделения чжурчжэней. При этом у китайцев изымали лучшие участки. Когда Ши-цзун «выехал на охоту, люди мэнъянь и моукэ сообщили: „Земли, полученные в надел, нельзя засевать и засаживать“. Указано: „Отобрать казенные земли, долго находящиеся в аренде у населения, и передать им“» [ЦШ, цз. 47, стр. 297]. Не говоря уж о недовольстве китайских крестьян, при такой системе из категории облагаемых и эффективно возделываемых уходили лучшие земли. Более того, налоговый дефицит прямо или косвенно в значительной мере погашался китайцами. Если мы вспомним, что в 1183 г. за 615 тыс. дворов чжурчжэней числилось 1690 тыс. цинов земли, то очень приблизительно можно определить, что площадь казенной земли у китайцев составляла 6 млн. цинов (из следующего расчета: каждый из 6 млн. дворов, состоящий примерно из шести человек, среди которых насчитывалось тоже в среднем двое тягловых, по норме должен был получать 100 му, или 1 цин). Конечно, это очень условная

цифра, но она дает некоторое представление о доле чжурчжэньских земель в казенном земельном фонде страны.

Поскольку чем дальше, тем больше отбиралось культурных земель у коренного населения, эту убыль стремились возместить подъемом целины, поощряемым разными льготами. Льготный срок был долгим, но, когда он приближался к концу, крестьяне часто убегали с участков, чтобы избежать налогообложения [ЦШ, цз. 47]. Процветал обычай сокрытия земель от обложения. Для обнаружения сокрытых земель и имущества правительство не раз посылало специальных ревизоров.

В начале XIII в. правительство пошло еще дальше по пути отчуждения целины из списка казенных земель. В 1216 г. «предложили народу: кто возделает пастбища или казенные пустоши, превратит их в плодородные поля, тот получит половину их навечно, а половина перейдет военным дворам» [ЦШ, цз. 47, стр. 300].

В результате обработка земель попросту не окупалась. Китайские крестьяне теряли свои наделы и личные участки либо потому, что не могли уплатить долгов или налогов, либо из-за войн и неурожаев, становились бродягами и арендаторами. Земли же пустовали. В 1219 г. в богатейшей Хэнани из 1970 тыс. цинов обрабатывалось военными поселенцами и гражданским населением лишь 960 тыс. цинов, в 1221 г. в губернии Южной столицы из 398 тыс. цинов казенных земель вспахали только 99 тыс. цинов.

Третья причина кризиса — это развитие частнособственнических хозяйств. Их существование, вначале по необходимости признанное, хотя и с большими оговорками, существенно нарушало принцип государственной собственности на землю и практику казенной аренды. И именно частнособственнические хозяйства стали экономической силой, которая разрушала и охранительную земельную систему мэнъянь и моукэ, и казенную наделную систему китайских крестьян, против них все административные и правовые меры оказались бессильны.

По закону казенные наделы китайцев и особенно чжурчжэней считались неотчуждаемыми (кроме особых случаев по инициативе государства) и, казалось, при любых условиях сохранялись за хозяйством, обеспечивая ему минимум доходов. Фактически получалось иначе. Любое затруднение: падеж тяглового скота, пропажа семян, неурожай, стихийное бедствие, смерть работника ввергали такое хозяйство в кризис. После уплаты налогов (если двор мог их внести) ничего не оставалось на жизнь, крестьянин вынужден был занимать хлеб или деньги, становиться частным арендатором. А так как его хозяйство было маломощным, он неизменно не выдерживал конкуренции более крупных частнособственнических и привиле-

гированных имений (по себестоимости продукции и рыночным ценам). Ему не удавалось выплатить ростовщические проценты, про которые источник говорит: «Государство издало закон: за ссуду в месяц взимается не свыше 3%, проценты нарастают лишь, пока не удваиваются; ныне же не проходит и месяца, как проценты утраиваются» [ЦШ, цз. 50, стр. 319].

В результате неотчуждаемый надел превращался для такого хозяйства в ловушку: крестьянин кроме частных долгов должен был еще неукоснительно вносить государственные подати. Если крестьянин не бросал участка, то он окончательно разорялся; оставив надел, он превращался в бродягу или в батрака. Если обстоятельства позволяли, он переходил со своим участком под покровительство сильного землевладельца или закабалялся. Этот экономический процесс сметал все запреты, но проявление его последствий отличалось разнообразием, как и сопутствующие явления.

Уже в момент наделения землей совершались несправедливости. Когда в Шаньдуне распределяли земли, плодородные достались богатым домам, тощие — бедным [ЦШ, цз. 47]. В сравнительно легкие времена, в 1177 г., докладывали: «В губерниях незанесенные в реестр казенные поля и земли по берегам рек — все захвачены знатными и сильными. Бедняцкие земли тощие, налоги тяжелые. Просим прислать чиновника отобрать и занести в реестр незаконно арендованное, назначить земельную подать; снова пересчитав, уменьшить налог с населения и дворов; соразмерить тяжесть и легкость» [ЦШ, цз. 47, стр. 297]. В 1180 г. во время инспекционной поездки Ши-цзун заметил, что сановник министерства финансов «захватил соседнюю казенную землю, не платил подати, а велел крестьянам пахать и сеять. Он повелел: „Покойный Тайбо Али захватил в губернии Шаньдун 140 цинов земли; в начале годов Да-дин ему же было пожаловано в губернии Средней столицы поле в 100 цинов. Приказываю конфисковать земли в Шаньдуне в казну“» [ЦШ, цз. 47, стр. 297]. В 1187 г. было установлено, что «в ряде мест дома знати и чиновников осмелились захватывать казенную землю, передавать ее другим для посева и в аренду с намерением получать налоги и прибыли» [ЦШ, цз. 47, стр. 298].

В четырех отрывках в нарастающем порядке представлен процесс создания крупных имений. Сначала неправильное распределение: богатому — лучшие земли, бедному — худшие, потом захватывают «бесхозные» земли, далее уже прибирают к рукам казенную землю, используя служебное положение и обладая жалованными поместьями; наконец, не только захватывают казенные угодья, но и отдают их от себя в аренду, рассчитывая получить с арендатора и налоги, полагающиеся казне, и ренту — арендную плату. Не удивительно, что «бога-

тые богатели, а бедные беднели» [ЦШ, изд. 50]. Этот процесс подрывал самый принцип казенного наделения земель — создание стабильной массы крестьянских хозяйств одинаковой удовлетворительной состоятельности, — земель, которая в докапиталистическую пору выступала как «всеобщее средство труда» [К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 23, стр. 191].

РЕМЕСЛО

Во время становления Цзинь товарное городское ремесло у чжурчжэней, по-видимому, только еще развивалось, тем более что и сами чжурчжэньские города только-только начинали крепнуть. Однако усиление связей с китайцами с 20-х годов XII в. открыло перед чжурчжэнями новые возможности и для развития ремесла, значительно расширило чжурчжэньское представление о возможностях ремесла вообще и китайского в частности. Во время последующей войны и взятия китайской столицы Кайфына чжурчжэни не столько уничтожали материальные ценности, сколько отбирали их и увозили с собой, обнаружив при этом определенное понимание относительной ценности изымаемого. Дальновидные завоеватели не ограничились материальной добычей. Они увели с собой массу ремесленников, некоторые из них работали в областях, отсутствующих у чжурчжэней. Так, из Кайфына увели 20 мастеров золотой росписи, 50 винокуров, 3 тыс. строителей и оружейников, 1 тыс. камнерезов, золотых дел мастеров, железо- и деревообделочников, сапожников, шляпников, ткачей, прядильщиков, 100 корабельщиков, 50 плотников, 30 каменщиков и черепичников, 100 каменных дел мастеров, 80 ювелиров, 5 мастеров по выделке мячей, 10 седельников и т. п. [Hsü Ping-ch'ang, 1936, стр. 10—11].

Выбор и число пленников свидетельствуют о смелом намерении завоевателей развивать в Маньчжурии разнообразное ремесленное производство в масштабе хотя бы придворного ведомства. Это намерение было осуществлено — об этом свидетельствуют развалины и находки Верхней столицы чжурчжэней.

Последующие политические события — победа чжурчжэней в Северном Китае — неизмеримо увеличили материальные и профессионально-трудовые возможности чжурчжэней, а подданными чжурчжэней сделались уже не десятки и сотни, а сотни тысяч китайских ремесленников и штаты целых мастерских. Многие мастерские были уничтожены, а их работники погибли, но уцелевшие продолжали работать, так как население, особенно китайское, не могло жить без их продукции.

Рассмотрим теперь отрасли ремесла, положение которых в чжурчжэньском государстве нам лучше известно.

Добыча полезных ископаемых и выплавка металла относились к числу ведущих отраслей ремесла. В словаре Ямадзи Хироаки есть упоминание о золоте, серебре, железе, меди, олове, а в «Хуаи июй», кроме того, еще и о медной руде, как таковой, о ртути, о таких минералах, как яшма, нефрит, горный хрусталь. Более того, эта отрасль ремесла пользовалась постоянным и исключительным вниманием правительства. Из десяти объектов правительственной монополии два приходятся на долю металлов (олова и железа), к ним практически примыкали и другие важные металлы: золото, серебро, медь.

Цзиньское горное дело в своем развитии прошло три этапа. На первом этапе пережитки племенного строя были еще сильны. Маньчжурские рудники по традиции продолжали оставаться в руках тех родов и общин, которым принадлежала сама территория. Рудники на территории Северного Китая переходили в руки чжурчжэньской знати. Так, железные рудники и плавильня в Цычжоу в 1127 г. попали в руки фамилии Хэшиле [Hartwell, 1967, стр. 180]. Большинство рудников, где добывались благородные металлы, тоже было захвачено аристократией. С образованием государства Цзинь рудники, как и земли, в принципе стали считаться общегосударственным достоянием, хотя и с некоторыми оговорками. Дело в том, что разработка копей была настолько специализирована, что их нельзя было раздать по участкам населению, но в то же время превращение их в полностью государственные нарушало китайскую традицию свободных единоличных поисков и преимущественные права чжурчжэньских племен. Поэтому в начале династии государство поощряло частную разведку и разработку жил, в особенности благородных металлов. Этим правительство ослабляло тенденцию к переходу рудников в руки местной знати и в какой-то мере обеспечивало развитие горного дела.

На втором этапе с укреплением государства его влияние на горное дело постепенно росло. Правительство объявило рудники государственной собственностью. К концу XII в. добыча металла стала повинностью крестьян. В качестве рабочей силы в рудниках использовали бродяг и безработных, не имеющих ни навыка, ни экипировки. Горное дело в это время превращалось в тягостную, убыточную обязанность. Для чиновников оно было источником вымогательства взяток. Так же обстояло дело и в Ляо и в Сун на стадии казенной разработки рудников. Из-за неповоротливости и незаинтересованности казенных управляющих, больших накладных расходов, случайного подбора кадров рудокопов, а также из-за

укоренившегося в среде властей представления о горном деле, как о занятии вредном, отвлекающем крестьян от хлебопашества, казенное горное дело оказалось убыточным. Однако официальная теория не допускала возможности убыточности [Лю Син-тан, 1934, стр. 73—75].

Выдвинув постулат неперенной доходности ремесла, чжурчжэни следовали примеру киданей, про которых сказано: «С испокон века и до императора Тянь-цзо-ди государство всегда пользовалось выгодами [от горнодобывающих промыслов]»: И в цзиньском государстве, как свидетельствует «Цзинь ши», «государевы слуги озабочены разорительностью промыслов» [цит. по: Лю Син-тан, 1934, стр. 73—78]. В «Цзинь ши» содержится интересный пассаж: в 1194 г. «цензорат предложил разрешить народу повсеместно разыскивать и плавить золото, серебро, медь. Император приказал Государственному совету обсудить это. Советник сказал, обсужив: „Государство долгие дни пользуется миром, прирост населения (искусственный.— М. В.) прекратился. Несмотря на введенный некогда запрет, бедняки время от времени, ища средств к существованию, собирались и плавил частным образом. Формально существовал запрет свыше, но фактически [плавка] не пресекалась. Поэтому и казна не имела прибыли, и население часто нарушало закон. Если бы разрешили народу откупать (плавильни.— М. В.), тогда взрослые бедняки стали бы мастеровыми, старики и малолетние выполняли бы разные повинности. Каждый получил бы свое. Дом-покупатель тоже имел бы прибыль. И так можно долго поддерживать это равновесие. Обязанность чиновников следить, чтобы ремесло не оказалось недоходным... По установленным правилам в те места, где есть плавильни, командируют начальника уезда, моукэ внести их в реестр и пригласить желающих выкупить их“» [ЦШ, цз. 50, стр. 319].

На третьем этапе горное дело в результате убыточности постепенно утрачивало свой казенный характер, правительство продавало некоторые рудники предпринимателям, разрешало свободную добычу металлов при условии выплаты налогов и т. п. Часть рудников была выкуплена у правительства подрядчиками, и на них разрешалась свободная разработка. В этой отрасли горного дела в большинстве своем работали свободные или отбывающие частнофеодальную повинность.

Наибольшее число известных нам правительственных распоряжений в сфере горного дела касается меди. Это не значит, что медь в жизни страны играла большую роль, чем железо. Но Маньчжурия и Северный Китай в те времена считались бедными медью. Из 31 рудника империи Сун только пять находились в северных ее провинциях — Сянчжоу (в пров. Хэбэй), Гэчжоу, Шаньчжоу, Вэйчжоу, Лунчжоу

(в пров. Шэньси), — и те работали с перебоями [Ch'en, 1965, стр. 614]. Медь выплавлялась в специальных горных, а иногда и в бытовых очагах канов. Из приморских медных руд и старых изделий получалась оловянно-свинцовая бронза, причем колебание примесей в сплаве было значительное: олова — 5—26%, свинца — 0,08—22% [Леньков, 1971, стр. 22].

Напомним, что цзиньское денежное обращение основывалось на медной монете и требовало огромного количества металла, а малейшая нехватка меди усугубляла затруднения в сфере обращения. В результате, правительство должно было постоянно заботиться о поисках новых медных месторождений, об обеспечении рудников рабочей силой, о транспортировке руды и металла в литейные и на монетные дворы, об охране добытой меди и о поисках ресурсов для восполнения ее нехватки. В 1176 г. правительство «...послало людей по губерниям разыскивать медные копи и жилы» [ЦШ, цз. 48, стр. 305] и повторяло такие экспедиции неоднократно. В 1161—1189 гг. оно даже посылало рудокопов за границу в горы добывать медь [ЦШ, цз. 48].

Но в 90-х годах на северо-западных границах Цзинь стало неспокойно, и добыча меди за рубежом прекратилась. В 1192 г. инспектор-ревизор Ли Бин сказал: «„Слышал, что контора донесла о том, что казенной меди хватит на расходы [в течение] десяти лет. Если ежегодно снова и снова заставлять рудокопов пересекать границу для дальних разведок, то не только будет много расходов, но и, пожалуй, возникнут пограничные осложнения. Если же на расходы использовать накопленное раньше, тогда можно ограничиться поисками и плавкой в пограничных пределах“. Поступили согласно сказанному, не разрешили ходить за границу» [ЦШ, цз. 48, стр. 306].

«Цзинь ши» под 1189 г. сообщает, что после учреждения монетных дворов, естественно, встал вопрос о доставке туда руды или, чаще, металла. Но казенная перевозка обходилась дорого, а государственные тарифы были низкими, поэтому разница между фактической и установленной стоимостью провоза оказалась ощутимой. А поскольку перевозка входила в обязанность оброчных, им приходилось возить руду частично за свой счет. По требованию заинтересованных ведомств министерство финансов вынуждено было компенсировать рудникам затраты, но лишь частично. Терпя убытки, рудокопы, ищущие жилы, ложно указывали на их мнимое залегание во владениях буддийских, даоских монастырей и под частными жилищами, вымогая взятки [ЦШ, цз. 48].

Хуже всего, что выход чистого металла явно не удовлетворял государственных потребностей в меди. В «Цзинь ши» есть лаконичная фраза: «Литейщикам в день полагалось выплав-

лять меди [на?] четыре лян; часто не достигали [этой] цифры» [ЦШ, цз. 48, стр. 306]. Поскольку никаких иных цифровых данных о добыче руды и о выплавке меди в Цзинь мы не знаем, значение этого замечания туманно. Если «лян» приведен в весовом его значении, то дневная норма составляла приблизительно 150 г. Может быть, это норма одного человека, так как в середине XVII в. в богатой металлом Японии на горняка в день приходилось до 250 г меди. Если же «лян» употреблен в денежном значении (а это допустимо, так как речь идет о выплавке монет), то по курсу 4 лян соответствовали 8 тыс. монет, т. е. 32 кг металла. Но, сколько человек выплавляло это количество меди,—неизвестно. Если все, тогда в год в Цзинь выплавляли меди (для монет) около 12 т. Но известно, что за весь 1189 год отлили монет 140 тыс. связок, а израсходовали около 800 тыс. [ЦШ, цз. 48]. Если одна монета весила 4 г, то на 140 тыс. монет, выпущенных в том же, 1189 г., ушло 560 т.

Сличив все эти противоречивые данные, трудно поверить, что 12 т—это среднегодовая общегосударственная выплавка меди (32 кг—это дневная норма примерно 120 литейщиков). Вероятно, эта цифра имела локальный или временный характер.

Для сопоставления полезно напомнить, что в Южной Сун в 1166 г. было добыто 363 тыс. цзиней, или 218 т, меди. Но из старых рудников лишь 5 из 31 оказались на территории Цзинь [Тоё тусэй си, 1939, стр. 113].

В целом выплавка, действительно, не соответствовала потребностям страны, и правительство вынуждено было изымать медь у населения. Под 1171 г. в «Цзинь ши» встречается рассуждение: «В древности была медная утварь, все посылали чиновников собирать ее за половину стоимости» [ЦШ, цз. 48, стр. 305], но попытка реализации таких исторических примеров не могла пройти гладко. В 1189 г. было решено: «Следует разрешить народу употреблять латунную утварь. Если выразят желание продать ее в казну, то за каждый цзинь платить 200 монет» [ЦШ, цз. 48, стр. 306]. Средний вес монет того времени—4 г. Таким образом, за 600 г латунного сплава правительство платило 800 г бронзы, а поскольку содержание меди в бронзе выше, чем в латуни, правительство при таких сделках променивало меди почти вдвое больше, чем получало. Но формальным оправданием таких операций служило провозглашение номинала монеты, независимого от стоимости самого металла.

Наряду со сбором и выкупом меди власти стремились ограничить расход этого металла на бытовые нужды. «Цзинь ши» подчеркивает, что «в государстве, естественно, ограничения на медь очень строгие», а с отливкой монет в 1168 г.

«чрезвычайно строгие», но тут же сообщается о том, что «народ нарушал ограничения на медь» [ЦШ, цз. 48, стр. 305].

Изъятие и скупка меди, ограничение ее употребления — все это влекло удорожание утвари. В 1189 г. «утверждены правила: „Цены на медную утварь, изготавливаемую и продаваемую правительственными мастерскими столиц и внешних губерний, приказано контролировать младшим чиновникам транспортных бюро: зеркала — за каждый цзинь 314 монет; позолоченный пояс со священными цветами — 17 связок 671 монета, пояс с пятью веточками плода лицизи — 17 связок 971 монета, кушак из редкого узорчатого шелка с металлическими украшениями — 8 связок 560 монет; бирка в виде рыбы — 2 связки 309 монет; медные музыкальные тарелки — за цзинь 1 связка 202 монеты; жезл с колокольчиком на медном основании — 2 связки 709 монет; желтая медь с примесью свинца, обладающая магнитными свойствами, — 3 связки 646 монет“» [ЦШ, цз. 48, стр. 306]. Это одно из редких свидетельств деятельности казенных металлообрабатывающих мастерских Цзинь.

Интересно, что зеркала и медные музыкальные тарелки продавались на вес, причем последние стоили в восемь раз дороже за единицу веса. Бронзовые зеркала для нас ценны своей оборотной стороной, покрытой литым орнаментом, обычно стандартным, но покупатель ценил, конечно, и отражающую поверхность. Мы не знаем, наносился ли какой-нибудь узор на музыкальные тарелки, но, для того чтобы они издавали нужный звук, требовался сложный сплав — это и определяло их цену. Цены за 1 цзинь говорят о массовом, товарном производстве стандартных изделий. Пояса и кушаки изготовлены из нескольких материалов, шелковые кушаки без украшений в два раза дешевле украшенных металлическими поделками, кстати сказать, очень дорогими, вероятно благодаря высокому качеству исполнения. Такой пояс оценивался в 1800 л зерна, или 9 лянв серебра.

Железоделательное производство Цзинь находилось на вполне удовлетворительном для того времени уровне. Об этом свидетельствует обилие изделий из железа разнообразного назначения, находимых в археологических памятниках. Количество цзиньских железных изделий сопоставимо лишь с сунским, значительно превосходит танские. Железолитейное и железоделательное производство Цзинь вполне удовлетворяло потребности страны в металле и в изделиях — именно поэтому в источниках железу уделяется мало внимания. Однако из-за высокой стоимости добычи железной руды правительство все же стремилось прикупать железо в Южной Сун. В стране существовало специальное учреждение, ведавшее железным литьем, — один из «трех департаментов».

В государстве было известно довольно много железных рудников как в Китае, так и в Маньчжурии. Добыча руды и получение металла тоже не были новинкой для чжурчжэней: они практиковали это еще на своей родине [Инаба, 1934]. В «Цзинь ши» сообщается о добыче железа в Датуне, Шочжоу, Дасине, Чжэндине [ЦШ, цз. 24]. Старые железные рудники в Северном Китае испытывали кризис: русло Хуанхэ в 1194 г. изменило свое направление, отрезало их от главного рынка сбыта в Кайфыне [Hartwell, 1967, стр. 149]. Следуя танским и сунским традициям и понимая важность железа для нужд хозяйства, Цзинь установила государственную монополию на этот металл.

Крупный центр черной металлургии — разумеется, по средневековым масштабам — располагался в Удаолин близ Харбина [Ван Юн-сян, 1965]; он состоял приблизительно из 50 шахт и плавильен. В этих шахтах добывали красный и магнитный железняк, причем использовали деревянные крепления. По приблизительным подсчетам, осмотренные шахты выдали 400—500 тыс. т железной руды. В то время литье железа было самостоятельным разделом литейного дела, литейные мастерские строили вблизи рудоносных гор, где главным образом плавил руду, а выплавленное железо переправляли по р. Аньчуху в места, где жили литейщики-кузнецы и специалисты по обработке металла.

На Шайгинском городище у села Сергеевка Партизанского района в Приморье раскопана чжурчжэньская литейно-кузнечная мастерская [Леньков, 1967]. Она включала восемь плавильных печей с изложницами для стока металла, два кричных горна, две формовочные ямы, кузнечный горн, запас древесного и каменного угля. В отличие от рудника в Удаолин весь цикл выплавки металла (вплоть до отливок из чугуна) и кузнечной обработки поковок из железа и стали завершался на месте.

В других случаях на местах добычи из руды выплавляли губчатый металл в виде крицы. В дальнейшем уже в городах из крицы получали сырцовую и высококачественную сталь, жидкий чугун, из которых и выделяли изделия [Леньков, 1971, стр. 18].

Цзиньская политика в отношении драгоценных металлов отличалась как от ляоской, так и — в некоторых чертах — от общего отношения Цзинь к добыче металлов. В 1163 г. был установлен особый налог на золото и серебро. Населению разрешалось добывать и выплавлять золото при условии уплаты 5% с добычи. Под 1165 г. сообщается о людях, откупивших серебряные копи в уезде Баошань (Хэнань). В 1169 г. некий ревизор докладывал, что в Хэнаньфу (Лоан) спекулируют золотом, серебром и притесняют народ, цены на эти ме-

таллы упали. Император ответил, что он, выпуская в обращение серебряные монеты, не предполагал дурных последствий для народа от этой меры, а теперь отменит их обращение. В 1172 г. докладывали, что народ добывает золото и серебро, не платя налогов. Эти сообщения свидетельствуют, что в это время правительство еще не отказалось от прежних правил свободной добычи драгоценных металлов. Уже в 1187 г. об этом говорится в иных выражениях: «Слышно, что народ в свободное от полевых работ время добывает серебро, [следует] собрать с них акцизный сбор» [ЦШ, цз. 49, стр. 317]. В 1191 г. прокуратура обязала «сереброплавильни повсеместно запретить народу добывать и выплавлять [серебро]» [ЦШ, цз. 50, стр. 319].

В 1204 г. налог с добычи сократили с 5 до 1%. Это вызвало диспропорцию между ценами на золото и на прочие товары, налог при продаже которых составлял по-прежнему 3%, и в конечном счете также привело к снижению ставки торгово-ремесленного сбора до 1%. Обстоятельства и мотивы снижения изложены в докладе Гао Жу-ли в 1204 г.: «„По старинным правилам со всех товаров, продаваемых мелкими торговцами, брали 4%. Но золото и серебро — продукты важные и деликатные, чаще всего их получают от богатых домов; прежде ограничивались 3%, но это ни с чем не сообразно. Так же просили брать его на общих основаниях“. Министр наложил резолюцию: „Так как при таком положении возможно, что многие скрывают [сделки], то прекратить следование старинным правилам“» [ЦШ, цз. 49, стр. 317].

Удерживая высокие налоги с купцов и понижая налоговую ставку с рудокопов, цзиньцы провозгласили политику (традиционную на средневековом Дальнем Востоке) ограничения торговцев и откупщиков и поощрения ремесленников. Эта политика вытекала из учения конфуцианцев о потребительстве и производительности. В связи с этим интересно выяснить: кто такие «богатые дома»? Не аристократия ли из побежденных? У побежденных были захвачены богатства и земли. Феодалная собственность в Китае распространялась и на недра земли. В то время право на владение рудниками принадлежало не правительству и не феодалным владельцам рудников, а чжурчжэньской аристократии и китайским торговцам. Этим и объясняется такое распределение налогов. В то время не было нормативных актов, регулирующих горное дело, и правительство должно было вступать в соглашение с владельцами копей [Лю Син-тан, 1934, стр. 72].

В Цзинь добывали много золота и серебра. Кроме упомянутого Баошаня серебро и железо плавил в Пинлу [ЦШ, цз. 122]; в Шаньси насчитывалось до 113 мелких забоев [ЦШ, цз. 50]. При работе с драгоценными металлами чжур-

чжэни применяли литье в односторонних и двусторонних жестких формах, по восковой модели, ковку и штамповку, серебрение, позолоту, инкрустацию, чеканку нескольких видов [Леньков, 1971, стр. 22—23].

По уровню выплавки и обработки металлов цзиньцы мало в чем уступали другим народам Дальнего Востока. В производстве и обработке металлов подвизались как казенные, так и частные (домашние и кустарные) предприятия с четкой специализацией мастеров по различным металлам и главнейшим операциям.

В целом горное дело и металлургия Цзинь, хотя и занимали видное место в ее производстве, но не всегда полностью обеспечивали потребности страны в металле. Это видно при сравнении статей цзиньского экспорта и импорта. Среди экспортируемых товаров, кроме, конечно, спекулятивных сделок, вовсе нет металлов, зато в разделе импорта перечисляются почти все металлы: золото, серебро, медь, железо и изделия из них — серебряные ляны, медные монеты, железное оружие (стр. 249, 252). Но, разумеется, производство и сбыт каждого металла имели свои особенности, отмеченные нами выше.

Занимались в Цзинь и добычей минералов, и прежде всего драгоценных камней. В «Хуаи ийю» упоминаются яшма, горный хрусталь и особо выделяются жемчуг и крупный жемчуг. Словарь Ямадзи приводит название красного самоцвета. Маньчжурия всегда считалась богатой яшмой.

При Цзинь было сделано важное изобретение, облегчающее шлифовку драгоценных камней и нефрита, — создан особый вращающийся абразивный круг с нанесенным на него шлифовальным песком [ЦШ, цз. 24].

Важным ремеслом Цзинь заслуженно может считаться производство керамики. На территории Китая исследовано много гончарных печей — государственных или частных (или, как их называют источники, народных). Эти печи на протяжении многих лет, а иногда целых столетий, охватывающих ряд династийных периодов, выпускали продукцию определенного сорта, или, как его называют, семейства (яо). В период Цзинь функционировали печи Яочжоуяо (в пров. Шэньси), Пиндинъяо (в пров. Шаньси), Цзюньъяо (в пров. Хэнань), Сучжоуяо и Сычжоуяо (в пров. Аньхой), Сяояо (в пров. Цзянсу) [Сун Бо-инь, 1962], а также Цичжоуяо недалеко от г. Ханьдань (пров. Хэбэй) [Фэн Сянь-мин, 1965, стр. 35], Дэнъяо в Яньчжоучэне (пров. Ляонин). В печах Дэнъяо ощущается присутствие отчетливых элементов корейского гончарного производства [Комура, 1934].

Техника выделки цзиньской керамики наиболее полно прослеживается на примере продукции печей Яочжоуяо [«Рас-

копки яочжоуских мастерских...», 1965], датирующихся концом Цзинь — началом Юань. В этих печах изготавливалась фарфоровая посуда, покрытая голубой глазурью с бурыми размывами, реже покрытая черной глазурью, а также посуда из белого фарфора с росписью, необожженные сосуды, грубые и толстые, покрытые белой промазкой. Техника формовки и орнаментации незатейлива и уступает сунской. Для изготовления сосудов использовали высококачественную глину, основными компонентами которой являлись двуокись кремния (53—60%) и триокись алюминия (25—30%) с включением окисей железа, калия, кальция. Такая глина обладала следующими физическими свойствами: температура плавления — 1600°, температура затвердения — 1200—1300°, влажность — 24%, удельный вес — 2,4—2,5; тягучесть — 10%, пластичность — 80—95%.

Гончарные печи в Ханьпо растянулись на 5 км. Судя по столь значительной протяженности керамических мастерских, толщине культурного слоя (1—5 м), обилию черепков и подставок, здесь было организовано широкое и массовое производство. К примеру, каждая печь за один раз могла обжечь 2590 простых чашек. По географическому разделу «Сун ши», тягловые дворы провинции Шэньси в 1102—1106 гг. сдавали в счет налогов 112 667 фарфоровых сосудов. Точный объем производства мастерских неизвестен, но печи выпускали как простую повседневную посуду, так и тонкий фарфор для двора [Гуань Сун-фан, 1968].

Обжиг керамики производился не только в больших мастерских, но и во множестве простых гончарных печей, например на Шайгинском городище в Приморье. Здесь установлено существование двух типов формовки: станковой (2—9% всех изделий) и лепной (кухонной посуды). Изделия первого типа обычно обжигались в восстановительной среде при температуре не выше 900—960° и не отличались ни плотностью стенок, ни звонкостью черепка [Овсянников, Тупикина, 1971].

Цзинь полностью обеспечивала себя керамическими изделиями и мало сбывала их за границу.

Ткачество, как уже говорилось выше, принадлежало к важнейшему виду домашних ремесел чжурчжэней и китайцев. Чжурчжэни к моменту своего появления в Китае хорошо освоили ткачество полотен из льна и конопли, грубого летнего полотна желтоватого цвета из пуэрарии, изготовление сукон. В Южной Маньчжурии они производили шелка. Они не оставляли этого занятия и впоследствии. Однако в Китае чжурчжэньская кустарная традиция столкнулась с китайским ткачеством — государственным и домашним.

Ткани, особенно высококачественные, входили в число подарков, присылаемых сунским двором в Цзинь. Такие подно-

шения были особенно часты в первые годы существования Цзинь, когда чжурчжэни сильно нуждались в тканях. В 1125 г. войскам в Хэбэе и Хэдуне пожаловано по миллиону штук разноцветных верхних тканей и бельевых шелков. В следующем году китайцы при каждой оказии посылали чжурчжэням продукцию ткачества: в одном случае — 50 мотков белой пряжи, по 50 штук золотой и белой парчи, белого атласа, 20 комплектов мохнатых ковров по 5 ковров в каждом комплекте [ДЦДФЛ, цз. 1].

Попав в Северный Китай, чжурчжэни «окунулись в море шелка». В северосунское время китайцы ткали несколько видов шелка: парчу — роскошную материю ручного изготовления, или вышивку (цзиньсю), тонкий шелк типа газа (ло), узорчатый или дамасский шелк (лин), шелковый креп (шагу), простой плотный шелк, вытканый из толстых ниток, иногда называемый бельевым или чесучей, — это наиболее распространенный род шелка (чоу, цюань — наиболее общие его наименования), простой плотный шелк из тонких ниток, или белое шелковое полотно. Простые виды шелка широко использовались народом. К моменту падения Северной Сун каждая губерния производила по 40—50 млн. штук шелка [Тоё тусэй си, 1939, стр. 104].

После создания государства Цзинь шелководство, и следовательно шелкоткацкое производство, пришло в упадок. Однако впоследствии оно вновь стало важнейшей отраслью государственного ремесла и народных промыслов. В Цзинь продолжали ткать прежние виды шелка, изменив в некоторых случаях лишь расцветку да рисунок в угоду новым вкусам. Шелковые ткани, пожалуй, оказались единственным продуктом цзиньского ремесла, в большом количестве вывозившимся в Южную Сун, особенно в первые десятилетия ее существования. Хотя Южная Сун, в сущности, заново создала шелкоткацкое производство, ранее мало распространенное на юге, она все же вывозила в Цзинь шелка в виде дани и в порядке обмена, в особенности сорта шелка, не производившиеся на севере. При всех этих оговорках включение шелка в жалование и награды чиновникам и военным свидетельствует о достаточном его количестве в стране.

Хлопчатобумажное производство, ткачество пальмового холста и другого полотна из южных культур при Цзинь стало делом юга Китая. Зато чжурчжэни внедрили в Северном Китае изготовление грубого полотна из пуэрарии и льна, раньше производившегося только в Маньчжурии, а также получение шелка из диких шелковичных коконов. В 1125 г. «правитель Южной столицы прислал шелк, полученный от диких шелковичных червей в Цзиньчжоу» [ЦШ, цз. 3, стр. 30].

Словарь Ямадзи содержит чжурчжэньские термины для сукна, атласа, тафты, газа. Другой источник перечисляет травы и растения, применявшиеся в то время в Маньчжурии для окрашивания тканей в синий (индиго, звездочник), вишневый (марена), фиолетовый (алтайская роза), алый (сафлор красильный), черный (желуди), желтый (сафлор) и другие цвета [ШЦТЧ, цз. 106].

Бросается в глаза относительная скудость сведений о цзиньском ремесле даже на бледном фоне всей хозяйственной информации. Но, разумеется, на основании этого говорить о слабости развития ремесел в системе экономики страны следует с осторожностью. Чжурчжэни славились коневодством и охотой, но сведений об этих формах хозяйства не больше, чем о ремеслах. Археологические памятники этого периода насыщены предметами ремесла (керамического — в широком смысле слова, ювелирного, железоделательного, шелкоткацкого, кожевенного и пр.) примерно в той же степени, что и сунские, причем по качеству и разнообразию погребальный инвентарь мало уступает сунскому.

Некоторые косвенные данные — о вооружении и военной технике, о средствах передвижения (сухопутных и речных), о технике строительства (столиц и храмов, дорог и плотин) — отнюдь не бледнеют перед сунскими. Военная техника чжурчжэней, пожалуй, даже превосходила южносунскую по изобретательности. Все это говорит за то, что как добывающие, так и обрабатывающие производства, не были при Цзинь в загоне, хотя валовой выход продукции не всегда был достаточен.

Другое дело — чисто чжурчжэньский вклад в эти отрасли хозяйства. Как известно, по традициям и манере хозяйства чжурчжэней нельзя считать народом ремесленников. В этой сфере они уступали китайцам, особенно когда речь шла не о домашних промыслах, а о простом товарном ремесле.

ТОРГОВЛЯ

К моменту провозглашения государства Цзинь развитие обмена в чжурчжэньском обществе устремилось больше вширь, нежели вглубь. Внешнеторговые связи с рядом соседних стран с использованием эквивалентных и частично денежных расчетов прочно вошли в обиход (см. стр. 102—103 настоящей работы) и продолжали активно расширяться. Внутренняя торговля, хотя и стала заурядным явлением, часто продолжала обходиться без денег.

Натуральный обмен в среде простого чжурчжэньского населения сохранился на протяжении всего существования Цзинь. Это обуславливалось природой полунатурального хо-

зяйства мелких арендаторов, недостатком разменной монеты в средний период династии и избытком обесцененных ассигнаций в конце ее, неустойчивостью цен. Полунатуральное или мелкотоварное хозяйство производило почти все необходимое для скудного быта крестьян, даже налоги вносились натурой.

Напомним, что собственные чжурчжэньские монеты появились лишь в 1157 г. Правда, широкое использование киданьской и китайской монеты началось значительно раньше, но среди населения деньги долго оставались малопопулярными.

Разменной монеты часто не хватало, так как она оседала в виде сокровищ у чиновников и богачей. Ко двору Ши-цзуна (вторая половина XII в.) приезжали посланцы из Шаньдуна и жаловались на нехватку денег в обращении. Официальное объяснение причин таких затруднений грешило наивностью: считалось, что «по необразованности» чжурчжэни не научились еще пользоваться деньгами. Впрочем, эта кажущаяся «наивность» послужила обоснованием для принудительного введения в обращение ассигнаций. Последние в конце Цзинь обращались по 1/100 000 от номинала, а дефицитные товары на них вообще не продавали (см. стр. 284 настоящей работы).

Колебание рыночных цен на продукты питания — сезонных, урожайных и неурожайных лет, спекулятивных и, наконец, государственных нормативных — болезненно отзывалось на рядовых покупателях. В 1214 г. «Сюань-цзун, услышав о повышении цены на хлеб в столице Бяньцзин, спрашивал вельмож, каким образом ликвидировать это? Все требовали установить цену законом, но вельможа Гао Жу-ли сказал: „...Если много покупателей и мало продавцов, то цены повышаются. ...Если установить цену, то имеющие хлеб скроют его, и перекупщики тоже не будут более приходить в столицу Бяньцзин. Тогда покупатели будут доведены до крайности, а цены еще более повысятся... Сейчас трудно приобрести хлеб потому, что его мало, и легко получить ассигнации, потому, что их много... Когда по принятии мер к выкупу хлеба для продажи торговлю будут производить по билетам, цена на хлеб сама должна понизиться“» [ЦШ, цз. 14; Розов, л. 352]. Гао Жу-ли скептически отнесся к самой идее контроля над ценами при помощи административных мер. И этот скептицизм оправдан реальными опасениями: в условиях инфляции хлеб мог просто исчезнуть с рынка. Поэтому он высказывался за продажу государственного хлеба по твердым ценам и по «билетам», т. е., очевидно, по свидетельствам о бедности или о нужде в хлебе, чтобы хлеб не попал в руки спекулянтов.

В этих условиях существование натурального обмена вполне объяснимо, хотя, разумеется, им не ограничивались все

торговые сделки. Член китайского посольства Сюй Кан-цзун в своем дневнике сообщает, что в 1125 г. в районе р. Лалинь чжурчжэни не имели рынков, продавали и покупали без денег, меняя вещь на вещь [Chavannes, 1898, стр. 425]. Вполне вероятно, что в последнем случае уже применялись такие всеобщие эквиваленты, как соль, рис, кони. И действительно, около 1198 г. «выжигают соль и меняют [ее] на муку» [ЦШ, цз. 108, стр. 680—681]; около 1200 г. «просят менять соль на хлеб» [ЦШ, цз. 100, стр. 63]; в годы, предшествующие 1214 году, наблюдали, как «люди часто недоедали; все надеялись выменять соль и ткани на хлеб» [ЦШ, цз. 122, стр. 764]. Отметим, что все эти сообщения относятся либо к началу, либо к концу Цзинь, т. е. к тяжелым периодам ее истории.

Внутренняя торговля не ограничивалась мелким частным рынком. Существовали крупные оптовые торговцы, вполне свободно ориентировавшиеся в колебаниях денежного курса и извлекавшие из этого немалые доходы. Выше в докладе Гао Жу-ли уже упоминались спекулянты хлебом. Спекуляция процветала, и с ней было трудно бороться. Источник сообщает: «Сюй Вэнь-сяо иногда перепродавал соль и сделал из этого занятие» [ЦШ, цз. 79, стр. 506]. Пришлось запретить в военных поселениях, в округах и областях на рынках скупать парчу за деньги и переправлять ее в Среднюю столицу [ЦШ, цз. 48].

На внутреннем рынке выступало и государство. Как уже отмечалось, цзиньское правительство по примеру сунского ввело государственную монополию на торговлю десятью наиболее ходовыми товарами: вином, дрожжами, чаем, уксусом, благовониями, квасцами, киноварью, оловом, железом, солью. Для свободной торговли этими товарами нужна была лицензия, за которую министерство финансов взимало 10% стоимости товара. А так как к монопольным товарам время от времени причислялись и другие важные для населения товары, как, например, все металлы, цены и на эти товары подсакивали. Даже государственные цены не были постоянными: в 1123 г. цзинь соли стоил в Яньцзине 14 монет, а в конце века — 30—42 монеты.

Кроме непосредственного участия государственного сектора в торговле роль государства в обмене ощущалась опосредствованно. Министерство финансов взимало со всех продаваемых товаров особый рыночный, или торговый, налог. Первоначально розничная продажа облагалась 4-процентным сбором, к 1204 г. он уже стал 3-процентным, а с 1204 г. — 1-процентным [ЦШ, цз. 49].

Судя по всему, контрабандная торговля товарами, на которые была введена монополия, процветала, причем трудность

контроля усугублялась тем обстоятельством, что некоторые из товаров производились не только государственными, но и частными предприятиями и лицами. В 1217—1219 гг. уже известный Гао Жу-ли докладывал: «Неодинаково легко отличить, какого изготовления соль, железо, вино, уксус — государственного или частного» [ЦШ, цз. 107, стр. 671]. После 1199 г., как сообщает источник, «жители Шаньдуна изготавливали и продавали частный чай, злоупотребляя облагаемыми пошлиной товарами» [ЦШ, цз. 49, стр. 317]. Похоже, что торговая жизнь в Цзинь выглядела менее оживленно, чем в Южной Сун. Чжоу Шань, побывав в Бяньцзине в 1177 г., нашел, что «торговля там производится по двойным ценам и очень бедная» [Pei Yuan Lou, 1904, стр. 156].

Важное место в цзиньской экономике занимала внешняя торговля. Наиболее крупные сделки совершались с Южной Сун. По соглашению 1120 г. предполагалась регулярная торговля на таможах. Несоблюдение китайцами этого пункта способствовало началу войны между Цзинь и Южной Сун. Во время войны торговые отношения прекратились. Торговые поездки морем из Южной Сун в Цзинь и Ци с зерном и оружием в 1129—1130 гг. были запрещены сунцами. Но сухопутная торговля к югу от р. Хуайшуй возобновилась с 1131 г. Рынки открылись в Сычжоу (пров. Аньхой), Чучжоу (пров. Цзянсу), Лучжоу (пров. Аньхой) и в Шоучжоу (пров. Аньхой).

После заключения мирного договора в 1142 г. и установления новой границы были открыты таможенные рынки как Южной Сун, так и Цзинь (табл. 19, 20).

Т а б л и ц а 19

Сунские таможенные рынки

Таможни	Провинция
Бэйшэньчжэнь	Цзянсу
Янцзячжай	"
Мопань	"
Шуйчжай	Аньхой
Хуалыньчжэнь	"
Фуцзяду	"
Гуанчжоу	Хэнань
Цимаочжэнь	"
Цзаоянцзюнь	Хубэй

Таможни в Фэнсянфу и в Гунчжоу располагались далеко от границы. Шесть первых таможен (табл. 20) находились на левом берегу р. Хуайшуй напротив китайских таможен. Но впоследствии таможни в Танчжоу, Дэнчжоу, Циньчжоу

Цзиньские таможенные рынки

Таможни	Провинция
Сычжоу	Аньхой
Шоучжоу	"
Юнчжоу	"
Цайчжоу	Хэнань
Танчжоу	"
Дэнчжоу	"
Фэнсянфу	Шэньси
Циньчжоу	Ганьсу
Гунчжоу	"
Таочжоу	"
Цзяоси в Мичжоу	Шаньдун

цзиньцы передали Южной Сун, и здесь были открыты сунские таможни. Таможня Цзяоси была учреждена для морской торговли. Таможни в Циньчжоу, Гунчжоу, Таочжоу служили также для торговли с западными цянами. Еще в 1159 г. все цзиньские и китайские таможни, действовавшие к тому времени, были закрыты, кроме Сычжоу у цзиньцев и новой таможни Сюйицзюнь около Сычжоу у сунцев. Предлогом для этого послужила торговля запрещенными товарами. Но истинные причины крылись в намерении Сун воспрепятствовать проникновению цзиньской идеологии. Суны запретили даже морскую торговлю, разрешенную в 1142 г. В 1161 г. снова разразилась война, система таможен рухнула. В 1165 г. были вновь открыты китайские таможенные рынки в Хуаляньчжэне, Цимаочжэне, Цзаоянцзюне и некоторые чжурчжэньские таможни. Торговля между двумя странами на таможнях продолжалась до падения Цзинь [Kato, 1937, стр. 3—9].

По правилам 1142 г. китайские торговцы на своей таможне ждали чжурчжэньских купцов. С 1165 г. китайские торговцы стали делиться на крупных и мелких. Мелкими считались те, у которых товаров было менее чем на 100 связок монет. Мелкие торговцы половину товаров оставляли на китайской таможне, а с другой переплывали реку и торговали на чжурчжэньской таможне в Сычжоу. Заключив сделку и получив задаток, они возвращались и привозили остальную часть товаров. Крупные торговцы оставались на китайской таможне. Когда чжурчжэньские купцы приезжали на китайскую таможню, торг производился через посредников. Купцы, независимо от категории, торговали ежедневно, а с 1180 г. — раз в пять дней. Правила чжурчжэньских таможен были схожи с китайскими, на чжурчжэньских таможнях с китайских куп-

цов кроме общего налога брали еще вступительный рыночный сбор [Kato, 1937, стр. 10—18].

В 1160—1189 гг. таможи в Сычжоу и в Циньчжоу давали Цзинь пошлин ежегодно до 87 123 связок, а в 1196 г.— 193 459 связок [ЦШ, цз. 50], т. е. поступления от обеих таможен за 5—6 лет выросли на 100 тыс. связок, что указывает на увеличение оборотов в мирных условиях.

Вся торговля между чжурчжэнями и китайцами должна была происходить только на таможнях, свободная торговля в неположенных местах строго воспрещалась. Торговле придавалось государственное значение. Оба правительства, стремясь использовать торговую политику как средство давления на своих соседей и источник пополнения казны и воспрепятствовать утечке «стратегических» товаров, провозгласили государственный контроль над внешней торговлей. Но подлинной государственной внешней торговли не могло существовать, так как государственный сектор в экономике занимал относительно небольшое место. Фактически с обеих сторон торговали частные лица, но под государственным надзором [Osaki, 1954].

В связи с разделом страны традиционные экономические связи между отдельными ее районами оказались нарушенными. Поэтому основной задачей внешней торговли между Цзинь и Южной Сун стало восстановление пошатнувшегося равновесия. Это отразилось на списке товаров, продаваемых и покупаемых каждой из стран, на удельном весе отдельных статей в общем объеме сделок, на контрабандной торговле некоторыми предметами, операции с которыми никак не входили в планы одного, а часто и обоих государств. Если одно из государств признавало контрабанду, как, например, цзиньцы контрабандные закупки зерна, такие сделки относились к частной торговле. Запрет на экспорт (или импорт) товара мог касаться либо только частных сделок, либо частных и государственных.

Обратимся к объектам государственных сделок. Важнейшее место в цзиньском импорте принадлежало чаю. Поскольку на чай была объявлена государственная монополия, в Южной Сун его запрещали покупать частным образом, а в Цзинь — продавать. В 1206 г. в специальном докладе подтверждалось, что парчу, шелк, вату и прочие «полезные вещи променивали на бесполезные», т. е. на чай — эту «сунскую траву», и квота на чай была уменьшена. И тем не менее в 1223 г. стоимость чая, вывезенного из Южной Сун в Цзинь, составила 730 тыс. ляннов серебром. В эпоху же расцвета Цзинь стоимость ввозимого чая была еще больше [Ван Сяотун, 1936, стр. 144]. Согласно перечню, представленному в «Цзинь ши», во второй половине XII в. чжурчжэни ежегодно

покупали у Южной Сун через таможенный рынок в Сычжоу чаю — 1 тыс. кулей, плодов лици — 500 цзиней, плодови́тки, или китайского орешника, — 500 цзиней, померанца — 6 тыс. цзиней, оливы — 500 цзиней, сушеных бананов — 300 ящиков, сапанового дерева — 1 тыс. цзиней, апельсинов-корольков — 7 тыс. штук, мандаринов — 8 тыс. штук, неочищенного тростникового сахарного песку — 300 цзиней, сырого имбиря — 600 цзиней, гардении цветущей — 90 кустов, а также слоновую кость, рог носорога, киноварь [ЦШ, цз. 50, стр. 319].

Государство Цзинь было крупным экспортером соли, размышлялось менять ее в Китае на шелк. Однако официальные учреждения часто прилагали к соли принудительный ассортимент [Ван Сяо-тун, 1936, стр. 144].

Периодически на отдельные товары налагался запрет. Так, в 1130 г. Южная Сун запретила продавать Цзинь книги, а в 1167 г. Цзинь запретила своей таможне в Циньчжоу продавать Южной Сун пшеничную муку, сушеную баранину и свинину, но разрешила покупать оружие. Ниже приводятся товары, импортируемые и экспортируемые Цзинь через таможни:

Импорт	Экспорт
Чай	Соль
Благовония	Женьшень
Лекарства	Лакрица
Тростниковый сахарный песок	Кедровые орехи
Сырой имбирь	Растительный пурпур
Сушеная кожа апельсина	Красильный шафран
Плоды лици	Северный жемчуг
Китайский орешник	Золото
Померанец	Меха
Олива	Собольи шкурки
Бананы сушеные	Шелк
Мандарины	Северная камка
Гардения цветущая	«Тангутский» креп
Апельсины-корольки	Шелк-тафта
Сапановое дерево	
Киноварь	
Слоновая кость	
Рог носорога	
Шелк	
Хлопчатобумажные ткани	
Наконечники стрел	
Книги	

Анализ статей импорта и экспорта показывает, что в ходе официальной торговли происходил своеобразный обмен редкостями из мира растительного и животного и очень мало было представлено ремесло. Чжурчжэньский импорт шел в основном на нужды двора и китайцев. Нуждами же коренного китайского населения чжурчжэни не могли пренебрегать. Вместе

с тем местными ресурсами они не могли удовлетворить традиционные потребности китайцев Северного Китая. Чжурчжэньское население Северного Китая тоже стремилось подражать китайцам. Цифры импорта все возрастали, как и пассивный торговый баланс.

Предметы роскоши, посылаемые от сунского двора к цзиньскому, находятся в тесной связи с торговлей. При ежегодных поздравлениях в день Нового года и по другим поводам специальные послы привозили подарки.

Из-за боязни утечки металла при сделках на таможене запрещалось расплачиваться серебром. При неконтролируемых сделках его широко использовали. Но так как Цзинь больше вывозила, чем ввозила, серебро из страны утекало. Чжурчжэни даже снижали цены на шелка, чтобы продать их за серебро. Несколько сот тысяч лянов серебра, получаемых чжурчжэнями от Южной Сун в счет ежегодной дани, правительство Цзинь пускало в обращение, и в ходе торговых сделок они вновь возвращались к Сунам.

Одновременно с государственной торговлей между Цзинь и Южной Сун процветала торговля контрабандная. Контрабанда получила сложное целевое назначение и разнообразные формы осуществления. Контрабандно торговали товарами, запрещенными к вывозу или ввозу, или же товарами, разрешенными с ограничительными квотами, или просто беспошлинными. В некоторых случаях контрабанда определенных товаров неофициально признавалась правительством [Ch'üan, 1947, стр. 428—444].

При династиях Тан и Сун житницей Китая были несколько провинций по р. Янцзы. Хлеб вывозили на север по Великому каналу. Но с образованием государства Цзинь земли, по которым проходил канал, оказались поделенными между двумя государствами. Южная Сун запретила вывоз хлеба в Цзинь. Однако на севере цены на хлеб держались более высокими, чем на юге, и это способствовало развитию контрабанды, но она осуществлялась уже не по каналу, а по морю. Так, в 1144 г., когда в Шаньдуне не хватало хлеба, торговцы из Южной Сун переправили туда морем большую партию его. Цзинь поощряло контрабандный ввоз хлеба. В то время как сунский хлеб тайно вывозили в Цзинь, цзиньская рисовая мука контрабандно вывозилась в Южную Сун. Последнее объяснялось большой нехваткой припасов в местах расквартирования китайских войск и трудностью подвоза хлеба из внутренних провинций, заставлявшими сунское правительство смотреть сквозь пальцы на такую практику.

Чтобы удовлетворить запросы китайского, а потом и чжурчжэньского населения, цзиньское правительство ежегодно закупало у Южной Сун большое количество чая. Но в то же

время огромные траты беспокоили Цзинь, так как Южная Сун постоянно повышала цены на чай. Цзинь ограничила чаепитие и ввоз чая. Суны объявили государственную монополию на продажу высокосортного чая из Фуцзяни, а продажу других сортов обложили высоким акцизом, самую продажу разрешили только на таможенных. На цзиньских рынках цена на чай была выше, чем в Южной Сун, а это способствовало контрабанде. Контрабандисты извлекали двойную выгоду, так как, во-первых, они уклонялись от уплаты пошлины и, во-вторых, продавали высокосортный чай, цена на который стояла очень высоко из-за государственной южносунской монополии на него. Наиболее важной артерией для контрабандистов чаем стала р. Хуайшуй. По ней сплавлялось более половины всего контрабандного чая. Другой важный путь — морской.

Если чай и хлеб тайно ввозили в Цзинь, то соль также тайно вывозили из этой страны. В Цзинь, в области Цзечжоу (на юге совр. Шанси), добывали озерную соль, которая с избытком удовлетворяла нужды государства, поэтому правительство разрешало ее вывозить в Южную Сун и обменивать там на другие товары. Южносунское правительство, придерживаясь государственной монополии на соль, запрещало ее ввоз. Между тем соль в Цзинь стоила гораздо дешевле, чем в Южной Сун, и это привлекало контрабандистов. Солью торговали все, оказавшиеся на границе: крестьяне, бродяги, солдаты, чиновники. Соль, доведенная до границы, давала ее собственнику многократную прибыль.

Контрабандистов привлекали и другие товары. Так, после 1130 г., когда было запрещено вывозить книги в Цзинь, развернулась контрабандная торговля ими. Привлекали контрабандистов и ткани, так как в начале Южной Сун цены на них там держались очень высокие. Поэтому цзиньцы стали морем нелегально завозить свои ткани на юг [Като, 1941]. С юга тайно перегоняли на север до 80 тыс. волов в год. Их на севере было сравнительно мало, а они были нужны для пахоты плугами.

Большое место в нелегальном обмене занимала контрабандная торговля военным снаряжением. Особенно важен он был для Цзинь, которая постоянно нуждалась в вооружении. Последнее в изобилии изготавливалось на юге, но правительство запрещало его вывозить, не желая вооружать противника. Чтобы удовлетворить нужды армии, Цзинь покупала вооружение большими партиями и за высокую цену, тем самым стимулируя контрабанду. Оружие поступало морем и по рекам Хуайшуй и Ханьшуй.

В свою очередь, цзиньские купцы контрабандно снабжали Сун конями, вывоз которых был воспрещен правительством

Цзинь (особенно строго—верховых коней). Однако северосунские конские заводы остались на северо-западе, захваченном чжурчжэнями, и на южносунском рынке цены на коней неизменно держались высокими.

Контрабандная торговля золотом, серебром, медными монетами производилась в большом объеме. После переселения Сун на юг там были открыты богатые серебряные рудники, и цены на серебро упали. На севере же таких рудников было мало, добыча серебра не удовлетворяла потребности в нем, и цены на серебро стояли высокие.

В сунское время большая часть меди и медной монеты производилась на юге страны. Обе династии полагали, что отлив медных монет за рубеж уменьшит национальное богатство. Поэтому Южная Сун строго запрещала вывоз монет, а при торговле на таможенных заставах заставляла менять вещь на вещь, т. е. производить натуральный обмен. Цзинь не могла официально получать монеты с юга и попыталась перейти на самообеспечение, приказав разыскивать на севере новые залежи меди. Но добытой меди было недостаточно, а качество отливки не всегда было удовлетворительно. Поэтому меди в обращении не хватало, торговля на рынках проходила вяло. Цзинь вынуждена была по высокой цене покупать монеты в Южной Сун. Контрабандной торговлей монетами занимались и сунское пограничное население, и солдаты, и все едущие в Цзинь китайцы. По ряду источников, солдаты продавали в Цзинь до половины получаемой монеты. Ниже приводятся товары, импортируемые и экспортируемые Цзинь контрабандно:

Импорт

Зерно
Чай
Имбирь
Волю
Вооружение
Кожа
Сухожилия
Рог
Древки для стрел
Перья
Клей
Рыбьи пузыри
Кожа акулы
Грубый плотный шелк
Ткани
Лак
Серебро
Железо
Медная монета
Книги

Экспорт

Соль
Рисовая мука
Пшеничная мука
Кони
Ткани
Военное снаряжение

Как видно из перечня, из Южной Сун в Цзинь везли в основном продукты питания, чай, военные припасы, серебряные ляны, медные монеты, книги. Из Цзинь в Сун доставляли соль, пшеничную муку, коней. Как уже упоминалось, важнейшими артериями для контрабандной торговли были реки Хуайшуй и Ханьшуй (граница между Сычуанью и Шэньси) и морской путь. Контрабандисты имели возможность получать огромные прибыли. Размер прибылей зависел не столько от неуплаты пошлин, сколько от нарушения традиционных торговых путей между севером и югом — сначала в результате образования в Северном Китае нового государства, а потом из-за разных ограничений. Дело в том, что все основные китайские реки текут с запада на восток, а не с севера на юг, и это сильно препятствовало развитию менового хозяйства. Например, Янцзы протекает в широтном направлении, лишь немного отклоняясь в меридиональном, поэтому продукция всех мест, расположенных на ней, не сильно отличается (из-за примерно одинаковых климатических условий), а это не способствует развитию обмена. В тех случаях, когда течение приобретает долготное направление, картина меняется: появляется разница в характере продукции, а в результате и потребность в обмене. Поэтому прорытие Великого канала суйским Янь-ди имело огромное значение для китайской экономики. После его постройки активизировались торговые связи между севером и югом. Но раскол государства на северное и южное вызывал нарушение экономического равновесия. Само по себе оно могло восстановиться довольно просто — в условиях свободного обмена. Внутриторговые сделки превратились бы при этом во внешнеторговые. Но этому мешали политические соображения, которые сказались на монополии внешней торговли, пошлинах, квотах, запрете на торговлю определенными товарами. Создалось столь безвыходное положение, что правительства стали сами поддерживать контрабанду нужных товаров. Контрабандой занимались широкие слои: торговцы обеих стран, чиновники на границах, члены посольств и командированные, военные из пограничных районов. Таким образом, торговые отношения между Южной Сун и Цзинь нельзя ограничивать только рамками торговли официальной; большой вес имела и контрабандная торговля.

Значительно меньше известны торговые отношения чжурчженей с другими соседями — корёсцами, тангутами. Сведения о торговых операциях с корёсцами очень скупы, но это не значит, что они сократились, так как дипломатические отношения между обеими странами сохранялись неизменно дружественными. Известно, что в подарок цзиньскому императору корёсцы посылали вино, уксус, зерно, чай, изделия из

тростника и дерева, тушь, книги и картины, опахала, хайдунских соколов и другие редкости, не считая золота, серебра, яшмы и великолепной корёской бумаги. Чжурчжэни, в свою очередь, отправляли в Корё тонкие одежды, пояса с пластинками из яшмы или из кости носорога, книги и картины, первосортное золото, конскую упряжь, экипажи, парчу, узорный шелк-тафту, тонкий шелк-газ, набивной сатин, шелк-сырец, белый тонкий шелк, вино, фрукты, верблюдов, коней, быков, баранов [Чжан Чжэн-лан, 1951, стр. 50].

В качестве иллюстрации к сказанному выше можно указать на продолжающуюся и после образования Цзинь традицию: каждый раз появляясь в Цзинь, корёские послы и военачальники получали в подарок коней — во всяком случае до 1123 г. Позднее в летописной части «Корё са» упоминаются отары овец. В 1154 и 1169 гг. было отправлено в Корё из Цзинь по 2 тыс. голов, упоминается об отправке отар овец в 1183 и 1201 гг. [КС, цз. 18—21]. Овцы, точнее, овечья шерсть, по-видимому, представляли большое значение для корёского импорта, раз они, единственные из «прозаических» вещей, упомянуты в официальных разделах «Корё са». Там же сохранилось описание двух почти идентичных наборов-даров корёскому королю от его сюзерена — цзиньского императора — в 1143 и 1171 гг., даров, имеющих официальный и церемониальный характер. Дары включали королевское парадное платье с девятью присвоенными ему узорами, корону с девятью кистями, нефритовые скипетр и дощечки-патенты, золотую печать, «слоновью» колесницу, четыре коня для нее, пять пар повседневных королевских одежд, двести мелких предметов одежды, церемониальный лук, двадцать восемь пар крупных наконечников стрел с орлиным оперением (по числу созвездий), два набора стрел и уздечек и семь необъезженных коней [КС, цз. 17, 19]. Эти наборы, разумеется, не являются стандартными рыночными, но они все же характеризуют возможности цзиньского производства. Все посольства сочетали дипломатические занятия с торговыми. Корёские послы, в частности, торговали в Цзинь пестрыми шелковыми тканями, книгами, дорогами и редкими вещами.

Торговля между Цзинь и Си Ся началась с 1128 г., сразу же после предварительного пограничного урегулирования, и ознаменовалась посылкой зерна тангутам. Однако продолжавшаяся война и нерешенные пограничные вопросы тормозили торговые отношения. В 1134 и 1138 гг. тангуты просили открыть торговлю в Шэньси, которая тогда входила в состав государства Ци, вассального Цзинь, но получили отказ. С 1141 г. обе стороны начали постепенно оживлять торговлю. В 1150 г. чжурчжэни открыли крупный рынок в области Юньчжун и сняли запрет на торговлю железом, но сохранили

запрет на зерно и муку. В 1163 г. чжурчжэньские купцы приезжали в Си Ся покупать коней.

В 70-х годах XII в. отношения вновь обострились и чжурчжэни закрыли рынки в Баоаньцзюне и Ланьчжоу. Тогда же цзиньскому императору был подан доклад о том, что жители Шэньси тайком переходят границу и торгуют с тангутами, а тангутские послы заключают на территории Цзинь сделки с богатыми купцами. Чжурчжэни закрыли еще рынок в Суйдэ, оставив лишь два рынка: в Ханьчжоу и Дуншэне. В развитие этой политики в 1190 г. было запрещено тангутам-послам торговать на подворье, но в 1191 г. этот запрет был смягчен — разрешено было торговать в течение трех дней. В 1197 г. чжурчжэни снова открыли торговлю в Ланьчжоу и Баоаньцзюне, а в 1216 г. торговлю с тангутами вели чжурчжэньские сановники и послы, родичи императора, «заботясь... о выгодах и забывая об интересах двора». Последние упоминания о торговле относятся к 1225 г. [Кычанов, 1968, стр. 96—97].

О предметах обмена между Цзинь и Си Ся мы не имеем точных сведений. Согласно перечню, опубликованному в Сун в 1007 г., китайцы покупали у тангутов верблюдов, лошадей, быков, коров, овец, белый войлок, ковры, сушеные ароматические и лекарственные травы, воск, мускус, шерсть и шерстяные ткани, диких коз, киноварь, дрова, орехоносный лотос, сафлор красильный, пух и перо. А тангуты покупали у них шелк, парчу, тюль, узорчатый шелк, благовония, лекарства, фарфор, лак, имбирь, корицу, чай, железо, медь, бронзу, олово, одежду, головные платки, шляпы, пояса, рубашки [Кычанов, 1968, стр. 96]. Вряд ли этот перечень мог без изменений переключаться в тангутско-чжурчжэньскую торговлю: чжурчжэни и китайцы обладали разными возможностями и потребностями. Медом, воском, дровами, сафлором чжурчжэни сами торговали, и если закупали их в Си Ся, то, конечно, в ограниченном количестве для нужд населения юго-запада. Прочие предметы импорта, возможно, сохранились и при чжурчжэнях. Из наименований сунского экспорта цзиньцы могли отправлять в Си Ся без затруднений лишь некоторые сорта шелка и фарфора, маньчжурские и северокитайские лекарства, одежду, железо. Остальное они сами закупали в Южной Сун и могли лишь транзитом часть продуктов перепродавать тангутам.

С другой стороны, чжурчжэни не нуждались в тангутской соли, так как сами экспортировали ее, и препятствовали Си Ся продавать ее Южной Сун, а именно за нее и некоторые другие товары тангуты получали нужные им металлы, чай, зерно, предметы роскоши. С упрочением Цзинь эти прямые связи между двумя странами нарушились. Можно полагать,

хотя прямых данных мы не имеем, что положение исправляла контрабанда.

Внешняя торговля в Цзинь относилась к категории государственной монополии, и, поскольку в обмене Си Ся оказывалась заинтересованной больше, чем Цзинь, так как в последней существовало более разнообразное хозяйство и велась торговля с Корё и Южной Сун, чжурчжэни использовали внешнюю торговлю с Си Ся как средство давления на эту страну. Но каждая такая попытка усугубляла нарушение экономических связей, теперь уже не только отдаленных, но и местных. Мы уже знаем, что местное население Шэньси отвечало на это нарушение частной или контрабандной торговлей. Можно догадываться, что оно перепродавало и китайские товары. В 1150 г. кроме старых торговых центров Лумачжэнь вдоль границ с государством Си Ся и татарами существовали другие рынки, которыми ведали пограничные комиссариаты Цзинь. «Рынки находились в Юньчжуне и на северо-западе... При киданях здесь тоже существовали рынки. Только на железо запреты были очень строги. Невозможно запретить контрабандный обмен. При Великой Цзинь положение иное. Лишь выгоду принимали во внимание. Запрет на железо в связи с этим ослаб. Так же, как и при Сун, Хэдун продолжал контрабандно торговать в условиях раздела оловом и железной монетой. С того времени, как Великая Цзинь оккупировала Хэдун, не использовали железные монеты. Их полностью конфисковали и сдали в казну. В казне из двух с половиной связок железных монет делали один брус. За каждый брус народу продавали 550 медных монет. На севере ценили железо. В 1149—1152 гг. крестьяне в Юньчжуне продавали железо на север. Ныне в Хэдуэ железная монета почти иссякла, а после ликвидации Лю Бэя железная монета из Шэньси тоже стала уплывать на север. На севере получали ее и много делали из нее оружия. И в конце концов от такого обмена у них появились крепкая броня и острые копья. А когда уже завелись когти и клыки, стало нелегко ими управлять» [ДЦГЧ, цз. 13, стр. 140].

Чжурчжэньское государство старалось развить товарное производство и обмен, в том числе внешний. При оценке внешней торговли Цзинь особенно бросается в глаза определенная скороспелость цзиньской империи на фоне тысячелетней истории Китая и Кореи. В этих условиях появление Цзинь на дальневосточном рынке воспринималось часто негативно — как нарушение привычных торговых связей. Конечно, дело не ограничивалось этим. Нарушая в какой-то мере торговые связи между Северным и Южным Китаем, а точнее — придавая им иной, внешнеторговый характер, государство Цзинь прочно связало торговыми узами Маньчжурию и Внут-

рению Монголию с Корё, с Китайской равниной, с Южным Китаем, с Си Ся, тем самым сильно содействуя экономическому развитию маньчжурско-монгольского ареала, до той поры довольно захолустного.

ФИНАНСЫ И ДЕНЬГИ

На содержание большого аппарата управления (военного и гражданского, центрального и местного — с его чиновничеством), армии со всеми ее вспомогательными службами и военными поселениями, императорского двора, ирригационной системы, дорог и ямской службы, на войны, на подавление мятежей требовались значительные средства. Источником этих средств были налоги, подати, оброки, арендная плата, натуральные отработки, акцизные сборы или продажа предметов государственной монополии, доходы с государственной внутренней и внешней торговли, государственных плантаций и доходы от мастерских, сборы с частных внешнеторговых оборотов, контрибуции, ежегодная дань и подарки от зависимых стран, и прежде всего от Южной Сун.

Обратимся вначале к налоговой системе Цзинь, центральное место в которой занимало поземельное, или подворное, обложение. Но прежде следует отметить два существенных обстоятельства. Во-первых, в самом начале Цзинь еще не существовало налоговой системы, как таковой. Сами чжурчжэни уже знали налоги, но не ведали системы налогов, а в бывших ляоских владениях чжурчжэни отменили старые налоги и поборы. Еще в 1132 г. император Цзинь объявил: «Прежде при Ляо население было разделено на знатных и простолюдинов, и налоги были распределены между ними не пропорционально. Отныне эта система должна быть отменена» [ЦШ, цз. 3, стр. 33]. Для удовлетворения непосредственных нужд завоевателей достаточно было трофейного сунского имущества и контрибуции. Во-вторых, с момента появления цзиньская податная система (как и административная, военная и т. п.) носила дуалистический характер: одни повинности несло все население, другие — только чжурчжэни или только китайцы. Это во многом объяснялось различием в системе хозяйства у этих двух народностей, а отчасти диктовалось идеями протекционизма.

При введении поземельного обложения цзиньское правительство исходило из традиционного на Дальнем Востоке принципа государственной собственности на землю. Ши-цзун заявил: «Я владею полями поднебесной, и я же соразмеряю оброк с них» [ЦШ, цз. 47, стр. 301].

Так называемый двоякий поземельный налог был введен в Цзинь по образцу династий Тан и Сун [Син Тхэ Хён, 1958,

стр. 59] и выражался в форме земельной подати (цзу) и земельного налога (шуй). Подать вносилась с казенных земель, арендуемых нечжурчжэнями, а налог — с частных земель, независимо от национальности владельца. Размер подати с казенных земель, выдаваемых в виде надела безземельным, в «Цзинь ши» не сообщается: «Система податей не дошла [до нас]. Как кажется, делили земли на девять разрядов по качеству» [ЦШ, цз. 47, стр. 300]. По всей вероятности, разделение земли на девять разрядов относится к 1165 г., но и податные ставки для этих разрядов также неизвестны. Впрочем, один сунский источник оценивает средний размер подати. Он сообщает, что в 1201 г. совершеннолетние получали казенный надел в 60 му и платили подать 30 даней проса в год, т. е. 5 доу с 1 му [СВСТК, цз. 1]. Современный автор называет ее тяжелой, составляющей 50% урожая, который он определяет в 1 дань с 1 му [Чжан Цзя-цзюй, 1957, стр. 115]. Эта цифра действительно выглядит высокой (хотя и возможной), особенно если мы сравним ее с другими косвенными данными о размере подати и прямыми свидетельствами о земельном налоге.

Судя по тому, что в 1215 г. в Хэнани с 240 тыс. цинов было получено в счет податей 1560 тыс. даней зерна, выходит, что с 1 цина вносили около 650 л, т. е. 6,5 даня [ЦШ, цз. 47], или 0,65 доу с 1 му, т. е. почти в 8 раз меньше, чем по ставке 1201 г. Правда, дальше в тексте содержится просьба властей удвоить подать, но и после этого она не превысила бы 25% ставки 1201 г. Земли в Хэнани принадлежали военным поселенцам и гражданскому населению, и, возможно, часть из них платила льготный налог. Во всяком случае, ставка подати 5 доу с 1 му значительно выше ставки налога, а взнос 0,65 доу близок к ней. Для сравнения можно указать, что в Южной Сун казенные арендаторы около 1180 г. платили в среднем 2 доу с 1 му, а позднее — 4 доу с 1 му [Тоё тусэй си, 1939, стр. 315]. Эти цифры уже ближе к цзиньским (5 доу).

Налог с частных земель взимали два раза в год: летом в размере 3 гэ зерна с 1 му и осенью — 5 шэнов зерна и снопа соломы в 15 цзиней. Исходя из перечисленных сортов хлеба — ячменя и проса, можно предположить, что летом сдавали просо, а осенью — ячмень и сноп соломы. Летний налог полагалось вносить с 6-го по 8-й месяцы, осенний — с 10-го по 12-й. Все расчеты заканчивались к концу 12-го месяца. Кроме того, в пределах указанных трех месяцев устанавливалось три очередности — первая, вторая, третья — в зависимости от отдаленности и климатического пояса района. Так, районы, отстоящие не более чем на 300 ли (170 км) от окружающих центров, вносили налог в первую очередь. Для более отдаленных от центров мест, а с 1205 г. для взноса всего

осеннего налога устанавливалась вторая очередность. Губернии всех столиц (кроме Южной), Ляодуна, Шэньси, Линьхуан, где позднее собирали урожай, сдавали налог в третью очередь. Итак, поземельный налог с нечжурчжэньского населения составлял 0,53 доу зерна с 1 му, или 5,3 даня с 1 цина и 9 кг соломы. В отличие от казенных арендаторов частным владельцам вменялась в обязанность ранняя сдача части налога (не свыше 5%). Этот налог, взятый отдельно, без учета других сборов, не выглядит тяжелым, но надо помнить, что в частных владениях, с которых его взимали, оставались, как правило, мелкие, малоурожайные участки (бывшая целина), принадлежащие крестьянам, да крупные поместья, пользовавшиеся льготами.

Поземельное обложение чжурчжэней приняло вид налога на волов. Он взимался с 1125 г. с чжурчжэньских хозяйств, входивших в состав мэнъянь и моукэ, причем учитывалось три условия: число тяглового скота, размер земли, число людей. Как же осуществлялось это на практике? Конечно, идеальное соответствие существовало лишь в умах государственных деятелей Цзинь.

Так, простое сопоставление числа населения и упряжек в мэнъянь и моукэ в 1183 г. показывает, что идея «одна упряжка на одного работника» как будто не была близка к осуществлению. Как уже указывалось выше, в это время в Цзинь было: дворов — 615 624, населения — 6 158 636 человек, в том числе свободных — 4 812 669, рабов — 1 345 967; земли — 1 690 380 цинов; упряжек — 384 771. Но если из числа свободных землепашцев исключить женщин (около 50%), детей, стариков, инвалидов (около 25%), кадровых военнослужащих и рекрутов — в среднем один человек ежегодно покидал хозяйство (около 5%), то даже в мирное время одна упряжка приходилась на 2—2,5 работника, а в военное время, возможно, на одного работника из свободных. По правилам упряжка из трех волов в чжурчжэньском хозяйстве полагалась на казенное поле в 4 цина 4 му (24,24 га). Тенденция к соблюдению этого принципа подтверждается соотношением площади наделов и числа упряжек, находящихся в распоряжении мэнъянь и моукэ: по переписи 1183 г., на одну упряжку приходилось 4 цина 39 му земли (см. табл. 6) или, возможно, 6 цинов (см. прим. к табл. 6). Соотношение между числом дворов и упряжек как будто не выдержано: на двор — основную хозяйственную единицу — приходилось лишь 0,62 упряжки. Возможны два вывода: либо из-за отсутствия трудоспособных несколько дворов объединялись в одну большую семью, либо двор обходился одним-двумя волами. Первый вывод подкрепляется реальным существованием большой семьи как рекрутской единицы и тем, что упряжка приходи-

лась на 16 человек, второй — исчислением этого налога не с упряжки, а с головы вола.

Ставки налога на волов в разные годы были неодинаковые, менялся и объект обложения — вол или упряжка из трех волов (табл. 21).

Таблица 21

Ставки налога на волов

Год	Ставки налога (по «Цзинь ши»)	В расчете на упряжку из 3 волов	Примечание
1125	1 дань с 1 упряжки	10 доу	Для Маньчжурии
1126	5 доу с 1 „	5 „	
1181	3 доу с 1 вола	9 „	
1201	1 доу с 1 „	3 „	

В 1125 г. было декретировано, что годовая ставка налога не должна превышать 1 даня с упряжки. В следующем году в разгар войны она была вдвое меньше, по-видимому, только для Маньчжурии. Трудно сказать, были ли впоследствии обе ставки уравнены, или же ставка 1126 г. применялась по всей стране. Но в 1181 г. появилась новая ставка. Она была не-намного меньше ставки 1125 г. и почти в два раза больше, нежели ставка 1126 г. Пересмотр ставки, по-видимому, связан с прошедшей в 1176 г. ревизией земель. Снижение ставки в 1201 г. понятно: большинство чжурчжэньских хозяйств пришло в упадок. Ориентация на вола, а не на упряжку, очевидно, связана с недостатком тяглового скота.

Напомним, что военные поселенцы в Южной Сун тоже платили низкий налог: 6 шэнов зерна с одного му [Тоё тусэй си, 1939, стр. 314].

Таким образом, в 1181 г. налог с воловьей упряжки должен был составить примерно 346 тыс. даней зерна. Фактически чжурчжэни вносили значительно больше. В 1186 г. одни только налоги, снятые в результате стихийных бедствий с земель военных поселенцев и гражданского населения, составляли 490 тыс. даней [ЦШ, цз. 47], а в 1193 г. чжурчжэньских дворов губернии Шанцзин внесли 205 тыс. даней проса [ЦШ, цз. 50], т. е. 1,2 даня со двора. Но при этом неизвестно, о каком налоге идет речь, так как чжурчжэням разрешалось иметь землю сверх нормы, за которую они уже платили обычные налоги и подати: «Всем дворам, кроме участков, облагаемых налогом на волов, еще выделить по 10 цин каждому. С этого участка брать налог, чтобы беднякам было чем засеивать поля» [ЦШ, цз. 83, стр. 528].

По идее налог на волов не должен был даже поступать в центральные амбары: «Выдать по упряжке волов, брать

проса 1 дань, в каждом моукэ иметь амбар, чтобы хранить зерно» [ЦШ, цз. 3, стр. 30].

В какой степени учитывалось качество участков при налогообложении — не ясно. Выше говорилось, что при назначении подати поля разделялись на девять разрядов. В 1219 г., как сообщает источник, в Хэнани знали три градации налога в зависимости от качества земель военных поселенцев и гражданского населения: с 1 цина хорошего надела взимать 1 дань 2 доу зерна, со среднего — 1 дань, с плохого — 8 доу, но не учитывали их [ЦШ, цз. 47].

Поземельные налоги и подати (сюда же, разумеется, относится налог с воловьей упряжки) были целиком натуральными и вносились продуктами земледелия. Причем даже замена одного вида зерновых другим требовала особого разрешения: «На землях у г. Сюйчжоу хорош ячмень. Зерновой налог разрешено вносить ячменем — для удобства народа» [ЦШ, цз. 107, стр. 672].

Система освобождения от земельных налогов и податей была довольно сложной. По закону полностью освобождались от уплаты налогов и податей:

1) арендаторы целины (на 8 лет), арендаторы заброшенных земель (на 6 лет);

2) владельцы целины (на 3 года);

3) кладбища, школы и училища;

4) военные (они освобождались и от несения трудовой повинности);

5) чиновники (по-видимому, они освобождались от подати с надела установленного размера, но не от налога с частновладельческих земель и не от подати с завышенного надела);

6) хозяйства мэнъянь и моукэ, чьи наделы не достигали нормы. Например, источник сообщает: «Цзиньцы из Северной армии... если у одной семьи земли для посева не больше нескольких цин, то она не платит налогов и податей» [СЧБМХБ, цз. 230, стр. 76];

7) лица, арендовавшие земли по Хуанхэ, после разлива реки (на 1 год).

В 1208 г. было внесено некоторое изменение. Так, лица, указанные в пункте 1, освобождались только на 3 года, в пункте 2 — на 1 год, а в пункте 7 — вообще не освобождались.

Частично освобождались от поземельного налога или подати:

1) арендаторы целины низших разрядов (с 1 по 5-й) платили половину подати по истечении 8 лет после подъема целины, а арендаторы заброшенных земель — по истечении 6 лет;

2) сдающие экзамены (на полгода);

3) чиновники и богачи, добровольно заявившие о незакон-

ном захвате ими казенных земель до того, как это обнаружит инспектор (налог им уменьшался на треть);

4) хозяйства, пострадавшие от стихийных бедствий (при гибели 80% урожая — полностью, при гибели 70% урожая — частично, при гибели 60% урожая — не освобождались).

Особым указом освобождались от налогов и податей крестьяне, изъявившие желание вернуться на брошенные участки. В 1181 г. Ши-цзун сказал: «Еще остались [в Шаньдуне] свободные земли, дать их возвратившимся и освободить их на год от податей» [ЦШ, цз. 47, стр. 298].

Анализ категорий, попадающих под действие указа об освобождении от поземельного налогообложения, дополнительно свидетельствует о сословном характере налоговой политики Цзинь. Правом на полное и постоянное освобождение пользовались некоторые государственные учреждения, военные, малоземельные хозяйства мэнъянь и моукэ, чиновники (правда, последние формально освобождались только от налогов с надела), т. е. государственные учреждения и лица на государственной службе. Только целинники в массе относились к крестьянству, но их право на освобождение от налогов жестко лимитировалось сроками и другими условиями.

Сопоставимых и сводных цифр об объеме налогов, собираемых с земли, мало. Известно, например, что в 1162 г. собрали 9 млн. даней [ЦШ, цз. 47], а около 1190 г. — 52 261 тыс. даней (в это время было 6939 тыс. дворов, а население составляло 45 447 900 человек, т. е. взималось около 7,5 даня с двора и немного более 1 даня с человека) [ЦШ, цз. 46]. Значительный рост поступлений подтверждается приведенными ниже дополнительными данными о податях и налогах со всех земель, кроме привилегированных и чжурчжэньских наделов [ЦШ, цз. 47]. В тех случаях, когда приводятся данные об освобождении от налогов, норма на один двор, разумеется, условна, так как мы не знаем, сколько людей было действительно освобождено (данные 1180 г.), и вынуждены всюду принимать его за стопроцентное. В данных 1186 и 1215 гг. речь идет о военных и гражданских землях. Данные о населении всюду за 1207 г. При всех этих оговорках налицо неуклонное повышение ставки земельного налога в расчете на один цин и особенно отчетливо на один двор: с 0,42 даня до 5 даней (табл. 22, 23).

Следующим по важности бесспорно надо назвать налог на имущество, представляющий собой оригинальное создание цзиньской финансовой мысли. Он был введен Ши-цзуном в 1165 г. «Подсчитали у населения поля и огороды, здания и строения, повозки, лошадей, быков и баранов, высаженные деревья, а также запасы денег и взимали налог пропорционально имуществу» [ЦШ, цз. 46, стр. 29]. Как видно из ци-

Ставки поземельных налогов

Год	Местность	Площадь земель, тыс. цин	Собрано налогов, тыс. даней	Число дворов ***	В том числе	
					с 1 цина, дани	с 1 двора, дани
1176	Ляодун*		60	142 733		0,42
1177	Ляодун*		200****	142 733		1,40
1180	Фуяньлу, Хэдуन्नаньлу		520	991 757		0,25
1186		210	490*****		2,3	
1215	Хэнань	240	1560		1,5	
1219	Хэнань**	960	9600	2468 125	10,0	4,0
1220	Тайчжоу		300*****	60 535		5,0

* Губерния Восточной столицы.

** Губерния Южной столицы.

*** Данные на 1207 г.

**** После переписи-ревизии.

***** Снято из-за стихийных бедствий.

Ставки различных видов поземельного обложения в Цзинь и Южной Сун, дани

	Подать с казенных земель		Налог с частных земель		Налог на волов *	
	с 1 цина	с 1 двора	с 1 цина	с 1 двора	с 1 цина	с 1 двора
Цзинь . . .	6,5**—50***	30	56		0,21	0,56
Южная Сун . . .	20****—40*****				6*****	

* В пересчете на землю и дворы.

** В 1215 г. (реконструировано).

*** В 1201 г., по сунским источникам.

**** В 1180 г.

***** После 1180 г.

***** С военных поселенцев.

таты, этот налог вторгался даже в сферу земельного обложения (поля и огороды). Этим налогом не облагались только жилые дома, приусадебные участки населения, чиновничьи и учрежденческие дворы, поля, подаренные государством, кладбища, школьные земли, а также поля, полученные от правительства общинами мэнъянь и моукэ, состоящими из чжурчжэней [Огава, 1940—1941].

Этим налогом облагались все, даже чжурчжэни (во всяком случае, их движимое имущество и, возможно, поля, полученные сверх наделов). Пу Цай-тун сказал: «Непременно следует полностью охватить размер имущества (ули) каждого двора и людей моукэ, и тогда их состоятельность естественно выявится» [ЦШ, цз. 95, стр. 599]. Он был тяжел даже для чжурчжэней. В 1180 г. чжурчжэньские хозяйства в губернии Верхней столицы, стремясь избежать уплаты налога на имущество, сами продавали себя в рабство [ЦШ, цз. 47].

Ставка этого налога зависела от размера имущества, и в принципе вельможи и чиновники должны были платить больше, чем простой народ. Даже уезжающие за границу обязаны были внести налог на имущество для того, чтобы получить командировочные [Wan Kwoh-ting, 1932, стр. 84]. К сожалению, мы не знаем конкретных ставок налога на имущество применительно к его стоимости. Мы можем привести лишь общие данные по стране (табл. 24).

Т а б л и ц а 24

Налог на имущество

Год	Общая сумма налога, связики монет	Число податных дворов	В среднем со двора, монеты	Численность населения	В среднем с человека, монеты
1186	3 050 000	6 789 749	449	44 705 086	69
1187	3 022 719	6 789 449	445	44 705 086	68
1195	2 604 742	7 223 400	361	48 490 400	54
1198	2 788 797*	6 399 835**	438***		
1204	2 763 000	7 684 838	359	45 816 079	60

* По 16-ти губерниям без Шанцзинлу, Бэйцзинлу, Сицзинлу.

** Население 1195 г. без жителей Шанцзинлу, Бэйцзинлу и Сицзинлу, по максимальным данным 1207 г.

*** С уточнением данных 1207 г. (списка**) пропорционально данным о количестве дворов в 1195 и 1204 гг. эта цифра приблизится к 420, ее возрастание — результат генеральной ревизии 1197 г.

Средняя ставка налога с имущества выглядит низкой и обнаруживает наклонность к дальнейшему понижению в отличие от поземельного налога. В 1190 г. ставка была официально понижена на 20%, что находит подтверждение в таблице: средняя ставка 1195 г. действительно ниже ставки 1187 г. на 19%, но возрастающая тяжесть налога заключалась не в ставке, а в завышаемой оценке имущества, в обесценении и утрате части имущества, облагаемого налогом, в необходимости выплачивать налог монетами. Налог на имущество воспринял некоторые элементы танского обложения, которые цзиньские финансисты развили в целую оригинальную систему.

нальную систему, и впоследствии был заимствован монголами [Schurmann, 1956; Согабэ, 1928].

Если для эффективности поземельного обложения желательны были периодические ревизии земельного фонда, то для рационального взимания налога на имущество они были абсолютно необходимы. Казна прекрасно понимала это. В «Цзинь ши» отмечалось: «Так как имущественное положение населения изменилось, оброки и повинности лишены соответствия» [ЦШ, цз. 46, стр. 291]. Для того, чтобы привести их в норму, а чаще — изыскать возможности для их повышения, в Цзинь существовал специальный аппарат прокуроров и инспекторов. Они разъезжали по стране и производили ревизию недвижимого и движимого имущества. «Крестьяне имеют податные земли и дом и входят в число (лиц), проходящих инспекцию» [ЦШ, цз. 46, стр. 293—294]. Первая крупная ревизия-перепись была проведена в 1164 г. В следующем году пересмотрен земельный налог и введен налог на имущество. С тех пор обычная ревизия повторялась раз в три года, а позднее — ежегодно. Генеральная же ревизия-перепись производилась один раз в 10 лет: в 1164, 1175, 1186, 1197 гг. Генеральные и обычные ревизии, действительно, вскрывали большое число неучтенных участков пахоты, противозаконных захватов казенных земель, злостных неплательщиков налогов, а также более тонкие нарушения финансовых интересов государства, как, например, самопродажа в неволю к сильным дворам, включение китайцев и бохайцев в качестве рабов в чжурчжэньские хозяйства, что уменьшило контингент населения, зависимого непосредственно от государства, сохранение в списках дворов умерших для увеличения надела, превышение нормы волов в хозяйстве, незаконная добыча соли и винокурение, литье частной монеты и т. д. Эти ревизии предусматривали всеобщую перепись населения и хозяйств, земли, а также пересмотр ставок и объектов обложения.

После генеральной ревизии в 1177 г. император Ши-цзун заметил: «В Ляодуне оброки и налоги прежде составляли более 60 тыс. даней, а после ревизии-переписи — почти 200 тыс. даней» [ЦШ, цз. 47, стр. 301]. Однако после ревизии 1186 г. сумма подоходного налога была уменьшена сначала по тринадцати губерниям (на 638 111 связок), а в 1204 г. по всей стране (на 287 тыс. связок по сравнению с 1186 г.) из-за явно завышенных ставок. Но, как правило, после каждой ревизии налоги неизменно подсакивали вверх. В «Цзинь ши» читаем: «Сумма взимаемых налогов и податей теперь втрое больше, чем в старину» [ЦШ, цз. 107, стр. 671]. Поступления в результате ревизий действительно увеличились, но в погоне за наградами инспектора завышали количество

поднятой целины, отчего страдало население. Ши-цзун вынужден был признать, что теперь, когда чиновники переписали землю, народ страшится, что будут взимать с нее подати [ЦШ, цз. 47].

Земельный и имущественный налоги относились к категории прямых и всеобщих. Именно они всей тяжестью постоянно лежали на массе трудового населения. Их все возрастающий гнет бросался в глаза, и любое действие антифискального характера обращалось прежде всего против них: «Оброки и повинности крайне тяжелы. Народ ропщет» [ЦШ, цз. 83, стр. 529]. Это бремя усугублялось изъятием у населения лучших земель, инфляцией, произволом сборщиков.

Простейшей реакцией на тяжелое бремя податей и поборов являлся прямой их неплатеж под разными предлогами. Наиболее часто налогоплательщики объявляли о мнимом урожае, стихийном бедствии или преувеличивали ущерб от бедствия. Местные китайские чиновники, вероятно, частично смотрели на такие заявления сквозь пальцы. Другим распространенным способом был уход крестьянина в батраки к богатому хозяину, который по закону должен был вносить налог за батрака, но часто имел возможность этого не делать, так как пользовался льготами. При неплатежеспособности хозяйства возникала ситуация, описанная ниже: «Если из-за бедности дома не собрать налога и не получить компенсацию, тогда приказано по суду пригласить на эту землю арендатора и получить с него подати согласно оценке» [ЦШ, цз. 90, стр. 570]. Но практически трудно было найти арендатора на землю, обремененную недоимкой, когда правительство тут же предлагало свободные участки или целину на льготных условиях. В безвыходном положении крестьяне просто бросали участки. Хотя такие поступки карались, но, как говорилось выше, правительство в ряде указов приглашало крестьян на старые наделы, обещая льготы по налогам.

Существовали и другие поборы, которые в источнике охарактеризованы как денежные: на почтовых лошадей, на постоянные дворы, на канцелярских служащих, на гужевую повинность, на бурлаков, на старую шелковую бумагу, хотя по смыслу в последнем случае речь идет, по-видимому, о натуральных поставках, а в двух предпоследних — о трудовой повинности [Wan Kwoh-ting, 1932, стр. 84]. О размере этих налогов и о значении их в бюджете Цзинь источники почти ничего не сообщают, и о них можно только гадать.

Наиболее важным для правительства и тяжелым для населения, вероятно, был военный налог, хотя-бы уж потому, что он собирался в критические периоды. В 1130 г. велено «с каждого му земли собирать по 500 монет» [ДЦГЧ, цз. 6, стр. 80]. И собирали чаще всего серебром. Во всяком случае,

к 1205 г. относится фраза: «Безусловно желательно выравнивать цены на серебро, [для этого] надо повелеть всем, чтобы военный, ямской и прочие налоги разрешили вносить наполовину серебром» [ЦШ, цз. 48, стр. 307]. В конце 10-х годов XIII в. Сюань-цзун заявил, что дополнительно собрали очень много военного налога [ЦШ, цз. 15]. Налог на шелковую бумагу имел неожиданно важное значение для выпуска ассигнаций. Около 1217 г. «в народе скопилось про запас ассигнаций на шелковой бумаге на сумму 70 млн. связок» [ЦШ, цз. 48, стр. 300].

Кроме перечисленных налогов в источнике глухо упомянуто о сборах за воду (в 1195 г.), на коровьих пастухов (в 1183 г.), на полицейских сыщиков, а также содержится очень важное замечание о налоге на ремесло. Около 1123 г. все облагаемые налогом тутовые деревья были поражены засухой, не годились для шелководства, поэтому был снят налог на нитки, вату, а также на плотный шелк [ЦШ, цз. 47]. Налогов, поборов и повинностей насчитывалось столь много, что, по замечанию «Цзинь-ши», их «перечень перегружен и не поддается полному перечислению» [ЦШ, цз. 46, стр. 291].

Государственные доходы пополнялись и за счет акциза, которым облагались десять товаров государственной монополии: соль, водка, дрожжи, чай, уксус, благовония, квасцы, киноварь, олово, железо. К ним приравнивались золото, серебро и некоторые другие товары. К сожалению, цифровые данные сохранились лишь по нескольким акцизным товарам. Чжурчжэни не скрывали, что идею акциза, так же как и некоторых других финансовых мероприятий, они заимствовали в Ляо и Сун. «Положения о государственных закупках хлеба, о „постоянно контролирующих“ [цены] амбарах, о торговле на таможнях, об акцизе на чай, соль, вино, дрожжи в основе своей в большинстве случаев разработаны прежними деятелями Сун» [ЦШ, цз. 46, стр. 292].

Акциз на соль занимал исключительное место. Доходы от сборов при продаже соли в Цзинь все время росли как за счет увеличения оборота, так и за счет повышения цен на соль — в каждом районе по-разному (табл. 25) [Цзэн Ян-фэн, 1936].

От акциза на соль правительство получало денег в 4—7 раз больше, чем от налога на имущество. Акцизное обложение (стоимость лицензии на продажу соли) достигало 10% стоимости соли. Для сравнения напомним, что в Южной Сун акциз на соль дал в 1162 г. 18 млн. связок, а в 1198 г. — 9,9 млн. связок [Тоё тьусэй си, 1939, стр. 286].

Акциз на водку приносил большие доходы. Как отмечает «Цзинь ши», акциз на вино ежегодно может давать несколь-

Акцизные пошлины на соль

Территория	Акцизные сборы до 1198 г., связки	Акцизные сборы после 1198 г., связки	Рост цен на соль в 1198 г.
Ведомство 7 контор . . .	6 226 636	10 774 512	С 1,5 до 2 связок за 1 дань
Шаньдун . . .	2 547 336	4 334 184	} До 42 монет за 1 цзинь
Цанчжоу . . .	1 531 200	2 766 636	
Баочи	887 558	1 348 839	
Цзечжоу . . .	814 657	1 321 520	С 5 до 6,4 связки за 1 куль
Ляодун	131 572	376 970	} С 900 монет до 1,5 связки за 1 дань
Бэйцзин	213 892	346 151	
Сицзин	100 419	280 264	
Итого . . .	12 453 270	21 549 076	С 2 до 2,8 связки за 1 дань

ко десятков тысяч лянов [ЦШ, цз. 15]. Однако мы располагаем данными лишь по двум столицам — Средней (Чжунду) и Западной (Сицзин), связки [ЦШ, цз. 49]:

	1160—1189 гг. (в среднем, за один год)	1196 г.
Чжунду	361 500 (серебром)	405 133
Сицзин	53 467	17 893

В Южной Сун акциз на водку принес в 1162 г. 14 млн. связок.

Следующим по значению шел акциз на чай. Потребление чая в империи Цзинь было велико, несмотря на то что он был предметом импорта, тогда как соль была экспортируемым продуктом [Танака, 1919]. Полная сумма акциза на чай неизвестна, да и данные по Хэнани и Шэньси несколько путаные. Из текста «Цзинь ши» явствует, что каждая из 50 волостей этих двух территорий ежедневно выпивала по 20 кулей, т. е. 365 тыс. кулей в год. Далее источник отмечает, что, поскольку куль стоит 2 ляна серебром, «на ветер пущено» в год 300 тыс. лянов, а это не укладывается в расчеты. С каждого куля брали акцизный сбор — 300 монет, т. е. если исходить из цифры 365 тыс. кулей в год, то по Хэнани и Шэньси в год собирали 109,5 тыс. связок.

В Южной Сун акциз на чай принес в 1141 г. 4 млн. связок, в 1154—2,7 млн., в 1162—2,1 млн., в 1174—4,2 млн. связок [Тоё тусэй си, 1939, стр. 286].

Эти акцизы на ходовые товары ложились тяжелым бре-

менем на население. «Гао Дэ-ци сделал представление и просил уменьшить сборы на соль, вино и пр.» [ЦШ, цз. 90, стр. 568].

Налог на добычу золота и серебра установлен в 1163 г. в размере 5%, а в 1204 г. был сокращен до 1%.

Торговый налог распространялся на сделки, совершаемые как на внутреннем, так и на внешнем рынках. На внутреннем рынке он достигал 3% (а с 1204 г.— 2%) стоимости продаваемого товара. В 1190 г. он был сокращен и в таком виде дал 941 тыс. связок. В 1160—1189 г. в Средней столице торговый налог ежегодно давал по 164 тыс. связок монет, а в 1196 г.— 214 579 связок. В последнем случае он составлял не менее 5% объявленной ценности продаваемых товаров. При продаже товаров, облагаемых акцизом, за границу цзиньские купцы кроме акциза вносили еще пошлину в размере 5% стоимости товара и комиссионный сбор — 2%, акцизные товары продавались в обязательном порядке через государственного посредника.

Ниже приводится ежегодная сумма пошлин на двух таможенных рынках в Сычжоу и Циньчжоу, где торговля была наиболее оживленной, связи:

	1160—1189 гг. (в среднем за год)	1196 г.
Сычжоу	53 467	71 360
Циньчжоу	33 656	122 099

Одним из самых мощных, трудно учитываемых и рискованных источников пополнения казны был выпуск монет и ассигнаций. Относительно надежным источником для суждений о доходности денежного дела для правительства служит установление учетного процента. 20% выпускаемых казной денежных знаков (т. е. 20 монет из ста) отчислялось в доход государства. В 80-х годах XII в. при отливке около 140 тыс. связок и обороте 800 тыс. связок в год годовая прибыль составляла 28 тыс. и 160 тыс. связок соответственно.

Приходными статьями цзиньского бюджета являлись также контрибуции и дань, выплачиваемые неудачливыми соседями. Особенно крупные суммы шли из Сун. С 1120 г. Сун выплачивала ежегодно 200 тыс. лянов серебром, 30 тыс. кусков плотного шелка, а в 1122 г. вынуждена была добавить еще 200 тыс. даней хлеба и 1 млн. связок монет.

Во время войны с Сун в 1126 г. чжурчжэни потребовали за мир 5 млн. лянов золота, 50 млн. лянов серебра, 10 тыс. лошадей, 10 тыс. коров и 5 млн. кусков шелка. Но Суны смогли собрать в столице лишь 200 тыс. лянов золота и 4 млн. лянов серебра. После взятия Бяньцзина чжурчжэни потребовали

10 млн. слитков золота, 20 млн. слитков серебра по 50 лян и 10 млн. кусков шелковых тканей. Однако только трофеи, захваченные чжурчжэнями в Сун оказались реальной добычей. Они были огромны, но сведения о них в источниках не встречаются. Обещанные контрибуции и дань Сун выплачивало лишь на первых порах, да и то частично, а вскоре вообще прекратило выплату, так как военные действия продолжались.

Когда государство Цзинь позднее захватило сокровищницу Ци, оно нашло там 1,2 млн. лян золота, 1,6 млн. лян серебра, 900 тыс. ху зерна, 2,7 млн. кусков шелка, 98,7 млн. связок монет.

Регулярную дань Сун стало выплачивать лишь после заключения мира в 1141 г. в размере 250 тыс. лян серебра и 250 тыс. кусков шелка ежегодно. В 1164 г. эти выплаты были уменьшены, а в 1208 г. увеличены на 50 тыс. по каждому виду дани и продолжались до 1214 г. Если исходить из цифры годовых доходов Южной Сун, то эта сумма не выглядит особенно обременительной. Однако рыночные цены на серебро были таковы, что для выплаты 200 тыс. лян надо было собрать с народа 700 тыс., а это уже было нелегко. Из-за инфляции серебро на рынке было редкостью даже в 70—80-е годы XII в., в эпоху расцвета Южной Сун [Нино, 1952].

Доля поступлений из Сун в бюджете Цзинь сама по себе невелика — около 1,4%. Со временем относительная доля этих поступлений в государственных доходах страны все падала, но абсолютное ее значение заметно возрастало. В условиях развивающейся инфляции выплаты в твердой валюте (в серебре и шелке) приобретали важное значение, особенно при дефицитном внешнеторговом балансе.

Подсчитать всю доходную часть цзиньского бюджета можно двумя путями: либо исходить из зафиксированных данных за разрозненные годы, заведомо неполных, как почти все акцизные сборы, кроме акциза на соль и некоторых других, и пренебречь целыми отсутствующими статьями (налог на драгоценные металлы, на изделия ремесла), либо в разумных пределах реконструировать некоторые из недостающих статей и неполных данных, исходя из средних цифр — цзиньских или сунских. В первом случае получим минимальную запрогнозированную цифру, во втором — более вероятную (но не максимальную), однако менее документированную. Испробуем оба пути поочередно и попытаемся получить две такие цифры для 1190 г., привлекая — там, где это возможно, — данные других лет и переводя их в единые меры: 1 лян серебра = 2 связкам монет, 1 шт. шелка = 3 связкам, 1 дань зерна (кроме риса) = 1 связке.

Итак, переводя все показатели в связки монет, получаем, что в 1190 г. доходы Цзинь составляли не менее 70 817 073 связок (табл. 26).

Поскольку в губерниях Средней и Западной столиц находилось в 1207 г. 1 298 720 дворов из 9 881 624 дворов империи, винный акциз по всей стране мог давать в 7—8 раз большую сумму — около 6 млн. связок применительно к данным 1160—1189 гг. и 3,2 млн. связок применительно к данным 1196 г. Первая цифра более достоверна, хотя она значительно меньше, чем цифра, выражающая доход от винного акциза Южной Сун (14 млн. связок), население которой всего на $\frac{1}{10}$ превышало население Цзинь.

Если чайный акциз в Хэнани и Шэньси, т. е. в губерниях Южной столицы, Фуяньлу и Цзинчжаолу с их 2954 тыс. дворов, дал в 1201 г. 109,5 тыс. связок, то со всей страны могло быть собрано втрое больше — около 330 тыс. связок.

В итоге общая сумма доходов правительства около 1190 г. возрастает до 78 млн. связок, но и она, очевидно, неполная. Простой обзор таблицы обнаруживает пустые и неполные графы и клетки. Косвенным подтверждением правильности минимальной цифры доходов, вычисленной нами, служит фраза Лян Су, приведенная в его биографии: «По подсчетам, годовые доходы Поднебесной превышают 20 млн. связок; в год используют более 10 млн.» [ЦШ, цз. 89, стр. 564]. Речь идет о денежных доходах 1181—1182 гг., в которые закономерно не включены взносы хлебом. Наряду с этим данные таблицы позволяют подметить разный объем поступлений по отдельным статьям бюджета. Земельные налоги в 1190 г. давали почти в 6 раз больше зерна, чем в 1162 г., акциз на соль в XIII в. стал давать тоже почти вдвое больше, как и таможенный налог. Торговый налог обнаруживает резкие и не вполне понятные подъемы и спады. В XIII в. резко возросли все налоги, особенно военный, не вошедший в таблицу, так как его размер неизвестен.

Для сравнения напомним, что ежегодный денежный доход в Южной Сун в 1127 г. составил около 10 млн. связок, в 1189 г. — свыше 65 млн. связок [Тоё тьусэй си, 1939, стр. 248]. При Нин-цзуне (1195—1224) в Южной Сун ежегодный доход с государственных земель составлял свыше 722 тыс. даней риса и более 1315 тыс. связок. Общий доход Южной Сун в пору расцвета составлял примерно 120 млн. связок [Очерки..., 1959, стр. 337].

Состояние государственной казны определялось не только регулярными поступлениями, но и теми накоплениями, которые либо создавались правительством сознательно, либо являлись результатом разовых поступлений, либо, наконец, формировались за счет «активного» бюджета. Примером послед-

Зафиксированные ежегодные доходы Цзинь

Год	Статьи поступлений	Поземель- ные налоги и подати, дани	Налог на имущество, связки	Акциз на соль, связки	Акциз на водку, связки	Акциз на чай, связки	Акциз на масло, ляны	Торго- вый на- лог, связки	Тамо- женные пошли- ны, связки	Дань с Южной Сун		Учетная денежная ставка, связки	Итого, связки
										серебром, ляны	шелком, шт.		
1141—1163										250 000	250 000		
1162		9 000 000						164 440	87 123				
1160—1189					361 500 серебром 53 467 медью								
1164—1207										200 000	200 000		
1186			305 000										
1187			3 022 719										
1189												160 000	
1190		52 261 000						941 000					70 817 073
1195			2 604 742										
1196					423 026			214 579	193 459				
ок. 1198			2 788 797	12 453 270									
после 1198				21 549 076									
1204			2 763 000										
1208—1214										300 000	300 000		
1217—1219							неск. тыс.						
1223						109500							

него может служить краткая роспись государственного (зернового) бюджета, относящаяся к 1162 г.: «В год собираем 9 млн. даней оброка. За вычетом текущих расходов в 7 млн. даней остается 2 млн. даней. После освобождения от налогов из-за стихийных бедствий и выдачи ссуды остается 1 млн. даней с небольшим» [ЦШ, цз. 47, стр. 301]. Этот 1 млн. даней с небольшим становится накоплением «активного» бюджета. К разовым поступлениям относились военные трофеи, дань, конфискации и пр. По-видимому, за их счет в 1191 г. в казне скопилось более 1200 слитков золота и более 552 тыс. слитков серебра по 50 ляннов каждый, что по обычному курсу составляло 57,2 млн. связок. Это, конечно, мелочь по сравнению с казной, захваченной у государства Ци в 1137 г., о которой уже говорилось выше; в пересчете на связки стоимость ее достигала астрономической цифры — 146,1 млн. связок, или 73 млн. ляннов серебра. Но и она бледнеет перед ценностями сунской сокровищницы в Кайфыне, как считают, попавшими в руки чжурчженей в 1126 г. В ней хранилось 3 млн. слитков золота и 8 млн. слитков серебра, т. е. свыше 5 млрд. связок [ДЦГЧ, цз. 42].

Но, несмотря на колоссальную цифру трофеев, неизмеримо большее значение для повседневной финансовой политики государства имела первая группа накоплений — плановая и регулярная. Их характер и назначение, неразрывно связанные между собой, как в фокусе концентрировали сущность средневековой дальневосточной экономики и финансов. Как правило, это были зерновые накопления, предназначенные для натуральных выплат чиновникам и войскам, военным поселенцам, выдач прожиточного и семенного фонда населению в неурожайные годы, для стабилизации рыночных цен на хлеб. Это был последний крупный натуральный сектор в товарно-денежной экономике страны. Все остальные продукты-товары уже были отданы в стихию рынка и денежного обращения. Но хлеб — основа самого существования населения — поступал в счет податей натурой, запасался казной, как непреходящая ценность, и раздавался натурой же.

Следуя издавна принятой в Китае политике, цзиньское правительство практиковало государственные закупки зерна (хэди), начиная с 1142 г. Суть операции выражена следующей фразой: «По старым правилам в обильные и урожайные годы повышали цены, производили государственные закупки зерна; и обществу прибыль, и частным лицам нет ущерба» [ЦШ, цз. 50, стр. 320]. В неурожайные годы, когда хлеб дорожал, правительство либо раздавало хлеб неимущим, либо продавало его на рынках по твердым ценам, сбивая цены спекулятивные. Система государственных закупок хлеба была тесно связана с «амбарами, постоянно контролирующими

[цены]» (чан пин цан), которые как система появились в Цзинь к 1174 г. В 1190 г. про эту систему говорили как про старую: «По старой системе периода правления под девизом Да-дин в урожайные годы делали надбавку на рыночные цены в размере 20% и совершали государственные сделки; в неурожайные годы уменьшали рыночные цены на 10%, дабы сбить до [цен] нормальных годов. Таким образом, в урожайные годы дают надбавку при совершении сделки, боясь, что товары подешевеют и [это] нанесет ущерб земледелию, а в неурожайные годы снижают цены, выбрасывая хлеб, опасаясь, что товары подорожают и [это] нанесет урон народу. Увеличивая или уменьшая цены, контролируют цены на хлеб, поэтому-то и называются „амбарами, постоянно контролирующими [цены]“» [ЦШ, цз. 50, стр. 320].

В амбарах полагалось хранить трехмесячный запас хлеба с учетом потребности сбить рыночные цены в неурожайные годы на 30%. Это не всегда удавалось. Так, мы узнаем, что в уезде Ляобин закупочные цены оказались заниженными, поэтому 100 тыс. ху проса было спрятано населением и богачами [ЦШ, цз. 110]. Такая практика, формально осуждаемая (как и продажа званий и дипломов за хлеб), ставила целью пополнить казну за счет спекулятивных хлебных сделок. Иногда выброшенное на рынки зерно не могло сбить высокие цены.

Амбары, очевидно, строились не везде. В губернии Верхней столицы, например, их решили не строить, так как земли здесь много, а неурожай редки. Но в большинстве губерний они существовали по особой разнарядке.

Соотношение между числом дворов и объемом амбаров следующее:

Число дворов	Вместимость амбаров, дан
Свыше 20 000	30 000
10 000—20 000	20 000
5000—10 000	5000
Менее 5000	5000

В 1162 г. Государственный совет докладывал, что в амбарах хранится 20 790 тыс. даней зерна, но Ши-цзун на это ответил, что по правилам государство должно иметь запасы на девять лет. В результате обследования дворов и населения в 1190 г. было установлено, что «по норме на месяц нужна ссуда в 3 доу на каждого едока; чтобы сделать такой запас всего лишь на 3 месяца, потребуется больше 10 млн. (дань?), но этого будет достаточно, чтобы нормализовать цены и спасти от голода» крестьян (без чиновников и солдат, которые обеспечивались особо) [ЦШ, цз. 50, стр. 320—321]. Простей-

ший расчет показывает, что при таких условиях ссуды могли получить 11—12 млн. человек (едоков). Содержание этой цифры не раскрыто. Самых чжурчжэней было меньше, китайского населения, даже только его земледельческой части,— больше. В довершение всего неясно, кого правительство признавало «едоками» в голодные годы и не служила ли ссуда лишь подспорьем?

В 1193 г. в Цзинь числилось 519 амбаров. В них хранилось 37 863 тыс. даней проса — пятилетний рацион чиновников и армии, 8100 тыс. даней риса, которого должно было хватить им на четыре года, и 33 343 тыс. связок — жалованье более чем на два года [ЦШ, цз. 50].

Сейчас мы подходим к рассмотрению расходных статей цзиньского бюджета, рассмотрению, из-за бедности экономических источников, весьма ограниченному и неполному.

Заманчиво думать, что в 1193 г. на чиновников и войско ушло: 7 572 600 даней проса, 2 025 000 даней риса, 16 000 000 связок монет. В пересчете на деньги сумма этих расходов составит 28 млн. связок (считая 1 дань риса за 2 связки).

Но, по-видимому, и здесь скрыта загадка. Неясно, идет ли здесь речь только о жалованье или о полном содержании? Не удастся отделить военные расходы от трат на правительственный аппарат, так как мы знаем лишь число чиновников, но не солдат, и нам неизвестны суммарные траты на тех или на других; конкретные же должностные оклады мало что дают: мы не знаем числа лиц, занимающих известные посты в войсках и учреждениях. Попробуем воспользоваться цифрами Южной Сун. В 1192 г. на содержание 33 тыс. чиновников в Южной Сун в месяц уходило 1,5 млн. связок (т. е. в среднем 550 связок в год на человека), а в 1169 г. на 400 тыс. солдат ассигновано 80 млн. связок в год, т. е. в среднем по 200 связок в год на солдата [Тоё тусэй си, 1939, стр. 282], если, конечно, не было натуральных выдач. В Цзинь около 1193 г. числилось 11 500 чиновников. По сунским окладам они обходились в 6325 тыс. связок. Тогда оставшихся 21,6 млн. связок при сунской норме хватит лишь на 108 тыс. солдат. Но в конце правления Ши-цзуна было около 240 тыс. кадровых солдат. Если мы условно распространим на всю армию структуру частей мэнъянь войск верховных воеводств, то получим следующую картину (табл. 27).

Сумма жалованья 300 мэнъянь (с киданьскими и бохайскими) составит 22 млн. связок, что почти полностью соответствует упомянутому 21,6 млн. связок. Но средняя цифра, приходящаяся на одного военнослужащего (73 связки), очень мала по сравнению с южносунской и, очевидно, не включает других расходов на содержание армии. Поэтому осторожнее

Жалование личному составу мэнъянь войск верховных воеводств

Штатный состав	Число штатных единиц	Деньгами, связи в месяц	Рисом, л в месяц (округленно)	Шелком, шт. в год	Всего, связи в год
Начальник мэнъянь	1	8	500 (= 10 св.)	8 (= 48 св.)	264
Начальник моукэ . .	10	6	300 (= 6 „)	6 (= 36 „)	1 800
Помощник начальника моукэ	20	4	200 (= 4 „)	5 (= 30 „)	2 520
Стрелковые	500	2	150 (= 3 „)	4 (= 24 „)	42 000
Оруженосцы	500	1,5	75 (= 1,5 „)	3 (= 18 „)	27 000
Итого . . .					73 584

принять южносунскую цифру (200 связок в год на военно-служащего). При армии в 275 тыс. человек общие расходы будут составлять приблизительно 55 млн. связок.

Как уже отмечалось, около 1190 г. в стране было собрано 52 261 тыс. даней проса в счет годовых поземельных налогов. Тут же в «Цзинь ши» приводится расчет: поскольку простолюдин в месяц съедает 0,5 даня зерна, всех налогов хватит населению, не считая чиновников и солдат, только на 44 дня. Здесь предполагается гипотетический случай, обычный в китайской финансовой литературе, при котором государству пришлось бы кормить население целиком [ЦШ, цз. 46]. В действительности выходит: если из 52 млн. 7,5 млн. шло на чиновников и войско, то оставшихся 44,5 млн. даней хватало на 60 млн., а не на 45-миллионное население империи (на указанные 44 дня). Но если из 52 млн. вычесть все виды довольствия солдат и чиновников: 7,5 млн. даней проса, 2 млн. даней риса, 8 млн. даней риса (вместо 16 млн. связок), то останется 34,5 млн. даней зерновых (рис здесь к просу приравниваем). Если считать, что население Цзинь составляло 45 млн. человек, то по норме «Цзинь ши», чтобы их прокормить, требовалось 33 млн. даней, т. е. разница между обеими цифрами значительная.

Дальнейшее развитие этого гипотетического положения, равно как и схематическое изложение местного бюджета, содержится в другом отрывке, относящемся к 1215 г. «Военные дворы Хэбэя переселились в Хэнань в количестве нескольких десятков тысяч едоков. Одному человеку в день

выдаем 1 шэн проса. В год тратим 3600 тыс. дань. Половину добываем на месте... Податные земли Хэнани насчитывают 240 тыс. цин; ежегодная подать [составляет] лишь 1560 тыс. [дань]. Просим, не считая текущих расходов, удвоить сбор подати (и употреблять их) на выдачи» [ЦШ, цз. 47, стр. 299]. Итак, на содержание военных поселенцев Хэнани, а в трудных условиях 1215 г.—большей части империи, тратили 3,6 млн. даней в год. Простой подсчет показывает, что в Хэнани в ту пору проживал 1 млн. военных поселян — местных и из Хэбэя.

Любопытно отметить, что если хлебная норма военному поселенцу составляла в 1215 г. 1 шэн в день (0,3 даня в месяц), то хлебный прожиточный минимум простолюдина в 1190 г. оценивался в 0,5 даня в месяц (другая норма в 3 доу — это дотация к основному пайку).

Итак, в конце XII в. в средний год (урожайный и мирный год) расходная часть цзиньского бюджета должна была содержать следующие основные статьи (размер трат по некоторым из них неизвестен):

1. Жалованье войскам	около 55 млн. связок
2. Жалованье чиновникам	» 6,3 млн. »
3. Содержание учреждений	» 0,4 млн. »
4. Содержание двора ⁷	
5. Содержание дорог	
6. Закупка части военного снаряжения	
7. Регулярные скидки и ссуды на неурожай до 8—10% бюджета	около 6,2—7,8 млн. »
8. Текущие расходы	
9. Государственные хлебные закупки	» 9—10 млн. »

Итого по ст. 1, 2, 3, 7, 9 . . . . . около 78 млн. связок

Из максимальных доходов в 78 млн. связок 68 млн. связок (ст. 1—3, 7) уходило на неотложные нужды. Оставшиеся, по нашим подсчетам, 10 млн. связок вместе с неучтенными нами доходами шли на другие статьи расхода, как перечисленные нами, так и не упомянутые. Как уже отмечалось, создание и поддержание 3-месячных резервных запасов хлеба требовало 10 млн. даней, т. е. поглощало бы эти 10 млн. связок. Огромные расходы государства на хлеб, возмещаемые лишь частично,—характернейшая черта цзиньского бюджета, как и бюджета ряда дальневосточных стран. Это не было государственной благотворительностью. Ссуды зерном являлись залогом самого существования средневековой экономики, основанной на земледелии.

---

⁷ Ши-цзун, отметив свою умеренность и старания сократить расходы на стол, заявил: «Таким образом, с вступления моего на престол из десяти частей [расходов] убавлено семь или восемь» [ЦШ, цз. 8, стр. 67].

Трудовая повинность, которую несло население, главным образом китайцы, тоже являлась доходной статьей Цзинь и заменяла денежные расходы по статьям 3—6, 8. Многих мобилизовывали на строительство. Дворцы и палаты Яньци-на при Цзинь были великолепны, но стоили дорого. В 1151—1153 гг. перевозка одного бревна обходилась в 200 связок монет, а для работы одной повозки требовалось до 500 человек. Все же работы потребовали 800 тыс. рабочих и 400 тыс. солдат.

Колоссальное число рабочих дней отработывало население на сооружении плотин, ликвидации разливов, особенно Хуанхэ, причем большей частью безвозмездно. В 1188 г. министерство общественных работ объявило о привлечении к работам по обузданию Хуанхэ 6080 тыс. человек. Кроме армейских носильщиков оно располагало разверсткой на 4300 тыс. человек и требовало дополнительной мобилизации. Во время великого разлива Хуанхэ при перемене ее русла в работах участвовало 8,7 млн. человек [ЦШ, цз. 27].

Денежное обращение чжурчжэней отличалось большой сложностью: наряду с оригинальными чертами оно обладало особенностями денежной системы китайцев и киданей [Воробьев, 1969]. Как и в Сун, денежная система Цзинь не имела в своем распоряжении надлежащим образом оформленного выразителя стоимости товаров — золота или серебра. Роль такого выразителя играла медь (точнее, бронза), которая и в виде монет сохраняла стоимость. Они стоили столько, сколько стоила в них заключающаяся медь, а форма и легенда лишь удостоверяли количественное и качественное соответствие заключающейся в них меди. Даже цены на серебро и достоинство ассигнаций выражались в связках медных монет [Ивочкина, 1968, стр. 17]. Эта особенность приводила к следствиям двоякого рода: изменялся характер функции накопления, которую активно выполняла медь, усложнялся вопрос о количестве денег, необходимых для обращения. Поскольку оно равно сумме цен всех товаров, деленной на среднее число оборотов одноименных единиц денег, т. е. тех же медных монет, то при невозможности заметно усилить оборачиваемость денег приходилось заботиться об увеличении выпуска разменной монеты или о замене ее иными платежными средствами.

Ниже приведены основные события в развитии денежного обращения Цзинь:

1154 г.	Выпущены кредитки сроком на 7 лет (=100, 200, 300, 800 монетам, 1, 2, 3, 5, 10 связкам)
1157 г.	Выпущены монеты чжэнлун юаньбао
1158 г.	В столицах и других городах открыты монетные дворы
1171—1172 гг.	Скупка и разведка меди

1178—1189 гг.	Выпущены монеты дадин тунбао (=1, 2, 5, 10 монетам)
1180 г.	» кредитки сроком на 7 лет (саньхэ тунбао)
1189 г.	Отменены кредитки, выпущены бессрочные ассигнации
1197—1200 гг.	Выпущены серебряные монеты чэнъянь баохо
1197—1200 гг.	» медные » » » (=5 монетам)
1199 г.	Разрешен свободный размен ассигнаций
1204 г.	Выпущены медные монеты тайхэ тунбао (=1, 2, 3, 10 монетам) и тайхэ чжунбао (=10 монетам)
1205 г.	Установлен обменный курс: 6 монет-ассигнаций в 1000 монет
1206 г.	Выпущены мелкие ассигнации, приравненные к крупным
1207 г.	» » »
1212 г.	» монеты чунцин тунбао (=1, 2 монеты)
1212 г.	» » чунцин юаньбао (=5 монетам)
1213 г.	» » чжинин юаньбао (=10 монетам)
1214 г.	» ассигнации (=20—100 связкам)
1215 г.	Объявлен 1-й обмен ассигнаций
1215 г.	Выпущены ассигнации чжэнью баоцюань
1216 г.	Выпущены монеты чжэнью тунбао (=1, 2 монетам)
1216 г.	1 связка монет приравнена к ассигнации в 1000 связок
1217 г.	Объявлен 2-й обмен ассигнаций
1217 г.	Выпущены ассигнации чжэнью тунбао
1221 г.	Объявлен 3-й обмен ассигнаций
1222 г.	Выпущены ассигнации синдин баоцюань
1223 г.	» шелковые ассигнации тяньсин баохуй
	» мелкие » » » (=1, 2, 3, 4 монетам)
	Выпущены монеты тяньсин баохуй

Денежное хозяйство государства Цзинь в своем развитии прошло три этапа. На первом этапе, с 1115 по 1154 г., страна не имела собственной денежной системы. В обращении были в основном киданьские и китайские медные монеты, а также слитки драгоценных металлов и другие предметы, т. е. сфера обращения носила еще полунатуральный характер. Благодаря огромным ценностям, захваченным в Ляо и в Сун, контрибуциям и дани, экономика чжурчжэней выглядела процветающей. Однако именно приток богатств, лихорадочный рост экономики, огромные расходы на государственное строительство и войны потребовали создания собственной денежной системы.

С 1154 г. начался второй период — время подъема денежного обращения, — который длился до 1206 года — года образования монгольского государства. В это время денежная система чжурчжэней приобрела свои специфические черты. В государстве Цзинь в обращении были медные монеты (свои и китайские), свои серебряные монеты, бумажные деньги (кредитки и ассигнации), серебряные слитки, т. е. существовала система более сложная, нежели в Сун. Характерно, что первым собственным денежным знаком чжурчжэней были не монеты, а кредитные обязательства (цзяочао) по образцу танских. Уже в 1189 г., т. е. на 60 лет раньше, чем в Сун, они

были заменены бессрочными ассигнациями. За период своего существования государство Цзинь выпустило свыше 10 ассигнаций разного достоинства: от одной монеты (сяочао) до 1000 связок. В первое время ассигнации выпускались на местах, затем их изготовление было централизовано, но в последние годы Цзинь вернулось к старой практике. Все ассигнации обладали принудительным паритетом. Но если в самом начале они еще пользовались доверием, то в результате неограниченного выпуска и необеспеченности они потеряли свою покупательную способность. Тогда правительство ограничило металлическое обращение, выпустило новые ассигнации и обменяло их на старые (в 1215, 1217, 1221—1222 гг.). При этом курс новых ассигнаций был уже ниже, чем у старых, и т. д. [Liu Hou-tse, 1944]. При общем недостатке разменной монеты это усилило процесс сокрытия медных денег. В 1188 г. император Ши-цзун жаловался, что у населения до 60 млн. связок монет лежит без какой-либо пользы [Пэн Синь-вэй, 1954, стр. 386]. Попытки принудительно ограничить количество хранящихся монет вряд ли могли быть эффективны. В 1194 г. «приказано домам чиновников и народа, сообразуясь с рангом и богатством, ограничить наличность звонкой монеты, дабы она не превышала 30 тыс. связок, а дворам мэнъянь и моукэ — в зависимости от числа упряжек, но не более 10 тыс. связок» [ЦШ, цз. 48, стр. 306].

На третьем этапе (1206—1234) началась инфляция с характерными ее признаками: сокрытием металлической монеты и обесценением ассигнаций. Обычным явлением стало обесценение ассигнаций до $\frac{1}{100}$ их номинала, а в последние десятилетия существования государства стоимость только что выпущенных ассигнаций составляла $\frac{1}{1000}$ их номинала. К 1223 г. цены на серебро в пересчете на первые ассигнации возросли в 60 млн. раз.

Серебро играло большую роль во внешнеторговых расчетах, а в конце династии Цзинь — и на внутреннем рынке. В обращении было весовое серебро — слитки по 50 лянв, а серебряная монета чэнъянь баохо, до нас не дошедшая, большого значения не имела. Интересен лишь сам факт ее появления, так как ни у сунцев, ни у корёсцев тогда не было серебряных монет [Ивочкина, 1970].

Медная монета играла важнейшую роль в обращении. 34 монеты (см. вывод на стр. 278—279) принадлежат к типам, из которых 9 связаны с самостоятельным девизом годов правления, четыре же отличаются не девизом, а выбором термина для слова монета. По достоинству они довольно разнообразны: из них лишь небольшая часть — мелкие разменные монеты, большая же часть — крупные, равные двум, трем, пяти и десяти мелким. Обилие типов и вариантов (до-

стоинств) — свидетельство шаткости монетного обращения в Цзинь. Крупные монеты содержали меди значительно меньше, чем полагалось им по норме. Эта и другие причины приводили к частой смене образца монет. В результате некоторые варианты выпускались в небольшом количестве. Ведущую роль в монетной системе чжурчжэней играли три монеты: дадин тунбао, чжэнлун юаньбао, тайхэ тунбао.

В изготовлении медных монет чжурчжэни строго следовали китайским канонам, иногда в киданьской интерпретации. Форма, размер монетного кружка, квадратного отверстия, ободков, характер, язык и почерк легенды — все следовали китайскому образцу. Создав свою письменность и энергично вводя ее в государственный обиход, чжурчжэни тем не менее не использовали ее на монетах.

В полном соответствии с бытовавшими на Дальнем Востоке теориями находилась и теория денежного обращения у чжурчжэней. Покупательная способность денег, как принято было считать, определялась лишь их количеством относительно массы товаров. Понятие цены монеты и товара не различалось. Нарушение стабильности количества монет в обращении, как полагали, неизбежно вело к росту цен, прежде всего на хлеб и шелк, и как следствие — к краху самой денежной системы. Поэтому назначение денежной системы цзиньцы видели в ее стабильности и в гарантированном повышении цен на сельскохозяйственные продукты, что рассматривалось как необходимый экономический стимул развития земледелия. Повышение же цен связывалось с понижением обменного курса монеты. Так складывалось убеждение, что дефект денежной системы Цзинь не в низкой стоимости средств обмена, а в их малочисленности. Такой поверхностный, с нашей точки зрения, подход определял отношение к неумеренному выпуску ассигнаций, к уходу монет в сокровища, к вывозу денег за рубеж, к частной отливке.

В «Цзинь ши», в главе о деньгах (цз. 48), часто говорится о нехватке медной монеты в обращении и основная финансовая мысль направлена на объяснение этого обстоятельства и поиск выхода. Нехватка монет в лучшем случае объясняется их утечкой за рубеж, стиранием в процессе обращения, переплавкой и уходом в сокровища. Монеты, которых не хватало, естественно, дорожали, и это укрепляло мнение цзиньских финансистов о том, что вся суть — в числе монет. Часто недостаток монет объясняли неумением народа пользоваться деньгами. Когда в 1189 г. выяснилось, что при годовой выплавке в 140 тыс. связок истрачено почти в шесть раз больше, цзиньские финансисты сочли, что это «вредит народу, который часто тратил, не предвидя от этого выгод и удобств» [ЦШ, цз. 48, стр. 306], и вовсе прекратили отливку монет.

Критика денежного обращения считалась опасной, и в 1207 г. при выпуске очередного вида денег это специально оговаривалось [Ходзуми, 1940].

В первые годы после создания Цзинь монет в этом государстве было значительно больше, чем в Южной Сун. Северный Китай был центром выплавки монет при Северной Сун, все запасы достались чжурчжэням. Только в 1138 г., захватив казну царства Ци, чжурчжэни получили 100 млн. связок монет, кроме того, они еще получали контрибуцию. При Ши-цзуне в Цзинь было около 60 млн. связок. Вместе с тем уже с середины XII в. отмечены жалобы на нехватку монет. Например, китаец из Южной Сун Фань Чэн-да, побывавший в 1170 г. в Бяньцзине, жалуется на отсутствие цзиньских монет, которые там заменяли старыми китайскими, и отмечает, что монеты вообще в Хэнани не задерживаются, а уплывают на юг [Лань пэй лу].

Дефицитный для Цзинь торговый баланс (в особенности в результате контрабандных закупок хлеба) явился основной причиной истощения цзиньских финансов [Согабэ, 1949, стр. 125], но существовала и сознательная охота за монетой, в которой участвовали обе стороны, но успешнее — Южная Сун. Оба государства запрещали вывоз монеты и меди. Чтобы воспрепятствовать этому, Цзинь в пограничных районах заменила медную монету ассигнациями, а Южная Сун — железной монетой.

Южная Сун нуждалась в монете, так как часть рудников осталась на севере, а страна вела активную внешнюю торговлю. Фактически борьба шла за старую северосунскую монету. Пользуясь высокими ценами на медь в Южной Сун, торговцы вывозили туда монету: «Монеты во множестве уходят в Сун. Сунцы радуются, цзиньцы не воспрещают этого» [ЦШ, цз. 48, стр. 309].

Кроме проблемы абсолютной нехватки монет выделяли и относительную недостачу, но причины ее появления не раскрывались. В 1188 г. Ши-цзун в беседе с министром заметил: «Ныне во внешних губерниях монет весьма много, слышал — более 60 млн. связок. Все они скопились в глухих углах, не обращаются, не приносят выгод ни частным лицам, ни обществу. Все равно что нет [их]. Теперь в Средней столице в год расходуется до 3 млн. связок, не успевают снабжать. Если их доставлять в столицу, не выдержать платы за перевозку. А так как во многих местах ее (монету. — М. В.) тратят, то она снова рассеется и осядет среди народа» [ЦШ, цз. 48, стр. 305].

Изучение мер, применяемых против этих и других нарушений нормального обращения, свидетельствует об их поверхностном, паллиативном характере. Отсутствовала твер-

дая политика в отношении утечки монет. Не то чтобы чжурчжэни всегда «не препятствовали этому», как говорится в одной цитате из «Цзинь ши», они принимали некоторые меры против контрабандной торговли монетами, против разорительных покупок предметов не первой необходимости в Южной Сун, но не выдерживали их до конца. С уходом монет в сокровища они боролись грозными указами да требованием вносить денежные налоги звонкой монетой, взамен расплачиваясь ассигнациями. А так как это, естественно, оказалось одной из причин, уничтожающих доверие к ассигнациям, то в запасе правительства оставалось одно средство — принудительный и произвольный паритет.

Не удивительно, что основные меры правительства в области денежного обращения чаще всего сводились к стремлению удовлетворить рынок разменной монетой. Власти держались политики государственной отливки монет, хотя источники дают нам понять, что существовали и отклонения от этого принципа. «На совещании Ши-цзуна с вельможами в 1169 г. относительно отливки медной монеты некоторые говорили, что она требует весьма больших издержек, и предлагали открыть рудники и очищать серебро и золото. Но государь сказал: „Сокровища гор и рек должны принадлежать всему народу, но монеты негоже отливать частным образом“. На вопрос императора о древних обычаях в этой области Шицзюй отвечал: „Если позволить народу свободно лить монету, то низкие люди по жадности или корысти, уж конечно, стали бы лить монету тонкую и худую. Поэтому в древности это было воспрещено“» [ЦШ, цз. 6; Розов, л. 193] Однако само правительство обесценивало монету, увеличивая в ней содержание дешевой лигатуры либо устанавливая произвольный паритет (так, монета, приравненная к десяти мелким, по весу едва достигала уровня трех ординарных).

Выражение «требует весьма больших издержек» не было преувеличением. Вследствие особенности цзиньского и китайского денежного обращения (отсутствия золотых и серебряных монет, наличия лишь крупных платежных металлических средств — серебряных слитков) разрыв между медной разменной монетой и серебряным лянм (равным примерно 2000 монет) был огромен. В результате разменной монеты требовалось в обращении необычайно много. Но по законам денежного обращения того времени паритет монеты должен был соответствовать цене меди, заключенной в монете. Однако в стране было мало медных рудников, поиски новых залежей и добыча меди обходились так дорого, что чжурчжэньский вельможа имел основания сказать, что «для того, чтобы отлить одну монету, надо затратить десять» [ЦШ, цз. 48,

стр. 307]. Изымение у населения медной утвари было не только попыткой восполнить недостаток в меди, но и получить ее без особых затрат.

Радикальный, казалось, выход из этого положения был найден чжурчжэнями, и найден очень скоро. Он заключался в выпуске ассигнаций. Их печатание обходилось сравнительно дешево, хорошо подобранное достоинство купюр позволяло с успехом заменить ассигнациями часть фонда разменных монет. Правда, и здесь таилась трудность. При недолговечности ассигнаций правительству было выгоднее печатать билеты крупного достоинства, а не мелкого, как это требовало обращение [Ивочкина, 1967].

Но так как финансисты и ассигнации склонны были рассматривать лишь как механическое восполнение недостатка разменной монеты, возникла грозная опасность, и она-то, несомненно, недоучитывалась правительством. Ассигнации — принципиально новое средство обращения; хождение ассигнаций по курсу могло быть обеспечено лишь постоянным централизованным наблюдением за их числом в обращении с учетом количества разменной монеты, роста цен и т. п., в конечном итоге — доверием к ним. Несомненно, этот механизм во многом был просто недоступен пониманию правительства: мы нигде не встречаем указаний на точное число выпускаемых ассигнаций, на выкуп излишних кредитных билетов, на приведение в соответствие обозначенного на них паритета с их рыночным курсом. Правительство наивно полагало, что напечатанная на них стоимость незыблема и обязательна для всех, что если запретить употребление звонкой монеты, то это обеспечит беспрепятственное обращение ассигнаций.

В отличие от медных монет, курс которых не мог упасть ниже стоимости заключенной в них меди (т. е. фактически всего в несколько раз), иллюзорная стоимость ассигнаций ничем не ограничивала это падение (в Цзинь оно доходило до одной полумиллионной достоинства).

Безудержная эмиссия и инфляция усугубляли «естественное» удорожание жизни. Источники следующими цифрами оценивают ежедневные потребности одного человека: при династии Тан — 11—12 монет, при Северной Сун — 15—16 монет, при Цзинь в 1164 г. — 100 монет [ЦШ, цз. 6; Пэн Синь-эй, 1955, стр. 382]. Конечно, семикратное увеличение потребности в деньгах в 1164 г. в какой-то мере должно отражать повышение жизненного уровня, так как открытая инфляция для этих годов еще не характерна. Во всем блеске она развернулась позднее, и тогда цены на необходимые продукты (исчисляемые непременно в серебре, так как на бумажки их не продавали) взлетели. Если в середине Цзинь 1 доу зерна стоил 80 монет [ЦШ, цз. 23], то в 1204 г. — 10 лянв сереб-

ра, или 20 связок по курсу [ЦШ, цз. 108], а в 1232 г.— 20 лян серебра, или 40 связок по официальному курсу [ЦШ, цз. 115]. Южносунский У Цянь в 1234 г. говорил, что в Цзинь на ассигнацию достоинством в 100 связок можно купить чашку муки. Елюй Чудай заметил, что за «10 тысяч связок можно купить только одну лепешку», имея в виду те же ассигнации [Пэн Синь-вэй, 1955, стр. 385].

Неустойчивость финансового положения Цзинь непосредственно отражалась на состоянии денежного обращения, которое постоянно лихорадило. Все это тормозило окончательный переход от натуральной экономики к денежной. Как уже говорилось, основные в государстве виды обложения — поземельный налог и подать — собирались натурой. Иной выход был просто невозможен в стране, где существовало три счета: на серебро, на медь и на ассигнации, да еще при двух курсах — правительственном и рыночном. Об этом прямо говорится в «Цзинь ши»: «Если будет приказано все налоги вносить тремя равными долями монетами, серебром и ассигнациями, то, пожалуй, устраним это зло» [ЦШ, цз. 48, стр. 307] — имеется в виду разрыв между официальным и рыночным курсом на серебро.

И тем не менее экономика Цзинь может считаться денежной. Монеты, причем разменные, ходили повсюду, проникали в самые отдаленные уголки обширной империи. Это в значительной степени объясняется наличием в стране огромного количества медной китайской монеты. Почти нет городища, где в результате простого осмотра среди подъемного материала не оказалось бы некоторого количества монет, иногда одних китайских [Воробьев, 1968а, 1956; Макаров, 1946; Шавкунов, 1960, 1958, 1955]. Из 747 монет, собранных в Байчэне (Верхняя столица чжурчжэней), только шесть было собственно чжурчжэньских [Толмачев, 1925, стр. 28], а в кладе XII в., найденном у села Афанасьевка в Приморье, из 132 монет всего лишь одна монета оказалась чжурчжэньской [Воробьев, 1968 а]. В огромной Красноярской крепости, давшей много нумизматического материала, частично отраженного в только что упомянутых статьях, найдено лишь несколько чжурчжэньских монет [Гребенщиков, 1922]. Таким образом, нельзя и переоценивать развитие монетного дела династии Цзинь, создавшей много оригинального в своей монетной системе, но строившей металлическое обращение прежде всего на массе импортируемой китайской монеты [Ивочкина, 1971, 1968 а, 1965].

Поскольку все доходные статьи цзиньского бюджета пополнялись за счет прямых и косвенных налогов, кроме статьи о даях, мы можем вычислить среднее количество поступлений с одного двора и человека, сопоставив его с соответствующи-

ми данными о доходах Южной Сун (табл. 28), среди которых только прибыли от заморской торговли выходят за рамки народного обложения (мы предполагаем, что они уравнивали дань).

Таблица 28

Государственный доход в исчислении на душу населения и на двор в Цзинь и в Южной Сун (конец XII в.)

Государство	Государственные доходы, млн. связок	Число дворов	Доход с одного двора, связки	Количество населения, человек	Доход с одного человека, связки
Цзинь	78	6 939 000	11,2	45 447 900	1,7
Южная Сун . . .	120	12 907 938	9,3	27 564 106	4,3

Поскольку полная сумма национального дохода, как и бюджета Цзинь, нам неизвестна, можно сделать лишь самые общие и приблизительные замечания о норме эксплуатации, о тяжести налогового бремени, о финансовом положении государства и населения. Средняя (неполная) цифра части национального дохода, ежегодно изымаемой у населения — 11,2 связки со двора и 1,7 связки с человека, — мало что говорит воображению. Но если мы вспомним, что подать с казенных земель равнялась половине среднего полновесного урожая (5 доу с 1 му при урожайности в 1 дань), а доля поземельных сборов в бюджетных поступлениях составляла 70% и остальные 29% (кроме 1% за счет дани и таможенных пошлин на экспорт) взимались с того же контингента, то окажется, что рядовой крестьянский двор дополнительно терял до 20% своего урожая, а общие изъятия в пользу государства с такого двора составляли не менее 70% его доходов. Конечно, в стране существовали не только доходы с земли, но и не только учтенные нами поборы.

Сопоставляя данные таблицы 28, мы видим, что в Южной Сун сумма налогов со двора на 17% ниже, чем в Цзинь, а сумма налогов с человека почти в 2,5 раза выше (так как сунский двор в среднем состоял из 2, а цзиньский из 6 человек). Поскольку мы не знаем доли национального дохода, приходящегося в обоих государствах на душу населения, трудно судить о том, объясняется ли высокий доход с одного человека в Южной Сун более высокой производительностью труда или более тяжелым налоговым бременем. Некоторые авторы, изучая динамику роста населения и дворов в обеих странах, категорически утверждают, что «приведенные сравнительные цифры свидетельствуют о том, что население при

Цзинь испытывало меньший гнет, чем в Южной Сун» [Юань Чжэнь, 1967, стр. 28]. Мы не будем столь категоричны и отметим лишь тот факт, что финансовое положение подданных Цзинь, по этим данным, было не тяжелее, чем населения Южной Сун.

СРЕДСТВА И ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Средства сообщения в государстве Цзинь, как легко себе представить, сочетали в себе старые чжурчжэньские и северосунские формы.

К моменту появления чжурчжэней в Китае империя Сун создала в стране хорошо налаженную систему сухопутных и водных путей. В Китае существовало 11 главных, или столбовых, дорог, принадлежавших государству: Кайфын — Хуачжоу — Сюнчжоу, Кайфын — Хуачжоу — Бэйпинцзюнь, Кайфын — Дайчжоу, идущие на север, к киданьским заставам; Кайфын — Баоаньцзюнь, Кайфын — Хуайнь — Чжэньцзюнь, Кайфын — Цзинчжаофу — Ланьчжоу, ведущие на запад, в Си Ся; Кайфын — Фэнсянфу — Чэнду, идущая на юго-запад, в Шу; Кайфын — Сянъян — Гуанчжоу, Кайфын — Эчжоу — Гуанчжоу, Кайфын — Чжанчжоу, связывающие столицу с югом; Кайфын — Таньчжоу — Дэнчжоу, заканчивающаяся на востоке Дэнчжоу — центром торговли с чжурчжэнями в XI в. [Тоё тусэй си, 1939, стр. 208—210].

Водные пути каналами были объединены в три крупные системы. Главной артерией южной системы считалась р. Янцзы. Через реки Хуайшуй, Цяньтанцзян, Сяншуй, Ханьшуй, озеро Фаньян она была связана со второй — центральной системой. Центральная система включала реки Бяньхэ и Цзяннаньхэ, а также канал Шаньянду и обеспечивала связь между южными и северными районами страны и со столицей. В северную систему входили реки Хуанхэ, Гуанцхэ, Хуйхэ и др.

На сухопутных и речных трассах располагались постоянные дворы и почтовые станции. Первейшей задачей водных магистралей считалась доставка риса и чая с юга на север и скота и соли с севера на юг.

Чжурчжэни вместе с китайской территорией приобрели пути сообщения, но в результате войн последние пришли в упадок. Судя по описанию следования сунских императоров из Кайфына в чжурчжэньский плен, путешественники, переправившись через Хуанхэ, не встретили там людей, хотя ехали по населенной провинции. Сразу за Сюнчжоу дорога оказалась настолько заброшенной, что «пешеходы прорубали путь в лесу, конные обрубали сучья, заполняли ими мелководье, чинили дорогу, запруживали глубокие воды и делали

проход, тащились по бездорожью. Неделями и месяцами не видели хижин... Если на походе случался ливень, то в глубокой грязи увязали по голень. Экипажи ломались, а волю погибали массажи» [БШЦВЛ, стр. 6—7].

Впоследствии главные дороги были восстановлены, однако новых важных сухопутных путей в самом Китае как будто при чжурчжэнях не прокладывали. Систему государственного надзора за дорогами, почтовой и курьерской службы, станций и постоянных дворов, ямской и гужевой повинности чжурчжэни также унаследовали от Сун и с успехом эксплуатировали. Дороги как при Сун, так и при Цзинь, как правило, не имели твердого покрытия. Мощеные дороги, описанные впоследствии Марко Поло, — достижение монголов и отнюдь не всеобщее явление даже в пору их владычества. Не приходится удивляться, что китайский посол Лоу Яо, ехавший в 1170 г. по трассе Чжанчжоу — Кайфын, часть которой проходила по берегу Бяньхэ, размышлял о том, как хорошо бы использовать для путешествия русло реки, — это дает представление о состоянии дорог в то время [БСЖЛ].

Характерная черта чжурчжэньского сухопутного транспорта — это, пожалуй, обилие волов. Именно им отводилась роль основной тягловой силы. Их впрягали в повозки, экипажи (даже парадные), подпрягали к баржам для волока по рекам. Коней предназначались только под седло, но даже в этом случае их использование сопровождалось массой оговорок: их запрещали продавать в Южную Сун, погребать с покойником, сужали их использование в быту кругом чжурчжэньской знати, по правилу торговые суда и экипажи не должны были пользоваться лошадьми.

Речной транспорт чжурчжэней до завоевания ими Северного Китая ограничивался лодками и судами каботажного плавания. Захватив Северный Китай, чжурчжэни переняли и развили китайский речной, понтонный, и — в меньшей степени — морской флот. По морю они перевозили хлеб из Ляодуна в Шаньдун, а также широко вели контрабандную торговлю с южнокитайскими портами, что предполагало приобретение специальных навыков и средств передвижения. Характерно, что китайцы запрещали своим морякам плавать к чжурчжэням, потому что считали последних способными выведать у китайских моряков маршрут в Южный Китай и воспользоваться им.

В дневнике китайского посольства 1176 г. описывается переправа через р. Хуанхэ по понтонному мосту. «Для переправы служит мост на лодках. Чтобы переправлять с южного берега на северный, понтон поставили на 85 лодок. Длина каждой лодки 17 футов, интервалы между лодками 10 футов... Я заметил, что большие скрепленные лодки стояли на

якоре, сброшенном с носа, и что конструкция их прочная. Солдаты охраняли понтон очень усердно. Когда наше царство станет расширяться на север, солдаты, которые будут форсировать Хуанхэ, смогут переправляться по нему с таким же удобством... Итак, следует считать этот паром огромной выгодой» [Pei Yuan Lou, 1904, стр. 177—178]. Новое посольство в 1211 г. переправилось через Хуанхэ по понтонному мосту, установленному на 96 громадных лодках, стоящих на десятке якорей каждая. Один настил был установлен на шести лодках, а 16 настилов создавали гибкое тело моста [ШЦЛ].

Несмотря на то что в Маньчжурии чжурчжэни и прежде, и позже, во времена Цзинь, предпочитали сухопутные пути сообщения, в самом Китае они быстро поняли значение воднотранспортной системы — естественной и искусственной — для хозяйственной и военной жизни страны и уделяли ей немалое внимание (этому вопросу специально посвящен цз. 27 «Цзинь ши»).

После заключения договора 1142 г. р. Хуанхэ полностью оказалась во владениях Цзинь. Регулирование ее вод и сплав барж обеспечивались 25 шлюзами, 6 из них находились в Хэбэе, а 19 — в Хэнани. Палата водного надзора и водного транспорта через свои конторы на местах следила за сохранностью плотин. Плотины охраняли 22 тыс. солдат. В 1189 г. министерство общественных работ докладывало, что на ремонте и строительстве плотин заняты 6080 тыс. человек.

Проведены большие работы по превращению р. Лукоухэ (совр. р. Юндин) в судоходную реку, способную обеспечить снабжение г. Яньцзина хлебом. Задача снабжения повой столицы, созданной там, где два столетия назад была окраина Сунской империи, оказалась неотложной. Старая система постоянно заносилась лессом и илом, баржи застревали, и приходилось переключаться на сухопутные артерии, что обходилось значительно дороже и не всегда было удобно. Мобилизованные на работы крестьяне несколько лет углубляли канал, но полного успеха так и не добились. В других случаях работа шла более успешно. При Цзинь плотины все более решительно вытеснялись шлюзами. Хотя последние и были менее долговечными, но лучше обеспечивали прохождение барж, сохранность судов и грузов.

Речные артерии играли исключительно важную роль для массовых перевозок грузов, и в первую очередь зерна и соли. Эти перевозки носили регулярный характер и обеспечивали связь между районами специализированного земледелия и малоурожайными губерниями. Государственные перевозки по рекам осуществлялись круглый год, за исключением периода ледохода и ледостава. Весенняя навигация открывалась после таяния льда. Зимой перевозки осуществляли по

окрепшему речному льду. По рекам, которые не замерзали, движение не прекращалось.

Специальные транспортные конторы набирали рабочих, которые ссыпали зерно в мешки и запечатывали их. Затем зерно транспортировалось и в пунктах назначения после осмотра печатей принималось. В весенне-летнюю навигацию по положению на подготовку баржей выделялось три дня, на погрузку — один день, на прокладку курса (подсчет расстояния, выбор курса, порядка прохода рек, каналов и шлюзов) — три дня, на разгрузку в пункте назначения — три дня, на окончательные расчеты и оформление документации — три дня. К этим 13 дням прибавлялось время в пути, в каждом случае разное.

Речные перевозки были огромны. В 1181 г., например, приказано доставить в Яньцзин через Тунчжоу свыше миллиона даней проса. Еще более грандиозная операция была осуществлена в 1222 г. в разгар войны с монголами. Хэнань, куда переселялись чжурчжэни, теснимые монголами, нуждалась в хлебе, а в Шэньси он был в избытке. Цена армейской доставки даже минимума — 100 тыс. даней — составляла чуть не половину стоимости зерна. Цзиньский вельможа произвел интересные расчеты. По его мнению, надо построить 20 больших барж, для которых потребуется не более 100 человек команды, и весь рейс будет совершен за несколько дней. Каждая баржа возьмет 350 ху зерна, а вся флотилия — 7 тыс. ху. Он даже отмечает, что за летнюю навигацию надо перевезти всего свыше 30 млн. ху зерна, и поэтому не следует пренебрегать и таким средством (оно, действительно, обеспечивало перевоз 200 тыс. даней примерно за 30 рейсов). Предложение вельможи было принято. Прорыли канал Чанчжигоу, по которому баржи из оз. Ваньаньху плыли по Бяньхэ, а оттуда по Сыхэ.

Водные и сухопутные тарифы, разработанные государством, как нельзя лучше иллюстрируют дешевизну речных перевозок по сравнению с сухопутными (табл. 29 и 30).

Т а б л и ц а 29

Стоимость перевозок по рекам и по суше (на 100 ли)

Вид груза	Единица веса	По воде, монеты	По суше, монеты
Соль	1 дань	48,000	—
Рис	1 "	50,127	112,105
Просо	1 "	40,103	57,684
Монеты	1 связка	1,728	3,096

Стоимость перевозок прочих грузов по суше (на 100 ли)

	Вес, цзинь	Зимой и весной, монеты	Летом и осенью, монеты
По равнине	100	131,5	157,8
По горам	100	149,0	201,0

Все государственные учреждения вносили в акциз от платы за сухопутный тариф 90,3 монеты в зимне-весенний и 114 монет — в летне-осенний период. Частные лица, арендующие казенные баржи для перевозок, пользовались скидкой: в первый год — 20%, на второй — 18, на третий — 17, на четвертый — 15, на пятый год и далее — 10% с тарифа [ЦШ, цз. 27].

В Маньчжурии чжурчжэни построили новые дороги или радикально перестроили старые [Sonoda, 1954; Мацуи, 1913а].

В эпоху Ляо путь в Китай из Маньчжурии начинался в Ляояне и шел дугой на юго-запад, пересекал р. Ляохэ у Саньчжалоу, проходил через Гуаннин и достигал Шаньхайгуаня. При Цзинь этот путь был значительно укорочен. Он начинался в Шэньчжоу (совр. Шэньян), поворачивал на запад, проходил через Чаньчи, пересекал р. Ляохэ у Дакоу, достигал Гуаннина и далее — Шаньхайгуаня.

Согласно «Цзинь ши», в 1124 г. Цзинь открыла новую государственную дорогу, которая связывала Хуйнинфу с Южной столицей Ляо (Яньцзин). По «Цзинь ши», на дороге через каждые 50 ли установлены постоянные дворы, но названий их не дает. Другие источники, и прежде всего дневники китайских путешественников Сюй Кан-цзуна, Хун Хао, упоминают как сами станции, так и расстояния между ними [Chavannes, 1898; СМЦВ]. Путь, по которому китайцы ехали в Цзинь, очень напоминает новую дорогу, открытую в 1124 г. Все китайские путешественники сообщают, что дорога не имела ответвлений. Это может быть объяснено стремлением чжурчжэней не допустить чужеземных послов на проселочные дороги, в глубь своей территории. Возможно, по этим же соображениям чжурчжэни сами избегали описывать маньчжурские дороги.

На этой новой артерии были расположены населенные пункты, так называемые чжоу. Все они сохранились со времен еще киданьского владычества, и размер их ничем не был регламентирован. При Ляо они были окружены валом протяженностью в несколько километров, заселены несколькими сотнями крестьянских дворов, к которым было приставлено

два-три чиновника. Во время войн с чжурчжэнями многие населенные пункты были разрушены, но позднее восстановлены. В 1124 г. Сюй Кан-цзун, начав путешествие из Кайфына, прибыл в Сюнчжоу на киданьско-китайской границе — с этого пункта он и начал вести дневник. Добравшись до Яньшаня (совр. Пекин), он свернул на восток и, следуя параллельно Великой китайской стене, миновал Тунчжоу, Цзичжоу, Луаньчжоу (Луаньсянь). Пройдя через знаменитый проход и заставу Цаньчжоу (совр. Шаньхайгуань), он оказался за пределами Собственно Китая. Далее путь шел на северо-восток вдоль побережья Бохайского залива, через города Лайчжоу, Сичжоу, Цзиньчжоу, Сяньчжоу (к юго-востоку от Гуаньнища), после чего сворачивал на восток, пересекал р. Ляохэ и доходил до Шэньчжоу. Далее дорога резко сворачивала на север и вела на Иньчжоу (совр. Телин), Сяньчжоу (совр. Кайюань), Ханчжоу (совр. Сыпин), Синьчжоу (совр. Хуйдэ), Цичжоу, Хуанлунфу (совр. Нунъань), Биньчжоу. Затем путешественники переправились через реки Лалинь и Хуньтунцзян (Сунгари) и, миная укрепление Тахэцай на северо-востоке, добрались наконец до Шанцзина (совр. Байчэн). От Яньшаня до Шанцзина насчитывалось около 3 тыс. ли, или 1700 км.

Требование о размещении почтовых станций через каждые 50 ли оставалось на бумаге. Это была норма, фактически же перегоны колебались в пределах 40—60 ли, а иногда доходили до 100 ли. Это отступление от требований диктовалось особенностями рельефа: наличием гор или болот, отсутствием населения, питьевой воды, леса, желанием использовать старые киданьские станции.

Достижением цзиньского дорожного строительства является сооружение прямого отрезка трассы между Шэньчжоу и Сяньчжоу через р. Ляохэ. При киданях дорога из Сяньчжоу сворачивала на юго-восток, пересекала р. Ляохэ в низовье у Саньчакоу и через Хайчэн и Аньшань вела к Восточной столице (Ляояну). Цзинь ликвидировала этот отрезок из-за его затопляемости, но все же иногда использовала, ибо он был короче.

Новая трасса существовала и позднее, по ней в 1184 г. Ши-цзун совершил путешествие в Хуйнин (Шанцзин), затратив на это около 50 дней. Но даже по этой столбовой дороге путешествие бывало сопряжено с трудностями. Сюй Кан-цзун, например, писал, что, начиная с перегона Иньчжоу — Жуньчжоу, т. е. вскоре за заставой Шаньхайгуань, невозможно ехать в повозке, а надо скакать верхом на коне [Chavannes, 1898, стр. 402]. Сунские императоры и их приближенные, следуя в 1126 г. в чжурчжэньский плен, «шли по стопам государственных послов и иных людей», т. е. по столбовой дороге,

и тем не менее до Шанцзина «добрались, ощущая недостаток в пище; некоторые умерли в пути» [БШСЛ, стр. 1].

Дороги из Маньчжурии в Корё, созданные еще на рубеже XII в., при Цзинь приобрели особую важность. Для их охраны в этих местах была создана военная администрация. Известный «соколиный путь» — от современной Нингуты по р. Хуэрхэ на Сапсин — при Цзинь был продлен на восток от последнего пункта, так как вся эта территория перешла в руки чжурчжэней. В Сапсине же был учрежден центр губернии Хулигай. Дорога, берущая свое начало в Восточной столице (Ляоян), проходившая через Гуаньнинфу и Сипчжунфу (совр. Чаоян) и доходившая до г. Дасин (совр. Пекин), была продлена на восток по северным землям губернии Посуфу и северо-западным землям Корё [Тёсэн Мансю си, 1938, стр. 398].

Скорость передвижения по цзиньским дорогам зависела от многих причин. Цзиньские курьеры покрывали за сутки расстояние в 300 ли (172 км), тогда как лясские якобы могли проехать до 500—700 ли (187—382 км), а китайские послы не проезжали более 70—90 ли (38—50 км) [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949, стр. 162]. Ши-цзун на пути в Шанцзин продвигался за день примерно на 60 ли (34 км). Согласно примечанию к 15-му этапу маршрута Сюй Кан-цзуна, последний в день проезжал приблизительно 100 ли — верстовых столбов не было [ДЦГЧ, цз. 40], фактически же в среднем он преодолевал не свыше 90—95 ли (50—52 км).

Подытоживая все вышесказанное, надо отметить, что в Китае чжурчжэни получили богатое транспортное наследство. Но страна оказалась разрезана надвое, и единая сеть путей сообщения сразу оказалась нарушенной государственной границей, к тому же по большей части закрытой и беспокойной. Нарушение нормального потока грузов с юга на север и обратно отрицательно сказалось и на путях сообщения. Водные и сухопутные пути действовали на севере страны и при чжурчжэнях, но использовались они менее интенсивно, чем при Сунах, в результате состояние этих артерий понемногу приходило в упадок. Конечно, это объяснялось не неспособностью чжурчжэней к поддержанию столь сложного хозяйства, а целым рядом объективных причин. Нарушение единства всекитайской транспортной системы неминуемо привело к нарушению правильного распределения навозки на ее части. Первоначально, до 1142 г., даже шлюзы на Хуанхэ оказались в разных руках (Цзинь и Южной Сун), и, естественно, нормальное движение на реке нарушилось. Позднее положение здесь выправилось, но непредвиденную нагрузку получили пути, подводящие к новому центру — к Яньцзину. Все эти и многие другие изменения потребовали частичной переделки, переориентировки дорог и каналов. Это и осуществлялось руками

китайцев под руководством чжурчжэней. Свое умение строить дороги чжурчжэни продемонстрировали на постройке дорог в Маньчжурии, в меньшей степени — на прорытии новых каналов в Китае. Вся транспортная система функционировала при чжурчжэнях нормально, но, конечно, она не была рассчитана на потрясения последних десятилетий цзиньского господства и тогда стала приходить в упадок.

ЧЖУРЧЖЭНИ И ДРУГИЕ НАРОДЫ

ЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ ЦЗИНЬ

Империя Цзинь складывалась как многонациональная. Уже в XII в. это обстоятельство нашло отражение в особом указе: «С момента разгрома Ляо со всех концов приходят толпы покоряющихся. Следует развить мягкое с ними обращение. Отныне тех из простолюдинов и властей племен киданей, си, бохайцев, регистровых чжурчжэней, шивэй, далугу, ужэ, тели, кто уже покорился или взяты в плен войсками, но бежали и вернулись восвояси, не считать преступниками. Поставить их вождей управлять ими и повелеть им следовать в места проживания» [ЦШ, цз. 2, стр. 23].

Си (или хи) — племя, родственное киданям, как, по-видимому, и шивэй. Последний этноним употреблялся для всех племен, обитающих вокруг Хингана. Тели — одно из племен мохэ, далугу и ужэ — тунгусские племена. Очень скоро многие из этих этнонимов исчезают из летописей, но зато появляются неупомянутые в цитате китайцы.

В период расцвета империи помимо тунгусов и чжурчжэней (около 10% населения) в нее входили еще три крупные народности: бохайцы (ок. 1%), кидани (ок. 2%), китайцы (ок. 87%)¹. Все четыре народности принадлежали к разным этническим группам, находились на различных стадиях общественно-политического и культурного развития. Чжурчжэни по всем этим показателям (этническому, социальному и культурному) были менее зрелым организмом (особенно вначале), чем их новые подданные. Им пришлось выработать особую политику по отношению к каждой из народностей, не

---

¹ Балаж, основываясь на переписи 1183 г., дает следующие цифры: китайцев — 85%, прочих — 15%, считая чжурчжэнями всех рабов в списках мэнъань и моукэ, а также рабов императорского дома и не учитывая все прочие народности империи Цзинь [см. Franke, Trauzettel, 1968, стр. 211].

остававшуюся, однако, неизменной на протяжении всего периода их господства.

Сведения о положении тунгусских племен, не принадлежавших к собственно чжурчжэням, очень скудны. Либо эти племена жили в глуши, о которой писатели той эпохи мало что знали, либо они быстро слились с чжурчжэнями, либо последние сознательно умалчивали о них, считая их частью своей народности.

Пожалуй, лишь об ужэ мы узнаем кое-что интересное и проливающее свет на положение тунгусских племен в Цзинь [Тоуата, 1964, стр. 619—628; Торияма, 1917]. Ляо переселило ужэ в Биньчжоу (уезд Нунъань пров. Гири). Про них сообщается: «Покрой и тип одежды [у них] всё как у китайцев» [СМЦВ, цз. 1, стр. 3], а это подтверждается более ранними по времени словами киданьского посла Ли Синая (1003 г.), приведенными в «Сюй цзычжи тунцзянь чанбянь»: «В 600 ли к северо-востоку [от Восточной столицы] есть страна Ужэ. Эта страна пользуется китайскими узаконениями. Печати послов восьмиугольные и круглые» [цит. по: Тоуата, 1964, стр. 620]. По «Сунмо цзивэнь», некий Ли Цзинь был тысячником (мэнъань), назначенным Цзинь. Ли Цзинь в 1126 г. дважды ездил парламентаром от цзиньских войск к сунским, очевидно знал китайский и чжурчжэньский языки. Мы узнаем, что два сына Ли Цзиня учились, чтобы получить степень цзиньши, что его племянница стала женой сына Ваньянь Сииня, что младшая сестра Ли Цзиня — Ли Цзинь-кэ стала побочной женой Ваньянь Цзунганя — старшего побочного сына императора Тай-цзу. Ваньянь Чун — сын Ли Цзинь-кэ — был очень образованным человеком, дослужился при Си-цзуне до высокого поста старшего советника в Государственном совете и принадлежал к первому поколению по настоящему образованных чжурчжэней.

Ваньянь Цзунгань взял в жены Ли Цзинь-кэ, вероятно, потому, что и она и люди из ее рода были образованными, а это было крайне необходимо чжурчжэням в государственной, особенно в дипломатической, деятельности. Многие дети от браков представителей царского рода с бохайками и женщинами ужэ стали образованными людьми. Хотя речь здесь идет о родовой знати, по-видимому, отношение чжурчжэней к мелким тунгусским племенам в целом — некоторые из этих племен имели прочные традиции просвещения — в мирных условиях отличалось дружеским характером.

С бохайцами у чжурчжэней издавна сложились совершенно особые отношения. Отдельные племена чжурчжэней жили во владениях Бохая (712—926), а после завоевания этого государства киданями, как и бохайцы, стали вассалами Ляо. Чжурчжэни считали бохайцев братьями по крови и по борь-

бе с общим врагом, но твердо заявили единоличные права на наследство Ляо, ликвидировав в 1116 г. попытку бохайца Гао Юп-чана восстановить бохайское государство. В ходе этой кампании чжурчжэни захватили губернию Восточной столицы Ляо (Ляоян) и губернию Южной столицы Ляо (Яньцзин). Они освободили население, в том числе и бохайцев, от налогов и податей, установленных Ляо, и ввели систему мэнъянь и моукэ (до 1140 г.). Представители бохайской знати были назначены главами мэнъянь и моукэ, сформированных из их бывших подчиненных. Против недовольных принимались особые меры. Несколько сот семей были переселены чжурчжэнями в Янь и в Шаньдун, причем переселение проводилось спешно и бохайцам пришлось по дешевке продавать свои имения, знаменитые сады и цветники [ЦДГЧ, цз. 26]. Какое-то переселение совершалось еще в 1141 г. и обсуждалось в 1149 г.

Между цзиньской императорской фамилией и знатными бохайскими семьями из Ляояна установились особо тесные личные отношения. Еще в 60-х годах XII в. многие бохайки стали наложницами принцев, а в ряде случаев — вторыми женами императоров и принцев. Причем цзиньцы, по-видимому, делали это сознательно, чтобы ввести в свою среду лиц образованных и сведущих в китайских привычках. Так, бохайка из царской фамилии Да стала второй женой Ваньянь Цзунганя — побочного сына Агуды, бохайка из фамилии Ли — второй женой Ваньянь Цзунфу — другого сына Агуды. Хай-лин-ван был сыном Ваньянь Цзунганя и бохайки, а Ши-цзун — сыном Ваньянь Цзунфу и бохайки. Ши-цзуну при восшествии на престол большую помощь оказали бохайцы, а он, в свою очередь, второй женой взял бохайку из фамилии Чжан. Среди вторых жен Ши-цзуна (после смерти жены из фамилии Чжан) была бохайка из семьи Ли — дочь его дяди по матери, оказавшего ему большую помощь при воцарении [ЦШ, цз. 64]. Она родила ему троих детей, в том числе будущего императора Вэй-шао-вана. Среди жен Ши-цзуна была даже внучка Да Гао — потомка бохайских королей. Женой его сына Юньгуна и матерью Сюань-цзуна была женщина из фамилии Лю, по всей вероятности, бохайка [ЦШ, цз. 64]. Если это так, тогда не только у Хай-лин-вана, Ши-цзуна, Вэй-шао-вана, но и у Сюань-цзуна мать была бохайкой. О принцах нечего и говорить.

Знатные бохайцы, грамотные, опытные в делопроизводстве, оказались незаменимыми помощниками для чжурчжэней, сначала на дипломатической арене, а потом и в центральном аппарате управления (в министерствах), где они занимали при Си-цзуне и Хай-лин-ване 5%, а при Ши-цзуне — 10% командных постов. Целые семьи на протяжении несколь-

ких поколений получали видные посты в аппарате управления.

Члены семьи Чжанов из Ляояня в течение шести поколений, до конца XII в., назначались на важные посты в киданьской и чжурчжэньской администрациях. В литературе упоминается 17 мужских представителей фамилии. Первые четыре поколения (6 человек) дослужились при Ляо до чина цзедуши; остальные служили при Цзинь, причем одна из женских его представительниц стала второй женой императора Шицзуна. Наибольшую известность снискал Чжан Хао (ум. в 1162 г.). Он стал при Хай-лин-ване президентом Государственного совета и наставником государя (тайфу).

Фамилия бохайских Ванов из Сюньюэ превосходила древностью и разветвленностью все прочие известные бохайские фамилии. Она насчитывала более 30 поколений, возводя свой род к Ван Ле. Наиболее древний (17-й) из известных служивших этой фамилии занимал пост в Когурё, три поколения служили киданям и, наконец, последние четыре поколения — цзиньцам. Эта фамилия дала Цзинь двух замечательных деятелей: Ван Чжэна (1073—1138) и Ван Тин-юня (1151—1202). Ван Чжэн в 1135 г. ездил с посольством в Корё, что в то время предполагало незаурядную образованность. Он служил при трех императорах: Тай-цзу, Тай-цзуне и Си-цзуне. Ван Тин-юнь был одним из внуков Ван Чжэна. При Чжан-цзуне он стал крупным писателем.

На протяжении существования Цзинь как бохайцы сохраняли лояльность чжурчжэням, так и чжурчжэни не меняли своего благожелательного отношения к бохайцам, которые, помимо всего прочего, являлись для них проводниками китайской культуры в наиболее приемлемом для неофитов варианте. Юридически бохайцы были приравнены к китайцам, но фактически они находились в привилегированном положении.

Менее безоблачными оказались чжурчжэне-киданьские отношения. Старый антагонизм между двумя народами, проявившийся в этнической, политической и военной сферах, привел к войне 1114—1125 гг., окончившейся падением империи Ляо. Чжурчжэни в ходе войны переманили многих киданьских вельмож и наместников с их подопечными (Тоуата, 1964, стр. 66—122; Иминдзоку..., 1943]. Киданьский вельможа Елюй Юйду (из императорской фамилии Елюй), попав в немилость, бежал к чжурчжэням в 1121 г. Это оказалось сильным морально-политическим ударом для киданьской империи. Елюй Юйду был одним из крупных деятелей империи, его измена обнаруживала глубокий раскол в правящей верхушке, служила примером для других недовольных; Елюй Юйду знал важные государственные тайны. В Цзинь он был сразу назначен командующим цзиньскими войсками и в 1122 г.

захватил Среднюю столицу Ляо — г. Дадин [ЦШ, цз. 133]. В 1122 г. другой перебежчик — Елюй Дань выполнил задание чжурчжэней — переманил ляоских чиновников верховного комиссариата юго-запада. После образования юго-западного и северо-западного верховных комиссариатов во главе их поставили киданьских вельмож Елюй Тушаня и Елюй Хуайи; последний попал в биографии крупных государственных деятелей Цзинь [ЦШ, цз. 81], где ему вменяются в заслугу умиротворение племен, постройка городов, поощрение торговли и скотоводства, повышение материального благосостояния населения.

Политика соглашения с высшей киданьской знатью проводилась одновременно с чжурчжэньскими завоеваниями. Северо-западные и юго-западные верховные комиссариаты считались средоточием киданей и племен си (хи); кроме того, здесь жили китайцы, тюрки, монголы, тангуты, реакцию которых на появление новых хозяев трудно было предвидеть. Здесь не было южных тунгусов, благосклонно относящихся к чжурчжэньскому господству. Поэтому сохранение видимости прежней власти сулило чжурчжэням многое.

Спор из-за Яньцзина явно перерастал в войну с Сун. Для новой войны необходим был сравнительно прочный тыл и неизмеримо больше, чем имелось, солдат. Уже в войне с Ляо чжурчжэни использовали бохайцев и китайцев Ляодуна; теперь они рассчитывали на поддержку бывших противников — киданей и на нейтрализацию кочевых монголов.

С этой целью бывшие северо-западные и юго-западные губернии были превращены в 1127 г. в одноименные верховные комиссариаты. Комиссариат стал высшей военной и гражданской властью на местах. Как уже говорилось, их возглавили кидани, опиравшиеся на помощь своих соплеменников.

На завоеванных землях Восточной Монголии в 1123 г. вводилась система мэнъянь и моукэ. Наиболее могущественные кидани назначались руководителями этих объединений с наследственными правами. Эти поселения сохранились и после 1140 года — года упразднения мэнъянь и моукэ из бохайцев и китайцев. Поселения обеспечивали безопасность северо-западных границ. В присоединенных районах Западной Маньчжурии, Восточной Монголии чжурчжэни широко использовали киданей — они были администраторами, переводчиками, служителями культа. Кидани обладали собственной письменностью и литературой, в которых нуждались чжурчжэни.

Во время вспыхнувшей в 1126 г. войны с Сун чжурчжэни, умело играя на антикитайских чувствах киданей, бросили их части против сунских войск. Членом военного совета Цзинь стал киданин Елюй Юйду. Другой киданин — Сяо Чжун-

гун — ездил послом к Южной Сун. Через него китайцы пытались переслать письмо Юйду с призывом восстать против Цзинь, но посол сдал письмо «по начальству». Известно о «подметном письме» к киданям 1128 г. После окончания войны с Сунами чжурчжэни стремились использовать большую часть киданей в качестве заслона против монголов на северо-западных границах империи, а правящую и служилую верхушку, грамотную и имеющую опыт управления китайцами, — в органах местного и центрального управления. Доля их участия в последних, в министерствах и Государственном совете, колебалась между 5% при Си-цзуне, Ши-цзуне, Чжан-цзуне и 10% — при Хай-лин-ване.

Правительство сохранило за киданями многие прежние привилегии. Оно, например, не трогало влиятельные в Ляо храмовые организации. Приписанные к ним крестьяне до 1162 г. вносили налоги и государству, и храму. До 1191 г. правительственные указы, распоряжения неизменно переводились на киданьский язык [Ногами, 1953, стр. 244—260].

Однако эта политика при ее осуществлении наталкивалась на ряд трудностей. Кидани не могли забыть недавней самостоятельности, они тянулись к династии Си Ляо, созданной их братьями в Центральной Азии, их постоянно подстрекали против Цзинь южносунские, потом монгольские эмиссары. В отличие от бохайцев кидани часто восставали. Тот же Елюй Юйду, некогда перешедший к чжурчжэням и устоявший перед китайскими послами в 1126 г., в 1132 г. восстал, когда его поставили во главе экспедиции в Монголию против войск Даши — императора Си Ляо. По-видимому, он был недоволен своей карьерой, так как с окончанием войны в его услугах меньше нуждались, а может быть, и новым поручением — воевать со своими сородичами. С группой своих приближенных он бежал к татарам, но последние по требованию чжурчжэней обезглавили его.

Случай с Елюй Юйду не изменил отношения чжурчжэней к киданям. С воцарением Хай-лин-вана они даже пошли в гору, так как узурпатор стремился опереться на них в борьбе с членами своего рода. При нем кидани назначаются на важные посты советников, старших советников и даже вице-канцлеров (Сяо Юй, Елюй Аньли, Елюй Шу, Сяо Ие). Один из них, Сяо Юй, в 1154 г. организовал неудачный заговор в пользу внука последнего киданьского императора.

Эти мелкие дворцовые заговоры и отпадение недовольных вельмож правительство Цзинь отнюдь не ставило в вину киданьскому населению в целом.

Весной 1161 г. началось восстание киданей в северо-западном верховном комиссариате, недовольных набором в армию, посылаемую против Южной Сун, так как в результате набора

киданьские поселения оказались бы беззащитными от монголов. Кидани убивали как киданьских, так и чжурчжэньских военных чиновников, командимуемых для проведения набора. Одновременно они просили заступничества у потомка последнего императора Ляо, находящегося заложником при цзиньском дворе. Разгневанный Хай-лин-ван казнил заложника, а с ним и несколько киданьских вельмож, обвиненных в связях с мятежниками.

Тем временем восстание распространилось из своего центра в губернии Хэбэйси на губернии Чжунду и северную часть губернии Бэйцзин. Этому способствовала занятость боевых цзиньских частей на юге. Против восставших Хай-лин-ван мог послать только вспомогательные части, немногочисленные и возглавляемые киданьскими или китайскими генералами. В конце 1161 г. глава восставших Елюй Вогань даже провозгласил себя императором, но не продержался у власти и года.

Осенью 1161 г. возвращавшийся с юга Хай-лин-ван был убит киданьским генералом Елюй Юаньй; связь его с восставшими, однако, не установлена. В лагере мятежников наметился раскол. Одни стремились бежать в Си Ляо, хотя плохо знали дорогу, другие продолжали оказывать сопротивление. Последние даже отвергли мирные предложения нового императора Ши-цзуна, состоящие из четырех пунктов: 1) сдавшимся рабам и свободным обещана амнистия независимо от обстоятельств, при которых они примкнули к восставшим; 2) сдавшимся чиновникам сохранялись чины и гарантировались должности в любых районах; 3) несвободные (лично-обязанные, государственно-обязанные, беглые) освобождались и могли жить в любом месте; 4) за выдачу главарей полагалась награда. Вероятно, восставшие не поверили щедрым посулам Ши-цзуна.

Тогда правительство двинуло против восставших освободившиеся войска во главе с Елюй Юаньй — убийцей Хай-лин-вана. К концу 1162 г. восстание было подавлено. Остатки мятежников бежали в сунский Китай [Тоуата, Миками, 1939].

С этого времени отношение чжурчжэней к киданям изменилось. В 1163 г. решено было киданьские мэнъянь и моукэ распустить, а их членов распределить между чжурчжэньскими военными поселениями.

Однако в начале 1164 г. было принято новое решение: распустить лишь мятежные мэнъянь и моукэ, а лояльные сохранить и распущенные восстановить. Это объяснялось сопротивлением со стороны киданей, сломить которое можно было лишь вооруженной силой, и потребностью в боеспособных киданьских отрядах на северо-западе, так как чжурчжэни не умели воевать в песках и степях.

Такое решение, впрочем, не означало отказа от политики обуздания киданей. В 1177 г. бывших бунтовщиков и некоторых лояльных прежде киданей переселили из обоих верховных комиссариатов в Северную Маньчжурию, в глубь чжурчжэньских владений. Переселения были вызваны участившими случаями бегства киданей в Си Ляо. В 1177 г. туда бежали четверо служащих из свиты инспектора, обозревавшего границу. В Северной Маньчжурии киданей стремились ассимилировать, побуждая к заключению смешанных браков с чжурчжэнями.

С 60-х годов XII в. кидани перестали быть полупривилегированной народностью, союзниками чжурчжэней в управлении империей. Хотя киданьские чиновники продолжали служить в цзиньском аппарате, их деятельность косвенно ограничивалась указом 1191 г., по которому воспрещалось переводить на киданьский язык чжурчжэньские правительственные распоряжения и прочую литературу, т. е. они уже не могли вести дела на родном языке. Это нанесло сильный удар киданьскому просвещению и культуре, снизило значение последних в общеимперской культуре.

Тяготы пограничной службы и притеснения со стороны цзиньских чиновников вызывали постоянное недовольство киданей: В 1196 г. в Северной Маньчжурии восстали кидани шести пастушеских коллективов, в чью обязанность входило разведение боевых коней. Их вожди ввели даже свой девиз правления. На следующий год восстали отряды ополченцев, охранявшие северо-западную границу. В целях их умиротворения в 1201 г. военнотруженики кидани были уравнены в наградах с чжурчжэнями.

Противодействие усиливавшемуся нажиму кочевников, обуздание киданей получило в литературе наименование «политики покорения Севера». Она стоила Цзинь огромных средств и обострила национальную рознь в стране.

Кидани все более и более склонялись на сторону монголов. Дело дошло до того, что даже в Северной Маньчжурии власти селили киданьскую семью между двумя чжурчжэньскими, дабы она не сбегала к монголам. Но это мало помогало. В 1212 г., воспользовавшись настулением монголов, киданин Елюй Люкэ, возглавлявший мэнъянь на северной границе, восстал, собрав до 100 тыс. удальцов, объявил себя королем Ляо и перешел к монголам. Это знаменовало начало массового перехода киданей на сторону монголов и крах политики охраны северных границ силами киданей. В 1213 г. монголы и Люкэ разбили чжурчжэньские войска в Маньчжурии. А в 1216 г. его «королевство» поглотили монголы. Сторонник Люкэ — Есыбу в том же году объявил себя императором Ляо в Чэнчжоу, но через два с лишним месяца был убит. Теперь

уже приспешник последнего провозгласил — в последний раз — Великое Ляо (до 1217 г.).

Две попытки племени си(хи), близких киданям, создать в 1123 г. независимое царство потерпели крах. С тех пор это племя исправно поставляло воинов в цзиньские войска.

Такова трансформация отношений чжурчжэней со вторым крупным народом империи, не считая самих чжурчжэней. Эти отношения прошли долгий и сложный путь: от военных завоеваний, закончившихся крахом Ляо и включением киданей в состав чуждого им государства, через внешне добрососедские отношения, когда кидани — полупривилегированная часть населения — выступали в роли невольного пособника укрепления этой империи, к заговорам и восстаниям вплоть до открытого перехода на сторону монголов.

Движущими силами этой трансформации являлись развитие этническое самосознание, уже познавшее сладость собственной империи, на первых порах приглушенное военным разгромом и мягким обращением чжурчжэней; появление на западе новой империи Си Ляо, созданной киданином Елюем Даши; разность хозяйственного уклада; ухудшающееся политическое положение киданей (они ценились чжурчжэнями как заслон против монголов, но постепенно давление монголов на киданей стало невыносимым).

Отношение чжурчжэней к китайцам отличалось наибольшей сложностью вследствие численного, экономического и культурного превосходства последних [Очерки..., 1959; Тояма, 1944]. В первые годы нового государства китайцы, издавна жившие в Маньчжурии и Восточной Монголии, по мере вытеснения киданей на общих основаниях превращались в подданных Цзинь. С выходом чжурчжэней к Яньцзину политика чжурчжэней в отношении китайцев сводилась к стремлению руководить китайцами, используя китайские институты, бюрократию и традиции, т. е. «управлять Китаем руками китайцев», что являлось вывернутым наизнанку китайским принципом «управлять варварами руками варваров». Использование китайцев на административной службе в чуждом государстве не было новинкой. Но чжурчжэни первые использовали часть китайской бюрократии против китайской, сунской династии. Особенно эффективно чжурчжэни использовали чиновничество округов Яньцзина.

Содержание этой политики оставалось неизменным, но форма и тактика варьировались. В период войны с Ляо (1114—1125) чжурчжэни выступали как союзники Сун в деле освобождения китайского населения от киданьского владычества. Освобожденное китайское население получило налоговые льготы. Методы управления новыми подданными были различными: в Маньчжурии — при помощи чжурчжэньской си-

стемы мэнъянь и моукэ, в Северном Китае — при посредстве киданьских институтов китайского образца. Дуалистический характер институтов управления как бы подчеркивал отказ нового правительства от политики национального угнетения. Чжурчжэни умело воспользовались настроениями, существовавшими в округах Яньцзина. Эти земли в течение ряда веков в той или иной степени зависели от иноплеменных династий и государств. Зависимость привела к определенным последствиям. Служилое сословие широко и с выгодой для себя участвовало в администрации округов и за его пределами. Рядовое население при всей бесконтрольности и неупорядоченности требований иноземных властителей отвыкло чувствовать над собой постоянную, тягостную и мелочную опеку. Поэтому наряду с теми, кто хотел возвращения под китайское, сунское владычество, существовали и бюрократы, например Цзо Ци-гун, заявлявшие: «Государь, не разрешай уступить Яньцзин. Каждая пядь гор и рек — цзиньская» [ЦШ, цз. 75, стр. 487], и определенные слои населения, занявшие выжидательную позицию и больше всего боявшиеся в случае перехода к Сун усложнения законодательства, увеличения налогов и повинностей, превращения территории в военно-пограничный район.

Политический и этнический кризис в Северном Китае (в частности, отсутствие твердой национальной ориентации населения Яньцзина) в немалой степени облегчили завоевание страны небольшими силами, часто с помощью китайских солдат. С переносом войны в сунский Китай население завоеванных областей управлялось местными учреждениями сунского типа, подчинявшимися центральному чжурчжэньскому правительству в Яньцзине. Вновь приобретенные в Китае территории не сливались с маньчжурской метрополией. Положение коренного населения в зоне военных действий было тяжелым. В опаленных войной губерниях, перешедших к Цзинь, китайцы терпели значительные лишения. Страшная картина сожженных городов и деревень, плененного и поработанного населения, превратившегося в деморализованных голодных бродяг и нищих, рисуется во многих китайских источниках. Некоторые отрывки из них уже приведены нами (см. стр. 145—146 настоящей работы). Но это были результаты войны, а не национальной политики чжурчжэней.

По мере прекращения военных действий и упорядочения администрации положение стабилизировалось. Понимая всю сложность национального и политического положения в империи, чжурчжэни предприняли далеко идущий шаг. Провинции, пограничные с Южной Сун, были преобразованы в марionеточное государство Ци (1130—1137) с чисто китайскими органами управления и традициями. Сама по себе эта мера

не была новинкой. Еще кидани превратили генерала Ши Цзин-тана династии Поздняя Тан в правителя вассальной династии Поздняя Цзинь, но этот генерал имел собственную базу и лишь получил киданскую поддержку. Лю Юй — император Ци, в прошлом видный провинциальный чиновник, такой опоры не имел [Иминдзоку..., 1943].

В государстве Ци сохранялась местная китайская администрация, самостоятельные девизы годов правления, денежная, налоговая, рекрутская системы, не говоря уж об обычаях и традициях. В Ци запрещалось носить чжурчжэньское платье и косы, в то время принудительно навязываемые китаицам в цзиньских владениях. Однако в Ци находились чжурчжэньские отряды, и оно платило дань Цзинь.

По расчетам чжурчжэньских государственных деятелей, государство Ци должно было продемонстрировать китаицам Цзинь и Южной Сун национальную терпимость чжурчжэней, обеспечить управление густонаселенных губерний китайскими руками, служить буфером между Цзинь и Южной Сун. Суну прекрасно понимали пропагандистское значение Ци и стремились подорвать его прочность. Они посылали эмиссаров к партизанам, засевшим в горах Дасинь и в Шаньдуне, славивали и подкупали циских чиновников, побуждали крестьян к бегству на юг.

Широкое использование китайского чиновничества и создание буферного государства, а ранее — особый статус округов Яньцзина — все это были звенья тонко рассчитанной политики по разделению китайского общества, имевшей определенный успех.

В северокайтайских губерниях, находящихся под непосредственным управлением Цзинь, правительство в своей деятельности сочетало определенное уважение к китайским традициям со стремлением навязать населению собственные правила. В 1129 г. Тай-цзун «советовался с председателем палаты Хань Ци-сянем об отмене и пополнении обрядов и законов по древним уставам. Хань Ци-сянь был весьма сведущ в канонических книгах и истории. Так как он знал постановления прежних государей, то введение какого-нибудь закона или отмена его зависели от него» [ЦШ, цз. 3, стр. 32]. Вместе с тем китайскому населению Цзинь, кроме подданных Ци, в 1126 г. велено было носить чжурчжэньские косы, в 1129 г. — чжурчжэньскую одежду и головные уборы [Миками, 1943 а]. Эти так называемые «законы о перемене обычаев», в сущности, имели в виду не чжурчжэнизацию населения. Они вводились для того, чтобы отличать китайцев — подданных Цзинь (в том числе и беглых) от южносунских китайцев. Впоследствии, когда была установлена граница, эти указы утратили силу. В 1140 г. были распущены китайские мэнъянь и моукэ

в Маньчжурии, как несоответствующие китайским привычкам.

После заключения мира в 1142 г. разница в управлении Маньчжурией и Северным Китаем была постепенно ликвидирована, центральное чжурчжэньское правительство, территориальные управления и бюрократический аппарат реорганизованы с учетом китайских традиций, а в дальнейшем возобладал принцип единого управления для всех подданных империи. Си-цзун из чжурчжэньского государя превратился в настоящего цзиньского императора. Чиновники на местах были сплошь китайцы, даже в центральном аппарате (Государственный совет, министерства) они занимали во второй четверти XII в. 27%, во второй половине XII в.—40%, на рубеже XII и XIII вв.—55%, в первой четверти XIII в.—45% мест. Правда, чжурчжэни стремились обеспечить за собой ключевые посты в правительстве и ввели ряд льгот для кандидатов на должности из числа чжурчжэней. Китайское население допускалось к военной службе, хотя ношение оружия ограничивалось. Китайские части (пехота, вспомогательные соединения) участвовали в составе цзиньских войск в боях с китайцами же Южной Сун в 1126—1127, 1137—1142 и в 1160—1161 гг., с монголами — в 1213—1234 гг. Перечень преступлений и наказаний был приноровлен к китайскому правосудию. Все население провозглашалось равным перед законом. Уступка национальному принципу явственно ощущалась лишь в обычном праве, как чжурчжэньском, так и китайском. Система налогов и повинностей в империи была приспособлена к китайцам, численно ведущему слою в государстве. Некоторые оговорки или уступки делались только чжурчжэням. Обширная область духовной культуры китайцев (религия, конфуцианство, литература, искусство) не подвергалась национальной регламентации. В частную и общественную жизнь китайцев чжурчжэни если и вторгались, то эпизодически (так, они признавали смешанные браки).

Наиболее заметный оттенок национальной дискриминации ощущался в сфере социально-экономической — в земельном вопросе. Большинство частновладельческих участков китайцев было национализировано, а самое главное — под казенные наделы, которые по размеру и налоговой ставке мало отличались от сунских, выделялись плохие земли, которые постоянно заменялись на более худшие. В этой области чжурчжэни находились и формально в более привилегированном положении, снижаемом, правда, тяжелой военной службой.

Отношение чжурчжэней к китайцам выгодно отличалось от отношения к ним монголов [Пэн Чжэнь-го, 1934]. При Юань ношение оружия китайцам было строго воспрещено, а владение конями ограничено; китайцы не допускались к несению военной службы. Монголы всячески затрудняли китай-

цам сдачу экзаменов на чин, всемерно вытесняли их из аппарата управления. В юаньском праве национальная дискриминация проявлялась в полной мере: китайца за убийство монгола предавали смертной казни; монгол в подобном случае отделялся штрафом. Ничего подобного не существовало в Цзинь, как это уже отмечалось в соответствующих главах.

Существование чжурчжэньской и китайской народностей подверглось сильному испытанию в период монгольского нашествия [Юань Го-фань, 1965]. Нелады Чингисхана с чжурчжэньскими императорами, разумеется, были лишь предлогом для войны. Монголы зарылись на цзиньское наследство: на имущество и жизнь китайцев. Поэтому монгольское неистовство обрушилось как на чжурчжэней, так и на китайцев, причем первые вскоре оказались бессильными защитить последних. И эту слабость современники ставили им в вину.

После падения Цзинь в определенных кругах цзиньской интеллигенции, напротив, высказывалась демонстративная симпатия к чжурчжэням. На фоне монгольских бесчинств они выглядели хранителями китайских традиций [Яо Цун-у, 1963]. Даже в наше время отношения между народностями в Цзинь иногда рисуются в идиллических тонах как отношения членов одной семьи [Яо Цун-у, 1959, стр. 84]. Это — упрощение, отвергаемое самими цзиньскими деятелями.

В биографии Танко Аньли — чжурчжэня по национальности — передается его беседа с Ши-цзуном по поводу положения чжурчжэней в Шаньдуне. В ходе беседы Танко Аньли говорит: «Люди мэнъянь и моукэ, китайские дворы — все теперь одна семья: те пашут, эти сеют. Все люди государства...». На это император возразил: «Ты обучен китайской письменности, читаешь стихи и прозу, но оставим пока это и поговорим о законах нашей династии. Прежде вельможи все приветствовали по-чжурчжэньски, ты приветствуешь только по-китайски, не так ли? Так называемая одна семья — это одна народность (чжун). Чжурчжэни и китайцы в сущности две народности. Когда я взшел на трон в Восточной столице, ни кидани, ни китайцы не пришли, только чжурчжэни сопровождали [меня]. Можно ли [всех] считать одной народностью?» [ЦШ, изд. 88, стр. 557]. Несмотря на разное понимание термина «семья» беседующими, существование антагонизма признается самим Ши-цзуном — наиболее «благополучным» императором.

Приведенные примеры учета традиционного уклада жизни в процессе проведения политики чжурчжэней по отношению к китайцам иногда трактуются как следствие стихийной и массовой китаизации чжурчжэней [Tao Jing-shen, 1970, стр. 121]. Об этом будет более подробно говориться ниже (стр. 374—382), здесь же отметим лишь, что все сказанное

нельзя понимать как отрицание оригинальности общества чжурчжэней и их культуры, совсем не тождественных классическим китайским. Мы не будем характеризовать эту оригинальность, а лишь отметим, что ее бесспорное формирование не являлось следствием национальной нетерпимости.

В многонациональной империи чжурчжэни, разумеется, не могли не проводить национальной политики. Последняя была далека от идеи равенства всех народностей, но она не была и шовинистической — этому препятствовало, прежде всего, реальное соотношение этнических сил. Хотя состояние китайского этноса, ослабление национального самосознания не соответствовали потребностям всемерной мобилизации активности на борьбу с иноземцами, силы пассивной сопротивляемости оставались огромными. Чжурчжэни видели свою задачу не в чжурчжэнизации всего населения, а в принятии и творческом освоении китайского наследства (признание этой идеи отразилось впоследствии во включении династии Цзинь в генеалогию китайских династий).

В центре национальной политики чжурчжэней, конечно, находились китайцы. Отношение чжурчжэней к бохайцам и киданям само определялось «китайским вопросом», намерением чжурчжэней использовать эти народы как союзников в управлении китайцами. Они сумели привлечь на свою сторону бохайцев и возвысили их до положения союзников. Кидани в качестве союзников чжурчжэней выступали лишь до 60-х годов XII в.

В силу упомянутых причин чжурчжэни не могли проводить в Китае «великодержавной» национальной политики. Попытки внедрения чжурчжэньских обычаев и провозглашение чжурчжэньского языка государственным были единичными «наступательными» мероприятиями, а запрет перемены чжурчжэньских фамилий на китайские, раздельное обучение и экзамены в обстановке засилья китайской культуры являлись мерами скорее охранительными. Само принятие китайской культуры лишало национальную политику чжурчжэней остроты. В последние десятилетия своего существования Цзинь попыталась сплотить перед лицом монгольской опасности все народы империи. В 1213 г. был издан указ: «Инородцы, удостоенные чинов и наград, составляют одно целое с народом династии — с чжурчжэнями» [ЦШ, цз. 14, стр. 101]. В 1214 г. иноплеменникам разрешено держать экзамены на получение военных чинов, в 1215 г. уравниены чины иноплеменников и чжурчжэней, разрешено давать за боевые заслуги титулы, которые до этого были привилегией одних чжурчжэней. Задача эта была выполнена лишь частично [Воробьев. 1969а].

Как мы видели, в своей империи чжурчжэни проводили

гибкую национальную политику, превращая в союзников одни народы, нейтрализуя другие и подавляя третьи. Пожалуй, только бохайцы сохранили неизменное и самое благоприятное отношение чжурчжэней, да монголы на окраине цзиньской империи столь же неизменно испытывали на себе политику подавления. Наиболее резкую эволюцию претерпела политика чжурчжэней в отношении киданей — от союзнической до подавленной. Китайская политика чжурчжэней испытала медленную эволюцию в обратном направлении — от настороженного отношения к недавним побежденным до стремления не раздражать наиболее многочисленных подданных. Это выражалось в том, что чжурчжэни стремились не вторгаться в общественную жизнь, в духовный мир и семейный быт китайцев и даже формы непосредственного управления (административного, правового, фискального) избирали привычные китайцам, — сфера национальной дискриминации сильно сужалась. Эта дискриминация ощущалась китайцами в основном в иноземном правлении, в военном присутствии, в земельной и налоговой политике.

Многонациональная цзиньская империя не выпадает из ряда средневековых империй Дальнего Востока. По объективные условия (соотношение роли разных народностей во всех областях жизни империи, наличие китайской династии Южная Сун), характер развития чжурчжэньской народности и основы национальной политики, принятые цзиньскими государственными деятелями, помогли создать империю, терпимость которой в национальном отношении приближалась к пределу, возможному для завоевательных империй дальневосточного средневековья. Это служит частичным объяснением, почему почти непрерывные и повсеместные восстания китайцев — в масштабе 50-миллионной империи все же изолированные и малочисленные [Вань Шэнь-нань, 1956; Хуа Шань, 1957] — не переросли в народную войну, не раз прежде и потом заканчивающуюся в Китае успехом.

ЧЖУРЧЖЭНИ И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

История чжурчжэней зарождалась и развивалась не на изолированном острове, а на континенте, в окружении многих народностей и государств. В предшествующем разделе мы интересовались соратниками чжурчжэней (вольными и невольными) в создании их империи, жившими с ними бок о бок в Цзинь. Сейчас рассмотрим, какие же народы и страны, расположенные на внешних границах чжурчжэньских владений или в некотором отдалении, находились с ними в дипломатических и близких к ним отношениях.

В этой сфере наиболее важное место принадлежало сначала Ляо, а потом Сун. Однако в данном разделе отношения с этими двумя империями излагаются кратко и в строго дипломатическом аспекте, так как о прочих говорилось — и довольно подробно — в других разделах, а народам и государствам, не сыгравшим в истории чжурчжэней столь большой роли (которая поэтому слабее освещена в предшествующих разделах), мы уделим здесь несколько больше внимания, коснемся не только их чисто дипломатических, но и культурных контактов с Цзинь.

Первые связи между киданями и чжурчжэнями относятся к очень давнему времени, но это были эпизодические контакты, которые на судьбу чжурчжэней, надо полагать, не могли оказать значительного влияния. Однако не прошло и четверти века, как положение изменилось. Вскоре после создания в 916 г. государства Ляо кидани развернули активную восточную политику. Когда они в 926 г. уничтожили Бохай, чжурчжэни, жившие на бохайских землях, попали в зависимость к киданям.

В 982—991 гг. давление киданей на чжурчжэней резко усилилось [Икэути, 1937, стр. 119—177]. Ляо предприняло успешные военные походы в бассейн р. Ялу. В результате этих походов почти прерваны были связи чжурчжэней с Сун, а в среде самих немирных чжурчжэней наметилась более четкая ориентация либо на Ляо, либо на Корё. Еще в 991 г. чжурчжэни прибыли в Кайфын, чтобы предложить Сун союз против киданей, но последняя сочла их для этого недостаточно цивилизованными. Когда же в 995 г. сунский Китай предложил чжурчжэням взятку, если они восстанут против Ляо, чжурчжэни донесли об этом киданям. Это свидетельствует, по всей вероятности, о разочаровании чжурчжэней сунской помощью и об упадке политического веса Сун в Маньчжурии [Franke, 1948, стр. 136].

На протяжении двух веков — X и XI — дипломатические и полудипломатические связи чжурчжэней с киданями отличались активностью. Судя по «Ляо ши», на X в. приходится 31 случай приношения «дани» чжурчжэнями и 26 случаев «даннических» наездов представителей других племен этой группы; на XI — начало XII в. (до создания Цзинь) — соответственно 19 и 31². Конкретные случаи наездов с разбивкой по годам и по этнической принадлежности данников при-

---

² Средневековая китайская литература, а вслед за ней и китаезычная литература других государств все виды подношений, поступающих извне от какого-нибудь народа или государства в адрес монарха, как правило, определяет термином «гун», что буквально значит «дань». Этот термин охватывает полновесные и символические дани — знак зависимости, хотя бы и формальной, официальные подарки вождей, послов и гостей,

водятся в таблице 31. Эти цифры заведомо неполные и могут послужить материалом лишь для ориентировочных выводов. Речь повсюду идет исключительно об односторонних «даннических» отношениях. Дипломатические поездки киданей в чжурчжэньские земли были редкими и отличались особым характером. В первой главе «Цзинь ши» упомянуты, например, наезды киданьских цзедуши, инспекторов и т. п., но общая политическая ситуация в этих местах до начала XII в. была такова, что посланники местных племен должны были являться в Ляо. Поездки эти были довольно частыми, и в тенденции выглядят регулярными и всеобщими, охватывающими большинство известных племен и народностей Маньчжурии. В пределах X—начала XII в. крайние даты фактических наездов для ряда племен чжурчжэньской группы следующие: для бохайцев — 918 г., для мохэ — 926—938 гг., для тели — 926—1102 гг., для самих чжурчжэней — 928—1101 гг., для ужэ — 992—1005 гг., для уго — 1033—1112 гг. [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949].

Постепенность попадания в вассальную зависимость Ляо — разная для разных племен Маньчжурии — выражена здесь вполне точно и соответствует политической ситуации [Тань Хэ-цзы, 1934]. Первыми в зависимость попали бохайцы; не успели они стать данниками, как их государство прекратило свое существование, а население рассеялось между другими племенами и общественными образованиями, в том числе ляоскими. Мохэ влились в общечжурчжэньский этнос. Тели и чжурчжэни в одно время попали в ляоскую орбиту, одинаково долго в ней находились и почти одинаково интенсивно поддерживали с Ляо односторонние дипломатические отношения. Наиболее отдаленные от киданей племена — ужэ и уго — захвачены были ляоским влиянием соответственно позже.

В эти двести лет интенсивность дипломатических сношений подвергалась колебаниям. Поскольку они являлись односторонними и, следовательно, до какой-то степени вынужденными, малейшее изменение внутреннего или внешнеполитического положения одной из сторон сразу же сказывалось и на этих связях. Особенно часто «даннические» поездки совершались в 936—945, 991—1005, 1080—1090 гг. Эти взлеты связаны с успешными восточными походами Ляо. Во время и после похода киданей в 990—992 гг. на Ялу и постройки там крепостей имели место, например, 28 посещений чжурчжэней, тели, ужэ, уго.

предметы мены, рассчитанные на отдаривания. В этом значении термин «дань» употреблен и нами. Наличие политической зависимости оговаривается особо.

Дипломатические поездки даннического типа
из Маньчжурии в Ляо с X до начала XII в.

Год	Бохай	Мохаэ	Чжур-чжэни	Тели	Ужэ	Уго	Всего
918	1	1					1
926				1			2
928			1				1
931				1			1
932			1				1
933				1			1
934			1				1
936			1				1
937			1	1			2
938		1	2	1			4
939			1				1
940			2	1			3
941			1	1			2
942				1			1
943				2			2
945				1			1
946			2				2
952			1	1			2
953				1			1
962			1				1
977			2				2
978			1				1
979			1				1
990			4				4
991			2				2
992				3	1		4
994			1	1			2
995			2	1			3
996			1	1			2
997			1	1	1		3
998			1	1			2
1002			1	1			2
1003			1	1	1		3
1004			1				1
1005			2	1	1		4
1014			1	1			2
1015			1				1
1019				1			1
1022				1			1
1033				1		1	2
1047			1	1			2
1052						1	1
1057						1	1
1070						1	1
1071			1				1
1078						1	1
1080			1				1
1081			1			1	2
1082				1		1	2

Год	Бохай	Мохэ	Чжур-чжэнь	Тели	Ужэ	Уго	Всего
1083						1	1
1084			1				1
1085						1	1
1086			1			2	3
1087			1				1
1088						1	1
1090			1				1
1095			2				2
1097						1	1
1099						1	1
1100						1	1
1101			1				1
1102				2			2
1109						1	1
1110						1	1
1111						1	1
1112						1	1
Всего...	1	2	50	31	4	19	107

Киданьские нашествия на восток несомненно объясняют отдельные резкие взлеты дипломатической активности. Но на общую тенденцию спадов-подъемов на протяжении двух веков влияла (более опосредствованно, но неуклонно) общая политическая ситуация в Маньчжурии, Монголии и в Северном Китае. Первое нападение киданей на мапъчжурские народы в 906 г. было лишь эпизодом в кидане-китайской борьбе, приведшей в 907 г. к союзу с китайским наместником Ли Цунь-сюем. Первый подъем «даннических» поездок чжурчжэней, конечно, стимулировался еще и значительными успехами киданей в Китае («призвание киданей» Ши Цзинтаном — претендентом на престол, признание им ляоского сюзеренитета, уступка северокайтайских земель).

Второй подъем связан с договором о дружбе между Ляо и Сун, заключенным в 974 г., а сравнительно регулярные и умеренно интенсивные поездки чжурчжэньских послов в Ляо на протяжении XI в. происходили в столь же спокойной обстановке мира между Ляо и Сун, наступившего после 1004 г.

Но, разумеется, в дипломатическом мире в этом ареале был третий фактор — сами чжурчжэньские племена. С каждым годом роль их в этом мире возрастала довольно заметно. Сама зависимость от Ляо, по-видимому, все больше становилась номинальной, и, что важно, чжурчжэньские вожди в какой-то мере сами устанавливали ее степень. В уже цитировав-

шейся фразе Хэлибо перед боем (стр. 45) содержится приказ брату Ингэ в случае поражения немедленно передать другому брату Полашу наказ: скакать в Ляо, перейти к ней в подданство, получить печать (и звание цзедуши) и армию. Следовательно, вассалитет чжурчжэней в то время уже становится политическим ходом, а не результатом военного поражения.

Дальнейшие действия Хэлибо это подтверждают. Именем Ляо он расправляется со своими противниками и отправляет их к киданьскому императору на суд, требуя наказания более сурового, чем это угодно императору.

Этот процесс пришел к закономерному результату. В конце XI в. Ляо уже поддерживало мелких чжурчжэньских вождей в их борьбе с Ингэ — обладателем ляоского звания цзедуши, но потерпело поражение в этом начинании.

По-видимому, в это время дипломатическую, внешнеплеменную деятельность стали понимать как важнейшее дело, имеющее первостепенное значение для подъема авторитета вождя. Полашу еще при жизни Хэлибо стал соправителем (госянем) и специально занимался дипломатией. Соправитель Ингэ — Сагай был настолько известен своей дипломатической деятельностью, что попал как в корёскую, так и в киданьскую хронику [Кумамото, 1898]. В свете этого надо по достоинству оценить посылку соправителя Полашу к ляоскому двору и стремление его к непосредственным переговорам. Такие же функции исполнял Агуда (3-й подъем).

К правлению Ингэ относится одно из немногих сведений о появлении ляоского посла у чжурчжэней: он тщетно пытался спасти крепость вождя Асу, которого поддержало Ляо (подробнее см. стр. 47 настоящей работы).

Значение дипломатической акции хорошо понимал Агуда, когда он в 1112 г. отказался плясать перед ляоским императором. Требование пляски нельзя сводить к пьяному произволу императора — она была частью разработанного церемониала для вассальных вождей. Отказ от пляски на дипломатическом языке означал отказ от вассалитета.

В 1113 г. Агуда — новый общечжурчжэньский вождь — совершил формальные акты неуважения к Ляо: не сообщил о трауре по покойному правителю, о принятии звания цзедуши и, наконец, открыто объявил войну киданям [Кумамото, 1898]. После первого же поражения киданей киданьские послы еще в начале 1118 г. предложили Агуде мир и звание вана (короля) при условии признания им ляоского сюзеренитета, выплаты дани, пропуска послов в Корё и в Сун, выдачи заложников из членов рода ваньянь. Даже до восстания немирные чжурчжэни находились в менее подчиненном положении в отношении Ляо по сравнению с тем, какое им предлагалось

занять после побед. Не удивительно, что встречные требования Агуды к киданям признать его государство сюзереном Ляо, куда более соответствовали реальной обстановке. Агуда предъявил Ляо требования, сводящиеся к тому, что Ляо: 1) признает Агуду старшим братом, 2) платит ежегодную дань, 3) передает чжурчжэням округа Шанцзина, Чжунцзина и Синчжуна, 4) дает в качестве заложников принца, принцессу и сыновей вельмож, 5) возвращает чжурчжэньских эмиссаров вместе с их должностными значками, 6) передает Цзинь дипломатическую документацию, касающуюся отношений между Ляо и Сун, Си Ся, Корё [Wittfogel, Fêng Chia shêng, 1949, стр. 596]. Только в 1119 г., узнав о китайско-чжурчжэньском договоре, Тянь-цзо-ди признал за Агудой императорское достоинство, но другого по названию государства — Дунхуй. Однако было уже поздно.

При сравнении этих двух взаимно противоречивых условий заключения мира бросается в глаза зрелость чжурчжэньской политической мысли и знание дальневосточного дипломатического церемониала (последнее проявляется также в отказе чжурчжэней принять киданьские грамоты, оформленные ненадлежащим образом).

Политическая слепота. Ляо, как водится, соединялась с военной неподготовленностью и государственной разрухой. Поэтому через 6 лет, в 1125 г., чжурчжэни полностью уничтожили империю Ляо.

Через киданей чжурчжэни познакомились с письменностью — киданьской и, вероятно, китайской, с литературой, в том числе и с конфуцианской, с более совершенным вооружением, с предметами ремесла и роскоши, а также с иной системой социальных и производственных отношений, т. е., в сущности, с иным строем жизни. И он понравился им. В результате в 1002 г. чжурчжэньский вождь послал своего сына к лясскому двору, в 1021 г. за аналогичным разрешением обратились вожди «30 родов». Это были сознательные поездки ради ознакомления с лясскими порядками.

Итак, между чжурчжэнями и киданями до XII в. преобладали односторонние, вассальные отношения. Объективно Ляо в истории чжурчжэней сыграло первостепенную роль. Именно благодаря Ляо заурядные племенные объединения чжурчжэней стали полноправным государственным организмом. Ляо невольно снабдило их — в процессе мирных и военных отношений между сюзереном и вассалом — массой атрибутов государственности и цивилизации. Только гораздо позднее эту роль, столь же невольно, взяли на себя китайцы. В китайских летописях все чжурчжэни именуются либо цивилизованными усилиями Ляо и поэтому мирными, либо нецивилизованными и вследствие этого немирными. Первые обитали к югу от

45° с. ш. между 124° и 126° в. д. (125° — долгота Харбина), последние — к востоку и к северо-востоку от первых до самого Японского моря. Такое их определение имело глубокий смысл. Чжурчжэни цивилизованные, а к ним относилось большинство западных племен, расселились в южной зоне Маньчжурской равнины с ее деградированными черноземами в северной части и степными сероземами — в южной [Анучин, 1948, стр. 89]. Их хозяйственный уклад определялся этим обстоятельством и развивался как скотоводческо-земледельческий. В экономическом отношении они тянулись к империи Ляо с ее киданями-скотоводами и китайцами-земледельцами. Политически они были подданными Ляо — отчасти вследствие своей прочной оседлости и невозможности нарушить хозяйственные навыки и бежать в чуждые им леса и горы. Их «непокоренные» сородичи жили либо в северо-восточной области с ее северными подзолистыми почвами, либо в юго-восточной горной области, для которой характерны буроземы. Они занимались охотой, рыбной ловлей, а их переход к земледелию затруднялся невозможностью прямого заимствования опыта китайских земледельцев в Южной Маньчжурии: их земли требовали удобрений, более глубокой вспашки волами, иных культурных растений и иного севооборота.

Если вначале государство Ляо служило для чжурчжэньских вождей и знати источником получения материальных и культурных благ, то по мере роста чжурчжэньского самосознания Ляо стали считать политическим образцом. Между киданями и чжурчжэнями вдруг обнаружилось немало общего: обе народности не принадлежали к китайскому этносу, жили за северными границами Китая, интересовались богатствами и культурой Китая. Но кидани сумели одержать победу над Китаем и воспользоваться плодами этой победы как в Китае, так и к северу от него. В этой последовательности событий, по мнению чжурчжэней, не хватало лишь продолжения — такого же народа, но более молодого, более энергичного, научившегося многому у соседей, который одним-двумя ударами занял бы место Ляо в Маньчжурии и в Китае. К завуалированному обоснованию такой мысли клонится рассуждение о сравнительных достоинствах золота и железа при выборе названия для династии, в демонстративном принятии Агудой в 1120 г. звания «мудрейшего», которое носил еще Апоки.

В том, что именно Ляо стало первым объектом чжурчжэньской активности, есть своя закономерность. У чжурчжэней было достаточно причин и поводов для этого [Мао Вэнь, 1936].

Если мы вспомним сказанное в начале главы об особенностях географического расселения чжурчжэней, то поймем,

что чжурчжэни, пока они жили охотой в лесах, имели шансы сохранить относительную изоляцию. Но по мере развития хозяйства и перехода к земледелию чжурчжэни выходили из леса на равнины — маньчжурские и корёские — и политический накал сразу же возрастал во много раз. Здесь они были доступны и выгодны для киданьской эксплуатации. Впрочем, укрепленные пункты киданей находились в непосредственной близости от чжурчжэней, и последние в 937, 976, 1040, 1114 гг. совершили крупные набеги на Ляо. Эти пункты представлялись для чжурчжэней заманчивой добычей.

Этническая сторона тоже сыграла свою роль. Ляо уничтожило Бохай, а многие чжурчжэни были подданными Бохая. Кидани же проводили дискриминацию других народов. Это видно на примерах экспедиций за соколами, приводивших к восстанию чжурчжэней, избиений чжурчжэней на пограничных рынках в Нинцзянчжоу [ЦДГЧ, цз. 10], разгульного поведения киданьских чиновников в чжурчжэньских поселках [ЦДГЧ, цз. 24].

Ляо после Шэн-цзуна (983—1031) стало клониться к упадку и в политическом, и в военном отношениях. При Тянь-цзоди (1101—1125) наступил полный развал. Слабость государства Ляо прежде всего сказалась в сношениях с чжурчжэнями. И чжурчжэни хорошо знали про эту слабость Ляо. Посол Агуды по имени Сигунай, вернувшись из Ляо, рассказывал про заносчивость и своеволие, халатность и беспечность государя Ляо [ЦШ, цз. 1]. Другой посол, Иньчжугэ, сообщил, что государь Ляо забросил государственные дела. Такое положение правительства Ляо создало благоприятную обстановку для нападения чжурчжэней на это государство с целью заполнения «политического вакуума». Таким образом, антикиданьские настроения у чжурчжэней были вызваны территориальными (или географическими), этническими и политическими обстоятельствами.

Быстро возраставшая сила чжурчжэньского племенного союза не ускользала от внимания Ляо; последнее активно готовилось к новому походу. Ляо потенциально было сильнее чжурчжэней. Если бы ляосцы разбили чжурчжэней, последние были бы поработены окончательно. Но чжурчжэни опередили их и восстали против Ляо. «Тай-цзу собрал полководцев и сказал: „Ляосцы знают, что мы будем подымать войска. Хочу непременно сделать это раньше, дабы никто не опередил [нас]“» [ЦШ, цз. 9, стр. 21].

Вначале чжурчжэни пренебрегали престижем государства и страны. В период подъема Ляо они были причислены к «восточным варварам», а их вождей третировали. Знаменитая сцена с докладом Полашу (Су-цзуна) киданьскому императору, когда Полашу использовал траву, ветки и кирпич

в качестве материала для заметок, служит тому подтверждением. Но постепенно складывается понятие престижа народа. Так, в 1110 г. Агуда, находясь при лясском дворе, хотел во время игры убить знатного киданина, неосторожно ударившего его лошадь. Здесь престиж оценивается очень высоко. «Великий вождь Агуда прибыл ко двору. Вместе с ним следовал Уши. Знатный киданин играл с ним в конское поло (шуанлу). Киданин ударил по мячу неудачно, нечаянно задел его лошадь. Агуда вспылал, схватил кинжал и хотел заколоть его. Уши ехал рядом и удержал его, быстро рукой схватив за ножны. Агуда остановился, рукояткой ткнул [вельможу] в грудь, но не убил» [ЦДГЧ, цз. 9, стр. 87]. Из престижа Агуда отказался танцевать перед киданьским императором [ЦДГЧ, цз. 10]. Кроме общих соображений престижа, существенное значение приобрели отказ Ляо в выдаче мятежного вождя Асу (1114 г.), в возврате некоторых земель (1117 г.), в признании нового наименования страны вместо прежнего Дунхуй (1119 г.) и т. п.

Борьба между этими двумя образованиями оказалась неизбежной. Причем за всю историю Цзинь только Ляо подверглось столь полному и бескомпромиссному уничтожению. Добившись своей цели, чжурчжэни начали строить империю, используя прежде всего киданьские образцы. В предыдущей главе мы неоднократно демонстрировали, как многие элементы административной, правовой, финансовой систем Ляо оказались включенными в цзиньский государственный организм.

Однако чжурчжэни сумели проявить и критическое отношение к лясскому наследию. Уже Тай-цзун критиковал Ляо за разный подход к чиновникам и простолюдинам при налогообложении [ЦШ, цз. 3]. Ши-цзун во второй половине XII в. осуждал киданьского Тянь-цзо-ди за убой 300 овец для придворного пиршества [ЦШ, цз. 6], за неравномерное распределение общественных работ [ЦШ, цз. 47]. Он же резко критиковал киданей за то, что они роздали высокие посты буддийским монахам [ЦШ, цз. 32], что они поручали надзор за винной монополией потомственным чиновникам.

Цензор Ли Янь доложил Ши-цзуну о том, что «некогда храму Лункун (совр. пров. Ляонин) были пожалованы лясским императорским домом семь простолюдинов, которые платили храму налоги. Постепенно их стали считать рабами. Тех, кто жаловался властям, казнили на острове». Ли Янь характеризовал это как вопиющее злоупотребление. Ши-цзун с ним согласился и освободил 600 человек [ЦШ, цз. 96 стр. 606].

Мы рассмотрели чжурчжэньско-киданьские отношения, сыгравшие столь важную роль в политическом и культурном развитии народов Маньчжурии. Обратимся теперь к восточ-

ным соседям чжурчжэней — к Корё. Отношения чжурчжэней с корёсцами, можно смело сказать, неотделимы от всей истории обоих этих народов. Они насчитывают около двух с половиной веков только до падения Цзинь и продолжались даже неизмеримо дольше, но уже после крушения Цзинь и Корё.

Выше мы уже говорили о разделении чжурчжэней на западных и восточных и о политическом и хозяйственном аспектах такого разделения. По соседству с непокоренными, или восточными, чжурчжэнями жили корёсцы — потенциальные покупатели охотничьей добычи и земледельцы, которые умели обрабатывать свои северные земли, по режиму очень близкие к пашням восточных чжурчжэней. К тому же эти земли были слабо заселены. Уже одно это предопределило выбор направления, по которому отправлялись в путь восточночжурчжэньские вожди и послы. А существовали еще дополнительные и веские политические соображения.

Сношения между корёсцами и чжурчжэнями существовали уже в середине X в. В 948 г. при короле Чонджоне восточные чжурчжэни пригнали в Корё табун из 700 коней. В 1012 г. один из вождей обратился с просьбой заключить с ним конвенцию. Это, пожалуй, наиболее раннее сообщение о переговорах с целью заключения политического союза между этими двумя народами. С этого времени в корёской летописи впервые начинает употребляться термин «дань» в применении к чжурчжэньским подношениям, но он отражает лишь переход к более тесным связям чжурчжэней с Корё, не означая прямой политической подчиненности. Одним из ранних свидетельств обживания чжурчжэнями района Чончжу — в будущем арены схваток между этими двумя народами — служит запись под 1052 г. о выдаче 49 чжурчжэням разрешения на создание хозяйств в этом районе и о пожаловании им земель и жилищ. К 1073 г. относится интересная акция западных чжурчжэней, один из вождей которых от лица ряда родов просил распространить на их территорию корёское административное деление, подобное существующему на землях восточных чжурчжэней, дабы западных чжурчжэней не смешивали с киданями и разрешали им являться в Корё.

Однако постепенно чжурчжэни становятся все более беспокойными и опасными соседями корёсцев, и в 1089 г. их появление в Корё было обставлено рядом ограничительных условий. Всем чжурчжэньским вождям было велено испрашивать предварительное разрешение на въезд в Корё у местных корёских ремонтёров. Допущенные в Корё чжурчжэни должны были ехать прямо в столицу, жить там на специальном подворье и не позже чем через 15 дней уехать. При обсуждении просьбы очередной группы чжурчжэньских переселенцев о

разрешении им поселиться в Корё был выдвинут старинный закон о недопущении в страну иноземцев (кроме образованных китайцев).

Непосредственные сношения с общеплеменным вождем «немирных» чжурчжэней Ингэ завязались у корёсцев, по-видимому, лишь в 1102 г. Инициатива принадлежала самому Ингэ, который в ходе консолидации племенного союза к тому времени значительно расширил зону своего влияния на востоке. Он завязал сношения с Корё весьма оригинальным образом. Выполняя данное ранее обещание, Ингэ решил отпустить на родину корёского врача, лечившего членов «царского» рода ваньянь. Но так как между его собственными владениями и Корё лежали земли восточных чжурчжэней, которые еще сохраняли независимость, он договорился с ними о свободном пропуске врача в Корё через их земли. Несомненно, Ингэ имел основание опасаться, что его официальный посол не будет пропущен через земли восточных чжурчжэней, и к тому же не был уверен в хорошем приеме при корёском дворе [Chu Hsi-chu, 1934].

Конечный результат этого дипломатического прощупывания был довольно неожидан. Врач благополучно добрался до своей родины и сообщил там, что «чжурчжэни день ото дня усиливаются, их войско совершенствуется, а припасы накапливаются» [ЦШ, цз. 60, стр. 383]. Встревоженное этими сведениями, корёское правительство послало своих эмиссаров к пограничным чжурчжэньским племенам, в результате чего последние выразили желание признать власть Корё. Тогда Ингэ развернул против этих племен военные действия и разбил одно из них, о чем стало известно в Корё через специального посла. В том же, 1103 г. Корё впервые отправило официального посла к чжурчжэням — с предложением установить мирные отношения. Предложение было принято, и послом в Корё поехал родственник Ингэ — Сегэ, принятый там с почетом [ЦШ, цз. 135].

Но в это время умирает Ингэ. С его смертью закончился период сравнительно мирных отношений. Началась борьба за Пятиречье. Чжурчжэньские вожди Уясу и Агуда стали добиваться объединения чжурчжэньских племен, живших на корёских землях, с их сородичами. Корёские же короли отстаивали свое право на корёские земли, заселенные чжурчжэнями — их непрошенными подданными. Однако дипломатические отношения между обоими народами окончательно не прерывались. В 1106 г. корёский посол ездил к чжурчжэням с извещением о воцарении Еджона, а чжурчжэньский посол отправился в Корё с ответным визитом. В том же году в Корё прибыло посольство от одного из независимых чжурчжэньских племен.

В 1107 г. Юн Гван разгромил чжурчжэньские отряды, занял территорию Пятиречья и Хэлани и на территории современных провинций Северная Хамгён и Северная Пхёнан в 1108 г. построил девять крепостей. В Корё трижды приезжал чжурчжэньский посол Шисянь с предложением мира и выплаты «дани» при условии передачи чжурчжэням девяти крепостей. Корёсцы попытались выиграть время и заручиться поддержкой киданей — верховного сюзерена корёсцев и чжурчжэней — с тем, чтобы те заставили чжурчжэней отказаться от этого требования [КС, цз. 13]. На королевском совете возобладали мнение вельмож, считавших, что крепости — источник постоянных раздоров и разорительных для Корё войн, и в 1109 г. они были уступлены чжурчжэням.

За полтора века корёско-чжурчжэньские сношения (табл. 32) прошли нелегкий путь от эпизодических наездов отдельных чжурчжэньских вождей к корёскому двору до регулярных дипломатических связей между двумя государствами [Воробьев, 1970].

В Корё ездили вожди, старшины, старейшины, военачальники и отдельные представители ряда родов северо-западных, северо-восточных, северных, западных и восточных чжурчжэней, и корёсцы довольно точно фиксировали племенную принадлежность и звание глав посольств. Из 383 визитов около 60% приходится на долю восточных, около 20 — на долю западных, около 10 — на долю недифференцируемых и около 10% — на всех остальных чжурчжэней. С начала 30-х годов XI в. недифференцированное обозначение «чжурчжэни» почти исчезает со страниц «Корё са» и вновь появляется лишь в начале XII в. Это связано в первом случае с установлением местоположения чжурчжэньских племен корёскими чиновниками и с завершением создания общеплеменного союза — во втором. С середины XI в. прекратились наезды северных, северо-западных, северо-восточных чжурчжэней, и наезды западных чжурчжэней стали редкостью — последнее посольство относится к 1086 г. [Пак Ён Хэ, 1966]. Это тоже связано с процессом племенной консолидации. Эти наезды были стихийными, независимыми друг от друга и не имели четко выраженного характера. Они совмещали политические и торговые цели. Только немногие посольства от племенного союза (начиная с 1102 г.) приобрели более официальный и выраженный дипломатический характер. И последние вызывали ответные корёские посольства.

Динамика посещаемости Корё чжурчжэнями имеет определенную закономерность. С середины X в. и по 1010 г. мы имеем сведения о пяти наездах чжурчжэней. Далее, в течение пяти лет (1011—1015 гг.) чжурчжэни появляются уже ежегодно. Затем цифры обнаруживают тенденцию к неуклон-

Наезды чжурчжэней к корёскому двору в X — начале XII в.

Год	Число наездов	Год	Число наездов	Год	Число наездов	Год	Число наездов	Год	Число наездов
948	1	1028	6	1049	5	1072	4	1096	3
984	1	1029	5	1050	5	1073	3	1097	7
985	1	1030	7	1051	4	1074	2	1098	3
993	1	1031	8	1052	8	1076	2	1099	1
1005	1	1032	10	1053	2	1077	1	1100	1
1011	1	1033	13	1054	4	1078	1	1101	3
1012	2	1034	7	1056	3	1079	3	1102	7
1014	1	1035	7	1057	2	1080	2	1103	11*
1017	3	1036	7	1059	5	1081	5	1104	1
1018	18	1037	6	1060	2	1082	1	1105	1
1019	3	1039	1	1062	4	1083	1	1106	3*
1020	7	1040	17	1063	2	1084	2	1109	6*
1021	5	1041	9	1064	2	1086	3	1110	3
1022	5	1042	11	1065	4	1087	2	1111	1
1023	3	1043	7	1067	1	1089	4	1113	1
1024	3	1044	5	1068	3	1091	1	1113	2
1025	1	1045	6	1069	1	1092	3		
1026	3	1047	10	1070	1	1094	1		
1027	3	1048	6	1071	6	1095	2		383

* Включая и одно корёское посольство.

ному повышению: в 1015—1031 гг. в среднем на год приходится три-четыре посещения, в 1031—1050 гг. уже шесть-семь, но с 1050 г. начинается медленный спад — до двух-трех наездов в год в 1051—1080 гг. и до одного-двух в 1081—1090 гг., наконец, в 1091—1115 гг. намечается новый подъем до двух, а потом до трех посещений в год. Из десятка годов, в которые наездов, по-видимому, не было, половина приходится на 80—90-е годы XI в. Эта динамика связана кроме многих мелких обстоятельств с процессами, происходившими в недрах самого чжурчжэньского общества. Нарастающая до середины XI в. динамика посещений чжурчжэнями Корё является следствием развития чжурчжэньских племен. Киданьские походы на восток в конце X — начале XI в., конечно, оказывали сдерживающее влияние на эти посещения: число чжурчжэньских посольств в далекую Сун в это время лишь несколько уступает числу поездок в соседнее Корё (26 против 37) [Нипо, 1964, стр. 1—6]. Последующая тенденция к некоторому снижению частоты поездок в 1051—1090 гг., по-видимому, является следствием начавшегося объединения чжурчжэньских племен и практики пресечения самовольных наездов мелких старейшин и вождей. Косвенно это подтверждается исчезновением со страниц «Корё са» упоминаний

северных, северо-западных, северо-восточных и отчасти западных чжурчжэней. Новое нарастание числа посольств в 1091—1115 гг. уже отражает переход к стадии упорядоченных активных внешних отношений, осуществляемых общеплеменным вождем.

В подавляющем же большинстве дифференцируемых случаев мы сталкиваемся с наездами с целью вручения «дани» или подношений. Те и другие расценивались в Корё как признание верховного покровительства корёского короля.

Кроме того, приношение «дани» предшествовало изложению дел, ради которых и снаряжались многие посольства: представление ко двору, получение аудиенции, объяснения по поводу набегов и нарушений границ, просьба о защите границ от киданей, о разрешении поселиться на землях Корё, выкуп чжурчжэней — членов распавшихся родов, приношения, полагающиеся корёскому королю как сюзерену, ходатайства о заключении конвенции, о перемене киданьского звания или должности на корёское, о распространении корёского административного деления на чжурчжэньские земли, о получении должности, титула, ранга и о повышении в этих званиях и рангах, вручение киданьской официальной печати, тайная покупка железного вооружения, выдача пограничных разбойников, сообщение о наступлении киданей и, наконец, в XII в. — доклад о победе, о воцарении государя, изъявление благодарности за выполненную просьбу, поздравление с восшествием на престол нового короля Корё, вопросы войны и мира и т. д.

Для Корё эти сношения кроме торгового имели и политическое значение. Корё использовало наезды чжурчжэней для выяснения состояния дел в чжурчжэньских племенах, для усмирения чжурчжэней, для награждения «верных» вождей чинами и должностями, аудиенциями при дворе, допущением на церемонии в храме, угощением, для установления границ между Корё и чжурчжэньскими племенами, для предотвращения набегов путем заключения перемирия и мира, для пожалования земель и жилищ чжурчжэням, которые были приняты на жительство в Корё, для объявления о превращении их в податное сословие и т. п.

Корё обладало для чжурчжэней большой притягательной силой как источник культурных и материальных ценностей и как крупный политический центр, с которым у чжурчжэней установились в основном мирные отношения (до конца XI в.), тогда как Ляо проводило политику покорения чжурчжэней, Сун была отрезана от последних владениями киданей. Из Корё к чжурчжэням попадают буддийские проповедники и корёские ремесленники, корёские кони и волы, руда и железное вооружение. Чжурчжэни обязаны корёсцам укреплению

нием собственного железоплавильного и железоделательного производства, улучшением породы коней, развитием плужного земледелия (чжурчжэни выменяли в Корё много волов, ходивших в ярме), ткачества, техники обработки драгоценных металлов, медицины [Чжан Чжэн-лан и др., 1951, стр. 47, 67, 69]. Совместное проживание корёсцев и чжурчжэней в Пятиречье сильно способствовало культурному их обмену и прежде всего приобщению чжурчжэней к высокой корёской культуре.

Таким образом, корёско-чжурчжэньские связи сильно способствовали ускорению социального и культурного развития чжурчжэней. Хотя возникновение и расширение этих связей было обусловлено рядом причин, из которых в ходе изложения, прежде всего, бросаются в глаза торговые, политические, военные, фактор этногеографический оказал на эти связи сильнейшее воздействие, но сделал это скрытно и опосредствованно.

Как указывалось выше, волей судеб чжурчжэни оказались расселены в разных ландшафтных зонах: мирные, или западные, — на Маньчжурской равнине, немирные, или восточные, — за ее пределами. Разность ландшафтных зон предопределила разную хозяйственную специализацию. Разумеется, само по себе это не закрывало (и не закрывало) пути к взаимосвязям на западе. Но восточный, корёский вариант оказался для восточных чжурчжэней (а именно они были относительно свободны в своих внешних связях) более выгодным по ряду дополнительных обстоятельств. Кидани были склонны не столько к торговле, сколько к взиманию дани, тем более что многие чжурчжэньские продукты они получали именно последним способом. Они мало чем могли помочь чжурчжэньскому земледелию, а проникновение самих чжурчжэней на Маньчжурскую равнину было исключено по политическим мотивам. В Корё же чжурчжэньские товары находили сбыт, корёская система обработки земли как нельзя лучше соответствовала чжурчжэньским природным условиям, сама Корейская равнина оказалась доступной для чжурчжэньского проникновения, т. е. для развития экстенсивного хозяйства, на которое надежно могли рассчитывать в то время чжурчжэни.

Вступление чжурчжэней в государственную, а вскоре и в имперскую фазу существования значительно изменило характер чжурчжэне-корёских отношений. Корёсцы следили за возвышением чжурчжэней при Агуде с известным беспокойством. Живя с киданями в мире уже более столетия, они с опаской наблюдали за их преемниками, политическая ориентация которых выглядела еще неясной. Уже в это время определилась на десятилетия полуизоляционистская-полунейтралистская внешняя политика Корё, диктуемая внутренней не-

устойчивостью [История Кореи, 1960, т. 1, стр. 190]. Летом 1115 г. Ляо попросило у Корё помощи в борьбе против чжурчжэней, но получило отказ.

Первое известное нам посольство корёсцев в Цзинь относится к 1116 г., когда корёсцы поздравили Агуду с восшествием на престол и попросили уступить стратегический пункт Баочжоу (кор. Поджу), на левом берегу р. Ялу, где стоял киданьский гарнизон. Агуда предложил корёсцам взять крепость, а сам послал генерала Сахо, чтобы опередить их [ЦШ, цз. 2]. Однако к моменту прибытия Сахо кидани уже бежали, и город был занят корёсцами [ЦШ, цз. 2]. Корёские источники уточняют, что Баочжоу был передан им в 8-м месяце 1117 г. [КС, цз. 14]. Значит, к моменту прибытия Сахо корёсцы вступили лишь в переговоры с киданями о сдаче города. Кроме того, Агуда сделал многозначительную оговорку, заявив, что окончательное решение о передаче Баочжоу будет принято в ходе специальных переговоров и лишь после получения от корёсцев просьбы в форме вассального прошения [ЦШ, цз. 135]. К такому намеку корёсцы отнеслись сдержанно. И когда в 1117 г. король получил предложение Агуды признать Корё младшим братом Цзинь, он отклонил его [Rogers, 1961, стр. 58—59].

Обе стороны заняли выжидательную позицию, но корёсцы держались все же более инициативно. Они в 1119 г. надстроили на 3 фута пограничные стены, не допускали чжурчжэньских охотников и рыболовов в привычные им уголья (в частности туда, где водились знаменитые соколы), захватывали их в плен, принимали чжурчжэньских беглецов и переселенцев; даже не пустили к себе цзиньского посла, потому что он не пожелал совершить на границе церемонии по лясским правилам (чем подчеркивали вассальную зависимость чжурчжэней, да и свою — от Ляо). Тай-цзу в ответ на донесение об этих инцидентах ограничился запрещением своим подданным приближаться к корёской границе.

Корё продолжало ориентироваться на сунскую династию, явно рассчитывая на успехи последней в грядущей войне с чжурчжэнями. Что касается чжурчжэне-корёских отношений, то китайцы имели неточное представление о позиции Корё. Они считали, что Корё неизменно находилось в тесных и дружеских отношениях с чжурчжэнями, так как еще в X—XI вв. чжурчжэньские послы приезжали в составе корёских посольств. Когда в 1125—1126 гг. китайцы обратились к Корё с просьбой о посредничестве в конфликте с Цзинь, корёское правительство отклонило предложение.

Первая стадия цзинь-сунской войны вызвала пересмотр чжурчжэне-корёских отношений. Весной 1126 г., сразу же после первого успешного похода на Кайфын, чжурчжэни по-

требовали от корёского короля признания уже не «братской», а вассальной зависимости и принесения присяги в верности. Со своей стороны Цзинь соглашалась окончательно уступить Баочжоу. Напуганный король через месяц дал принципиальное согласие, тщетные препирательства о деталях тянулись еще год. В 1126 г. «прибыл корёский посол с предложением, чтобы Корё стала заграничным вассалом Цзинь, но от заключения „клятвенного договора“ уклонялся долго» [ЦШ, цз. 3, стр. 31]. Цзиньский посол Гао Бо-шу обусловил передачу Баочжоу корёсцам: 1) пунктуальными посылками даннических посольств в Цзинь, как прежде — в Ляо, 2) выдачей всех чжурчжэней, нашедших убежище в Баочжоу или вообще в Корё [Миками, 1941]. Корёсцы должны были оказывать чжурчжэньскому посольству те же почести, какие они оказывали киданьским послам.

Чжурчжэньские эмигранты в Корё рассматривались Цзинь как враги государства, так как в их число входили вожди и их соратники, разбитые Хэлибо — отцом Агуды. В последнем вопросе чжурчжэни пошли на уступки, продемонстрировав политическую дальновзоркость и национальную терпимость. В 1127 г. в докладе Уе о чжурчжэнях, натурализовавшихся в Корё, говорилось, что население ушло в Корё 30 лет тому назад: «„Те люди уже все умерли, их дети и внуки обжились в тех местах и завели с коренными жителями родственные связи... Разлучать ближайших родственников поистине несообразно с общим мнением... Силой оружия их можно было бы вернуть, но военное оружие — это оружие губительное, а война — дело истребления; ими пользуются только в крайности. К тому же корёский двор лоялен, считается заграничным вассалом, не признает этих чжурчжэней своими подданными... Итак, если мы, согласно желанию последних, откажемся от наших требований, то и тогда мы как бы приобретем их“. Тай-цзун одобрил доклад» [ЦШ, цз. 3; Розов, лл. 103—104]. Уступив по второму пункту, чжурчжэни расширили первый пункт требованием присылки текста присяги (шифэн). Присяга включала обращение к духам неба и земли, полей и злаков и являлась частью дипломатических отношений. Присяга была принесена корёсцами в 1129 г. Получив, наконец, Баочжоу, Корё значительно расширила свои северные владения за пограничный вал, выйдя на нижнее течение р. Ялу.

С тех пор и по 1212 год — последний год, когда корёское посольство приезжало к цзиньскому двору, — судя по дипломатическому разделу «Цзинь ши» [ЦШ, цз. 135], корёские послы регулярно являлись к цзиньскому императору с поздравлениями по случаю восшествия на престол, дня рождения, наступления Нового года, вручали символическую дань и получали

инвеституру при вступлении нового короля на престол. Во все последующие десятилетия отношения удерживались на взаимодружественной основе. Чжурчжэни старались не вмешиваться во внутреннюю политику Корё, даже когда там проявлялись явные антицзиньские силы (например, во время мятежа Мёчхона в 1128 г., требовавшего войны с Цзинь). Уверенная в своих силах, Цзинь слабо реагировала на эти события. В этом и в других случаях в качестве средства политического давления на Корё использовались инвеституры — утверждения в должности корёских королей. Особое значение они принимали при переворотах: генерала Чон Чжунбу, в 1170 г. свергнувшего Ёйджона и поставившего у власти Мёнджона; Чжо Чжунхана, в 1196 г. свергнувшего Мёнджона ради Синджона, а в 1212 г. — Хыйджона (Ван Ён) ради Канджона (Ван О). Специальное корёское посольство с письмами от свергнутого и воцарившегося королей просило инвеституру и обычно получало ее после проверки обстоятельств переворота [Rogers, 1959].

Эпизоды с инвеститурами раскрывают сущность дипломатических отношений между обеими странами. Корё стало заграничным вассалом Цзинь не в результате поражения, а после молчаливой оценки потенциальных возможностей обеих сторон, и потому, что такие отношения могли обернуться к выгоде для Корё. Оказывая внешние знаки внимания цзиньскому двору, корёские диктаторы ухитрялись чжурчжэньскими инвеститурами прикрывать военные перевороты. При этом диктаторы не стеснялись обманывать цзиньского императора вынужденными или фиктивными просьбами о самоустранении со стороны свергнутых королей, лживыми сообщениями об их смерти, могли не допустить к ним императорских послов, даже подделывали инвеституры.

В 1219 г. корёсцы признали сюзеренитет монголов, обязались платить им ежегодную дань и прекратить сношения с Цзинь.

Чжурчжэне-корёские дипломатические отношения отличались известным своеобразием. В доцзиньский период преобладали торгово-культурные стороны, в цзиньский — политические и чисто дипломатические. С возникновением империи Цзинь важность западных связей для Корё, казалось, должна была возрасти, а поддержание их — упроститься. В действительности связи приобретают несколько формальный характер, став не столь частыми, сколь регулярными, не столько разнообразными по назначению, сколько специфически дипломатическими. Сведения о разнохарактерных поездках, до 1115 г. переполнявшие «Корё са», теперь сводятся к сообщениям об официальных поездках послов 2—3 раза в год ради соблюдения дипломатического этикета.

По-видимому, это связано с внутренним ослаблением Корё, поглощенной собственными делами, и с тем обстоятельством, что цзиньская столица находилась либо в Яньцзине, либо в Бяньцзине и все интересы чжурчжэней оказались направлены на юг.

Те же причины обусловили твердое мирное равновесие, установившееся на северо-востоке после 1126 г. Его нельзя приписывать сознательной деятельности одной из сторон. Сознательной являлась лишь дипломатическая практика, направленная на его поддержание. В развитие этой практики цзиньский сюзерен закрывал глаза на такие поступки своих вассалов, которые по дипломатическим правилам той эпохи оправдывали вооруженное вмешательство. На убийство Си-цзуна, например, даже тангутское и китайское вассальные государства реагировали острее, чем цзиньский сюзерен на перевороты в Корё.

Завершая обзор отношений чжурчжэней с Ляо и Корё, надо в должной мере оценить посредническую роль чжурчжэней в связях между Ляо и Корё до 1115 г. Несмотря на то что между двумя последними династиями существовали прямые дипломатические отношения, особенно после того как Корё стала вассалом Ляо, посредническая деятельность чжурчжэней реально ощутима [Пак Ён Хэ, 1966]. В 993 г. они предупредили корёсцев о начавшемся наступлении киданей. Прося о защите своих земель от киданей, о замене киданьского должностного титула или печати на корёские, чжурчжэни должны были информировать корёский двор о киданях. Сыновья чжурчжэньских вождей давали аналогичную информацию киданям о корёсцах. В 1010 г. одни чжурчжэньские племена участвовали в войне на стороне Ляо, другие — на стороне Корё.

К сожалению, совершенно отсутствуют письменные свидетельства о сношениях чжурчжэней с племенами, жившими к северо-востоку от их земель. Несомненно, такие связи должны были существовать (ведь поддерживали же кидани связи со своими северными и западными соседями). Но пока одно лишь упоминание о принесении в 1186 г. «дани» одиннадцатью племенами «восточных варваров» («дунъи») намекает на существование таких связей и в период господства Цзинь [ДЦГЧ, цз. 18].

Свидетельства о контактах чжурчжэней с Японией ограничиваются сообщением о том, как в 1019 г. несколько тысяч пиратов-чжурчжэней, известных в Японии под именем дои (кор. тои — транслитерация корейского слова «застенные варвары»), более чем на 50 судах напали на острова Цусима и Икидзима и разграбили их, совершили налеты на отдельные уезды провинций Тикудзэн и Бидзэн (Mori, 1966).

Вернемся теперь снова на запад и рассмотрим в общих чертах связи чжурчженей с народами, появившимися или ставшими известными в цзиньское время на северных, северо-западных, западных границах государства Цзинь [см. Воробьев, 1970а; Кычанов, 1973].

Ведущее место среди этих народов составляла пестрая по составу группа монголо-татарских племен. Двойной этноним есть следствие, с одной стороны, указанной пестроты, а с другой — особенности этнической истории, в результате которой менее культурные в начале и середине XII в. племена получили в китайских источниках наименование, включающее слог «мэн», а более культурные (и живущие ближе к Сун и к Цзинь) — название татань.

Собственно монгольская группа племен, ставшая ядром будущего объединения, во второй половине XII в. обживала бассейны рек Орхон и Керулен; джалаиры жили в долине р. Онон, тайчжиуты — в долинах рек Онон и Селенги, кэрэиты (хэрэ) — в долинах рек Орхон и Тола, в бассейне р. Онгин, между горными хребтами Хангай и Хэнтай, найманы — между Хангайским и Алтайским хребтами, татары — у озер Буир-Нур, Кулун-Нур и вдоль Великой китайской стены, на границах с чжурчженским государством, меркиты — в бассейне р. Селенги [Кычанов, 1973, стр. 15].

Наше рассмотрение мы начнем с мэнгусы (мангуцзы, мэнгу, мокоши)³, т. е. с монголов. «Да цзинь го чжи» сообщает фантастические сведения о народе мангуцзы, наделяя последних ростом в восемь футов, способностью видеть за несколько десятков ли даже мелкие предметы, объясняя это необыкновенное свойство тем, что они не ели горячего, а питались одним сырым оленьим мясом. Другие сведения более правдоподобны. В период установления династии цзиньцы вербовали у мэнгусы солдат, но нарушили условия оплаты [ДЦГЧ, изд. 12].

Около 1135 г. вождь монголов Хабул-хан (предок Чингиса) присутствовал на коронации Си-цзуна и в честь его был устроен пир. Боясь усиления Хабул-хана, цзиньский император поручил своим людям схватить вождя на обратном пути, но они погибли в схватке. Этот эпизод повлек за собой убийство в 1137 г. цзиньских послов и неудачную экспедицию против монголов [Тоуата, 1964, стр. 421—443]. Хутула-хан, сын Хабул-хана, разгромил цзиньского вождя и вернулся с богатой добычей. Мир был заключен лишь в 1147 г. явно в пользу монголов: была установлена новая граница между двумя

³ Последний этноним употреблен в «Цзинь ши» вместо мэнгу или мэнгу, вероятно, для маскировки неприятных для монголов фактов их прошлого, в частности подчинения Цзинь на заре их истории [Chap Hock-lam, 1967, стр. 159].

народами, 27 чжурчжэньских крепостей к северу от этой границы передавались мэнгу, чжурчжэни снабжали их ежегодно баранами, коровами и хлебом.

Чжурчжэни могли контролировать в этих местах лишь горные проходы, но это не препятствовало мэнгу совершать набеги на цзиньские земли. Во время этих набегов чжурчжэни откупались рабами, драгоценностями и тканями. Позднее монголы стали захватывать в плен киданьских и китайских женщин и вступать с ними в брак.

Интересно, что источники XII в. не считали мэнгу родичами монголов. Одни указывали, что мэнгу находятся на востоке, монголы — на западе и их разделяют несколько тысяч ли [ДЦГЧ, цз. 20], другие, как «Мэнда бэйлу» («Записки о монголо-татарах») Мэн (Чжао) Хуна, — что перебежчики-цзиньцы научили монголов назваться страшным для чжурчжэней именем [см. Васильев, 1859, стр. 220]. Наивность последнего предположения очевидна, однако с первым соглашались многие, в том числе и В. П. Васильев [Васильев, 1859, стр. 80]. Придерживающиеся мнения о родстве мэнгусы и монголов подозревали ошибку в размещении земель мэнгусы по отношению к чжурчжэньским («северо-восток» вместо «северо-запад»).

Нам, впрочем, кажется, что нахождение мэнгусы в современной провинции Хэйлунцзян не противоречит ни расстояниям, ни направлению, указанным в источниках, если учесть, что местопребыванием чжурчжэней для авторов этих источников была не Маньчжурия (прародина чжурчжэней), а Китайская равнина.

Монголы, которые на рубеже XIII в. обитали на пространстве между реками Керулен и Онон, встречались Чан Чуню во время его путешествия к Чингисхану. Он вспоминает, как монголы собирали рыб, выкинутых волнами на берег оз. Лугюй (совр. оз. Буир-Нур), использовали высокие ивы на остовах юрт. Население занималось скотоводством и охотой, питалось мясом и молоком, одевалось в кожаное и меховое платье, жило в черных телегах и белых юртах, не знало письменности, заменяя ее резными бирками. Чан Чуня поразили женские головные уборы — высокие берестяные у бедняков, и красные матерчатые с хвостами животных у богачей, свободно спадающие волосы. Он подметил черты патриархального быта — широкое гостеприимство, свободолюбие и дисциплинированность монгольских кочевников [Си ю цзи..., 1866, стр. 289].

Между чжурчжэньским валом на западной границе цзиньских владений в Маньчжурии и р. Керулен размещались татары. Рассматривая их отдельно от монголов, мы ни в коей мере не намерены вступать в спор о соотношении этих двух

этнических наименований и их носителей, а просто следуем в этом отношении источникам⁴.

Другие (уже цитированные источники) идут еще дальше в этом вопросе: они считают татар (татань) и чжурчжэней родственными племенами — потомками мохэ — и относят их обособление как самостоятельных племен к эпохе киданьских завоеваний. Согласно китайской традиции «Да Цзинь го чжи» делит их, как некогда чжурчжэней, на мирных (вследствие их близости к Китаю), занимающихся хлебопашеством и приготавливающих кушанье на огне, и на «немирных» (из-за удаленности места обитания от Китая), промысляющих охотой, вооруженных одними костяными стрелами и не знающих ни утвари, ни железа. Как утверждает этот источник, железо и медь стали известны татарам лишь после переселения чжурчжэней в Северный Китай, в 30—40-х годах XII в. [ДЦГЧ, цз. 12].

В официальной цзиньской истории название татань не встречается, зато есть слово цзубу, появившееся еще в киданьской династийной истории, где оно встречается чаще, чем в цзиньских летописях. Последнее обстоятельство вызвано тем, что цзубу жили на северных землях Ляо, не вошедших в чжурчжэньские владения. Этот киданьский термин, по-видимому, относился как к собственно татарам, так и к джалаирам, кэрэнтам, чжуличжинь, найманам [Feng Ch'eng-chün, 1939, стр. 428]. Будучи непосредственными соседями чжурчжэней, они то нападали на цзиньские границы, то выступали вместе с Цзинь против других монгольских племен. Так, в начале XII в. татары выдали чжурчжэням монгольского вождя Амбагай-хана, который был казнен, в 1161 г. помогли цзиньцам нанести поражение монголам у оз. Буир-Нур, но в 1198 г. сами потерпели поражение от чжурчжэней, монголов и кэрэитов. Около 1202 г. они как племенное объединение были уничтожены Темучжином (Чингисханом).

Проезжая через татарские земли, Чан Чунь видел черные телеги (т. е. юрты на телегах) и белые юрты, приспособленные для сезонных перекочевков, наблюдал эти кочевки со скотом в поисках воды и пастбищ. Чан Чунь упоминает про несколько тысяч таких телег и юрт, скопившихся во время свадьбы, на которую по обычаю съезжались татары из окружающих стойбищ, часто за несколько сот километров, привозя с собой кумыс [Си ю цзи..., 1866, стр. 286—287].

---

⁴ Мэн (Чжао) Хун в «Мэнда бэйлу» со ссылкой на другие источники указывает, что монголы (мэнгусы) исчезли к моменту возвышения татар, а последние в начале XIII в. заимствовали их имя [см. Васильев, 1859, стр. 219]. Н. Я. Бичурин считал монголов и татар двумя из четырех поколений татар [см. Бичурин, 1828, т. II, стр. 176].

Вдоль западной границы Цзинь жили онгуты, или белые татары. Они неоднократно совершали набеги на цзиньское пограничное население, невзирая на гарнизоны и укрепления. Их сила заключалась в союзе с другими племенами, в частности с хэдисинь и посухо. Чжурчжэни всячески стремились подорвать этот союз и привлечь онгутов на свою службу для охраны границ [ЦШ, цз. 93]. Именно онгуты в 1124 г. снабдили последние остатки киданьского воинства — Елюя Даши с его двумястами всадников — конями, верблюдами и баранами [ЦШ, цз. 121]. Чан Чунь отмечает в этих местах обилие солончаков, соленых озер, отсутствие гор, рек и пашен. Население питалось молоком, одевалось в меха и жило в восточных юртах [Си ю цзи..., 1866, стр. 284—285].

Где-то в этих районах бродили племена шаньчжикун и уже упоминавшиеся хэдисинь. По «Цзинь ши», это северные племена, кочевавшие среди онгутов и в течение ряда лет тревожившие цзиньскую границу. Иногда чжурчжэням удавалось серьезно потеснить их, как это произошло с хэдисинь, которым пришлось, бросив все, отойти на запад [ЦШ, цз. 93].

Племя сяньчу некоторыми авторами связывается с джа-таирами [Feng Ch'eng-chün, 1939, стр. 428]. Оно стремилось установить торговые отношения с чжурчжэнями, неоднократно обращаясь к ним с просьбой об открытии рынков на таможенных — в 1198 г. и в другие годы.

О прочих племенах, живших к западу от собственно монголов, — о кэрэитах, найманах, киргизах — китаезычные источники Цзинь молчат. Прибыв в расположение или «орду» одной из ханш Чингиса, где-то на Орхоне, Чан Чунь увидел «тысячи телег и юрт». Здесь жили царевны из правящих домов — чжурчжэньского и тангутского, — присланные Чингису. Несмотря на походный — с точки зрения китайца — характер лагеря, ханские юрты — с удивлением отмечает Чан Чунь — роскошью превосходили юрты хунских шаньюев [Си ю цзи..., 1866, стр. 291—292].

Кэрэиты наряду с монголами и татарами и неупомянутыми в цзиньских источниках тайчжигуатами относились к четырем монгольским поколениям, которые с середины XII в. считались главными [Бичурин, 1828, стр. 291—292]. Вождь кэрэитов Тоорил получил королевский титул от чжурчжэней (Ван-хан). Помимо вышеназванных к монголам принадлежали найманы. В 1201 г. найманы отвоевали у Си Ляо Тарбагатай и Западную Халху, но через 5 лет сами были покорены монголами.

Конец XII — начало XIII в. в монгольских степях оказались периодом, породившим такие силы, которые решили судьбу не только Цзинь, но и «40 государств» — по выражению цзиньских источников. В монгольских степях формирова-

лось государство завоевателей, которое в структуре своей армии повторяло важнейшие чжурчжэньские достижения: десятичный принцип формирования воинских частей и сохранение в отрядах прежних общинно-родовых связей. Однако на первом этапе его роста Темучжин — знаменитый впоследствии Чингисхан, фактически сломивший мощь Цзинь, похоже, возил чжурчжэням дань в Тайчжоу и после провозглашения его великим ханом в 1206 г. вплоть до 1209 г. был соратником Ван-хана — вассала Цзинь. В 1209 г. он разорвал дипломатические отношения с Цзинь, а в 1211 г. начал войну с этим государством, войну, которая с небольшими перерывами длилась 24 года и закончилась крахом Цзинь.

До 1211 г. цзиньская дипломатия довольно успешно проводила в жизнь политику сдерживания монголов. Когда же агрессивность монголов стала одним из условий существования монгольского государства, средства дипломатического воздействия на противника потеряли свою действенность. Конечно, Цзинь, как и другие государства, недооценивала монгольскую опасность. Мирные предложения чжурчжэней отвергались. Цзиньское правительство в 1214 г. попробовало откупиться от монголов, приняв жесткие условия, но монгольская знать хотела только одного — войны и добычи, и перемирие было сорвано. Поиски союзников не привели ни к чему. Всем ходом предыдущих отношений государства Дальнего Востока были разобщены или даже прошли через войну, поэтому были склонны скорее воспользоваться слабостью соседа, чем поддержать его.

Тангутское государство Ся или Си Ся, т. е. Западное Ся (1032—1227), глубоко вклинивалось в цзиньские владения в Китае. В 1122 г. массы киданей бежали из юго-западных провинций в Си Ся. Тангуты выслали 30-тысячное войско на помощь Ляо, но потерпели поражение. Связанный родственными и вассальными отношениями с императорским родом Ляо, тангутский король дважды спасал Тянь-цзо-ди от чжурчжэньского плена, но в 1124 г. тангуты признали верховный сюзеренитет Цзинь и, видя неизбежную гибель Ляо, с 1125 г. выступили союзниками чжурчжэней в их войне с Сун. Положение чжурчжэней в Китае страшило Си Ся. В 1129—1130 гг. чжурчжэни фактически отрезали тангутов от Китая, но и тогда последние принимали в свои владения китайских беглецов. Одновременно они вели переговоры с Елюем Даши — в 1130 г. и с династией Южная Сун — с 1131 г. [Кычанов, 1973; 1968, стр. 227—235].

К 1131 г. чжурчжэни овладели Ланьчжоу, бассейном р. Синин, оз. Кукунор, округом Хэчжоу, и на тангутско-чжурчжэньской границе официально установился мир, продолжавшийся свыше 80 лет, в течение которых тангуты числились

данниками Цзинь. Это состояние мира, впрочем, нарушалось пограничными инцидентами и набегами: «Пограничное население Си Ся, соседней с Шэньси, своевольно перешло границу и разбойничало» [ЦШ, цз. 50, стр. 319]. Для предупреждения таких набегов чжурчжэни построили вдоль границы более десятка крепостей. В 1136 г. тангуты заняли два округа — Синин и Лэчжоу, а в 1137 г. откупили цзиньский округ Кочжоу. В 1146 г. чжурчжэни уступили тангутам некоторые пограничные земли. Позднее, воспользовавшись неурядицами в Цзинь, вызванными переворотом Хай-лин-вана, тангуты в 1155 г. совершили набег на Тайюань, а в 1161 г. захватили несколько цзиньских областей, которые вскоре, однако, пришлось оставить. В 1166—1169 гг. произошли временные осложнения по вопросу о вассалитете некоторых тибетских старшин с территорий, отошедших к Си Ся.

Тангутские послы приезжали к цзиньскому двору с поздравлениями по случаю наступления Нового года или дня рождения императора, получить инвеституру. На заре династии чжурчжэни были обеспокоены намерением ляоского государя бежать в Си Ся, а затем — отношениями, которые Елюй Даши (потомок киданьских императоров) поддерживал с Си Ся, но, когда кризис миновал, чжурчжэни оказали этому государству ряд поблажек. Они сделали тангутам территориальные уступки. Сюань-цзун выкупил тангутов — подданных Си Ся и отпустил их на родину; несколькими годами позже Ай-цзун опять вернул людей Си Ся. Когда в 1171 г. в Си Ся вспыхнула эпизодия, чжурчжэни выслали на помощь своего ветеринара. Такие действия, возможно, диктовались и торговыми интересами: император Сюань-цзун сетовал на утрату прежних рынков в Си Ся, где чжурчжэни закупали породистых коней.

Только пограничный инцидент 1190 г., когда цзиньский начальник пограничной стражи Алудай, выступивший против вторгшихся тангутов, был убит, а его войска рассеяны, испортил налаженные мирные отношения. Не способствовало их восстановлению создание цзиньских военных поселений и устройство рвов на границе — мероприятия, направленные против попыток мятежников наладить контакт с народами северо-запада.

В 1207 г., когда над тангутами нависла монгольская опасность, чжурчжэньское правительство приказало выкупить всех рабов-тангутов, находящихся в Цзинь, дабы усилить армию Си Ся. Но, когда тангуты все же потерпели поражение и обратились за помощью к Цзинь, чжурчжэньский император отказал им: «Моему государству выгодно, когда враги его нападают друг на друга. О чем же беспокоиться?» [цит. по: Кычанов, 1968, стр. 300]. В результате тангуты в 1209 г. по-

терпели поражение и по приказу Чингисхана вынуждены были начать войну с Цзинь.

Однако дипломатические связи между обоими государствами сохранялись. В 1212 г. новый тангутский государь, Цзунь-сян, получил от чжурчжэней инвеституру, утверждающую его в должности. В 1214 г. началась десятилетняя тангутско-чжурчжэньская война, крайне изнурительная для обеих сторон. Тангуты получили поддержку Южной Сун, но страдали от монгольских набегов. В 1224 г. между обеими сторонами наконец был подписан мирный договор, по которому политическое положение Си Ся улучшилось: оно было возведено в ранг «младшего брата». Но это иллюзорное достижение меркло перед разрухой, принесенной войной и близкой гибелью государства в 1227 г.

Для чжурчжэней Си Ся служило примером жизнеспособности государства, созданного народом не китайским, без давних исторических традиций (какими обладали, например, корёсцы), невраждебным чжурчжэням, у которого не было с ними вековых распрей (как с киданями). Обе стороны не доверяли китайцам, и не случайно чжурчжэни заключили с Си Ся длительный мир не по китайским, а по лясским узаконениям [ЦШ, цз. 83]. Чжурчжэньский вельможа Нянъга Водэла специально отмечает, что Си Ся хотя и маленькое государство, но чтит старинные обычаи [ЦШ, цз. 8]; во время обсуждения планов нападения на Китай опять ссылаются на успешный опыт Си Ся в борьбе с Сун [ЦШ, цз. 74]. Чжан-цзун интересовался: кто храбрее — сунцы или тангуты? [ЦШ, цз. 94].

Когда нависла угроза монгольского нашествия, судьба Си Ся, прикрывавшего Цзинь с запада, кровно интересовала чжурчжэней, хотя они и остались на позиции наблюдателей. Цзиньский император Ай-цзун, говоря, что «Великая Юань уничтожила 40 государств, включая и Си Ся» [ЦШ, цз. 18, стр. 131], особо выделял тангутское государство. Тангуты, жившие на территории Цзинь, служили в иррегулярных национальных частях в северо-восточном комиссариате и облагались государственным налогом наравне с привилегированными чжурчжэньскими ячейками мэнъань и моукэ [ЦШ, цз. 47].

Государство уйгуров (874—1218—1369), отделенное от чжурчжэней тангутами, естественно, находилось с Цзинь в менее тесных отношениях. Тем не менее уже в 1127 г. в Цзинь прибыло два уйгурских посольства, в 1131 г. уйгуры выдали нескольких воинов Елюя Даши. В дальнейшем, вплоть до 1172 г., уйгурские посольства прибывали неоднократно с подарками («данью») или с поздравлениями. В посольском приказе Цзинь состояли специальные переводчики с корёско-

го, тангутского, уйгурского языков, что подтверждает регулярный характер сношений с этими народами [ЦШ, цз. 55]. Уйгурские дипломаты и купцы выступали и как посредники. В 1144 г. уйгурское посольство привезло весть о смерти Елюя Даши — царя Си Ляо и о распространении пределов его царства до границ Си Ся, включающего и вассальные уйгурские земли. Именно с этим посольством поехал к каракиданям чжурчжэньский посол, о котором речь пойдет дальше. В 1175 г. на цзиньскую границу прибыли три уйгурских купца, которые попросили убежища и получили его. Тогда же несколько мелких уйгурских вождей — подданных Си Ляо просили признать их вассалами Цзинь и обменять жалованные киданьские печати на цзиньские [ЦШ, цз. 121]. В 1218 г. уйгуры стали данниками Чингисхана. Сменив каракиданьских сюзеренов на монгольских, они сохранили свое царство [Воробьев, 1970а].

Двигаясь вдоль северных отрогов Тяньшаня, Чан Чунь видел в Уйгурии виноградники, поля яровой пшеницы, орошаемые водой из источников (о чем сообщали уже упоминавшиеся уйгурские перебежчики), восхищался виноградным вином, невиданными плодами (в особенности крупными арбузами, дынями и репчатым луком) и благовониями, персидским холстом [Си ю цзи..., 1866, стр. 229—302].

Еще дальше на запад раскинулась империя каракиданей — Си Ляо (1124/1130—1211). В цзиньских источниках монгольское название каракидани, или черные кидани, отсутствует; сохранено старое наименование народа — кидани и государства — Ляо (или царство Даши), что, конечно, передает ощущение преемственности, существовавшее у цзиньцев, когда дело шло о киданях и об их новом государстве. Это ощущение, несомненно, имело под собой реальную почву.

Член киданьского правящего дома Елюй Даши в 1123 г. попал в плен к чжурчжэням, служил в их войсках, в 1124 г. бежал и провозгласил себя императором. Но империя Ляо уже не существовала, и Даши с 200 всадников пришлось бежать на запад — на Орхон, воспользовавшись помощью онгутов, снабдивших его 400 коней, 20 верблюдами и 1000 баранов [ЦШ, цз. 3]. У него сохранились еще местные гарнизоны и боевые кони, поэтому чжурчжэни продолжали преследовать его. После отхода на восток чжурчжэньских войск, добившихся капитуляции последнего киданьского императора Тянь-цзо-ди, Елюй Даши в 1125 г. попытался заключить союз с Си Ся, но это вызвало новую чжурчжэньскую экспедицию в 1128 г. Татары, среди которых скрывался Даши, сочувствовали беглым киданям, но не желали видеть в своих владениях чжурчжэньские войска, а тем более служить в них [ЦШ, цз. 121]. Поэтому Даши сохранил свои силы, но должен

был уйти сначала к уйгурам в Хэчжоу (Гаочан), а после дипломатического протеста чжурчжэней, направленного в Си Ся, и дальше на запад. Там, в Семиречье и Восточном Туркестане, он создал свое царство, обширное, но пестрое по составу. С 1130 г. начинается эпоха реального существования Си Ляо как государства. Похоже, что примерно с этого времени (с 1131 г.) чжурчжэни на значительное время утратили информацию о положении в Си Ляо.

Однако Си Ляо притягивало взоры китайских дипломатов и киданьских подданных Цзинь и уже поэтому не могло не интересоваться чжурчжэней. В 1144 г. уйгуры донесли о смерти Даши (1143 г.). В обратный путь с уйгурами поехал Няньгэ Ханьну — чжурчжэньский посол к каракиданьскому двору. Он пропал без вести, и только много позднее чжурчжэни узнали, что их посол нашел свою смерть в 1146 г., отказавшись сойти с коня перед каракиданьским императором и потребовав, в свою очередь, чтобы тот пешим принял цзиньскую грамоту [ЦШ, цз. 121].

Общую ситуацию прекрасно выразил чжурчжэньский император Ши-цзун, заявив, что сунцы радуются возникновению инцидентов в тылу Цзинь и с Даши поддерживают сношения [ЦШ, цз. 50]. Под «инцидентами» имеются в виду киданьские восстания, обычно кончавшиеся бегством части восставших в Си Ляо. Источник сообщает, что группа киданей с границы, спасаясь, бежала к Даши [ЦШ, цз. 88], что в 1161 г. Саба поднял мятеж, бежал со своими сторонниками сначала на р. Лунцзюй (Керулен), а оттуда в Си Ляо и был убит по дороге своими воинами [ЦШ, цз. 133]. В 1177 г. цзиньские чиновники схватили на границе четырех эмиссаров из Си Ляо. Это вызвало особое повеление: расселить киданей — подданных Цзинь «как следует», дабы каракидани не провоцировали их на пограничные беспорядки [ЦШ, цз. 88]. В 1188 г. Ваньянь Сян представил цзиньскому императору план сдерживания каракиданей, который был принят. Через год, в 1190 г., вождь одного из каракиданьских родов пожелал стать данником Цзинь. Член правящего дома Ваньянь Аньго поспешил встретиться с ним [ЦШ, цз. 94].

Кроме этих фактов, зафиксированных в «Цзинь ши», много сведений о каракиданиях, казалось бы, должно быть в «Бэй ши цзи» Угусуня Чжундуаня и в «Си ю цзи» Чан Чуня. Но дело обстоит иначе. Оба путешественника посетили эти места в 20-х годах XIII в. не только после потери каракиданиями их среднеазиатских владений (в 1208 г.), но и после завоевания их самих монголами (1211 г.). Говоря о каракиданиях, Угусунь утверждает: «В настоящее время осталось мало жителей, они переняли обычаи и одежду хуйхэ (мусульман)» [Bretschneider, 1888, стр. 31]. Фраза

является ключом к пониманию описания Восточного Туркестана и Средней Азии у Чан Чуня и Угусуня Чжундуаня.

Чжурчжэньские связи с центральноазиатскими странами и народами отличаются некоторыми специфическими чертами. Несомненно, впервые маньчжурская народность получила возможность войти в прямой контакт с центральноазиатским миром. Разумеется, это оказалось возможным лишь вследствие экспансии чжурчжэней в Северный и Центральный Китай, откуда и поддерживались эти связи. Но эта же самая экспансия прервала существовавшие сунские связи с Центральной Азией: последнее посольство из Хотана прибыло в сунский Китай в 1124 г., а из Уйгурии в 1172 г. После ханьской и танской империй цзиньская занимает третье место по протяженности своего влияния в Центральной Азии. Во всяком случае, северосунское правительство не могло тягаться с цзиньским даже в отношении владений в таких соседних с коренным Китаем областях, как современные провинции Шэньси и Ганьсу, не говоря уж о более отдаленных землях. Но есть коренные отличия и в характере самих отношений. Интерес династий Хань и Тан к западным странам диктовался прежде всего военными и торговыми соображениями: китайцы отбивали набеги пограничных народов, искали союзников в этой борьбе в тылу этих племен, старались обеспечить прямую и транзитную торговлю по Великому шелковому пути. Чжурчжэни не вели активной торговли с далекими странами на западе; при отдельных сделках пользовались услугами уйгуров, а военная опасность угрожала им лишь со стороны монголов. Поэтому знание чжурчжэнями окружающего мира уменьшалось довольно равномерно по мере удаленности соответствующих народов от государства Цзинь. Это подтверждается примером с каракиданами, о которых чжурчжэни имели весьма смутные представления, несмотря на подчеркнутый интерес к этому народу. Сходное положение, хотя и по другим причинам, существовало и в области понимания событий, происходящих в глубине монгольских степей. Замечательно, что наиболее яркие, содержательные и обширные сведения о глубинных районах Центральной Азии чжурчжэни получили лишь в последние десятилетия существования своего государства, косвенно благодаря своему заклятому врагу Чингисхану, за которым гонялись цзиньские послы и проповедники вплоть до Ближнего Востока.

Тяга к внешнему миру у чжурчжэней по своему накалу несопоставима с ханьской или танской, но мало уступала интересу менее активных и процветающих китайских династий, в том числе и сунской. Именно чжурчжэням, хотя и на закате их, было дано вновь открыть восточноазиатским народам и самим китайцам чудеса далекого Запада — Семиречья, Турке-

стана, Средней Азии. Можно лишь догадываться о том, что сами цзиньцы узнали о них, да и о своих северных соседях — монголах, раньше и больше, чем Южная Сун. Не случайно для Чань Чуня — одного из самых образованных людей своего времени — диковинное начинается сразу же за границей Цзинь — у онгутов, тогда как чжурчжэньский вельможа Угунь Чжундуань неведомое встретил лишь в Си Ляо, да и то политическое, а географическое и этнографическое — еще дальше на западе. Меркитов, найманов, уйгуров, карлуков он только перечисляет: они ему неинтересны, так как хорошо известны.

При оценке географических познаний чжурчжэней о Центральной Азии эту тенденцию — опускать известное в частных записках — надо учитывать наряду с пропажей всей рядовой официальной документации, например о сношениях с монголами, татарами, онгутами, тангутами и пр., которая не могла не существовать. Но и независимо от этого напрашивается вывод, что чжурчжэни сумели расширить прежние рамки географических и этнографических представлений дальневосточного мира о Центральной Азии.

В 1131 г. чжурчжэньский полководец Учжу напал на королевство Тубот, созданное туфаньскими (тибетскими) племенами. Цзинь стало граничить с туфаньскими землями, но характер дипломатических связей с их обитателями остается неясным. Дальнейшая судьба туфаньцев затерялась на фоне бурной истории чжурчжэней: в отделе хроник «Цзинь ши» они ни разу не упомянуты. Случайные упоминания о них мы находим лишь в биографических заметках этого источника. Там мы узнаем, что цзиньский полководец Чи Чжань-хуй, некогда служивший киданям, в начале 30-х годов XII в. покорил ряд пограничных укреплений на юго-западе, туфаньского генерала Чжао Цинь-ся, туфаньских вождей и 15 тыс. дворов местного населения [ЦШ, цз. 80]. Чжао Цинь-ся происходил из рода туфаньских вождей. Несмотря на то что некоторые вожди туфаньского племени любо тогда же покорились, еще Хай-лин-ван говорил об этих землях, как о владениях любо.

Вклад народов этой группы в цзиньскую культуру приходится оценивать осторожно из-за недостаточности материала. Наибольшее влияние, по-видимому, оказали тангуты, к которым чжурчжэни относились с большим интересом. Вслед за ними идут монголы, сложная, но заметная роль которых явно возросла в XIII в.

Первый датированный контакт чжурчжэней с китайской метрополией относился к 925 г. В этом и в последующем случае речь идет о появлении чжурчжэней в Дэнчжоу на Шаньдунском полуострове. После 24-летнего перерыва (или пробега в записях источника) с 959 по 973 г. чжурчжэни 14 раз

входили в контакт с китайской администрацией Дэнчжоу. Поездки носили торгово-даннический характер. Однако на второй стадии (981—1031) эти сношения, осуществляемые представителями «30 родов», приняли более зрелый дипломатический характер. Посланцы передавали письма других племен (тели, ужэ), получали ответы, предлагали заключить союз против Ляо, просили обеспечить безопасность дипломатической артерии — р. Ялу, блокированной киданьскими крепостями, жаловались на вторжения и походы Ляо. В 981 г., например, Суны послали государю Динъаня грамоту, обещая помощь в войне с киданями, а через десять лет чжурчжэни доставили благодарственный ответ (табл. 33).

Таблица 33

Поездки чжурчжэней в Китай в X—XI вв.

Год	Месяц	Цель поездки
925	5	Подношение «дани» (вместе с хэйшуй)
959	1	» »
961	8	» »
961	12	» »
962	1	» »
962	3	» »
963	1	» »
963	8	» »
963	9	» »
964		» »
970	9	» »
972		» »
972	6	» и извинение за нападение на китайцев (в том числе от тели)
973	12	» »
981	11	» и просьба от Динъань о помощи против Ляо
987		Жалоба на вторжение киданей
989		Подношение «дани» (вместе с Динъань)
991		Жалоба на киданей, закрывших путь в Сун
991		Доставка послания из Динъань
1009	3	Занесены бурей, снабжены провиантом
1014	12	Подношение «дани» (в составе посольства Корё)
1015	11	» и жалоба на поход киданей (с Корё)
1017	11	» и сообщение о соседних племенах (с Корё)
1017	12	» и жалоба на грабеж киданей
1019	9	» (с Корё)
1019	10	» просьба буддийских сочинений
1031	2	Поиски убежища; оставлены в Сун

Примечание: только одно посольство 991 г. достигло Кайфына, остальные доходили лишь до Дэнчжоу (Шаньдун), посольство 925 г. ездило ко двору династии Поздняя Тан, посольство 959 г. — ко двору династии Поздняя Чжоу; прочие — ко двору династии Сун.

Тесные дипломатические контакты с Сун начались сразу же после провозглашения династии Цзинь и получили широкое развитие, когда оба государства стали соседями. Тогда-то Тун Гуань и представил сунскому императору ошеломляющий план возвращения отторгнутых киданями округов Хэбэя и Шаньси, оттеснения Си Ся и приобретения Северо-Запада. Вся неотразимая сила этого проекта заключалась в стройности схоластических выкладок: вся политическая ситуация в этом районе держится на Ляо, стоит чжурчжэням только сокрушить Ляо, и Сун получит желаемое. Позднее составитель «Саньчао бэймэн хуйбянь» сетовал: «Несчастье нашего государства отсюда получило свое начало» [Franke, 1948, стр. 198—199]. А пока в 1117 г. династия Сун отправила к Агуде своего посла — вельможу Ма Чжэна. Миссия отбыла тайно под видом закупки коней: китайцы боялись гнева киданей. Ма Чжэн просил чжурчжэней вернуть Сун северо-китайские земли, захваченные киданями, обещая не помощь в их возвращении, а денежную компенсацию. Прямой отказ на это предложение произвел тем более тяжелое впечатление, что исходил от вчерашнего племенного вождя в ответ на первое официальное предложение Срединной империи [Чэн Су-ло, 1950].

Только окончательный разрыв отношений между Цзинь и Ляо летом 1119 г., после отказа киданьского императора признать прерогативы Агуды, привел последнего к мысли о необходимости более интенсивных переговоров. В начале 1120 г. возник оживленный торг вокруг этих земель, причем дело упиралось в размер ежегодных «выкупных платежей», которые Сун должна была вносить за эти округа. В источниках сохранились данные об исчислении доходов, которые давали эти округа, проведенном экспертами обеих сторон (см. стр. 110 настоящей работы). Чжурчжэньская сторона обнаружила большую осведомленность в этом деле, очевидно не без помощи жителей округов Яньцзина (яньцев). Соглашение наконец было достигнуто. По этому поводу в 1120 г. Агуда в письме к сунскому императору так определял взаимопомощь двух держав: «Я удовлетворюсь странами, которые простираются от Бинду и Суанлиня и до Губэйкоу; китайские войска пусть овладеют странами к югу; обе стороны не должны уклоняться от атаки Ляо более крупными силами; иначе обе наши империи недолго останутся в мире» [Чжао Те-хань, 1962]. Это зловещее предупреждение не оказало, впрочем, на Сун должного впечатления [Thiele, 1971, стр. 287—289].

Сунцы «уклонялись от атаки» киданей почти демонстративно, и наконец сунское правительство попросило чжурчжэней взять Яньцзин. Чжурчжэни захватили город и передали его в 1123 г. Сун. За внешним успехом сунской дипломатии

скрывалось морально-политическое поражение Сун: суицы не только не сумели сами отвоевать свой город, но уплатили за него выкуп, обязались вносить ежегодные налоги с этих земель, открыть таможенный рынок, дать «клятвенное письмо», т. е. в сущности получали эти территории как бы в управление или в аренду.

В соответствии с церемониалом зависимости, понятие которой было связано с «клятвенным письмом», Суны в 1124 г. впервые поздравляли цзиньского императора с воцарением, а чжурчжэни в ответ — с Новым годом. В дальнейшем, пока поддерживались дипломатические отношения, китайцы аккуратно присылали послов с поздравлениями по случаю наступления Нового года, воцарения императора, его дня рождения, награждения его посмертным титулом. Фиксация таких посольств заполняет таблицы дипломатических сношений [ЦШ, цз. 60—62].

Но уже надвигались события, в которых дипломатии отводилось второе место. Сунов не удовлетворяла та доля, которую они получили в киданьском наследстве, и, понимая, что с укреплением Цзинь надежда на возврат всех северокитайских округов станет вовсе несбыточной, они интриговали всю, подстрекали киданей и своих же генералов к самостоятельным действиям, задерживали взносы за Яньцзин, не открывали таможенный рынок. Чжурчжэни чувствовали себя бессильными справиться с запутанными экономическими, этническими и политическими проблемами в своей новой империи и искали их решения вовне.

В конце 1125 — начале 1126 г. начались военные действия, оказавшиеся успешными для чжурчжэней. Уже через несколько месяцев чжурчжэни подошли к Кайфыну. В это время они не преследовали откровенно завоевательных целей и довольно легко согласились на мир. Китайцам пришлось согласиться в 1126 г. на предложение передать чжурчжэням три пограничных области — Тайюань, Чжуншань, Хэцзянь, отказаться от претензий на киданьское наследство к северу от Хуанхэ, признать старшинство цзиньского императора, выплатить контрибуцию в размере 4 млн. лянов золота, 50 млн. лянов серебра, 10 тыс. голов скота, 1 млн. кусков шелка и дать в заложники члена правящего дома в обеспечение безопасности уходящих чжурчжэньских войск при переправе на левый берег Хуанхэ. Договор не вступил в силу: контрибуция была выплачена едва на $\frac{1}{10}$, пограничные области не уступались, продолжались попытки китайцев заручиться помощью Си Ляо, переманить киданьских военачальников, например Елюя Юйду; война продолжалась.

В начале 1137 г. сунский Гао-цзун взял твердый курс на мирные переговоры. По договору 1138 г. Цзинь возвращала

Южной Сун территории провинций Шэньси и Хэнань (из бывших владений Ци), лежащие к югу от Хуанхэ, Вэй Хоу (мать Гао-цзуна) и прах Хуй-цзуна, а Южная Сун признавала себя вассалом Цзинь и выплачивала дань: 250 тыс. ляннов серебра и 250 тыс. штук шелка. Передача провинций состоялась в 1139 г., но летом обнаружилась измена ряда цзиньских вельмож, вдохновляемых Сун, и Цзинь расторгла договор.

После возобновления войны, в конце 1141 г., был заключен новый договор, ратифицированный в Цзинь в 1142 г. Согласно условиям этого договора: 1. Китайский император признавал себя вассалом Цзинь и получал инвеституру от чжурчжэней. 2. Южная Сун обязалась ежегодно выплачивать дань: 250 тыс. ляннов серебра и 250 тыс. штук шелка. 3. Южная Сун обязалась присылать поздравления и подарки в день рождения цзиньского императора и на Новый год. 4. Граница между обоими государствами устанавливалась: на востоке — по р. Хуайшуй, на западе — через проход Дасангуань. 5. Южная Сун передавала Цзинь Танчжоу и Дэнчжоу (пров. Хэнань) и половину округов Шанчжоу (в Шэньси) и Цинчжоу (в Ганьсу). 6. Цзинь передавала Южной Сун мать Гао-цзуна и останки Хуй-цзуна [Чжу Се, 1936].

При сравнении договоров 1138 и 1142 гг. видно, что ряд пунктов (1, 2, 6) остался без изменения, но введены важные новые пункты, отягчающие положение Южной Сун, особенно пункты 4—5, по которым уже не чжурчжэни уступали Южной Сун отдельные земли, а сунцы отдавали Цзинь огромную территорию [Тоуата, 1964, стр. 310—420]. Впервые, если не считать несостоявшегося перемирия 1126 г., сунцы официально признали новые официальные границы. Огромная территория между реками Хуанхэ и Янцзы, долго бывшая ареной непрекращающихся боев и взаимных притязаний, наконец получила мир, но оказалась разделенной пополам между двумя государствами.

Договор 1142 г. (шаосинский) имел огромный дипломатический и политический резонанс. Ляоские договоры уступали ему в этих отношениях. Сами китайские историографы впоследствии называли последние заключенными по «ляоскому образцу», т. е. с позиций равенства сторон. Договор 1142 г. формально закрепил вассальное положение южносунской династии и утрату последней всего Северного и Центрального Китая. Сразу резко возросло число посольств из соседних стран в Цзинь с поздравлениями. По некоторым сведениям, в 1142 или 1144 г. с «данью» прибыл посол от далекого уйгурского государства [Cochini, Seidel, 1968], и в том же году за инвеститурой для своих государей прибыли послы Южной Сун и Корё. В начале 40-х годов татары выдали мятежного монгольского вождя. Значительно возросла дипло-

матическая и военно-политическая активность Цзинь в Центральной Азии, Монголии, Корё.

С этого времени дипломатические отношения между Цзинь и Южной Сун становятся регулярными и более нормальными. В 1143 г. цзиньцы отпустили на родину сунских послов, задержанных ранее, но в 1144 и в 1146 гг. казнили двух сунских послов. Эти события последних лет царствования Си-цзуна временно нарушили нормальные дипломатические отношения. В 1149 г. сунский посол вернулся в Сун с полпути, узнав об убийстве Си-цзуна [Гуань Люй-цюань, 1964].

При Хай-лин-ване обмен посольствами сократился сначала из-за террора при дворе, позднее из-за военных приготовлений Цзинь. К концу 1159 г. относится любопытный случай нарушения государственной тайны цзиньским послом китайцем Ши И-шэном, сообщившим сунскому двору о внутреннем положении Цзинь; за это по возвращении в Цзинь его казнили.

После окончания недолгой войны 1161 г., весной 1162 г., в Цзинь прибыл сунский посол для участия в переговорах о мире. Цзинь требовала возврата земель, отторгнутых Сун в минувшей войне. Кроме того, осенью 1163 г. Цзинь потребовала передать ей четыре южносунских области в счет ежегодной дани. Последнее настояние в принципе Сун согласилась удовлетворить. Впрочем, переговоры то и дело прерывались военными действиями, которые, как правило, начинали Суны. И только в 1164—1165 гг., когда наметился решительный перевес сил чжурчжэней, сунский император окончательно решил заключить мир. С точки зрения международных отношений мир 1165 г. отличался от мира 1142 г. Последний был подписан с позиции силы и отражал полное поражение Сун. Настоящий договор лишь восстанавливал в общих чертах положение, зафиксированное в договоре 1142 г., но на базе взаимных уступок. Если китайцы возвращали цзиньские земли, захваченные в 1163—1164 гг., то цзиньцы смягчали условия сунского вассалитета, которые именовались «родственными»: Южная Сун должна была относиться к Цзинь как племянник к дяде — и снижалась ежегодная дань — до 200 тыс. лянов серебра и 200 тыс. штук шелка [Franke, 1970].

После этого наступил 40-летний период мирных и регулярных дипломатических отношений. В 1165 г. сунский император получил новую инвеституру, согласно положению договора, в 1171 г. цзиньский посол отвез инвеституру новому сунскому государю, в 1188 г. в страну прибыла из Южной Сун церемониальная утварь покойного Гао-цзуна, переходящая по наследству старшему родичу, т. е. Цзинь: «Из царства Сун прибыл посол с вещами, оставленными покойным государем. Среди вещей было 5 ваз яшмовых, 20 стеклянных и разные

луки и стрелы. [Ши-цзун] отказался их принять, предложив хранить их как национальную святыню в Китае» [ЦШ, цз. 8, стр. 70].

С середины 90-х годов XII в. чжурчжэни вынуждены уделять много внимания северо-западной границе, где активизировались монгольские племена. Хотя конфликты имели локальный характер, они отвлекали силы чжурчжэней на север. Воспользовавшись этой ситуацией, первый министр Хань То-чжоу начал в Южной Сун кампанию за возвращение силой оружия северных провинций, некогда принадлежащих этой династии.

В конце 1204 г. сунцы вторглись в пределы Цзинь. Выждав время, весной 1205 г. Цзинь отправила южносунскому императору предупреждение и создала специальный центр по борьбе с вторжением в Хэнань. Летом сунцы прислали заверения в лояльности, после чего указанный центр был распущен, но наступление их войск продолжалось. Тем не менее Цзинь прервала дипломатические отношения с Южной Сун только в середине 1206 г. Контрнаступление цзиньцев развивалось весьма успешно, и в конце 1207 г. Хань То-чжоу был смещен и казнен.

Вскоре начались мирные переговоры, которые завершились в 1208 г. подписанием мирного договора. По этому договору степень вассальной зависимости Южной Сун от Цзинь несколько усиливалась (южносунский император отныне именовался более дальним родственником Цзинь, чем прежде), а размер дани увеличивался. В ходе переговоров о мире между Цзинь и Южной Сун Чжан-цзун потребовал часть районов к югу от Хуайшуй и установления границы по Янцзы, признания вассальной зависимости, выражения «сыновней почтительности» к Цзинь, выдачи перебежчиков-чжурчжэней, присылки головы Хань То-чжоу и книг, увеличения прежней годовой дани на 50 тыс. лянов серебра и 50 тыс. кусков шелка (размер дани при Си-цзуне да еще 10 тыс. кусков шелка и 50 тыс. лянов серебра), выплаты контрибуции войску в 1 млн. лянов серебра. При заключении мира в Бяньцзине контрибуция составила 5 млн. лянов золота, 50 млн. лянов серебра, 1 млн. кусков шелка, 50 тыс. лошадей и волов, 1 тыс. мулов и 5 возов книг [Franke, 1970].

Три из этих пунктов, выдвинутых чжурчжэнями, интересны. Это идея персональной ответственности зачинщика войны, требование выдачи перебежчиков, враждебных Цзинь, и включение в контрибуцию книг.

Никогда прежде, даже после более сокрушительных поражений, нанесенных Сунам, Цзинь не требовала головы вражеского военачальника. В этой ситуации Хань То-чжоу благодаря его антицзиньской агитации рассматривался как единствен-

ный зачинщик войны. Цзинь потребовала и получила его голову спустя более чем год после его казни в Южной Сун.

Вопрос о перебежчиках в средневековой дальневосточной дипломатии стоял очень остро: достоинство государства, давшего им убежище, не позволяло механически возвращать их по первому требованию. В ряде случаев принимались соглашения о взаимной выдаче перебежчиков. С выходом чжурчженей на китайскую равнину текучесть населения здесь возросла. Целые группы то и дело пересекали границу. Многие, преследуемые Хай-лин-ваном, бежали в Южную Сун, за ними туда последовали некоторые кидани после подавления восстания, китайские сановники и помещики. Сунские бюрократы переезжали на север (или задерживались там во время посольских и иных поездок), сунские крестьяне часто переселялись в Хэнань. Обе стороны не предъявляли друг другу резких требований об их возврате.

Но в 1208 г. Цзинь потребовала возврата перебежчиков именно потому, что те принадлежали к чжурчжэням и вели в Южной Сун активную антицзиньскую агитацию, т. е. рассматривались как изменники. Существует интересный ответ сунского посла на это требование: «При государе Хай-лин-ване в наше государство переходили знаменитые фамилии и славные полководцы вашего высокого государства, о которых два двора при заключении мира постановили, чтобы таких перебежчиков ни одно государство не требовало обратно» [ЦШ, цз. 12, стр. 95].

Требование посылки значительного количества книг свидетельствует о государственном подходе к вопросам культуры и просвещения и о нехватке литературы в Цзинь.

Следующей заметной дипломатической акцией можно считать цзиньское требование в начале 1214 г. о выплате китайцами долга — дани за два года (Суны прекратили ее выплачивать вскоре после нападения Чингисхана на Цзинь). В середине года был получен ответ, равносильный отказу в выплате дани, и вслед за этим цзиньское посольство вторично сделало представление по этому вопросу. Представление осталось без ответа. Тогда Цзинь решила оружием подкрепить свои требования. Однако война не принесла ожидаемого результата, что уже выглядело как поражение. В 1218 г. Южная Сун официально отказалась платить дань, а в конце этого же года Цзинь отправила посла с мирными предложениями, но Южная Сун в 1219 г. не пропустила его на свою территорию: она в это время вела переговоры о союзе с Си Ся. Но даже в составе коалиции Южная Сун не добилась успеха и летом 1224 г. приняла новые мирные предложения Цзинь.

Для Южной Сун цзиньцы оставались опасным противником. Когда в 1231 г. Угэдэй попросил Южную Сун пропустить

его войска через сунскую территорию, чтобы напасть на Кайфын, китайцы ответили отказом. Однако от союза с Цзинь против монголов Южная Сун наотрез отказалась, несмотря на предостережение Цзинь: «Великая Юань уничтожила 40 стран, дошла до Си Ся. Си Ся пало, и она дошла до нас. Если мы падём, то она непременно достигнет Сун. Естественный закон: „Когда погибли губы, тогда мерзнут зубы“. Если вы с нами заключите союз, он будет [выгоден] и для нас и для вас» [ЦШ, цз. 18, стр. 131]. Традиционная дипломатия Южной Сун не шла дальше политики стороннего наблюдателя, даже если дело касалось судьбы прежних сунских земель. Впрочем, эта политика была не столько слепа, сколько вынужденна: военный потенциал Южной Сун был весьма невелик.

Только в 1233 г. монголы договорились с Сун о совместных действиях против Цзинь, за что Южной Сун была обещана Хэнань (разумеется, неуступленная), и небольшой сунский отряд участвовал в осаде Цайчжоу, где и нашла свой конец династия Цзинь.

Специфическим аспектом взаимоотношений между Цзинь и Южной Сун явилась борьба за деятелей культуры. Их не только приглашали на службу, но и захватывали в плен во время наступлений (особенно разителен пример с осадой Кайфына в 1126—1127 гг.), изымали из состава сунских посольств, наконец, обязывали Южную Сун выделять определенное число образованных людей по мирному договору. Так, при заключении мира в 1142 г. чжурчжэни потребовали, чтобы Южная Сун приказала вернуться на прежние должности ряду чиновников, бежавших на юг. Чжурчжэни также настоятельно просили Южную Сун командировать в Цзинь определенных лиц.

При оценке культурной роли чжурчжэньских связей с Сун полезно помнить следующее. В целом эти связи имели большое значение для Цзинь, но в разные периоды их роль оказывалась все же разной. В период Северной Сун эта династия была главным первоисточником всего китайского, с которым знакомились чжурчжэни. Однако по мере распространения их на центральную равнину, т. е. в 30—40-х годах XII в., все китайское начало восприниматься двумя путями: массовым, непосредственным — в северосунском варианте и выборочным, организованным — в танском. Южносунский «китаизм» имел сравнительно подсобное значение, в особенности в мирную пору, так как элементы «китаизма» были на севере в готовом виде.

История чжурчжэньской дипломатии — явление сложное. В догосударственный период дипломатические дела чжурчжэней отличались отсутствием четко выраженной политической

направленности, которая органически сочеталась с торговой и культурной. Круг таких отношений ограничивался Ляо, Корё и — в меньшей мере — Сун. Степень равноправности отношений тоже была неодинакова: до самого провозглашения государства связи с Ляо носили отчетливо выраженный вассальный характер; отношения с Корё считались вассальными лишь для части племен и во всех случаях выглядели более самостоятельными; поездки в Сун не являлись вассальными, а похожи были на наезды «гостей». Во всех трех направлениях до начала XII в. связи были односторонними: чжурчжэни неизменно направлялись в Ляо, Корё, Сун. При всех этих ограничениях дипломатия принадлежит почетное место в формировании чжурчжэньской культуры и государственности.

Провозглашение династии Цзинь сразу же придало чжурчжэньской дипломатии новый оттенок. Уже в начале XII в. чжурчжэньские дипломаты стали вести переговоры как равные с равными, ведя дела одновременно с несколькими государствами, и с результатами, затрагивавшими интересы всего чжурчжэньского народа. В победу над Ляо, а потом над Сун чжурчжэньские дипломаты сделали важный вклад, не только не допустив создания антицзиньской коалиции, но и сумев нейтрализовать Корё и — в антиляоской войне — привлечь на свою сторону Сун.

Со второй четверти XII в. цзиньская дипломатия заняла ведущее место в международных отношениях на Дальнем Востоке. Все без исключения соседи Цзинь становятся ее вассалами. Фактическая степень зависимости далеко не всегда совпадала с рангом вассалитета. Из государств у Корё оказался наиболее низкий ранг вассалитета, но она пользовалась абсолютной свободой во внутренних делах: Цзинь хотела иметь спокойный тыл. «Родственный» вассалитет Си Ся трудно не считать почти минимальным; отношения, по сути дела, развивались как равноправные и дружественные. Несколько иначе выглядел «родственный» вассалитет Южной Сун: для нее он сопровождался данью и территориальными уступками, но Южная Сун располагала свободой во всех внутренних делах.

Такой дифференцированный подход был разработан цзиньскими дипломатами сознательно: волей исторических судеб до начала XIII в. у чжурчжэней был один только настоящий враг — Южная Сун, не считая, разумеется, Ляо, уничтоженного в начале XII в. Только Южная Сун не могла отрешиться от мысли о реванше, поэтому вся цзиньская долгосрочная дипломатия нацелилась на нейтрализацию прочих соседей и высвобождение всех сил для противостояния Южной Сун. В этой, можно сказать, стратегической дипломатии обнаружился лишь один, зато роковой просчет: чжурчжэни прогляде-

ли монголов и не сумели ни нейтрализовать их, ни помириться с ними, ни найти союзника для борьбы с ними.

Справедливости ради надо сказать, что этот просчет нельзя объяснять простой близорукостью цзиньских правителей, так же как и политику сунских государей в конфликте между киданями и чжурчжэнями, чжурчжэнями и монголами. Дело не в том, что Цзинь не хватало твердости на решительные шаги: либо согласиться на мирные предложения монголов в 1215 г. и отказаться от Северного Китая, либо войти в подданство к монголам, либо попытаться создать антимонгольскую коалицию (или хотя бы поддержать одну из жертв Чингисхана, например тангутов в 1209 г.). Но подобные шаги не всегда в средние века приводили к успеху: слишком непрочны, личностны были межгосударственные связи. Ведь они — эти связи — были функцией государственности, тоже достаточно рыхлой. Эта рыхлость, разумеется, порождалась незрелостью экономической, социальной, этнической базы. Личностный, монархический характер власти порождал лишь иллюзию стабильности политического курса. Договоры рушились по самым незначительным причинам. Достаточно вспомнить события цзиньской истории: в 1125—1126 гг. внезапно разразилась война между Цзинь и ее вчерашним союзником — Сун, в 1161—1162 гг. такая же война закончилась, едва лишь был убит ее зачинщик Хай-лин-ван. Перемирия нарушались с еще большей легкостью, нежели договоры и союзы: всего лишь несколько месяцев просуществовали перемирия между китайцами и чжурчжэнями в 1126 г. и позднее — в 1138 г., между чжурчжэнями и монголами — в 1214 г. Естественно, что в средние века, и даже позднее, почти повсюду союзы казались ненадежными, идеалом считались гордая самоизоляция сюзерена, а в случае нападения на его соседа — нейтралитет (в расчете, что обе стороны ослабят друг друга).

Сюзерен мог быть уверен в относительной внутренней стабильности государства, в послушании подданных, но положение вовне уже было неконтролируемо. Поэтому так редки были совместные военные действия (если речь не идет о вассалах, во всем зависимых от сюзерена) и еще реже прочность таких коалиций. Отсюда выросла тенденция к прямому подавлению и поглощению родственных племен, каковые действия рассматривались как наиболее надежный залог прочности объединения. Наиболее яркий пример воплощения этой идеи — создание монгольского государства.

Тактическую дипломатию цзиньцы вели мастерски. Они проглотили корёский отказ признать цзиньский сюзеренитет, когда поняли, что корёсцы не станут помогать ни Ляо, ни Сун. Накануне войны с Сун они заключили в 1124 г. мирный договор с Си Ся, а, одержав первые победы над Сун, в том

же, 1126 г. навязали Корё вассальный договор. Создание буферных государств Чу и особенно Ци тоже было крупной дипломатической победой. В 1206 г. в разгар войны с Южной Сун дипломаты Цзинь переманили на свою сторону наместника Сычуани. Цзиньская дипломатия умело лавировала в гуще сложных интересов ряда стран, пока опиралась на мощь государства.

В подтверждение этой мысли можно предложить некоторые наблюдения над характером дипломатических акций между Цзинь, с одной стороны, и Сун, Си Ся, Корё — с другой (табл. 34). До 1124 г. обмен посольствами носил нерегулярный характер. Но после того как Си Ся в 1124 г., Корё в 1126 г., а Южная Сун в 1142 г. стали вассалами Цзинь, они аккуратно (не реже двух раз в год) отправляли посольства в Цзинь. Появление вассала при дворе сюзерена два раза в год считалось обязательным. Оно предусматривало поздравление с Новым годом и годовщиной воцарения (с днем «тиньцинцзе»). Непрерывная цепь посольств обрывается для Корё в 1211 г. (даже можно считать в 1209 г.), для Южной Сун — в 1217 г., а для Си Ся — в 1208 г., но Си Ся после военных пертурбаций в 1224 г. возобновило дипломатические сношения с Цзинь и оказалось последним государством, еще сохранявшим эти отношения с Цзиньской империей (до 1227 г.).

Интересно отметить, что до 1150 г. Цзинь послала к своим вассалам всего несколько посольств, но с приходом к власти Хай-лин-вана резко изменила эту практику и стала отправлять своих послов в три соседние страны с ответными «визитами вежливости». Ши-цзун следовал примеру своего предшественника, но с 1190 г. Чжан-цзун прекратил эти регулярные дипломатические миссии. В итоге по пятилетиям (и даже по годам) цифра появления в Цзинь посланцев Сун, Си Ся, Корё превышает число отправок цзиньских послов в эти страны. Можно отметить почти полное совпадение числа посольств, уехавших в Си Ся и в Корё, с одной стороны, и приехавших из этих же стран — с другой, а также тот факт, что число посольств, направляемых в Си Ся и Корё в 3,5 раза меньше числа посольств, прибывших из этих стран. Южная Сун послала в Цзинь несколько меньшее число посольств (она дольше воевала с этой империей), но соотношение посланных в Южную Сун и прибывших в Цзинь посольств выражено не так резко в пользу Цзинь (2 : 3).

Таким образом, в течение немногим более 100 лет (1124—1227) Цзинь удавалось сохранить лидирующее положение в дипломатических отношениях с отдельными странами, а на протяжении 66 лет (1142—1208) — с тремя крупнейшими державами континентальной Восточной Азии.

Дипломатические отношения между Цзинь и Сун, Си Ся, Корё *

Пятилетие	Дипломатические наезды						Всего		
	в Сун	из Сун	в Си Ся	из Си Ся	в Корё	из Корё	в страну	из страны	Итого
1116—1120	1	3			2	2	3	5	8
1121—1125	5	9	2	6	1		8	15	23
1126—1130		5		10	1	12	1	27	28
1131—1135				9	1	11	1	20	21
1136—1140		2		12		11		25	25
1141—1145	1	9		12		14	1	35	36
1146—1150	3	10	2	11	3	12	8	33	41
1151—1155	13	8	4	11	5	9	22	28	50
1156—1160	10	14	5	11	3	11	18	36	54
1161—1165	6	7	5	13	8	12	19	32	51
1166—1170	10	11	9	16	8	13	27	40	67
1171—1175	12	12	7	11	8	15	27	38	65
1176—1180	11	10	7	15	8	18	26	43	69
1181—1185	7	8	8	8	7	11	22	27	49
1186—1190	14	17	4	13	5	17	23	47	70
1191—1195	12	15	1	16		15	13	46	59
1196—1200	8	14		11		12	8	37	45
1201—1205	9	10		11	2	14	11	35	46
1206—1210	1	11	1	9	1	9	3	29	32
1211—1215	3	6	1	2		1	4	9	13
1216—1220	3	3	1			1	4	4	8
1221—1225			1	3			1	3	4
1226—1230			2	3			2	3	5
Всего. . .	129	184	60	213	63	220	252	617	869

* Составлено по: «Цзинь ши», цз. 60—62; подавляющее большинство дипломатических наездов — это посольства.

Выразительность ситуации подчеркивалась ее несовместимостью с китаеццентристской теорией взаимоотношений между Китаем и соседями, между кругом стран — носителей китайской, конфуцианской культуры (Корё, Си Ся, Ляо) и «варварами». Сама инициатива контакта, по этой теории, считалась присущей лишь Срединной империи, любые реальные разновидности контактов — дипломатические, военные, этнические, культурные — могли развиваться лишь по инициативе Китая и от Китая вовне в периоды и в формах, заранее разработанных и выбранных китайцами. Поэтому-то отсутствовало само понятие договора, предполагавшего наличие договаривающихся сторон, пусть неравноправных, но все же двух... Конечно, политическая реальность не раз опрокидывала подобное представление об оппозиции «китайцы — варвары». Но это случилось не слишком часто и усердно вытравлялось из памяти. Чжурчжэньские успехи в дипломатической сфере (для ки-

тайского традиционного мышления более важной, чем военная) прозвучали особенно оглушительно. В свете их даже унижительный договор Сун с Ляо в 1005 г. стал выставаться как некое достижение китайской дипломатии: ведь там соблюдались формальное равенство договаривающихся сторон и соответствующая фразеология.

Позднее китайские историки задним числом старались пересмотреть эту страницу в истории дипломатии Дальнего Востока, несмотря на то что ее существование подтверждено официальными же китайскими летописями, например «Сун ши». Минские авторы вопреки очевидности иногда отрицали тот факт, что окружающие Китай народы когда-либо вели самостоятельную политику, так как «могут существовать лишь дурные варвары» [Ferenczy, 1968, стр. 362].

Многие узловые вопросы пред истории и истории Цзинь еще не получили должного освещения: одни пока вообще не оказались в центре внимания исследователей, другие же нуждаются в пересмотре. Так, в некоторых научных кругах все еще распространены привычные, но устаревшие концепции общей и культурной истории чжурчжэней. Эти концепции отстаивают позднее образование чжурчжэньской народности — в X в. [An Outline History..., 1958, стр. 144; Latourette, 1957, стр. 228], чрезмерно архаизируют их культуру, хозяйство и общество в X—XI вв. [Очерки..., 1959, стр. 305; Люй Чжэнь-юй, 1951, стр. 53], называют чжурчжэней варварами [Tsien Po-tsan и др., 1958, стр. 67—69], а их возвышение относят за счет военной удачи [Cordier, 1920, стр. 140], крайне преувеличивают роль китайской культуры и этноса в расцвете и упадке чжурчжэньской государственности и культуры в XII—XIII вв. [Chan Hok-lam, 1967, стр. 126; Latourette, 1957, стр. 194], объясняют этот упадок главным образом разлагающим действием китайской ассимиляции на «варваров» [Тоуата, 1964, стр. 46—47], считают монгольское нашествие в середине XIII в. концом культурно-этнической истории чжурчжэней [Тао Jing-shen, 1967], а прошлое Маньчжурии, Приамурья и Приморья в XIV—XVI вв. лишенным культурного значения [Люй Чжэнь-юй, 1951, стр. 55].

Такие концепции связаны с неточной оценкой роли китайской цивилизации и этноса в формировании многих культур и народностей Дальнего Востока. Это обстоятельство является традиционным для науки ряда стран Дальнего Востока, в нем также повинны многие европейские ученые, часто отождествляющие китайскую культуру с дальневосточной. В результате, изучение культуры не китайских стран и наро-

дов кое-где ведется под углом зрения китайской цивилизации и этногенеза. Простое наличие китайских элементов в изучаемых культурах иногда служит поводом признать последние несамостоятельными, китаизированными. Этому немало способствуют отсутствие или бедность оригинальной литературы у ряда народностей Дальнего Востока и необходимость ограничиваться в основном старыми китайскими источниками, несвободными от тенденциозности. Все это приложимо и к истории изучения чжурчженей [Яо Цун-у, 1953].

Впрочем, некритический «китаецентризм», ничего общего не имеющий с установлением подлинного вклада великого китайского народа в историю цивилизации и мировую историю, развился в условиях применения недостаточно четкой и специфичной методики исследований. В огромном поле деятельности истории часто ограничиваются одним общим методом — общеисторическим или социально-экономическим, не выделяя внутри них и не привлекая со стороны, из области других наук, более тонких, специфичных — для исследования общего, перекрестного или для рассмотрения особых аспектов одного явления.

Вполне справедливы указания ряда крупных наших ученых на огромное значение культуры для понимания Истории с большой буквы: «Действительная история народов выражалась не только в развитии экономики и в политических событиях, но и во всем богатстве духовной и художественной деятельности человека» [Арзаканьян, 1961, стр. 61]. В этом, добавим, проявляется принцип единства историко-культурного процесса.

Крупнейший советский востоковед Н. И. Конрад понимает смысл науки истории как раскрытие поступательного развития человечества, открытие законов природы и способов их приложения, создание общественных форм, максимально целесообразных в каждом конкретном случае, формирование различных аспектов познания и удовлетворения материальных и духовных потребностей человека [Конрад, 1961].

Постоянное развитие общественного производства, несмотря на некоторое задерживающее влияние со стороны производственных отношений, возможно лишь благодаря непрерывному процессу трудовых взаимоотношений общества с природой [Пуляркин, 1968, стр. 76]. Длительное сосуществование оседлых и кочевых обществ, о которых пишет К. Маркс, стало возможным на Востоке именно благодаря природным условиям [Маркс и Энгельс, т. 28, стр. 214]. В немалой мере это может быть распространено и на экономику, роль которой в исторических процессах, даже на стадии первобытности, предстает огромной, если мы вспомним, например, о значении земледелия для развития общества

[Бахта, 1960]. Впрочем, значение земледелия для чжурчженей иногда вульгаризируется и расценивается как... залог их ассимиляции китайцами-землепашцами [Tao Jing-shen, 1968, стр. 186].

Учение о хозяйственно-культурных типах, разработанное советскими этнографами, рассматривает всю проблему в рамках полноправного участия экономики, истории культуры, географии. Модели или типы этой концепции своим происхождением и метаморфозами обязаны как стадиям развития экономики (присваивающей, мотыжно-земледельческой и скотоводческой, плужно-земледельческой группам), так и ландшафтно-климатическим зонам, определяющее влияние которых допускается не только для первой хозяйственной стадии, но и для последующих. Все эти типы послужили базой для создания комплексов культурных признаков. Сами типы не статичны, они увязываются с поступательным ходом истории [Левин, Чебоксаров, 1955]. К интересующим нас времени и району отнесен один тип — № 17 III группы [Линь Яо-хуа, Чебоксаров, 1961, рис. 1]. Это тип плужных земледельцев лесостепей и лесов умеренного пояса. Образование этого типа отнесено к первым векам нашей эры. Он сложился, как утверждается, под влиянием прежде всего типа № 14 из III группы — пашенных земледельцев засушливой зоны умеренного пояса (северокитайского), а также типов № 10 из II группы — лесных мотыжных земледельцев умеренного пояса (маньчжурского) и № 11 из II группы — кочевников-скотоводов засушливой зоны умеренного пояса (монгольского). Любая схема по идее своей условна, а предложенная — продуктивна. Естественно, что реальная хозяйственно-культурная характеристика чжурчженской Маньчжурии заметно отличается от только что описанной. Хозяйственные уклады были куда более разнообразны и, главное, своеобразны. Это своеобразие, прекрасно прослеженное в работах В. С. Старикова [Стариков, 1969, 1966], в этой схеме до некоторой степени приносится в жертву идее «хозяйственного и культурного „единства во многообразии“ всех народов КНР» в настоящее время.

Роль географических факторов подвергается переоценке не только при изучении хозяйства и культуры, но и при рассмотрении территориального расширения государства (в частности, империи Цзинь). С этой точки зрения оно прошло три этапа: маньчжурский, северокитайский застенный, центральнокитайский. Каждая из этих зон своеобразна в географическом и климатическом отношении. Это своеобразие сказалось на развитии чжурчженской культуры и общества и косвенно на условиях расширения государства — все эти процессы происходили в указанные три этапа. Смена клима-

тических зон ощутимо влияла на конкретные действия чжурчжэней, связанные с этим расширением. Летняя жара и вызванные ею болезни сыграли свою роль в серии военных и политических причин, которые не раз заставляли чжурчжэней отступать: на 2-м этапе в 1123 г. Агуда оставил Яньцзин, на 3-м этапе в 1126 г. — Кайфын, в 1129 и 1161 гг. чжурчжэни повернули обратно после переправы через Янцзыцзян [Яо Цун-у, 1959].

Отчасти в связи с этим направлением широкое распространение получила концепция «североазиатского мира», которая признает специфические пути исторического развития этого ареала [Тамига, 1956, 1956а]. По этой теории в рамки «североазиатского мира» попадают Восточный Туркестан (Джунгария), Монголия и Маньчжурия. Этот мир, однако, считается лишь частью восточноазиатского ареала, центральное место в котором отводится Китаю. Локальный характер североазиатской зоны определен не столько ландшафтно-географическим единством, реально несуществующим, сколько отнесенностью к собственному, особому культурному кругу. «Исторический» период этого круга начинается с хунской державы, проходит через стадии держав сяньби, жоужуаней, тюрков, уйгуров и на этом завершает древний цикл — цикл держав кочевников (II в. до н. э. — IX в. н. э.). Второй цикл — средневековый — составляет последовательный ряд государств (или династий)-завоевателей — Ляо, Цзинь, Юань, Цин (X — начало XX в.). Циклы более тесно увязаны с ландшафтными зонами. Первый цикл увязывается с засушливой зоной и с кочевым скотоводством, второй — с таежной зоной, с охотой и рыболовством. На юге обеим зонам противопоставлены равнины с исконным земледелием. Это противостояние распространяется на культуру и общество. Оставляя в стороне характеристику кочевых держав, не представляющую здесь интереса, остановимся на типичных, по мнению автора этой концепции, чертах государств-завоевателей. Государства этого типа развивались в непосредственной близости от Китая: на р. Ширамурен — Ляо, на р. Сунгари — Цзинь, в зоне степей и полупустынь за Великой китайской стеной — Юань, на р. Хунхэ — Цин. Эти государства созданы как монгольскими (Ляо, Юань), так и тунгусскими племенами (Цзинь, Цин). Первые были связаны с кочевым скотоводством, последние — с охотничьим и полужемледельческим хозяйством. Вторгаясь в пределы Китая и Кореи, эти народы уводили к себе земледельцев или сами становились земледельцами, создавая скотоводческо-земледельческие образования, которые в это время получали основные признаки «североазиатского мира». Развитие земледелия способствовало усилению этих образований, но внутри их происходило

классовое расслоение, которое со временем привело к войнам. Эти войны велись ради захвата земель и подданных и завершались формированием государств-завоевателей. В ходе завоеваний господствующий слой завоевателей переселялся в Китай, обосновывался в китайской столице, перенимал китайскую государственную систему. Только Ляо оставило свой центр в Северной Азии, прочие династии создали империи, включившие в свой состав земли, относящиеся к сферам обоих этих миров. В результате происходило смешение кочевническо-скотоводческого общества народов Северной Азии и земледельческого общества покоренных китайцев. Государственная экономика строилась на хозяйстве завоеванных. В результате социально-экономической пестроты государства политическая система новых династий оказывалась дуалистической (одна для завоевателей и другая для завоеванных). В этих обществах племенная структура их разлагалась и перерождалась в общину, основанную на феодальных отношениях (система мэнъянь и моукэ у чжурчжэней). В результате длительных связей с Китаем и последующего непосредственного общения с китайской культурой национальное самосознание народов-завоевателей постепенно развивалось и являло свое высшее выражение в собственной письменности.

Эта концепция привлекательна своей стройностью: два цикла, соответствующие древности и средневековью — общепризнанным временным категориям с четырьмя державами — государствами-династиями в каждом, охватывают почти весь известный исторический период. Но стройность эта искусственная: государств было больше в этом ареале, грань между древностью и средневековьем принято проводить по иному рубежу, классификация перечисленных государств по роду хозяйства условна. Чрезвычайно тенденциозно центральное положение о государствах, по преимуществу завоевателях. В прошлом почти нет государств-незавоевателей, а из перечисленных Тамура четырех лишь династия Юань в полной степени удовлетворяла этому условию. Все четыре государства-завоеватели выделены в эту рубрику постольку, поскольку они наиболее эффективно воевали с Китаем. Завоевание других стран и народов во внимание не принимается, не говоря уже о завоевательном характере самой китайской империи.

Концепция признает наличие особого исторического мира (без упора на его исключительность), хотя лишь намекает на социально-экономические и географические истоки этой специфики, подмечает некоторые общие особенности его развития, утверждает тезис о росте этнического самосознания в результате знакомства с китайской культурой — все это выигрышные стороны этой теории. Признавая культурную

специфику «североазиатского мира», автор концепции тем не менее отводит китайскому влиянию решающую роль стимула и регулятора развития. Поэтому признание тесных государственных, культурных и военных взаимосвязей между этими двумя мирами, реально существовавших, оборачивается утверждением (несколько неожиданным), что история «североазиатского мира» — часть истории Китая.

Все рассмотренные варианты исторических исследований (касающиеся и чжурчжэней), привлекающих данные наук иной категории (истории культуры, географии, экономики), но тоже достаточно традиционных, скорее расширяют рамки истории, наполняя ее новым содержанием, чем раскрывают механизм социальных и исторических процессов. Многие авторы, например, отмечают, что экономический фактор на определенном уровне экономического развития докапиталистического общества определяет возникновение цивилизации и государства, но дальнейшее их развитие зависит и от других факторов — социальных, политических, идеологических, которые в известных случаях могут действовать в направлении, не совпадающем с некоторыми экономическими тенденциями, например, традиция конфуцианской инертности [Салтыков, 1972].

О недостаточности собственно исторических методов для целостного охвата исторической действительности и о необходимости изучения специфических исторических закономерностей говорят и другие исследователи [Федосеев, Францев, 1964]. Историческая действительность, в частности, складывается из двух комплексов — социальной структуры и культуры, связь между которыми осуществляется через человеческую личность. Но последняя в ранних обществах тесно слита с коллективом, т. е. с социальной структурой, и с семьей. Все это предопределяет ее место в обществе, ее жизненный путь и закрепляется подчиненностью стандарту, ритуалу (церемониям, морали, обычному праву). Последние, в свою очередь, выступают как средства закрепления этнической гомогенности [Гуревич, 1968]. Сам древний коллектив, община, обладает разной характеристикой: государственной, экономической, социальной (семейной). Общине и некоторым другим ячейкам присущи абсолютизированные идеологические, этнические, обрядовые формы, подлежащие изучению социопсихологов и этнологов [Гуревич, 1964].

Занимаясь древней и средневековой историей тунгусо-маньчжуров, мы столкнулись с целым циклом проблем, тесно связанных с этническими отношениями. Мы не могли не обратить внимания на то, что средствами одной только политической и социально-экономической истории не всегда удается объяснить неожиданное, казалось бы, возвышение некоторых

племен, находившихся в относительно худших условиях, чем их соседи: истоки тех сил, которые позволили доселе неведомым племенам (киданям, чжурчжэням, монголам) наносить сокрушительные поражения китайской империи, могущественной в социально-экономическом и военно-политическом отношении, создавать обширные многонациональные государства, существовавшие долгие десятилетия или столетия. Столь же непонятен внезапный крах этих государств, полное и быстрое исчезновение с исторической арены одних (кидани) и новое возрождение спустя столетия других народностей (чжурчжэни-маньчжуры, монголы).

Всемирная история может предложить более яркие и общеизвестные примеры возникновения и исчезновения таких народов и государств, примеры, не всегда достаточно исчерпывающе объясняемые средствами, находящимися на вооружении у общей истории. До конца ли понятны с этих позиций причины краха Римской империи, могучей и в своем упадке, под натиском сравнительно немногочисленных и пестрых по составу племен¹ или истоки таинственной силы гуннов, арабов, монголов — великих завоевателей и создателей империй?

Примечательно, что в подобных случаях мы всегда имеем дело с двумя действующими лицами — с победителем, находящимся в расцвете этнической истории (для средневековья — обычно на этапе формирования народности), и с побежденным, чей этнос пребывает в состоянии застоя или кризиса. Нетрудно заметить, что в условиях бурного этнического развития — формирования народностей и активизации их деятельности — многие социальные, экономические и политические факторы и события переплетаются с процессами этническими и как бы «затемняются» ими. В периоды же «спокойной» трансформации сложившегося этноса, например средневекового китайского, социально-экономические факторы отчетливо выступают на передний план, а этнические ощущаются в известной мере как подспудные.

Попытаемся проследить основные моменты этнической истории чжурчжэней, которые, как нам кажется, могут разъяснить многие неясные стороны их исторического и культурного развития [Воробьев, 1967а; Широкогоров, 1923].

---

¹ Именно этот пример приводит А. Я. Гуревич для иллюстрации многоплановости истории и обоснования необходимости столь же многоплановых исследований, выходящих за пределы общеполитических [Гуревич, 1969]. Нелишним будет напоминание о том, что этническая проблема — часть общей проблемы народонаселения — выступает в качестве первой проблемы, стоящей перед исследователем страны в политико-экономическом отношении [Маркс и Энгельс, т. 12, стр. 726].

Обратимся сначала к происхождению чжурчжэней. По традиционной китайской версии, сушэни, илоу, уцзи, мохэ, чжурчжэни, маньчжуры составляют последовательный ряд народностей, связанных общностью происхождения. Как ни странно, эта версия, оформившаяся в Китае в XVIII в., в целом не противоречит нашим современным представлениям [«Народы Восточной Азии», 1965, стр. 672—673]. Само название чжурчжэни (кит. нюйчжи, нюйчжэнь) впервые появляется в «Новой хронике пяти династий» («Синь у дай ши») — в начале X в., но Ма Дуань-линь считает первой датой их появления в Китае период правления под девизом Кай-хуан (581—600) династии Суй. Это, пожалуй, одно из ранних упоминаний этнического самоназвания чжурчжэней, если не иметь в виду существующей в науке теории о тождественности этнонимов сушэнь и нюйчжэнь [Залкинд, 1948, стр. 53]. Независимо от последней теории, уводящей происхождение чжурчжэней во II—I тысячелетия до н. э., непосредственные предки чжурчжэней, точнее — основной этнический компонент этой народности устанавливается с достаточной определенностью. Это — народность мохэ, разные племена которой (хэйшуй мохэ, сумо мохэ) участвовали в образовании чжурчжэньского этноса. Китайские источники тех лет почти не делают различия между чжурчжэнями и мохэ. Это только подтверждает культурную и этническую связь чжурчжэней с племенами мохэ и с родичами последних — с сумо, бохайцами. Корейские источники позволяют уточнить время выделения собственно чжурчжэньского этнического компонента. Посвящение этажей пагоды Хваннюса (553—566) различает две самостоятельные народности — мохэ и чжурчжэни, которые перечислены наряду с такими большими народами, как китайцы и японцы, и с другими, о которых, кроме названия, нам ничего не известно.

Рубеж VI—VII вв., по-видимому, можно считать начальным периодом формирования чжурчжэней как самостоятельного этноса. Однако сперва процесс этого формирования, начавшись поздно, протекал весьма медленно. Причины этого недостаточно ясны. С известной долей вероятности можно утверждать, что решающую роль в замедленном развитии этноса и общества в этих местах сыграли неблагоприятные географические условия: сильно пересеченный рельеф, сопки, покрытые дремучим лесом, тесные и редкие долины, заросшие густым кустарником, не давали людям возможности объединиться в крупные коллективы и сообща бороться с природой. Как и у северных, сибирских их родичей, у южных тунгусов в качестве защитной реакции выработалась стойкость первичных общественных и этнических организаций [Шунков, 1969]. Первые основывались на комплексном по характеру хозяйстве

с низким уровнем производственной культуры и примитивными, почти не совершенствующимися орудиями труда, вторые — на мелких ячейках единокровных, чьи этнические силы целиком поглощались борьбой за существование. Кроме того, другие народности на этой территории обладали большей мощностью и, создав свои государственные образования (корейцы — династию Силла, сумо мохэ — государство Бохай, кидани — империю Ляо), замедлили естественное развитие чжурчжэньского этноса, поглотив некоторые группы родственного чжурчжэням населения. Некоторые специфичные процессы, как мы знаем, вообще способствовали замедленному темпу социальных и этнических преобразований «восточных» обществ. Тенденция развития производительных сил на старой производственной основе обуславливается относительной свободой расширения территории; сравнительно небольшой объем необходимого продукта обеспечивает экономическую устойчивость общины; полуседлое скотоводство стимулирует население не к разделению труда, а к обмену с соседями-земледельцами, которые выступают в роли эксплуатируемых коллективов, — все это явления, относимые к категории причин отставания Востока. В какой-то степени они свойственны и южно-тунгусским народностям. Во всяком случае, сходные процессы действовали до переломов в экономической и этнической истории чжурчжэней (в первом случае перелом связан с развитием земледелия, во втором — со сложением ядра этноса).

Обстановка изменилась в пользу чжурчжэней лишь позднее. В 926 г. под ударами киданей пал Бохай, в 935 г. рухнула Силла, и новая династия Корё (с 918 г.) некоторое время не интересовалась делами Маньчжурии. Правда, в 907 г. возникла империя Ляо, но к этому времени чжурчжэни стали главным культурно-этническим компонентом Восточной Маньчжурии, Приморья и Приамурья, причем часть их размещалась на землях Ляо (мирные чжурчжэни), а часть — в Северо-Восточной Маньчжурии, Приморье и Корё (немирные чжурчжэни). Род ваньянь — будущий «царский» род и ядро народности чжурчжэней — принадлежал к поколению сумо и переселился в Маньчжурию из Корё. Восточные роды немирных чжурчжэней уже тогда отличались самобытностью и независимостью. Окончательную победу чжурчжэньского этнического начала над этносом мохэ следует отнести к первой половине XI в. В это время в корёской летописи «Корё са» последний раз упоминается о прибытии посольств чжурчжэньских мохэ и просто мохэ [КС, цз. 5].

Процесс формирования народности чжурчжэней не ограничился поглощением их ближайших родичей — мохэ. Чжурчжэни получили богатое наследство от сумо — основателей государства Бохай, тели, находившихся на стадии образования

общеплеменного союза, вэймо — бывших данников Бохая, а главное — от самого Бохая.

Первые шаги этнической истории чжурчжэней были облегчены не только их тесным родством с мохэ, могущественными в Маньчжурии, но и характером их хозяйственного уклада. Как и мохэ, древние чжурчжэни были охотниками, а парцеллярный характер североманьчжурской тайги позволял только что народившимся и еще слабым этническим группам довольно долго (и медленнее) развиваться в спасительной изоляции на своих охотничьих участках, зажатых сетью рек и протоков. И даже позднее, когда основная масса чжурчжэней перешла к скотоводству, эти же особенности рельефа и несовпадение их занятий с хозяйственными укладами соседних племен позволяли им вести совместное существование на одной и той же территории Маньчжурии [Широкогоров, 1923, стр. 57, 100].

Однако это положение не могло длиться вечно. Первоначально благоприятные условия существования народности чжурчжэней привели к росту населения и к изменениям в хозяйстве. Чжурчжэням потребовались новые земли, и уже не леса с редкими долинами, а пастбища для коней и равнины для пахоты. Приамурье представляло собой дремучую тайгу, области на западе и юге были пока недоступны чжурчжэням, так как принадлежали Ляо, которое само стремилось завладеть чжурчжэньскими землями. Оставался восток, но на востоке находилось Корё, северные пределы которого тогда были слабо заселены корёсцами, а отношение к чжурчжэням было двойственным: Корё не без основания опасалось чрезмерно близкого соседства с чжурчжэнями, но было не прочь поддерживать с ними покровительственно-дружелюбные отношения взамен признания своей верховной власти и взноса «дани-подарков». То и другое для чжурчжэней тогда не представляло проблемы, ибо — и это нужно твердо помнить — символика государственных отношений в глазах народов догосударственной поры имеет иное значение. Поэтому и положение «данника» вначале было приемлемо для чжурчжэньского самосознания. Началось активное освоение северокорейских пограничных территорий чжурчжэнями. «Корё са» переполнена сообщениями о самовольных переселениях чжурчжэней на корёские земли, просьбами о принятии чжурчжэней «в подданство» и о наделении их землей. Общение с корёсцами помогло чжурчжэням повысить свою культуру: улучшить породу коней, перейти к плужному земледелию и пахоте на волах, укрепить некоторые отрасли ремесла (железоделательное) и т. д. Но оно было недостаточно для полного перехода к интенсивному хозяйству и лишь толкало чжурчжэней к более активному расширению хозяйств экстенсивного типа, т. е. к

дальнейшему расширению территории [ср. Lattimore, 1962, стр. 152—153].

«Цзинь ши» и другие источники, составленные монголами и китайцами после падения династии Цзинь, чрезмерно архайзируют образ жизни чжурчжэней в X—XI вв. Основную роль в экономике чжурчжэней уже в то время играло скотоводство, а в конце XI в. и земледелие. На развитие скотоводства указывает выплата скотом пени, приданого, калыма, дани. Многоплановое хозяйство было характерно для чжурчжэней в целом, но племена проживавшие по берегам рек, занимались рыбной ловлей, обитатели прибрежных и горных долин — скотоводством и коневодством, население лесных массивов — охотой, жители южных равнин — земледелием. В соответствии с видом хозяйства отдельные роды вели жизнь полукочевую (скотоводы и охотники) или оседлую (рыболовы и земледельцы). Решающим экономическим фактором, создавшим чжурчжэням необходимую материальную базу, стало простое товарное земледелие. Земледелие мотыжного типа появлялось у ряда маньчжурских племен не раз и до этого, но, похоже, не превращалось в товарное (если не считать Бо-хая) — отчасти в связи с наступающим упадком этнических групп земледельцев и с пресечением традиции. Для его усовершенствования чжурчжэни использовали волов, ходящих в ярме (их разводили корёсцы и кидани), железные плуги, северные холодоустойчивые сорта злаков (их выращивали бо-хайцы и корёсцы), кроме того, начали возделывать речные долины — сначала свои небольшие, потом более обширные в Хамхыне и южноманьчжурские.

На базе скотоводства и земледелия возникли некоторые ремесла, в том числе специализированные, и меновая торговля. Последняя сопровождалась поддержанием торговых путей (сухопутных и морских) и выделением племен-посредников (ужэ, «30 родов»).

В X—XI вв. чжурчжэни прошли путь от обитания в кибитках, землянках и шалашах до строительства поселков с постоянными наземными жилищами с канами, до возведения городищ, дворцовых строений простого типа в постоянной ставке племенного вождя (в Шанцзине). Культура чжурчжэней в этот период была в целом самобытной. Одежда, личные украшения, обстановка, утварь отличались неповторимым своеобразием. Хотя верхушка общества ознакомилась с иноземной письменностью и буддизмом, духовная культура, обычаи и религия чжурчжэньской народности этими новшествами в то время оказались мало затронуты. У чжурчжэней сложилось столь сложное явление, как шаманизм, главное действующее лицо в котором — шаман нес многосторонние общественные обязанности жреца и волхва, врача и знахаря.

В середине XI в. чжурчжэни вступили на стадию военной демократии, создали общеплеменной союз, а на рубеже XII в. перешли на стадию формирования «варварского государства».

Общество покоилось на домово́й или, как ее называет Н. А. Бутинов, гетерогенной общине, для которой характерно межобщинное разделение труда, выделение ремесла, большая семья с агнатным правом наследования, выразившимся у чжурчжэней в наследовании от брата к брату, т. е. в сущности почти исключительно внутриобщинное развитие, результаты которого принимали прежние формы [Бутинов, 1968, стр. 155]. В обществе господствовало обычное право, в котором проступки против собственности бледнели перед преступлениями против личности (разумеется, не индивида, а члена рода) и широко распространенным наказанием являлась пеня. Патриархальная семья признавала относительную личную свободу при заключении брака — с учетом отцовского права, левирата и (в знатных семьях) института наложничества.

Регулярных налогов не знали. Общественные доходы состояли из разовых сборов, дани, трофеев, подарков иноземных государей и вождей. Положение изменилось только в конце периода. Постоянной армии тоже не существовало, но все общины отличались военизированным характером. В военное время из них формировались пятки, десятки, сотни, связанные не только жесткой дисциплиной в бою, но и правом участвовать в обсуждении плана кампании и в разделе трофеев. Вожди формировали свои родовые дружины из латников.

Сочетание ряда благоприятных условий выдвинуло род ваньянь на роль гегемона в консолидации чжурчжэньских племен. Это — и относительно спокойное и удобное местоположение (на «соколиной дороге», вблизи от таможенного рынка в Нинцзянчжоу), и наличие золотых россыпей и пашен в долинах, и удачные дипломатические связи с корёскими королями, и расчетливая служба киданьским императорам. По преданию, Шилу ввел законы, обязательные для всех племен, Угунай заложил основы армии, Хэлибо объединил многие немирные чжурчжэньские роды. Но это же подводило их к военному конфликту, без которого немислимо было дальнейшее развитие. Из двух возможных направлений развития конфликта чжурчжэни вполне закономерно выбрали западный, ляоский вариант. Киданьская империя находилась в состоянии упадка, и победа над нею, облегченная поддержкой Сун, сулила доступ к необозримым степным просторам и воссоединение с «мирными» сородичами. После того как немирные чжурчжэни были объединены Ингэ и Агудой, встал вопрос об освобождении «покоренных» сородичей, входивших в состав империи Ляо, и о создании государственного объединения. Первых успехов — формального отделения и провозглашения в 1115 г.

государства — чжурчжэни добились с относительно небольшими силами в несколько тысяч человек. Эти политические события знаменовали собой наступление важных социальных изменений: складывается сельская община с моногамной семьей и отцовским правом, эта община приобретает специфически военные формы и служит военным целям, выделяется родовая аристократия, претендующая на власть, но рядовые свободные общинники еще составляют основу производства [Кычанов, 1968а]. На рубеже XII в. эти процессы привели к образованию «варварского» государства, которому присуще сосуществование трех укладов: первобытнообщинного, рабовладельческого, раннефеодального, причем последний обладал наиболее заметной тенденцией к росту [Юшков, 1947]. Смешанный характер государственной структуры обусловлен теми же замедленными темпами роста, о которых говорилось выше, сочетавшимися с внешними стимулами. Эта структура во многом напоминает так называемую дофеодальную [Неусыхин, 1968]². Предпочтительный рост раннефеодального, а не рабовладельческого уклада, как видно, диктовался отсутствием достаточного внешнего источника пополнения контингента рабов и сравнительно высоким необходимым продуктом производителей, обусловленным сложными географическими и хозяйственными условиями и, в свою очередь, делавшим невыгодным и обременительным содержание рабов [Колесникий, 1966].

Полное уничтожение империи Ляо было достигнуто лишь к 1125 г. В некоторых китайских работах война между Цзинь и Ляо изображается как широкое антифеодальное и национальное, даже классовое движение широких масс чжурчжэней против киданьских феодалов [Гу Вэнь-би, 1964]. Такая характеристика грешит многими преувеличениями и неточностями. Безусловно, этой войне, во всяком случае в начале, были присущи национально-освободительный характер и известные черты протеста общества, еще во многом патриархального, против форм гнета со стороны сложившегося феодального государства Ляо. Однако угнетение киданьским государством немирных чжурчжэней далеко не было всесторонним: последние сохраняли почти полную свободу во внутренних делах. Вели борьбу с Ляо не непосредственно народные массы, а молодое воинственное государство, тоже принимающее феодальный облик. Классовые интересы чжурчжэньского народа в этой войне учитывались меньше всего.

---

² Мы здесь не вмешиваемся в спор между сторонниками этих (и многих других) определений изучаемого явления, так как каждое из них чем-то выигрышно, не исчерпывая, а лишь по иному классифицирует одно и то же явление.

Приведенная китайская формулировка не подводит нас и к пониманию причин перерастания войны антикиданьской в антисунскую. Вырвавшись на государственное поприще, новое образование сразу ощутило кризисные явления: натуральное несбалансированное хозяйство, настороженно-недоброжелательное отношение соседей, слабый управленческий аппарат, молодое этническое сообщество. Выход из этого кризиса недавний победитель видел в новой войне, т. е. в той сфере деятельности, в которой чжурчжэни почувствовали себя уверенно.

Итак, война с киданями переросла в войну с сунцами. Успехи чжурчжэней в ней были столь же быстрыми, сколь и грандиозными. В 1126 г. чжурчжэни захватили Кайфын, китайских императоров и их семьи, получили огромную контрибуцию. Продолжение войны позволило чжурчжэням развить свои успехи и захватить весь Северный Китай (к 1142 г.). В средние века ведение войны, в сущности, не регламентировалось никакими соглашениями. Китайский источник рисует мрачную картину бедствий войны, акцентируя внимание на действиях чжурчжэней. В 1130 г. «Ваньянь Няньхань тайно разослал указ по всем губерниям. Приказал в один день провести массовую облаву среди населения Хэцзяня. В один день закрыли округа и уезды по северной границе и схватили путешествующих по дорогам. Это длилось три дня. Всех переселенцев непременно записывали за казной, накалывали им на ухе знак „казенный“, заковывали в цепи в Юньчжуне; также роздали на прокормление и содержание в частные руки [в народ]; установили им продажную цену; или изгнали их в уйгурские земли, выменяв на коней, а также продали их мэнгуцзы [монголам], дилецы, шивэй, в Корё. Когда же поставили Лю Юя [династии Ци], сделали границей р. Цзюхэ [северное русло р. Хуанхэ]. Боялись, что северные подданные убегут обратно на родину. Уезд Яошоу заполучил 68 переселенцев, а ложно показал 608 человек. Няньхань потребовал показанное число. Начальник уезда хватал бедняков, чтобы восполнить [недостачу]. Схваченным и отправленным в Юньчжун не разрешали покидать города, и они не могли прокормиться. Уважаемые люди ездили просить накормить их. Няньхань опасался множества бедняков. Боялся, что возникнет неприятное дело, объявил о раздаче хлеба от своего имени. Когда 3000 человек вышло из города, повелел латникам закопать их во рву» [ДЦГЧ, цз. 6, стр. 83—84]. И тем не менее в момент вторжения в Сун, т. е. в первой четверти XII в., чжурчжэни уже не были «варварами», не могущими воспользоваться завоеванным и уничтожавшими все на своем пути. В 1126—1127 гг. в Кайфыне они захватили, отобрали и вывезли сутры, книги по философии, этике, астрономические и музыкальные

инструменты, церемониальную и религиозную утварь, врачей, аптекарей, астрономов, гадателей, конфуцианских ученых, преподавателей, художников, ювелиров, ткачей, резчиков, кузнецов, корабельщиков, танцоров, певиц и др. Выбор трофеев свидетельствует о том, что завоеватели были достаточно подготовлены для использования высоких материальных, культурных и людских ценностей.

Каковы же причины столь быстрого краха империи Ляо под ударами чжурчжэней, а также ошеломляющих поражений сунской династии, потерявшей половину Китая?

Консолидация племен, развитие хозяйства и государственное строительство у чжурчжэней противостояли межплеменной борьбе в киданьском государстве, кризису в сунской экономике, упадку государственной мощи Ляо и Сун. Но максимальные показатели первых не шли ни в какое сравнение даже с минимальными показателями последних в смысле их влияния на общий потенциал народа или страны и, следовательно, сами по себе не могли столь резко изменить на долгий срок баланс двух противостоящих сил. Все эти факторы были бы для чжурчжэней бесполезны, если бы они не обладали сначала мощным общеплеменным союзом, а потом «варварским» государством, покоившимся на военизированной сельской общине из представителей сложившейся народности³.

Сами же чжурчжэни состояли в то время лишь из соплеменников, близких по крови, языку, религии и культуре. Это обеспечивало монолитность чисто этнической основы народности, единство культурных навыков, несомненно относительно неразвитых, но зато самобытных и всеобщих, т. е. единство самосознания. Только что выкристаллизовавшаяся государственность и ее атрибуты формировались в обстановке острой борьбы с киданями и в племенном самосознании представлялись аппаратом, чье действие направлено прежде всего вовне, против общеэтнических врагов. Ранние формы этой государственности (мэнъянь и моукэ) подчеркивали всеобщее равенство всех членов этнического сообщества. Наконец, рост населения (естественный и за счет присоединившихся сородичей) и относительно неразвитые формы хозяйства и обмена (при жесткой торговой практике Ляо и Сун) способствовали политике перманентного территориального расширения и насильственного захвата отсутствующей у чжурчжэней продукции. Причем в этническом самосознании крепко засела мысль, что весь народ в целом заинтересован в этом и должен добиться своей цели любой ценой. Это чувствуется в речи Агуды к войску в 1114 г.: «Отличившиеся,

---

³ Для сравнения полезно напомнить, что аналогичная ситуация через 500 лет привела маньчжур к победе над китайцами.

если они рабы, станут свободными; если они простолюдины — чиновниками, а если они уже имеют чин — получают повышение», в энтузиазме войска и в «благоприятном знаменнии», которые последовали за речью [ЦШ, цз. 2, стр. 22].

Полное выяснение причин прочных побед чжурчжэней над Сун, разумеется, включает в себя анализ истоков поражений Сун, а это особая тема [см., например, Гу Вэнь-би, 1964]. И те несколько страниц, которые мы ей здесь посвящаем, предназначены лишь для того, чтобы указать на возможные направления в изучении этой темы, могущие, по нашему мнению, оказаться перспективными, и, естественно, дополнить новыми соображениями все ту же версию о причинах побед чжурчжэньского оружия. И в этом случае обращение к социально-экономическим и политическим факторам безусловно необходимо, но этим не следует ограничиваться, так как причины эти необычайно емкие. Мы только что говорили о превосходстве сунского потенциала над чжурчжэньским, но реализовать его сунцы не смогли (и не впервые). Прямолинейная интерпретация этих факторов приводит к концепции социально-экономического кризиса, политического развала и капитулянтства [Очерки..., 1959, стр. 303—304, 309—310, 317]. Эти доводы справедливые, но слишком общие, они приложимы и к победоносному Китаю. Для того чтобы приблизиться к выяснению действительного и вполне конкретного положения, надо дополнить социально-экономический анализ базиса сунского государства сведениями о некоторых явлениях, может быть более частных, но весомых и в некоторых случаях действующих довольно независимо.

Всеобщее государственное учение — конфуцианство учило, что Китай — центр цивилизации постольку, поскольку он лучше других усвоил конфуцианство, а соседи — «варвары» лишь потому, что они его не усвоили. Как только они его познают, они утратят свою «варварскую» сущность, но произойти это может лишь мирным путем в результате этического перевоспитания и в ходе усвоения китайской культуры [Васильев, 1968]. Из этой концепции выводился постулат имманентного господства китайского императора, но как воплощения этого этического начала, а не как средоточия государственной имперской мощи. При таком мировоззрении государственному началу, естественно, отводилась подчиненная роль по сравнению с началом этическим. Это приводило к далеко идущим смещениям в политике, в идеологии, в самой государственной структуре. Именно этим объясняется органическое включение многочисленных некитайских династий в официальную историю Китая (эти династии стали китайскими, как предполагалось, окитаившись и усвоив конфуцианство).

Поскольку отношение к войне конфуцианцев основывалось на этическом начале и китаецентризме, прогноз войны строился исключительно на анализе внутреннего положения Китая. Конфуцианский ученый XI в. Ли Гоу утверждал: «Если рассматривать Поднебесную как единый организм, то собственно Китай — сердцевина. Северные и южные варвары — конечности. Если в центре спокойствие, царят гармония и процветание, а конечности поражены болезнью, то это — не беда. Если же в центре гармония нарушена, дух утомлен, а внимание сосредоточено лишь на лечении конечностей, то и конечности не исцелить и сердцевину загубишь. Поэтому способ использования армий состоит в том, чтобы прежде всего управлять сердцевиной, а лишь потом — периферией» [цит. по: Лапина, 1972, стр. 45]. Если Ли Гоу все же допускал ведение войны, то его современник Су Ши писал: «А вот те поздние монархи (несовершенные. — М. В.), когда они пускали в ход оружие войны, они ее могли бы избежать, но все же ее не избегали. Поэтому когда они победою кончали, то перемена счастья их к беде могла и запоздать, — от этого беда была особо велика. А ежели они не побеждали, беда к ним надвигалась быстро, — зато была невелика. Теперь понятно, что мудрейший человек не обращал внимания на то, он побеждает, или нет, но был глубоко убежден, что от войны одна беда» [цит. по: Алексеев, 1945, стр. 189].

Эта теория, выглядевшая умозрительной и схоластической, обладала, однако, тысячелетней традицией существования, непререкаемым авторитетом и приоритетом этических ценностей перед любыми национальными или государственными. Если войны нельзя было избежать, ее полагалось вести лишь организованными и строго контролируемыми средствами. Выход войны из-под контроля, а следовательно, и перерастание ее в партизанскую, народную рассматривались как наибольшее бедствие, приводящее к хаосу во всех «пяти формах человеческих отношений». Сторонники этой теории могли привести «неотразимые» примеры, когда отказ от истинного учения (в ходе восстания «желтых повязок», «краснобровых», междоусобиц троецарствия, эпохи десяти государств) приводил к нарушению указанных пяти отношений, в результате чего население Китая уменьшалось, иногда до $\frac{2}{5}$ — $\frac{1}{10}$ своей прежней численности. И вместе с тем они без труда могли сослаться на сладкие плоды конформизма: на неизменную устойчивость Китая и китайской цивилизации в условиях любого поражения или правления чужеземной династии в прошлом.

Известная борьба партий мира и войны при сунском дворе в идеологическом отношении велась в сфере одного, кон-

фуцианского учения. Обе упомянутые партии состояли из правоверных конфуцианцев (хотя, разумеется, военные по профессии своей оказывались более воинственными) и пользовались в спорах средствами одной философии, но партия войны в этих условиях могла выиграть лишь в позиции «победителей не судят», т. е. вопреки традиции и в порядке исключения; взгляды же партии мира даже в этом последнем случае выглядели незыблемыми. Не удивительно, что после заключения в 1142 г. мира партия войны почти прекратила всякую деятельность. Лидером партии мира был Цзинь Гуй. Попав в плен к чжурчжэням в 1127 г., он был отпущен в Южную Сун, где стал ярым поборником мира с Цзинь. Он неоднократно возглавлял южносунское правительство (в 1131—1132, 1138—1155 гг.) и заключил шаосинский мирный договор. Старые источники и новая литература часто клеймят его кличками предателя и агента цзиньцев. Для нас сейчас важно другое. Не Цзинь Гуй вызывал кризис, а его ставили у кормила правления тогда, когда этот кризис наступал и развивался не в пользу Южной Сун.

Хотя имперское, монархическое правление к сунскому времени насчитывало в Китае многие столетия существования, оно далеко не всегда распространялось на единый, оформившийся китайский этнос. Не говоря уж о периодах феодальной раздробленности (троецарствие, период северных и южных династий, эпоха воюющих государств, эпоха пяти династий и десяти государств), даже единые для всего Китая государства-династии объединяли под своей властью весьма сложные этнические образования. В сунское время этническая монолитность во всекитайском масштабе тоже вряд ли существовала. Мы уже писали о проблеме яньцев — жителей 16 округов Яньшаня и г. Яньцзина. Только этнической неоднородностью населения Китая, незавершенностью процесса образования китайской народности можно объяснить значительный процент жителей китайских провинций, участвовавших в походе Цзинь в Сун в 1126 г. (около 50% армии), в войне Цзинь против Южной Сун в 1161—1165 гг. (свыше 50%), не говоря уж о войсках военачальников-кондотьеров 20—30-х годов XIII в., метавшихся между Цзинь, Южной Сун и монголами. Население Китая, и в том числе сунского, выступает в литературе под именем «китайцев» (ханьцев), но одновременно и под различными территориальными обозначениями (северяне, южане, яньцы, сунцы, цзиньцы и т. п.). Неустойчивая этническая ситуация в Китае бесспорно содействовала чжурчжэньским победам и упрочению чжурчжэньского господства в Северном и Центральном Китае.

После победы чжурчжэней наступил новый этап в их жизни — этап строительства государства и империи. Разу-

меется, этническая история народа продолжала развиваться, однако ее проявление было как бы приглушено социально-экономическими и политическими факторами, необычайно усложнившимися и тем не менее тесно взаимосвязанными с факторами этническими. В период развернутого государственного и культурного строительства в XII—XIII вв. чжурчжэни широко пользовались достижениями Ляо, Корё и особенно империи Сун. Полного подражания здесь не могло быть, так как социальный строй чжурчжэней в XII в. не был похож на строй сунского общества. В основе чжурчжэньского общества лежали самобытные военизированные территориальные общины мэнъянь и моукэ. Эти общины являлись экономической и военной базой правительства. После завоевания Северного Китая часть общин была расселена среди китайцев и должна была в силу своей монолитности мирными средствами обеспечить покорность китайского населения. Как сообщает источник, «часть чжурчжэньского народа потом (после 1133 г. — М. В.) широко расселилась на китайских землях, боясь, что люди разглядят их настоящее и мнимое [существо]. И тогда поднимали туземцев своей страны, разбрасали их как шашки и рассеяли как звезды, расселили на все четыре стороны, повелев на будущие дни соседние дома объединять в деревни, а поселения укреплять» [ДЦГЧ, цз. 8, стр. 97]. Китайский автор, как видим, делает здесь упор на морально-идеологический стимул переселения.

«Варварское государство» чжурчжэней быстрыми темпами трансформировалось в военное раннефеодальное с верховной государственной собственностью на землю, с надельной системой и с приоритетом военного управления. Примерно с середины XII в. эта система стала быстро приобретать облик централизованной бюрократической монархии. Объединение пестрых по социальному строю народов в едином государстве закономерно привело к многоукладности, даже к оживлению таких укладов, которые до этого не были характерны ни для одного из этнических компонентов, например рабовладельческого у чжурчжэней или первобытного у изолированных деградирующих групп побежденных племен. Дальнейшее социальное развитие в Цзинь шло по линии борьбы между этими укладами. Эта сложная социальная структура, пожалуй, может служить подтверждением положения о многоукладности как о закономерном, нормальном признаке докапиталистических формаций [Гуревич, 1968а].

В управлении чжурчжэни перешли от дуалистических форм (отдельных для китайцев и отдельных для чжурчжэней) к единым для всего населения. При создании государственного аппарата они использовали готовые китайские формы: организацию двора, министерств и ведомств, титулатуру и та-

бели о рангах и т. п. Но содержание, вкладываемое в эти китайские по названиям формы, было свое, соответствующее потребности чжурчжэньского государства. Дворцовое министерство оказалось менее громоздким, а государственный ритуал сочетал чжурчжэньские и китайские обряды. Военная система совершенно не походила на китайскую. Министерство казны ведало податями и сборами иного типа, чем в Сун. Территориальное деление страны отличалось от китайского (в особенности система пяти столиц). Функции, порядок назначения и состав чиновничества были иными и т. д. Военная служба, как правило, стала обязанностью чжурчжэней, и соответственно военная организация приняла специфичный вид. Государственное законодательство провозгласило равенство всего населения перед законом, независимо от национальной принадлежности, но классовое неравенство все же ощущалось в положениях о праве на смягчение наказания.

Первостепенное значение имела земельная политика правительства. Все земельные владения, за малым исключением, объявлялись государственной собственностью и раздавались в пользование в виде наделов разной величины. Чжурчжэньские общины и семьи, обязанные отбывать военную службу, получали большие и лучшие участки. Обработка наделов считалась обязательной, так как земля являлась основным источником доходов государства и прокормления населения. Все держатели наделов и частных земель облагались налогами и податями, причем чжурчжэни платили особый налог — с упряжки рабочего скота — и не смели продавать своих участков. Именно в земельном вопросе резче всего проявилась социальная и охранительная политика чжурчжэней. Чжурчжэни впервые ввели налог на имущество, широко использовали частную внешнюю торговлю, государственные банкноты и ассигнации, отливали собственную разменную монету.

Большим событием в культурной жизни чжурчжэней явилось создание собственной письменности. На основе киданьской, уйгурской и китайской письменности в 1119 г. были созданы «большие письмена», а в 1138 г. — «малые». Эту письменность стали преподавать во всех школах, ее были обязаны знать все чиновники. Школы существовали во всех пяти столицах и 22 округах. С 1172 г. было введено обязательное изучение чжурчжэньского языка и письменности среди широких кругов населения, чиновников, кандидатов на чиновничьи должности. Неграмотные лишались права наследования должностей в мэнъянь и моукэ. Кандидаты на государственные посты сдавали экзамены по утвержденной программе, которая включала в себя около 20 китайских классических, конфуцианских и исторических сочинений (в оригинале или

переводах). Примерно с 1164 г. на чжурчжэньский язык стали усиленно переводиться лучшие китайские философские и исторические сочинения: «Пятикнижие», труды философов Мэн-цзы, Лао-цзы, Ян-цзы, а также «Синь Хань шу», «Тан шу». Характерно, что чжурчжэни переводили не только конфуцианцев, но и труды представителей иных философских школ и — сравнительно мало — буддийскую литературу. Для переводческой и преподавательской деятельности в школах обучалось до 3 тыс. человек, находящихся на полном обеспечении, поступавшем от мэнъянь и моукэ.

Чжурчжэньская наука создала не менее 400 трудов по различным отраслям знаний, к сожалению не дошедших до нас (Ляо Цзинь Юань ивэньчжи, 1958, стр. 59 и след.). К ним относятся комментарии к китайским философским произведениям (в особенности, к «И цзину», «Шу цзину», «Чун цю», «Четверокнижью»), труды по чжурчжэньской письменности, китайским рифмам и тонам, летописи чжурчжэньских императоров, общие истории киданей и чжурчжэней, географические и этнографические описания, руководства по обрядам и церемониям, каталоги древней утвари, книги по медицине, астрономии, летосчислению, календари и т. д. В стране были астрономические обсерватории, больницы, книгопечатни. Существовала оригинальная художественная литература, представленная сборниками стихов, пьес, музыкальных сочинений.

Чжурчжэньская архитектура создала собственный стиль пагод на основе киданьских и танских образцов, оригинальный тип городищ с земляными валами, воротами, защищенными валиками, прямоугольных на равнинах и свободной формы на сопках. Чжурчжэни изготавливали своеобразную мраморную скульптуру, керамику и черепицу, детали архитектурно-декоративного убранства, бронзовые зеркала и пр.

Первый настоящий самодержавный государь Цзинь Хайлин-ван в беседе с Гао Хуй-чжэнем (середина XII в.) произнес слова, достойные «короля-солнца»: «Есть у меня три желания. Первое, чтобы все великие дела в государстве исходили от меня; второе — во главе войска напасть на Сун, захватить государя, поставить его перед своими очами и спросить о его грехах; третье — заполучить первейшую красавицу и сделать ее своей женой» [ЦШ, цз. 129, стр. 800]. Цзиньский император в то время уже носил титул «императора четырех морей» (т. е. вселенной), но понимал всю его условность. Характерно, что из всех стран-данников, только Южную Сун он удостоивал признавать соперником. Как и положено самодержавному монарху, он утверждал свое первенство во всем — во внутренних и внешних делах, в любви. Императорское окружение обладало чуть меньшей гордостью.

Когда сунские послы с грустью рассматривали предметы китайской императорской сокровищницы, захваченные в 20-х годах XII в., одна из жен Ши-цзуна обронила фразу: «Создающие не всегда пользуются, пользующиеся не всегда создают; южные императоры могли лишь создавать, а (нашего) императора близкие пользуются» [НЦЛ, стр. 5].

Каковы же были те силы, которые позволили чжурчжэням создать на части территории чужого государства, обладавшего мощными традициями государственности и культуры, собственную империю со своеобразной культурой? Такой силой, несомненно, была активная и созидательная мощь чжурчжэньского этноса, находящегося на подъеме. Как было сказано выше, чжурчжэни не только умело использовали сунские достижения в области культуры и в сфере управления, но и сумели во всех этих областях создать свое, соответствующее их целям как народности. Главное же состояло в том, что при проведении этих замыслов и мероприятий они выступали как единый этнос, внутренние противоречия которого на время отступили на второй план. На китайскую равнину в 1123—1148 гг. были переведены сотни тысяч чжурчжэньских семейств, которые были расселены компактными группами — военизированными общинами. Была предпринята попытка образования единого антикитайского блока в государстве из представителей некитайских народностей (киданей, бохайцев, монголов и т. п.). Вместе с тем чжурчжэни стремились привлечь на свою сторону китайскую интеллигенцию и не раздражать без необходимости народные массы. Новому государству требовалось много образованных людей для правительственных и научных учреждений, для искусства и литературы, а свои кадры у чжурчжэней только-только начинали появляться. Чжурчжэни охотно брали на службу представителей китайской интеллигенции. Захватив Северный Китай, чжурчжэни списали с крестьян недоимки, освободили их на три года от налогов, уменьшили налоговые ставки. Появились даже свободные земли — участки бежавших и погибших во время войны. Все это в какой-то мере временно примирilo часть населения с пришельцами [Воробьев, 1973].

Десятилетия этнической истории чжурчжэней в новых условиях, когда они находились на государственном этапе своего развития в обстановке близкого сосуществования с китайским этносом, неизбежно оказались весьма многозначительными. Чжурчжэньская интеллигенция стала изучать китайский язык. Большинство научной и художественной литературы писалось на китайском языке, хотя государственным языком оставался чжурчжэньский. Рядовое чжурчжэньское население Северного Китая, по-видимому, стало двуязычным. Старый семейный строй со второй четверти XII в.

претерпел некоторые изменения. Чжурчжэни стали вступать в смешанные браки. Часто эти браки заключались в Китае с китайками без прекращения старого брака в Маньчжурии. Еще большее число китайнок стало наложницами и рабынями в домах чжурчжэньской знати и воинов. Смешанные браки в Северном Китае поощрялись и были частью политики чжурчжэньского правительства по умиротворению китайцев [ДЦГЧ, цз. 44]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что у чжурчжэней стала нарушаться строгая система родства. Некоторые не знали, например, в каком родственном отношении они находятся с младшей сестрой матери и т. д. Интересным этнографическим фактом является обычай перемены фамилий, иногда выдаваемый за одно из очевидных свидетельств ассимиляции чжурчжэней. Этот обычай возник у чжурчжэней как акт полуритуальный в период похода на Кайфын: удачливые чжурчжэньские военачальники, боясь мести духа врага, меняли свои фамилии. Чжурчжэньские императоры жаловали своим приближенным китайские фамилии в знак победы над Сун. Несколько позднее чжурчжэньские переселенцы в Северном Китае стали сами менять свои фамилии на китайские. Но уже в 1129 г. пожалование китайских фамилий было прекращено, а в 1173 г. всем самовольно взявшим китайские фамилии было велено сменить их на чжурчжэньские. Часто приводимые примеры погони чжурчжэней за предметами роскоши, увеселениями, увлечения игрой в шашки и шахматы, музыкой и танцами, чаепитием, китайской одеждой, литературой и поэзией относятся к богачам и к знати. Рядовые чжурчжэни жили очень скромно. Даже в огромной Краснояровской крепости у г. Уссурийска (Приморье) рядовые ее обитатели жили в небольших глинобитных хижинах без черепичной крыши, но с отоплением в виде кана. Скромный инвентарь состоял из железных орудий труда и оружия, чугунных котлов, простой бытовой глиняной посуды, сделанной на месте. Рядовые чжурчжэни, переселившиеся в Китай, жили лишь немногим лучше.

В религиозной жизни рядовые чжурчжэни продолжали поклоняться небу и духам природы, совершать обряды, связанные с шаманизмом. Наряду с этим к чжурчжэням проникали буддизм и даосизм, пользовавшиеся неустойчивым успехом среди чжурчжэньской знати. Культ великого предка династии — Тай-цзу, обряд жертвоприношения духам императорских предков раз в пять лет и раз в три года, праздник Конфуция, моления в честь четырех сезонов были приняты правящим домом ради своего возвеличения.

Чжурчжэньские императоры прекрасно понимали значение сохранения чжурчжэньского этноса и предпринимали в этом направлении определенные шаги. Ши-цзун стремился укре-

пить военизированную общину, зафиксировать родовые обычаи, сохранить этническую самобытность (языковую, культурную, кровную и т. п.).

Однако элементы китайской культуры не разрушили культурной и этнической самобытности чжурчжэней в Цзинь [ср. Haenisch, 1969, стр. 2]. Чжурчжэньская культура сама оказывала весьма ощутимое влияние на Сун, даже на южные его районы. В китайский язык проникло много чжурчжэньских слов. Чжурчжэньские песни, танцы и музыка пользовались известностью среди китайцев. Пожалуй, наиболее ярко это влияние проявилось в обычаях и одежде китайцев. Именно чжурчжэни впервые ввели у китайцев обычай ношения кос, широко распространены были чжурчжэньские одежды, особым успехом пользовались ткани фиолетового и малинового цветов. Ряд элементов чжурчжэньской культуры проникал в Сун стихийно (например, кан), другие насаждались чжурчжэнями сознательно. Одним из могущественных средств для этого были чжурчжэньский язык и просвещение. Ши-цзун установил, чтобы в подвластных Цзинь землях все дела чжурчжэньской администрации велись на чжурчжэньском языке, за исключением судебного разбирательства, где допускался китайский язык. Преподавание в школах тоже велось на чжурчжэньском языке. Сила воздействия чжурчжэньской культуры учитывалась южносунскими императорами. Они стремились воспрепятствовать распространению чжурчжэньской культуры и этнического элемента в Южном Китае путем перенесения южносунской столицы далеко на юг, запрета поездок сунцев в Цзинь и сношений с чжурчжэнями, строгой охраны границы [Haneda, 1957, стр. 703—704].

Таким образом, чжурчжэньская культура и народность в XIII в. были вполне жизнеспособны, и не культурная китаизация и этническая ассимиляция чжурчжэней обусловили разгром их империи. Налицо имелись более существенные этнические, политические и социально-экономические причины.

Новая империя оказалась многонациональной, и даже в Маньчжурии, на родине чжурчжэней, процессы этнической ассимиляции нечжурчжэньских племен значительно отставали от политических потребностей. Еще в XII в. в некоторых районах разноязычные местные племена жили впережку и были вынуждены объясняться между собой по-китайски [Shirokogoroff, 1924, стр. 171]. Очевидно, это относится не столько к племенам, исконно живущим на своих землях, сколько к народностям, сдвинувшимся с родных мест.

В среде самих чжурчжэней происходили важные изменения. После массового переселения чжурчжэней в Северный Китай значительно выросли культурные и хозяйственные навыки переселенцев. Многие прежние скотоводы и охотники

стали землевладельцами. И если вначале, когда их было немного, свободных земель хватало для всех, то вскоре эти ресурсы были исчерпаны. Тогда правительство стало отбирать у китайцев лучшие земли и передавать их чжурчжэням. Последние зачастую сдавали свои участки в аренду тем же китайцам. Мирное сосуществование этих двух народностей стало невозможным экономически, так как пришельцы не только стали заниматься той же хозяйственной деятельностью, что и китайцы, но и превратились в привилегированное население. Далее, экономические и социальные процессы привели к резкой дифференциации в чжурчжэньском обществе в целом и в мэнъянь и моукэ в частности. Придворная знать, чиновничество и офицерство превращались в правящее служилое сословие. Верхушка мэнъянь и моукэ феодализировалась, захватив крупные поместья. Сами общины стали разваливаться, разоряемые неумелым хозяйничаньем в непривычной для них обстановке, неразберихой с наделами и китайской конкуренцией, истощаемые постоянными мобилизациями, разлагаемые исчезновением остатков былого равенства общинников и смешанными браками.

Чжурчжэньская культура развивалась быстро, но неравномерно по всей территории, и это развитие осложнялось классовой дифференциацией культуры: она переставала быть единой для всех членов этноса. Круг культурных интересов чжурчжэней в Северном Китае стал отличаться от запросов их сородичей в Маньчжурии. Верхушка чжурчжэньского общества — воспитанники школ, знатоки чжурчжэньской и китайской литературы, любители неведомых ранее развлечений — по своим запросам далеко отошла от простого чжурчжэньского народа. Сходные процессы наблюдались и в религиозной жизни: верхушка чжурчжэней либо отказывалась от шаманизма, либо сочетала его с буддизмом или даосизмом.

Классовая, имущественная дифференциация, уничтожение былого родового равенства, единства и всеобщности хозяйственного, культурного и религиозного укладов уже исключали возможность выдвижения какой-либо цели, в осуществлении которой был бы заинтересован этнос в целом.

Однако сказанное нельзя понимать как обязательные условия падения империи, лишь случайно реализованные монголами. Ни одно из этих явлений само по себе не может считаться грозным; многие государства, скрывая их в своих недрах, существовали десятилетия, а то и столетия. Цзинь тоже до последнего момента успешно противостояла Си Ся и Южной Сун, но не монголам. В последнем случае решающее значение приобрело неблагоприятное соотношение этнических сил: теперь уже чжурчжэни находились в упадке, а монголы — на подъеме. Оно реализовалось в военном превосход-

стве монголов, приобретающем тем большее определяющее самостоятельное значение, когда речь идет о чисто военной же победе. Это понимали уже составители «Цзинь ши», хотя при монголах они смогли выразить эту мысль лишь завуалированно: «Цзинь погибла, но нельзя сказать, что из-за отсутствия талантов» [ЦШ, цз. 119, стр. 749], или «Цзинь войском приобрела государство и через войско потеряла государство» [ЦШ, цз. 117, стр. 738]⁴. Поэтому-то монголы громили страны почти независимо от их социально-экономической устойчивости. Военное превосходство монголов основывалось на легкой коннице стрелков, остановить которую могли лишь плотное каре да огнестрельное оружие, а победить — крепости с такими же солдатами и оружием, но всего этого в то время не существовало. Непобедимость монгольской конницы прекрасно понимали цзиньские государи. Айцзун говорил: «Северные войска потому постоянно одерживают победу над Цзинь, что опираются на силу северных коней» [ЦШ, цз. 119, стр. 746]. Завоевания монголов не выглядели даже насильственным приобщением к иной культуре и к иному обществу. Когда Чингисхан захватил Северный Китай, его военачальники, не зная, что делать с пашнями и полями, предложили уничтожить китайцев-земледельцев, а «испорченные» земли, т. е. пашни, вернуть в «естественное» состояние пастбищ.

Военный разгром государства Цзинь отнюдь не означал прекращения этнической истории чжурчжэней и исчезновения их культурно-этнической общности, хотя чжурчжэни испытали упадок и лишились ряда своих достижений. Многие чжурчжэни были физически истреблены в Северном Китае монголами и китайцами, другие бежали в Южную Маньчжурию, но и туда проникли монгольские орды, третьи отсиделись в тайге Приамурья и Северной Маньчжурии, четвертые смогли сохранить свои поселения в течение многих десятилетий и в самом Китае, например в провинции Шаньдун [Люй Чжэнь-юй, 1959, стр. 41]. Сами монголы, деля своих подданных на три большие этнотерриториальные группы, различали чжурчжэней, знающих китайский язык и постоянно живущих в Китае — их они причисляли к группе ханьцев — и не знающих китайский и пришедших с северо-запада — их они приравнивали к монголам [Franke, 1948, стр. 475].

---

⁴ Сходные мысли высказывают и неофициальные авторы, оценивая, в частности, заговор генерала Цуй Ли, в 1233 г. захватившего власть в осажденном Цайчжоу и вскоре сдавшего город монголам. Любопытна и сама резкая оценка этими авторами поступка Цуй Ли, оправдывавшего свое предательство «благодаря спасенным жителям» и требовавшего себе на этом основании установления почетной стелы [Haenisch, 1944].

В целом после нашествия монголов чжурчжэньский этнос впал в своеобразную временную спячку, сохранившую ему возможность дальнейшего развития и накопления сил, но не исчез с исторической арены [Широкогоров, 1923, стр. 91]. Уже Хубилай, производя административное деление и упорядочение разоренных и покоренных районов Маньчжурии, содействовал образованию новых чжурчжэньских поселений: в 1292 г. в Фууй, в 1295 г. в Баочжоу и т. д. [Васильев, 1863, стр. 101—102].

Новая китайская династия Мин, разгромив монголов, распространила свое влияние на некоторые области Маньчжурии. На землях чжурчжэней были организованы три военных округа — Хайси, Цзяньчжоу, Ежэнь. Начальниками этих округов были назначены чжурчжэньские вожди, а сами округа были официально наделены широкой автономией, оставаясь фактически почти независимыми. Одним из таких начальников округа Цзяньчжоу был известный Нурхаци. Он сумел вновь объединить чжурчжэней, с этого времени известных под именем маньчжур [Li Chi, 1932, стр. 34—36], и к 1616 г. образовать государство, которому первоначально дал название Хоу Цзинь — Позднее Цзинь, подчеркивая этим его связь с чжурчжэньской империей.

Ярким свидетельством жизненности не только традиции государственности, но и культурно-этнической общности чжурчжэней служит знаменитый Тырский памятник, поставленный в низовье Амура в 1413 г. [Попов, 1904, стр. 012—020]. Одна из надписей выполнена малыми чжурчжэньскими письменами. Это значит, что чжурчжэньский язык и письменность, вероятно, были известны в XV в. и на нижнем Амуре, на окраине или даже за пределами исконно чжурчжэньских земель. Чжурчжэньская письменность преподавалась в маньчжурских школах до второй половины XVII в. Чжурчжэни оказались весьма стойким этническим организмом. Они не только образовали основу маньчжурской народности, но участвовали и в складывании других тунгусо-маньчжурских племен, например нанайцев, живших в Приморье [Левин, 1958, стр. 134—135].

На примере чжурчжэней мы видели, что привлечение данных этнической истории необходимо наряду с анализом социально-экономической и политической обстановки. В тех случаях, когда мы имеем дело с двумя (или более) народами, один из которых находится на подъеме своей этнической истории — в применении к средневековью на стадии образования народности и государственности, — а другой уже давно обладает и тем и другим, привлечение материала по этнической истории может объяснить многое в отношениях между этими двумя сторонами.

В период подъема развития этноса (в средние века — на стадии формирования народности) в условиях общественного и политического переустройства (реорганизации общины, создания государственности) и при совпадении этих процессов этнос приобретает огромную активную силу, базирующуюся на относительном единстве и однородности социального и этнического состава, хозяйственного уклада, языка, культуры, самосознания и цели. Эта сила позволяет ему одерживать победы над этническими и государственными образованиями, потенциально куда более мощными, но терзаемыми этническими, социальными и политическими противоречиями, и закреплять эту победу созданием собственного государства или империи.

В дальнейшем, миновав эту стадию подъема, победивший этнос приобретает или усиливает те черты организации, которые способствовали гибели его соперника: этническую неустойчивость, классовое и имущественное неравенство и разрыв племенных или общинных связей, хозяйственные кризисы, неоднородность культуры, утрату единства самосознания и цели — черты, которые объективно являются результатом нормального исторического развития этого народа.

Последние процессы, происходящие в этносе-победителе, ставят его в «обычное» положение в окружающей среде. А это значит, что он предстает перед лицом нового поднимающегося или старого поверженного этноса лишенным атрибутов своего временного необычного могущества и может рассчитывать лишь на те возможности, которые определяются хорошо известными историческими условиями. А так как этнос-победитель зачастую не успевает создать возможности, адекватные его положению в момент подъема, или потенциалу побежденных, он испытывает глубокий кризис. Этот кризис перерастает в крах тем скорее и основательнее, чем больше разрыв между возможностями данного этноса в период подъема и в период «обычного» состояния. Однако крах империй, созданных в эпоху подъема этносов, далеко не всегда означает гибель самих этносов как исторических категорий. Если этнос сумел достичь достаточно высокой культурно-этнической самобытности, он может сохранить после разгрома свое существование вместе с рядом культурных достижений и после более или менее долгого периода реорганизации, включающей невольное освобождение от упомянутых черт, способствовавших его гибели, возродиться к новой жизни или дать жизнь новому этносу.

Все сказанное выше свидетельствует об особой и значительной роли чжурчженей и государства Цзинь в жизни и культуре Дальнего Востока. Оценка этой роли — дело деликатное, но неизбежное для любого научного сочинения. По-

жалуй, первую ретроспективную оценку дали сами составители «Цзинь ши»: «Цзинь оружием создало государство, ничем не отличаясь в этом от Ляо, но когда основало династию и смогло поставить себя между Тан и Сун, то достигло того, чего не было у Ляо: [действовало] просвещением, а не оружием» [ЦШ, цз. 125, стр. 779]. Примерно 700 лет отделяет это высказывание от другого, приведенного ниже: «Последовательные вторжения на юг киданей, дансянов, чжурчжэней, монголов оказали задерживающее действие на развитие хозяйства и культуры тогдашнего Китая. В период господства чжурчжэньской и монгольской аристократий общество, экономика и культура тогдашнего Китая получили наиболее тяжелые раны и пришли в упадок» [Си Фэн, 1955, стр. 11]. Последняя цитата, взятая из педагогической методички, несомненно справедлива, хотя исчерпывающая она только с точки зрения современного китайского историка.

Если подытожить в нескольких пунктах наиболее важное в истории чжурчжэней, то дело сводится к следующему:

1. Чжурчжэни неразрывно связаны с историческими судьбами тунгусских племен Сибири и Дальнего Востока.

2. Наблюдается общность в направлении и характере их развития, обусловленная сходными географическими, историко-географическими, этническими, социально-экономическими и политическими факторами и выразившаяся на протяжении всего средневековья (по меньшей мере) в вариационно-замедленных темпах этнического, социального и культурного развития.

3. Эта замедленность привела к некоторому первоначальному отставанию, понимаемому исключительно в сопоставлении с общемировой тенденцией, но это же замедление темпов оказалось одним из важных стимулов создания типа культуры, вполне своеобразной и идеально соответствующей реальным местным условиям.

4. Характер и результаты этой первоначальной замедленности, или застойности, существенно отличаются от модели «отсталых восточных обществ» несомненно большим динамизмом развития.

5. Общность судеб проявилась и в заметном воздействии более передовых соседей: России — для сибирских тунгусов; Бохая, Корё, Ляо, Сун — для южных тунгусов (и чжурчжэней). Воздействие Сун до второй четверти XII в. ощущалось опосредствованно. Это воздействие сыграло немаловажную роль в развитии этих племен.

6. Чжурчжэни оказались первым и, если не считать их потомков-маньчжур, единственным тунгусским народом, создавшим собственную империю, и вторым (после бохайцев), построившим свое государство.

7. Цзинь явилась образцом многонациональной империи без великодержавного шовинизма как государственной политики; образцом самоустойчивости как системы при весьма неблагоприятных национальных, политических и экономических обстоятельствах.

8. Разумеется, эта самоустойчивость, надежно подкреплялась выдающимися позитивными успехами в строительстве государственной системы, общества, культуры.

9. В итоге была создана логичная, законченная и своеобразная историко-культурная модель, занимавшая почетное место на Дальнем Востоке.

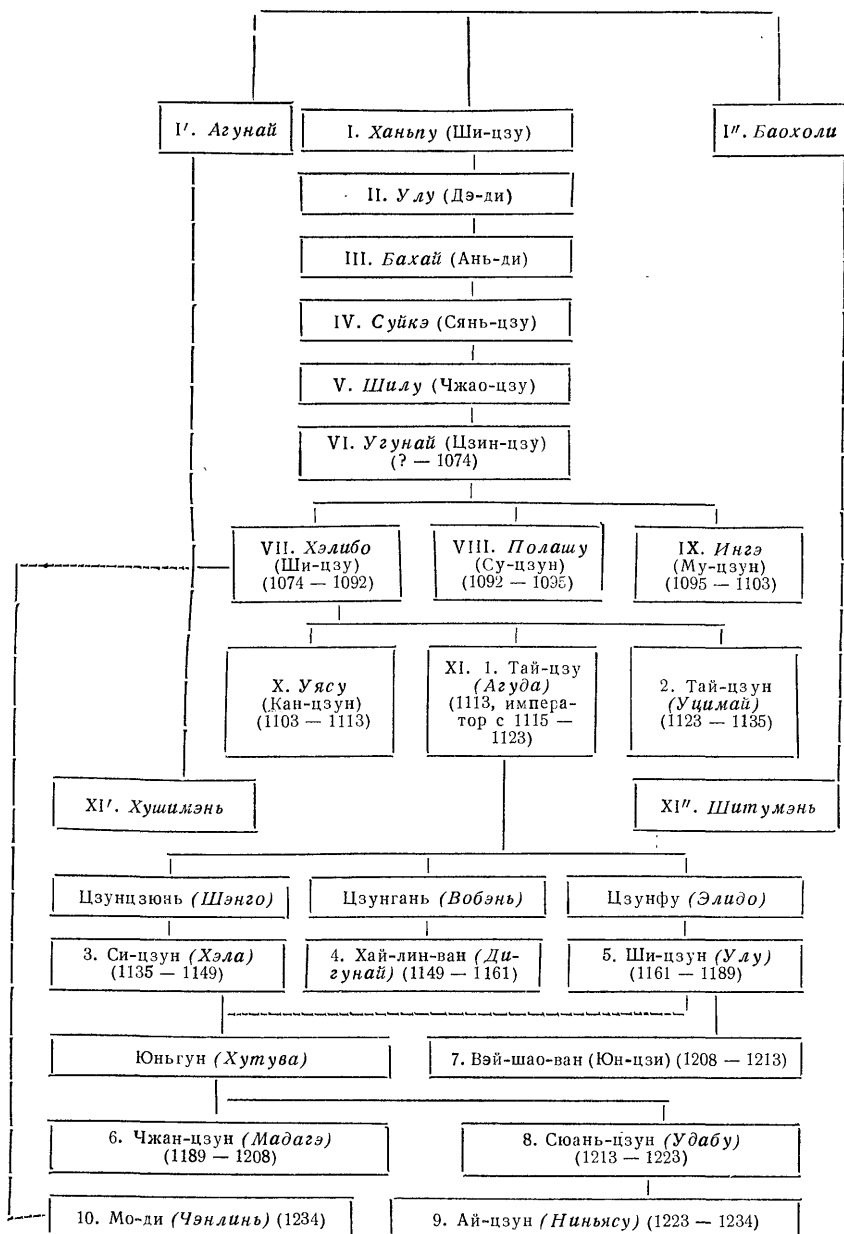
10. Государство Цзинь и его культура явились высшим и оригинальным воплощением творческих сил средневекового южнотунгусского общества, представителями этого общества в восточноазиатском мире, связующим звеном между ними.

11. Создание империи Цзинь оказалось несомненным политическим уроном для китайской династии Сун, а господство чжурчжэней в Китае во многих отношениях усугубляло тяжелое положение китайского народа.

12. Цзиньская культура питала своими соками тунгусские племена (а в какой-то мере и другие народы Восточной Азии) еще долго после падения Цзинь, а история чжурчжэней и их государства явилась наглядным примером для подражания последующим тунгусским народам, примером, которому некоторые из них (маньчжуры) последовали не менее успешно.

Все сказанное выше позволяет отнести как самих чжурчжэней, так и созданное ими государство Цзинь к разряду таких явлений, про которые еще авторы юаньской династии прозорливо писали: «Можно уничтожить государство, но нельзя уничтожить его историю» [ЦШ, предисловие, стр. 1].

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ПРАВИТЕЛЕЙ И ИМПЕРАТОРОВ ИЗ ДОМА ВАНЬЯНЬ

Примечание. Римскими цифрами обозначены правители племенного союза, арабскими — императоры Цзинь. Прямым шрифтом приводятся китайские имена, курсивом — чжурчженьские. I', I" — правители — сподвижники Ханьпу, XI', XI" — правители — сподвижники Агуды, вошедшие со своими владениями в государство Цзинь. Непрерывная черта обозначает прямое родство, пунктир — отдаленное.

- БСЖЛ — Бэйсин жилу.
 БШСЛ — Бэйшоу синлу.
 БШЦВЛ — Бэйшоу цзяньвэнь лу.
 ВИ — «Вопросы истории», М.
 ВИМК — «Вестник истории мировой культуры», М.
 ВФ — «Вопросы философии», М.
 ВШЧ — «Вэнь ши чжэ» («Wen shi zhe»), Циндао.
 ДГО — «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», Л.
 ДЦ — «Далу цзачжи» («Talu tsachih», «The Continent Magazine»), Тайбэй.
 ДЦГЧ — Да Цзинь го чжи.
 ДЦДФЛ — Да Цзинь дяофа лу.
 ЖНИШ — Жунань иши.
 ЗОИАК — «Записки общества изучения Амурского края», Владивосток.
 К — «Каогу», «Каогу тунсюнь» («Kaogu»), Пекин.
 КС — Корё са.
 КСГИСС — Кинси гои сюсэй.
 ЛПЛ — Ланьпэй лу.
 ЛЦ — «Лиши цзяосюе» («Lishi jiaoxue»), Тяньцзинь.
 ЛЦЮИВЧ — Ляо Цзинь Юань ивэнь чжи.
 ЛШ — Ляо ши.
 ЛШШИ — Ляо ши ши.
 ЛШШИБ — Ляо ши ши бу.
 ЛЯ — «Лиши яньцзю» («Lishi yanjiu»), Пекин.
 МРТ — Мансю рэкиси тири (Manshu rekishi chiri), 2 т., Токио, 1913.
 МСТРКХ — Ман Сэн тири рэкиси кэнкю хококу (Man Sen chiri rekishi kenkyu hokoku), Токио.
 МЧЮЛК — Маньчжоу юаньлю као.
 НЦЛ — Нань цянь лу.
 ОИМК — Общество изучения Маньчжурского края, Харбин.
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ, т. I, М., 1968.
 ПППИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов научной сессии ЛО ИНА, Л.
 Р — «Рэкиси кёйку» («The Rekishi kyoiku»), Токио.
 РК — «Рэкисигаку кэнкю» («Rekishigaku kenkyu», «Journal of Historic Studies»), Токио.
 С — «Сиэн» («The Shien»), Токио.

СВСТК	— Сюй вэньсянь тункао.
СД	— «Сигаку дзасси» («Shigaku zasshi», «Journal of Historical Science»), Токио.
СМЦВ	— Сунмо цзивэнь.
СНВ	— Страны и народы Востока, М.
СФ	— «Сюефэнь» («Hsuefep»), Аньхой.
СЧБМХБ	— «Саньчао бэймэн хуйбянь».
СШ	— Сунши.
СШТ	— «Синьшисюе тунсюнь» («Xinshixue tounghun»), Чэнчжоу.
СЭ	— «Советская этнография», М.
Т	— «Тёсэн гакухо» («Chosen gakuho», «Journal of the Academic Association of Koreanology in Japan»), Тэнри.
ТАК	— «То а кэнкю» («То А kenkyu»), Шанхай.
ТАКК	— «То А кэйдзай кэнкю» («То А keizai kenkyu»), Ямагути.
ТДВФСО	— Труды дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР. Серия исторических наук.
ТДЭ	— Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа, Л.
ТЕГХ	— «Тоё гакухо» («The Toyo gakuho», «Reports of the Oriental Society»), Токио.
ТВОРАО	— Труды Восточного отделения Русского археологического общества, СПб.
ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР, М.
ТСК	— «Тоёси кэнкю» («The Toyoshi kenkyu», «The Journal of Oriental Researches»), Киото.
ТЧРДМП	— Труды членов русской духовной миссии в Пекине, СПб.
ХИЙЮ	— Хуаи ийю.
ЦГЮЦ	— Цзинь ши гоюй цзе.
ЦДГЧ	— Цидань го чжи.
ЦКЯЛ	— Цзинкан яолу.
ЦЧ	— Цзинь чжи.
ЦШ	— Цзинь ши.
ЧСЮУЛ	— Чжунсин юйу лу.
ЧЯЦ	— Чжунъян яньцзю юань лишэ юйянь яньцзюсю цзикань (Chungyang yenchiu yüan lishih yüyen yenchiuso chikan, Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica), Шанхай.
ШЦ	— «Шисюе цзикань» («Shihhsueh chik'an», «Historical Journal»), Пекин.
ШЦЛ	— Ши цзинь лу.
ШЦТЧ	— Шэнцзин тунчжи.
ШЮ	— «Шисюе юэкань» («Shixue yüekan»), Кайфын.
ЭВ	— «Эпиграфика Востока», Л.
ЯС	— «Яньцзин сюебао» («Yenching hsuehpao», «Yenching Journal of Chinese Studies»), Пекин.
JA	— «Journal Asiatique», Paris.
JAS	— «Journal of Asian Studies», Ann Arbour.
SS	— «Sung Studies. In Memoriam of E. Balazs», Paris, 1970.
TP	— «T'oung Pao», Leiden.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ²

- Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология, — т. 3.
 Маркс К. Из рукописного наследия К. Маркса. Введение, — т. 12.
 Маркс К. К критике политической экономии, — т. 13.
 Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич, — т. 19.
 Энгельс Ф. Анти-Дюринг, — т. 20.
 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, — т. 21.
 Энгельс Ф. Рабочее движение в Америке, — т. 21.
 Маркс К. Капитал, т. I, — т. 23.
 Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу от 2 июня 1853 г., — т. 28.
 Энгельс Ф. Письмо К. Марксу от 16 декабря 1882 г., — т. 35.
 Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту от 12 марта 1895 г., — т. 39.
 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству, — т. 46, ч. I.
 Ленин В. И. О брошюре Юниуса, — т. 30.
 Ленин В. И. О государстве, — т. 39.

ИСТОЧНИКИ

На русском языке

- Бичурин Н. Я. 1960, Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Сост. Л. Н. Гумилев и М. Ф. Хван, Чебоксары.
 Бичурин Н. Я. 1950, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I—II, М.
 Бичурин Н. Я. 1829, История первых четырех ханов дома Чингисова, СПб.
 Васильев В. П. 1863, Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин, СПб.

¹ Вся литература независимо от языка заглавия-описания написана на языке, являющемся национальным для места (города) издания книги или журнала. Отклонения от этого правила отмечены: одной звездочкой — текст на языке заглавия, двумя звездочками — имеется резюме на европейском языке.

² Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса указываются по второму изданию Сочинений, произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

Васильев В. П. 1859, История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в. с приложением китайских известий о киданях, джуржитах и монголо-татарах,— ТВОРАО, ч. IV, вып. 1.

Васильев В. П. 1857, Записки о Нингуте,— Записки Имп. Русского географического общества, кн. XII (перевод «Нингута цзиля» У Чэнь-и), СПб.

Кычанов Е. И. 1966, Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования),— Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь, вып. 2. Сибирский археологический сборник, Новосибирск.

Кюннер Н. В. 1961, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М.

Малаякин А. Г. 1942, Цзинь-ши, гл. 1. Перев. с кит., Сборник научных работ пржевальцев, Харбин.

[Розов Г., перев.], История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1233 г. Перевел с маньчжурского студент Пекинской духовной миссии Григорий Розов,— Архив ЛО АН СССР, разд. 1, оп. II, № 3.

Си ю цзи, или Описание путешествия на Запад. Пер. с кит. с прим. Палладия (Кафарова), 1866,— ТЧРДМП, т. IV.

На китайском, корейском и японском языках

Бэйсин жилу (Дневник путешествия на Север), сост. Лоу Яо,— «Чжибу цзучжай цуншу», XXIII, 5, Шанхай, 1937 (1)³.

Бэйшоу синлу (Путевые заметки об императорском исходе на Север), сост. Цай Тао,— Цуншу цзичэн, № 3593, Шанхай, 1939 (2).

Бэйшоу цзяньвэнь лу (Записки об увиденном и услышанном во время императорского исхода на север), сост. Цао Сюнь,— Цуншу цзичэн, № 3898, Шанхай, 1939 (3).

Да Цзинь го чжи (Записки о государстве Великая Цзинь), сост. Юйвэнь Мао-чжао,— Госюе вэньку, № 41, Шанхай, 1937 (4).

Да Цзинь дяофа лу (Записки об успокоении [народа] и о наказании [мятежников] при Великой Цзинь),— Цуншу цзичэн, № 3907, Шанхай, 1939 (5).

Жунань иши (Позабутые дела Жунаня), сост. Ван Э,— Цуншу цзичэн, № 3905, Шанхай, 1939 (6).

Корё са (История государства Корё), Пхеньян, 1962—1963 (7).

Ланьпэй лу (Записки, сделанные на коне), сост. Фань Чэн-да,— Цуншу цзичэн, № 3110, Шанхай, 1936 (8).

Ляо ши (История Ляо), сост. То Кэ То и др.,— Сыбу бэйяо, цз. 89, Шанхай, 1936 (9).

Ляо ши ши (Подборка к «Ляо ши»), составитель Ли Э,— Цуншу цзичэн, № 3897—3901, Шанхай, 1936 (10).

Ляо ши ши бу (Дополнение к «Подборке к „Ляо ши“»), сост. Ян Фу-цзи,— Цуншу цзичэн, № 3902, Шанхай, 1936 (11).

Маньчжоу юаньлю као (Исследование о происхождении маньчжуров), сост. Агуй, Ханчжоу, 1893 (12).

Нань цян лу (Записки о перенесении столицы на юг), сост. Чжан Ши-янь,— Цуншу цзичэн, № 3903, Шанхай, 1939 (13).

Саньчао бэймэн хуйбянь (Собрание документов о дипломатических сношениях с Севером при трех императорах), сост. Сюй Мэн-синь, [б. м.], 1878 (14).

Синь Тан шу (Новая история династии Тан), [б.м.. б.г.] (109).

Сунмо цзизнь (Воспоминания о Сунмо), сост. Хун Хао,— Цуншу цзичэн, № 3903, Шанхай, 1940 (15).

³ Цифра в круглых скобках в конце библиографического описания работы обозначает отсылку к иероглифическому написанию, помещенному в конце Библиографии.

Сун ши (История Сун), сост. То Кэ То и др. при династии Юань,— Сыбу бэйяо, цз. 81—88, Шанхай, 1939 (16).

Сюй вэньсянь тункао («Продолженное исследование классических текстов»), сост. Ван Ци, Шанхай, 1936 (17).

Хоу Хань шу (История Поздней Хань), [б.м.], [б.г.] (110)

Хуан июй (Китайско-варварские словари), сост. Хо Юань-цзе,— Хань фэнь лоу ми цзи, сб. 4, Шанхай, 1924 (18).

Цзинкан яолу (Важнейшие заметки о годе правления под девизом Цзин-кан),— Цуншу цзичэн, № 3882—6, Шанхай, 1939 (23).

Цзинь чжи (Записки о Цзинь), сост. Юйвэнь Мао-чжао,— Цуншу цзичэн, № 3903, Шанхай, 1939 (19).

Цзинь ши (История Цзинь), сост. То Кэ То и др.,— Сыбу бэйяо, цз. 90—91, Шанхай, 1930 (20).

Цзинь ши гоюй цзе (Изъяснение [туземных] слов в истории государства Цзинь), [б.м.], 1824 (21).

Цидань го чжи (Записки о государстве киданей), сост. Е. Лун-ли, Пекин, 1938 (22).

Чжунсин юйу лу (Записки о противостоянии оскорблениям и о подержании падающей династии),— Цуншу цзичэн, № 3895, Шанхай, 1936 (24).

Ши Цзинь лу (Записки о посольстве в Цзинь), сост. Чэнь Чжо,— Билинь лангуань цуншу, 65, Кантон, 1909 (25).

Шэнцзин тунчжи (Общее описание провинции Шэнцзин), в 130 цзюанях, [б.м.], [б.г.] (26).

На западноевропейских языках

Bretschneider E. 1888, Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, vol. 1, London.

Chavannes (Ed.) 1897, 1898, Voyageurs chinois chez les khitan et les joutchen,— JA, IX ser., t. IX (1897), t. XI (1898).

Gabelentz H. A. 1877, Geschichte der grossen Liao. Aus dem Mandschu übersetzt von H. A. von der Gabelentz, St. Petersburg.

Grube W. 1896, Die Sprach und Schrift des Juén, Leipzig.

Haenisch E. 1969, Zum Unterhang zweier Reiche; Berichte von Augenzeugen aus der Jahren 1232—1233 and 1368—1370. Aus dem chinesischen übersetzt E. Haenisch,— Abhandlungen für d. Kunde des Morgenlandes, Mainz, Bd 38, № 4.

Haenisch E. 1944, Die Ehreninschrift für den Rebellen general Ts'ui im Licht der konfuzianischen Moral, eine Episode aus dem 13 Jahrhundert,— Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Jg. 1944, Philosophische-historische Klasse, n. 4, Berlin.

Harlez Ch. de 1887, Histoire de la Empire de Kin, ou Empire d'Or. Traduit de Harlez, Louvain.

Ma Touan-lin, 1876, Ethnographie des peuples étrangers à la Chine, tr. de Harvey de St. Denies, vol. I, Genève (Atsume Gusa, fasc. 11).

Pei Yuan Lou, 1904, Recit d'un voyage dans le Nord. Par Tcheou Chan. Traduit par Ed. Chavannes,— TP, II ser., vol. V, № 2.

Yamaji H. 1956, A Jucen—Japanese—English Glossary, Tokyo.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

Алексеев В. М. 1945, Отражение борьбы с завоевателями в истории и литературе Китая,— Известия АН СССР, сер. литературы и языка, т. IV, вып. 5, М.

Анучин В. А. 1948, Географические очерки Маньчжурии, М.

Арзаканьян Ц. Г. 1961, Культура и цивилизация, проблемы теории и истории (К критике современной западной литературы),— ВИМК, № 3.

Бахта В. М. 1960, К вопросу о структуре первобытного производства,— ВИ, № 7.

Березный Л. А. 1963, Проблема развития средневекового китайского общества в современной американской буржуазной историографии,— Вестник Ленинградского государственного университета, Серия истории, языка и литературы, № 20, вып. 4, Л.

Бичурин Н. Я. 1823, Записки о Монголии, т. II, СПб.

Бутинов Н. А. 1968, Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты),— ПИДО, т. I.

Васильев Л. С. 1968, Роль конфуцианства в формировании некоторых традиций и стереотипов в Китае,— Роль традиций в истории Китая. Тезисы докладов на симпозиуме, М.

Воробьев М. В. 1973, Некоторые спорные вопросы культурной и этнической истории чжурчжэней,— СНВ, вып. XV.

Воробьев М. В. 1973а, Звания и титулы чжурчжэньских вождей в доцзиньский период — ПППИКНВ, IX сессия.

Воробьев М. В. 1973б, О титулатуре чжурчжэньских вождей до провозглашения государства Цзинь,— Материалы по истории Дальнего Востока, Владивосток (ТДВФСО, т. IX).

Воробьев М. В. 1972, Средневековая Маньчжурия в русской и советской историографии (1917—1970 гг.),— ПППИКНВ, VIII сессия.

Воробьев М. В. 1970, Корейско-чжурчжэньские отношения в X—XII вв. в свете этнической географии,— ДГО, вып. 15.

Воробьев М. В. 1970а, Чжурчжэньское государство Цзинь и Центральная Азия (по цзиньским источникам),— СНВ, вып. XI.

Воробьев М. В. 1969, Денежная система чжурчжэней (династия Цзинь),— СНВ, вып. VIII.

Воробьев М. В. 1969а, Народы империи Цзинь и национальная политика чжурчжэней,— ПППИКНВ, V сессия.

Воробьев М. В. 1968, Городища чжурчжэней как фортификационные сооружения,— ДГО, вып. 5.

Воробьев М. В. 1968а, Чжурчжэньский клад монет из Приморья,— СНВ, вып. VI.

Воробьев М. В. 1967, Уголовное право государства Цзинь (XII—XIII вв.),— ПППИКНВ, III сессия.

Воробьев М. В. 1967а, Этнос в средние века (на материале чжурчжэней),— ДГО, вып. 3.

Воробьев М. В. 1966, Хозяйство и быт чжурчжэней до образования династии Цзинь,— Доклады по этнографии ГО СССР, Л., № 1 (4).

Воробьев М. В. 1956, К вопросу о денежном обращении в Маньчжурии и в Приморье с древности и до монгольского нашествия,— ЭВ, вып. XI.

Вяткин Р. В., Тихвинский С. Л. 1963, О некоторых вопросах исторической науки в КНР,— ВИ, № 10.

Горский В., 1852, Начало и первые дела Маньчжурского дома,— ТЧРДМП, т. I.

Гребенщиков А. В. 1922, К истории китайской валюты (нумизматические памятники Южно-Уссурийского края),— Вестник Азии, Харбин, кн. 50.

Гуревич А. Я. 1969, Об исторической закономерности,— Философские проблемы исторической науки, М.

Гуревич А. Я. 1968, Индивид и общество в варварских государствах — ПИДО, т. I.

Гуревич А. Я. 1968а, К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад,— ВФ, № 2.

- Гуревич А. Я. 1964, Некоторые аспекты изучения социальной истории (общественно-историческая психология),— ВИ, № 10.
- Залкинд Е. М. 1948, Кидане и их этнические связи,— СЭ, № 1.
- Захаров И. И. 1852. Историческое обозрение народонаселения Китая,— ТЧРДМП, т. I.
- Ивочкина Н. В. 1971, Медь в денежном обращении чжурчжэньского государства Цзинь (1115—1234 гг.),— Труды Государственного Эрмитажа, т. XII, М.
- Ивочкина Н. В. 1970, Серебро в денежном обращении чжурчжэньского государства,— «Нумизматика и эпиграфика», М., вып. VIII.
- Ивочкина Н. В. 1968, Роль меди в денежном обращении средневекового Китая,— ТДЭ за 1967.
- Ивочкина Н. В. 1968а, Начало выпуска денег в чжурчжэньском государстве Цзинь,— Сообщения Государственного Эрмитажа, № 29, Л.
- Ивочкина Н. В. 1967, Ассигнации чжурчжэньского государства (1115—1234 гг.),— ТДЭ за 1966.
- Ивочкина Н. В. 1965, Становление денежного хозяйства в чжурчжэньском государстве (1115—1234 гг.),— ТДЭ за 1965.
- История государства и права стран Азии и Африки, Очерки, 1964, М.
- История Кореи, 1960, т. I, М.
- История Сибири, 1968, т. 1, Новосибирск.
- Итс Р. Ф., Смолин Г. Я. 1961, Очерк истории Китая с древнейших времен до середины XVII в. Пособие для учителей, Л.
- Колесницкий Н. Ф. 1966, О некоторых типичных и специфичных чертах раннеклассовых обществ,— ВИ, № 7.
- Конрад Н. И. 1961, Заметки о смысле истории,— ВИМК, № 2.
- Кычанов Е. И. 1973, Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир, М.
- Кычанов Е. И. 1973а, Из истории взаимоотношений тангутского государства Си Ся и чжурчжэньской империи Цзинь,— Материалы по истории Дальнего Востока, Владивосток (ТДВФСО, т. IX).
- Кычанов Е. И. 1968, Очерк истории тангутского государства, М.
- Кычанов Е. И. 1968а, К вопросу о ранней государственности у чжурчжэней— ТДВФСО, т. VI.
- Лапина З. Г. 1972, Традиционные политические доктрины Китая и военная мысль средневековья (на примере трактата Ли Гоу «Обогащение государства, усиление армии, успокоение народа», 1039 г.),— Третья научная конференция «Общество и государство в Китае», Тезисы и доклады, вып. I, М.
- Ларичев В. Е. 1962, Племена Приморья в ранний период истории Цзинь (по сведениям из Цзиньши),— Научная конференция по истории (археологии, этнографии) Дальнего Востока, 3-я, Владивосток, Тезисы, вып. II.
- Левин М. Г. 1958, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока,— ТИЭ, Новая серия, т. XXXVI.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. 1955, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области,— СЭ, № 4.
- Леньков В. Д. 1971, Производство и обработка металлов у чжурчжэней в XII веке. (По материалам исследований Шайгинского городища), Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Владивосток.
- Леньков В. Д. 1967, Предварительные итоги исследования плавиной печи на Шайгинском городище,— ТДВФСО, т. VII.
- Линь Яо-хуа, Чебоксаров Н. Н. 1961, Хозяйственно-культурные типы Китая,— ТИЭ, Новая серия, т. LXXIII (Восточно-азиатский сборник, II).
- Лопатин И. А. 1922, Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Опыт этнографического исследования,— ЗОИАК, т. XVII.

Макаров В. С. 1946, Монеты с развалин древних городов в Северной Маньчжурии,— Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов, № 3, Харбин.

Мелихов Г. В. 1970, Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае,— Татаро-монголы в Азии и Европе, М.

Мункуев Н. И. 1970, Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносунских источников. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, М.

Народы Восточной Азии, 1965, М.—Л. (сер. Народы мира. Этнографические очерки).

Неусыхин А. И. 1968, Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному,— Средние века, сб. 31, М.

Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII—начало XX в., 1970, М.

Овсянников Н. В., Тупикина С. М. 1971, Предварительные итоги анализов керамики с Шайгинского городища,— ТДВФСО, т. VIII.

Окладников А. П., Деревянко А. П. 1973, Далекое прошлое Приморья и Приамурья, Владивосток.

Окладников А. П. 1959, Далекое прошлое Приморья (Очерки древней и средневековой истории Приморского края), Владивосток.

Очерки истории Китая. С древности до «опиумных» войн. Под ред. Шан Юэ, 1959, М.

Попов П. С. 1904, О тырских памятниках 1413 г.,— Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XVI, СПб.

Пуляркин В. А., 1968, О содержании понятия «географическая среда» и о влиянии географической среды на общество,— Природа и общество, М.

Салтыков Г. Ф. 1972, Традиция, механизм ее действия и некоторые ее особенности в Китае,— Роль традиций в истории и культуре Китая, М.

Стариков В. С. 1969, Предметы быта и орудия труда маньчжуров в собрании МАЭ. (К вопросу о самобытности материальной культуры маньчжуров),— Культура народов зарубежной Азии и Океании, Сборник музея антропологии и этнографии, т. XXV, Л.

Стариков В. С. 1966, Земледельческие орудия лесостепных районов Восточной Азии (К истории земледелия на Дальнем Востоке). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л.

Толмачев В. Я. 1925, Древности Маньчжурии. Развалины Бэйчэна. По данным археологических разведок 1923—1924 гг.,— Вестник Маньчжурии, № 1—2, Харбин.

Тюрюмина Л. В. 1969, К истории создания маньчжурского перевода «Ляоши», «Цзиньши» и «Юаньши»,— Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии», вып. I, Новосибирск.

Федоров А. З. 1916, Памятники старины в г. Никольск-Уссурийском и его окрестностях, Никольск-Уссурийский.

Федосеев П. Н. и Францев Ю. П. 1964, О разработке методологических вопросов истории,— ВИ, № 3.

Шавкунов Э. В. 1973, Советские ученые о чжурчжэнях,— Проблемы Дальнего Востока, № 3.

Шавкунов Э. В. 1960, Нумизматические находки на Дальнем Востоке в 1956—1958 гг.,— Материалы и исследования по археологии, № 86, М.—Л.

Шавкунов Э. В. 1958, Новые нумизматические находки в Прибайкалье и Приморском крае,— ЭВ, вып. XII.

Шавкунов Э. В. 1955, Новые находки средневековых монет в Приморском крае,— ЭВ, вып. X.

Широкоров С. М. 1923, Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений,— Известия восточного факультета ГДУ, т. XVII, вып. 1, Шанхай.

Школяр С. А. 1973, Интересная страница военной истории Китая в XII в. (Новаторские идеи Чэнь Гуя в фортификации и артиллерии).— Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае», Тезисы и доклады, вып. 1, М.

Шунков В. И. 1969, Генезис феодальных отношений в Сибири,— Проблемы возникновения феодализма у народов СССР, М.

Юшков С. В. 1947, К вопросу о дофеодалном варварском государстве,— Ученые Труды Всесоюзного института юридических наук, вып. 10, М.

На китайском, корейском и японском языках

Ван Сяо-тун, 1936, История торговли в Китае, Шанхай (27).

Ван Юн-сян, 1965, Остатки железолитейной мастерской эпохи Цзинь в районе Сяонин уезда Ачэн провинции Хэйлунцзян,— К, № 3 (28).

Вань Шэн-нань, 1956, Об антициньской борьбе в первые годы Южной Сун,— СШТ, № 9 (94).

Го Жэнь-минь, 1957, Связь между судьбой династии Цзинь и сельскохозяйственным производством: о роли мэнъянь и моуке в судьбе династии Цзинь,— ШЮ, № 3 (84).

Гу Вэнь-би, 1964, Причины и характер войн между Сун и Цзинь,— ЛЦ, № 11—12 (29).

Гу Се-ган, Ши Нянь-хай, 1936, История китайских границ, Шанхай (30).

Гуань Люй-цюань, 1964, «Мирная» ситуация между Сун и Цзинь после заключения «мира годов Шао-син»,— ЛЦ, № 11—12 (29).

Гуань Сун-фан, 1968, Цзиньский фарфор и цзюньбао,— «Вэньбу», № 2 (31).

Гуань Янь-сянь, 1937, Рабовладение при династии Цзинь (глава из истории рабовладения в Китае),— Сяньдай шисюе, Гуанчжоу, т. III, № 2 (32).

Иван Дайкэй, 1953, О шаманах и о термине «беци»,— Тоси гакудзюу кэнкюсю ронсо, Суйта, т. II (33).

Икэути Хироси, 1943, 1937, История Маньчжурии и Кореи. Средние века, т. I, 1943; т. II, 1937, Токио (34).

Иминдзоку-но Сина тодзи си, 1943 (История Китая под властью чужеземцев), [б.м.] (35).

Инаба Ивакити, 1934, Исторические материалы о добыче железа в Маньчжурии и в Корее в старину,— ТАКК, т. XVIII, № 3 (36).

Като Сигэру, 1941, О «чайных деньгах», шелке и сун-цзиньской торговле,— То А кэйдзай ронсо, т. I, № 1, Киото (37).

Кинси гои сюсэй, 1961—1962 (Индекс к «Цзинь ши» в трех томах), сост. Оногава Хидэми, Киото (38).

Комура Тосио, 1934, Древняя гончарная печь Гантяюаньтунь в Южной Маньчжурии,— Тодзи, т. V, № 6, Токио (39).

Кумамото Сигэкити, 1898, История взаимоотношений между Ляо и Цзинь,— СД, т. IX, № 3, 4, 6, 9 (40).

Ли Ё Сон, 1955, История корейского искусства, Пхеньян (41).

Линь Хуй-сянь, 1939, История народов Китая, пер. с кит., т. I, Токио (42).

Лю Син-тан, 1934, К истории горного дела Ляо и Цзинь,— Вэньхуа пипань, т. I, № 1, Пекин (43).

Лю Сянь-чжоу, 1962, История технических изобретений в Китае, сб. I, Пекин (44).

Люй Чжэнь-юй, 1959, К вопросу о слиянии народов в истории,— ЛЯ, № 4 (45).

Люй Чжэнь-юй, 1951, Краткая история народов Китая, Пекин (46).

Ляо Цзинь Юань ивэнь чжи (Литературные заметки к историям Ляо, Цзинь, Юань), составитель Ни Мо и др., 1958, Пекин (47).

Мао Вэнь, 1936, Мотивы и стимулы антиляоских настроений у цзиньцев, — СФ, т. VI, № 9—10 (48).

Маругамэ Кинсаку, 1935, Торговые отношения Корё с киданями и чжурчжэнями, — РК, т. V, № 2 (49).

Мацуи Хитоси, 1913, Владения Цзинь в Маньчжурии, — МРТ, т. II (50).

Мацуи Хитоси, 1913а, Дороги Маньчжурии при Ляо и Цзинь по данным дорожника Сюй Кан-цзуна, — МРТ, т. II (50).

Миками Цугио, 1964, Политическое и общественное положение чжурчжэней — выходцев из фамилий, связанных брачными узами с императорской фамилией в эпоху Цзинь, — Судзуки Сюн кёдзю канрэки кинэн тоёси ронсо, Токио (51).

Миками Цугио, 1943, Политика управления китайцами на раннем этапе в начале Цзинь, — То А кэнкю сохо, № 21, Токио (52).

Миками Цугио, 1943а, Вопрос о перемене обычаев у китайцев при династии Цзинь, — То А гаку, № 7, Токио (53).

Миками Цугио, 1941, Отношения между Корё и Цзинь в начале Цзинь, — РК, т. IX, № 4 (49).

Найто Кодзиро, 1936, Предание о едином происхождении чжурчжэньского племени, — Тоё бункаси кэнкю, Киото (54).

Ногами Сюнсэй, 1953, Буддизм при Ляо и Цзинь, Киото (55).

Ногами Сюнсэй, 1931, Мои взгляды на цзиньскую политику управления китайским народом, — Отани гакухо, т. XII, № 2, Киото (56).

Обследование пограничных рвов и крепостей губернии Дунбэйлу династии Цзинь, 1961, — К, № 5 (28).

Огава Хирохито, 1940—1941, О налогах на имущество при династии Цзинь, — ТСК, т. V, № 6, т. VI, №№ 1, 3 (57).

Огава Хирохито, 1938, Кое-что о ходе быстрого возвышения «немирных» чжурчжэней, — Маммоси ронсо, т. 1, Синкё (Шэньян) (58).

Пак Ён Хэ, 1966, Внешняя политика Корё до вторжения киданей, — Йокса квахаг, № 1, Пхеньян (59).

Пэн Синь-вэй, 1955, История денежного обращения в Китае, Пекин (60).

Пэн Чжэнь-го, 1934, Сравнение обращения с китайцами цзиньцев и юаньцев, — Хэнань дасюе сюебао, т. 1, № 1, Кайфын (61).

Раскопки яочжоуских мастерских в уезде Тунчуань пров. Шэньси, 1965, — Каогу чжуанькань, сер. Д, № 16, Пекин (62).

Си Фэн, 1955, Некоторые вопросы преподавания истории династий Сун, Ляо, Цзинь, Юань, — ЛЦ, т. IX, № 4 (29).

Син Тхэ Хён, 1958, Земельная система династии Цзинь, — Сахак ёнгу, т. 1, Сеул (63).

Согабэ Сидзуо, 1949, История циркуляции монет между Японией, Сун и Цзинь, Токио (64).

Согабэ Сидзуо, 1928, Влияние танских налогов «цзаяо» на цзиньские и юаньские. «Налог на имущество» Цзинь — предшественник юаньского «диншуй», — Р, т. II, № 6 (65).

Сонода Ицукамэ, 1937, Заточение сунского императора Хуй-цзуна в Маньчжурии, — Маммо, т. XVIII, № 3, Дайрэн (66).

Сун Бо-инь, 1962, Краткие записки о разведке фарфоровой печи Сяояо, — К, № 3 (28).

Суто Ёсиюки, 1951, О поместьях и арендаторах в эпоху Сун и Цзинь, в частности в районе Чанъани, — Т, № 2 (67).

Танака Тадао, 1919, История законов о чае при Цзинь и Юань, — ТАКК, т. III, № 3 (36).

Тань Хэ-цзы, 1934, Размещение племен в «Восточной Монголии» и в «Южной Маньчжурии» в эпоху Ляо,—Говэнь чжоубао, т. XI, № 6 (68).

Тао Си-шэн, 1935, Земельный вопрос у мэнъянь и моукэ в эпоху Цзинь,—Шихо, т. 1, № 8, Шанхай (69).

Тёсэн Мансю си, 1938, Сост. Инаба Ивакити и Яно Дзинъити,—Сэ-кай рэкиси тайкэй, т. XI (70).

Тоё тюсэй си, 1939, Средневековая история Востока, т. III, под ред. Хино Кайдзабуро, Токио (71).

Тоёда Едзо, 1943, История Маньчжурии, Чанчунь (72).

Торияма Киити, 1934, Условия жизни чжурчженей в начале династии Цзинь,—Ода сэнсэй сёдзю кинэн тёсэн ронсю, Сеул (73).

Торияма Киити, 1931, О титулах «даши» и «госянь» в главе о родословии «Цзинь ши»,—Сэйкю гакусю, № 6, Кэйдзё (Сеул) (74).

Торияма Киити, 1929, Мэнъянь и моукэ и положение государства Цзинь,—«Тёсэн Сина бунка-но кэнкю, Кэйдзё (Сеул) (75).

Торияма Киити, 1918, О четырех-пяти местных названиях должностных лиц в «Цзинь ши»,—СД, т. XXIX, № 9 (40).

Торияма Киити, 1917, Политика Цзинь по отношению к «инородцам»,—ТАК, т. VII, № 1—4 (76).

Торияма Киити, 1916, Политика помощи нуждающимся при Цзинь,—ТАК, т. VI, № 7—8 (76).

Тояма Гундзи, 1944, Цзиньская политика в отношении Сун,—Иминдзоку-но Сина тодзи кэнкю, Токио (77).

Тояма Гундзи, 1936, О «Да Цзинь дяофа лу»,—ТСК, т. II, № 2 (57).

Фудзиеда Акира, 1948, Династии-завоеватели, Осака (78).

Фэн Сянь-мин, 1965, Археологическое исследование керамики и фарфора в новом Китае,—Вэньу, Пекин, № 9 (31).

Фэн Цзя-шэн, 1934, Сопоставление разделов «география» в «Ляо ши» и в «Цзинь ши»,—Юйгун, т. 1, № 4, Пекин (79).

Харагути Дзин, 1959, Общая численность мобилизованных в южную экспедиционную армию Цзинь в конце годов Чжэн-лун,—Тоё сигаку, № 21, Фукуока (80).

Хасэгава Кэнтаро, 1938, Ивовый пограничный палисад и охрана цзиньских границ,—Донин, т. XII, № 5, Токио (81).

Хино Кайдзабуро, 1942, Образование государств Бохай, Цзинь и добыча железа в районе Дуньхуа,—С, № 28 (82).

Ходзуми Фумио, 1940, Теория денег по главе «О пище и деньгах» в «Цзинь ши»,—Кэйдзай ронсо, т. L, № 3, Киото (83).

Хуа Шань, 1957, Политические настроения в средний период династий Южной Сун и Цзинь, их роль в развертывании северного похода годов Кай-си,—ШЮ, № 5 (84).

Хуа Шань, 1956, Правление Ши-цзуна династии Цзинь и проблема восстаний китайского народа,—ВШЧ, № 11 (85).

Хуа Шань, 1955, Бои в Шэньси между Сун и Цзинь в первые годы Южной Сун,—ЛЦ, т. IX, № 6 (29).

Хуа Шань, Ван Гэн-тан, 1956, Разложение родового строя и образование государства у чжурчженей,—ВШЧ, № 6 (85).

Цзэн Ян-фэн, 1936, История соляной политики в Китае, Шанхай (86).

Цуда Саякити, 1918, Северная граница в эпоху Цзинь,—МСТРКХ, № 4 (87).

Чжан Цзя-цзюй, 1957, Перемещение на юг экономических центров в период обеих Сун, Ухань (88).

Чжан Чжэн-лан и др., 1951, Дружеские связи между Китаем и Кореей за 5000 лет, Пекин (89).

Чжао Те-хань, 1962, Полная история морских сношений при переговорах о союзе между Сун и Цзинь,—ДЦ, т. 25, № 5—7 (90).

Чжу Да-цзюнь, 1958, Некоторые вопросы производства, производственных отношений и надстройки у чжурчженей в эпоху Цзинь,— ШЮ, № 2 (84).

Чжу Се, 1936, Новый анализ мира между Сун и Цзинь,— Дунфан цзачжи, Шанхай, т. XXXIII, № 10 (91).

Чосон са кэё (Основы истории Кореи), 1957, Пхеньян (92).

Чэн Су-ло, 1950, Переговоры о союзе Северной Сун с Цзинь против Ляо,— ШЦ, № 6 (93).

Чэнь Мин-чжун, 1956, О вторжении на юг цзиньского государя Ваньянь Ляна,— СШТ, № 12 (94).

Чэнь Шу, 1950, Доказательства исторической достоверности частей «цзюцзюнь», — ШЦ, № 6 (93).

Шэнь Ци-вэй, 1958, Война сунского Китая с чжурчжэнским царством Цзинь, Ухань (95).

Юань Го-фань, 1965, Жизнь населения к северу от Янцзыцзян при Цзинь и Юань,— ДЦ, т. XXX, № 5 (90).

Юань Чжэнь, 1957, Народонаселение государства Сун,— ЛЯ, № 3 (45).

Ямамото Мори, 1951, О чжурчжэнских лексиконах — «Кобэ гайдай ронсо», т. II, № 2, Кобэ (96).

Янай Ватару, 1916, Военная система при Цзинь,— МСТРКХ, № 2 (87).

Янай Ватару, 1913, Маньчжурия в эпоху Цзинь,— МРТ, № 1 (50).

Яо Цун-у, 1963, Вклад Юань Хао-вэня эпохи Цзинь и Юань в сохранение традиционной китайской культуры,— ДЦ, т. XXVI, № 3 (90).

Яо Цун-у, 1959, Сборник статей по истории Дунбэя, т. II, Тайбэй (97).

Яо Цун-у, 1953, Анализ китаизации чжурчженей,— ДЦ, т. VI, № 3 (90).

На западноевропейских языках³

Balazs Et. 1964, Chinese Civilization and Bureaucracy, New Haven — London.

Chan Hok-lam, 1967, The Compilation and Sources of the Chin-shih,— «Journal of Oriental Studies», Hongkong, vol. VI, № 1/2 (1961—1964)*.

Chang Fu-jui, 1962, Les fonctionnaires des Song. Index des titres, Paris.

Ch'en Jerome, 1965, Sung Bronzes: An Economic Analysis,— Bulletin of the School of Oriental and African Studies (University of London), vol. XXVIII, pt 3.

Ch'ên Lê-su, 1936, On the Shū Mêng-hsin's «San-ch'ao-peï-mêng-hui-pien», — ЧЯЦ, vol. VI, pt 2—3 (99).

Ch'en Shu, 1935, Genealogical Tables Attached to «Chinshih», — ЧЯЦ, vol. V, № 3—4 (99).

Chu Hsi-chu, 1934, A Chronological Table of Peace and War Between the Nuchens and the Koreans 1094—1115,— ЯС, № 15 (100).

Ch'üan Han-shêng, 1947, The Smuggling Trade Between the Sung and Chin Kingdoms,— ЧЯЦ, vol. XI (99).

Cochini Chr., Seidel A. 1968. Chronique de la Dynastie des Song (960—1279). Extraite et traduite... du Chungwai lishih nien pao, München. [Materiaux pour le manuel de l'histoire des Sung (Sung Project), t. VII].

Cordier H. 1920. Histoire générale de la Chine, vol. 2, Paris.

Feng Ch'eng-chün, 1939, The Peoples and Tribes on the Northern Frontier of Liao and Chin,— Fugen hsüehchih (Series sinologica), vol. VIII, № 1, Peiping (101).

³ См. прим. 1 на стр. 386.

Fêng Chia-shêng, 1934, Examples of the Possibility of Mutual Textcontrol Among «Liaoshi», «Chinshih», «Wutaishih» and «Chiuwutai-shih»,—Historical Annual (Shihhsüeh nimpao), Peiping, vol. II, № 1 (111).

Ferenczy M., 1968, Chinese Historiographer's Views on Barbarian—Chinese Relations, 14—16-th C.—Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, vol. XXI, № 3, Budapest *.

Franke H., 1970, Treaties Between Sung and Chin,—SS, Ser. I, № 1.

Franke H., Trauzettel R., 1968, Das Chinesische Kaiserreich, Frankfurt am Main.

Franke O., 1948, 1952, Geschichte des chinesischen Reiches, Berlin, Bd IV, 1948; Bd V, 1952.

Haeger J. W., 1969, Between North and South: the Lake Rebellion in Hunan 1130—1135,—JAS, vol. 28, № 3.

Han Ju-lin, 1942, Sur l'appelation de nu-tchen,—Studia Serica, Journal of the Chinese Cultural Studies Research Institute, West China Union University, Chengtu, vol. III ** (98).

Haneda Toru, 1957, La civilisation chinoise et les Dynasties barbares du Nord de la Chine,—Recueil des oeuvres posthumes de Toru Haneda, vol. 1: études historiques, Kyoto.

Harlez Ch. de, 1888, Niu-tchi et Mandchous, rapports d'origine et de langage,—JA, ser. VIII, vol. XI.

Hartwell R., 1967, A Cycle of Economic Change in Imperial China: Coal and Iron in Northeast China, 750—1350,—«Journal of Economic and Social History of the Orient», vol. X, pt 1, Leiden.

Hino K., 1966, Jurchen's Navigation to Shantung and Her Trade in Early Sung Dynasty,—T, № 37/38 ** (67).

Hino K., 1964, An Outline and History of Juchen's Visits to Shantung in the Beginning Period of Sung,—T, № 33 ** (67).

Hino K., 1961, A Study of the Conquest of the East Manchurian District, done by Kitai King Sheng-tsung in the Early Period of Tung-ho, and the Fortification, Built at the Mouth of Yalu River in the 9th Year of the Same King,—T, № 21/22 ** (67).

Hino K., 1954, Visit of Djurchin to Shantung Shore in the Early Period of Sung,—C, № 60 (82).

Hino K., 1952, A Study of the Annual Gifts of China to Her Neighbouring Countries During the Five and Northern Sung Dynasties Considered From the Circulation of Silber and Silk,—TĒFX, vol. XXXV, № 1—2 (102).

Hino K., 1951, The Domination of the Khitans over the Huipia Tribes of the Jurchens,—C, № 46—48 (82).

Hino K., 1941, Über den Seehandel zwischen Khitai und China im Zeitalter der Fünf Dynastie,—CD, Bd LII, № 7—9 (40).

Ho Ping-ti, 1970, An Estimate of the Total Population of Sung-Chin China,—SS, Ser. 1, № 1.

Hsü Ping-ch'ang, 1936, Notes on the Epitaph of Wan Yen Hsi Yin of the Chin Dynasty,—III, vol. 1, № 1 (93).

Kato S., 1937, Über den Handelsverkehr zwischen Sung und Chin,—CD, Bd XLVIII, № 1 (40).

Kirby St. 1954, Introduction to the Economic History of China, London.

Kracke E. A. 1957, Translation of Sung Civil Service Titles, Paris (Ecole pratique des hautes études).

Lacouperie T. de, 1889, The Djurtchen of Mandschuria; Their Name, Language and Literature,—Journal of Royal Asiatic Society, London (New Ser. vol. XXI).

Latourette K. S. 1957, The Chinese. Their History and Culture, New York.

Lattimore O. 1962, *Studies in Frontier History. Collected Papers, 1928—1958*, Paris—La Haye.

Li Chi 1932, *Manchuria in History: A Summary*, Peiping*.

Li Hsue-chih. 1958, *A Terminological Study of Nüchen*,—*DI*, vol. XVI, № 2/4 (90).

Liu Hou-tse. 1944, *Papiergeld seit der Sung und Kin Zeit*,—*Mitteilungen der Deutschen Institut, Peking*, Bd VI, № 1—2*.

Martin H. D. 1950. *The Rise of Chingis Khan and its Conquest of North China*, Baltimore.

Mikami Tsugio 1973, *A Study on the Social History of the Chin Dynasty (1115—1234)*, Tokyo (*The Studies of Chin History*, vol. III).

Mikami Ts. 1972, *A Study of the Social System of Djurchin People of the Chin Dynasty*, Tokyo (*The Studies on Chin History*, vol. I).

Mikami Ts. 1970, *A Study of the Administrative System of the Chin Dynasty*, Tokyo (*The Studies of Chin History*, vol. II).

Mikami Ts. 1963, *On Chang Ti's «Chin-kuo-chih», e. g. «Ching-t'u-ching»—its Relation With «Ta-chin-kuo-chih» and «Chinchih»,—Iwai haku-shi koki kinen ronbunshu*, Tokyo (108).

Mori K. 1966, *Japanesa—Goryo Relation and Invasion of Doi Pirates*,—*T*, № 37/38** (67).

Niida N. 1959, *A Study of Chinese Legal History*, vol. I: *Criminal Law*, Tokyo**.

Ogawa H. 1937, *A Re-examination of the Thirty Tribes of the Jurchens in the Liao Period*,—*TEFX*, vol. XXIV, № 4, (102).

Osaki H. 1954, *Form of the Regulative Trade Between Sung and Chin*,—*The Hiroshima University Studies, Literature Department (Hiroshima daigaku bungakubu kiyo)*, № 5** (103).

Oshino K. 1954, *Researches into «Djurchi»—Properly «Kin» Dynasty*,—*P*, vol. II, № 8 (65).

Otagi M. 1951, *A Problem of the Racial Consciousness Observed in the Compilation of the Authentic Historien of the Three Conquest Dynasties Liao, Chin, Yüan*,—«*Bunka*», Tokyo, vol. XV, № 1** (104).

An Outline History of China, 1958, Peking*.

Rogers M. C. 1961, *The Regularization of Koryo—Chin Relations (1116—1131)*,—«*Central Asiatic Journal*», vol. VI, № 1, Hague.

Rogers M. C. 1959, *Studies in Korea History*,—*TP*, vol. XLVII, livr. 1—2.

Schurmann H. F. 1956, *Mongolian Tributary Practices of the XIII Century*,—«*Harvard Journal Asiatic Studies*», Cambridge Mass., vol. XIX, № 3/4.

Shimada M., 1954, *The Long Wales of Liao and Chin*,—«*Sundai shigaku*», № 4, Tokyo (105).

Shirokogoroff S. M., 1924, *Social Organization of the Manchus. A Study of the Manchu Clan Organization*, Shanghai (North China Branch of RAS, extra vol. III)*.

Sonoda I., 1954, *A Study of the Official Route in Manchuria under the Chin Dynasty*,—*TEFX*, vol. XXXVII, № 3** (102).

Tamura J., 1956, *Types of Nations in the World of North Asia*,—*Miscellaneous Kiotiensia, Essays in Celebration of the Semicentennial of the Faculty of Letters of Kyoto University***.

Tamura J., 1956a, *The Making of «A North Asian World»*, Kyoto (*Toho bunka koza, X*)** (106).

Tao Jing-shen, 1971, *New Light on the Battle of «Ts'ai-shih» in 1161*,—28th International Congress of Orientalistes, Abstracts of Papers, Program № 4, 5: China, Japan, Korea,—Canberra.

Tao Jing-shen, 1970, *The Influence of Jurchen Rule of Chinese Political Institutions*,—*JAS*, vol. XXX, № 1.

Tao Jing-shen, 1968, *The Horse and the Rise of the Chin Dynasty*,—*Papers of the Michigan Academy of Science, Arts and Letters*, vol. LIII, Ann Arbor.

Tao Jing-shen, 1967, *The Jürched in Twelfth Century China: A Study of Sinification*, Indiana,—*Dissertation Abstracts International*, Ser. A, vol. 28, № 2633 A*.

Thiele D., 1971, *Der Abschluss eines Vertrages: Diplomatie zwischen Sung- und Chin Dynastie 1117—1123*, Wiesbaden (Münchener Ostasiatische Studien, Bd VI).

Torii R., 1948, *Shang-ching of Chin Dynasty*,—*ЯС*, № 35** (100).

Toyama Gunji, 1964, *Studies in History of Chin Dynasty*, Kyoto (Oriental Research Series, № 13).

Toyama G., Mikami Ts., 1939, *Rebellions of the Khitans During the Periods Chêng-lung and Ta-ting in the Chin Dynasty*,—*ТЭГХ*, vol. XXVI, № 3—4 (102).

Tsien Po-tsan, Chao Sium-tcheng, Hou Houa, 1958, *Histoire générale de la Chine*, Peking*.

Wan Kwoh-ting, 1932, *The Agrarian Changes of the Chin and Yuan Dynasties*,—*Nanking Journal* (Цзиньлин сюебао), vol. II, № 1 (107).

Wan Kuo-wei, 1927, *The «Boundary Trenches» of Chin Dynasty*,—*ЯС*, № 1 (100).

Watanabe D. S., 1935, *The New Study of Nüchen Language*. Osaka (Research Review of the Osaka Asiatic Society, № 12).

Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng, 1949, *History of Chinese Society Liao (907—1125)*, Philadelphia (Transactions of the American Philosophical Society, New Ser., vol. XXXVI).

Wright H., 1956, *Geographical Names in Sung China*, Paris (École pratique des hautes études).

* * *

1. 北行日录。楼鑰。知不足斋丛书；2. 北狩行录。蔡条。丛书集成；3. 北狩见闻录。曹勋。丛书集成；4. 大金国志。宇文懋昭。国学文库；5. 大金弔伐录。丛书集成；6. 汝南遗事。王鶚。丛书集成；7. 高丽史。8. 攬轡录。范成大。丛书集成；9. 辽史。四部备要；10. 辽史拾遗。厉鹗。丛书集成；11. 辽史拾遗补。楊复吉。丛书集成；12. 滿洲源流考。阿桂；13. 南迁录。张师顔。丛书集成；14. 三朝北盟会編。徐梦莘；15. 松漠紀聞。洪皓。丛书集成；16. 宋史。四部备要；17. 續文献通考，王圻；18. 华夷譯語，涵芬楼秘笈；19. 金志。宇文懋昭。丛书集成；20. 金史。托克托，四部备要；21. 金史国語解；22. 契丹国志。叶隆礼；23. 靖康要录。丛书集成；24. 中兴御侮录。丛书集成；25. 使金录，程卓。碧琳琅館丛书；26. 盛京通志；27. 王孝通。中国商业史；28. 考古；29. 历史教学；30. 顧頡剛，史念海。中国疆域沿革史；31. 文物；32. 現代史学；33. 東西學術研究所論叢；34. 池内宏。滿鮮史研究，中世；35. 異民族の支那統治史；36. 東亞經濟研究；37. 東亞經濟論叢；38. 金史語彙集成；39. 陶磁；

40. 史学雜誌；41. 리요정. 조선미술사개요；42. 林惠祥。支那民族史；43. 文化批判；44. 刘仙洲。中国机械工程发明史；45. 历史研究；46. 呂振羽。中国民族簡史；47. 辽金元艺文志。倪灿；48. 学风；49. 歷史学研究；50. 滿洲歷史地理；51. 鈴木俊教授還曆記念東洋史論叢；52. 東亞研究所報；53. 東亞学；54. 東洋文化史研究；55. 野上俊靜。遼金の佛教；56. 大谷学报；57. 東洋史研究；58. 滿蒙史論叢；59. 력사과학；60. 彭信威。中国貨幣史；61. 河南大学学报；62. 陝西銅川耀州窑。考古专刊；63. 史学研究；64. 曾找部靜雄。日宋金貨幣交流史；65. 歷史教育；66. 滿蒙；67. 朝鮮学报；68. 国聞周报；69. 食貨；70. 朝鮮滿洲史。稻葉岩吉；矢野仁一。世界歷史大系；71. 東洋中世史。日野開三郎；72. 豐田要三。滿洲史；73. 小田先生頌寿記念朝鮮論集；74. 青丘学叢；75. 朝鮮支那文化の研究；76. 東亞研究；77. 異民族の支那統治研究；78. 藤枝晃。征服王朝；79. 禹貢；80. 東洋史学；81. 同仁；82. 史苑；83. 經濟論叢；84. 史学月刊；85. 文史哲；86. 曾仰丰。中国監政史；87. 滿鮮地理歷史研究報告；88. 张家駒。两宋經濟重心的南移；89. 张政朗，五千年来的中朝友好关系；90. 大陆雜誌；91. 东方雜誌；92. 조선사개요；93. 史学集刊；94. 新史学通訊；95. 沈起煒，宋金战争史略；96. 神戶外大論叢；97. 姚从吾。东北史論丛；98. 华西協合大学中国文化研究所集刊；99. 中央研究院历史語言研究所集刊；100. 燕京学报；101. 輔仁学誌；102. 東洋学报；103. 広島大学文学部記要；104. 文化；105. 駿台史学；106. 東方文化講座；107. 金陵学报；108. 岩井博士古稀記念論文集；109. 新唐書；110. 后汉書；111. 史学年報。

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Вероятно первое упоминание этнонима чжурчжэни в корейском источнике — посвящение восьмого этажа пагоды храма Хваннюса в Силла пропаганде буддизма у нюйди (нюйчжи?).	553—566	Конец эпохи Северных и Южных династий в Китае (420—589) и трех государств в Корее (I в. до н. э. — 668 г.).
Первое появление мохэ, или чжурчжэней, в Китае (по Ма Дуань-линю).	581—600	
	589—618	Правление династии Суй в Китае
	598	Вторжение когурёсцев в Ляоси.
	618	Приход к власти династии Тан.
Китайское сообщение о появлении этнонима нюйчжэни (люйчжэни).	627—649	
	645	Сражение под Аньши между Тан и силами когурёсцев и мохэ.
	663	Разгром Пэкчэ войсками Тан.
	668	Армии Тан и Силла нанесли решительное поражение Когурё и мохэ.
	676	Изгнание танских войск с Корейского полуострова и упорочение там династии Единая Силла.
	677	Учреждение в Ляодуне танского наместничества Аньдун.
	698	Образование племенем сумо мохэ государства Чжэнь.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Приезд чжурчжэней и мохэ к танскому двору.	705	Признание государства Чжэнь династией Тан.
	710	Перенос японской столицы в г. Нара. Кидани и хи (си) попали в зависимость к тюркам.
	712	Переименование государства Чжэнь в Бохай.
	713	Разгром танских войск Бохаем. Овладение Бохаем частью когурёских земель.
	713—741	
	728	Первое бохайское посольство в Японию.
	733	Неудачное нападение Тан на Бохай и Силла. Морской рейд бохайцев на Дэнчжоу (Шаньдун).
	735	Фактическое объединение Корейского полуострова династией Единая Силла.
	744	Крах второго восточнотюркского каганата.
	745	Образование Уйгурского каганата.
	755	Перенос главной (Верхней) столицы Бохая на север — на р. Хухань.
	755—762	Восстание Ань Лу-шаня в танской империи.
	794	Перенос японской столицы в г. Хэйан (Киото).
	806—821	Переселение татань с Амура в нынешнюю Восточную Монголию.
	818	Подчинение Бохаю части племен Северной Маньчжурии.
	840	Конец Уйгурского каганата.
	842	Разгром уйгурами киданей, часть которых нашла убежище в Тан.
	862	Хи (си) покорились киданям.
	874	Образование государства уйгуров в Притяньшанье.
	874—901	Крестьянское восстание под предводительством Хуан Чао в танской империи.
	892	Образование государства Позднее Пэкче в Корее.
	901	Образование государства Тхэбон (Позднее Когурё) в Корее.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Нападение киданей на чжурчжэней.	903	Племена си (хи) присоединились к киданям.
Нападение киданей на чжурчжэней.	906	Посольство бохайцев к киданям.
	907	Крах династии Тан в Китае и начало периода «пяти династий и десяти государств». Образование государства киданей и династии Поздняя Лян. Нападение киданей на шивэй.
	916	Провозглашение империи киданей.
	917	Крах государства Позднее Корё.
	918	Образование государства Корё. Посольство бохайцев к киданям.
	919	Захват киданями части бохайских земель.
	920	Создание больших киданьских письмен.
	921	Введение дуалистической системы управления киданей. Прибытие большой группы хэйшуй мохэ в Корё.
	922	Обращение киданей к Корё с предложением о дружбе.
	923	Падение династии Поздняя Лян и образование тюркским племенем шато династии Поздняя Тан в Северном Китае.
	924	Создание малых киданьских письмен.
Посольство чжурчжэней совместно с хэйшуй мохэ ко двору династии Поздняя Тан.	925	Поход киданей против Бохая.
	926	Гибель государства Бохай и образование киданями государства Дундань (Восточная [ки]дань). Первые подношения тели и мохэ киданям.
Переселение чжурчжэней с бохайских земель в Ляодун и превращение их в «регистровых чжурчжэней».	927	Переселение киданями бохайцев в глубь киданьских владений.
Первое появление чжурчжэней у киданей с подарками.	928	Массовая эмиграция бохайцев в Корё и к чжурчжэням.
	929	Образование племенем ужэ Позднего Бохая.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Первая фиксированная торговая сделка чжурчжэней с корёским двором.	935	Подчинение Силла власти Корё. Последнее посольство Позднего Бохая в Китай.
	936	Создание киданями марионеточной династии Поздняя Цзинь (вместо Поздней Тан) в Северном Китае и уступка шатосцем Ши Цзин-таном — его государем — 16 округов киданям. Крах государства Дундань. Поглощение Позднего Пэкче и объединение Корейского полуострова под властью Корё.
	938	Образование племенем ужэ государства Динъань в Маньчжурии. Образование системы столиц киданей. Последнее появление мохэ у киданей с подношениями.
	939	Признание китайским государством Поздняя Цзинь и киданями государства Корё. Принятие Корё девиза годов правления Поздней Цзинь.
	944	Вторжение киданей в Северный и Центральный Китай.
	946	Поглощение династии Поздняя Цзинь киданями. Принятие Корё девиза годов правления, бывшего в употреблении у ряда китайских династий.
	947	Принятие киданями названия Великая Ляо. Образование чужеземной династии Поздняя Хань (на месте Поздней Цзинь).
	948	Захват киданями Бяньцзина (Кайфына).
	950	Смена династии племени шато Поздняя Хань китайской династией Поздняя Чжоу.
	951	Образование в Северном Китае династии Северная Хань, вассальной Ляо.
	954	Начало борьбы за объединение Китая (Поздняя Чжоу).
	959	Поход китайцев на север против киданей.
	960	Образование династии Сун в Китае на базе Поздней Чжоу.
Посольство чжурчжэней к династии Поздняя Чжоу. Подчинение части чжурчжэней ляоскому «Северному управлению».		

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Приезд чжурчжэней в Сун с дарами.	961	Ляо ввело в действие новый календарь.
Приезд чжурчжэней в Ляо с даром — рабом-уродом.	962	
Приезд чжурчжэней в Сун.	963	Принятие Корё девиза годов правления Сун.
	964	Выступление угу и шивэй против Ляо.
	966	Приезд татань к сунскому двору.
	968	Образование вьетнамского государства Дайковьет.
Нападение чжурчжэней на киданьскую границу. Поездка чжурчжэней в Сун (вместе с тели).	973	Набег киданей на тангутов.
	975	Заключение договора о дружбе между Ляо и Сун.
Набег чжурчжэней на киданьскую границу.	976	Подавление восстания бохайцев против Ляо.
	979	Объединение династией Сун Китая и конец периода «пяти династий и десяти государств». Война Сун с киданями.
Поездка чжурчжэней в Сун и передача послания от Диньань.	981	Война Сун с киданями. Сун обещает помощь царству Диньань. Образование первой вьетнамской династии Ле.
	982	Образование тангутского государства и отказ от сунского сюзеренитета. Государство Ляо изменило название на киданьское.
Первая экспедиция киданей против чжурчжэней.	983	Введение нового территориально-административного деления в Корё.
Подчинение восьми чжурчжэньских племен киданям.	984	Выдача карты государства Корё киданям. Киданьские генералы передали в дар сунскому императору пленных чжурчжэней.
Вторая экспедиция киданей против чжурчжэней.	985	Война Сун с киданями и обращение Сун за помощью к Корё.
Тяжелое поражение чжурчжэней в войне с киданями.	986	Заключение тангутами вассального договора с киданями.
Участие чжурчжэней в киданьском походе на юг. Жалоба чжурчжэней в Сун на вторжение киданей.	987	Усиление крепостной зависимости в Корё.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Третья экспедиция киданей против чжурчжэней.	988	Учреждение в Корё должности военных инспекторов и ремонтеров Северо-Запада и Северо-Востока.
Окончание третьей экспедиции киданей против чжурчжэней.	989	Появление посольств Диньань и чжурчжэней в Сун.
Четвертая экспедиция киданей против чжурчжэней. Чжурчжэни «Северного управления» признали власть киданей.	990	Присвоение киданями тангутскому вождю Ли Цзи-цяню титула вана Ся.
Нажим киданей на чжурчжэней с целью воспрепятствовать их связям с Сун. Признание частью чжурчжэней власти киданей. Чжурчжэни — маньчжик оленей — отправлены к киданям.	991	Обращение «30 родов» и Диньань с просьбой к Сун о присылке войск для борьбы с киданями. Отказ Сун.
	992	Кидани закрыли плавание по р. Ялу. Первое данническое посольство ужэ к киданям.
Чжурчжэни сообщили Корё о начале киданьского похода на восток.	993	Первый поход киданей против Корё.
Передача киданями чжурчжэньских земель к востоку от Ялу Корё.	994	Разрыв отношений Корё с Сун. Принятие Корё девизов годов правления киданей.
Сообщение чжурчжэней киданям о том, что Сун подстрекало их и ужэ на войну с киданями.	995	Завоевание киданями тели с помощью ужэ и других племен. Создание пограничных округов на севере Корё.
	997	Обращение племени ужэ с просьбой к киданям об уменьшении размеров «дани» и о переносе сроков ее подношения.
Поездка чжурчжэней с дарами к киданям.	998	Приход тели к киданям с подношениями.
	999	Мобилизация у киданей и начало войны с Сун.
	1001	Заклучение союза между кита́йцами, уйгурами и тибетцами против тангутов. Тангутское государство приняло наименование (Си) Ся.
Видный чжурчжэньский вождь направил своего сына к киданьскому двору.	1002	Корё поздравило киданей с победой над Сун.
	1003	Признание власти киданей всеми племенами цзубу и многими племенами на западе.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Поездка чжурчжэней к киданям с дарами.	1004	Поражение Сун, заключение вассального договора с киданями и выплата им ежегодной дани.
Набег восточных чжурчжэней на Тынцзю в Корё.	1005	Последнее посольство ужэ к киданям с подношениями.
	1006	Заключение мирного договора между Сун и Си Ся и признание Си Ся сунцами.
Чжурчжэни оказали киданям помощь конями и просили разрешения участвовать в походе на Корё.	1010	Начало правления вьетнамской династии Ли. Второй поход киданей в Корё.
	1011	Уход киданьских войск из Корё.
«30 родов» стали наезжать к киданям с подношениями. Неудачный набег восточных чжурчжэней на Корё. Просьба чжурчжэньского вождя в Корё о заключении с ним соглашения.	1012	Киданьское требование к Корё о признании вассальной зависимости и личного приезда короля к киданьскому двору. Восстание всех племен цзубу против киданей.
Начало поездки чжурчжэней в Сун в составе посольств Корё.	1014	Получение главным вождем цзубу от киданей титула короля (вана).
Приезд чжурчжэней в Сун и жалоба на набеги киданей. Блокада киданями чжурчжэней Хэсугуаня.	1015	Образование туфаньского (тибетского) государства Тубот. Обращение Корё в Сун с жалобой на непрерывные нашествия киданей и сунский совет: сохранять «добрые отношения» с киданями и «успокоить народ».
	1016	Принятие Корё сунского девиза годов правления.
Получение чжурчжэньским посольством в Сун денежного подарка.	1017	Поражение киданьских войск в Корё.
Отправление крупного посольства западных и восточных чжурчжэней в Корё с подарками.	1018	Третий поход киданей в Корё.
Пиратский рейд чжурчжэней на о. Кюсю (Япония). Последнее регулярное посольство чжурчжэней в Сун.	1019	Посланцы страны Уго (Маньчжурия) вынуждены являться к киданям с данью — ценными мехами. Переселение киданями групп бохайцев в Ляоси.
Дела с чжурчжэнями поручены управлению киданьской области Хуанлунфу.	1020	Заключение мира между киданями и Корё и признание последним сюзеренитета киданей. Неудачное нападение киданей на Си Ся.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Просьба вождей «30 родов» принять их сыновей на службу к киданьскому двору.	1021	Киданьская принцесса выдана замуж в страну арабов.
Попытка чжурчжэней выкупить сородичей, попавших в зависимость к Корё.	1022	Принятие Корё девиза годов правления киданей.
Нападение киданей на чжурчжэньские границы. Захват киданями богатой добычи.	1026	Нападение киданей на уйгуров.
Вытеснение из «Корё са» этнонима мохэ этнонимом ньюнчи; примерная дата победы чжурчжэньского этнического начала.	1027	Набег цзубу на киданей.
Бегство группы чжурчжэней хуйба в Корё.	1028	Основная часть племен цзубу покорилась киданям.
Присоединение южных и северных чжурчжэней к бохайцам и принятие ими решения в союзе с Корё прекратить взнос «дани» — подарков киданям.	1029	Восстание бохайцев в Ляояне.
Чжурчжэни выменяли в Корё календарь.	1030	Подавление киданями восстания бохайцев.
Последнее посольство чжурчжэньских племен в Сун (в доцзиньский период). Изменение этнонима ньюнчжэнь на ньюнчжи в государстве киданей.	1031	Прибытие в Корё партии торговцев из Сун.
Чжурчжэни добились сунского указа Корё о пропуске их посольств в Сун через корёские земли.	1032	Первое посольство Уго к киданям с подарками. Расторжение тангутами вассального договора с киданями и провозглашение независимого государства Си Ся.
Увеличение числа чжурчжэньских посольств в Корё.	1033	Образование империи Си Ся. Начало 10-летнего строительства корёсцами вала на границе с чжурчжэнями.
Чжурчжэньский вождь Адаосянь просил Корё заменить его киданьское звание на корёское.	1036	Завоевание Си Ся части уйгурской территории. Перевод китайских классиков на тангутский язык.
	1037	Усиление киданьского контроля над Уго.
Подтверждение бытования у чжурчжэней пени скотом за убийство («Корё са»).	1038	Тангутский государь принял императорский титул.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Набеги чжурчжэней на киданьскую границу. Предположительное начало правления Угуная из рода ваньянь. Переселение в Корё 100 северо-западных и 900 западных и восточных чжурчжэней.	1040	Начало войны между Си Ся и Сун.
Вождь чжурчжэней Хэсугуаня получил от киданей титул да ван (великий король).	1041	Ликвидация киданями переправы через р. Ялу и китайских военных лагерей. Подготовка нападения на Сун.
Получение чжурчжэнями в Корё волов для пахоты.	1042	Заключение нового договора между киданями и Сун (более тяжелого для Сун).
Распространение на чжурчжэней хуйба киданьской администрации.	1044	Заключение договора Сун с Си Ся. Сун обязалась платить «субсидию». Кидани установили систему пяти столиц. Начало двухлетней войны между киданями и тангутами.
Обращение восточных чжурчжэней с просьбой к Корё заключить с ними соглашение.	1045	Публикация Сун своего календаря в Си Ся.
	1048— 1049	Цзубу пригнали киданям 20 тыс. коней и верблюдов. Начало пятилетней войны между тангутами и киданями. Признание вождями Уго сюзеренитета киданей.
Три военачальника и два вождя восточных чжурчжэней вели переговоры в Корё.	1050	
Морской рейд восточных чжурчжэней в Корё.	1052	Экспедиция киданей в Уго за соколами.
	1055	Открытие киданями школы для изучения китайской классической литературы.
	1058	Принятие Корё мер для установления морских сношений с Сун.
	1060	Открытие киданями государственного училища.
	1063	Запрет киданей на торговлю медью среди населения.
	1066	Кидани снова стали называть себя лясцами.
	1067	Посылка уйгурами буддийских священников и литературы в Ляо.
Суну отказали чжурчжэням в продаже военных материалов.	1069	Начало реформ Ван Ань-ши. Неудачное выступление Уго против Ляо.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Сообщение о присвоении Угунаю киданьского звания цзе-души немирных чжурчжэней.	1070	Подчинение Уго власти Ляо.
Просьба вожда западных чжурчжэней о распространении на его владения корёского административного деления и о разрешении ему поездок в Корё.	1072	Восстание племен на северных границах Ляо.
	1073	Восстание тели и уго против Ляо.
	1074	Отказ киданьского императора ввести в государстве китайские фамилии и брачные обряды как противоречащие традициям киданьской культуры.
Подавление немирными чжурчжэнями восстания тели и уго. Смерть Угунаю и приход к власти Хэлибо.	1075	Заключение нового, более тяжелого для Сун договора с Ляо.
	1076	Запрет Сун вывозить зерно в северные пограничные земли.
	1078	Отклонение Ляо корёских претензий на земли к востоку от р. Ялу.
	1079	Сунская культурная миссия в Корё.
Группа западных чжурчжэней выразила желание перейти с киданьской службы на корёскую.		
Чжурчжэни преподнесли киданям скакунов.	1081	Чжурчжэни по настоянию Корё должны спрашивать у нее на границе разрешение на въезд в страну.
Закрытие государством Корё пути, по которому чжурчжэни следовали в Сун.	1082	Появление тели в Ляо с подношениями.
	1085	Конец периода реформ Ван Ань-ши.
Последняя поездка западных чжурчжэней в Корё.	1086	Ляо обязало всех «данников», в том числе чжурчжэней, вносить «дань» конями и запретило вывоз коней из Ляо.
	1088	Открытие на р. Ялу таможенных рынков для торговли между Ляо и Корё.
	1089	Введение в Корё ограничений на появление у них чжурчжэней.
Победа Хэлибо над коалицией чжурчжэньских вождей.	1091	Появление японского посольства в Ляо с подарками («данью»).

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Смерть Хэлибо. Приход к власти Полашу.	1092	Крупное восстание цзубу против Ляо, подавленное с помощью западных племен.
Полашу получил звание киданьского цзедуши.	1094	Кидани запретили смешанные браки между пограничным населением Ляо и зарубежными обитателями.
Смерть Полашу и приход к власти Ингэ.	1095	Группа восточных чжурчжэней сообщила Корё о положении в их стране.
Борьба Ингэ с коалицией чжурчжэньских вождей под руководством Асу.	1096	Переселение группы восточных чжурчжэней в Корё. Начало войны между Си Ся и Сун.
Пиратский набег чжурчжэней на корёский населенный пункт.	1097	Цзубу предъявили Ляо требование об их освобождении.
Нелегальная покупка чжурчжэнями вооружения в Корё.	1098	Указ корёского короля о «беспокойных чжурчжэнях».
	1099	Заклучение договора между Сун и Си Ся и предоставление последней «субсидии».
Разгром коалиции Асу.	1100	Корё преподнесла Ляо буддийский канон.
Последнее посольство чжурчжэней в Ляо с дарами.	1101	Тели и цзубу ездили в Ляо с подношениями.
Первое посольство в Корё от племенного союза чжурчжэней. Получение Ингэ от Ляо звания цзедуши.	1102	Последнее посольство тели в Ляо с подарками.
Предложение пограничных племен чжурчжэням заключить союз против Ляо. Смерть Ингэ и приход к власти Уясу. Первое корёское посольство к чжурчжэням с предложением мира.	1103	Киданьский мятежник Сяо Хайли тщетно ищет убежища у чжурчжэней. Захват корёскими войсками Пятиречья.
Переселение племени хэляндянь в Пятиречье.	1104	Поражение корёского полководца Юн Гвана в Пятиречье.
Активизация чжурчжэней на корёской границе и корёская инспекция границы.	1105	Требование лясского посольства, чтобы Сун прекратила военные действия с Си Ся.
Обмен официальными посольствами между чжурчжэнями и Корё.	1106	Заклучение мира между Сун и Си Ся.
Истребление 400 чжурчжэней корёсцами во время переговоров.	1107	Поход Юн Гвана на север против чжурчжэней.
Захват чжурчжэнями вооружения в Корё.	1108	Постройка Юн Гваном девяти крепостей против чжурчжэней.
Успешные действия чжурчжэней против Юн Гвана.	1109	Корё уступило чжурчжэням девять крепостей.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Голод и волнения среди чжурчжэней.	1110	Голод в Ляо, появление уго с дарами.
Чжурчжэни принимают беглецов, нарушивших законы Корё.	1111	Попытки военачальников северо-восточных губерний Ляо вырвать у правительства согласие на превентивное изъятие заложников из среды чжурчжэней. Решение Сун заключить союз с чжурчжэнями.
Отказ Агуды от традиционной пляски при дворе Ляо. Активизация движения за объединение племен.	1112	Последнее посольство Уго в Ляо.
Смерть Уясу и приход к власти Агуды. Провозглашение Агуды общеплеменным вождем немирных чжурчжэней. Создание первого аппарата должностных лиц.	1113	Чжурчжэньское посольство в Корё выразило благодарность за уступку крепостей.
Союз чжурчжэней с тели. Выступление Агуды против Ляо и взятие Нинцзянчжоу. Оформление системы мэнъань-моукэ.	1114	Начало шестилетней войны между Си Ся и Сун.
Провозглашение чжурчжэньского государства Цзинь, принятие Агудой (Тай-цзу) императорского титула, введение девиза годов правления Шоуго. Поражение ляоской армии во главе с императором.	1115	Тщетное обращение Ляо за помощью к Корё для борьбы против чжурчжэней. Восстание бохайцев против Ляо.
Занятие немирными чжурчжэнями Хэсугуаня и Ляояна и освобождение мирных сородичей.	1116	Неудачная попытка Гао Юн-чана восстановить государство Бохай. Всеобщая мобилизация в Ляо.
Вторжение чжурчжэней в Ляоси. Прибытие первого сунского посольства для переговоров о союзе. Введение девиза годов правления Тяньпу.	1117	Отклонение Корё цзиньского предложения признать сюзеренитет Цзинь. Неудачная попытка сун-цзиньских переговоров в Корё.
Прибытие ляоского посла с мирными предложениями и сунского — с проектом союза против Ляо.	1118	Мятежи и восстания в Ляо.
Окончательный разрыв отношений между Цзинь и Ляо. Создание больших чжурчжэньских писем.	1119	Восстание цзубу против Ляо. Ремонт корёсцами вала на границе с Цзинь.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Заклучение предварительного соглашения между Цзинь и Сун против Ляо. Взятие чжурчжэнями Верхней столицы Ляо.	1120	Восстание крестьян в провинциях Фуцзянь и Чжэцзян (Сун).
Общее наступление Цзинь на Ляо.	1121	Член императорского дома Ляо Елюй Юйду сдался чжурчжэням.
Заклучение соглашения между Цзинь и Сун о совместной войне против Ляо. Взятие Цзинь остальных трех столиц Ляо. Разгром отряда тангутов, высланного на помощь Ляо.	1122	Восстание крестьян в Северном и Центральном Китае. Образование киданьской династии Северное Ляо. Бегство части киданей в Си Ся.
Передача чжурчжэнями Сунам 6 округов Яньшаня и г. Яньцзина. Смерть Агуды и воцарение Тай-цзуна (Уцимая). Введение девиза годов правления Тянь-хуй и дуалистической системы управления.	1123	Крах династии Северная Ляо. Тщетная попытка Ляо заключить соглашение с Сун. Открытие Сунами рынков для торговли с Цзинь.
Подавление антицзиньского выступления сунского генерала в Пинчжоу.	1124	Признание Си Ся сюзеренитета Цзинь. Провозглашение киданьской династии Западное Ляо (Си Ляо). Предложение Сун предоставить убежище императору Ляо.
Пленение чжурчжэнями последнего киданьского императора и завершение войны с Ляо. Учреждение генерал-губернаторств. Открытие военных действий между Цзинь и Сун. Обложение чжурчжэней налогом на волов.	1125	Крах империи Ляо. Уйгуры признали себя данниками Си Ся. Си Ся объявило себя союзником Цзинь в войне с Сун.
Первые решительные успехи Цзинь в войне с Сун. Обращение Сун к Цзинь с просьбой о перемирии. Несоблюдение Сунами условий перемирия, возобновление военных действий, взятие Кайфына и пленение сунских императоров. Реорганизация правительства: выделение гражданского органа — Государственный совет и военного — Тайный совет. Установление новой границы между Цзинь и Корё.	1126	Отклонение Корё сунской просьбы о посредничестве между Сун и Цзинь. Начало переговоров об условиях вассальной зависимости Корё от Цзинь. Начало эпохи временщиков в Корё.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Провозглашение цзиньцами марионеточного государства Чу и скорая его гибель. Введение экзаменационной системы при назначении на должности. Прибытие двух посольств от уйгуров.	1127	Переезд сунского императора на юг и начало южносунской династии. Усиление партизанского движения в обьятых войной районах бывшей Северной Сун.
Распространение войны на всю Китайскую равнину. Захват Учжу Восточной столицы Сун. Введение территориально-административного деления, составление государственной истории.	1128	Агитация монаха Мёчхона в Корё за войну с Цзинь. Организация сунским правительством армии сопротивления в захваченных Цзинь провинциях.
Переправа цзиньцев через Янцзы, марш на Линьань и отход под действием южносунских войск и партизан. Указ «о перемене обычаев».	1129	Признание Корё вассальной зависимости от Цзинь. Перенесение южносунской столицы в порт Ханчжоу (Линьаньфу). Бегство южносунского императора в море под натиском чжурчжэней.
Создание марионеточного государства Ци. Первая попытка прикрепления крестьян к земле. Выработка основ аграрной системы. Нападение цзиньцев на тибетское государство Тубот.	1130	Фактическое образование Си Ляо и переговоры между Си Ляо и Си Ся.
Поражение цзиньских войск под Хэчаньюанем. Передача государству Ци земель Шэньси. Окончание войны между Цзинь и Си Ся.	1131	Переговоры между Си Ся и Южной Сун. Начало крестьянских восстаний в Цзянси, Фуцзяни, Хэнани.
Неудачное восстание киданина Елюя Юйду и срыв совместного выступления войск Цзинь и Ци на юг. Назначение членов императорского рода на высшие государственные посты.	1132	Ци перенесло столицу в Кайфын.
Вытеснение цзиньских войск с верховьев Ханьшуй.	1133	Ссылка пленных сунских императоров в Угочэн.
Форсирование войсками Цзинь и Ци р. Хуанхэ и открытие совместных военных действий против Южной Сун.	1134	Начало походов Юэ Фэя против Цзинь.
Смерть Тай-цзуна и воцарение Си-цзуна (Хэла). Отход экспедиционной армии. Начало экспедиций против мэнгу. Цзинь приняла собственный календарь.	1135	Подавление крестьянских восстаний в Цзянси, Фуцзяни, Хэнани. Мятеж Мёчхона в Корё. Смерть Хуй-цзуна в Угочэне.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Оттеснение войск Ци за Хуайси.	1136	Занятие тангутами двух цзиньских округов Синин и Лэчжоу.
Ликвидация цзиньцами государства Ци.	1137	Возобладание в Южной Сун курса на заключение мира с Цзинь.
Заключение первого мирного договора между Цзинь и Южной Сун. Создание основ единой системы управления и малых чжурчжэньских писем. Старая ставка в Хуйнинчжоу названа Верхней столицей. Введение девиза годов правления Тянь-цзюань.	1138	Переговоры между Цзинь и Си о торговом договоре.
Обострение отношений между Цзинь и Южной Сун. Междоусобицы в Цзинь. Завершение формирования центральных и местных органов власти.	1139	Признание Южной Сун цзиньского сюзеренитета и возвращение Хэнани и Шэньси. Разрыв мирного договора.
Занятие цзиньцами Хэнани и Шэньси, только что возвращенных по договору. Роспуск китайских и бохайских мэнъянь и моукэ. Избрание потомка Конфуция (49-го), признанное другими странами.	1140	Последние победы Юэ Фэя над цзиньцами.
Начало массового переселения чжурчжэней в Северный и Центральный Китай. Введение девиза годов правления Хуан-тун.	1141	Поражение сельджуков и распространение власти Си Ляо на Семиречье и районы Средней Азии. Открытие таможенных рынков на границе между Цзинь и Си Ся.
Заключение второго мирного договора между Цзинь и Южной Сун (шаосинского). Открытие рынков на таможенных обеих стран. Начало государственных закупок зерна. Уйгуры прислали Цзинь дань.	1142	Южная Сун признала себя вассалом Цзинь. Распространение правительственного контроля Южной Сун на самостоятельные военные отряды. Экспедиция Цзинь в Корё.
Приезд за инвеститурой послов Южной Сун и Корё.	1143	Восстание монголов (мэнгу) и выход их из подчинения Цзинь.
Установление между Цзинь и Южной Сун обычая ежегодного обмена посольствами в годовщину воцарения.	1144	Запрет в Южной Сун неофициальных историй.
Обнародование первого кодекса законов. Введение малых чжурчжэньских писем.	1145	Расширение налогообложения в Южной Сун.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Начало вытеснения чжурчжэньской знати с высших должностей и террора.	1146	Убийство цзиньского посла в Си Ляо.
Заключение мира с монголами и субсидия Хутула-хану.	1147	Провозглашение Исукуя императором «Великого государства монголов» (Да Мэнго).
Дигунай становится первым министром Цзинь.	1148	Образование индийской династии Гури.
Убийство Си-цзуна и воцарение Хай-лин-вана (Дигуная). Введение девиза годов правления Тянь-дэ.	1149	Отрицательная дипломатическая реакция Южной Сун, Корё, Си Ся на события в Цзинь.
Учреждение верховных комиссариатов на границах. Террор против «царского» рода.	1150	Казнь полководцев в Южной Сун.
Открытие государственного «университета».	1151	Составление «Самгук саги» в Корё.
Организация государственных табунов.	1152	Прибытие в Корё большой группы сунских купцов.
Перенос Главной столицы из Шанцзина в Яньцзин (Пекин) — Средняя столица (Чжунду). Введение девиза годов Чжэнь-юань.	1153	Категорический запрет человеческих жертвоприношений в Южной Сун.
Неудачный мятеж киданина Сяо Юя. Первый выпуск кредитных билетов (срочных).	1154	Цзинь передала Корё 2 тыс. овец.
Создание Государственного совета как единого правительственного органа, табели о рангах, кодекса законов. Введение девиза годов правления Чжэн-лун. Открытие чжурчжэньских школ на местах.	1155	Набег тангутов на Тайюань (Цзинь).
Разрушение Шанцзина. Выпуск цзиньской медной монеты.	1156	Смерть бывшего сунского императора Цинь-цзуна в Угочэне.
Реконструкция Южной столицы (Кайфына) и превращение ее в военный лагерь.	1157	Южная Сун потребовала, чтобы университет и ученые-гуманитарии основное внимание уделяли интерпретации классиков.
Подготовка к войне с Южной Сун, закрытие границы.	1158	Цзиньская нота Южной Сун по поводу поддержки мятежников, приема беглецов, укрепления границ, подготовки к войне.
Закрытие таможенных рынков (кроме Сычжоу). Казнь цзиньского посла-китайца, выдавшего в Южной Сун государственную тайну.	1159	Запрет Южной Сун морской торговли с Цзинь.
	1160	Закрытие в Южной Сун всех таможенных рынков, кроме одного.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Восстание киданей в северо-западном верховном комиссариате. Наступление цзиньских войск на земли Южной Сун. Убийство Хай-лин-вана и воцарение Ши-цзуна (Улу). Введение девиза годов правления Да-дин. Временный захват тангутами нескольких областей Цзинь.	1161	Манифест Южной Сун к войску и населению, к киданям, бохайцам, монголам, к Си Ся и Корё «о преступлениях императора Цзинь».
Подавление мятежа киданей. Бегство части мятежных киданей в Южную Сун.	1162	Обмен мирными посольствами между Южной Сун и Цзинь.
Роспуск киданьских мэнъянь и моукэ.	1163	Неудачная сунская экспедиция против Цзинь, предпринятая по совету киданей.
Проведение первой всеобщей ревизии-переписи земель и арендаторов и их имущества. Перевод на чжурчжэньский язык китайских классических сочинений. Открытие таможенных рынков.	1164	Переговоры о мире между Цзинь и Южной Сун.
Строительство пограничных укреплений на северо-западе. Заключение второго мирного договора с Южной Сун.	1165	Южная Сун вновь открыла таможенные рынки на границе с Цзинь. Вторжение цзиньских отрядов в два округа Корё.
Реорганизация государственного «университета».	1166	Спор между Цзинь и Си Ся о вассалитете тибетских старшин на территориях, отошедших к Си Ся.
Конец экспедиций на север.	1167	Переговоры вельможи-сепаратиста Жэнь Да-цзиня (Си Ся) с Южной Сун и Цзинь.
Запрет на забой коней, быков, волов. Обращение Цзинь к цзубу.	1168	Запрет на вывоз из Южной Сун быков и на переход границы с Цзинь.
Восстание киданей и приписка мятежников к чжурчжэньским мэнъянь и моукэ.	1169	Устройство военных поселений по обоим берегам Хуайшуй, пограничной для Цзинь и Южной Сун.
Переход к рекрутированию наемников.	1170	Отказ Цзинь поддержать Жэнь Да-цзиня и его гибель. Военный переворот в Корё.
Учреждение ученой степени чжурчжэньских цзиньши.	1171	Распад монгольского улуса.
Поощрение населения к разведке и разработке жил золота и серебра. Вспышки крестьянских восстаний.	1172	Прибытие в Южную Сун последнего уйгурского посольства.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Резание блоков цзиньского издания Трипитаки. Выборы чжурчжэньских цзиньши. Провозглашение политики возрождения традиционной чжурчжэньской культуры.	1173	Запрет Южной Сун на продажу в Цзинь серебра и шелка.
Ограничение любых семейных, общественных, государственных мероприятий, мешающих полевым работам.	1174	Восстание Чо Ыйчхона в Согёне (Корё) и обращение восставших к Цзинь с просьбой о помощи и о принятии их в подданство Цзинь.
Проведение второй всеобщей ревизии-переписи.	1175	Цзинь отвергла просьбу Чо Ыйчхона и выдало посланцев королю Корё.
Проведение государственной разведки залежей меди. Организация школ в столичных округах.	1176	Начало крупного крестьянского восстания под главенством Мангьи (Корё).
Переселение мятежных киданей в Маньчжурию.	1177	Прибытие из Си Ляо эмиссаров к восставшим киданям.
Организация в комиссариатах ополчений из нечжурчжэньского населения.	1178	Выпуск ассигнаций в Южной Сун.
Указ о пересмотре кодекса законов.	1179	Казнь южносунским правительством лиц, самостийно выступавших против Цзинь.
Реформа чжурчжэньских мэнъянь и моукэ.	1180	Начало войны домов Тайра и Минамото в Японии.
Оборонительное строительство на северных границах Цзинь. Проведение аграрной реформы.	1181	Запрещение в Южной Сун печатания книг по инициативе библиотек.
Введение нового кодекса законов (годов Да-дин).	1182	Запрет иностранным судам брать в дорогу из Южной Сун золото и серебро.
Проведение переписи дворов, земель и имущества мэнъянь и моукэ. Конец массовых переселений чжурчжэней в Китай.	1183	Запрещение пропаганды учения неоконфуцианских школ в Южной Сун.
Паломничество Ши-цзуна в Верхнюю столицу (Шанцзин).	1184	Проведение в Южной Сун крупных работ по орошению.
Сооружение стелы в память победы Агуды над Ляо.	1185	Конец войны между Тайра и Минамото в Японии.
Проведение третьей всеобщей ревизии-переписи. Восстание племени хулигай против Цзинь.	1186	11 племен «восточных варваров» стали данниками Цзинь.
Запрещение чжурчжэням перенимать китайские одежды и фамилии.	1187	Смерть Гао-цзуна — первого императора Южной Сун, правившего в 1127—1163 гг.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Открытие чжурчжэньского университета. Обсуждение плана противодействия Си Ляо.	1188	Вассальное подношение Южной Сун церемониальной утвари покойного Гао-цзуна сюзерену — Цзинь и возврат этой утвари в Южную Сун.
Смерть Ши-цзуна и воцарение Чжан-цзуна (Мадагэ). Временное закрытие монетных дворов и превращение кредитов в бессрочные ассигнации. Учреждение канцелярии прокуроров и Верховного суда.	1189	Уменьшение ставки земельного налога в Южной Сун на $\frac{1}{10}$ — $\frac{3}{10}$. Темучжин избран ханом.
Окончательное оформление органов управления. Введение девиза годов правления Минчан. Учреждение государственных хлебных амбаров.	1190	Активизация отрядов восставших крестьян на юге Корё и продвижение их на север.
Запрещение киданьского письма	1191	Конфликт на цзиньско-тангутской границе и гибель цзиньского полководца Алудая.
Начало крупного оборонительного строительства на северо-западной границе.	1192	Минамото Ёритомо провозгласил себя сёгуном — 1-й сёгунат в Камакура (Япония).
Разрешение населению пахать и сеять на заповедных землях.	1193	Завоевание Северной Индии династией Гури.
Разрешение свободных разработок рудников. Издание положения «о квадратно-гнездовом посеве».	1194	Дело о служебных злоупотреблениях Хань То-чжоу в Южной Сун.
Неудачная военная экспедиция против цзубу.	1195	Запрещение в Южной Сун учения Чжу Си (неоконфуцианство) как неортодоксального.
Поражение отрядов цзубу. Восстание киданей-пастухов. Введение девиза годов правления Чэн-ань.	1196	Захват власти в Корё полководцем Чхве Чхунхоном и его фамилией.
Проведение четвертой всеобщей ревизии-переписи. Начало трехлетнего строительства оборонительного вала на северо-западе. Набор в армию китайцев из столичных округов.	1197	Успешный набег Темучжина на меркитов. Усиление в Южной Сун партии Хань То-чжоу — сторонников войны с Цзинь за возвращение утраченных земель.
Покорение татар, онгутов. Издание законов против восставших и мятежников.	1198	Запрещение в Южной Сун учений, противоречащих официальному.
Возведение в юго-западных губерниях Цзинь 500-километрового оборонительного сооружения.	1199	Выступление Темучжина и Ван-хана против найманов.

Чжурчжэнь и Цзинь	Год	Окружающий мир
Реквизиция земель для устройства военных поселений. Завершение ремонта Великой китайской стены.	1200	Разгром войск меркитов и тайчжутов силами Темучжина и Ван-хана.
Дальнейшее уравнивание в правах народностей Цзинь. Запрещение членам мэнъянь и моукэ торговать землями и наделами и уклоняться от личной их обработки. Введение девиза годов правления Тай-хэ.	1201	Крах Си Ляо. Образование коалиции Чжамухи из меркитов, найманов, ойратов и татар.
Введение нового кодекса законов.	1202	Разгром коалиции Чжамухи Темучжином и Ван-ханом.
Указ об обязательной совместной работе чжурчжэньских и китайских ученых над историей Цзинь.	1203	Завоевание Темучжином кэрэитского ханства.
Нападение Южной Сун на Цзинь. Указ о периодической экзаменационной проверке чиновников.	1204	Реабилитация Юэ Фэя и агитация Хань То-чжоу за войну с Цзинь. Завоевание Темучжином найманского царства.
Мобилизация воинских частей для работ на Великом канале.	1205	Казнь Чжамухи. Первое нападение монголов на Си Ся.
Контрнаступление цзиньских войск и захват ими инициативы. Капитуляция наместника Сычуани.	1206	Провозглашение Темучжина великим ханом — Чингисханом и отказ от цзиньского сюзеренитета. Падение султаната Гури и образование Делийского.
Отказ Цзинь помочь Си Ся в борьбе против монголов.	1207	Смещение и казнь Хань То-чжоу (Южная Сун). Второе нападение монголов на Си Ся.
Заключение четвертого мирного договора между Цзинь и Южной Сун. Смерть Чжан-цзуна и воцарение Вэй-шаована (Юнцзи).	1208	Покорение монголами меркитов. Утрата Си Ляо их владений в Средней Азии. Южная Сун отправила в Цзинь голову Хань То-чжоу.
Разрыв отношений между монголами и Цзинь. Введение девиза годов правления Даань.	1209	Добровольное подчинение уйгуров Чингисхану. Третье вторжение монголов в Си Ся. Признание тангутами зависимости от монголов.
Начало военных действий Чингисхана против Цзинь.	1210	Набег Си Ся на цзиньскую границу.
Развитие наступления монголов и мобилизация в Цзинь.	1211	Захват найманами Кучлука власти над каракидаями.
Вторжение монголов в Маньчжурию. Введение девиза годов правления Чун-цин.	1212	Мятеж Елюя Люкэ в Маньчжурии в объявление им себя

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Введение девиза годов правления Чжи-нин. Взятие монголами Восточной столицы. Новое вторжение монголов в Северный Китай. Убийство Вэй-шао-вана и воцарение Сюань-цзуна (Удабу). Введение девиза годов правления Чжэнь-ю. Окружение монголами Яньцзина и захват многих провинций Северного Китая.	1213	королем киданьского Ляо; союз его с монголами. Последнее вассальное посольство Корё в Цзинь. Си Ся захватило у Цзинь Цзин-чжоу.
Перемирие с монголами и перенесение главной столицы в Кайфын. Успешное контрнаступление чжурчжэней в Маньчжурии против Елюя Люкэ. Самостийность губернаторов и полководцев Цзинь (Лю Цюаня и др.).	1214	Начало военных действий Си Ся против Цзинь. Отказ Южной Сун поддерживать Си Ся. Прекращение Южной Сун взноса дани Цзинь.
Прекращение перемирия между Цзинь и монголами, взятие монголами Яньцзина. Переселение масс чжурчжэней на юг из Хэбэя в Хэнань.	1215	Си Ся захватило цзиньскую Линьтао. Захват Пусанем Ваньну Ляодуна и провозглашение чжурчжэньского государства Восточное, или Великое, Чжэнь.
Наступление монголов в Маньчжурии. Военные действия Цзинь против Восточного Чжэнь.	1216	Истребление меркитов монголами. Переход Елюя Люкэ к монголам и ликвидация его государства. Вторжение отрядов Елюя Люкэ в Корё. Провозглашение Пусань Ваньну в Хэлани нового государства Восточное Ся.
Открытие военных действий Цзинь против Южной Сун и тангутов — против Цзинь. Введение девиза годов правления Син-дин.	1217	Провозглашение монгольского полководца Мухури королем Северного Китая. Последнее посольство из Южной Сун в Цзинь. Вторжение отрядов Люкэ и Ваньну в Корё.
Отказ Южной Сун платить дань Цзинь. Вторжение монголов в Хэдун. Переход Лю Цюаня (бывшего губернатора Шаньдуна) на сторону Южной Сун. Отклонение Цзинь мирных предложений Си Ся.	1218	Уничтожение монголами найманского ханства Кучлука. Подавление монголами беглецов из бывшего Восточного Чжэнь и установление дипломатических отношений с Корё. Вторжение монголов в Си Ся.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Перенос военных действий Цзинь на южносунскую территорию.	1219	Тангуты предложили Южной Сун союз против Цзинь. Союз между монголами и Восточным Ся против Елюя Люкэ. Признание Корё сюзеренитета монголов. Поход на запад Чингисхана.
Активизация действия отрядов «красных курток». Мирные предложения Цзинь монголам.	1220	Уничтожение Чингисханом государства сельджуков. Взятие Бухары и Самарканда. Южная Сун приняла предложение Си Ся о союзе против Цзинь и призвала население Шаньдуна к восстанию против Цзинь.
Нападение монголов и тангутов на Цзинь. Превращение территории Цзинь и пограничных районов соседних государств в арену сражений Цзинь с Си Ся, Южной Сун, монголами и столкновения между отрядами всех четырех воюющих сторон и соединениями мятежных полководцев, меняющих хозяев (Лю Цюань и др.)	1221	Первое вторжение монголов в Индию. Обращение монголов к Корё с требованием дани.
Указ об интенсивной разработке орошаемых земель. Введение девиза годов правления Юань-гуань.	1222	Призвание мятежниками в Корё войск бывшего Восточного Чжэнь на помощь.
Смерть Сюань-цзуна и воцарение Ай-цзуна (Ниньясу).	1223	Корё отвергла цзиньский календарь.
Прекращение военных действий между Цзинь и Южной Сун. Заключение мира между Цзинь и Си Ся. Введение девиза годов правления Чжэньда.	1224	Возвращение Чингисхана из Западного похода. Разрыв тангутов с монголами и попытка организации антимонгольской коалиции.
Изменение русла Хуанхэ и хозяйственные трудности.	1225	Разрыв дипломатических отношений между монголами и Корё. Мятеж Ли Цюаня против Южной Сун.
Возобновление набегов монголов на Цзинь.	1226	Окружение Ли Цюаня монголами в Цинчжоу и переход его на службу к монголам.
Повторные мирные предложения Цзинь монголам.	1227	Разгром монголами Си Ся. Смерть Чингисхана. Мятежи в армии Южной Сун и переход на сторону Цзинь ряда военачальников. Выступление войск Ли Цюаня против Южной Сун и Цзинь.

Чжурчжэни и Цзинь	Год	Окружающий мир
Крупное поражение цзиньского Чэнь Хэ-шана от монголов под Дачаньюанем.	1228	Народные восстания в Южной Сун.
Тщетное обращение Цзинь за военной помощью к своим вассалам.	1229	Избрание Угэдэя великим ханом. Вторжение войск Восточного Чжэнь в Хэджу (Корё).
Вторжение в Шаньси и Шэньси армий Угэдэя и Мункэ.	1230	Победа партии Елюй Чуая над консервативными монгольскими ханами, проведение переписи дворов и земель и введение правильного налогообложения на завоеванной цзиньской территории.
Вторжение монголов в глубь цзиньских владений. Разгром цзиньских войск под Юйшанем и Цзюньчжоу.	1231	Первое монгольское вторжение в Корё. Попытка монголов получить у Южной Сун разрешение на проход войск через их территорию для удара по Цзинь. Набег монголов на Южную Сун.
Убийство монгольских послов. Прекращение мирных переговоров между Цзинь и монголами. Взятие Бяньцзина — Южной столицы Цзинь — монголами. Введение девизов годов правления Кай-син, потом — Тянь-син.	1232	Заключение соглашения между монголами и Южной Сун о совместных действиях против Цзинь.
Обращение цзиньцев к Южной Сун с мирными предложениями. Осада монголами и сунцами цзиньского Цайчжоу.	1233	Уничтожение монголами государства Восточное Ся в Маньчжурии. Восстановление монголами храма Конфуция.
Самоубийство Ай-цзуна в Цайчжоу, смерть его преемника Мо-ди, взятие города и гибель государства Цзинь.	1234	Недопущение монголами вступления союзных сунских войск в древнюю китайскую столицу Лоян.

Некоторые современные величины длины, площади и веса в Китае

ли — 570 м	дань — 100 л
дуань — 20 м	ху — 50 л
чжан — 3,2 м	шэн — 1 л
чи — 30 см	гэ — 0,1 л
цин — 6,1 га	цзинь — 600 г
му — 0,061 га	лян — 37 г

Абаоцзи см. Амбагянь

Абасы 92

Агу 25

Агуда (Тай-цзу, Тай-шу) 20, 27,
28, 32, 42, 49, 50, 55, 58, 59,
61—63, 65—69, 73, 74, 76, 79,
85, 86, 109—111, 141, 145, 151,
167, 169, 184, 198, 213, 297, 298,
313—315, 317, 318, 320, 324, 325,
335, 341, 356, 364, 367, 375

Агунай 20, 28, 40

Агухо 119

Ай-ван 12

Ай-цзун (Ниньясу) 12, 125, 135,
202, 334, 378

Алудай 334

Амбагай-хан 331

Амбагянь (Абаоцзи, Елюй Амба-
гянь) 22, 30, 33, 35, 60

Ань-ди см. Бахай

Асу 47, 49, 55, 67, 73, 313, 318

Асыбо 187

Баимэнь 43, 69

Баксань 211

Балаж Э. 295

Баохоли 20, 28, 40, 56

Бахай (Ань-ди) 40—42

Бахэй 44—46, 55, 67, 75

Бичурин Н. Я. 23, 331

Боликай 46

Буссе Ф. Ф. 16

Бухуй 45

Бэйнай 45, 73

Ван (Бахай) 298

Ван (дин. Цзинь) 126

Ван, помещик 129

Ван Ён см. Хыйджон

Ван Ле 298

Ван О см. Канджон

Ван Тин-юнь 298

Ван Чжэн 298

Ван Э 12

Ван-хан 333

Ваньянь 21, 22

Ваньянь Аньго 337

Ваньянь Вобэнь 157

Ваньянь Лян см. Хай-лин-ван

Ваньянь Няньхань см. Ваньянь
Цзунхань

Ваньянь Сиинь 157, 296

Ваньянь Сян 337

Ваньянь Цзунби (Учжу) 114, 115,
118, 339

Ваньянь Цзунван (Ханьлибу) 113,
114

Ваньянь Цзунсюн 76

Ваньянь Цзунсянь 157, 170

Ваньянь Цзунфу 297

Ваньянь Цзунхань (Ваньянь Нянь-
хань, Чжаньмоха) 113, 115, 119,
157, 213, 366

Ваньянь Цзунхао 123

Ваньянь Чан (Талань) 157

Ваньянь Чун 296

Ваньянь Чэнлинь (Мо-ди) 125

Ваньянь Чэнхошань 211

Ваньянь Юн-цзи см. Вэй-шао-ван

Васильев В. П. 10, 15, 169

Васильев К. В. 8

Вахуво 66

Волкова М. П. 8

Вомоухань 44, 45, 104

Вушань 125

Вэй Хоу 342, 343

Вэй Цзы-пин 193

Вэй-шао-ван (Ваньянь Юн-цзи,
Юн-цзи) 123, 124, 129, 171, 297

Габелеш Г. А. 9

Гао Бо-шу 326

Гао Дэ-ци 269

Гао Жу-ли 239, 244—246

Гао Хуй-чжэнь 373

Гао Юн-чан 109, 297

Гао-цзун (дин. Сун) 11, 113, 114,
116, 342, 344

Гаочжимэнь 25

Гарвэй 15

Го Жэнь-минь 56

Го Лян-чэн 187

Го Яо-ши 113

Гобао 52

Горский В. 23

Грубе В. 16

Гуй 42

Да 19, 35, 297

Да Гао 297

Дала 20

Далай 116, 118

Дигудэ 47

Дигунай (потомок Баохоли) 20,
40, 56

Дигунай см. Хай-лин-ван

Дишидэ 76

Дунъянь 66

Дэди см. Улу

Дэн Янь 215

Е Лун-ли 18

Еджон 48, 320

Елюй Амбагянь см. Амбагянь

Елюй Аньли 300

Елюй Вогань 301

Елюй Дань 299

Елюй Даши 111, 115, 300, 303,
323—337

Елюй Люкэ 124, 302

Елюй Сеши 20

Елюй Сяньчжэнь 37, 87

Елюй Тушань 299

Елюй Хуайи 299

Елюй Цюнь 109, 110

Елюй Чуцай 285

Елюй Шу 300

Елюй Юань 301

Елюй Юйду 110, 113, 115, 298—
300, 342

Елюй Янь 9

Есыбу 302

Жуй-цзун 130

Ивочкина Н. В. 17

Икэути Хириси 16

Ила Фуфань 144

Ина 20

Ингэ (Му-цзун) 42, 45—48, 53, 59,
62, 63, 66—70, 73, 74, 79, 97,
314, 320, 364

Иньчжугэ 317

Канджон (Ван О) 327

Кан-цзун см. Уясу

Кафаров П. 16

Ким Хён 42

Конрад Н. И. 354

Конфуций 114, 375

Кык Су 42

Кычанов Е. И. 8, 12

Лабэй 105

Лакупери Т. де 16

Лао-цзы 373

Ле 35

Ли 297

Ли Бин 235

Ли Гоу 369

Ли Синь 296

Ли Сянь-чэн 19

Ли Цзи 19

Ли Цзинь 296

Ли Цзинь-кэ 296

Ли Цунь-суй 313

Ли Янь 318

Лосо 114

Лоу Яо 11, 288

Лоуши 52

Лулян 66

Лэуши 186

Лю 297

Лю Бэй см. Лю Юй

Лю Цюань 124, 125

Лю Юй (Лю Бэй) 114, 115, 256
305, 366

Люй Ци 12

Люкэ 46, 55

Лян Су 271

Лян Фу-гань 20

Лян Цю 194

Ма Дуань-линь 15, 30, 32, 86, 103,
133, 360

Ма Чжэн 341

Мадагэ см. Чжан-цзун

Малаявкин А. Г. 13

Марко Поло см. Поло Марко

Мачань 46

Меньшиков Л. Н. 8

Мёнджон 327

Мёчхон 327

Миками Цугио 10, 16, 18

Мо-ди см. Ваньянь Чэнлинь

Модоугай 26

Морган Л. 53
Мусань 105
Мухули 124, 125
Му-цзун см. Ингэ
Мэн (Чжао) Хун 330, 331
Мэнкэ бату 66
Мэн-цзы 373

На 22
Нагэньне 46, 47, 66, 105
Нахэ Цюньнянь 134
Нахэ Чжуаньянь 128
Нида Нобору 17
Нин-цзун (дин. Сун) 271
Ниньясу см. Ай-цзун
Нурхаци 379
Нуньгэ Водэла 133, 335
Няньгэ Ханьну 337

Окладников А. П. 16, 121
Оногава Хидэми 13
Ордо 114
Оуян Сюань 13

Плат И. Г. 16
Полашу (Су-цзун) 44—46, 59, 74,
314, 317, 362
Поло Марко 288
Почжунань 66
Пу Цай-тун 264
Пума 66
Пусань 127
Пусань Ваньну 124
Пусань Гуй 123
Пуча 127, 128
Пуча Аньчжоу 147
Пэймань 127

Рашид-ад-Дин 29, 43
Розов Г. М. 13, 14

Саба 337
Сагай 46, 47, 70, 314
Сагу 45
Салиха 114, 119
Саньда 44, 45, 66, 76
Сахо 325
Сегэ 320
Сечу 123
Сигунай 317
Син Тхэ Хён 17, 219
Синджон 327
Син-цзун см. Цзун-чжэнь
Син-цзун (дин. Ляо) 29
Сиратори Куракити 206
Си-цзун (Хэла) 115, 116, 118, 119,
127, 130, 148, 156, 157, 167, 171,
195, 197, 297, 298, 300, 306, 328,
329, 344, 345

Соуэ 52
Сохи 57
Су Дэ-вэнь 194
Су Ши 369
Субудай 125
Сугоугай 25
Суйкэ (Сянь-цзу) 40—42, 55, 80,
81, 92
Су-цзун см. Полашу
Сыма Цянь 14
Сюань-цзун (Удабу) 124, 126, 127,
147, 171, 215, 244, 267, 297, 334
Сюй Вэнь-сяо 245
Сюй Кан-цзун 10, 86, 245, 291—293
Сюй Мэн-синь (Шан Лао) 11
Сянь-цзу см. Суйкэ
Сяо Ие 300
Сяо Сели (Хайли) 48
Сяо Чжун-гун 299
Сяо Юй 119, 300

Тайбо Али 231
Тай-цзу см. Агуда
Тай-цзун (дин. Тан) 19, 22
Тай-цзун (Уцимай) 10, 59, 74, 111,
113, 115, 119, 132, 137, 143, 167,
170, 181, 206, 213, 217, 298, 305, 318
Тай-шу см. Агуда
Талань см. Ваньянь Чан
Тамура Дэ. 357
Танко 127, 128
Танко Аньли 307
Танко Дэвэнь 76
Темучжин см. Чингисхан
То Кэ То 9, 12, 15
Тоёда Ёдзо 16
Тоорил 332
Тояма Гундзи 10, 16
Тулуй 125
Тун Гуань 341
Тутань (Тудань) 198
Тухэсу 130
Тхэджо 96, 105
Тянь-си-хуан (дин. Ляо) 109
Тянь-цзо-ди (дин. Ляо) 79, 109,
110, 111, 234, 315, 317, 318, 333,
336

У 36
У Си 123
У Цянь 285
У Чэнь-и 15
Угулунь 127, 128
Угулунь Юньчжун 133
Угунай (Холо, Хулай, Цзин-цзу)
28, 31, 32, 42—45, 55, 62, 66—70,
74, 80, 92, 94, 104, 364
Угусунь Чжундуань 337—339
Угэдэй 125, 346

Удабу см. Сюань-цзун

Уе 326

Улиньда 127, 128

Улу (Дэди) 40—42

Улу см. Ши-цзун

Ута 47

Утоу 25

Уцимай см. Тай-цзун

Учжу см. Ваньянь Цзунби

Учунь 44, 45, 92

Уши 318

Уясу (Кан-цзун) 42, 46, 59, 63, 65,
69, 73, 74, 320

Фань Чэн-да 10, 282

Фушэху 120

Фэн Цзя-шэн 9

Хабул-хан 329

Хайгу 45

Хайгэань 46

Хайли см. Сяо Сели

Хай-лин-ван (Ваньянь Лян, Дигу-
най) 11, 119, 120, 127, 129, 131,
134, 135, 157, 170, 171, 174, 175,
193, 195, 206, 214, 218, 297, 298,
300, 301, 334, 339, 344, 346, 349,
350, 373

Хань То-чжоу 123, 345

Хань Ци-сянь 305

Хань Ши-чжун 117

Ханьлибу см. Ваньянь Цзунван

Ханьпу (Ши-цзу) 20, 28, 31, 32, 40,
41, 54, 65, 71, 87

Харле Ш. 14, 16

Хафу 114

Хино Кайдзабуро 17

Хо Юань-цзэ 14

Холо см. Угунай

Хуа Шань 17

Хуаньби 44, 45, 60, 66, 67

Хуаньду 73

Хубилай 379

Хуй-цзун (дин. Сун) 11, 113, 343

Хулай см. Угунай

Хун Май 145

Хун Хао 10, 29, 291

Хуту 119

Хутула-хан 329

Хушимэнь 20, 28, 40, 53

Хыйджон (Ван Ён) 327

Хэйниш Э. 12

Хэла см. Си-цзун

Хэлибо (Ши-цзу) 39, 42, 44—46,
54—56, 59, 60, 62, 66, 73—76, 95,
104, 105, 314, 326, 364

Хэсунь 67

Хэчжэ 46, 70

Хэшиле 26, 127, 128, 233

Хэшиле Ляньби 214

Хэшиле Хаошоу 139

Хэшиле Хушаху 124

Цай Тяо 11

Цао Сюнь 11, 113

Цзин-цзу см. Угунай

Цзинь-кэ см. Ли Цзинь-кэ

Цзо Ци-гун 304

Цзун-чжэнь (Син-цзун) 29

Цзунь-сян 335

Ци Цзай 146

Ци-цза 41, 92

Цинь Гуй 370

Цинь-цзун (дин. Сун) 11, 113

Цуй Ли 378

Цун Тань 245

Цювэй 26

Чан Чунь 330—332, 336—339

Чжан 297—298

Чжан Бо-чан 113

Чжан Вэй 245

Чжан Хао 298

Чжан Цзя-цзюй 17

Чжан-цзун (Мадагэ) 123, 127,
143, 146, 171, 173, 187, 198, 206,
210, 222, 300, 335, 345, 350

Чжаньмоха см. Ваньянь Цзунхань

Чжао Цинь-ся 339

Чжао Юй-гун 12

Чжао-цзу см. Шилу

Чжи Тун-я 84

Чжиду 47

Чжо Чжун Хон 327

Чжоу Шан 11, 246

Чжу Да-цзюнь 17

Чжу Мэн 21

Чжуху Гаоцзи 125

Чжэбэ 124

Чи Чжань-хуй 339

Нингисхан (Темучжин) 124, 125,
210, 307, 329—333, 335, 336, 338,
346, 349, 378

Чон Ин Чи 14

Чон Чжунбу 327

Чон Чжунхан 327

Чонджон 96, 319

Чумон 28

Чэн Да-жэнь 9

Чэн Чжо 10

Шаванн Э. 11

Шавкунов Э. В. 16

Шаило 25

Шан Лао см. Сюй Мэн-синь

Ши И-шэн 344

Ши Цзин-тан 305, 313

Шилихай 66
 Шилу (Чжао-цзу) 31, 41, 42, 52,
 55, 66, 74, 364
 Шисянь 42—44, 66, 321
 Шитаньни 125
 Шитумэнь 20, 40, 66, 76, 130
 Сихэсу 143
 Ши-цзу см. Ханьпу
 Ши-цзу см. Хэлибо
 Ши-цзун (Ляо) 34
 Ши-цзун (Улу) 121—123, 127,
 128, 131, 133—135, 139—146,
 148, 158, 171, 174, 175, 186, 193,
 199, 203, 205, 206, 214, 218, 219,
 225, 227, 229, 231, 244, 257, 262,
 265, 266, 274, 275, 280, 282, 283,
 293, 297, 298, 300, 301, 318, 337,
 345, 350, 374, 375
 Шицзы 130
 Шицзюй 283
 Шоугэ 52
 Шунь 122
 Шунь-ди 13
 Шэн-цзун (Ляо) 39, 317

Шэнь Ци-вэй 15

Ыйджон 327

Эджицин 25

Ю Гымпхиль 35

Юань Вэнь-хао 12

Юаньпу 25

Юй Юнь-вэнь 11

Юйвэнь Мао-чжао 9, 10

Юн Гван 48, 321

Юн-цзи см. Вэй-шао-ван

Юньгун (Ваньянь) 297

Юэ Фэй 114—117

Яда 66, 70

Ямадзи Хироаки 233, 240, 243

Ян Сюнь-цзи 13

Янаи Ватару 17

Ян-цзы 373

Янь-ди (дин. Суй) 253

Яньши 125

Яо 122

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Азия Восточная 116, 350, 382
 Азия Северная 357
 Азия Средняя 338, 339
 Азия Центральная 300, 337, 339,
 344
 Айсин см. Цзинь
 Алимэн см. Уссури
 Алтайский хребет 329
 Амур (Хэйлунцзян, Хэйшуй, Чер-
 ная река) 24, 33, 35, 83, 379
 Анджу 108
 Аншань 292
 Аньй 108
 Аньхой 7, 221, 240, 246, 247
 Аньчун см. Цзинь
 Аньчуху см. Ашихэ
 Аньши 19
 Асучэн 47, 55, 78
 Афанасьевка 285
 Ачжигу см. Ашихэ
 Ачэн (Хуйнин) 33, 88, 112, 162,
 291. См. также Верхняя столица
 Цзинь
 Ашихэ (Аньчуху, Ачжигу) 26, 27,
 33—35, 40, 42, 50, 54, 67, 81, 90,
 108

Байчэн см. Верхняя столица
 Цзинь
 Байшань 41, 42
 Баоаньцзюнь 255, 287
 Баолоу 20
 Баочи 268
 Баочжоу см. Поджу
 Баошань 238, 239
 Бидзэн 328
 Биладзи 66
 Бинду 341
 Биньте 50
 Биньчжоу 107, 292, 296
 Боличжоу 32
 Борющиеся царства (Чжаньго)
 370
 Бохай 4, 19—21, 26, 27, 31—33, 35,
 38, 82—85, 92, 93, 95, 107, 109,
 296, 310, 312, 313, 317, 361—363,
 381
 Бохайский залив 97, 98, 106, 107,
 292
 Бочжоу 222
 Буир-Нур (Лугюй) 329—331
 Буямыхэ 35
 Бэй Вэй см. Северная Вэй

Бэй Сун см. Сун Северная
Бэйпинцзюнь 287
Бэйшэньчжэнь 246
Бэйцзин см. Северная столица
Цзинь
Бэйцинькай см. Ханко
Бяньхэ 287, 288, 290
Бяньцзин см. Кайфын

Ваминь 43
Ваньаньху 290
Великая Чжэнь (Да Чжэнь) 124
Великий канал 253
Верхняя столица Ляо (Шанцзин)
33, 34, 38, 110
Верхняя столица Цзинь (Шан-
цзин) 10, 11, 33, 82, 83, 86, 88,
112, 113, 119, 122, 131, 133, 135,
139, 162, 170, 174, 200, 201, 219,
232, 260, 264, 274, 285, 291—293
Вонсан 35
Восток Ближний 338
Восток Дальний 3, 4, 16, 57, 63,
91, 116, 126, 162, 239, 240, 281,
309, 333, 348, 352—354, 380—382
Восточная [ки]дань см. Дундань
Восточная столица Ляо (Дунцзин)
33, 36, 109, 296, 297
Восточная столица Цзинь (Дунц-
зин) 86, 151, 162, 165, 184, 213,
228, 263, 293, 307
Восточная Ся (Дун Ся) 124
Восточное море см. Дунхай
Восточный Туркестан 337, 338, 356
Вэйкоу 37
Вэйчжоу 234

Гайчжоу 33
Ганьсу 247, 338, 343
Ганьхэ 209
Гаоли см. Корё
Гаочан (Хэчжоу) 222, 333, 337
Гирин, г. 36, 34
Гирин, пров. 15, 34, 88, 89, 296
Гуаннин 291
Гуанцихэ 287
Гуанчжоу 246, 287
Гуаньнин(фу) 213, 291—293
Гуаньчжоу см. Теличжоу
Губэйкоу 341
Гуйдэчжоу 36, 39, 125
Гуйчжоу 7, 39
Гунчжоу 246, 247
Гэчжоу 234

Да Цзинь см. Цзинь
Да Чжэнь см. Великая Чжэнь
Дадин(фу) 33, 86, 112, 162, 299
Дайчжоу 287

Дакоу 291
Дамин(фу), 7, 120, 140, 227
Дасангуань 343
Дасин см. Пекин
Дасинь 365
Датун (Юньчжоу) 112, 113, 145,
162, 238
Динчжоу см. Чонпхён
Диньань 31, 33—37, 50, 107, 108,
340
Дун Ся см. Восточная Ся
Дундань (Восточная [ки]дань)
33, 35, 36
Дунмаушань 19
Дунпин 92
Дунтин 117
Дунхай (Восточное море) 33, 112,
120
Дунхуй 315, 316
Дунцзин см. Восточная столица
Дуншэнь 255
Дэнчжоу, г. в пров. Хэнань 246,
247
Дэнчжоу, г. в пров. Шаньдун 86,
97, 103, 105, 107, 287, 339, 343
Дэньяо 240

Европа 13
Ежэнь 379
Елань 20, 28, 40, 41, 48, 104

Ёнджу 48

Желтое море 106
Жуньчжоу 213, 292
Жучжоу 222

Западная столица Ляо (Сицзин)
110
Западная столица Цзинь (Сицзин)
124, 162, 174, 199, 228, 264, 268,
271
Западная Халха 332
Западное Ляо (Си Ляо) 111, 120,
300—303, 332, 336, 337, 339
Западное Ся (Си Ся) 13, 18, 111,
122, 124, 125, 205, 254—257, 287,
315, 333, 334, 336, 337, 341, 346—
349, 351, 377
Западно-Корейский залив 106

Иджу 48
Иду 174
Известковая сопка 208, 209
Икидзима 328
Илань 8, 26, 107
Или 111
Илигу 48
Интянь 113

Иньчжоу см. Телин
Ичжоу 145

Кайфын (Бяньцзин) 11, 12, 113,
117, 118, 120, 123—125, 154, 194,
195, 199, 207, 211, 232, 238, 244,
246, 269, 273, 282, 287, 288, 292,
310, 325, 328, 340, 342, 345, 347,
356, 366, 375

Кайюань (Сяньчжоу) 21, 22, 34,
39, 213, 292

Кваксан 108

Керулен (Лунцзюй) 8, 112, 123,
329, 330, 337

Кильччу 48

Китай 4, 5, 7, 15, 16, 20, 24, 25,
30, 32, 86, 88, 89, 98, 99, 111,
113, 116, 117, 126, 130, 134, 135,
140, 148, 150, 153, 175, 179, 180,
189, 191, 195, 212, 215, 216, 220,
225, 227, 233, 239—241, 249, 273,
282, 288, 289, 291—294, 301, 309,
310, 316, 331, 333, 335, 343, 345,
349, 351, 356—358, 360, 367, 368,
369, 381, 382

Китай Северный 3, 6, 124, 125,
131—133, 154, 162, 192, 213, 224,
229, 232, 234, 238, 242, 250, 253,
256, 287, 304, 306, 313, 338,
366, 370, 371, 374—378

Китай Центральный 3, 6, 162, 338,
370

Китай Южный 256, 257, 287, 370,
376

Китайская равнина 127, 149, 150,
213, 217, 257, 330, 346

КНР 207

Когурё (Гаогюйли, Гаоли) 19, 22,
27, 28, 298

Конхомджин 48

Корея 28, 30, 41, 88, 256, 356

Корё (Гаоли) 13, 18, 21, 23, 25—
28, 30—33, 36—40, 44, 48, 50, 64,
88, 89, 93, 94, 96—101, 103—108,
111—113, 122, 254, 256, 257, 293,
298, 310, 314, 315, 319—328, 340,
343, 344, 348—351, 360—362, 366,
371, 381

Кочжоу 334

Красноярская крепость 207, 208,
285, 375

Кубань 7

Кукунор 333

Кулун-Нур 329

Кусон 108

Лайсянь 34

Лайчжоу 292

Лайюань 37

Лалинь 95, 245, 292

Лалиньшань (Хулуньлин) 35

Ланьчжоу 255, 287, 333

Линьань (фу) см. Ханчжоу

Линьтао 7

Линьхуан 33, 112, 139, 145, 210,
256

Линьцзян 108

Личжоу 7

Лоян 112, 113, 125, 211

Луаньчжоу (Луаньсянь) 292

Лугуй см. Буир-Нур

Лукоухэ см. Юндин

Лункун 318

Лунхуа 34

Лунцзюй см. Керулен

Лунцюаньфу 33, 108

Лунчжоу 234

Луньчжоу 93

Лунъюаньфу 33

Лухэ 84

Лучжоу 246

Лэньшань 86

Лэчжоу 334

Люкэчэн 55, 78

Люцзячжуань 213

Ляо 12, 13, 18, 20, 32—34, 36—39,
41—50, 65—68, 70, 71, 73, 75, 79,
80, 85, 89, 92, 93, 95—110, 112,
118, 127, 130, 147, 149, 151, 152,
170, 173, 179, 183, 191, 205, 210,
212, 213, 224, 233, 257, 267, 279,
291, 295—303, 310—318, 325, 326,
328, 331, 333, 336, 340, 341, 348,
349, 352, 356, 357, 361, 362, 364,
365, 367, 371, 381

Ляобин 274

Ляодун 27, 33, 36, 86, 89, 97, 98,
107, 110, 124, 170, 199, 259, 263,
265, 268, 288, 299

Ляонин 318

Ляоси 108, 109, 124

Ляохай 83

Ляохэ 39, 49, 112, 291, 292

Ляоян 21, 23, 33, 39, 82, 108, 109,
112, 120, 122, 124, 144, 151, 162,
291, 292, 297, 298

Маньяньфу 120

Маньпу 107, 108

Маньчжуря 3—5, 8, 10, 15, 23—25,
27—29, 31, 35—38, 41, 46, 72,
82—88, 90, 93, 99, 102, 107—109,
111, 114, 124, 126, 139, 191, 210,
217, 224, 226, 232, 234, 238, 240—
243, 256, 260, 289, 291, 293, 294,
299, 303, 306, 310—313, 318, 324,
330, 353, 356, 362, 376, 377, 379

Маньчжурия Восточная 39, 162, 361
Маньчжурия Северная 162, 302, 378
Маньчжурия Южная 162, 316, 378
Маньчжурская равнина 324
Мацзи 66
Мергень (Нунцзян) 209
Мин (династия) 83, 373
Минчжоу 112, 114
Минчжоу 247
Монголия 152, 162, 257, 300, 313, 314, 344, 356
Монголия Внутренняя 250
Монголия Восточная 3, 151, 299, 303
Мопань 246
Мукден см. Шэньян
Мулихай 46
Мулуьхэ 35

Нань Сун см. Южная Сун
Наньхайфу 33, 93
Наньцзин см. Южная столица
Наньцзин см. Пекин
Нингута 83, 107, 293
Нинцзян см. Нонни
Нинцзянчжоу 33, 49, 50, 56, 60, 76, 77, 86, 95, 112, 317, 364
Нонни (Нинцзян) 22, 35, 65
Нунцзян см. Мергень
Нунъань (Хуанлунфу) 107, 109, 133, 292, 296

Онгин 329
Онон 329, 330
Орловщина 7
Орхон 38, 329, 332, 336

Пакчхон 118
Партизанский район 238
Пекин (Дасин, Наньцзин, Синцзин, Чжунду, Яньцзин, Яньшань) 7, 8, 10, 11, 110—113, 119—121, 124, 153, 154, 162, 167, 170, 184, 238, 245, 278, 289—293, 297, 299, 303—305, 328, 341, 343, 356
Пиндинъяо 240
Пинлу 239
Пинчжоу 42, 111, 113, 145
Поволжье 7
Подату 45, 105
Поджу (Баочжоу) 325, 326, 379
Позднее Цзинь (Хоу Цзинь), маньчжурское государство 379
Поздний Бохай (Хоу Бохай) 35, 36, 38, 39, 107
Поздняя Тан (Хоу Тан) 305, 340
Поздняя Цзинь (Хоу Цзинь) 305

Поздняя Чжоу (Хоу Чжоу) 340
Покджу 48
Посуфу 165, 293
Приамурье 4, 5, 353, 361, 378
Приморье 3—5, 28, 34, 35, 40, 43, 48, 82, 83, 107, 207, 238, 241, 285, 353, 361, 379
Пугань 20, 28, 40
Пукчхон 35
Пучжоу 222
Пхёнандо Северное 37, 321
Пхённджин 48
Пятиградие см. Угочэн
Пятиречье см. Ушуй
Пяти династий эпоха 19, 29, 370

Римская империя 359
Россия 381

Саньго см. Троецарствие
Саньсин 27, 293
Саньчакоу 292
Северная Вэй (Юань Вэй, Бэй Вэй) 4, 19, 20, 22
Северная столица Цзинь (Бэйцзин) 145, 146, 174, 264, 268, 300
Селенга 329
Семиречье 521, 337, 388
Сергеевка 238
Си Ляо см. Западное Ляо
Си Ся см. Западное Ся
Сибирь 51, 53, 148, 381
Силла 23, 361
Синин 333, 334
Синцзин см. Пекин
Синчжоу 327
Синчжунфу см. Чаоян
Синьчжоу см. Хуйдэ
Сицзин см. Западная столица
Сичжоу 292
Сифань 81
Славянский район 207
Сондо 112
Сончхок 108
Средняя столица Ляо (Чжунду) 33, 34, 110, 299
Средняя столица Цзинь (Чжунду) 157, 162, 165, 174, 194, 195, 199, 231, 245, 268, 269, 271, 282, 300
СССР 207
Субинь 41
Суй (дин.) 19, 22, 24, 30, 179, 360
Суйдэ 255
Суйпин, р. см. Суйфун
Суйпин (лу), губерния 139, 165
Суйфун (Суйпин) 35, 45, 207
Сумоцзян см. Сунгари
Сун 10, 13, 18, 26, 27, 30, 36—39,

44, 66, 97—101, 106—108, 110—113, 118, 122, 123, 125, 147, 149, 151, 152, 159, 162, 173, 179, 192, 198, 212, 213, 215, 221, 233, 234, 250—252, 255—257, 267, 269, 270, 279, 287, 288, 293, 300, 303, 304, 305, 310, 313—315, 322, 323, 329, 333, 335, 340, 341, 344, 348—352, 364, 366—368, 371, 373, 376, 381, 382
 Сун Северная (Бэй Сун) 126, 225, 242, 282, 284, 347
 Сун Южная (Нань Сун) 12, 113—118, 120, 124, 125, 137, 139, 148, 194, 205, 236, 237, 242, 246—253, 255—258, 260, 263, 267, 268, 270—272, 275, 282, 283, 286, 287, 288, 293, 300, 304—306, 309, 333, 339, 343—348, 350, 370, 373, 377
 Сунгари (Сумо, Сумоцзян, Сунмо, Суцзян) 21, 26, 32, 34, 35, 65, 83, 107, 356. См. также Хуньтунцзян
 Сунмо см. Сунгари
 Сүцыхэ 108
 Суцзян см. Сунгари
 Сучжоу см. Цзиньчжоу
 Сучжоуяо 240
 Сыпин (Ханчжоу) 292
 Сыр-Дарья 111
 Сыхэ 290
 Сычжоу 246—249, 269
 Сычжоуяо 240
 Сычуань 7, 114, 115, 123, 125, 253, 350
 Сюда 48
 Сюйицзюнь 247
 Сюйчжоу 195, 261
 Сюнчжоу 287, 292
 Сюньчжоу
 Сюньюэ 298
 Сянчжоу 234
 Сяпшуй 287
 Сяньнин 174
 Сяньчжоу см. Кайюань
 Сяньян 287
 Сяояо 240
 Сячжоу 222

Тайчжоу 210, 263, 333
 Тайшэньтебао 43
 Тайюань 112, 113, 334, 342
 Тан 4, 19—22, 24, 27, 29, 30, 52, 67, 80, 179, 184, 250, 257, 284, 338, 381
 Танчжоу 246, 247, 343
 Таньчжоу 287
 Таочжоу 247
 Тарбагатай 332
 Тахэцай 292

Телин (Иньчжоу) 93, 292
 Теличжоу (Гуаньчжоу) 92
 Тикудзэн 328
 Тола 112, 329
 Троецарствие (Саньго) 370
 Тубот (Туфань) 339
 Тугулунь 48
 Тумэнь 43, 46, 47
 Тунцзя 34, 37, 108
 Тунчжоу 290, 292
 Тунчуаньфу 7
 Туншань 93
 Туфань см. Тубот
 Тухэсу 130
 Тхонгхэджин 48
 Тяньфу (Хухань) 33, 35
 Тяньшань 336
 Убутунь 55, 92
 Уго 50, 69, 83
 Угочэн (Пятиградие) 11, 12, 33, 113
 Удаолин 238
 Ужэчэн 27
 Уйгурия 336
 Унджу 48
 Уссури (Алимэн) 33, 35, 83
 Уссурийск 207
 Ушуй (Пятиречье) 33, 48, 320, 321, 324

Фаньян 287
 Франция 14
 Фуцзяду 246
 Фуцзянь 251
 Фучжоу 82
 Фууй, гос-во 4
 Фууй, г. 36, 139, 165, 379
 Фуянь (лу) 7, 263, 271
 Фэнсян (фу) 7, 246, 247, 287
 Фэнчжэнь 209

Хайга 81
 Хайлань 66
 Хайси 379
 Хайчэн 292
 Халхэ 107
 Хамгён 39, 107
 Хамгёдо 26, 35, 39, 107, 321
 Хамджу 48
 Хамхын 25, 34, 35, 38, 48, 107, 363
 Хангай 329
 Ханко (Бэйцинькай) 35
 Ханчжоу см. Сыпин
 Ханчжоу (Линьань) 33, 112—114
 Хань 23, 220, 338
 Ханьдань 240
 Ханьпо 241
 Ханьчжоу 102, 255

Ханьшуй 251, 253, 287
 Харбин 95, 238, 316
 Хваннюса 30, 360
 Хвансон 37
 Хинган 123, 295
 Хотан 338
 Хоу Бохай см. Поздний Бохай
 Хоу Тан см. Поздняя Тан
 Хоу Цзинь см. Поздняя Цзинь
 Хоу Чжоу см. Поздняя Чжоу
 Хуабэй 238
 Хуань 287
 Хуайшуй (Хуайхэ) 120, 121, 125, 246, 251, 253, 287, 343, 345
 Хуалунчжэнь 246, 247
 Хуанлунфу см. Нунъань
 Хуанхэ 112, 113, 115, 117, 124, 174, 221, 238, 261, 278, 287—289, 293, 342, 343, 366
 Хуаньчжоу 107, 108
 Хуачжоу 287
 Хубэй 246
 Хуйдэ (Синьчжоу) 123
 Хуйнаньдунь 7
 Хуйнаньси 7
 Хуйнин (фу) см. Ачэн, Верхняя столица Цзинь
 Хуйфа 34, 38
 Хуйхэ 25, 287
 Хуйхэпху 196
 Хуйян 122
 Хулунылин см. Лалиньшань
 Хуньтуңцзян 20, 21, 32, 84, 112, 292.
 См. также Сунгари
 Хуньхэ 356
 Хухань см. Тяньфу
 Хэбао 66
 Хэбэй 7, 114, 115, 117, 124, 131, 139, 152, 199, 216, 221, 227, 240, 242, 276, 277, 289, 341
 Хэбэйдун 7, 199
 Хэбэйси 7, 199, 301
 Хэдун 7, 38, 114, 125, 152, 242, 256
 Хэдунбэй 7
 Хэдуннань 7, 263
 Хэйлунцзян, пров. 15, 330
 Хэйлунцзян, р. см. Амур
 Хэйшуй см. Амур
 Хэйшуйфу 19, 22
 Хэлянь 42—44, 48, 67, 139, 165, 194, 321
 Хэнань (Хэшо) 6, 7, 115, 117, 123, 131, 147, 154, 157, 205, 215, 220, 221, 223, 225, 227—230, 240, 246, 258, 261, 263, 268, 271, 276, 277, 282, 289, 290, 343, 345—347
 Хэсугуань 20, 27, 28, 31, 33, 34, 40, 53, 165
 Хэцзянь 213, 219, 342, 366

Хэчжоу см. Гаочан
 Хэшанъюань 114
 Хэшо см. Хэнань

Цайчжоу, пров. Аньхой 247
 Цайчжоу, пров. Хэнань 12, 112, 125, 222, 347, 378
 Цайши 121
 Цанчжоу 268
 Цаньчжоу см. Шаньхайгуань
 Центральная равнина 114, 118, 347
 Цзаоянцзюнь 246, 247
 Цзечжоу 251, 268
 Цзиндундун 7
 Циндунси 7
 Цзиннань 7
 Цзинси 7
 Цзинсибэй 7
 Цзинсинань 7
 Цзинхубэй 7
 Цзинчжао (фу) 7, 271, 287
 Цинь (Айсин, Аньчун, Да Цзинь) 3 passim
 Цзиньчжоу (Сучжоу) 98, 195, 242
 Цзинъюань 162, 165
 Цзинчжоу 145
 Цзюньчжоу 125
 Цзюньяо 240
 Цзюхэ 366
 Цзянкай 107
 Цзяннаньдун 7
 Цзяннаньхэ 287
 Цзянси 7
 Цзянсу 7, 221, 240, 246
 Цзяньчжоу 379
 Цзяоси 247
 Ци 9, 114—117, 137, 154, 246, 254, 270, 273, 282, 304, 305, 350, 366
 Цимаочжэнь 246, 247
 Цин 9, 57, 83, 356
 Цинлин 35
 Цинлян 41
 Цинчуаньцзя 108
 Циньфэн 7
 Циньчжоу 246—249, 269
 Цинъюань 7
 Цичжоу 12, 143, 207, 292
 Цичжоуяо 240
 Цусима 328
 Цычжоу 233
 Цяньтанцзя 287

Чанбайшань см. Чанбошань
 Чанбошань (Чанбайшань) 20, 21, 32, 34, 82
 Чанцзинь 107
 Чанчжигуо 290
 Чаньчи 291

Чаосянь см. Чосон
 Чаоян (Синчжунфу) 293, 315
 Чжанчжоу 287, 288
 Чжаньго см. Борющиеся царства
 Чжаосянь 38
 Чжувэй 48
 Чжунду см. Пекин
 Чжунду см. Средняя столица
 Чжунцин 315
 Чжуншань 342
 Чжэнь 38
 Чжэньдин(фу) 112, 113, 238
 Чжэньжунцзюнь 287
 Чжэньхуа 37
 Чонпхён (Динчжоу) 48
 Чончжу 319
 Чосон (Чаосянь) 41
 Чу 9, 13, 117, 350
 Чухэдянь 77
 Чучжоу 246
 Чэнду(фу) 7, 287
 Чэнчжоу 302
 Чэньчжоу 195

Шайгинское городище 238, 241
 Шамо 110
 Шамьньдао 107
 Шанцзин см. Верхняя столица
 Шаньдун 6, 7, 98, 103, 107, 114,
 117, 120, 121, 124, 125, 140, 146,
 154, 167, 194, 195, 216, 227, 231,
 244, 246, 250, 262, 268, 282, 297,
 305, 307, 372
 Шаньдундун 7
 Шаньдунси 7
 Шаньси 6, 7, 113, 117, 124, 125,
 154, 224, 239, 240, 251, 341
 Шаньхайгуань (Цаньчжоу) 291,
 292
 Шаньянду 287
 Ширамурен 356
 Шоучжоу 246
 Шочжоу 238
 Шу 287
 Шуайшуй 46

Шуйчжай 246
 Шэньинь 43
 Шэнси 7, 114, 115, 125, 157, 167,
 202, 224, 240, 241, 253, 254—256,
 259, 268, 290, 334, 338, 343
 Шэньчжоу см. Шэньян
 Шэньян (Мукден, Шэньчжоу) 34,
 108, 139, 292

Эчжоу 287

Юань 15, 183, 241, 306, 335, 347,
 356, 357
 Юань Вэй см. Северная Вэй
 Южная столица Ляо (Наньцзин)
 33, 291, 297
 Южная столица Цзинь (Нань-
 цзин) 7, 8, 162, 167, 213, 224, 228,
 230, 242, 259, 263, 271
 Юйшань 125
 Юндин (Лукоухэ) 289
 Юнкан 34
 Юннань 129
 Юнсинцюань 7
 Юнчжоу 247
 Юньчжоу см. Датун
 Юньжун 254, 256, 366
 Юсу 93

Ялу (Ялуцзян) 20, 21, 32, 34, 36—
 38, 48, 97, 98, 107, 111, 112, 310,
 311, 325, 326, 340
 Ялуфу 33, 107
 Янцзы (Янцзыцзян) 112, 114, 117,
 121, 250, 253, 287, 343, 345, 356
 Янчжоу 120, 125
 Янь 297
 Яньцзин см. Пекин
 Яньчжоучэн 240
 Яньшань см. Пекин
 Яочжоуяо 240
 Яошоу 366
 Япония 16, 27, 107, 236, 328
 Японское море 106, 316
 Яцзахэ 84

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ И РОДОВЫХ НАЗВАНИЙ

Аньчэгу 19
 Арабы 359

Байшань 19, 30, 80
 Бодибу 192
 Боду 19, 80
 Бохайцы 17, 19—21, 23, 27, 35, 41,
 51, 88, 91, 109, 151, 172, 189, 192,

194, 197, 265, 295—300, 308, 309,
 311, 360, 363, 374, 381
 Бошань 24
 Бучжулу 42
 Бушулу 45

Вакэ 45
 Вале 73

Ваньянь 27, 28, 31, 33, 35, 40, 41,
43, 46—55, 57, 61, 64—67, 71, 74,
89, 93, 112, 126, 127, 361
Вачжунь 35, 46
Воцзой (вэцзи, цзюйцзи) 21, 26,
82, 84
Вэй 72
Вэймо 31, 362
Вэньдихэнь 35, 43, 47
Вэньду 92
Вэцзи см. воцзой
Гудянь 192
Гулидянь 45, 75
Гунны 359

Далугу 295
Дансяны 381
Деле см. теле
Джалаиры 329, 331, 332
Джурджи (джурджи) 29. См.
также чжурчжэни
Джурджиты 29. См. также чжур-
чжэни
Диле 35
Дилецзы 366
Дунъи 328

Еладу 192
Елань 35, 42
Ехуй 42

Жоужуани 356

Илоу 20, 21, 23, 24, 82, 84, 360

Каракидани 336—338

Карлуки 335

Кидани 8, 17, 19, 21, 25, 27, 29,
32, 34, 36, 37—39, 43, 45, 47—51,
65, 75, 79, 80, 85—88, 92—95,
98, 102, 105, 107, 109, 111, 122,
123, 140, 152, 162, 172, 178, 187,
191, 192, 194, 202, 208, 210, 234,
256, 278, 295, 298—304, 307—
311, 313—318, 323, 324, 328,
335—337, 339—341, 359, 361, 363,
366, 374, 384

Киргизы 332

Китайцы 4, 17, 72, 94, 97, 98, 102,
106, 111, 118, 123, 125, 139, 140,
148, 150—154, 156, 157, 172, 174,
177, 187, 189, 192—194, 197, 202,
212, 216, 217, 219—221, 223, 226,
228—230, 232, 241—243, 248, 255,
257, 265, 278, 291, 293, 295, 296,
298—300, 303, 305—307, 309, 316,
325, 332, 335, 338, 340—342, 349,

351, 357, 360, 363, 367, 370—376,
382. См. также Сунцы
Корейцы 4, 20, 23, 31, 37, 361. См.
также корёсцы
Корёсцы 35, 39, 42, 48, 49, 51, 72,
84, 92—94, 97, 102, 105, 210,
319—328, 335, 349, 362, 363. См.
также корейцы.
Кэрэиты (хэрэ) 329, 331, 332

Лимо 80

Лучжэнь 20. См. также чжурчжэни
Любо 339

Люйчжэнь 29, 32. См. также
чжурчжэни

Мангу см. монголы

Мангуцзы см. монголы

Маньчжуры 5, 13, 15, 23, 54, 82,
359, 360, 367, 381, 382

Мао 192

Меркиты 329, 339

Мокоши см. монголы

Монголы (мангу, мангуцзы, мо-
коши, мэньгу, мэнгусы, мэнгүцзы,
мэньгу) 17, 57, 112, 118, 124, 125,
162, 178, 192, 196, 212, 288, 290,
299, 300, 306, 307, 309, 327, 329,
330, 332, 333, 337—339, 347, 349,
356, 359, 363, 366, 374, 377—379

Моньянь 65

Мохэ 19, 20, 22—24, 30, 32, 67, 80,
91, 295, 311—313, 331, 360—362

Мудянь 192

Мэньгу см. монголы

Мэнгусы см. монголы

Мэньгуцзы см. монголы

Мэньгу см. монголы

Найманы 329, 331, 332, 339

Налань 42

Нанайцы 54, 83, 91, 379

Нимангу 46

Нюйгу 30. См. также чжурчжэни

Нюйди 30. См. также чжурчжэни
Нюйчжи 20, 29, 30, 51, 360. См.
также чжурчжэни

Нюйчжэнь 20—22, 29, 30, 37, 212,
360. См. также чжурчжэни

Онгуты 123, 210, 332, 336, 339

Полуму 35

Посухо 332

Посули 43

Пуне 43, 69

Пунули 43

Пусань 35, 48

Пуча 35, 42, 43, 45, 47, 53
Пэймань 42

Саньгу 21
Саньчу 21
Саньшибу см. чжурчжэни «30 родов»

Си (хи) 51, 129, 194, 200—202, 295, 299

Синьлоец (силланец) 21

Сумо 19, 24, 30, 33, 361

Сумо мохэ 19, 23, 24, 27, 80, 360, 361

Сумодянь 192

Сунцы 98, 121, 123, 246, 247, 282, 335, 337, 341, 343, 345, 366, 368.

См. также китайцы

Сушэни 19, 20, 21, 23, 24, 87, 91, 360

Сяма 192

Сяньби 4, 356

Сяньчу 332

Тайчжиуты 329, 332

Тангу 142, 143, 192

Тангуты 57, 111, 125, 152, 254, 255, 299, 333—335, 339, 349

Татары (татаь) 32, 123, 256, 300, 329, 331, 332, 336, 339

Теле (деле) 33, 42, 53, 55, 142, 143

Тели 20, 23, 27, 28, 30, 33, 35, 53, 295, 311, 312, 313, 340, 361

Тибетцы 57, 339

Тоба 4, 20

Тугулунь 42

Тудань см. тутань

Тулугу 33, 53

Тунгусо-маньчжуры 4, 5, 358, 379

Гунгусы (южные) 25, 295, 299, 356, 360, 381, 382

Тунмэнь 42

Тутань 47, 53

Туфаньцзы см. тибетцы

Тюрки 299, 356

Тюркюты 4

Уги см. уцзи

Уго 27, 31, 35, 42, 43, 47, 51, 53, 54, 65, 107, 311, 313

Угу 33, 51, 53

Угулунь 35, 47, 48, 53, 55

Удигай 33, 35

Ужэ 27, 31, 33—38, 42, 53, 55, 102, 104, 108, 295, 296, 311—313, 340

Уйгуры 335—339, 356

Улиньда 35, 42, 66

Улугу 192

Усачжа 42

Ута 35, 47

Уцзи (уги) 19, 20, 23, 24, 35, 80, 85, 87, 91, 360

Уянь 35

Фани 21

Фуне 19, 27, 30

Фуюй 26, 33, 73, 84, 87, 89

Ханьго 35, 65

Хаоши 19

Хи см. си

Хуантоу нюйчжэнь см. чжурчжэни желтоголовые

Худунь 192

Хуйба 30, 34, 53. См. также чжурчжэни хуйба

Хэдила 123

Хэдисинь 332

Хэйшуй 19, 22, 24, 80, 102, 340

Хэйшуй мохэ 19, 21—27, 29, 30, 32, 33, 40, 80, 82, 83, 85, 107, 360

Хэланьдянь 48

Хэрэ см. кэрэнты

Хэсугуань см. чжурчжэни хэсугуань, или регистровые

Хэчжу 51, 92

Хэшиле 26, 35, 46—48, 64

Цзиньцы 124, 140, 148, 221, 247, 251, 255, 282, 297, 298, 329, 330, 336, 344, 348, 370

Цзубу 33, 123. См. также татары

Цзюйцзи см. воцзи, воцзюй

Цзягу 35, 55, 92, 95, 104

Цилу 192

Цунтань 52

Цяны 247

Чанбошань 24. См. также чжурчжэни чанбошаньские

Чжаоэрчжи 29. См. также чжурчжэни

Чжидэ 35

Чжули 192

Чжуличжинь 331

Чжуличжэнь 20, 21, 29. См. также чжурчжэни

Чжурчжи 29. См. также чжурчжэни

Чжурчжэни (узловые моменты) 17, 20—25, 27—30, 32, 33, 36,

37, 50, 53, 62, 63, 109, 112, 126, 127, 149, 153, 162, 173, 174, 177, 178, 187, 188, 191, 193—196, 202, 210, 212, 216, 217, 219, 221, 223, 230, 232, 241, 243, 248, 255, 257, 259, 269, 273, 281, 287, 293, 299, 306—309, 312, 313, 316, 319, 322,

329, 338, 339, 345, 354, 358—360, 381, 382
 — восточного моря 22, 23, 33—35, 53
 — восточные 25, 26, 35, 46, 105, 108, 319, 321, 361
 — дикие см. немирные
 — желтоголовые (хуантоу ньючжэнь) 21—23, 34, 53
 — западные 108, 319, 321, 323
 — мирные 19, 22, 23, 33, 34, 38, 41, 51, 66, 76, 85, 86, 88, 90, 92, 98, 316, 361
 — нейтральные 22, 23, 34
 — немирные 20—23, 28, 33, 34, 41, 43, 44, 46, 55, 66, 69, 74, 85, 88, 90, 92, 92—94, 98, 107, 316, 320, 361, 364
 — нецивилизованные см. немирные
 — покорные см. мирные
 — регистровые (хэсугуань) 33, 107, 151, 295
 — северные 321, 323
 — северо-восточные 108, 321, 323
 — северо-западные 108, 321, 323
 — «30 родов» (саньшибу) 23, 26, 33, 34, 37, 38, 102, 104, 107, 108, 316, 340
 — хуйба 21, 23, 33, 34, 38, 39, 95

— хэсугуань (регистровые) 21—29, 51, 53, 85, 89, 107
 — цивилизованные см. мирные
 — чанбошаньские 23, 24, 26, 33, 34
 — ялуские 33, 34, 108

Чжушэнь 29. См. также чжурчжэнь

Чжуху 35, 42

Чжуэрчжи 29. См. также чжурчжэнь.

Чжуэрчэнь 29. См. также чжурчжэнь

Чинхан 84

Чэньхань 21, 23

Шанкэтун 123

Шаньчжикунь 332

Шивэй 20, 21, 30, 33, 51, 74, 82, 85, 92, 295, 366

Ширюй 192

Шуннойчжи см. чжурчжэнь мирные

Шэннуйчжи см. чжурчжэнь немирные

Юйлоу 27, 31

Юэси 27, 31

Японцы 360

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

стратификация. Земельные отношения

Армия см. Вооруженные силы

Арсеналы см. Вооруженные силы

Архив и библиотека см. Учреждения, исполнительные

Ассигнации см. Денежное обращение

Батраки см. Социальная стратификация

Брак 57, 128, 363, 375

Бродяжничество см. Общественные движения

Быки см. Скотоводство. Воны

Буддизм см. Религия

Бюджет см. Казна

Валы см. Оборонительные сооружения

«Варварское государство» см.

Административно-территориальное деление 19—22, 35, 151—153, 161, 162, 165, 168, 170, 171

— военное 127, 162, 171, 178, 299

— гражданское 15, 35, 152—154, 166, 167

Академия см. Учреждения, исполнительные

Акциз

— десять товаров государственной монополии 226, 233, 245, 267, 268

— драгоценные металлы и другие продукты 238—239, 267

Амнистии см. Законы, снятие наказаний

Аренда см. Земельные отношения, наделная система

Арендаторы см. Земельные отношения. Социальная стратификация

Аристократия см. Социальная

Формационная принадлежность.
Родо-племенная власть

Васалитет чжурчжэней 45, 50, 314
— дань и подношения 22, 34, 38, 87, 90, 315
— заложники 45, 46, 315
— конвенция 319

Верховные воеводства см. Административно-территориальное деление, военное

Верховные комиссариаты см. Административно-территориальное деление, военное

Верховный суд см. Учреждения, правительственные

Внешние сношения чжурчжэней и Цзинь

- с Бохаем 23, 26, 32, 122, 319—328, 343, 348, 350, 351, 362
- с Западным Ляо 337
- с Западным Ся 122, 125, 333—335, 350, 351
- с Корё 23, 25, 26, 48, 50, 111, 319—328
- с Ляо 19, 43, 47, 49, 50, 110, 149, 310—312, 313—315, 318, 348
- с монголами 329—331, 349
- с племенами севера 27, 328
- с китайскими государствами (в том числе с Сун) 19—22, 25, 29, 32, 37, 38, 98, 110, 116—120, 125, 149, 339—343, 344, 348, 350, 351
- с татарами 313, 332
- с уйгурами 335—336, 343
- динамика сношений 310—313, 321—322, 340
- дипломатическая теория и практика 314, 315, 320, 328, 334, 337, 347, 348, 350
- посредничество Цзинь 328, 338
- стимулы сношений
  - культурные 26, 315, 323, 327, 338, 347, 348
  - политические 315, 318, 322, 327, 336, 347
  - торгово-хозяйственные 316, 319, 322, 327, 347, 348
  - этнические 317, 336
  - этногеографические 315, 316, 324

Военная администрация см. Вооруженные силы. Учреждения

Военная демократия см. Формационная принадлежность. Племенной коллектив

Военные поселения см. Вооруженные силы. Мэнъянь и моукэ

Военный совет см. Учреждения, правительственные

Военнопленные см. Войны. Рабовладение, порабощение

Вожди см. Родо-племенная власть

Войны чжурчжэней и Цзинь

- с Корё 35, 36, 39, 48, 50, 79, 80, 210, 321
- с Ляо 19—22, 29, 33, 36, 37, 49, 50, 80, 109—111, 210, 298, 310, 311, 314, 315, 365
- с монголами 118, 123—125, 210, 211, 329, 330, 333, 345
- с Си Ся 333—335
- с соседними племенами 41, 42, 45—47, 84, 109
- с Сун 113—117, 120—123, 194, 232, 306, 342—349, 366
- с Тубот 339
- с Японией 106, 328
- контрибуции 257, 343, 346
- территориальные приобретения 110, 111, 113, 114, 342
- трофеи 105, 109, 232, 257, 273

Воловьёв упряжки см. Земледелие. Налоги

Волы 134, 136, 225, 288, 368, См. также Скотоводство

Вооружение

- оружие индивидуальное 75, 76, 79, 92, 93, 206
- оружие метательное и огневое 206, 207
- суда военные 48, 96, 120, 121, 211

Вооруженные силы

- военная доктрина 77, 78, 191, 208, 210—212
- дисциплина воинская 58, 59
- категории войск 56, 57, 59, 64, 75, 79, 80, 119, 192, 194, 196, 197, 200, 201, 206, 212, 218, 364
- комплектование и обучение войск 85, 120, 192—196, 205
- национальный состав войск
  - бохайские 192, 197
  - киданьские 119, 194
  - китайские 119, 194, 197, 200, 201, 306
  - си 194, 200, 201
  - чжурчжэньские 119, 192
- род войск 77, 78, 85, 197
- содержание войск 198—205, 228, 275—277
- структура воинских частей 198, 200—203

- численность 79, 80, 191, 195, 196, 198
- Восстания см. Общественные движения
- Выкуп см. Законы, снятие наказаний
- Гвардия 206
  - См. также Вооруженные силы, категории войск
- Генерал-губернаторства см. Учреждения, местные
- Годовой доход см. Казна
- Горное дело 233
  - добыча и плавка металла 89—93, 233—240
  - отношение государства 122, 233—237, 239
- Города 33, 36, 107, 108, 292, 293, 363
  - См. Оборонительные сооружения, крепости. Поселки. Столицы
- Государства см. Указатель географических названий
- Государственная собственность на землю см. Земельные отношения
- Государственность 49, 50, 56, 57, 62, 70, 104
  - после краха Цзинь 378, 379
- Государственные амбары см. Казна, бюджет
- Государственные закупки хлеба см. Казна, бюджет
- Государственные табуны см. Скотоводство, государственное
- Государственный совет см. Учреждения, правительственные
- Гражданские губернаторства см. Учреждения, местные
- Границы Цзинь 123, 161, 162, 326, 329, 330, 332, 341—344, карты
- Губернии см. Административно-территориальное деление, гражданское
- Дань см. Вассалитет чжурчженей. Сюзеренитет Цзинь
- Даосизм см. Религия
- Дворы см. Социальная стратификация, в том числе цзиньская
- Денежное обращение 122
  - бумажные деньги
    - ассигнации и кредитки 120, 279, 280, 284
    - паритет 244, 280
    - печатные дворы 120
  - инфляция 146, 244, 266, 280, 284
- медные монеты 120, 236, 278—280
  - использование нецзиньской монеты 103, 244, 279, 280, 284
  - монетные дворы и отливка 235, 283
  - нехватка меди и монеты 244, 278, 280—282, 284
  - обесценение монет 283
  - сокрытие монет 244, 280—283
  - утечка монет за рубеж 250, 252, 281—283
- серебряные монеты 239, 279
- серебряные слитки 279, 280
- теория денег 278, 281, 283, 284
- См. также Средства обмена
- «Десятитысячники» см. Родо-племенная власть
- «Десять смертных грехов» см. Законы
- Дефицит см. Казна, бюджет. Торговля, внешняя. Денежное обращение, утечка
- Династии см. Указатель географических названий
- Договоры Цзинь
  - с Корё 326, 350
  - с монголами 118, 329, 330
  - с Си Ся 111, 125, 332, 335, 349
  - с Сун 113, 116, 117, 122, 123, 125, 342—345
- Дороги 106
  - в Китае 287—291, 293
  - в Маньчжурии 36, 47, 50, 107, 291—294
  - водные 107, 287, 290, 293, 294
  - сухопутные 47, 107, 108, 287, 288, 291—293
- Дружина 79—80
  - См. также Вооруженные силы
- Дуализм общины см. Община
- Дуализм управления см. Управление
- Жалованье см. Вооруженные силы, содержание войск. Чиновники
- Железо см. Горное дело. Ремесло
- Жемчуг см. Промыслы
- Женьшень см. Промыслы, лекарственное сырье
- Законы 41, 70, 71, 74, 110, 178—191

- кодексы законов 49, 120, 122, 123, 179, 180, 187, 188
- подсудность 72, 189
- право обычное 61, 71, 178—179, 191, 364
- кровная месть 40, 71, 179
- преступления государственных и служебные 73
- преступления имущественные 61, 72, 74, 178, 179, 182, 364
- преступления против личности 72, 73, 178, 364
- система наказаний 61, 71, 73, 87, 179, 182—184, 363, 364
- снятие наказаний 72, 121, 179, 184, 185, 190
- суд 186, 187
- Звания см. Родо-племенная власть.
- Чиновники
- Земельные отношения
  - аграрная политика 122, 128, 213—215, 218, 224, 226, 229, 231, 372
  - государственная собственность на землю 149, 215, 247, 258, 371, 372
  - изъятие земель государством у китайцев 148, 216, 226, 229, 230, 266, 377.
  - национализация земли 129, 138, 139, 215, 216
  - землепользование казенное
    - надельная система 129, 130, 134, 136, 150, 216, 220, 228, 229, 232, 372
    - наделы
    - нечжурчжэней 216, 226, 330
    - чжурчжэней 134, 135, 217—219, 226, 227, 330, 372
    - чиновников 129, 219
  - землепользование частное
    - крестьянское 215, 216
    - монастырское 216
    - помещичье 134, 149, 219, 224, 229, 230, 377
    - захват пашен феодалам 128, 230—232
    - рента феодальная 128—130
    - чжурчжэньское 128, 150, 208, 219, 224, 229, 377
  - целина и ее использование 219, 220
  - кризис в землепользовании
    - заброшенные поля 147, 219, 226, 228, 230
    - купля-продажа земли 219, 220, 230
    - обезземеливание хлебопашцев 135, 136, 148, 224
    - стихийные бедствия 145, 221, 222, 230, 260
- Земледелие 26, 40, 41, 50, 56, 80, 81, 84, 85, 90, 213, 356, 363
  - агротехника 221, 222, 227
  - земледелие мотыжное 80, 363
  - земледелие плужное 80, 81, 85, 224, 355, 362
  - ярмо воловьё 80, 85, 91, 130, 224
  - земледельческие орудия 80, 85, 86, 91, 130, 224
  - злаки 80, 84, 85, 224, 226, 363
  - огородничество 81, 86
  - подъем целины 216, 218, 226, 228, 230
  - происхождение земледелия 84
  - садоводство 86, 224
  - технические культуры 88, 93, 223, 224
- Знать см. Родо-племенная власть
- Социальная стратификация
- Золото см. Горное дело. Промыслы
- Императорский двор и его учреждения 161, 164
- Императорский клан 126, 127
  - генеалогия рода ваньянь 20, 22, 28, 31, 40, 42, 361
  - царский род 50, 61—64
- Иньвеститура см. Сюзеренитет
- Цзинь
- Инфляция см. Денежное обращение
- Ирригация 220, 226
- Казенные земли и наделы см. Земельные отношения
- Казенные мастерские см. Ремесло.
- Учреждения, местные
- Казна
  - бюджет Цзинь 257—275, 277, 278, 285
  - государственный годовой доход 286, 287
  - племенная 104, 105
- Казни см. Законы, система наказаний
- Калым см. Семья
- Кан 376
- «Квадратно-гнездовой посев» см. Земледелие, агротехника
- Керамика см. Ремесло

Китаецентризм 3—5, 350, 353, 354, 358, 369

— теория аккультурации чжурчжэней китайцами 4, 307, 353, 354, 358, 376

— теория ассимиляции чжурчжэней китайцами 4, 307, 353, 355, 376

— теория варварского застенного мира 4, 353, 368

«Клятвенное письмо» см. Сюзеренитет Цзинь

Книги 249, 346

Комендатуры см. Учреждения, местные

Кони 86, 95—97, 99, 100, 102, 288
См. также Скотоводство

Конница см. Вооруженные силы, род войск

Контрабанда см. Обмен

Контрибуции см. Войны. Казна

Конфуцианство 358, 368, 369

Кочевание см. Образ жизни

Крепости см. Оборонительные сооружения

Крепостные см. Социальная стратификация

Кризис в Сун 113, 117, 341, 368—370

Кровная месть 40, 71, 179
См. также Законы

Культура Цзинь 295, 363, 364, 372—374, 382

— внешние воздействия 297, 303, 307, 315, 316, 320, 347, 348, 353, 357, 361, 374—376

— государственная культурная политика 122, 123, 305—308, 375, 376

— культурная самобытность 372, 373, 376

— судьба цзиньской культуры 307, 308, 376, 377, 379

— южно-сунская культурная политика 30, 376

Латники см. Вооруженные силы, род войск

Лекарства см. Промыслы. Торговля, предметы обмена

Летописание 9, 10, 12, 160

Лицензии см. Торговля

Медь см. Горное дело. Денежное обращение

Методология

— зарубежная 3—5, 16—18, 353, 354, 356—358, 369

— советская 16, 17, 354—362, 367, 368, 378—380

Меха см. Охота. Промыслы. Торговля, предметы обмена

Министерства см. Учреждения, исполнительные

Многоукладность см. Формационная принадлежность. Хозяйство.

Земельные отношения

Монархия см. Формационная принадлежность

Монеты см. Денежное обращение

Моукэ см. Мэнъянь и моукэ

Мэнъянь и моукэ нечжурчжэньские 118, 121, 130, 131, 151, 191, 192, 301

Мэнъянь и моукэ у чжурчжэней 135

— главы 130, 132, 169

— община 131, 135, 136, 148, 193, 224, 377

— происхождение 55—57, 63, 75, 76, 130

— реформа 131, 135, 136

— структура 76, 130—134, 142, 169, 218

— численность 56, 76, 131, 196

См. также Родо-племенная власть. Земельные отношения.

Вооруженные силы. Социальная стратификация. Учреждения, местные

Мятежи см. Общественные движения

Наделы см. Земельные отношения

Наемники 193

См. также Вооруженные силы, комплектование

Наказания см. Законы

Налогообложение 105, 122, 128, 134, 146, 257—267, 364

— налог военный 266, 267

— » на волов 134, 226, 259, 260, 372

— налог на имущество 122, 262—266, 372

— налог торговый 245, 269

— налоги и подати поземельные 258, 259, 263, 366

— налоги прочие 239, 260, 262, 266, 267, 269, 276, 291

— налогоплательщики 258, 262

— недоимки 266

— освобождение 121, 129, 222—223, 226, 227, 261, 262

— перепись имущества 122, 265

— повинность трудовая 278

- ревизии-переписи 122, 123, 216, 218, 226, 265
- сбор налогов 259—261, 266
- ставки налогов и податей 258, 259, 264
- Наместники см. Родо-племенная власть
- Народные земли см. Земельные отношения, землепользование крестьянское
- Население
  - возрастные разряды 140
  - национальный состав 295
  - прирост 132, 147, 148
  - списки 22, 216, 225, 265
  - численность 21, 22, 147, 148
- Наука 373
- Национальная политика Цзинь 148, 295, 304, 306—309, 382
  - в отношении бохайцев 296—298, 309
  - в отношении киданей 298—303, 309
  - в отношении китайцев 303—309
    - в отношении яньцев 299, 303, 307
  - в отношении монголов 309
  - » » си (хи) 299
  - » » тангутов 334, 335
  - » » тунгусов 296
- Облавы см. Охота
- Области см. Административно-территориальное деление, гражданское
- Обмен
  - государственный 98, 99, 245, 248, 256
  - денежный 101
  - контрабандный 245, 248, 250—252, 256
  - морской 97, 98, 246, 247
  - натуральный 101, 103, 363
  - оптовый 102, 103, 245
  - племенной 103, 105
  - посольский 95, 97, 102, 103, 253, 254
  - профессиональный 102, 103
  - речной 251
  - сухопутный 95—97, 246
  - частный 248, 256
- См. также Торговля. Средства обмена
- Оборонительные сооружения 207—212
  - валы 39, 77, 111, 123, 209, 210, 325, 330, 334
  - крепости 47—49, 78, 98, 111, 207—209, 285, 330, 334
- Образ жизни
  - кочевание 54, 80, 90, 210, 354, 356
  - оседлость 80, 81, 90, 106, 210, 354
  - полукочевание 40, 54, 81, 90, 106
- Образование 372
- Общеплеменной союз см. Формационная принадлежность
- Общественные движения
  - бродяжничество 73, 134, 146, 213, 225
  - заговоры и мятежи знати
    - бохайской 297
    - киданьской 115, 124, 299, 300, 302, 303
    - китайской 124
    - чжурчжэньской 115, 119, 121, 124
  - крестьянские восстания 66, 67, 114, 120
  - народные восстания 66, 67, 114, 120
    - бохайцев 109, 297
    - киданей 120, 121, 145, 194, 213, 300, 301
    - китайцев 114, 117, 120
  - переселения 21—23, 28, 35, 40, 42, 49, 54, 130—134, 136, 139, 229
  - повстанческое движение 114, 115, 117
  - уход за рубеж 59, 136
  - эмиграция политическая 326, 346
- Община 55, 61, 63, 129, 133, 134, 150, 357, 358
  - дуализм общины 59, 136
  - община домовая (семейная) 54, 59, 130, 364
  - община сельская (соседская, территориальная) 54, 56, 132, 365
- См. также Мэнъянь и моукэ
- Обычное право см. Законы
- Огородничество см. Земледелие
- Округа см. Административно-территориальное деление
- Ополчения см. Вооруженные силы
- Органы власти см. Родо-племенная власть. Учреждения
- Оседлость см. Образ жизни
- Офицерство 200, 201, 203
  - См. также Вооруженные силы, содержание, структура
- Охота 54, 56, 81, 84, 89, 90, 356

- на соколов 83, 91, 99
- облавная 82, 91, 221
- пушная 82, 91, 96, 98, 99, 100

- Падение империи Цзинь** 70, 125
  - причины краха 192, 212, 309, 353, 378, 380, 381
  - чжурчжэньское общество после падения Цзинь 353, 378—379
- Партизаны** см. Общественные движения, крестьянские, повстанческие
- Партии войны и мира в Сун** см. Конфуцианство. Кризис в Сун
- Пастбища** см. Скотоводство
- Патриархат** 54, 59, 74, 79, 364
  - См. также Формационная принадлежность
- Пеня** см. Законы, наказания
- Перемирия** см. Войны. Внешние сношения. Договоры
- Переписи** см. Налоги. Население
- Переселения** см. Общественные движения
- Письменность** 19, 41, 357, 372
  - киданьская 299, 315, 357, 372
  - китайская 96—97, 307, 315, 357
  - чжурчжэньская 110, 119, 357, 372, 379
- Племенной коллектив** 51—54, 107, 137
  - боевое товарищество 58, 64, 78, 79
  - принятие в род 20, 40, 44
  - равенство сочленов 58, 64
  - сходки 58, 65, 78, 137
- Плуги** см. Земледелие, земледельческие орудия
- Повстанцы** см. Общественные движения
- Подать поземельная** см. Налоги
- Полиция** см. Учреждения, местные
- Помещики** см. Социальная стратификация. Земельные отношения
- Порабощение** см. Рабовладение. Социальная стратификация
- Поселки** 42, 44, 47, 55, 78, 363
- Пошлины** см. Торговля
- Право** см. Законы
- Преступления** см. Законы
- Прокуратура** см. Учреждения, исполнительные
- Промысел** 225, 226
  - лекарственное сырье 81, 82, 88, 89, 91, 100
  - мед и воск 88, 91, 100
  - металлы, минералы, жемчуг 84, 89—93, 99—101
- Просо** см. Земледелие, злаки
- Простолюдины** см. Социальная стратификация
- Пятидворки** см. Социальная стратификация, формы организации

- Рабовладение** 60, 63, 99, 368, 371
  - казенное 141
  - частное 130, 141
    - общинное 63, 141, 142
    - индивидуальное 130, 143
  - купля-продажа рабов 143, 144, 225
  - освобождение рабов 143—145
  - положение рабов 61, 63, 143
  - порабощение 60, 61, 71, 73, 74, 141, 145, 225
  - роль рабов 61, 135, 144, 145
  - число рабов 142—144
  - См. также Формационная принадлежность
- Ранне-феодалное государство** см. Формационная принадлежность
- Расселение**, чжурчжэней 19—22, 25, 32, 34, 35
- Рекруты** 135
  - См. также Вооруженные силы, комплектование
- Религия**
  - буддизм 30, 235, 375, 377
  - даосизм 235, 375, 377
  - традиционные верования 59, 363, 375
- Ремесло** 55, 59, 91—94, 106, 232—243, 324, 363
  - виды ремесла
    - городское 150, 233
    - домашнее 91, 94, 150, 241, 243
    - казенное 237, 240, 241, 243
    - профессиональное 59, 91, 94
    - специализированное 94, 237, 363
    - товарное 94, 232, 243
    - частное 240, 245
  - отрасли ремесла
    - железодельное 51, 91—94, 99, 237, 238, 323, 324, 362
    - керамическое 240, 241
    - ткацкое 81, 93, 94, 99, 100, 241—243, 324
  - См. также Горное дело

Рента см. Земельные отношения
 Рис см. Земледелие, злаки
 Родо-племенная власть
 — вожди общеплеменные 41, 46, 49, 63, 65, 69, 70
 — вожди родо-племенные 41, 56, 63—65, 69, 70
 — звания 19, 20, 43—46, 49, 50, 60, 63—65, 67—70
 — порядок назначения 43—45, 59, 63, 65—67, 74
 — система боцзиле 70, 74, 130, 150, 152, 154, 168, 169, 177
 — старейшины 21, 60, 66, 70
 См. также Мэнъянь и моукэ
 Ростовщичество 222, 230—231
 Рудники см. Горное дело
 Рыболовство 56, 81, 83, 84, 90, 356
 Рынки см. Торговля
 Рыночный сбор см. Торговля внутренняя. Налогообложение
 Семья 132, 136, 226, 364, 375
 Серебро см. Горное дело. Промыслы. Денежное обращение.
 Средства обмена. Торговля
 Система боцзиле см. Родо-племенная власть
 Скотоводство 54, 84—86, 90, 356, 363
 — государственное 95, 198, 199, 221, 224, 225. См. также Учреждения, местные
 — разведение коней 81, 86, 225
 — » крупного рогатого скота 86, 87, 99, 100, 120, 130, 225
 — разведение мелкого скота 87, 100, 225
 Следственно-полицейские власти см. Учреждения, местные
 Служащие 172, 173, 176, 177
 Соболи см. Охота. Промысел
 Собственность
 — государственная, 233—235, 239
 — личная 54, 134, 239
 — общинная 54, 58, 134
 — семейная 58
 — частная 54, 234
 См. также Земельные отношения. Ремесло
 Советники см. Чиновники
 «Соколиная дорога» 43, 45, 83, 107, 108
 Соколы см. Охота
 Солдаты см. Вооруженные силы, структура

Соль см. Акциз. Промыслы. Торговля
 Сородичи см. Социальная стратификация. Племенной коллектив
 «Сотня», «сотник» см. Мэнъянь и моукэ. Вооруженные силы
 Социальная стратификация 49, 52, 55, 130
 — расслоение имущественное 59, 60, 134, 224
 — расслоение социальное 59—61, 134, 224
 — социальные группы
 — аристократия 60, 64, 119, 126—130, 132, 150, 168
 — батраки 140, 231
 — казенные арендаторы — китайцы 138
 — чжурчжэни 130, 133—136, 138, 150
 — крепостные 138, 139
 — поместные китайские феодалы 129, 149
 — простолюдины-китайцы 137
 — рабы 63, 140—145
 — родовая знать 59, 60, 134, 169
 — рядовые сородичи 58, 64
 — служилое чиновничество 119, 128, 170—174
 — царский и императорский клан 60, 64, 69, 126—128
 — члены мэнъянь и моукэ 55—57, 129, 130
 — формы организации простолюдинов
 — запись в генеральный реестр 137, 138, 140
 — прикрепление к земле 138, 139, 231
 — пятидворки 140, 155
 — цзиньская стратификация простолюдинов 137, 138
 См. также Родо-племенная власть. Чиновники. Мэнъянь и моукэ
 Средства обмена
 — денежные 103, 250
 См. также Денежное обращение
 — натуральные 103, 243—245
 Столицы
 — перенос столиц 119, 124
 — система столиц Цзинь 119, 124, 131, 145, 157, 162, 165, 167, 168, 171, 174, 213, 228, 242, 245, 268, 271, 274, 293, 307

— столицы других государств 19, 110, 111, 121, 151, 213

Субаренда см. Земельные отношения

Суд см. Законы. Учреждения, правительственные

Сюзеренитет Цзинь

- вассалитет Корё 326, 348
- » Си Ся 111, 333, 348
- вассалитет Сун 116—118, 343, 348
- формы сюзеренитета
  - дань 116, 124, 269, 270, 334, 343, 346
  - дипломатический статут вассалов 326, 327, 343
  - изъятие деятелей культуры и управления 347
  - инвестирута 327, 334, 335, 343, 344
  - «клятвенное письмо» 326, 342
  - сюзеренитет «родственный» 326, 335, 343—345, 348

Тайный совет см. Учреждения, правительственные

Таможни см. Торговля, рынки. Обмен, государственный

Ткани см. Ремесло. Торговля, предметы обмена

Товары см. Торговля, предметы обмена

Торговля

- внешняя 95—104, 250
- запреты 96, 98, 248—252, 254
- лицензии и пошлины 95, 245, 248, 269
- предметы обмена 86, 89, 92, 95—101, 246, 248—251, 253, 255, 256
- раздел Китая и внешняя торговля 248, 250, 253, 256
- рынки на таможнях 95, 120, 122, 246—248, 251, 256, 257, 342
- торговля чжурчжэней и Цзинь
  - с Корё 39, 89, 92, 96, 97, 100—102, 254
  - с Ляо 49, 50, 92, 95, 96, 100—102
  - с Си Ся 254—256
  - с Сун 86, 97, 100—102, 246—253

- внутренняя 94, 95, 103, 243, 245, 248

Транспорт

- морской 106, 288
- речной 106, 253, 288—290
- сухопутный 106, 228, 290, 291
- тарифы и организация перевозок 290, 291

См. также Учреждения, местные

Трофеи см. Войны. Казна

Трудовая повинность см. Налогообложение

Тутовые деревья см. Земледелие, технические культуры

Тырский памятник 379

«Тысяча», «тысячник» см. Мэнъянь и моукэ. Вооруженные силы, структура

Тягловые см. Налогообложение. Население, возрастные разряды

Уезды см. Административно-территориальное деление, гражданское

«Указ о перемене обычаев» см. Культура Цзинь, государственная культурная политика

Университет см. Образование. Учреждения, исполнительные

Управление 177

- дуализм управления 150, 152, 153, 156, 157, 257, 303, 304, 306, 357, 371
- единое управление 154, 157, 177, 306, 371
- смешанное управление 152, 155
- управление «китайцами руками китайцев» 178, 303
- управление при помощи мэнъянь и моукэ 132, 151—156, 167, 169, 178

Управление солдатами и конями см. Учреждения, местные

Ученые степени см. Чиновники, экзаменационная система

Учреждения 110, 177

- местные 123, 153, 155, 156, 158, 161, 165—167
- центральные 163
- исполнительные 127, 155, 158—161, 172
- консультативные 154, 155, 158
- правительственные 118, 119, 127, 152—155, 157—160, 171, 177

Феодализм см. Формационная принадлежность

Феодалы см. Социальная стратификация. Земельные отношения

Формационная принадлежность

— «варварское государство» 49, 62—64, 364, 365, 371

— «военная демократия» 57, 63, 69, 364

— многоукладность 63, 64, 365, 371

— общеплеменной союз 62, 148, 149, 362, 364

— патриархально-родовой строй 51—54, 62, 63, 126, 149

— рабовладение как уклад 60, 61, 140, 148, 149, 365

— ранне-феодалное государство 63, 64, 148, 149, 365, 371

— централизованная феодальная монархия 126, 148—150, 370, 371

Хлопчатник см. Земледелие, технические культуры. Ремесло, ткацкое

Хозяйство 90, 354

— денежное 134, 279, 285

— натуральное 90, 150, 273, 285

— простое товарное 90, 103, 104, 243, 244, 363

— товарное 134, 149, 150, 256, 273

Храмы см. Религия. Земледелие, монастырское

Царский род см. Родо-племенная власть. Императорский клан. Социальная стратификация

Целина см. Земельные отношения. Земледелие

Цензорат см. Учреждения, правительственные

Цены 223, 237, 244, 245

— государственный контроль 267, 273—275

— рост цен 146, 280, 284, 285

Чай см. Акциз. Земледелие. Торговля

Чиновники 368

— жалование 122, 169, 175, 176, 224, 275

— назначение чиновников 168, 170, 172, 174

— национальный состав 122, 172, 173, 177

— бохайцы 151, 154, 172, 296, 297

— кидани 129, 154, 172, 298, 299

— китайцы 151, 154, 172, 306

— чжурчжэни 128, 129, 170, 172, 173, 306

— отдельные чиновники 118, 151, 159

— система чинов и рангов 119, 120, 154, 156, 168—172

— социальный состав 128, 171

— статус 173—177

— экзаменационная система 122, 174, 175

Шаманизм см. Религия, традиционная

Шаосинский договор см. Договоры, с Сун

Шелк см. Ремесло. Торговля

Шелководство 88, 93, 242

См. также Земледелие

Школы см. Образование

Экзаменационная система см. Чиновники

Экзогамия, эндогамия см. Брак

Экономические теории 239, 273, 276

— борьба с расточительством 134, 214, 215, 225, 277

Эмиграция см. Общественные движения

Этногенез 5, 18—31, 307, 359—361, 367—368, 371—374, 379, 380

Этнос

— бохайский 296

— киданьский 303, 307

— китайский 304, 307, 308, 353, 359, 370

— чжурчжэньский 307, 317, 360—362, 366, 370, 371, 374, 379

— стойкость 376, 377, 379

— судьба после краха Цзинь 378, 379

Язык 28

— киданьский 297, 299, 300, 302

— китайский 187, 296, 297, 376, 378

— чжурчжэньский 187, 296, 372, 376

Ячмень см. Земледелие, злаки

Предисловие	3
Глава I. Чжурчжэни до 1115 г.	19
Происхождение чжурчжэней	19
Политическая история	31
Социальный строй	51
Формирование органов власти	65
Зарождение аппарата управления	65
Право	71
Военное дело	75
Хозяйство	80
Сельское хозяйство и промыслы	80
Ремесло	91
Торговля	94
Финансы	104
Средства и пути сообщения	106
Глава II. Государство Цзинь (1115—1234)	109
Политическая история	109
Общественные отношения	126
Государство	150
Аппарат управления	150
Право	178
Военное дело	191
Экономика	212
Сельское хозяйство	212
Ремесло	232
Торговля	243
Финансы и деньги	257
Средства и пути сообщения	267
Глава III. Чжурчжэни и другие народы	295
Этнические отношения в государстве Цзинь	295
Чжурчжэни и окружающий мир	309
Заключение	353
Генеалогическая таблица правителей и императоров из дома Ваньянь	383
Список библиографических сокращений	384
Библиография	386
Синхронистическая таблица	400
Некоторые современные величины длины, площади и веса в Китае	422
Указатель имен	423
Указатель географических названий	427
Указатель этнических и родовых названий	434
Предметный указатель	436

CONTENTS

Preface	3
<i>Part 1. Jurchen before 1115</i>	19
Origin of the Jurchen	19
Political Story	31
Social Organization	51
Formation of the Government Bodies	65
Origin of the Administration	65
Common Law	71
Military	75
Economy	80
Agriculture and Domestic Craft	80
Handicraft	91
Trade	94
Finances	104
Means and Ways of Communication	106
<i>Part 2. State of Chin (1115—1234)</i>	109
Political Story	109
Social Relations	126
Statehood	150
Government Organization	150
Law	178
Military	191
Economy	212
Agriculture	212
Handicraft	232
Trade	243
Finances and Money	257
Means and Ways of Communication	287
<i>Part 3. Jurchen and Other Peoples</i>	295
Ethnic Relations in the Empire of Chin	295
Jurchen and the World Around	309
Conclusion	353
Genealogical Table of Rulers and Emperors of the House of Wanyen	383
List of Bibliographical Abbreviation	384

Bibliography	386
Synchronistic Table	400
Some Modern Measures of Length, Area and Weight in China . .	422
Name Index	423
Geographical Index	427
Ethnic Index	434
Subject Index	436

Михаил Васильевич Воробьев
Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.— 1234 г.)

Исторический очерк

*Утверждено к печати Ленинградским отделением Института востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *О. Л. Горбунова*. Младший редактор *Р. Г. Селиванова*.
Художник *А. Гольдман*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический
редактор *С. В. Цветкова*. Корректоры *Л. И. Письман* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 8/VII 1974 г. Подписано к печати 3/IX 1975 г. А-12728
Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 2. Печ. л. 28+0,25 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 30,27. Тираж 2800 экз.
Изд. № 3452 Зак. 3057. Цена 3 р. 24 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Московская типография № 13 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 107005, Москва Б-5, Денисовский пер., 30
Отпечатано во 2-ой типографии издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10